

ЮЛИЯ
ПОСПЕШНАЯ

КРАСНЫЕ

НИТИ

Дети бесследно исчезают, и гибнут от рук серийного убийцы, по кличке «Сумеречный портной». Он обожает облачать жертв в платья собственноручной вышивки. И питает любовь к красным нитям, которыми оплетает своих жертв. Никто не в силах остановить его. «Портной» кажется неуловимым. Беспросветный ужас захлестывает столицу и окрестности. Четыре года спустя, за убийства «Портного» пред судом предстаёт один из богатейших банкиров страны. Он попался на не удачном покушении на убийство своей молодой любовницы. Но, настоящий ли убийца предстал перед судом? Что произошло с раненой той ночью девушкой? Кто пытается помешать родным банкира освободить его? Ответы на эти вопросы спутаны и переплетены **КРАСНЫМИ НИТЯМИ...**

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Стайка разноцветных рыбок в зеленоватой воде аквариума с жадностью набросилась на корм.

— Извините, — темноволосая женщина в деловом костюме отряхнула руки от корма и села обратно в своё кресло. — Просто, я уже два дня их не кормила.

— Ничего, — скупно улыбнулась Вероника. — Я понимаю.

— Продолжим? — темноволосая женщина в костюме взяла следующую папку.

— Конечно, — отозвалась Лазовская.

Взгляд сапфировых глаз коснулся папки в руке темноволосой женщины.

— Помните это дело? — спросила хозяйка кабинета.

— Да, — с грустью кивнула Вероника. — Это дело я помню особенно хорошо.

— Потому что преступник убивал детей? — понимающе кивнула темноволосая женщина.

— Поэтому тоже, — отведя взгляд, тихо проговорила девушка с платиновыми волосами.

— Чем ещё запомнилось дело «Сумеречного портного»? — с любопытством спросила женщина в деловом костюме.

Вероника пару секунд смотрела на аквариум, где несколько барбусов с аппетитом поглощали лакомство.

— Вероника, чем ещё запомнилось это дело? — требовательно спросила темноволосая.

Взгляд сапфировых глаз обратился на неё. Хозяйка кабинета заместителя прокурора Москвы почувствовала себя неловко под этим пронизательным лучистым взглядом.

— Тем, что настоящим убийцей оказался вовсе не тот, кто должен был, — тихо ответила Лазовская.

Эпизод первый

Четыре года назад...

ВНИМАНИЕ! НОВОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Пятница, 4 августа.

Алена Крупницкая, семи лет, вчера возвращалась от подружки, но домой так и не дошла. Есть подозрения, что ребенок стал очередной жертвой серийного убийцы по прозвищу «Сумеречный портной». Последний раз девочку видели возле дома подруги. Сама Алёна жила всего лишь через дорогу в десяти минутах ходьбы. В день исчезновения Алёна была одета в джинсовую куртку, голубую футболку и белые шорты. У девочки темные волосы и зеленые глаза. Всем, кто мог видеть Алёну, просьба позвонить по телефону...

Вытяжка из новостного портала «Московский Курьер».

И СНОВА ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО РЕБЁНКА!

Пятница, 12 августа.

Сегодня в полицию обратились люди, которые нашли тело пропавшей восемь дней назад семилетней Алены Крупницкой. Девочку нашли подвешенной на красных нитях. Она была одета в зеленое платье в горошек. На её глаза были пришиты пуговицы, рот сшит черной ниткой...

Вырезка из газеты «Русский корреспондент».

ВНИМАНИЕ! СРОЧНО! ИСЧЕЗЛИ ДВЕ ДЕВОЧКИ!

Вторник, 11 сентября

Валентина Лымарева и Ксения Кононенко, шести и семи лет, соответственно. Девочки играли возле школы на перемене и не вернулись на урок. Валентина Лымарева была одета в голубую куртку с котятками и оранжевую шапку с острыми ушками. У Валентины русые волосы, зеленые глаза и веснушки на лице. Ксения Кононенко в тот день была одета в фиолетовую куртку, белую шапку с помпоном и белые кроссовки. У Ксении каштановые волосы и серые глаза. Огромная просьба всем, кто имеет хоть какое-то представление о месте нахождения девочек, сообщить родителям по телефону...

Вытяжка из новостного портала «Московский Курьер».

СТРАШНАЯ НАХОДКА! НОВЫЕ ЖЕРТВЫ СЕРИЙНОГО ДЕТОУБИЙЦЫ

Среда, 22 сентября

Вчера в одном из столичных парков были обнаружены тела пропавших неделю назад Валентины Лымаревой и Ксении Кононенко. Тела девочек, одетые в зеленые платья в горошек, были подвешены на дереве на десятках красных нитей...

Вырезка из газеты «Русский корреспондент».

ВНИМАНИЕ! ПРОПАЛ РЕБЁНОК!

Четверг, 16 октября

Валерия Одинцова, восемь лет. Возвращалась одна из школы, но до дома не дошла. Родители заявили в полицию. Поиски продолжаются.

В день исчезновения Валерия была в желтой куртке с капюшоном и серых джинсах с цветочками. У девочки голубые глаза и светло-русые волосы. Всем, кто обладает хоть какой-либо информацией о местонахождении Валерии, огромная просьба связаться с семьёй Одинцовых по телефону...

Вытяжка из новостного портала «Московский Курьер».

ВНИМАНИЕ! ПРОПАЛ РЕБЁНОК!

Вторник, 22 октября

Раиса Павлова, шесть лет. Вышла гулять с подружками и не вернулась домой. Мать девочки заявила в полицию, однако на сегодняшний день поиски всё ещё продолжаются. В последний раз Рая вышла из дома в фиолетовой куртке, белой шапке и голубых джинсах. У Раи каштановые волосы и серо-зеленые глаза.

Всем, кто может обладать какой-либо информацией о местонахождении ребёнка, просьба связаться с матерью Раисы по телефону...

Вырезка из газеты «Русский корреспондент».

СРОЧНЫЕ НОВОСТИ!

Пятница, 25 октября

После заставки новостной программы на экране появилась студия с темноволосой ведущей новостей.

— Здравствуйте, уважаемые зрители. Срочные новости пришли сегодня из села Немчиновка. Местные жители обнаружили в дремучей чаще ближайшего к селу леса тела двух ранее пропавших детей. С подробностями моя коллега Дарья Сычова.

Вместо студии на экране появились деревенские дома, узкие асфальтированные дороги, фонари и деревья. Голос за кадром продолжил.

— Несколько жителей села Немчиновка, что находится совсем рядом с Москвой, сегодня утром по своему обыкновению вышли собрать обильно растущие в местных лесах грибы. Однако вместо искомых груздей и боровиков группа жителей наткнулась на нечто, что повергло их в шок.

Теперь на экране показались раскидистые деревья, возвышающиеся над засыпанной пожелтевшими листьями узкой тропой. Темные стволы и ветви выглядели так, словно норовили сдавить, сжать и закрыть собой неприметную лесную тропу. В сизых, туманных сумерках мрачный, тёмный лес внушал угрозу и вызывал стойкое чувство опасности. Лес выглядел враждебно и зловеще. Заволакивающий деревья и сырую осеннюю землю густой, текучий туман наталкивал на мысли о некоей ужасающей тайне, что скрывается в чаще леса за туманом и древесными кронами. О тайне, которой лес не хочет делиться с людьми, о пугающем и мрачном секрете, который тихий осенний лес жаждет сохранить от внимания вездесущих людей.

— Нашей группе разрешили съемки с места преступления, — снова послышался голос Дарьи Сычовой. — Однако прежде, чем мы покажем то, что нашли грибники, у нас будет убедительная просьба. Пожалуйста! Очень просим вас, убрать детей от экранов! Впечатлительным людям тоже не стоит смотреть следующие кадры! То, что вы сейчас увидите, может повергнуть вас в тяжелый шок.

Затем камера оператора поползла над пожухлой и мятой осенней листвой на земле. Она двигалась вглубь леса и опутывающего его влажного тумана. Похожий на застывший пар серо-белый туман напоминал дыхание леса, подобное тому, что срывается с губ людей во время морозов. Постепенно по мере движения камеры оператора из тумана проступали очертания одинокого дерева. Оно подобно многорукому чудовищу неровным веером раскинуло в стороны кривые руки-ветви с растопыренными пальцами. Внимательный зритель уже заметил сотни алых полос, что во множестве протянулись между широко раскинутыми ветвями. Издалека они напоминали нечто вроде паутины. И мало кто не заметил два маленьких человеческих силуэта, что висели между ветками, едва заметно вращаясь из стороны в сторону.

Возле дерева столпились сотрудники полиции, сверкали вспышки фотоаппаратов в руках судмедэкспертов. Двое мужчин в серых пальто с задумчивым угрюмым видом разглядывали дерево.

Камера оператора приблизила тела на деревьях, и множество зрителей в этот момент застыли в тисках немого ужаса.

Обе девочки были в одинаковых платьях, обе были сплошь туго опутаны красными нитями. Упругие, жесткие красные нити с какой-то противоестественной ревнивой жадностью удерживали в своих путах тела девочек. Казалось, растянувшаяся на голых ветках паутина из багровых нитей ожила и обрела разум, злость и голод. А тела девочек стали её добычей.

На закрытых веках девочек чернели маленькие черные кружки. Не каждый зритель понял, что это были пуговицы, прочно пришитые к векам девочек, и еще меньше зрителей новостей разглядели, что рты девочек сшиты грубыми стежками черных нитей.

— Съёмка окончена! — перед камерой возник какой-то мужчина в черной куртке и синей рубашке.

У него были светло-русые волосы и серебристо-серые глаза.

— Майор Корнилов, — представился мужчина, показав удостоверение. — Уголовный розыск. Прошу вас покинуть место преступления! Немедленно!

— Но у нас есть разрешение... — запротестовала журналистка Дарья Сычова.

— Значит, считайте, что здесь и сейчас срок вашего разрешения истекает, — категорично заявил майор. — На выход! Сержант!.. Выведи граждан из леса и возьми ребят, чтобы оцепить район. Какого хрена тут шляются все, кому не лень?!

— Есть, товарищ майор!..

ВНИМАНИЕ! НОВОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ!

Среда, 19 октября

Вчера, во вторник, 18 ноября родители Ани Устиновой и Евгении Лопуховой заявили об исчезновении своих дочерей.

Девочки вышли погулять с собакой Устиновых и не вернулись домой спустя отпущенное для прогулки время. В настоящий момент судьба девочек неизвестна.

Сообщается, что дочь Устиновых была одета в красную куртку, белую шапку с двумя помпонами и синие зимние ботинки. А Лопухова была в бирюзовой стеганой куртке, серой вязаной шапке и серых уггах. Всем, кто может обладать какой-либо информацией о местонахождении Ани Устиновой и Евгении Лопуховой, просьба связаться с их родителями

по контактному номеру телефона...

СКОЛЬКО ЕЩЁ НЕИЗВЕСТНЫЙ УБИЙЦА БУДЕТ ТЕРРОРИЗИРОВАТЬ СТОЛИЦУ?!

Четверг, 20 октября

Обстоятельства расследования исчезновения и убийств детей до сих пор вызывают недоумение и возмущение! Общество не может взять в толк, почему правоохранительные органы не предпринимают должных мер? Почему нет никаких результатов? Почему особая оперативно-следственная группа под началом известного сыщика, майора Станислава Корнилова, не в состоянии поймать убийцу?..

Вырезка из газеты «Русский корреспондент».

ПОЛИЦИЯ И УГРО БЕССИЛЬНЫ? КАК ДОЛГО ЕЩЁ «СУМЕРЕЧН ПОРТНОЙ» БУДЕТ БЕЗНАКАЗАННО УБИВАТЬ НАШИХ ДЕТЕЙ?!

Пятница, 20 октября

Не понятно, чем занимается полиция и Уголовный розыск. Нет никаких объяснений, почему такое сверхважное дело не берёт под контроль Следственный комитет. Чего ждут наши правоохранительные органы?

Дети продолжают исчезать на улицах. Иногда даже среди белого дня. Не проходит и месяца, чтобы жители Москвы или ближайших населенных пунктов не наткнулись на очередную паутину из красных нитей. Каждый месяц мы становимся свидетелями очередного изощренного кошмара, порожденного маниакальной страстью и противоестественной жестокостью неизвестного психопата.

В некоторых районах нашего города граждане на добровольной основе сами организовываются в народные патрули, с целью обезопасить жизнь на собственных улицах.

А недавно полиция отпустила нескольких подозреваемых в убийствах. Как оказалось, у всех четверых есть алиби на момент совершения последних убийств. В итоге следствию придется все начинать с начала.

Сколько же ещё мы должны опасаться за жизнь наших дочерей? Как долго наши дети будут становиться добычей ненасытного монстра? Пока лишь можно с мрачной уверенностью констатировать, что весь город и ближайшие к нему поселения одержимы постоянным паническим страхом за своих детей. Страх того, что твой ребенок может не вернуться домой, сегодня постепенно становится незримым и неотъемлемым спутником жизни многих московских матерей. Бессильный от устрашающей безысходности ужас прочно овладел душами и сердцами многих родителей. Монстр по-прежнему бродит по улицам Москвы. Он до сих пор на воле. Он до сих пор здесь...

Берегите ваших маленьких дочерей! Встречайте их из школы, не отправляйте никуда без сопровождения взрослых! Ни за что не отпускайте гулять одних.

И, убедительная просьба, сохранять бдительность. Оглядывайтесь и смотрите по

сторонам. Под личиной случайного прохожего может скрываться безжалостное и кровожадное чудовище, что вновь вышло на охоту.

ДАША И ПОЛИНА

Несколько месяцев спустя. Вторник, 24 января

Надвигающиеся сумерки пожирали, впитывали и поглощали слабеющий свет уходящего дня. Расплывчатый темно-золотой шар солнца с вишневым ореолом обреченно таял и растворялся за горизонтом. По городу, удлинняясь, неотвратимо поглощая клочки бледнеющего света, ползли тени домов. Облепивший голые ветви деревьев и сгустившийся сугробами на улицах снег стремительно тускнел в сереющих оттенках зимнего вечера.

В тихом дворе между двумя многоэтажками ещё не зажглись уличные фонари. Красно-золотые отблески заката ещё медленно стекали по окнам домов. Где-то далеко тьякала какая-то мелкая собачонка, слышно было, как отъезжает автомобиль с парковки, а возле баскетбольной площадки несколько мальчишек с азартом и смехом забрасывали друг друга снежками. На детской площадке, чуть поскрипывая, размашисто качались двое качелей. Стоящие рядом матери что-то оживленно обсуждали. В нескольких метрах от них рядом с засыпанными снегом песочницей и горкой две девочки в ярких курточках старательно лепили снеговика.

— А давай ему вместо глаз вставим ягодки, — предложила одна из девочек в голубой курточке.

Она старательно обстукивала снеговика по округлым бокам. Её подружка в белой куртке удивленно взглянула на неё и пожалала плечами.

— Даша, а где мы зимой ягоды возьмём?

Даша обернулась и рукой в малиновой перчатке указала на стоящую совсем рядом невысокую рябину.

— А вон можно под деревом собирать, — она отряхнула руки от снега и сказала подружке. — Я сейчас наберу, а ты сделай ему ноги.

Неловко передвигаясь по сугробам, Даша устремилась к рябине.

В десятке метров от девочек на скамейке у подъезда сидели парень и девушка лет двадцати. Они о чем-то вполголоса разговаривали. Девушка счастливо улыбалась, глядя в глаза парню, тот с восхищением любовался ею и делился впечатлениями от недавней поездки.

Даша, присев возле рябины, быстро подобрала две ягодки.

— А что ты делаешь? — спросил вдруг кто-то рядом с Дашей.

Девочка в голубой куртке поспешно оглянулась. Рядом с ней стояла другая девочка в сером полушубке и белой вязаной шапке. Даша раньше никогда её не видела в этом дворе.

— Собираю рябину для глаз снеговика, — проговорила Даша чуть растерянно и внезапно заметила на руках у незнакомки в полушубке какого-то зверька.

— Это что, белка?! — с восторгом удивленно воскликнула Даша.

— Да, — добродушно улыбнулась девочка в сером полушубке. — Его зовут Питер. Хочешь поддержать?

— Д-да... — слегка заикаясь от волнения проговорила Даша и просияла. — Конечно!

— Только осторожно, не пугай его, — предупредила девочка в сером полушубке и

аккуратно передала бельчонка в руки Даше.

Даша почти перестала дышать, взяв на руки маленькое рыженькое существо с пушистым хвостиком.

— Какой он кла-ассный! — проворковала Даша.

За её спиной захрустел снег под торопливыми шагами. Даша оглянулась на подружку и проговорила счастливо:

— Полинка! Смотри! Это Питер!

— Ва-ау! — протянула Полина, подойдя к Даше и склонившись к белке.

Она посмотрела на девочку в сером полушубке. Та стояла с горделивой улыбкой.

— Это твоя белка? — спросила Полина.

— Да, — кивнула та.

— А можно погладить?

— Конечно! Можешь потом тоже подержать.

— А как тебя зовут? — спросила Даша, передавая белку подружке.

— Я Алла. — ответила хозяйка белки.

— А откуда у тебя белка? — с тенью зависти и пытливым любопытством спросила Даша.

Сама она нередко мечтала, чтобы родители купили ей енотика, лисичку или белочку. Это были её любимые животные. И Даша всегда очень расстраивалась, когда мама лишь раздраженно отмахивалась от неё, а отец и вовсе говорил, что от животных только шерсть и вонь в квартире.

— А мы с моим другом находим в лесу разных зверей, которые заболели, привозим их домой, лечим, и потом они у нас живут, — пожалала плечами девочка в сером полушубке.

Даша и Полина удивленно с восхищением переглянулись.

— Вау, — проговорила Полина. — Классно!

— Кстати, если хотите, можете нам с другом помочь, — сказала Алла. — Мы тут недалеко живём. И помощь нам всегда нужна!

Она выжидающе посмотрела на Дашу и Полину. Девочки неуверенно переглянулись.

— Надо спросить у Вики. — сказала Даша, оглядываясь на скамейку, где сидели парень и девушка.

— А кто это? — спросила Алла. — Ваша старшая сестра?

— Наша няня. — ответила Полина.

— Ваша няня? — удивилась Алла. — Но вы же уже большие... Вы ходите в школу?

— Я — да, — кивнула Даша. — А Полинка на следующий год пойдет.

— Мама говорит, что я пока не готова, — невесело вздохнула Полина.

— Ничего, не переживай, — дружески подмигнула ей Алла. — Думаю, когда пойдешь в школу, тебе будет легче, чем другим. А сколько вам лет?

— Нам по шесть, — за двоих ответила Даша и усмехнулась. — Но я на два месяца старше.

— Это совсем немного, — насупилась Полина.

— Нет, много, — возразила Даша.

— Нет, немного, — не уступала Полина.

Подружки начинали ссориться. Они нередко спорили, но всегда очень быстро и легко мирились.

— Да ладно вам... Не ссорьтесь, — дружелюбно предложила Алла. — Но раз вы такие

большие уже, вам можно не спрашивать разрешения у няни.

— Но так нельзя! — сказала Даша. — Мама говорит, что Вику нужно слушаться во всем!

— Да, надо слушаться, — поддакнула Полина.

— Ну ладно, — вздохнула Алла. — Но просто ваша няня может вас не отпустить, и тогда мы с моим другом можем не успеть помочь всем животным, попавшим в беду. Можно, я заберу Питера? Нам нужно торопиться.

Она протянула руки. Полина и Даша снова взволновано переглянулись. В глазах обеих девочек появилась нерешительная и тревожная задумчивость.

— Ну-у... — протянула Даша. — Мы, наверное, могли бы... ненадолго... прийти к вам... и помочь. Да, Полина?

— Ну да, — пожала плечами Полина. — Конечно...

— Только надо, чтобы Вика не увидела, — Даша, закусив губу, быстро боязливо оглянулась.

Полина, вернув бельчонка Алле, тоже посмотрела на их няню.

Девушка и парень, что сидели на скамейке, как раз самозабвенно целовались.

— Ну так что? — спросила Алла с легким вызовом в голосе. — Идете?

Полина и Даша обменялись заговорщицкими взглядами. Обоим, конечно же, хотелось посмотреть на других зверей и оказать им помощь.

Это было так интересно, так увлекало! Спасать бедных и беспомощных лесных животных! Лечить их, кормить и перевязывать! Есть ли дело более достойное!..

— Ладно, — подумав, согласилась Даша.

— Хорошо, — вздохнула Полина.

Голос её чуть дрогнул. Странное и опасливое предчувствие подтачивало её изнутри. Словно какой-то зов, какая-то сверхъестественная интуиция манили и звали её прочь отсюда! Отказаться, убежать, не ходить!.. Но она смотрела на Дашу и видела, как у её подружки сияет в глазах восторг и предвкушение. Она смотрела на бельчонка Питера в руках Аллы и представляла сколько ещё таких зверушек нуждаются в их с Дашей помощи.

— Тогда идём сейчас, пока Вика не видит, — понизив голос до шепота быстро проговорила Даша.

— Ага, — ослабевшим голосом ответила Полина.

Что с ней такое? Почему ей так не хочется идти? Нет, ей же хочется. Она точно хочет... Или нет? Что за мучительное и нервирующее чувство поселилось у неё в душе. Почему забилось чаще сердце, и стало как-то неудобно и тяжело дышать? Почему холод и дрожь сковывают её тело? Что не так?

— Полина, ну ты идешь? — вопрос Даши вырвал Полину из задумчивости.

Полина испытующе посмотрела на Дашу, затем на Аллу, на её бельчонка и кивнула.

— Иду.

ВИКТОРИЯ

Вторник, 24 января

Вика плавно мягко и нехотя отстранилась от жадных губ Гриши, посмотрела ему в глаза. Парень глуповато улыбнулся. Его взгляд туманился от блаженства и нескрываемой влюбленности. Вика улыбнулась ему в ответ, не удержалась и коснулась его лица, нежно

провела пальцем по его губам. Он поймал её ладонь, двумя руками прижал к своим губам, оставил теплый поцелуй на коже её маленькой ладони. Взгляд Вики соскользнул с лица парня на его плечо и устремился дальше.

Девушка подхватила её со скамейки, выбежала вперёд, застыла и в растерянности огляделась.

— Вика, ты чего? — парень поднялся следом.

— Где Даша и Полина?! — испуганно воскликнула Вика.

Её взгляд беспомощно метался по двору. От площадки к автомобильной парковке, от дома к дому, от дерева к дереву. Их нигде не было. Сердцебиение Вики ускорялось, в груди стремительно раздувалась тревога.

— Вика... — Гриша подошел к девушке и хотел тронуть её за плечо, но та быстро устремилась вперёд, подбежала к двум женщинам, что гуляли со своими детьми возле качелей.

— Извините, пожалуйста! — торопливо и встревоженно проговорила Вика. — А вы не видели здесь двух девочек? Одна в голубой куртке, а другая в белой? Не видели, куда они ушли?

Женщины переглянулись. Одна лишь пожала плечами с недоумением на лице.

— Да нет, девушка. Они вроде там играли... Но мы... Я не видела.

Вторая женщина проявила куда большую холодность и равнодушие.

— Смотреть надо за детьми, девушка, — надменно проговорила она. — А не обжиматься на скамейках!

— Посмотрите, может быть, они за дом ушли, — посоветовала первая женщина.

— Спасибо, — Вика последовала их совету, бросилась за дом.

— Вика, подожди... — Гриша поспешил за ней.

— Отстань! — нервно воскликнула Вика. — Ты же видишь...

Она поспешно обежала дом. Сердце, словно копытом, тяжело и гулко било в грудь. В сознании девушки в такт нервному пульсу нарастала ошеломляющая паника. Вика, часто дыша, вдыхая стывший зимний воздух, забежала за дом, остановилась, обескураженно оглядела заросший деревьями голый двор.

По пустынной белой от снега улице гуляли только двое парней с черным лабрадором и неспешно шла от подъезда какая-то пожилая женщина.

Даши и Полины здесь не было. Вика прижала руки ко рту. Судорожно вздохнула. Крепнувший в душе страх свирепо сжимал её тело, сдавливал живот, грудь и сердце. Страх сотрясал её душу и вселял жуткое мрачное и зловещее предчувствие. Что-то случилось. Что-то произошло, что-то... что не должно было... не могло произойти! Что-то такое, что где-то происходит с другими, и никак... ни за что не могло коснуться девочек, за которыми она смотрела!

— Вика... — Гриша в смятении подошел сзади, тронул девушку за локоть. — Да не переживай ты...

— Отвали! — Вика развернулась и свирепо толкнула парня в грудь двумя руками. — Ты что, не видишь?! Они пропали! Их нет! Их нигде нет!

Вика нервно сглотнула, её губы дрожали, а глаза наполнялись слезами. Она замотала головой.

— Их нет... — слабеющим перепуганным голосом тихо повторила она и бросилась к парням с собакой.

Но ни они, ни пожилая женщина, ни таксист в желтом Форде, ни играющие в снежки мальчишки Дашу и Полину не видели. Никто из опрошенных Викой прохожих ничего не мог сказать. Вика ещё около сорока минут в отчаянии бегала по соседним дворам и улицам в тщетной надежде найти пропавших девочек. И каждый раз суровая реальность рушила её хрупкие надежды. Вокруг были только чужие незнакомые люди, деревья, машины и снег. Равнодушный серо-белый тихий снег. Вскоре сумерки обратились в ночь, а с её приходом с неба бесшумно посыпались бесконечные хлопья снега.

ЛЕСНИК

Среда, 25 января

Укрывшись пухлыми сугробами и толстым слоем снега, лес погрузился в уютную сонную дремоту. Зимний лес был обманчиво тихим, мирным и белым. Легкий морозный ветерок с метелью покачивал отяжелевшие от снега пушистые ветви елей. Над зимним лесом повисло угрюмое блекло-серое небо.

Посреди бескрайнего снежного пейзажа проворно, ловко и тихо передвигалась одинокая человеческая фигура. Мужчина в камуфляжной черно-белой одежде с винтовкой в руке внимательно оглядывал холмистые сугробы. Заледеневший снег чуть слышно поскрипывал под широкими пластиковыми снегоступами. Мужчина подобрался к осыпанному слоями мерзлого снега низкому кустарнику, присел рядом. Поднял лыжные очки и достал бинокль.

Вдалеке, примерно в трёхстах с лишним метрах, он увидел десяток человеческих фигур, что неторопливо двигались друг за другом между укрытыми снегом деревьями. Все они были вооружены двустволками, дробовиками и карабинами. Мужчина убрал бинокль от лица, качнул головой.

— Лучше бы вы, мужики, в сауну сходили или рыбку половили в проруби, — проворчал мужчина.

Он подобрался чуть ближе, засел возле заснеженного камня. Отсюда с немалой высоты, открывался прекрасный вид на овраг, по сугробам которого пробирались охотники. Он устроился поудобнее, прицелился из своей винтовки с оптическим прицелом.

— Добро пожаловать на охоту, ублюдки, — проговорил мужчина и плавно надавил на спусковой крючок.

Приклад винтовки коротко ткнул его в плечо. Едва заметно вздрогнул ствол винтовки с глушителем на конце. И в окуляре оптического прицела мужчина увидел, как один из охотников упал, держась за ногу.

Зимний лес наполнился диким криком боли подстреленного охотника. С веток ближайших деревьев сорвались перепуганные птицы. Глядя в оптический прицел стрелок с усмешкой наблюдал за ошарашенными лицами остальных охотников. Они несколько секунд в полнейшем недоумении глядели, как их приятель ворочается в снегу, зажимая простреленную ногу.

Стрелок перевел ствол в сторону и сделал ещё один выстрел. Второй охотник рухнул с пулей в ногу и истошно заверещал. Один из оставшихся на ногах метнулся к упавшему товарищу. А вот остальные, расталкивая друг друга, падая и поскальзываясь поспешили прочь. Они утопали в снегу, проламывались через сугробы, ломая ветки встречных деревьев,

и постоянно испуганно оглядывались.

Стрелок плотоядно и довольно усмехнулся, глядя в прицел винтовки.

— Штаны не потеряйте, долбодятлы, — злорадно проговорил он, наблюдая за убегающими охотниками. — Это вам не по беззащитным животным палить...

Он поднялся на ноги, бесшумно и ловко спустился вниз, в засыпанный мерзлым снегом овраг и направился к трем охотникам. Оставшийся с ними приятель носился от одного раненного к другому, явно не зная, чем помочь. Стрелок сразу заметил, что он очень молод. Он не замечал приближающегося стрелка, пока тот не оказался на расстоянии нескольких метров. Тогда парень встrepенулся, замер на месте и быстро выставил перед собой ружье.

— Опустит оружие, мальчик, — без угрозы в голосе, но требовательно произнес стрелок.

— А-а... Нога! Нога!.. С**а! — выли один из раненных.

Второй, сцепив зубы, лишь мычал держась за рану. Снег рядом с ним уже успел изрядно пропитаться кровью.

Парень на вид не старше восемнадцати лет быстро оглянулся на стонущего от боли мужчину и снова уставился на подошедшего незнакомца с винтовкой. Ружье дрожало в нервно трясущихся руках юноши. А искаженное страхом лицо парня побелело под стать зимнему антуражу.

Стрелок смотрел на юношу со снисходительным спокойствием и даже сочувствием.

— Опустит оружие, иначе я уйду, и ты останешься в лесной глуши с двумя ранеными.

— Лёнька, — процедил сквозь зубы молчавший до этого второй охотник с простреленной ногой.

Парень оглянулся на того, кто, вероятно, был его отцом.

— Опустит, — выдохнул отец юноши. — Делай, как он говорит.

— Мудрое решение, — вымолвил стрелок и, подойдя к парню, забрал у него ружье.

Повесив его на спину, стрелок также забрал ружья у двух раненых охотников.

— И что дальше? — спросил отец Лёни, искоса снизу-вверх глядя на стрелка. — А? Оставишь нас тут?

— Нет, — лаконично ответил стрелок.

Парень, стоя рядом с отцом, исподлобья угрюмо и пугливо наблюдал за стрелком. Он то и дело плаксиво шмыгал носом.

— Откровенно говоря, я рассчитывал, что ваши друзья заберут вас, — без восторга продолжил стрелок. — Но кто же знал...

— Зачем ты в нас стрелял, с**а?! — простонал первый охотник, с мучительным видом запрокинув голову.

Кровь вокруг него растекалась по ледяным неровностям.

— Затем, что вы пришли убивать, — ответил стрелок, доставая из своего рюкзака бинты и спирт.

— А ты, значит, идеалист? — презрительно хмыкнул отец мальчика. — А ты знаешь, что в этих лесах охота разрешена?

— Я знаю, что вы пошли охотиться на бурого медведя, — ворчливо ответил стрелок. — А их здесь и так слишком мало.

— Тебе что, животные дороже людей? — спросил отец Леонида.

Стрелок обернулся, пристально посмотрел на раненного мужчину и ответил с толикой печали в голосе.

— Да.

— И почему?

— Хотя бы потому, — вздохнул стрелок, — что животные не убивают из удовольствия.

Спустя примерно сорок минут, когда раны обоих охотников были обработаны и перевязаны, стрелок, бывший местным егерем-лесником, повел их прочь из леса.

Маленькая процессия двигалась медленно, с трудом. Оба раненых мужчины пыхтя и матерясь, опираясь на толстые палки понуро плелись вслед за лесником. Леонид то и дело предлагал свою помощь отцу, но тот лишь раздраженно отмахивался.

У охотника, который получил пулю первым, внезапно с треском сломалась палка. А её обладатель завалился набок и с громким ругательством рухнул в снег. Шедший впереди лесник обернулся и негодуя цокнул языком.

— Помоги подняться этому борову, — сказал он юноше. — А я схожу за новой палкой. Придется поискать что-то покрепче...

Он достал мачете и, сойдя с тропы, углубился в чащу. Лес вокруг сгущался, поглощал свет, затмевал бледное зимнее небо.

По мере того, как лесник ступал глубже в заросли леса, по сугробам, извиваясь, поползла беспокойная метель. Она крепла с каждым шагом лесника и становилась все агрессивнее. Метель вскидывалась вверх, бросала снег в лицо леснику и вилась вокруг ног. Метель как будто пыталась остановить его, заставить повернуть назад. Но егерь лишь натянул на лицо толстую шерстяную маску, а на глаза опустил переливающиеся бликами лыжные очки.

И если метель теперь была ему не страшна, то через пару шагов лесничему пришлось все-так остановиться. Егерь внезапно почувствовал, как воздух стремительно холодеет, вязнет и словно твердеет. Это был другой холод. Совсем не тот, к которому привык лесник. Это был не простой мороз зимней поры. Другой, противоестественный, злоеущий и угрожающий холод обвивал его тело, и неотвратно просачивался через все слои одежды лесника. Мужчина против воли нервно сглотнул. Он давно не испытывал ничего подобного, но отлично знал, когда может возникнуть чувство такого сверхъестественного холода. Ледяного, хищного холода, что пробирается под одежду, скребет по коже, сочится внутрь и растворяется в крови. Вкрадчивый, тихий холод, что наполняет тело бессознательным и бесконтрольным ужасом.

Да. Лесник знал это чувство и знал этот холод. Холод с привкусом крови. Холод с запахом смерти. Холод сотворённого, мерзкого и отвратительного зла. Именно такой холод, который приходит без всякой зимы, он чувствовал давным-давно, оказавшись на войне среди бугристых серых гор.

Лесник хотел повернуть назад, хотел отступить перед напором метели и мороза, что не желали пропускать его дальше. Но, подумав, всё же решил, что он обязан узнать, что произошло. Что стало причиной появления *холода*.

Лесник продрался вперёд, через еловые заросли, обогнул толстый ствол многолетней сосны и замер на месте, застыв и обомлев от увиденного.

Он уже видел нечто подобное в новостях пару месяцев назад.

Только в этот раз дерево было больше. Высокое, распростершее в разные стороны свои кривые толстые ветви дерево было опутано и перетянато уже знакомыми алыми нитями. Их было так много, что издали оголенное дерево казалось усердно исчерканным красным фломастером.

Чувствуя пульсирующие в теле нервные судороги и ощущая, как мертвенный холод туго

сжимает грудную клетку и сдавливают рёбра, лесник сделал несколько нетвёрдых шагов вперёд. Он брёл, пошатываясь, по заледенелым сугробам. Его ошарашенный, застывший взгляд был устремлён на три маленьких тела, что повисли среди беспорядочной паутины алых нитей. Рот лесника приоткрылся, он увидел и разглядел их лица. И заросшее седеющей щетиной лицо мужчины искажил бессильный, оторопелый ужас. Открыв рот, он судорожно глотал ледяной воздух. Дыхание застревало в горле, предательская дрожь сотрясала колени и руки мужчины, сердце неистово вышибало грудь, рвалось на волю.

Лесник пошатнулся и упал на колени. С перекошенным от кошмара и скорби лицом он, стоя на коленях в снегу, безвольно взирал на них. На трёх недавно пропавших девочек. Они все три были здесь. Одеты в одинаковые зеленые платья в белый горошек. Плотно, крепко обвязаны толстыми красными нитями и небрежно подвешены на них. На вечно сомкнутых веках девочек пришиты чёрные пуговицы, из-под ресниц стекают застывшие струйки крови, и черными нитями грубо зашиты их маленькие губы.

Лесник, не веря глазам, усиленно пытаюсь вдохнуть стылый воздух, не издавая ни звука медленно качал головой. Он смотрел на них, не в силах отвести шокированный взгляд. Они были перед ним. Три совсем ещё маленьких девочки, три несчастных ребенка, покачиваясь от ветра, висели перед ним, лишённые жизни, тепла и всех возможных, навсегда усопших чувств. Лесник, стоя на коленях, не мог осознать и понять, кто... Кто может быть способен сотворить такое?! Кто способен на такое кошмарное зло?! Как тот, кто это сотворил, может говорить, ходить и выглядеть, как человек...

Сердцебиение ускорялось в груди лесника. Стало трудно, а потом невозможно дышать. Мужчина схватился за сердце, согнулся, лицо его скривилось от боли. Он охнул, захрипел и рухнул лицом в промёрзлый снег. Несколько раз его тело вздрогнуло от судорог, и вскоре он затих.

А над лесом безмолвно роились, безмятежно опадая, сотни тысяч снежных мошек.

КОШМАРНАЯ НАХОДКА ПОТРЯСЛА МОСКВУ! НОВЫЕ ЖЕРТВЫ «СУМЕРЕЧНОГО ПОРТНОГО»!

Четверг, 26 января

Вчера в одном из ближайших к столице лесов были найдены тела недавно пропавших девочек: шестилетней Дарьи Прокоповой, шестилетней Полины Горшковой и семилетней Аллы Горбенко. Как и в предыдущих убийствах Сумеречного Портного тела девочек были одеты в зеленые платья в белый горох, а после подвешены на красных нитях среди тряпичных кукол и позолоченных монет.

Как передает наш источник, человек, который первым обнаружил тела девочек, скончался на месте от внезапного сердечного приступа.

Сегодня стало известно, что дело о «Портном» забирает срочно организованная группа следователей по особо важным делам из Следственного комитета. Ранее, напомним, это дело вела особая оперативно-следственная группа УГРО под началом майора Корнилова. Что ж, похоже, в этот раз господин Корнилов столкнулся с противником, которого ему не переиграть.

Вырезка из газеты «Столичный ежедневник».

ЛЮДМИЛА ЕЛИЗАРОВА

Четверг, 8 января. Нынешнее время.

Переливающийся бликами желтый Lexus IS плавно остановился и с манерной деликатностью, аккуратно припарковался на широкой улице между большим мебельным магазином и возвышающимся на несколько десятков этажей жилым небоскрёбом.

Сидящая за рулем молодая рыжеволосая девушка в дорогом пальто желтого цейлонского цвета, сжимая руль, закрыла глаза и тяжело вздохнула. Её дыхание было нервным, сбивчивым и глубоким. Она быстро сглотнула и посмотрела на соседнее сиденье. На обшитом дорогой кожей сиденье Лексуса лежало четыре длинных конверта. В них не было ничего примечательного. Они выглядели столь же обыденно, как и миллионы других конвертов. Хозяйка дорогого премиумного седана смотрела на конверты с опасливой тревогой, едва не плача от сдерживаемого чувства страха.

Это въедливое, убийственное и пагубное ощущение с жадностью поглощало её с приходом каждого нового письма. Они приходили по-разному. В разное время, в различные дни. Без четкого графика и интервала. Как всегда, без обратного адреса. И внутри, как обычно, лежали распечатанные письма. Они-то и были причиной слёзной тревоги, что пожирала рыжеволосую девушку изнутри.

Девушка рывком повернула к себе зеркало заднего вида, придирчиво осмотрела себя. Поправила свои роскошные, слегка завивающиеся волосы. Затем взяла письма, сумочку и вышла из автомобиля. Она вошла в подъезд высотного здания, поздоровалась с консьержем и охранником, зашла в лифт, нажала на кнопку с цифрой восемнадцать.

Лифт словно нарочно ехал как будто особенно медленно, неторопливо и даже нехотя. Когда отливающие бронзой двери отворились, рыжеволосая девушка выскочила на лифтовую площадку и поспешила к чёрной двери одной из нескольких квартир на этаже. Хозяйка желтого Лексуса нетерпеливо нажала на кнопку звонка, и почти сразу в двери заворочались, защелкали замки. В следующий миг дверь квартиры отворилась, и рыжеволосая с готовностью метнулась в объятия оказавшегося на пороге мужчины. Она прижалась к нему, задрожала всем телом и всхлипнула. Темно-русый мужчина в чёрной футболке и джинсах тоже с чувством обнял гостью, вдохнул запах её волос и ласково погладил по голове.

— Он опять написал, — со страхом прошептала девушка в грудь мужчине и, чуть отстранившись, заглянула в его глаза. — Нифонт, он опять прислал своё письмо! Смотри! Я получила целых четыре только за этот месяц! Такого раньше никогда не было...

Она снова всхлипнула. В её зелено-карих глазах задрожали слёзы. Беспомощные слёзы испуганного смятения и горького отчаяния.

Нифонт молча взял конверты из её руки. Его темные брови чуть сдвинулись на переносице.

Они сели на светлом уютном диване в гостиной его просторной квартиры.

— Когда пришло последнее послание, Мила? — спросил Нифонт прежде, чем извлечь первое письмо.

— Позавчера, — уронила рыжеволосая.

Мужчина с легким негодованием чуть поджал губы.

— Почему ты сразу мне не позвонила или не написала?

Людмила отвела взгляд в сторону.

— Сильвестр...

— Что он сделал? — насторожено спросил Нифонт.

— Он... — девушке понадобилось сделать усилие, чтобы объяснить. — Он изменился, Нифонт. Он стал... другим.

— О чем ты? — слегка настороженно спросил Нифонт. — Я ничего не замечал...

Девушка невесело усмехнулась, аккуратно смахнула слезы с лица.

— Конечно! — с негодующей обидой фыркнул она. — Ты то видишь его только на работе, в офисе «МосИнвеста»! А я...

Она покачала головой.

— Я с ним живу!.. Ем за одним столом, хожу в театр, рестораны и на все светские рауты, и...

Тут она запнулась, неуверенно взглянула на Нифонта, но всё-таки с сердитой обидой закончила:

— И сплю в одной постели!

Последние слова таили в себе ядовитое и злое презрение. Лицо Нифонта почти не выдало его чувств при последних словах девушки. Он почти ничем не показал насколько ему отвратительно думать и помнить о том, что Людмила большую часть своей жизни принадлежит другому. Тому, кто совсем её не достоин.

— И со мной он всегда был другим, Нифонт, — голос Людмилы стих до взволнованного шепота. — Совсем не таким, каким его видят подчиненные на работе, клиенты или партнёры. О, не-ет...

Она снова вздохнула, с трудом сглотнула, через силу улыбнулась и продолжила.

— Добрый, вежливый и обходительный Сильвестр Гольшанский дома пренебрежительно холоден... до омерзения властен во всём! Он жуткий, жестокий и ревнивый диктатор! И... — она нервно улыбнулась. — И сейчас всё стало хуже. Намного хуже...

Нифонт участливо и обеспокоенно взглянул на неё, осторожно взял за руку. Людмила никак не отреагировала.

— Ко всему прочему, — продолжила она упавшим, чуть подрагивающим голосом, — он стал... слишком придирчивым, раздражительным и... и чересчур внимательным.

Людмила снова протяжно, с дрожью, сокрушенно вздохнула.

— Внимательным? — Нифонт чуть склонил голову к плечу, разглядывая рыжеволосую девушку.

Та пару раз быстро кивнула, с задумчивой тревогой закусил губу.

— Он... — она чуть наморщила лоб, качнула головой, — он всё время задает мне какие-то странные вопросы с подвохом... Он как будто пытается... подловить меня... Он... постоянно проверяет где я, он стал просматривать мой телефон, он... Господи! Я сегодня узнала, что он установил отслеживающее устройство на мой автомобиль и смартфон!

Нифонт вопросительно приподнял правую бровь.

— Я сменила телефон, а машину взяла у приятеля, — со вздохом ответила Людмила на немой вопрос мужчины.

— Сильвестр знает про эти письма? — спросил Нифонт, кивнув на конверты, что лежали на журнальном столе.

— Нет... — слегка отстраненно проговорила девушка. — Тот, кто присылает их... делает так, чтобы они попадали непосредственно мне в руки.

— То есть...

— То есть я могу обнаружить такое письмо, где угодно! — взволнованно и раздраженно воскликнула девушка.

Она кивнула на конверты.

— Два из этих я нашла в своей спальне, прямо в книге, которую читала... Ещё одно через неделю на террасе. И последнее...

Она растерянно пожала плечами.

— Последнее было у меня под подушкой.

Людмила снова шумно, нервно сглотнула. Затем всхлипнула и судорожно вздохнула.

— Он делает это специально...

— Что именно? — спросил Нифонт, отвлекаясь от чтения письма.

— То, что письма оказываются, где угодно... Он... Он пытается показать, что всегда и везде может добраться до меня, когда ему вздумается!

— Сомневаюсь, что он тайком пробирается в ваш с Сильвестром дом, — спокойно ответил Нифонт.

— Да?! — почти вскричала Людмила. — Я уже четыре раза полностью меняла всю прислугу! От повара до садовника! Четыре раза, Нифонт! Четыре гребаных раза! И письма продолжают приходить...

Она наклонилась вперед, спрятала лицо в ладонях и тихо заплакала.

— Они продолжают приходить уже шесть лет... Несмотря на все мои старания, несмотря на то, что я сменила уже два города для жизни, они... Тут она схватила один из конвертов и в сердцах отшвырнула его.

— Эти чертовы письма находят дорогу ко мне, где бы я ни оказалась, Нифонт! Уже шесть лет!.. Шесть лет я живу в страхе, что однажды вместо письма он... он сам явится за мной! Шесть лет я пытаюсь защититься и отгородиться от него... И не могу! Понимаешь?! Не могу!..

С дрожащими губами, глядя на него мокрыми от слёз глазами, она искала надежду в его глазах.

— Нифонт... — пролепетала девушка, — я уже не знаю... я, правда, не знаю, что мне делать... Пожалуйста... помоги мне... Я прошу тебя...

Темноволосый мужчина притянул девушку к себе, с любовью, нежно обнял и коснулся губами её мягких, густых рыжих волос.

— Я избавлю тебя от него, — шепнул он спокойно, сдержанно, но решительно.

Людмила закрыла глаза, она верила Нифонту. Хотела верить. За этим она и приезжала — за верой, за надеждой, за... защитой. От Сильвестра этого ждать не приходилось. Тот убьёт её, если узнает о письмах. Даже разбираться не будет... Людмила отлично знала нрав своего сурового и властного гражданского супруга.

Нифонт достал одно из писем.

— Прочитай вслух, — попросила Людмила.

— Зачем?! — удивился Нифонт.

— Хочу, чтобы ты услышал, как это звучит... — ответила девушка.

Нифонт коротко вздохнул и начал читать:

— «Сегодня я проснулся с мыслью о тебе! Я долго лежал в кровати и с наслаждением вспоминал тебя, твой голос, твой смех и твои восхитительные глаза. В моих мечтах я часто тону в твоих глазах, вдыхая запах твоих волос и вкушая твой сладкий плод...

Нифонт не выдержал и брезгливо скривился.

— Знаешь, его восторженная сладкоречивость только добавляет омерзения чрезмерной напыщенности выражений.

— Согласна, — кивнула Людмила и поджала колени. — Но, когда понимаешь, что он вкладывает в свои сладкоречивые сентенции, становится жутко.

— Верю, — вздохнул Нифонт.

— Читай дальше, — шепотом попросила девушка.

— Как скажешь.

Мужчина прочистил горло и продолжил:

— ...и вкушая твой сладкий плод. А потом я представляю, как мы вместе лежим в постели, смотрим «Семь лет в Тибете», «Великий Гэтсби» или «Бурлеск»...

Нифонт снова прервался и удивленно заметил.

— Это твои любимые фильмы!

— Я знаю, — пугливо шепнула Людмила. — Теперь ты понимаешь?.. Он знает даже это... Он знает и моих любимых авторов, он знает мои любимые цвета и бренды одежды... он знает даже сколько я кладу ложек сахара в чай!

Нифонт вздохнул.

— Этого не знаю даже я.

Людмила, лежа на его плече, подняла на него взгляд. Нифонт посмотрел на неё.

— Зато ты знаешь меня... — прошептала она. — Настоящую...

— Да, — чуть дрогнувшим голосом ответил Нифонт. — Думаю, что знаю...

Он не удержался. Наклонился и поцеловал её. Долго. С пылким чувством. Жадно, не трепетно и нежно. А после Нифонт продолжил.

— ...Если бы я только имел возможность засыпать рядом с тобой каждую ночь, я бы будил тебя ласковым поцелуем и запахом свежесваренного кофе.

Ты меня никогда не видела, не знаешь, кто я. Но я давно рядом. Я давно стал частью твоей жизни, а ты — частью моей. И этого не изменить. Мы обещаны друг другу издавна. Мы созданы, чтобы просыпаться вместе и делить наше счастье на двоих. Ты очень скоро это поймешь, Людмила. Ты очень скоро станешь моей. И я уничтожу любого, кто посмеет помешать нашему счастью. Жди меня... Я скоро приду.

Нифонт дочитал письмо и прокашлялся.

— Самонадеянный тип...

— И абсолютно безумен к тому же, — испуганно проговорила девушка. — Он... Он как будто одержим мной... Одержим до какого-то яростного... фанатизма! Последние слова она прошептала с внезапным осознанием кошмарности всей сложившейся ситуации.

— Он ясно дал понять, что следит за мной, и ... он уверен, что я буду с ним... хочу я этого, или нет!

— Он, видимо, считает, что имеет на тебя какие-то права, — согласился Нифонт.

Людмила печально, пренебрежительно фыркнула. Затем приподнялась и серьезно посмотрела на Нифонта.

— Ты пообещал, что поможешь мне... Ты говорил, что если это всё не прекратится в ближайшее время, ты найдешь способ... Нифонт, пожалуйста... Это не прекращается! Ты же видишь! Он не собирается останавливаться! Он продолжает слать эти чёртовы письма! Он... совершенный псих! И мне страшно... Я не могу так больше жить! Не могу! Не могу! И я... Я не хочу!.. Я хочу избавиться от него уже!.. Пожалуйста... Нифонт...

На её щеки снова выплеснулись слезы пугающего отчаяния. Её плечи задрожали, она с отстраненным видом обхватила себя за локти. Людмила не могла контролировать овладевающую ею истерическую панику. Она боялась. Искренне, по-настоящему, безнадежно. Кошмар панической безысходности всё сильнее отравлял её душу.

Нифонт привлек её к себе, крепко обнял и успокаивающе покачал, точно маленького ребенка.

— Всё, всё, всё... Тише, моя рыженькая, тише... Я найду этого подонка, обещаю тебе. Я приложу все усилия и задействую всех, кого знаю. У меня есть пара толковых людей среди следователей Следственного комитета и хороший друг в ЦСН ФСБ. Я найду этого поклонника эпистолярного жанра. Не бойся...

— У тебя есть люди в СКР и ФСБ? — удивленно пролепетала Людмила.

Нифонт самодовольно усмехнулся.

— Я всё-таки начальник охраны в одном из самых крупных европейских инвестиционных банков.

— Ну конечно, — усмехнувшись, с любовью и восхищением прошептала Людмила. — Я и забыла, какой ты у меня крутой.

— Думаю, я смогу тебе напомнить... — многозначительно проговорил Нифонт.

Его руки уже давно забрались под её одежду.

— Нифонт... — с прерывистым дыханием прошептала Людмила. — Я... Стой... пожалуйста... Не надо... не сегодня... пожалуйста...

— Почему? — проворковал он.

Его широкие, теплые и сильные ладони ласкали и гладили её тело.

Елизарова ощутила, как безнадежно тонет в захлестывающем её возбужденном опьяняющем жаре. Она позволила поцелуям Нифонта перейти на шею и не сопротивлялась, когда он начал нетерпеливо раздевать её. Её тело сладко ныло от усиливающегося желания. В голове всё стремительно туманилось, она бессильно теряла контроль над собой. Она позволила себе раствориться в ласках Нифонта. Позволила себе подчиниться его ненасытной жажде.

Обратная дорога домой выдалась нелегкой. Вести машину Людмиле мешал усиливающийся бурный снегопад и бокал сладкого вина, который она осушила после того, как они с Нифонтом вдоволь насладились друг другом.

Когда она уезжала, Нифонт очень настаивал и даже требовал, чтобы она поехала на такси. Но Людмила настояла на своем. Во-первых, нужно было вернуть машину, а во-вторых, забрать свою драгоценную серебристую AUDI RS5 со стоянки возле торгово-развлекательного центра.

Пока она ехала по вечерним улицам Москвы, её пальцы то и дело нервно, с силой сжимали руль. Изматывающие переживания и вкрадчивые сомнения неистово и ожесточенно клевали её душу.

Она боялась Того-кто-шлет-письма. Она застывала и переставала дышать от одной только мысли, что он может быть где-то рядом, поблизости. И она ненавидела себя за то, что сомневалась в Нифонте. Сомневалась, что её любовник сможет защитить её. За шесть лет Тот-кто-шлет-письма убедил её, что ей никуда не скрыться и не убежать от него. И хотя Людмиле очень хотелось верить, она не могла себя убедить, что Нифонт действительно избавит её от одержимого ею психопата. Да и ездила она к нему больше за утешением, чем

за реальной помощью.

Заиграла мелодия звонка на мобильнике. Елизарова достала смартфон, взглянула на дисплей. Номер был не знаком. Девушка недовольно поджала губы. Она знала, кто это звонит.

— Ну и чего ты звонишь опять?! — раздраженно спросила она, приняв вызов. — Ну и что такого? Нет... Ничего подобного! Я же сказала, всё в силе!

Она припарковала автомобиль рядом с магазином алкогольных напитков.

— Я помню всё, о чём мы договаривались! — повысила голос Людмила. — Нет! Нет, не упрощай! Я сегодня... не готова!.. Ой, ну и что?! Да ни о чем он не знает... Нет, конечно! Нифонт тоже... Нет... Что?.. Да, да, да! Да! Да, я помню... Всё, мне надо ехать! Я и так рискую!.. Давай завтра об этом поговорим!

С этими словами Людмила прервала связь, поставила смартфон в держатель, и посмотрела на меню бортового компьютера. Телефон успешно подсоединился по Bluetooth к системе автомобиля. Обычно все звонки в машине она принимает исключительно через установленный здесь спикерфон. Но во время разговора с этим абонентом она не хотела, чтобы его голос звучал на весь салон. Мало ли... Она не знала до чего может додуматься Сильвестр.

Рыжеволосая девушка выехала за пределы привычных городских кварталов, и сейчас вела автомобиль по пустынной широкой дороге, пролегающей между рядами стройных берез и кленов. Обнаженные деревья усердно тянули вниз, к длинному шоссе свои заснеженные ветви. По обе стороны от дороги над холмистыми полями темнела густая зимняя ночь. Темнота и промозглая стужа, бездонный мрак и хищный холод сливались в единое зловещее царство поздней зимней ночи.

В свете фар перед автомобилем бурным вихрем вились тысячи снежинок. Белесые лучи дальнего света устремлялись вперед, в бесконечную холодную темноту, и увязали, растворялись в ней.

Дворники на лобовом стекле монотонно качались из стороны в сторону. Но стаи снежинок упрямо липли к лобовому стеклу. Елизарова включила обогрев сидений и стекол. Салон автомобиля наполнился благодатным теплом.

Из ночи навстречу белой Ауди не появилась ни одна машина. Ни один иной автомобиль не попытался обогнать её. Это внушало пугающее чувство одиночества. И Люда содрогнулась, представив, как её маленькая белая Ауди, пронзая мрак светом фар, в совершенном одиночестве движется, окруженная со всех сторон зловещей снежной ночью.

От этого или, возможно, из-за выпитого недавно вина, в её голову с новой силой хлынули устрашающие мысли. Беспокойное волнение склизкой змеей извивалось внутри неё. Размышления о таинственном безумном поклоннике пульсировали в её голове в такт учащенному сердцебиению.

Но было что-то ещё. Какое-то странное, необъяснимое мрачное и угрожающее предчувствие настойчиво скреблось в её сознание.

Какой-то новый страх царапал кожу когтями колкого холода. Людмила против воли вздрогнула, плотно сомкнула колени, выпрямилась и сдавила руль в руках.

Через некоторое время впереди показали огни нескольких огромных особняков— их с Сильвестром соседи. Такие же чванливые и зазнавшиеся крупные бизнесмены, звёзды, чиновники, такие же, как Сильвестр.

Как она могла мечтать о жизни рядом с ними? А ведь мечтала когда-то... И вот её

мечта исполнилась. А толку? Вместе с богатой жизнью, бесконечными развлечениями, бриллиантами, элитными курортами и дорогой машиной она получила хладнокровного надзирателя.

Она объехала огромное озеро, раскинувшееся в глубокой котловине, и впереди на фоне гор и густого леса показался огромный, озаренный огнями особняк Гольшанских.

Это было даже не одно здание. Два жилых трёхэтажных особняка, огромный гараж для автомобилей и дом для слуг составляли небольшой архитектурный ансамбль ценой в полторы-две сотни семизначных сумм иностранной валютой. Четыре шикарных здания в свежем, как мятное дыхание, стиле Нантакет. Людмиле нравился вкус Сильвестра. В отличие от проворовавшихся чиновников и разбогатевших в 90-е «предпринимателей», её гражданский муж не имел дурацкой склонности к чрезмерной роскоши и повсеместной демонстрации собственного богатства.

При этом Сильвестр был богаче всех живущих поблизости вместе взятых. Состояние «МосИнвест» банка оценивалось в несколько десятков миллиардов американских долларов.

Пытаясь перебороть недавнюю её тревогу, Людмила проехала в открывшиеся ворота на территорию особняков Гольшанских и припарковалась в огромном просторном гараже между ягуаром и феррари.

Заглушив двигатель и выключив фары, Елизарова пару минут посидела в машине. Усиливающаяся тревога, словно табун диких коней, скакала и буйствовала внутри неё. Но, пересилив себя, она всё-таки вышла из автомобиля.

На территории особняка было тихо и почти безлюдно. Только несколько охранников дежурили на своих постах. Людмила прошла внутрь огромного дома, где жили они с Сильвестром. Разувшись, она поднялась на второй этаж и направилась в свою спальню. Здесь, к своему удивлению, она обнаружила Сильвестра.

Мужчина в белой рубашке и серых брюках, склонившись вперёд, неподвижно сидел на кровати. Его уже начавшие сесть волосы были включены и взъерошены.

— Милый, — осторожно проговорила Людмила, — ты в порядке?

Гольшанский ответил не сразу.

— Люда... — проговорил он глухим, металлическим голосом. — Я... не успел ничего сделать.

— Что?.. — не поняла девушка, но резкий укол беспокойство пронзил её грудь. — Ты о чём?..

Она сделала несколько шагов и вскрикнула.

У ног Сильвестра в луже крови лежал Мартин, её любимый далматинец.

— Мартин! — вскричала в панике Людмила и бросилась к псу. — Мартин! Господи!.. Вызывай скорую! Что ты сидишь!!! Сильвестр!!

— Люда...

— Боже... Мартин!.. Как же это... — заливаясь слезами, стоя на коленях, Людмила прижимала к себе бездыханное тело далматинца. — Мартин... Ты что... Как... Как это... Боже... нет... Сильвестр! Сильвестр! Ну позвони врачам! Ну что ты сидишь?! ЧЕГО ТЬ ЖДЁШЬ?!

— Люда! — рявкнул Сильвестр, и Елизарова вздрогнула, вжав голову в плечи, она испуганно взглянула на своего гражданского мужа.

Тот встал с кровати. Руки его были в крови.

— Он мёртв! — жестко и холодно произнёс Сильвестр.

— Что?.. — дрожащими губами пролепетала заплаканная и перепуганная девушка. — Что ты... Что ты такое говоришь?..

Тушь расплывалась на её лице возле глаз, слезы оставляли бледные полосы на щеках, стекали на губы и дальше вниз на шею.

Девушка опустила взгляд на далматинца. Его черно-белая шерсть была багровой возле горла. А взгляд светло-карих глаз остекленел и погас.

Девушка прижала голову любимца к груди, склонилась над ним и тихо зарыдала. Сильвестр не мешал ей. Мужчина стоял над плачущей девушкой и задумчиво смотрел на неё.

— Хватит, Люда, — он тронул её за плечо. — Пса нужно похоронить.

Елизарова ничего не ответила. Она крепко обнимала голову верного питомца и пыталась справиться с горькой, злой, саднящей болью. Она не могла принять, не могла осознать. В эти секунды она не могла поверить, что маленький, твякающий щеночек, который вырос в озорного и шумного красавца-далматинца теперь безвозвратно далёк от неё.

— Мила, — снова прикрикнул на неё Сильвестр, — Мартина нужно похоронить. Он это заслужил. Идём. Вставай...

— Как это случилось?.. — прошептала девушка.

— Напоролся на разбитую строительную пилу... Ты же знаешь, у нас ремонт в подвальных помещениях гаража.

Людмила мягко, нехотя отстранила пса, сквозь слёзы с нежностью посмотрела на его морду. Ласково погладила дрожащей ладонью.

Бронзовый Range Rover проворно взбирался по заснеженной дороге. Они ехали вверх среди ночи, в глубину заснеженного леса, где располагалось семейное кладбище Гольшанских. За окнами автомобиля свирепствовала метель. Завивающиеся на ветру россыпи снега напоминали бесформенных призраков в ночи. Людмила держала на руках завернутое в одеяло тело Мартина. Она не следила за дорогой, она забыла про пугающие её письма и связанный с этим кромешный ужас. Она безмолвно, невидящим взглядом смотрела перед собой, гладила завернутое в одеяло тело пса и вспоминала. Вспоминала светлые деньки, когда Мартин радовал её своими выходками, беспокойной беготней, звонким лаем и бесконечными играми. Она вспоминала, как пёс любил гоняться за разными мячиками. У него даже было два любимых. Оранжевый с округлыми пупырышками и синий, резиновый. Он мог ловить их даже на лету, ловко прыгая. А теперь его нет... И те лучики света, добра и беззаветной дружбы, что он дарил своей хозяйке, канули в вечный холод темноты.

Они добрались до места. Сильвестр остановил автомобиль, заглушил мотор, молча вышел на улицу. Несмотря на дикий холод снаружи и бурную метель, мужчина накинул на голову только тяжелый капюшон своего толстого пуховика.

Людмила в зеркале заднего вида увидела, как Сильвестр достаёт лопату из багажника Range Rover-а. Гольшанский проворно и быстро выкопал довольно глубокую яму и жестом пригласил Людмилу выйти.

Прежде, чем выбраться из автомобиля, Елизарова застегнула все, что только можно было застегнуть на своей куртке, надела шапку, натянула капюшон и подняла шарф чуть ли не до переносицы. Сильвестр открыл ей дверцу, помог вынести тело далматинца.

Они встали перед вырытой ямой. Людмила с содроганием глядела во мрак, что сгустился и замер на её дне.

— Сама, или я? — коротко и сухо спросил Гольшанский.

— Я сама, — пустым тихим голосом ответила девушка и прижала к себе тяжелое тело пса. Она осторожно слезла вниз и там опустилась на колени. Гольшанский молча наблюдал за ней.

Девушка со скорбью погладила закутанное в одеяло тело и прошептала:

— Я всегда буду любить тебя, Мартин. Надеюсь, моя любовь будет греть тебя в твоём собачьем раю.

Она снова плакала. Теплые слезы бессильной печали обильно стекали по щекам и с соленым привкусом оседали на губах. Вместе со слезами уходила боль и горечь. Но оставалась пустота, печаль и удручающая грусть.

Девушка поднялась. Сильвестр помог ей выбраться и начал засыпать яму землёй вперемешку со снегом. Людмила стояла рядом и уныло наблюдала. Что за паршивый, мерзкий день выдался сегодня? Со скорбной флегматичностью во взгляде девушка наблюдала, как с каждым броском лопаты земля и снег покрывают сверток в цветном одеяле.

Это, кстати, было не простое одеяло. Людмила закутала питомца в одеяльце, на котором тот спал, и которое обожал с детства. Так было правильно.

Сильвестр вдруг перестал закапывать собачью могилу. Уткнув лопату в заснеженную почву, он опёрся на древко и тяжело, глубоко вздохнул. Чуть задрал голову и со странным любопытством оглядел окружающий их темный лес. Засыпанные снегом высокие деревья казались чем-то единым, монолитным, гигантским и могущественным.

— С тобой всё в порядке? — поинтересовалась Людмила.

Сильвестр опустил взгляд, посмотрел на неё.

— Да... — кивнул он.

Девушка заметила в его обычно равнодушном, лишённом выразительности взгляде нечто странное, нечто незнакомое. Какое-то едва уловимое выражение ехидности. Людмила подумала, что ей показалось. Не может у её гражданского мужа быть такого взгляда. Обычно его глаза и взгляд — это камень. Нерушимый, неизменный и равнодушный камень. Только иногда этот камень бурно пылает гневом, яростью и ревностью. И в последнее время всё чаще.

— Сделай одолжение, — попросил Сильвестр и, расстегнув карман своей куртки, извлёк на свет свой мобильный. — Подержи, а... А то как-то неудобно.

Пребывая в удивленном замешательстве, чем ему мог мешать телефон в кармане, Людмила взяла в руки его iPhone, сделанный по специальному заказу. Сильвестр снова одарил девушку странным полуехидным взглядом и взялся за лопату.

Людмила пару секунд смотрела ему в спину. Телефон завибрировал в её ладонях. Вспыхнул экран. Сильвестру пришло сообщение в мессенджер. Внезапное беспокойство сжало сердце изнутри.

Бросив опасливый взгляд на занятого мужа, Елизарова сняла перчатку с правой руки и провела пальцем по экрану. Её муж общался с кем-то в чате. И его собеседник накидал ему кучу фотографий в чат.

Людмила пригляделась, и у неё застыла кровь. Губы девушки дрогнули, холод застрял в горле. Забыв дышать, застыв на месте, она в немом оцепенении глядела на дисплей смартфона. На присланные неизвестным абонентом фотографии. А на снимках была она. Возле дома Нифонта. Она с ним в его машине. Она с ним в уютном кафе, они вместе у нег

дома, они в его постели...

Кто?! Кто это прислал?! Как?.. Как он узнал?! Он же не мог... Это невозможно... Она прочитала имя абонента, с которым общался Сильвестр, и смартфон выпал из её дрогнувших рук.

— Нифонт... — прошептала она, не веря тому, что увидела. — Но... Как... Нифонт...

— Неожиданно, правда?

Она настороженно подняла испуганный взгляд и встретилась с глазами Сильвестра. Он стоял перед ней. Ветер отбросил капюшон его куртки, и снег летел ему прямо в лицо. Но он не обращал внимания ни на снег, ни на холод. Его беспощадный взгляд был переполнен уничтожающим, ненавидящим презрением.

— Неужели ты всерьез думала, что так и дальше будет продолжаться? — ядовито спросил Сильвестр. — Неужели ты возомнила, что будешь жить за мои деньги! Ездить на моих автомобилях! Летать на острова за мой счет! Расплачиваться повсюду моими кредитками и при этом!..

Он сделал порывистый широкий шаг вперёд. Девушка содрогнулась, у неё едва не подкосились вдруг ослабевшие ноги. Она нервно всхлипнула и боязливо в страхе сжалась перед мужчиной. Сильвестр вселял в неё ошеломляющий убийственный ужас. И душа девушки робко дрожала, точно забившийся в уголок перепуганный котёнок.

— Сильвестр... — кротко и тихо пролепетала Людмила.

— ... И при этом, — прорычал Сильвестр. — пользуясь всем, что я тебе дал, ты собиралась дальше тр***ться с Нифонтом!

Людмила в страхе зажмурилась.

— Сильвестр... — проскулила она.

Но тут он резко схватил её за горло и сжал. Несильно, но жестко, крепко, с ненавистью. Его пальцы вдавились в её плоть. Несильно... Но ей показалось, что он уже душит её. Она истерично вцепилась в его запястья и судорожно вдохнула стылый воздух ночной зимы.

— У тебя было всё, что ты пожелаешь, дрянь! — прорычал Гольшанский. — Ты могла получить всё, о чем просила! Всё, что хочешь, чёрт возьми!

Он гневно встряхнул её. Её голова качнулась из стороны в сторону. Она бы рухнула в снег, если бы он не удерживал её.

— Что тебе не хватало?! А?! Что тебя заставило упасть в объятия этого красавчика?! Впрочем... Думаю всё то же, что и других беспринципных ш**х до тебя...

Пальцы Сильвестра снова сжались. Сильнее, со сдерживаемой ненавистью. Глаза девушки расширились.

— Да-а... — самодовольно ощерившись, протянул Сильвестр. — Ты далеко не первая из числа тех с**ек, чью прогнившую суть помогает раскрывать мне Нифонт.

Лицо его исказил гнев, он зарычал и отшвырнул её. Людмила вскрикнула, упала в снег. Приподнялась, хрипло закашлялась, держась рукой за горло. Она попыталась встать. Но подошедший Сильвестр, коротко размахнувшись, ударил её в живот. Девушка согнулась, упала на колени. Захрипела, чувствуя разрастающуюся боль в месте удара. Перед её глазами были засыпанные снегом ботинки Сильвестра. Он взял её за шикарные рыжие волосы, дернул вверх. Она сдавленно взвыла от боли, жмурясь, со слезами взглянула на мужчину снизу-вверх.

— Сильвестр... — взмолилась Елизарова. — Прошу тебя... Я...

— Что? — скривившись от омерзения издевательски проговорил Гольшанский. — Ну?!

Что?!..

— Я... я хотела защиты... — прорыдала девушка, стоя на коленях. — Я просто... Я пробовала... Я просила тебя... Ты... отмахнулся... А я...

— Защиты?! — прорычал Сильвестр. — А ноги ты перед ним тоже ради защиты раздвигала?! Подстилка дешевая! Неблагодарная шлюха! Я тебя своими руками из грязи с улицы взял, а ты!..

Он ударил её свободной рукой наотмашь. Голова девушки мотнулась в сторону. Она закричала, попробовала закрыться руками. Но он лишь встряхнул её, как куклу, и ударил снова. Затем ещё раз. Ещё. Хлесткие удары обжигали заплаканное лицо девушки. Она плакала навзрыд, отчаянно молила о пощаде, лепетала оправдания. А он бил. Бил с ненавистью, с лихорадочной злостью и яростным, злым торжеством. Затем он оттолкнул её и, со скрипом топчя снег, подошел к машине.

Содрогающаяся в снегу, избитая, запуганная Людмила, глотая кровь из разбитых губ, в ужасе глядела, как Сильвестр открывает дверцу автомобиля. Он что-то достал из машины и, захлопнув дверцу, направился к девушке.

— Сильвестр... — прорыдала девушка, отползая от подходящего мужчины.

Гольшанский не ответил. На его лице застыла свирепая решимость, а в руке блестел огромный нож.

— Сильвестр... — плакала Людмила. — Пожалуйста... Умоляю тебя... Прошу... Пожалуйста!.. Не надо... Стой... стой... нет...

— Давно нужно было с тобой разобраться, — прорычал он, подходя к ней.

Он вновь взял её за волосы, она закричала. Он ткнул её кулаком в лицо. Девушка подавилась криком.

— Знаешь, — проговорил мужчина, глядя как по лицу Людмилы растекается кровь и слёзы. — А ведь я действительно любил тебя... Ты была единственной из тех, кто смог заставить меня поверить... Ты была единственная, кто подарил мне надежду... Надежду на то, чего мне до тебя никто не мог дать... Но ты очень быстро доказала, что я ошибся и в тебе.

Тут он резко взмахнул ножом. Девушка ахнула, закричала, схватилась за располозованную руку. Её кровь брызнула на снег.

— Хватит орать... — скривился Сильвестр, с ожесточением наматывая её волосы на кулак. — Тебя никто здесь не услышит! И перед тем, как перережу твою су**ю глотку, ты будешь ещё долго испытывать боль... готовься, тварь! Ты заслужила именно такую смерть...

Он быстро занес нож для удара. Людмила замерла. Сердце кротко, как в последний раз, несмело дрогнуло в груди. Девушка глядела на обагрившееся кровью лезвие занесенного ножа. И в это мгновение она, сама не ожидая ударила Сильвестра. Ударил неожиданно и незаметно подобранным в снегу куском льда. Удар пришелся точно в промежность.

Сильвестр охнул, пошатнулся. Лицо его скривилось от боли. Он зажмурился на мгновение. Елизарова через силу вырвалась, оставив в руках мужчины клочок своих рыжих волос. Она бросилась бежать, но поскользнулась, рухнула в сугроб. Снова встала, помчалась, и тут сильнейший удар снова сбил её с ног. Она упала лицом в снег, поднялась. Колкий холод обжег кожу лица. Подскочивший сзади Сильвестр обхватил её левой рукой за шею и прошептал ей в ухо:

— Желаю тебе гореть в аду для всех шлюх!..

И тут бок девушки пронзила острая разрывающая боль. Ей на миг показалось, что у неё

вырвали кусок плоти из тела.

Сильвестр ударил второй раз, вонзив нож в правый бок девушки. Он бил точно в печень. Чтобы наверняка.

Людмила слабо вздохнула, захрипела, коротко вздохнула и начала оседать в снег. Она ощущала, как кровь растекается по телу под курткой. Она видела, как её тёмная кровь стремительно заливают снег у её ног.

Сильвестр занес руку для третьего удара. А из темноты внезапно донеслось гневное гулкое рычание. Сильвестр оглянулся. Что-то метнулось к нему из заснеженных кустов. Что-то быстрое, проворное и сильное. Оно с рычанием вцепилось в правый рукав Сильвестра, и мужчина выронил нож. Серо-белый зверь отскочил, свирепо оскалил клыки.

Людмила на четвереньках отползла за машину. А волк подступал к Сильвестру. Мужчина пятился, оторопело глядя в искристо-синие глаза волка... волчицы. Это была волчица. Он почему-то не сомневался в этом. Снежно-белая, как будто даже платиновая волчица с невероятно сияющими сапфировыми глазами... и неожиданным человеческим взглядом.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 9 января. Ночь.

Такие странные сны в последнее время случаются всё чаще. Всё чаще в своих сновидениях я вижу воспоминания людей, которых никогда не видела, и иногда животных. Но... Иногда всё выглядит так, как будто... Как будто это и не воспоминание вовсе. То есть не минувшее событие, а происходящее... Нет, это конечно всё бред, но... Просто эти воспоминания в сновидениях, которые я проживаю, отличаются от тех, что набрасываются на меня во внезапных видениях. Вот и сегодня, сейчас я была почти уверена, что это не воспоминание. Это... Это то, что происходит в настоящей действительности. Или всё же мне это кажется? Я не знаю...

Я бежала по лесу. Я стремительно, ловко и проворно мчалась по сугробам. Ровно, часто, гулко билось сердце. В горле и в груди приятно теплело разгоряченное дыхание. Я не сразу осознала, что бегу на четырёх конечностях... Этот факт взбудоражил и потряс меня!.. Я не могла понять, где я, и кто я... Что происходит? Я бежала... Я продолжала неуклонно мчаться вперёд. Мягко, пружинисто, почти бесшумно я перепрыгиваю через поваленные недавней бурей деревья и горки сугробов. Я лечу дальше. Я легка и свободна в зимней ночи! Необъяснимое чувство безумного азарта рвется из груди и манит меня вдаль, вперёд... Быстрее! Быстрее!.. Охваченная восторгом безграничной свободы я призраком летела между осыпанными снегом гигантскими многолетними деревьями. Исполинские дубы, сосны, ели и буки в горделивом молчании возвышались над лесными тропами. В ночном ледяном воздухе вокруг меня вились сотни манящих запахов. Они щекотали мое обоняние и звали за собой. И среди них ярче прочих выделялся один. Резкий, стойкий, кислый и солёный. Я остановилась, задрала голову к ночному небу и с жадностью втянула воздух с привкусом врага. Извечного, самого опасного врага для меня и для всего леса. Человека.

Я зарычала агрессивно и угрожающе. И помчалась за развевающимся на холодном ветру запахом человеческого тела. В сочном запахе на бегу я ощущала страх и злость, ненависть и ужас. Противоречивые эмоции переполняли этого человека! Нет! Нет, их двое! Двое людей! Меня охватил праведный гнев! Людям нечего здесь делать! Это наш лес! Наша территория! Нужно прогнать двуногих хищников!

Я увидела свет вдали. Он пробивался через покрытые снегом ветви деревьев, пробирался между древесными кронами, расползался по обледенелым сугробам. Я услышала их голоса. Два голоса. Один рычал, другой жалобно скулил. Я тихо подкралась поближе, поморщилась от горького запаха бензина. В ярком свете автомобильных фар я увидела двух людей. Я увидела рыжеволосую девушку, что стояла на коленях в снегу и рыдала. А к ней с решительным и угрожающим видом подходил какой-то седовласый мужчина в темной куртке. Он был заметно старше неё. У него был ледяной и ненавидящий взгляд. В его правой руке под светом фар бликом сверкнуло лезвие ножа.

Тревожное наитие едва не вытолкнуло меня вперёд. На моих глазах вот-вот совершится убийство. Мужчина явно был настроен серьёзно. И создавалось впечатление, что он делал

это далеко не в первый раз.

— Сильвестр... — надрываясь рыдала девушка. — Пожалуйста... Умоляю тебя... Прошу... Пожалуйста!.. Не надо... Стой... стой... нет...

— Давно нужно было с тобой разобраться, — прорычал в ответ мужчина, подойдя к ней.

Тут он безжалостно ударил её в лицо. Я ахнула, с моих уст сорвалась глухое рычание. Да что же он делает! Вот же подонок!

— Знаешь, — с гневной холодной задумчивостью произнес мужчина, — а ведь я действительно любил тебя... Ты была единственной из тех, кто смог заставить меня поверить... Ты была единственная, кто подарил мне надежду... Надежду на то, чего мне до тебя никто не мог дать... Но ты очень быстро доказала, что я ошибся и в тебе.

Так вот оно что. Что ж, это объясняет его ненависть. Отчасти. Как же! Обманули его бедного! Не оправдали надежды! Не знаю, насколько сильно виновата перед ним рыжеволосая, но, чёрт возьми, она не должна вот так умирать на коленях в снегу от рук седовласого ревнивца!

Мужчина резко взмахнул ножом. Девушка вскрикнула. Я увидела, как на снег обильно брызнула кровь. Рыжеволосая, плача, прижимая окровавленную руку к груди, склонилась к земле. Но мужчина вновь дёрнул её за волосы вверх.

«Чёртов садист!» — гневно подумала я. Во мне разгоралась ярость и злость на этого властного старого козла! Чуть припав к снегу, я приблизилась к людям. Они не замечали меня. Яркий свет автомобиля делал ночь вокруг них непроницаемо чёрной для их взглядов. Хорошо... Этот физический эффект мне на руку. Я подобралась ближе. Они по-прежнему не замечали меня.

— Хватит орать, — прорычал седой. — Тебя никто здесь не услышит! И перед тем, как перережу твою су**ю глотку, ты будешь испытывать боль... готовься, тварь! Ты заслужила именно такую смерть...

Я хотела броситься на него, хотела вмешаться. Я жаждала спасти неизвестную рыжеволосую девушку, потому что я могла это сделать! Я могла помешать случиться самому отвратному поступку, на который способен человек. Но... Почему я ничего не делаю? Ну же!.. Давай!.. Но животное, в сознании которого я пребывала, отказывалось что-то предпринимать. Я могла только наблюдать глазами зверя.

А рыжеволосая внезапно изловчилась и ударила седого ревнивца в пах. Тот скривился от боли. Я надеялась, что ему и правда больно. Рыжеволосая бросилась бежать, но упала, затем поднялась снова. Однако мужчина догнал её, обхватил левой рукой за шею, прижал к себе.

— Желаю тебе гореть в аду для всех шлюх!.. — услышала я.

На моих глазах он два раза быстро вонзил нож в правый бок девушки. У той подкосились ноги. На ее куртке расцвело тёмное влажное пятно, кровавые струи стремительно потекли по одежде. Кровь быстро, часто закапала на снег у ног девушки. Рыжеволосая коротко, слабо, с печалью вздохнула. Она словно надломилась. Ноги её подкосились, и она начала оседать.

Я молча заорала в сознании животного. На моих глазах происходит убийство, а я ничего не могу сделать!

Убийца занёс руку для третьего удара. Я была рядом. Сейчас! Быстрее! Ну, пожалуйста! Давай! Давай! Я разбудила ярость лесного хищника. Из пасти вырвалось гневное рычание. Я

рванулась вперёд, оттолкнулась от земли, взлетела и в коротком прыжке вцепилась зубами в руку мужчины.

Он дико заорал от испуга. Затряс рукой, выронил нож. Я разжала зубы, чувствуя в пасти кровь. Меня замутило и едва не вырвало.

Седой мужчина заорал, держась за разорванную руку. Он отшатнулся от меня. Его лицо искажил страх. «А-а,» — злорадно подумала я. — «Самому то страшно, когда перед тобой тот, кто может причинить тебе вред! Когда перед тобой тот, кто даже может тебя убить!..»

Но убивать я его не собиралась. Боже упаси. А вот напугать и покусать очень даже стоит в поучительных мерах. За его спиной я неожиданно увидела, как рыжеволосая, пошатываясь, с усилием поднимается.

Седовласый тоже оглянулся. И на этот раз к страху на его лица прибавилось испуганное изумление. Рыжеволосая качаясь, нетвёрдым шагом, ковыляла в сторону леса. А за ней тянулась тропа из багровых цветков кровавых капель на снегу.

Седовласый мужчина было бросился к упавшему в снег ножу. Я прыгнула вперёд, мужчина закричал, я вцепилась в его правую ногу, с остервенением разодрала плоть на икре. Его кровь окропила снег и брызнула мне на белую шерсть.

— Отвали! Отвали от меня! — орал он, валяясь в снегу. — Да чтоб ты сдохла! Тварь блохастая! А-а-а... С**а!!!

Я отскочила, обежала вокруг него. Он с трудом, поспешно поднимался. Я подождала, пока он ковыляя поспешит к автомобилю. Он опасливо оглянулся на меня. Трясущимися руками достал ключи. Я подбежала, прыгнула. Он сдавленно, хрипло вскрикнул, испуганно закрылся руками. Я второй раз вцепилась в его правую руку, но на этот раз только разорвала куртку. Я и не собиралась его ранить. Ключи со звоном упали в снег. Я подхватила их и бросилась прочь в укрытую морозной ночью уютную чащу леса.

— Сто-о-ой!! — кричал мне вслед любитель вершить «справедливость». — Стой, паскуда!!! А ну вернись! Отдай ключи!!!

«Пешком погуляешь» — мелькнула у меня мысль на бегу.

А затем я неожиданно проснулась. Открыв глаза, я увидела заполненную сумерками комнату. Пару секунд, часто и взволнованно дыша, я отрешенно глядела на полки с книгами. Затем перевернулась на спину, подтянула одеяло к подбородку и уставилась на потолок, где тусклым молочным светом сияли приклеенные флуоресцентные звёзды, планеты и большой месяц.

Разрастающееся беспокойство поселилось внутри меня. Мысли в голове кружили со скоростью центрифуги. Что это было? Просто чересчур реалистичный сон? Воспоминание какой-то молодой волчицы? Или... Тут мои варианты заканчивались. Хотя, нет. В голову опять полезли настырные предположения, что это могло быть не просто видение. И это было не воспоминание. Это было... событие настоящего времени! Это было то, что происходило в настоящем, а не прошлом, как раньше!

И... и если принять эту совершенно идиотскую, пугающую и бредовую идею за правду... Где-то в пределах Московской области только что... некий Сильвестр едва не прирезал рыжеволосую девушку за супружескую измену... И помешала ему это сделать внезапно появившаяся волчица. Могло ли такое происходить?..

От пяток вверх по ногам до живота и груди поползло нервное холодящее чувство. Я замерла в постели, на миг затаила дыхание. Затем закрыла глаза, глубоко вздохнула. Пульс вибрировал в венах, стучал в голове. Я не могла объяснить сама себе, что видела во сне. И

это вызывало страх. Я старательно гнала прочь мысли о том, что увиденное происходило в реальности. Но назойливые мысли об этом возвращались с чувством нарастающей тревоги.

Уснуть снова мне удалось лишь через пару часов беспокойных переворачиваний с боку на бок и на спину. А утром тревожные предположения вернулись снова, потому что первое, что я увидела, сев за компьютер и зайдя на YOUTUBE, это ссылки на срочные новости.

СИЛЬВЕСТР ГОЛЬШАНСКИЙ

Пятница, 9 января. Утро.

Раны болели адски. Три рваные раны от мощных волчьих челюстей дергали и горели под плотными повязками бинтов. Особенно отзывался болью первый укус. И именно первую рану зашивали дольше остальных. Чертова волчица, а Сильвестр был уверен, что это именно волчица, очень серьёзно повредила плечелучевые мышцы на его правой руке.

Врачи предупредили, что после того, как действие обезболивающих окончится, боль возьмёт своё. И сейчас она брала. Сторицей. С процентами. Боль сейчас сама была, как свирепый лесной хищник. Она с кровожадным восторгом вгрызалась в плоть Сильвестра и с остервенением прожигала раны до самой кости.

Гольшанский уже час, как проснулся. Он не спал почти всю ночь. И вернувшись из больницы, вопреки наставлениям врачей, хорошенько напился. Осушив полбутылки дорогого скотча, Сильвестр закрылся в своей комнате и завалился спать. Ему было плевать на недоуменные взгляды охраны и на любопытные лица слуг. Он знал, что всех их мучают сотни вопросов. Знал, что сейчас большинство из его слуг и охранников обсуждают, что случилось между ним и Елизаровой. И особенно, куда подевалась сама рыжеволосая девушка.

Сильвестру было плевать. Все эти люди слишком мало значили в его жизни, чтобы он тревожил себя размышлениями о том, что они подумают или скажут. Он отлично знал, что его деньги заткнут рот каждому из них. И заставят забыть всё странное, что они видели и слышали. А особо ретивых, честных и правильных может навестить Нифонт во главе службы охраны. Или же он использует некоторых из служителей правопорядка, которых щедро спонсирует. Гораздо больше его волновала Елизарова.

«Эта рыжая с**а встала после двух ножевых ударов в печень!» — разъяренно думал Сильвестр. — «А такое категорически невозможно! Такая рана валит с ног «шкафы» под два метра! А тут хрупкая девчонка чуть выше среднего роста... Как?! Каким образом она смогла встать! И ведь ушла... Ушла, чёрт бы её побрал! И теперь поди узнай!.. Если по какому-то недоразумению она смогла выжить...» Сильвестр в гневном отчаянии замотал головой. «Если она сумела выжить... тогда эта дрянь может доставить серьёзные неприятности...» — продолжал напряженно размышлять Сильвестр — «Она успела многое обо мне узнать. И если она начнет болтать... Особенно если расскажет всё нужным людям. Например, моим конкурентам, которых немало, или же достигнет до Следственного комитета, могут возникнуть очень серьёзные проблемы. Вряд ли меня посадят, но из-за её болтовни я могу потерять деньги, миллионы! И очень солидную часть своего влияния... Если девчонка выжила, её нужно срочно найти и заткнуть. Навсегда...»

По приказу Сильвестра Нифонт с охраной обыскали лес. Они нашли в чаще редкие

пятна крови, которые скорее всего принадлежат Людмиле. Но снежная буря, бушевавшая всю ночь, подчистую уничтожила любые следы девушки. Впрочем, и его, Сильвестра, следы тоже были щедро засыпаны густым и плотным слоем снега. В душе Сильвестра теплилась надежда, что люди Нифонта не нашли тело Людмилы, потому что его тоже засыпало снегом.

«Но... Кто знает...» — продолжал изводить себя мучительными раздумьями Гольшанский, — «А если... Если она и вправду сумела выжить... Но... Хотя... С такой раной, с пробитой печенью, истекая кровью ночью на холоде, никто не выживет. Это невозможно!»

Гольшанский из любопытства справился у Нифонта, не видел ли он или кто-то из его людей серебристо-белую волчицу с необыкновенными синими глазами. Начальник охраны «МосИнвест» замешкавшись, удивленно ответил, что никаких волков они не видели.

«Жаль» — сказал ему тогда Сильвестр. Он был бы о-очень не против, чтобы его люди поймали ему эту четвероногую мерзавку. Он бы хотел посмотреть, как его псы загрызут синеокою тварь. Он бы хотел услышать её визг и скулеж. Хотел бы увидеть, как она сдохнет, визжа от боли и истекая кровью.

Из-за этой волчицы Сильвестр не успел закончить начатое. Из-за этой зверюги он сейчас мучился пугающими сомнениями. А ещё вынужден был почти полтора часа сидеть в машине, пытаясь дозвониться до Нифонта, и ещё час ожидая, пока его найдут. Его кровь насквозь пропитала сиденье под ним и половину салона дорогого автомобиля. Он ещё о чем-то думал перед тем, как уснуть, но сейчас уже не мог вспомнить, о чем именно.

Внезапно в дверь его покоев деликатно постучали.

— Катитесь все к чёрту! — отозвался Гольшанский.

Стук повторился. Сильвестр раздраженно вздохнул.

— У тебя что, в ушах слуховые каналы слиплись?! — вскричал Гольшанский. — Пошли вон все! Кто бы там ни был!!!

Но в ответ в дверь снова постучали. На этот раз громче и требовательнее.

— Вы что там... — Сильвестр фыркнул, встал с кровати, нетвердой походкой направился к двери, — вы что, бессмертными стали... Совсем уже страх потеряли?!

Он открыл дверь и удивленно застыл на месте. Перед ним стоял темноволосый мужчина в синей расстегнутой парке. Из-под неё виднелась светло-голубая рубашка и чёрный галстук. У мужчины были пронзительные серо-зеленые глаза с золотистым ореолом, а взгляд — колючим, внимательным и острым.

— Капитан Евсей Карабанов, следователь по особо важным, — представился молодой мужчина, показав Сильвестру удостоверение. — Это лейтенанты Самоедов и Тамаридзе.

Мужчина с лохматым русыми волосами и темноволосая женщина с греческим профилем сухо кивнули Гольшанскому.

— Ну и чему обязан вниманием Следственного комитета? — спросил Гольшанский нарочито небрежно.

— Думаю, будет лучше, если вы нас впустите, — властно и с толикой угрозы проговорил Евсей Карабанов.

Сильвестр порядком опешил от такого тона. С ним давно уже никто не смел так разговаривать. Но он решил сперва выяснить, что у СКР на него есть. А уж потом он им покажет...

— Проходите, — Сильвестр вынужденно посторонился, и следователи вошли внутрь.

— Откуда у вас раны? — сухо спросил Евсей.

Женщина с грузинской внешностью и сам капитан Карабанов восседали на диване напротив кресла, в котором полулежал сам Гольшанский. Возле дивана прогуливался из стороны в сторону лейтенант Самоедов. Онто и дело изучающе поглядывал на Нифонта Олсуфьева, что стоял за креслом Сильвестра.

— От дикого зверя, — усмехнулся Сильвестр.

Тамаридзе скептически вскинула свои длинные темные брови, взглянула на Карабанова. Тот чуть склонил голову к плечу, издевательски усмехнулся. А затем вынул из-под куртки нечто в прозрачном пакете.

— А вот этот предмет вам случайно не знаком? — спросил капитан, положив пластиковый пакет на столик между диваном и креслом.

Сильвестру понадобилось все его самообладание, чтобы сохранить контроль над собой, потому что на столе перед ним в пластиковом пакете лежал его нож. Настоящий боевой нож из высокопрочной стали с фореитом на внутренней стороне чуть загнутого лезвия. И на поблескивающем широком лезвии ножа отчетливо темнела кровь.

Сильвестр сцепил зубы, но тут же заставил себя успокоиться.

— Судя по вашему взгляду... — начал Карабанов.

— Слушайте, вы... — начал отвечать Гольшанский.

— ...И отпечаткам пальцев, — с нажимом закончил капитан, — этот нож как минимум один раз бывал у вас в руках.

— Вы уже успели сверить отпечатки на нём с моими отпечатками пальцев? — усмехнулся Гольшанский.

— О, да, — вернув усмешку, ответил Карабанов. — Их полно в вашем личном кабинете в центральном офисе «МостИнвеста».

Сильвестр порывисто оглянулся на Нифонта. Но по взгляду начальника охраны понял, что тот ничего об этом не знал.

— Мы так же знаем, — холодно продолжил Евсей Карабанов, — что на ноже кровь вашей гражданской супруги.

Сильвестр почувствовал, что потеет. Ему становилось душно. Дыхание сбилось, живот свело нервными спазмами. Слишком быстро. Слишком быстро для обычного, тривиального следствия. Так не бывает... Его мозг напряженно и быстро соображал. Он пристально вглядывался в глаза Евсея Карабанова.

— Наверное, думаете, как мы вообще что-то смогли узнать? — победно улыбнулся Карабанов. — Не буду скрывать, мы получили анонимный звонок. Звонивший...

Он поднял взгляд на Нифонта и улыбнулся шире.

— Представился Нифонтом Олсуфьевом.

— Это ложь! — гневно вскричал начальник охраны «МостИнвест». — Я никуда не звонил!

— Мы знаем, что это были не вы, — кивнул Евсей и перестал улыбаться. — Вот только звонивший сообщил, что ваш босс собрался убить свою супругу за измену... И каково же было мое удивление, когда мои люди действительно обнаружили на месте преступления кровь, окровавленный нож, следы машины и...

Он оглянулся на лейтенанта Самоедова. Тот достал что-то из кармана и бросил капитану. С торжествующим видом Карабанов положил на стол ключи от машины Сильвестра.

— Это ключи от вашего внедорожника, — объявил он. — Если не ошибаюсь, от Range Rover-a... V8 Supercharged в оригинальном тюнинге от самого дорогого тюнинг-ателье Москвы.

Карабанов вздохнул.

— Вы бы хоть на ключах не делали платиновую инкрустацию и гравировку... — капитан Карабанов с издевательским сожалением покачал головой. — Беда всех дорогих вещей в их очевидной узнаваемости.

Он хмыкнул и развел руками.

— Из всего выше сказанного и ввиду наличия неопровержимых доказательств у меня к вам теперь один вопрос: где вы спрятали тело Людмилы Елизаровой?

Сильвестр, пряча злость, ухмыльнулся.

— Я её не убивал.

— Вот как? — вскинул брови капитан. — А как же кровь на ноже?

— Мы поссорились.

— И как часто ваши ссоры заканчивались поножовщиной?! — повысил голос капитан Карабанов.

Судя по наглому поведению капитана, он явно не опасался расправы со стороны семьи Гольшанских. А раз так, значит за его спиной стоит кто-то как минимум не менее могущественный. Сильвестр окончательно убедился, что следователи кем-то подосланы. Значит ли это, что Людмила жива и успела добраться до «нужных людей»?

— Так что вы скажете, господин Гольшанский? — прервал затянувшееся молчание капитан Карабанов.

Сильвестр открыл рот, чтобы высказать только что на ходу придуманную версию. Но тут в дверь спальни Гольшанского постучали, и заглянувший внутрь полицейский в униформе бросил:

— Товарищ капитан...

— Что-то нашли, сержант? — спросил капитан.

— Так точно, но... не то, что вы ожидали, товарищ капитан. — несколько смущенно проговорил сержант.

Во дворе примерно в двухстах метрах от особняка Гольшанских группа полицейских окружила неряшливо раскопанную яму. Чуть в стороне сбились в кучу несколько слуг и охранников. Сильвестр окинул их мрачным и презрительным взглядом. Жалкие крысы! Пришли поглазеть Событие! Полюбоваться, как арестовывают человека, который дал им работу! Человека, который исправно и щедро платит им!.. Трусливые и завистливые ничтожества! Все они! Эти нищие ни на что не способные насекомые!

Гольшанский в сопровождении Нифонта, сержанта полиции и трёх следователей подошли к раскопанной яме.

— Мы нашли в земле вентиляционные отверстия, — торопливо и нервно объяснял сержант, что позвал следователей, — Начали копать, а там... судя по всему, это какой-то погреб... Потайной...

Сильвестр скривился, слушая полицейского. Гольшанский не мог понять, о чем говорит этот сопляк. Какой ещё потайной погреб на его территории! Но когда они подошли к разбросанным кучам земли и заглянули внутрь, Сильвестр почувствовал глубокий, пронзающий укол в сердце.

«Нашли — подумал он. — Чёрт бы их побрал! Они нашли!»

В яме, которую раскопали полицейские, обнаружилось узкое, маленькое помещение с дощатыми стенами. Здесь стоял небольшой стол, рядом стул и десятка полтора маленьких манекенов на металлических стойках. Все манекены были облачены в разную одежду. В куртки, шапочки и шарфики. Из отдельного ящика пузатый полицейский с усами вытряхивал на снег ботинки, кроссовки и туфли. Вся обувь была не больше тридцатого-тридцать второго размера.

Сильвестр тяжело сглотнул. Нифонт сдавленно кашлянул в кулак. Лейтенанты Самоедов и Тамаридзе с ошарашенными лицами переглянулись, а затем медленно обернулись на Сильвестра. На лицах обоих следователей замерло выражение изумления и отвращения. Стоящие возле ямы полицейские тоже поглядывали на Сильвестра с угрюмой молчаливостью. А Гольшанский, созерцая груды детской обуви на снегу и детские манекены внизу, в погребе, пытался справиться с приступами подступающей тошноты.

Евсей Карабанов присел на корточки, аккуратно взял два разных ботинка одной рукой. Затем достал мобильный телефон, что-то быстро пролистал большим пальцем левой руки. Хмыкнув, он повернулся к Сильвестру. С самодовольным видом Евсей показал ему экран своего смартфона. Там были фотографии двух девочек лет шести-семи.

— Эта обувь, — Карабанов поднял в руке два ботиночка, — принадлежала Дарье Прокоповой и Полине Горшковой.

Карабанов сделал паузу и прибавил со злым ехидством.

— Это обувь девочек, которые были убиты четыре года назад.

Теперь уже все — и полицейские, и слуги, и охрана со смесью ужаса, изумления и презрительного осуждения глядели на Сильвестра Гольшанского.

— Гражданин Гольшанский, — Карабанов подошел к Сильвестру вплотную, заглянув в его глаза, — вы арестованы. Вы подозреваетесь в убийстве Людмилы Елизаровой, Дарьи Прокоповой, Полины Горшковой... и всех остальных жертв... Сумеречного Портного.

Сильвестр лишь криво усмехнулся. За его спиной сдавленно вскрикнула одна из служанок.

— Самоедов! — не отводя испепеляющего взгляда от Сильвестра, вскрикнул Карабанов.

— Товарищ капитан?.. — с готовностью спросил лейтенант.

— Наручники! — скомандовал Карабанов.

— Что?! Какие наручники?! — рассерженно запротестовал Нифонт. — Вы не имеете права!

Он попытался оттеснить Карабанова, но тот схватил его за руку, ловко скрутил и подсек правое колено ударом ноги. Нифонт грузно, плашмя рухнул в снег. Карабанов достал пистолет, передернул затвор и наставил оружие на Нифонта.

Охранники Сильвестра Гольшанского замешкались в смятении. Кто-то неуверенно потянулся за оружием.

— Каждый, кто хоть шевельнется будет определен, как соучастник серийного убийцы! — громко и яростно воскликнул Евсей Карабанов.

Угроза подействовала. Никому из охранников особенно не хотелось рисковать ради Гольшанского. И ещё меньше им хотелось рисковать ради «Портного», которого поймали с поличным.

Когда Сильвестра в наручниках вели к машине, возле дома остановился темно-синий Bentley Continental. Из шикарного седана выскочил мужчина в темной куртке. Он был взволнован, его взъерошенные темно-каштановые волосы торчали во все стороны.

— Какого чёрта вы творите?! — вскричал он яростно. — Немедленно отпустите Сильвестра Гольшанского! Вы что, не знаете, кого арестовываете?! Совсем обнаглели, шакалы?!

— А вы ещё кто? — хмыкнул Карабанов, пряча руки в карманах куртки.

Мужчина в темной куртке яростным широким шагом подошёл к Карабанову, встал перед ним. Гневно раздувающиеся крылья носа у молодого мужчины были такими же широкими, как и у самого Сильвестра. У него были такие же высокие, чуть выступающие скулы, идеально прямой нос с тонкой переносицей и такой же цвет глаз. Только лицо было куда более округлое, а шея покороче.

— Я Орест Гольшанский! — громко объявил стоявший перед Карабановым мужчина. — По какому праву вы задерживаете моего отца? Вы что, не знаете, кто он?! Вы вообще знаете, где вы находитесь?!!

— В логове Сумеречного Портного, — с фальшивым равнодушием ответил Карабанов. — А что?

Самоедов и Тамаридзе, усмехнувшись, повели Гольшанского к своей машине. Проходя мимо Ореста, Сильвестр бросил на него пристальный выразительный взгляд. Тот ошарашенно открыв рот, таращился на отца.

Карабанов с издевкой шутливо похлопал его по плечу. Орест оглянулся на него.

— Я понимаю ваше состояние, — ухмыляясь проговорил Евсей Карабанов. — Не каждый день узнаешь, что твой отец — редчайшая кровожадная мразь и хладнокровный детоубийца.

Лицо Ореста отвердело. Он молча прожигал капитана убийственным взглядом.

— Тяжело ему придется в тюрьме, — с обманчивым сожалением покачал головой Карабанов, надевая перчатки.

Орест не выдержал, рванулся вперёд, схватил капитана за ворот куртки.

— Орест, не смей! — гневно и требовательно проревел Сильвестр у полицейской машины.

Сын Сильвестра свирепо втягивая носом воздух, глядел в насмешливые глаза капитана.

— Слушайся папочку, — пошутил Карабанов. — Вы вряд ли увидите в ближайшее время.

С этими словами он отбросил руки Ореста Гольшанского и направился к машине, в которую усаживали Сильвестра.

— Подождите!

Тамаридзе закрыла дверцу автомобиля и обернулась. Самоедов застыл возле открытой дверцы водителя. К ним подошёл Нифонт Олсуфьев.

— Я хочу передать это Сильвестру Гордеевичу! — решительно, отчаянно волнуясь, произнес Нифонт.

Он всё ещё был весь в снегу с того момента, как капитан Карабанов уронил его с помощью приема.

— Передадите потом! — протестующе подняла ладони Тамаридзе.

— Да и вряд ли ему что-то понадобится, — бросил Самоедов.

— Ну пожалуйста! — едва ли не взмолился Нифонт. — Прошу вас!..

— Передайте мне! — вздохнула Тамаридзе и протянула руку.

— Ирма, отойди от него! — прокричал Карабанов, стремительно бросаясь вперёд.

Ирма с протянутой рукой недоуменно посмотрела на командира. Нифонт резко

перехватил её руку, коротко ткнул её кулаком в живот. Выхватил у нее оружие и тут же два раза выстрелил в упор. Самоедов обежал автомобиль, сунул руку под куртку. Нифонт выстрелил навскидку. Пуля выбила из головы Самоедова струю крови, и тот рухнул в снег.

Грянул выстрел. Затем ещё один. Нифонт обежал автомобиль, выхватил у мертвого Самоедова ключи и прыгнул за руль.

— Огонь! Огонь! — закричал взбешенный Карабанов, расстреливая уезжающий чёрный Вольво.

Пули разбили стекла автомобиля, высекли искры из корпуса, но седан вырвался с территории особняка и рванул по автомагистрали.

— Чёр-рт! — прорычал со злостью Евсей Карабанов.

Он подбежал к Тамаридзе.

— Ирма, Ирма! Смотри на меня! — он одной рукой приподнял её голову, а второй отвёл окровавленные ладони от раны женщины.

Темно-багровая кровь резвыми, бурными толчками выплескивались из раны. Кровь растекалась на животе раненой женщины и лужей стремительно собиралась под ней.

Евсей выругался. Рана у Ирмы Тамаридзе была смертельной. Женщина что-то прохрипела, неразборчиво шепнула какое-то слово и замерла, повиснув на левой руке Карабанова. Капитан поднялся, достал рацию.

— Ситуация семь два четыре! Нужен план-перехват! — проговорил он быстро в микрофон. — Машина — чёрный седан, Вольво S60, номер...

— Нифонт, какого хрена ты творишь?! — орал с заднего сидения Сильвестр. — Ты убил двух следаков!

— Плевать! — процедил Нифонт.

Они летели по городу, обгоняя другие автомобили.

Из-за поворота на дорогу выскочили два форда патрульной службы. Завыли полицейские сирены, зловеще засверкали красно-синие огни.

— Чёрный вольво, номер А010АЕ! Немедленно прижмитесь к обочине и заглушите двигатель! В противном случае...

Нифонт в сердцах надавил на газ. Вольво рванулся вперёд. Сильвестра отбросило на сиденье. Он нервно оглянулся назад, увидел несущиеся за ними полицейские автомобили.

— Нифонт!..

— Что?!

— Гони быстрее!!! — проорал Сильвестр.

Гольшанский нервно облизнулся.

«Чёрт его знает, может и получится.» — подумал он.

Они круто развернулись на перекрестке. Остановившийся автобус протяжно, возмущенно просигналил. Нифонт лихорадочно крутил руль. Вольво занесло, они перескочили на соседнюю полосу, едва не столкнулись с красным внедорожником.

Полицейские машины отстали. Сильвестр ухмыльнулся. Как же он недооценивал своего начальника охраны! Впереди показался полицейский заслон из трёх машин и шипов на асфальте. Нифонт свернул на тротуар. Люди с криками бросились врассыпную. Один мужчина не успел отпрыгнуть. Вольво сбил его, тело мужчины ударилось о лобовое стекло и перелетело через автомобиль. Они мчались вперёд, сшибая стоящие перед магазинами указатели и разгоняя перепуганных прохожих. Сильвестра на заднем сиденье бросало из

стороны в сторону. В зеркале заднего вида мелькало безумное лицо Нифонта. Олсуфьев с решительным видом и сверкающей в глазах злостью лихорадочно крутил руль и дёргал рычаг коробки передач. Старенький вольво выскочил с тротуара на широкий проспект. Полицейских машин за ними не было, но в воздухе над ними гулко зашумел двигатель вертолётa. Нифонт выругался, быстро переключил скорость и снова резко свернул. Вольво в который раз занесло.

Тяжелый бензовоз, мчащийся на них, пронзительно взревел сигналом, с упорством жестко затормозил. Из-за него выскочил белый универсал и на всей скорости протаранил левое крыло вольво. Стекла левых дверей вольво лопнули искрящимися осколками. Проскрежетал металл, и следом раздался грохот. Сильвестра с силой швырнуло на переднее сиденье и резко отбросило назад. Перед капотом вольво замелькали витрины магазинов, прохожие, машины. Седан закрутило. Нифонт отчаянно пытался справиться с управлением, но впереди вырос столб светофора. Гольшанский едва успел сгруппироваться. Вольво с жестким ударом врезался в светофор. Лобовое стекло покрыла сеть глубоких трещин. Крыша Вольво просела от мощного удара упавшего столба светофора.

— Нифонт... — простонал с заднего сидения Сильвестр.

— Прости...те... — простонал лежащий на руле Нифонт Олсуфьев. — Я... Я хотел...

— Глупый ты мальчишка! — вскричал раздосадованный Сильвестр. — Какого же чёрта...

— Можете мне ответить?.. — Нифонт, морщась от боли, повернул к Сильвестру окровавленное лицо.

Гольшанский увидел, как вокруг них останавливаются полицейские машины, и патрульные приседают возле открытых дверей, достав пистолеты.

— Спрашивай, — разрешил Сильвестр.

Всё-таки Нифонт пытался... Отчаянно, самоуверенно и честно. Пытался его спасти. Парень теперь сядет, и надолго. Сядет из-за него.

— Спрашивай, Нифонт, — оглянувшись на полицейских, разрешил Сильвестр.

— Те девочки... — прошептала Нифонт. — Это... Вы?.. Да?..

Сильвестр усмехнулся, глядя в глаза Олсуфьева, и вздохнул.

— Да, — посмотрев ему в глаза, кивнул Сильвестр и пожал плечами. — Прости... Ты пытался спасти монстра. Хорошо, что тебе не повезло.

Он подмигнул Нифонту, открыл дверцу рядом с собой, с трудом выбрался из автомобиля. Глядя на полицейских вокруг, он с кривой ухмылкой поднял вверх руки в наручниках.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 11 января.

— ...И никто из них, из этих напыщенных дураков не в состоянии меня понять! — качая головой проговорил сидящий за столом со Стасом мужчина. — Никто! Ни мой босс, этот усатый морж с рожей подзаборного пьянчуги! Ни хренов директор по продажам, ни даже мой непосредственный начальник! Никто! Никто из этих остолопов не может понять, что у меня есть идеи!.. Я действительно могу помочь!

Толстощекий, небритый мужчина с жирными черными волосами посмотрел на Стаса.

— Вот у тебя такое было, подполковник?! Ты говоришь, хочешь им что-то донести, объяснить и... посоветовать!

Он горько усмехнулся и качнул головой.

— А тебя не желают ни слышать, ни замечать, — осипшим голосом добавил он. — И ты понимаешь: им всем на тебя на***ть!

— Знаешь, я примерно раз в месяц предлагаю нашему генералу ввести иной порядок работы, — Стас макнул кусочек картошки фри в кетчуп и положил в рот. — Но он каждый раз лишь отмахивается от меня.

— Вот! — выразительно выпучив глаза, произнес собеседник Стаса. — Вот! То, о чем я говорил! Отмахиваются, и всё! Никакого уважения! Те, кто стоят выше нас, плевать хотели на то, что мы думаем, на наши старания, цели и даже на нашу помощь!

— Да, такое встречается, — согласился Стас, поедая очередной ломтик картошки. — И ты поэтому решил их наказать?

Корнилов кивнул на четверых мужчин в деловых костюмах, что стояли на коленях, держа руки за головой, как и остальные восемнадцать заложников.

— Я лишь хотел преподать им урок, — собеседник Стаса переложил пульт дистанционного управления в другую руку и свободной взял стакан с колой. — Я хотел научить их слушать!

Он отпил из стакана. Капли колы стекли на его щетинистый подбородок.

Корнилов посмотрел на четверых мужчин. У всей четверки на вспотевших лицах застыло одинаковое внимательное и опасливое выражение. Их кадыки то и дело дергались от нервных глотков. Боязливые, пристальные взгляды метались от Стаса к его собеседнику. Остальные заложники жались друг к другу возле стойки с кассовыми аппаратами закуской, где их усадил обиженный на весь мир Артём Солонкин. По обе стороны от группы заложников на полу стояли две плотно обмотанные скотчем чёрные спортивные сумки. В каждой из сумок притаилась самодельная взрывчатка. Сомневаться в этом не приходилось, потому что за два часа до захвата заложников в этой закусочной Артём взорвал автомобиль гендиректора компании, в которой работал. Пострадало три человека. Уже через двадцать минут после захвата заложников стало известно, что Солонкин служил срочную и сверхсрочную службу в сапёрных войсках. Так что во взрывчатых веществах он разбирается едва ли не лучше, чем в проводке кабелей для интернета и телевидения. Солонкин шесть лет проработал монтажником в одной из Московских компаний-провайдеров. Шесть лет, прежде чем он решился на сегодняшний акт «справедливости».

— И на чем ты остановился? — спросил Стас, с фальшивым интересом глядя на Артёма.

— На чём остановился? — переспросил Солонкин. — Я...

Он наморщил лоб, поджал губы. Посмотрел на четверку своих угнетателей и снова обернулся на Стаса.

— Я хотел... Хотел предложить... новую... и...

— Революционную? — мягко подсказал Корнилов.

Солонкин быстро кивнул.

— И революционную идею... Систему... которая позволила бы... с-экономить...

У Артёма Солонкина, как и у большинства подобных ему «непризнанных гениев», была серьёзная проблема с формулировкой собственной мысли. Этот недуг проистекает отнюдь не из-за умственной отсталости, а, скорее, из-за хаоса в процессе построения предложений и

выражения мысли. Особенно в период волнения или стресса. Как сейчас, например.

— Я вижу, ты волнуешься, — заботливым и дружелюбным голосом произнес Стас. — Давай сделаем так... ты расскажешь всё мне, а потом мы вместе объясним эту идею твоим коллегам. Как ты на это смотришь? Заодно и я у тебя поучусь...

— У меня? — растерянно заморгал глазами Артём. — Чему?! Чему я могу тебя научить?

— Как чему? — пожал плечами Стас. — Хотя бы твоей решимости донести мысль. Мне, к сожалению, не достаёт твоего мужества и смелости.

— Мужества и смелости? — завороченно повторил Солонкин. — Ты правда считаешь, что я поступаю мужественно... и смело?

Сейчас он был похож на ребенка. Большого, растерянного и напуганного сорокалетнего ребенка.

— Конечно, — пожал плечами Корнилов. — Много ли людей могут осмелиться пойти на то, на что решился ты?

Стас с сожалением покачал головой.

— Мы живем в мире покорных овец и жалких лебезящих трусов.

— Да-а... — с готовностью согласно кивнул Артём. — Да! Да, ты прав, подполковник! Мы... мы все... мы все живем в рабском подчинении!

Он обратил сердитый и осуждающий взгляд на своих четверых начальников. У тех враз побледнели лица, а глаза затопил страх.

— Но какое счастье, что в нашем мире ещё есть такие люди, как ты, — Стас старался не переборщить с лестью.

Артём Солонкин был инфантильным, истеричным и не слишком рассудительным. Но идиотом он тоже не был. Почувствует неладное — и нажмёт кнопку.

— Спасибо, — самодовольно усмехнулся Артём.

Стас достал из кармана ручку и блокнот, который всегда носил с собой.

— Буду записывать, чтобы потом помочь тебе объяснить всё твоим коллегам, — пояснил он в ответ на вопрошающий взгляд Артёма.

— А-а... — протянул Артём и кивнул. — Ну ладно. В общем, слушай... У тебя же есть дома интернет?

— Конечно, — усмехнулся Стас.

— Ну вот! — начал Солонкин, и глаза его загорелись азартом.

Пока он с увлечением рассказывал, Стас внимательно следил за выражением его лица, жестами и мимикой. То, как бурно и эмоционально повествовал Солонкин, можно было сравнить с рассказом ребенка лет восьми или десяти, который сам что-то сделал и ужасно этим гордится. Во взгляде Артёма сиял неподдельный наивный восторг, когда он описывал свою идею.

Стас не забывал задавать вопросы, изображать внимание и следить за теми знаками, что подавало ему тело Солонкина. А оно говорило, что перед ним на самом деле не злой отщепенец и отброс общества. Перед ним обиженный, разочарованный и брошенный любимыми людьми человек. Одинокий, в душе очень робкий, но искренний человек, который столь же искренно хочет помогать, улучшать, изобретать и создавать. Это не агрессивный психопат или уязвленный социопат, жаждущий мести отвергающему его обществу.

Стас заметил на его безымянном пальце правой руки след от кольца.

— ... И вот когда происходит соединение, трафик интернета может быть... —

продолжал взахлеб рассказывать Артём.

— Слушай, подождёшь немного? — Стас полез во внутренний карман куртки. — Хочу взять чашку кофе. Ты же не против?

— Нет, конечно, — пожал плечами Артём. — Давай...

— Чёрт возьми, — расстроено произнес Стас, — не одолжишь полсотни? А то я, похоже, кошелек дома оставил... На кофе не хватает.

Артём удивленно моргнул глазами и оглянулся.

— Но ведь... — начал он, — здесь сейчас всё под моим контролем... Может, так возьмёшь? Вон на стойке кофемашины...

— Артём, — развел руками Стас. — Я не грабитель, да и ты тоже. Так ведь?

— Да, — согласился Солонкин и рассеянно кивнул. — Да, ты прав.

— Так что? Одолжишь?

— Ладно, — легко согласился Артём и полез под свою куртку.

Как и ожидал Стас, Солонкин достал бумажник, открыл его и расстегнул молнию.

— Красивая, — протянул Стас, прибавив голосу оттенок зависти.

— Что? — не понял Артём и тут перехватил взгляд Корнилова на фотографию в кошельке. — А это... Это Ася... Жена моя... бывшая.

Он вздохнул, и настроение его заметно испортилось. Он протянул Стасу пару купюр.

— Спасибо, — Корнилов взял деньги, встал из-за стола.

Подойдя к автомату самообслуживания, Стас купил себе стакан ароматного кофе. Забрав сдачу из автомата, он перехватил настороженный и ошарашенный взгляд одного из кассиров-продавцов и подмигнул ему.

Незаметно для Солонкина Стас поставил на смартфоне будильник.

Он вернулся за стол к Артёму. Тот уже ёрзал от нетерпения.

— Оставь себе, — сказал Солонкин, когда Стас протянул ему сдачу.

— Ты очень великодушен, — ответил Корнилов, положив деньги в карман. — Так, что там дальше?

Через минут двадцать рассказ Артёма прервал звонок мобильного у Стаса.

— Прости, — скривился Стас, — жена... Я должен ответить.

— Ничего, я понимаю, — вздохнул Артём.

— Да, любимая? — проговорил Стас, приложив телефон к уху. — Да, конечно!.. Да, я помню, конечно, солнце. Я помню, что обещал купить ей шоколадку. На обратном пути куплю две. Не-ет... Одну тебе, одну ей. Да, и я тебя люблю. Хорошо, пока.

Корнилову самому было тошно от той приторности, с которой «общался» с Ритой. Но ему было важно, чтобы Артём среагировал на это. Среагировал правильно.

— Извини, — Стас спрятал телефон. — Беспокоится... Сам понимаешь.

— У тебя есть ребёнок? — спросил Артём.

— Да, — пожал плечами Стас.

Он заметил, что голос Солонкина изменился. Стал задумчивым и немного грустным.

— А кто? Сын или дочка?

— Дочка, — улыбнулся Стас. — Четырнадцать лет.

— У меня тоже есть... две дочки, — кивнув, усмехнулся Солонкин. — Только их мать... Ася... Она нечасто позволяет мне общаться с ними... Я их очень люблю. Ты бы видел, какие они у меня молодцы. Вот недавно на школьной олимпиаде второе и третье место заняли! Представляешь?!

— Здорово, — согласился Стас. — А сколько лет твоим красавицам?

— Девять и двенадцать, — вздохнул Артём. — У старшей скоро день рождения. Вот... на подарок коплю...

— Уверен, она будет очень счастлива, — заявил Стас. — Но не забывай, что главный подарок для неё — это ты, Артём.

Солонкин снова взволнованно взглянул на Стаса и несколько раз медленно кивнул.

— Спасибо, подполковник...

— Ну что? — Корнилов кивнул на стоящих на коленях начальников Солонкина. — Может, уже и этих подключим к нашей беседе? Ты готов с ними поговорить?

Артём снова занервничал. Всё-таки Стас не был его начальником и точно не разбирался в тонкостях интернет-услуг. А вот перспектива беседы с вышестоящими людьми, которые сведущи в данной области не меньше, чем он, его сильно нервировала.

— Эй, эй, — Стас похлопал Артёма по руке. — Ты чего? Не парься...

Стас постучал по блокноту.

— Я всё записал, если что, сумею объяснить. А ты дополнишь. Идёт?

— Да, — нервно сглотнув, ответил Солонкин. — Хорошо... Спасибо тебе.

— Слушай, я тут подумал... — сказал Стас. — Ты не против, если они тоже позвонят своим семьям... ну, чтобы их жены, дети и матери не переживали... Им же не нужно переживать?

Стас с вопросом, пристально посмотрел на Артёма.

Солонкин ещё больше занервничал под взглядом Стаса.

— Н-не н-нужно... — заикаясь, ответил он.

— Присаживайтесь к нам, господа, — Стас позвал начальников Артёма.

Когда угрюмые, уставшие и напуганные мужчины сели с ними рядом, Стас положил на стол свой мобильник и включил громкую.

— Набирайте... Кто первый?

— Можно мне? — спросил седой мужчина лет сорока пяти или старше. — У меня дочка сегодня заканчивает университет...

— Поздравляю, — улыбнулся Стас.

— Поздравляю, — повторил Артём.

Выражение лица Солонкина постоянно менялось. Он то хмурился, то вскидывал брови, словно в удивлении. Его взгляд метался из стороны в сторону, он что-то беззвучно бормотал. Налицо были видны явные признаки внутренней борьбы.

По очереди все четыре мужчины звонили по громкой связи своим женам, детям и родителям. Слыша звонкие голоса их детей, взволнованные голоса жен и матерей, Артём Солонкин стремительно менялся. Он краснел, его лицо покрылось испариной, волосы слегка увлажнились. Он часто, громко дышал, и смотрел то на телефон Стаса, то на своих начальников, что общались с родными.

— Хватит! — неожиданно вскричал он и стукнул ладонью по столу. — Хватит!..

Его начальники с опаской замерли, глядя то на него, то на Стаса.

— Убирайтесь! — прошипел Солонкин и снова хватанул ладонью по столу. — Ну?! Чего смотрите?! Убирайтесь! Быстро!.. Уходите! Вас же... Вас же...

У него задрожали губы, он громко и сердито шмыгнул носом, замотал головой.

— Вас же ждут... — добавил он, — ваши дети и жены... Уходите!

Начальники Артема оглянулись на Стаса. Тот молча кивнул. Мужчины поспешно

ретировались. Стас услышал, как пару раз звякнул колокольчик над дверью закусочной.

Солонкин нервно сглотнул и обернулся к другим заложникам.

— А вы чего там засели?! Тоже пошли все вон! Ну! Быстро!..

Не веря своим ушам, пораженные неожиданным поворотом заложники поспешили вслед за топ-менеджерами интернет-компаний.

Через несколько минут Артем и Стас остались вдвоем. В закусочной звенела выразительная тишина. Корнилов не спешил нарушать её. Солонкин со злостью сопел, глядя перед собой. Затем покачал головой.

— Ты ошибся во мне, подполковник, — он нервно сглотнул. — Никакой я не смелый и не мужественный!.. Я... Я же... Я...

Он судорожно вздохнул. Посмотрел на пульт радиоуправления в своей руке, и с брезгливостью отложил его прочь.

— Что было бы, если бы я нажал кнопку?! Что было бы?!

Он посмотрел на Стаса. Корнилов молча смотрел на Солонкина с изучающей снисходительностью.

Тот снова тяжело и шумно сглотнул.

— Я чуть было не убил их всех! Понимаешь?! Я... Я не знал... Я просто не думал... И: дети, жены... Они... Они такие же, как моя Ася и мои дочурки! Точно такие же... Как я... Как я вообще мог решиться на такое?! А?! Я... Я чудовище... Да?

Последний вопрос был произнесен жалостливо и боязливо.

— Никакое ты не чудовище, Артём, — Стас отпил кофе. — Ты отчаявшийся человек, любящий муж и добрый отец.

Артём лишь усмехнулся.

— Если я выйду... меня посадят, да?

— Боюсь, что да, — с сочувственной грустью, суховато ответил Стас. — Но на какой срок, сейчас зависит от меня.

Артём вопросительно, с надеждой взглянул на него.

— А ты можешь... что-то сделать?

— Могу и сделаю, — вздохнул Стас. — Но... полностью избежать наказания тебе не удастся.

— Но я же никого не убил...

— Да, но, если тебя не накажут, кто-то может последовать твоему примеру, — Стас вздохнул. — И кто знает, хватит ли ему сил понять, что он собрался сотворить зло, о котором будет жалеть всю оставшуюся жизнь?

Артём Солонкин протяжно, жалобно всхлипнул и покорно кивнул.

Спустя несколько минут они вдвоем вышли из закусочной. А ещё спустя десять минут, Стас наблюдал, как Артема усаживают на заднее сиденье полицейской машины и увозят в ближайшее отделение для последующей передачи под суд.

Перед тем, как он уехал, Стас вернул ему сдачу и позволил допить его колу.

Корнилов достал сигарету из пачки, поджег её зажигалкой и закурил, стоя среди сверкающих полицейских мигалок и растоптанного людьми снега.

Всё опять закончилось куда лучше, чем могло бы. Его ли в том заслуга, или просто удачное совпадение? Глядя на то, как спасенные заложники обнимают своих родных у машин скорой помощи, Стас понимал, насколько это неважно. Важно то, что все остались живы. У этой короткой истории оказался счастливый конец. И только это имеет значение.

Корнилов ленивой походкой направился к припаркованному неподалеку черному Land Rover Defender.

Как только он собрался завести двигатель, у него заиграла мелодия звонка на телефоне. Стас устало и раздраженно вздохнул, достал телефон, взглянул на дисплей. Звонил один из оперуполномоченных его следственной группы капитан Николай Домбровский.

— Привет, Коль, — произнес Корнилов.

— Здорово. Слышал, ты выехал на переговоры со «взрывателем». Как всё прошло?

— Ну я же с тобой разговариваю, — мрачно пошутил Стас.

— Не смешно, — проворчал Коля. — Я звоню тебе, сказать, что сегодня в городском суде состоится заседание...

— Коля, мне это не интересно, — поморщился Корнилов.

— Ты не знаешь, кого будут судить, — с интригующими нотками, взволнованно проговорил Коля.

— Мне всё равно...

— Это Сумеречный портной, — выпалил Добмровский.

Стасу показалось, что внутри него что-то оборвалось, надломилось и тяжело рухнуло в бездонную пропасть. В голове распространилась небольшая тяжесть и легкое головокружение. Корнилов пару секунд смотрел вдаль, на двух полицейских, что опрашивали одного из заложников.

— Сумеречный портной? — задумчиво переспросил Корнилов. — Ты уверен, Коль?

— Что тип, которого они взяли, это тот самый су**н сын, которого мы пытались поймать почти два года? — хмыкнув, спросил в ответ Домбровский. — Конечно, нет. Но я уверен, что слышал и видел в новостях прозвище «Сумеречный портной». Хочешь, скажу, кто им оказался?

— Нет, не нужно, — сказал Стас, заводя двигатель внедорожника. — Я хочу увидеть сам. Спасибо, давай.

— Бывай.

Корнилов пристегнулся и поспешно влился в поток движущихся машин. Через сорок минут он был возле здания городского суда.

СИЛЬВЕСТР ГОЛЬШАНСКИЙ

Понедельник, 11 января. События, происходившие параллельно с выше описанными.

Когда его с наручниками на запястьях ввели в зал суда, помещение немедленно наполнилось криками, плачем, воплями и ругательствами. Заливающиеся слезами матери жертв слали ему проклятия и желали «подохнуть в муках». Трое мужчин, не сговариваясь, рванулись было к нему, но были остановлены полицейскими. Один из них в ярости плюнул в сторону Сильвестра. Плевков попал на стекло камеры, в которой сидел Гольшанский, и медленно сполз вниз. Судья требовательно и грозно стучал молотком, тщетно требуя тишины. Угмонить присутствующих в зале родителей и других родственников убитых девочек, оказалось непросто. Полицейским пришлось вызвать подкрепление и взять зал в плотное оцепление.

Гольшанский смотрел на всё это с равнодушной флегматичностью. Он не понимал, зачем эти люди пришли в зал заседания суда. Насладиться судебным процессом? Убедиться,

что убийцу их детей точно посадят? Просто посмотреть на него?.. По мнению Сильвестра, если бы кто-то из этих родителей действительно хотел бы что-то сделать, он бы исхитрился пронести в зал оружие. И тогда бы он, Сильвестр, получил бы пулю, как только его завели в зал.

— Тишина! Порядок в суде! Порядок! — рокотал недовольно пузатый судья с лохматыми усами. — Граждане, прошу проявить сдержанность и адекватность! В противном случае...

— Чтоб ты сдох, мразь! — проорал через весь зал какой-то мужчина с взъерошенными волосами.

Сильвестр улыбнулся и издевательски подмигнул ему. Тот в ответ немедленно бросился к нему, но был отброшен назад заслоном полицейских.

— Тварь! Сволочь! Да чтоб ты в аду сгорел! — рыдая простонала какая-то женщина в дурацком зеленом костюме.

— Чудовище!

— Ублюдок!

— Отдайте его родителям! Этот ублюдок не должен ходить по земле!

— Чтоб ты дерьмом своим захлебнулся, выродок!..

— Хватит! — теряя терпение проорал судья, снова грохоча молотком по подставке. — Всем немедленно взять себя в руки! Иначе заседание, я обещаю, будет закрытым! И вы все вообще ничего не узнаете до самого конца! Я понимаю ваши эмоции и чувства! Но здесь здание суда! И сейчас перед судом предстал убийца ваших детей! А вы своим поведением мешаете проведению суда и дарите ему желанную отсрочку перед началом отбывтия уголовного срока!

Это пылкое и страстное заявление подействовало. Люди в зале притихли.

А сидящий неподалеку от камеры Гольшанского предоставленный ему по правилам адвокат лишь вздохнул, глядя на судью. Бедняга знал, *кого* ему выпало защищать, и был вовсе не в восторге ни от «клиента», ни от предрешенного итога судебного заседания, которое только что огласил судья. А ещё он понимал, что все запомнят, *кто* был его «клиентом».

Сначала выступил государственный обвинитель. Им оказался тучный и лысый мужчина с пышной каштановой бородой. Нахмутив свои густые, темные брови он нарочито презрительным и гневным голосом перечислил злодеяния Сильвестра. Каждый раз, когда обвинитель называл имя и фамилию очередной жертвы Сумеречного портного, в зале суда звучали болезненный вой, горький плач и истеричные стенания. Здесь, на суде, копившиеся четыре года страдания и тлеющие надежды почти с болью вырывались из человеческих душ. Пережитая ими невыносимая горечь утраты самого дорогого, что было в их жизни, все эти годы точила, угнетала и сжигала несчастных родителей. И только сегодня, сейчас, здесь... наконец-то, они увидели его. Увидели того, кто более четырех лет назад с ожесточением умертвил их маленьких дочерей. Они смогли увидеть лицо монстра, который навсегда разрушил их жизни.

Бородатый обвинитель представил суду более чем убедительные вещественные доказательства. Когда он показывал вещи убитых девочек, одна из женщин закричала и упала в обморок. Другая, зажав рот ладонью, давилась слезами. Остальные, обессиленные, измученные горем, в слезах взирали на обвинителя. Все они узнавали вещи своих детей. И каждая из матерей вспоминала свою малышку, которую она больше не сможет увидеть, обнять и прижать к сердцу. И всё по вине Сильвестра Гольшанского — Сумеречного

портного, который терроризировал столицу и окрестности почти два года, а затем притих на следующие четыре.

— Все эти вещи, — продолжал государственный обвинитель, указывая на представленную суду одежду жертв Портного, — принадлежали погибшим от руки Сумеречного портного детям!

В зале звучали сдавленные, надрывные рыдания. Мужья, отцы, братья и дедушки утешали рыдающих матерей, сестёр, бабушек и других родственниц убитых девочек.

— Помимо этого, — обвинитель вынул на свет тугую бечевку с приделанными на концах деревянными рукоятками, — следствие обнаружило орудие убийство. Сомнений быть не может. Экспертиза четко показала, что на ткани самодельной удавки остались частички эпителия, которые вне всякого сомнения принадлежали жертвам Портного.

За удавкой последовали материалы, из которых Портной шил зеленые платья в белый горошек.

— Прошу обратить внимание, ваша честь, на то, что материал, найденный в тайном убежище подсудимого, полностью соответствует тканям, из которых были сшиты платья для всех жертв Портного.

Помощник обвинителя передал судье распечатанные результаты анализов.

Судья, нахмутив брови, с вниманием прочитал документы по анализам судебно-медицинской экспертизы. Затем он обратил внимание на адвоката, что отчаянно потел и нервно ёрзал, сидя рядом с камерой Гольшанского.

— Защите есть, что сказать? — пророкотал судья.

— Нет, ваша честь, — помотал головой адвокат.

При этом он выглядел так, как будто его страшила сама мысль о том, что можно сказать хоть слово в поддержку своего подзащитного.

На каждый вопрос судьи о словах защиты, адвокат лишь мотал головой. Судья и гособвинитель несколько раз выразительно переглядывались. Всё-таки адвокат должен был сыграть свою роль, пусть и с известным финалом, а не молчать, как рыба, весь судебный процесс. Однако у адвоката, похоже, ни свидетелей защиты не было, ни каких-либо косвенных и ничтожных улик хотя бы гипотетической невинности Гольшанского, ни вообще какой бы то ни было стратегии защиты.

Сильвестр поискал взглядом лица своих родных, среди присутствующих на суде. Ни сына, ни матери и никого из дальних родственников Сильвестр на суде не увидел. Собственно, он и не слишком надеялся. Учитывая настроения большинства публики, если бы кто-то узнал, что на суде присутствуют мать и сын Сумеречного портного, могло случиться все, что угодно. Единственное, о чем жалел Сильвестр, это то, что сейчас рядом с ним не было его первой жены. Ксении был сорок один год, когда она погибла в авиакатастрофе в Мюнхене. А их единственному сыну Оресту тогда было двадцать один. И он уже три года ярко демонстрировал свои поистине гениальные способности в финансовой сфере. Так что Сильвестр был спокоен за «МосИнвест» и его проекты. Он сядет, но его детище останется в надежных и умелых руках.

Обвинение вызвало свидетелей. Первым среди них оказался уже знакомый Сильвестру капитан Карабанов. Одарив Гольшанского испепеляющим, ненавидящим взглядом, капитан подробно рассказал, как Гольшанский собрался убить свою жену, которая до сих пор числится пропавшей без вести, и как при попытке побега его охранник по наущению самого Сильвестра убил двух следователей из Следственного комитета.

Публика на суде с ужасом внимала словам капитана.

— Лейтенант Тамаридзе фактически скончалась у меня на руках, — говорил капитан Карабанов, и голос его подрагивал от сдерживаемых эмоций. — А другой мой коллега... лейтенант Самоедов умер мгновенно от выстрела в голову.

Капитан неловко прокашлялся, когда голос его начал скрипеть нервной осиплостью. Он отпил из стакана с водой. А гособвинитель степенно задал следующий вопрос:

— Расскажите подробнее о том, как вы вышли на Сильвестра Гольшанского.

— Не буду врать, моей заслуги в этом нет, — вздохнул Евсей Карабанов. — Примерно в одиннадцать часов я получил анонимный звонок, и неизвестный мужчина сообщил, что Сильвестр Гольшанский собирается убить свою любовницу Людмилу Елизарову...

— Вы ведь до сих пор не нашли никаких следов девушки? — перебил капитана обвинитель.

— Так точно, — кивнул Карабанов. — Поиски Людмилы Елизаровой продолжаются.

Сильвестр хмыкнул. А вот это была крайне неприятная новость. Вопреки его надеждам, Людмила, похоже, могла выжить... И во всем виновата та гребаная волчица с синими глазами. Откуда она только взялась, чтоб её грузовиком переехало! Тут среди присутствующих на заседании Гольшанский увидел женщину с темно-русыми волосами. Она со смесью странных чувств пристально следила за ним. Непонятно было, что она чувствует. Не то сожаление, не то злорадство. Впрочем, учитывая, как они расстались, последнее было более вероятно. Сильвестр как можно более выразительно улыбнулся второй, уже бывшей, жене. Ему бы хотелось, чтобы в зале подумали, что она ему очень дорога...

Его бывшая супруга в ответ быстро отвела взгляд и с любопытством уставилась на капитана Карабанова. Сильвестр две-три минуты с подозрением рассматривал бывшую супругу. Он прикидывал в уме, могла ли она быть замешана в том, что капитан Карабанов «получил анонимный звонок». По всему выходило, что могла.

«Видимо, — подумал Гольшанский, — этой с**е мало того, что она смогла получить после развода...»

Анжелика Орбелова — одна из немногих в России женщин-банкирш. Причем, её банк «ORBEL» успешно расширяется, процветает и растет последние пять лет.

— Благодарим вас, господин капитан, — сказал гособвинитель и громко произнес. — Обвинение вызывает следующего свидетеля...

Сильвестру надоело ждать, пока закончится весь этот балаган. Он поднялся со своего места. Стоящие рядом полицейские дёрнулись, один даже положил руку на рукоять пистолета в кобуре.

— Подсудимый, — обратился к Сильвестру судья, — вы хотели бы что-то сказать?

— Да, ваша честь, — кивнул Гольшанский. — Я хочу признаться...

В зале суда все присутствующие, включая судью и обвинителя, лишились способности говорить. А некоторые, судя по их виду, ещё и дышать.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 11 января.

Уже четвёртая сигарета кувырком отправилась в урну. Облокотившись на перила возле широкой лестницы, ведущей в здание суда, Стас напряженно и нервно ожидал финала

судебного заседания. Корнилов всё это время вспоминал те жуткие и зловещие дни, когда он и его опера шли по следу Сумеречного портного. По следу из задушенных и развешенных на деревьях, как тряпки, маленьких девочек. Стас помнил, как его травил пресса, как сыпались обвинения в никчемности особой оперативно-следственной группы. Ему дважды разбили машину! Несколько раз звонили Рите и угрожали расправой над Алиной. Родители некоторых девочек как будто с ума посходили! Они во всё обвиняли Стаса и его оперов. Как будто были уверены, что Корнилов и его подчиненные всеми силами стараются помочь убийце избежать поимки или, как минимум, не желают должным образом выполнять свою работу.

Стас помнил, как они с Арцеуловым и Домбровским буквально ночевали на работе. Они копали и рыли во всех направлениях. Они тщательно обыскивали места преступлений, опрашивали свидетелей и анализировали поступки Портного. Они приближались к нему, Стас это чувствовал. Да и Портной, похоже, тоже. Но при этом он начал убивать чаще, словно назло, показательно, нагло... Дети начали пропадать из самых людных мест. А их тела, опутанные красными нитями, начали находить даже рядом с жилыми домами в ближайших сквериках, лесах и парках. Портной издевался. И откровенно демонстрировал, насколько все усилия следствия тщетны.

Он продолжал убивать. Как ни старались Стас, Коля и Сеня, они не могли его остановить. Девочки пропадали почти каждый месяц подряд!

Почти два года они тщетно пытались поймать этого ублюдка! Почти два года они охотились на зверя в человеческом обличье, но так и не смогли его остановить.

Корнилов прежде не сталкивался с таким убийцей. Его *Modus operandi* каждый раз немного изменялся. Не кардинально, но достаточно, чтобы сбивать следствие с толку. Несколько раз Портной умышленно оставлял ложные улики. Зверь заигрывал с ними, измывался над ними и продолжал убивать. Монстр под личиной человека упивался своей безнаказанностью и бессилием следствия.

Газеты и новостные порталы продолжали сыпать пугающими заголовками. Мрачное уныние и страх распространялись по Москве и близлежащим городам. Пресса усиленно нагнетала обстановку. В интернете в соцсетях появились группы добровольцев, которые объявили, что начинают собственное расследование. Их не трогали, пока их активисты не забили насмерть двух ни в чем не повинных мужчин. Истерия нарастающего ужаса, от которого нет спасения, захватила город, телеканалы, СМИ. Большинство родителей усердно круглосуточно опекали своих маленьких дочерей. Девочек не оставляли одних даже дома. В офисах многих компаний начались проблемы из-за нехватки персонала — многие брали отпуск, чтобы сидеть с детьми, пока Портной оставался на свободе.

Город бился в панических судорогах. В людях стремительно росла и крепла паранойя. Соседи в доме и сотрудники компаний с крепнущим недоверием и дотошным подозрением присматривались друг к другу. Жизнь под гнетущей тяжестью страха постепенно многих лишала рассудка. В УГРО сотнями звучали телефонные звонки. Раздавались сотни уверенных заявлений вроде «Я знаю, кто Сумеречный портной» или «Я видел лицо убийцы».

Портной словно этого и добивался. Стас каким-то шестым чувством это ощущал: монстр доволен. Более того, он был безмерно счастлив тем, в какой бесконечный и совершенный ужас поверг весь город и его окрестности. Он наслаждался своей ролью, своим всесилием. Его наглость росла пропорционально захлестывающему город страху. Девочки стали пропадать по две и даже сразу по три! Немыслимо! Некоторые исчезали навсегда

буквально под стенами собственного дома!

И ни одного свидетеля! Ни одной стоящей и веской улики. Ничего.

Пустота. Бездна. Страх... А в случае Корнилова ещё и злость.

Корнилов злился на себя, на свою неспособность поймать чудовище, на свое бессилие...

Последними жертвами Сумеречного портного стали те три девочки, которых обнаружил лесник, скончавшийся от сердечного приступа. К этому времени дело Портного забрал Следственный комитет. Но после этих трёх жертв Портной внезапно перестал убивать. Следственный комитет ждал почти шесть месяцев, а затем закрыл дело, как «глухарь». Дети больше не пропадали, подвешенных на дереве девочек в зеленых платьях больше не находили. Сумеречный портной по необъяснимой причине исчез. Но ещё около года люди жили в страхе за своих дочерей и продолжали сподозрением следить за всеми прохожими. Однако убийства по-прежнему не происходили, и люди постепенно начали забывать буйствовавший среди них панический страх за своих детей. В последующие три года, в сумме четыре, Сумеречный портной словно впал в спячку, в этакий летаргический сон... И вот Сумеречный портной пойман... Спустя четыре года после последнего убийства. Кто бы мог подумать.

Тягостные раздумья Корнилова прервал нарастающий звук голосов из здания суда. Стас лениво обернулся, со сдержанным ожиданием уставился на монументальные металлические двери. Шум голосов усиливался и приближался.

Наконец, двери уда распахнулись. Толпившиеся неподалеку журналисты подбежали к ступеням, ведущим в здание суда. Засверкали вспышки фотоаппаратов. Все приготовили диктофоны, микрофоны, камеры и блокноты. Голодные взгляды репортеров прилипли к небольшой процессии людей, выходящих из дверей.

В центре полицейского конвоя Стас увидел его — Портного, Сильвестра Гольшанского. Им оказался среднего роста, стремительно седеющий мужчина с хищным, недобрим и чуть ехидным взглядом. Его серые с зеленоватым оттенком глаза без интереса скользнули по Стасу и переместились на группу журналистов.

Стас усмехнулся, задумчиво глядя вслед прошедшему мимо серийному убийце. От Сумеречного портного он ожидал другого: самодовольной улыбки, издевательского подмигивания, оскорбления, угроз, глумливой и злой усмешки... Но только не равнодушия.

— Господин Гольшанский! — воскликнул один из журналистов. — Как вы прокомментируете результат судебного заседания?!

— Господин Гольшанский, что заставило вас признать вину?!

— Сильвестр, пару слов для газеты «Русский корреспондент»!

— Назад! Все назад! — полицейские, сопровождающие Гольшанского к автомобилю, начали теснить журналистов прочь от осужденного убийцы.

Стас стоял на ступенях лестницы и угрюмым, тяжелым взглядом буквально высверливал спину Сильвестра.

«Обернись!» — думал Стас. — «Ну, давай же! Обернись! Посмотри на меня... Я же тот самый следователь, которого ты так успешно оставлял в дураках почти два гребаных года!.. Ну же, ублюдок!..»

Гольшанский не обернулся. Стас закрыл глаза, чуть опустил голову, задумчиво скривил губы. Или он стал ошибаться в психологии поведения серийных убийц, или...

ЗВЕРЬ ПОЙМАН!

Вторник, 12 января

Как стало известно, в эту пятницу Следственному комитету неожиданно удалось задержать опаснейшего серийного убийцу. Не так уж давно столица пережила убийства печально известного Монохромного человека. Про ужасающие, кошмарные деяния Сумеречного портного за четыре года тишины мы все успели позабыть. И вот вчера прошло экстренное судебное заседание, по итогу которого известнейший в России и во всей Европе миллиардер Сильвестр Гольшанский, владелец одного из самых крупных европейских инвестиционных банков и нескольких дочерних предприятий, был признан виновным в убийстве девятнадцати девочек в возрасте от шести до восьми лет.

Сильвестр самолично во всем признался, приведя многих в ступор, шок и ужас. К тому же, как извещает анонимный источник из сотрудников городского суда, Гольшанский описал процесс последних злодеяний настолько верно и подробно, что не остаётся никаких сомнений в его виновности. Не каждый день происходит такое, когда один из богатейших людей страны сознается почти в двух десятках эпизодов тяжелейших преступлений!

Все гадают, что теперь будет с «МосИнвестом». Хотя, скорее всего, соперники и недоброжелатели этого банка зря рассчитывают на его крах, потому что «у руля» предприятия теперь встал сын Сильвестра Орест Гольшанский. Он уже давно доказал, что является настоящим финансовым гением!

Но, тем не менее, Сильвестр Гольшанский признан виновным, и в данный момент отправляется отбывать пожизненный срок не куда-нибудь, а напрямую в жуткую и опасную тюрьму «Чёрный дельфин». Именно там содержат всех монстров, чудовищ, извращенцев и психопатов, осужденных за кошмарные злодеяния.

Остается открытым вопрос относительно исчезновения молодой любовницы Сильвестра Гольшанского. До сих пор не найдено никаких следов двадцатидвухлетней Людмилы Елизаровой. Известно лишь, что Сильвестр, скорее всего, намеревался убить девушку, предположительно, из-за измены. Да, серийный убийца, который избежал поимки и ареста четыре года назад, попался, фактически, на бытовой любовной драме. Если конечно, такие, как Сильвестр Гольшанский, способны любить!

Статья на первой полосе газеты «Русский корреспондент»

НОВОСТНОЙ ПОРТАЛ «МОСКОВСКИЙ КУРЬЕР»

Среда, 13 января

ЕЛИЗАВЕТА ГОЛЬШАНСКАЯ: «МОЙ СЫН НЕВИНОВЕН...»

Сегодня утром шестидесятитрёхлетняя мать только что осужденного Сильвестра Гольшанского во всеуслышание яростно заявила, что её сына путем угроз и шантажа вынудили оговорить себя. Елизавета предупредила, что не оставит «произвол гнилой судебной системы России» без наказания.

— Я заявляю, что случившееся является банальным «заказом» со стороны конкурентов моего сына, — строго и холодно заявила пожилая бизнес-леди. — И я предупреждаю, я задействую *все возможные ресурсы*, чтобы вернуть моего *невиновного* сына на свободу!

Слова Елизаветы вызвали шквал агрессивной критики и страстные обсуждения в социальных сетях...

Отрывок из статьи на новостном портале «Московский курьер».

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 13 января

Над блестящим льдом разносились крики восторга. Переполненные беззаботным счастьем люди катались по кругу просторного ледового катка. Здесь были родители с детьми, шумные компании, гордые одиночки и парочки. Последние в большинстве случаев катались, романтично держась за руки и ласково воркуя друг с другом. А вот мы с Мироном в этом случае были ярким исключением, потому что, как выяснилось, на льду Мирон не только не едет, но даже не стоит.

— Осторожно! — вскричала я испуганно. — Стой! Не маши руками... Мирон!.. Ай!..

Мой парень, в который раз поскользнувшись, неуклюже взмахнул руками, зацепил меня за руку и упал. Я упала рядом с ним, но успела сгруппироваться. Все таки не в первый раз падаю и точно не в последний.

А вот Мирон, который не бился об лёд после неудачных лутцев, акселей и ритбергеров, явно падать с минимальным ущербом не умел. И сейчас он зашипел от боли и скривился, держась за ушибленный локоть.

— Ты как?! — я бросилась к нему, присела рядом.

— Да нормально всё, — выдохнул он и посмотрел на меня. — Извини меня. Ты сильно ударилась, принцесса?

— Не сильнее, чем на тренировках, — улыбнулась я.

Я помогла ему подняться, и мы кое-как, не без труда, добрались до ограждения с металлическими перилами.

— Болит? — сочувственно спросила я, легонько коснувшись его локтя.

— Фигня, — отмахнулся Мирон. — Синяком меньше, синяком больше... Без разницы. Ты катайся... А я... Я тут передохну...

— Ещё чего! — возмутилась я. — Мы же вместе пришли! Что, я буду одна кататься, а ты тут будешь стоять... в одиночестве?

Я действительно представила, как Мирон стоит в стороне от всеобщего веселья и угрюмо, с досадой наблюдает, как другие люди катаются в своё удовольствие. Мне стало его жалко. Да так, что аж глаза защипало.

— Ну чего ты, маленькая... — Мирон ласково провел ладонью по моей щеке и тепло улыбнулся.

В этот миг неподалеку от нас краснощекий полный мужчина в красном свитере с оленями поскользнулся и с силой опрокинулся на лёд. Удар был такой, что лёд вздрогнул у меня под ногами. Я в ужасе прижала руки ко рту. А Мирон лишь понимающе усмехнулся с толикой злорадства.

— Вашу мать... — гневно выругался толстяк в красном свитере и, тяжело кряхтя, поднялся. — Чтоб я... за свои же деньги...

Ему помогли подняться подъехавшие люди и проводили к бортику.

— Ну вот видишь, — хмыкнул Мирон и посмотрел на меня с улыбкой. — Я уже не один. Езжай, солнце. Я постою немного и потом присоединюсь к тебе.

Я посмотрела на него с легким недоверием, затем оглянулась на лёд, задержала взгляд на двух самых резвых одиночках и снова посмотрела на Мирона.

— Ты точно не обидишься? — спросила я.

— На что мне обижаться? — парень пожал плечами. — Это тебе стоит на меня обижаться... Я же тебе не сказал, что я на коньках, как слон на шпильках...

Я засмеялась, быстро чмокнула Мирона в щеку и, развернувшись, оттолкнулась. Я понеслась по кругу, полетела вперёд по льду с нарастающей скоростью. Ревущий восторг волной подхватил меня, душа наполнилась бесконечным счастьем. Когда я двигаюсь, когда мчусь по льду... Господи, я живу— ярко, эффектно, в удовольствии и совершенно счастливо!

Я сделала несколько кругов. Там, где было поменьше людей, я, не удержавшись, сделала несколько лёгких прыжков. Это были обычные сальховы. Ни о каких более сложных прыжках на этих не самых лучших коньках не могло быть и речи.

Мирон тем временем о чем-то разговаривал с мужчиной в красном свитере. Наверное, оба делились впечатлениями от саднящего во всех смыслах знакомства со льдом.

Перед моими глазами, как всегда, внезапно промелькнуло несколько быстрых видений из воспоминаний окружающих меня людей. Но это были добрые, светлые и радостные воспоминания. Я несколько минут купалась в благодати человеческого счастья и самых позитивных эмоциях. И так же, как тяжело я переносила мрачные тягостные и пугающие воспоминания, я испытывала бурю позитивных чувств, переживая положительные эмоции людей из их светлых и добрых воспоминаний.

Мирон чуть позже присоединился ко мне. Я взяла его за руку, и мы очень осторожно, не спеша и бережно поехали вдоль бортика. Так мы проехали аж целых четыре круга. К концу последнего мне удалось добиться того, что Мирон хоть немного, пусть и пошатываясь, но всё-таки стоял на льду.

Спустя минут двадцать мы сидели в одном из кафе, которых в этом молле было около двух десятков, если не больше. Кафе сверкало и переливалось от сияния развешенных повсюду гирлянд. На каждом столике стоял стеклянный шарик с новогодним мотивчиком внутри. Нам с Мироном попались два обнимающихся снеговичка. Я взяла шар, встряхнула его и поставила обратно на стол, любуясь опадающим внутри шара «снегом».

Одним из того, что я люблю у русских, является их Новый год. Каким бы красивым ни было Рождество в Польше, и как бы ни наряжался горделивый и старинный Краков, с Московским шиком и всеобщим русским новогодним ликованием ему точно не сравниться. Рыночная площадь напротив Мариацкого костёла в канун Рождества достойна любых открыток. Но то фанатичное и переполненное всеобщим бурным ликованием праздничное буйство, что творится на Красной площади и в других оживленных местах... Мне лично просто не с чем это сравнить. Русские отдыхают широко, ярко, долго и с размахом.

Вот и сейчас уже прошло две недели с Нового года и неделя после православного Рождества, а весь город (да и вся страна) всё ещё повсеместно сверкает и блестит новогодним шиком.

Нам принесли два безалкогольных глинтвейна и две вазочки с рахат-лукумом. Сладости здесь готовили самостоятельно и притом отменно.

— А я смотрю, ты совсем не устала после того чемпионата в ноябре, — чуть наклонившись ко мне, проговорил Мирон с усмешкой.

— Так два месяца уже прошло, — я пожала плечами и отпила из чашки с горячим напитком.

— Да, но в последние три недели перед тем, как улететь в Гётеборг, ты так усердно тренировалась, что мы вообще с тобой не виделись.

Я бросила на него чуть встревоженный взгляд и быстро посмотрела в сторону. Я в который раз ощутила тяжелый пинок совести.

Да. Почти за месяц до соревнований Мег так нагрозила нас с Сашей, что мы чуть ли не жили на льду. И времени у меня не то что на свидания с Мироном, а даже просто поспать, поесть и хоть какие-то уроки сделать просто не было. Абсолютно! И конечно меня терзали навязчивые угрызения совести, когда на очередное предложение Мирона сходить куда-нибудь я вынуждена была отвечать отказом.

— Солнце, — Мирон мягко и ласково накрыла своей ладонью мою.

Я подняла на него несмелый взгляд.

Парень усмехнулся чуть насмешливо, но по-доброму.

— Ну чего ты опять приуныла, — хмыкнул он. — Я всё понимаю... Не буду говорить, что мне нравится такое положение дел, но...

— Мирон, я...

— Подожди, — Мирон поднял палец, и я осеклась, — я не собираюсь тебе жаловаться или в чем-то тебя обвинять. У меня нет таких прав, потому что я давно понял... — тут он широко и довольно улыбнулся, — какое сокровище мне досталось.

Он выразительно посмотрел на меня. И у меня на короткое мгновение всё застыло, замерло и сжалось внутри. Чуть сдавило грудь и горло, слегка закружилась голова. А затем всё тело наполнилось вибрирующей, горячей пульсацией. Бешено, как в истерике, билось сердце. Усилилось головокружение. Меня сковало дикое смущение, по-прежнему было трудно дышать, а в голове хаотично роились противоречивые мысли.

Сокровище?! Он назвал меня сокровищем? Он серьёзно? Или он шутит? Да нет, он

просто пошутил!.. А если нет? Он правда так думает?! Честно?! Честно?! Правда?!.. А если.. Да нет...

— М-мирон... — заикаясь слабым голосом проговорила я. Захлестнувшая меня сотрясающая разум и тело волна взбудораженного волнения мешала сосредоточиться. Я не знала, почему слова Мирона произвели на меня такое впечатление. Compliments мне говорят далеко не в первый раз. Но почему-то именно прозвучавшее из уст Мирона лестное сравнение повергло меня в совершенный шок и глубочайшую растерянность. А ещё я до конца так и не поняла, правду он говорит или нет?.. Но я думала, что правду. Я хотела так думать.

— А вообще, — продолжил Мирон, — я просто хотел выразить удивление, что ты несмотря на изнуряющие тренировки и соревнования уже так быстро пришла в себя и... вон просто порхаешь на льду.

Он пожал плечами.

— Только и всего, — он снова улыбнулся. — Я лишь в очередной раз восхитился тобой. Я нервно сглотнула, глядя на него. Он улыбался и согревал меня взглядом. Я улыбнулась в ответ. Этот день обещал быть прекрасным.

В приподнятом настроении мы вышли из молла. Январский день встретил нас серомолочным небом, привычным городским шумом на дорогах и очаровательным снегопадом.

Я остановилась возле входа в молл и с любованием окинула взглядом городские улицы. Ещё не снявший новогодние наряды город, осыпaeмый обильной снежной пылью, выглядел завораживающе и волшебно! Улицы с сияющими гирляндами, красочными украшениями и вывесками напоминали праздничный вишневый пирог, посыпанный сахарной пудрой!

Я шагнула вперёд, одержимая необъяснимым весельем, поспешила на широкую аллею со скульптурами оленей и рождественских эльфов.

Мирон ринулся за мной.

— Ника, что с тобой такое? — засмеялся парень.

— Посмотри, как здорово! — воскликнула я, оглядывая улицы города и аллею со скульптурами. — И снег идёт, как в сказке!..

Я с неподдельной радостью закружилась под вихрем падающих снежинок. На душе стало так легко и прекрасно, что хотелось петь любимые песни! Я нагнулась к сугробу неподалёку, быстро слепила снежок и швырнула в Мирона. Мой «косой» снежок угодил Мирону чуть выше левого колена. Парень удивленно уставился на меня. Я задорно захихикала и бросилась прочь.

— Вот значит как!.. — воскликнул Мирон и тоже быстро слепил снежок.

Я снова кинула в него снегом, он побежал ко мне. Я взвизгнула, бросилась прочь. Удар снежка пришелся мне пониже спины. Я ойкнула испуганно, оглянулась.

— Как ты попал только! — воскликнула я и, сделав новый снежок, опять метнула его в Мирона.

Тот ловко уклонился и бросил в меня снежком. Я пригнулась, снежок Мирона попал в дерево. Небольшая стайка синиц с громким щебетом сорвалась с веток и спикировала на шумную компанию из нескольких мужчин и женщин. Те, ничуть не испугавшись, достали телефоны и попытались заснять стайку птиц. Мы с Мирonom продолжали нашу снежную дуэль. Азарт нарастал, веселье продолжалось! Мирон попал в меня уже пять раз, а я в него только два. Но моего желанья продолжать «перестрелку» это ни в коем случае не убавило.

Очередной снежок Мирона, пронесся мимо меня. Мой жеугодил точно в цель — в левое плечо Мирона.

— Да-а! — я победно вскинула руки и тут же испуганно пригнулась от ответного снежка Мирона.

Снежок Мирона пролетел над моей головой и угодил в спину какому-то парню, что гулял с двумя девушками. Его спутницы захихикали, парень удивленно оглянулся, уставился на меня.

— Извините пожалуйста! — я подняла ладони. — Мы не специально...

— Ничего, — незнакомый мне парень вдруг наклонился, сделал снежок и бросил его в Мирона.

Тот уклонился и бросил очередной «снаряд» в нового противника. Его спутницы тоже слепили снежки и начали со смехом кидать их в меня. Но с меткостью у них было ещё хуже, чем у меня, поэтому я без особого труда спаслась. Присев за засыпанной снегом скамейкой, я быстро сгребла немного снега в перчатку, слепила снежок и бросила в своих противниц. Снежок угодил в бедро одной из девушек. Та ойкнула, развернулась, бросила снежок в меня, но промахнулась и попала в проходящих мимо двух парней лет по шестнадцать. Те переглянулись и, недолго думая, присоединились к нам. Через несколько минут в снежной баталии всех против всех участвовало уже человек двадцать или даже больше. Остальные смотрели на нас со стороны, смеялись, снимали на телефоны, давали советы и шумно «болели».

Не знаю, сколько мы играли, но, когда мы с Мироном осыпанные снегом с ног до головы вышли из игры, в «сражение» вступили новые игроки. Особенно поразили меня двое патрульных полицейских, играющих в снежки чуть ли не с детским азартом. Это зрелище, когда люди разных возрастов, профессий и статусов с оживленным азартом носятся по заснеженному скверику друг за другом и перебрасываются снежками, не могло не вызывать счастливую улыбку у всех, кто это наблюдал.

— Солнце... Что ты наделала... — с насмешливой улыбкой покачал головой Мирон, глядя, как разросшаяся компания продолжает бросаться снежками.

— Привнесла праздничное настроение в скучные будни людей, — с толикой нахальства ответила я.

Мирон обернулся на меня, выразительно, с вопросом посмотрел, я в ответ засмеялась.

Попутно отряхиваясь от снега, мы пошли вдоль многочисленных магазинов и жилых высоток. Дойдя до остановки, я бросила взгляд на электронное табло. Возле номера нужной нам маршрутки сияло время пути. Я вздохнула. Как раз успеваю к оговоренному с дядей Сигизмундом времени. Мирон обнял меня, и наклонился чтобы поцеловать.

— Мирон... не надо, — я отвернулась.

— Почему? — удивился парень.

— Ну... потому что... — уклончиво ответила я и взглядом указала на стоящих рядом людей.

— Ну и что? — непонимающе нахмурился Мирон.

Он снова сделал попытку поцеловать меня, но я опять уклонилась.

— Солнце, что с тобой такое в последнее время? — спросил парень. — Тебе... неприятно?

— Нет! — тут же воскликнула я. — Ты что... Нет... Просто...

— Просто что? — настойчиво, с легким подозрением спросил Мирон.

Я вздохнула, несмело взглянула ему в глаза. Я не знала, как ему объяснить две вещи. Первое, что мне правда не хочется целоваться на глазах у людей. А второе... После того случая, когда мы целовались на мотоцикле его брата посреди дороги, я решила, что слишком быстро и легко позволила Мирону перейти к решительным действиям. Меня это расстраивало и угнетало. Я не хотела казаться ему доступной и... вообще, давать повод думать, что добиться от меня чего-то большего будет так же легко. Да и, вообще, мне было стыдно за моё поведение. Сейчас-то мы уже почти четыре месяца как вместе. Но... тогда-то ещё нет... А сейчас уже вроде, как можно об этом не думать, но... вот... я не могу. Короче, это всё сложно! И как объяснить это Мирону, я тоже не знаю! Поэтому прибегла к своему самому действенному оправданию.

— Мне неудобно при других людях целоваться, — жалобно проговорила я, опустив взгляд. — Я так не люблю...

— Ладно, ладно, — Мирон обнял меня, притянул к себе.

Издали показался маленький автобус, который, скорее всего, был нашим.

Но тут я услышала жалобное и звонкое тявканье. Я оглянулась. Возле небольшого мясного магазина сидел рыжий щенок. Маленький пёсик приветливо тявкал всем, кто заходил и выходил из магазина. Он старательно вилял хвостиком, заглядывал в глаза людям, но никто даже не смотрел в его сторону. Малыш не оставлял надежд. Снег осыпал его шерсть, было видно, что ему довольно холодно, но он не уходил.

— Ника, — сказал Мирон, — наш автобус...

— Что? — рассеяно спросила я и взглянула на подъезжающую маршрутку. — А... да...

Щенок снова тявкнул. Я оглянулась. Малыш от старания аж привстал на задние лапки. Меня затопила жалость, глаза увлажнились от сочувствия к одинокому щенку.

— Мирон... подожди, — я отстранилась от парня и направилась к мясной лавке.

Увидев меня, щенок снова радостно, с надеждой затывкали.

— Ника, ты куда? — спросил Мирон. — Это наш автобус!..

— Подождем другой, — ответила я, доставая из сумки остатки бутербродов, которые я брала сегодня в школу.

Учуяв запах еды, щенок нетерпеливо приблизился ко мне. Его карие глазки с надеждой и интересом смотрели на свёрток из фольги в моих руках.

— Держи, малыш, — отделив от булки оставшиеся пару ломтиков балыка, я положила их в фольгу перед щенком.

Пёсик немедленно проглотил угощение, облизнулся и вопросительно уставился на меня.

— У меня больше нет... — я расстроено пожала плечами и оглянулась на Мирона.

Тот вздохнул.

— Подождите здесь, — ворчливо сказал парень и зашел в мясную лавку.

Через несколько минут он вышел с пакетом сосисок. Одну мы скормили щенку. Тот, чавкая, скушал угощение, а затем повел себя довольно странно. Он отбежал от нас, потявкали, вернулся к нам и снова отбежал.

— Что с тобой, малыш? — спросила я удивленно. — Ты чего?

— Ника, он хочет, чтобы мы пошли за ним, — объяснил Мирон.

Я оглянулась на него. Щенок снова загавкал. Мы с Мироном последовали за ним. Пёсик провел нас несколькими переулками. Следуя за ним, мы прошли во внутренний двор нескольких домов. Здесь щенок привёл нас в подвальное помещение одного из домов. Пригнувшись, мы с Мироном прошли вслед за щенком под толстыми извивающимися

трубами. Освещая себе путь телефонами, мы спустились по узким ступеням и подошли к куче тряпья. Здесь в сыром, зловонном подвале находилось ещё четыре щенка. А рядом неподвижно лежала большая рыжая собака. Мне хватило одного взгляда, чтобы заметить отсутствие её дыхания и признаков жизни вообще.

— Боже... — прошептала я, прижав руки ко рту. — Мирон...

Парень осторожно прошел к телу собаки. Щенки тявкали и путались у него под ногами. Они обнюхивали Мирона и приветливо виляли короткими хвостиками.

— Ничего себе, — фыркнул Мирон. — Это же сеттер!

— Я вижу, — кивнула я и пораженно покачала головой. — Кто выкинул на улицу беременную собаку?! Да ещё породистую!

— Похоже, что так, — невесело кивнул Мирон.

Я тяжело сглотнула. Людское хладнокровие даже к тем, кто готов безвозмездно любить их, иногда просто ужасало меня. Я с горьким сожалением смотрели на мертвую собаку, а затем взглянула на повизгивающих рядом щенков.

— Мирон... — проговорила я со слезами. — Нужно что-то делать... Они же... Они же тут погибнут одни... Они...

— Сейчас что-нибудь придумаем, — оглянувшись сказал Мирон. — Не плачь только, пожалуйста.

— Мы же не можем их забрать к себе! — я покачала головой и присела возле двух песиков, что подошли ко мне.

— Зато другие люди вполне могут, — ободряюще сообщил мне Мирон.

— В каком смысле? — поглаживая щенков, я беспомощно и удивленно взглянула на парня.

— В прямом, — сказал Мирон. — Так... накорми их сосисками, а я сейчас приду... Только не уходи никуда! Хорошо?!

— Ладно...

Он убежал. Пока я раздавала сосиски изголодавшимся щенкам, Мирон вернулся с огромной пустой коробкой, внутри которой лежало свежкупленное одеяло.

— Давай их сюда, — распорядился он.

Мы пересадили щенков в коробку. Те немедленно устроили там игривую потасовку.

— Так, а ну тихо там, — прикрикнул на них Мирон.

Удивительно, но песики его послушались.

— Не кричи на детей, — шутливо сказала я.

Парень поднял на меня внимательный взгляд своих серо-зеленых глаз, понимающе усмехнулся.

— Я не кричу, я воспитываю.

Мы засмеялись.

Следующий час я, наверное, запомню очень надолго, может быть, даже навсегда. Потому что вряд ли ещё в моей жизни будут подобные события. Под всё тем же снегопадом, посмеиваясь и обсуждая свои действия, мы с Мироном сели на один из автобусов и проехали пару кварталов. Подальше от новостроек, к районам, где стояли двух- и трёхэтажные жилые дома, огороженные невысокими заборчиками.

Наш план был простым, но не лишенным положительных перспектив. Мирон предложил попробовать подбросить щенков под двери живущих в этом районе людей. Только сперва мы решили щенков вымыть, а то вид у них был, мягко говоря, не самый

презентабельный. А я попутно предложила их ещё и принарядить.

— В смысле?! — удивился Мирон. — Во что принарядить?!

— Ну-у... — протянула я, мечтательно глядя вверх. — Во что-нибудь милое и стильное.

Мирон лишь хмыкнул, покачал головой.

— По-моему, они и так ничего.

— Да, но в одежке они вызовут больше умиления и желания взять их к себе, — не уступала я.

Вымыть собак мы решили у Лерки, которая жила не слишком далеко отсюда. Я позвонила ей и изложила всю ситуацию.

— Роджеровна, — проворчала в ответ Лерка, — нормальные люди на свиданиях ходят в кино, кафе и гуляют за ручку по интересным местам, а не пристраивают бездомных дворняг!

— Ну, Лер, пожалуйста! — заныла я. — Ты бы их видела... Они такие несчастные, голодные и...

— Ладно, ладно! — воскликнула в трубку Лера. — Хорошо! Приходите!.. Только шампунь собачий купите, наши с Ладой я им не дам.

— Спасибо, Лерка, — произнесла я и прервала связь.

Купив все необходимое, мы привезли щенков домой к Логиновым. Лерка дома была одна. Лада вместе с Беатрисой Константиновной гостила у родственников в Болгарской Софии. Лерке оставили еду, машину, деньги и кучу заданий по дому, которые моя подруга пока что успешно игнорировала.

— Слушайте, — проговорила Лерка, помогая нам загружать визжащих щенков в ванную. — Это же... сеттеры. Нет?

Логинова оглянулась на нас своими малахитовыми глазами.

— Их покойная мать точно сеттер.

— Вот же изуверы... — с сердитым осуждением покачала головой Логинова. — Чтоб я свою собаку, да ещё беременную, зимой на улицу!..

— Да, скоты ещё те, — согласился Мирон.

— Ну послушайте, — решила вступитья я, — может быть, у этих людей что-то случилось... Мы же не знаем всей правды.

Мирон и Лера переглянулись. Пару секунд они с пониманием глядели друг на друга.

— Теперь ты понимаешь, с кем ты связался, да? — кивнула Логинова.

— С доброй, милой, и иногда слегка наивной принцессой, — со вздохом ответил Мирон.

— Ты забыл добавить завышенное чувство справедливости, — ухмыльнулась Лера. — И патологическое стремление к порядку.

— Ну последнее почти плюс, — улыбнулся Мирон.

— О, это она ещё не заставляла тебя выставлять книжки на полках строго в соответствии с серией...

— Ребята, — я развела руками. — может быть, чтобы обсудить меня, вы хотя бы выберете момент, когда я не буду стоять рядом?

Мы перемыли всех щенков. При этом конечно сами порядком оказались забрызганными водой и пеной от шампуня. Маленькие сеттеры оказались шумными и проворными озорниками. Они громко хором тьякали, скакали по ванне, разбрызгивая воду. Гонялись друг за другом, играли с мочалками и периодически пытались выбраться из ванны.

Лерка замаялась ловить одного из них, который был активнее своих братьев и сестёр.

Она даже в шутку нарекла его «мистер Свифт» за его непомерную подвижность.

— Лера, — засмеялась я. — Это девочка!

— Да? — слегка растерянно переспросила Логинова и бесцеремонно заглянула щенку в причинное место. — Действительно... Ну значит, Леди Свифт.

Щенок, словно обрадовавшись кличке, радостно гавкнул.

— Вот! — щелкнул пальцами Лерка. — И никак иначе!

Мы с Мироном переглянулись и обменялись улыбками. Кое-кто начал привязываться.

После мытья мы с Леркой примерили на щенков некоторые одежды с игрушек Лады. На удивление они отлично подошли всем пяти маленьким сеттерам. Леди Свифт Лерка не дала одевать в платице, как её сестрицу.

— Как же она бегать то будет в платье, а! — резонно возразила Лерка. — Ей нужен какой-нибудь свитер... О! Вот это то, что нужно.

— Лер, это костюм супермена! — со смешком заметила. — Во что ты её нарядила?!

— В то, что ей точно к лицу, — довольно ухмыльнулась Лерка. — Смотри, а? Ей нравится!

Шустрый и бойкий щенок, похоже, и правда был рад синей кофточке с красно-желтой буквой «S» и красному плащiku на спине.

Остальных щенков мы так же очень модно приодели. Вымытые, причесанные, в кофточках, пиджачках и свитерах рыжие щенки все стали такими клёвыми милашками! Я не удержалась и сделала несколько фоток на телефон.

— Хеш-тег — собачья неделя моды, — с кривой ухмылкой подсказала Лерка.

— Отличное название, — похвалила я, оставив пост в Инсте.

Мирон присел возле одного из щенков, которого мы нарядили в желто-чёрный пиджачок с черной бабочкой. До этого пиджак был на игрушечном медвежонке.

— А знаешь, — вдруг сказал парень. — Я, пожалуй, возьму этого альтруиста себе.

Мы с Леркой переглянулись. Логинова одобрительно улыбнулась мне: добряк он у тебя. Я довольно усмехнулась в ответ.

— Ты серьёзно? — спросила я Мирона. — А что скажут твои родители?

— Я сумею их убедить, — взяв щенка на руки и поглаживая его, проговорил Мирон. — Да и отец давно хотел взять пса... А этот мне сразу глянулся.

— Чем же? — спросила я, поглаживая другого щенка.

— По снегу и морозу пришел за едой и привел нас к своим братьям и сёстрам, чтобы мы и их накормили, — пожал плечами Мирон и взглянул на меня. — А как оказалось, мне очень нравятся храбрые альтруисты и в особенности альтруистки.

Я смущенно улыбнулась в ответ, чувствуя, как от слов Мирона снова приятно разгорается нежное тепло под сердцем.

— Тогда нам осталось пристроить только четверых, — обрадованно произнесла я.

— Кхм-кхм, — откашлялась Лерка и демонстративно взяла к себе на руки Леди Свифт. — Троих.

Последнее слово Логинова произнесла тоном, не допускающим возражений.

— Лер, ты... хорошо подумала? — с легким подозрением спросила я.

— Более чем, — Лерка опустила взгляд на юркую рыжую кроху у себя на руках. — Лада тоже давно хотела собаку. И мама как-то об этом говорила...

— А Антон? — осторожно спросила я про отчима Лерки.

— А его мнение мне до свечки, — решительно и воинственно ответила Логинова.

Мирон украдкой вопросительно взглянул на меня, его правая бровь выразительно выгнулась. Но я быстро качнула головой — не сейчас.

В итоге щенков у нас осталось аж трое. Лерка осталась дома со своим внезапно обретенным питомцем. А мы с Мироном, укутав щенков в одеяло, направились по заснеженным улицам подальше от городских высоток. Пройдя пару кварталов, мы дошли до двух- и трёхэтажных домов, огороженных невысокими заборчиками.

К моему радостному удивлению двух щенков, которых Мирон лично посадил под калитки ворот, приняли, что называется, с распростёртыми объятиями. Первый раз на звонок Мирона в ворота вышел грузный очень высокий мужчина в растянутой футболке с гербом хоккейного клуба. Он очень удивился, увидев на своем засыпанном снегом пороге одинокого маленького сеттера. Я очень переживала, как отреагирует великан на появление маленького гостя и, пока мы с Мироном наблюдали из-за угла, я всё время нервно удерживала большую руку парня в своих ладонях.

Но великан очень обрадовался появлению малыша в элегантном фраке, который мы сняли с некогда говорящего медвежонка, и одновременно испугался за его здоровье.

— Откуда ты тут только взялся, бедняжка! — воскликнул он, и бережно подняв щенка, скорее понёс его в дом.

Маленькую и чуть пугливую девочку-сеттера забрала невысокая, чуть полноватая милостивая женщина средних лет. Она очень растрогалась, увидев робкую рыжую малышку в кукольном платье с кружевами.

— Ты ж моя кроха! — всплеснув руками, воскликнула женщина, поднимая маленького сеттера с заснеженного порога. — Пошли-ка скорее в дом! Ты хочешь кушать? Как тебя зовут?

С этими словами женщина вместе с щенком скрылась в своем доме.

Реакция этих добрых людей так обрадовала меня, что я прослезилась от счастья.

— Ну ты чего? — Мирон прижал меня к себе, обнял. — Чего ты плачешь?

— Я не знаю... — всхлипнула я, уткнувшись ему в куртку. — Я просто... я боялась, что они их не возьмут...

Я шмыгнула носом, Мирон ласково погладил меня по голове. Мы пошли дальше мимо домов. Щедро осыпанная снегом улица выглядела очень живописно. Снег скрадывал некоторые очертания деревьев, домов, автомобилей, заборов и автобусных остановок. Благодаря снегу все словно становилось немного нарисованным, немного сказочным и... источало добродушный уют. Мы отыскивали следующий дом, который, по нашему мнению, подходил для того, чтобы предложить его хозяевам нового жителя.

Мирон всё сделал, как и в прошлые разы. Посадил щенка под дверцу калитки, нажал на кнопку звонка и стремглав бросился в укрытие.

Издали нарастал шум автомобиля. Я почувствовала упругий, вкрадчивый укол беспокойства. Яд тревоги побежал по венам, вселяя нарастающее чувство опасности. Я бросила взгляд на дорогу. Вдалеке приближалось темное пятно автомобиля. По звуку мотора похоже было на BMW. Только какой-то другой, необычный.

Я бросила взгляд на щенка, что сидел у калитки. Затем на приближающуюся машину. Беспокойство перерастало в неудержимую панику. Из дома, в который позвонил Мирон, никто так и не вышел. Маленький сеттер вдруг развернулся и побежал к нам. Я закричала. Собачонок выбежал на центр дороги, я бросилась к нему. Автомобиль приближался. Сильный толчок отбросил меня в сторону.

— Мирон-он! — закричала я в истерике. — Стой! Ты что!..

Парень прыгнул на дорогу. Чёрная БМВ летела на бешеной скорости. Мое сердце отмеряло мгновения. Резко завизжали покрышки длинного седана. БМВ занесло. Мирон с щенком отпрыгнул в сторону. Виляющая машина пронеслась рядом с ним, завертелась и резко застыла. Из-под её кузова вырвались облачка разгоряченного пара. Мирон постанывая и крича поднимался с асфальта. Лицо его сморщилось от боли. Я бросилась к нему. В доме, в который звонил Мирон открылась дверь, на порог выскочил какой-то парень с громоздкими наушниками на шее. А из черного BMW, хлопнув дверью вышел молодой мужчина. Хотя нет. На вид он был постарше нас Мироном максимум лет на десять. На «мужчину» в полном смысле слова он явно не тянул. Скорее парень. Он был в вязаном модном синем свитере, джинсах с легкими потёртостями и темных ботинках. У водителя шикарной БМВ были темно-каштановые волосы со стрижкой полубокс и лицо достойное голливудского актёра. Вообще, от него прямо издали одновременно веяло выдержанным лоском и суровой холодностью. Темные красивые брови чуть надломлены в хмуром и недовольном выражении лица.

— Ты в порядке? — он резко и громко обратился к Мирону.

Тот бросил на водителя БМВ угрюмый взгляд и проворчал:

— В порядке.

— Какого чёрта ты вылетаешь на дорогу?!

Тут вмешалась я.

— Прошу прощения, но это вы мчались с бешеным превышением скорости! — с возмущением сказала я. — Вы чуть было не задавили собаку и не сбили человека! Хотя бы извинились!

Я смерила водителя элитного седана осуждающим взглядом. Тот хотел мне ответить, но тут из его машины раздался женский, надрывающийся до хрипоты крик.

— Чёрт... — он оглянулся на БМВ. — Так, если вам надо в больницу, я вас подброшу.

— Да не надо нам ничего!.. — сердито ответил Мирон, прижимая к груди перепуганного щенка в полосатом свитере.

Но я, стоя рядом, закатала ему разорванный в трёх местах левый рукав куртки, и с моих уст сорвался крик ужаса. Локоть и кисть Мирона заливала кровь. Алые блестящие струи крови проворно сбегали по коже его руки и капали на асфальт.

Вид крови Мирона поверг меня в едва ли не в истерику.

— Мирон!!! — со страхом воскликнула я, быстро открывая свою сумку. — Боже!.. Да у тебя рана на весь локоть!

У меня тряслись руки от переживания. Нарастающая тревога беспощадно комкала нервы. Мне казалось, что мое тело интенсивно сдавливают и разжимают невидимые тиски. Я поспешно достала антисептические салфетки и эластичные бинты. Хорошо, что я на свидание поехала прямо из школы. В который раз я радуюсь, что почти всегда ношу с собой всё, что нужно при всяких травмах!

— Ника... — попытался возразить Зубатый.

— Помолчи, пожалуйста, — нервно перебила я его и бесцеремонно закатала рукав.

Водитель БМВ подошел к нам, и помог мне поднять рукав Мирона.

— Спасибо, — не глядя на него бросила я.

— Не за что, — сухо вато отозвался водитель БМВ.

Мирон одарил его враждебным взглядом.

— Мирон, рана глубокая... нужно в больницу и срочно! — я с сожалением покачала головой.

Зубатый в ответ пренебрежительно скривился.

— Ой, да и так всё заживёт...

— Да?! Ты уверен?! А если так заживёт, что ты потом в свой баскетбол играть не сможешь?! Что тогда?!

Я была рассерженна и напугана. Что за манера у парней хорохориться и пренебрежительно относиться к своему здоровью? Что они думают, что круче выглядят от этого? Кровь так и хлещет, а он выпендривается!

— Парень, твоя девушка права, — заметил владелец БМВ. — Квалифицированная медицинская помощь необходима.

— Хорошо, но мы сами доберемся.

— Мирон... — я подняла на него взгляд. — Пожалуйста!

Он посмотрел на меня. Несколько секунд мы выразительно глядели друг другу в глаза. Мирон недоволен, а я с осуждением и просьбой.

Крик из машины повторился.

— Так вы едете или нет?! — взволнованно оглянувшись на свой БМВ, спросил водитель. — У меня там женщина рождает!

Я бросила на него удивленный взгляд, в следующее мгновение я вспомнила то, что сказала ему. И тут же почувствовала, как совесть каленым железом прижигает меня изнутри.

Так вот почему он так летел!.. Ну и хороша же я!

Мирон, к счастью, пусть и явно нехотя согласился. Вместе с ним в сопровождении водителя БМВ мы направились к автомобилю.

Чем ближе мы подходили, тем сильнее я чувствовала, как совесть с каким садистским удовольствием по-прежнему обжигает меня стыдом.

— Кому-то из вас придется ехать со мной впереди, — сказал парень в чёрной куртке.

— Я могу поехать... — оглянувшись на Мирона, робко предложила я.

— Ещё чего! — возмутился Зубатый и решительно открыл дверцу переднего сиденья.

Я быстро переглянулась с водителем. Тот замер с легким изумлением на лице, посмотрел на меня. Я отвела взгляд и быстро села назад.

Здесь чуть ли не полулежала несчастного вида женщина. Она была в коротком обляном полушубке, ее лицо побледнело и покрылось болезненной испариной. Женщина часто дышала и кривилась от боли. Я бросила взгляд на её ноги и лихорадочно застучала ладонью по стене салона.

— Поехали! Поехали! Быстрее! У вашей жены отходят воды! Быст...

БМВ с ревом сорвалась с места. Меня отбросило назад. Женщина дико, с болью заорала, запрокинув голову назад.

Я в ужасе растерянно таранилась на неё, не зная, что делать и как помочь.

Я напряженно вспоминала всё, что мне известно о родах. Где-то я читала, что отход околоплодных вод только предшествует родовым схваткам. А у этой несчастной всё и сразу!.. Так вообще бывает?!

БМВ летела вперед, не считаясь с правилами дорожного движения. Меня и женщину порядком кидало из стороны в сторону. Роженица между частыми, глубокими вздохами, сомкнув зубы, истошно орала от невыносимой боли. Я лишь морщилась и с сожалением, встревоженно глядела на неё. Что делать?! Что мне делать?! Господи... Как она кричит!

Сколько неудержимой и страдальческой боли в её голосе!.. Я была подавлена и напугана. Я пыталась что-то сообразить, вспомнить хоть что-то, чем я могла бы помочь! Но ни черта не приходило в голову! Мною овладели смятение и паника! Я не придумала ничего лучше, как взять мучающуюся роженицу за руку. И тут её пальцы сжали мою ладонь, сильно, крепко, с благодарностью. Я посмотрела на её лицо. Женщина, крепко зажмурившись, сдавленно стонала. Я вспомнила, что от частого дыхания во время схваток у рожениц могут пересыхать губы. И глоток воды или сока благотворно влияет на их самочувствие. Я достала из сумки недопитую бутылку с водой. Открутила крышку и осторожно поднесла к губам женщины в перерыве между схватками.

Роженица действительно с благодарностью припала к горлышку бутылки и сделала несколько больших глотков. Я убрала бутылку, чтобы рожаящая страдальца не захлебнулась во время очередных схваток. Давно я не переживала таких стрессов! Пока мы доехали до ближайшей больницы, я чуть не поседела в том салоне! А когда выходила, у меня дрожали не только руки, но и плечи, и колени, и даже голос.

Водитель БМВ на своих руках переложил роженицу на каталку подбежавших санитаров. Мы с Мироном двинулись следом.

— Ника, на тебе лица нет! — с недовольством и сочувствием произнес Мирон.

— Всё нормально... — тихим голосом ответила я. — Правда...

— Как же! — пробурчал Зубатый. — Надо было на такси ехать!..

— Мирон... пожалуйста... — попросила я тонким, слабым голосом.

Мне было плохо. Меня порядком подташнивало от пережитого волнения. Слегка кружилась голова, и чувствовала я себя так, словно только что с кем-то бежала наперегонки не меньше километра! То есть была истощена и изнемогала от внезапно накатившей усталости, физической и моральной.

Спустя минут пятнадцать я в одиночестве сидела внизу в сияющем серо-белом холле больницы рядом с громоздким ресепшеном. Рядом со мной на оранжевых пластиковых сиденьях расположилась шумная семья. Судя по разговорам, они ждали какого-то своего родственника, которого сегодня должны были выписать. Я гладила сидящего у меня на руках рыжего щенка в полосатом свитере и рассеянно глядела на монитор плазменного телевизора, что висел неподалеку.

Рядом со мной вдруг опустился водитель BMW E38, на которой мы ехали. Он поправил ворот своей чёрной куртки и посмотрел на меня. Чуть улыбнулся. Улыбка вышла неловкой и скупой.

— Как ваша жена? — вежливо спросила я.

— Вроде, всё нормально, — он пожал плечами. — Но она мне не жена.

Я зачем-то (не знаю зачем!) бросила взгляд на его правую руку. Кольца не было.

— Она — ваша знакомая?.. — предположила я. — Девушка?

— Нет, — засмеялся парень. — Я подобрал её на улице примерно за пятнадцать минут до того, как чуть не сбил твоего парня. Он ведь твой парень?

Ух ты! А он то зачем меня об этом спрашивает? Какой ему интерес? Я как бы... совсем не подхожу ему по возрасту...

— Да... мы вместе... — пролепетала я смущенно.

— Повезло ему, — хмыкнул водитель БМВ.

Я опустила взор. Кожу на щеках начало припекать. Странное нервное переживание зародилось в груди.

— Спасибо, — пробормотала я и искоса несмело и быстро взглянула на него.

Наш диалог прервался. Я не знала, что сказать. Откровенно говоря, я вообще не понимала, почему он не уезжает. Почему этот странный владелец BMW тут сидит?

— Если тебе неловко, что я рядом, я могу уехать, — вдруг предложил парень. — Но, вообще-то, тебе не стоит меня бояться.

— Я и не боюсь, — дрогнувшим голосом ответила я.

— Тогда почему ты избегаешь смотреть мне в глаза, и твой голос дрожит?

Я подняла на него осторожный взгляд. Он ухмылялся, но в его золотисто-янтарных, как будто подсвеченных пламенем глазах затаилась загадочная грусть.

— Так то лучше, — усмехнулся мне этот странный парень с глазами похожими на два огненно-золотых огонька. — Раз уж нам вместе удалось пережить столько потрясений за столь короткий час, думаю, будет не лишним представиться наконец друг другу.

— Я В-вероника, — не сумев справиться с предательской дрожью в голосе, ответила я.

— Очень приятно, — наклонил голову парень. — А я Бронислав. Но можно просто Брон.

— Брон? — переспросила я.

— Ага, — кивнул со скупой улыбкой. — Так проще.

— Проще? — проговорила я с робкой усмешкой. — Кому?

Тут он внимательно, долго и пристально посмотрел на меня. Я молча смотрела в ответ.

— Зависит от обстоятельств, — неопределенно ответил Бронислав.

Тут у меня на руках заскулил щенок сеттера, о котором мы слегка забыли. Бронислав улыбнулся.

— Можно? — спросил он, протянув руку.

— Конечно, — разрешила я с доброй улыбкой.

Парень осторожно взял щенка к себе на колени. Ласково погладил. Я с умилением наблюдала, как рыженький кроха приветливо замахал хвостиком, заглядывая в глаза Брониславу.

— Это твой щенок?

— Нет, — я покачала головой. — Мы... Мы хотели пристроить его.

— То есть подбрасывали людям на пороги? — усмехнулся Бронислав.

Я лишь пожала плечами.

— Они же не виноваты, что родились на улице...

— Вы дали ему имя?

— Эм... нет, — промямлила я.

— Это у нас мальчик? — Бронислав проверил. — Будет... Викингом.

— Викингом? Почему именно Викингом?

— Не знаю, — пожал плечами Бронислав. — Мне нравится.

— Он же совсем не воинственный, — засмеялась я.

— Ну это мы ещё посмотрим, — Бронислав взял малыша за лапку и потряс. — Да, здоровяк?

Я тихо засмеялась. Тут рядом с нами прозвучали чьи-то шаги. Мы не сговариваясь отвели взгляды. К нам подошла медсестра в синей медицинской пижаме. Вид у неё был опечаленный. Она плотно сжимала губы и подошла к нам явно без особого желания.

У меня камнем упало сердце.

— Извините, — произнесла девушка, — это же вы привезли ту женщину?

— Да, — сухо и очень сдержанно ответил Бронислав. — Что с ней?

— Она умерла... — медсестра подняла в руках какой-то пакет с объемистой коробкой. — Мне очень жаль.

— Нет, — хмыкнул Бронислав. — Если бы вам было жаль каждого, кого вы не сумели спасти, вы бы не смогли здесь работать. Что это за пакет?

Сотрудница больницы, в растерянности приоткрыв рот, обескураженно уставилась на парня. Я тоже пребывала в шокированном смятении. Но в то же время до противного рациональный рассудок шепнул, что, вообще-то, Бронислав скорее всего прав в своем грубом высказывании.

— Что в пакете? — повторил Бронислав голосом, которым обычно разговаривают с маленькими детьми или умственно отсталыми.

Медсестра опомнилась, прокашлялась, опустила взгляд на пакет.

— М-м... Это подарок... Та женщина... Валентина... Она... Она просила, чтобы вы передали... передали это её дочери.

— Боюсь, у меня нет на это времени, — Бронислав встал со стула и застегнул свою куртку.

— Вы... Но... — медсестра пребывала в совершенном непонимании.

Видимо, она не привыкла к такой реакции. К слезам, к крикам, к истерикам, ко всему, чем обычно люди реагируют на самые страшные известия, привыкла, но только не к такому холодному, циничному и пренебрежительному отношению.

— Вы что, даже не спросите, отчего она умерла? — вслед Брониславу громко спросила медсестра.

Сидящие в холле другие люди с интересом оглянулись Бронислава и медсестру.

— Мне всё равно, — пожал плечами Бронислав. — Пока, Вероника.

Он направился к выходу, сопровождаемый изучающими и любопытными взглядами посетителей больницы и медперсонала.

— Ничего не понимаю... — проговорила растерянная медсестра и посмотрела на меня.

— Я... — я почувствовал, как у меня начало першить в горле. — Я передам...

— Спасибо, — медсестра вручила мне пакет с коробкой. — Её дочь зовут Радой. Рада... Любинская. Приют «Зеленая колыбель».

— Подождите... — попросила я, доставая телефон.

Я забила все услышанное в смартфон, чтобы не забыть. Пальцы рук похолодели, гнетущая пустота стремительно расплзалась в груди.

— Ладно... Вот пакет, — медсестра поставила пакет на стул рядом со мной. — А мне пора...

— Пойдите! — воскликнула я и поднялась с сидений.

Я сделала несколько шагов вслед за медсестрой.

— Да? — девушка обернулась.

— Вы не сказали...

— Что?

— Как?..

Медсестра одарила меня продолжительным, усталым взглядом.

— Опухоль матки, разрыв и кровотечение. Она была не жилец. Извините.

— Подождите, а ребенок?

— Родился мёртвым, — нетерпеливо и раздраженно ответила девушка. — Всё,

извините. Меня ждут другие пациенты!

Она ушла вперёд, гулко стуча каблуками по полу. Я, замерев, смотрела ей вслед. Я вспоминала, как женщина в машине с благодарностью сжимала мою руку... Я тяжело сглотнула и шумно всхлипнула. Ну почему? Почему так происходит? Почему... почему всё должно происходить именно так? Почему матери умирают вместе с детьми? Как... и... почему?! Я вздохнула. Сама не своя пребывая в удрученном замешательстве, я села обратно на сиденье.

С Мироном всё оказалось в порядке. Он показал мне перебинтованную руку и сообщил что порезы у него на руке на такие уж и глубокие. И к следующему баскетбольному матчу у него всё заживёт.

Надо ли говорить, что со всеми выше описанными событиями я совершенно не смотрела на часы. И конечно же явилась домой намного позже оговоренного с дядей Сигизмундом времени.

И вот уже минут десять мы с Мироном стояли неподалеку от ворот мастерской, обсуждая сегодняшний вечер.

— Как твоя рука? — в который раз спросила я.

— Нормально, — терпеливо ответил Мирон.

Зубатый прекрасно видел, что я нервничаю, мнусь и нерешительно топчусь на месте. При этом я все время пугливо поглядывала в сторону ворот автосервиса с нарисованным ночным городом.

Мирон обнял меня, я с готовностью припала к нему.

— Хочешь, я пойду с тобой? — предложил Мирон.

— Нет, — я отстранилась от него и, нахмурившись, замотала головой. — Нет, не нужно...

— Я могу сказать твоему дяде, что это я во всем виноват, — явно храбрясь, продолжил Мирон.

Я взглянула на него снизу-вверх. Парень тоже опустил на меня взгляд. Наши губы соприкоснулись в неловком, коротком, но нежном поцелуе.

— Мне пора, — шепнула я и направилась к воротам мастерской.

По дороге я ещё несколько раз оглянулась. Мирон стоял посреди улицы, глядя мне вслед. Он так и не шелохнулся, пока я не подошла к воротам и не вошла внутрь.

Едва я переступила порог ворот, как из будок с грохочущим басовитым лаем выскочили два огромных тибетских мастифа. Эти похожие не то на львов, не на то на медведей чёрные псы способны были напугать своим видом любого чужака. Леопольд куда более шумный и бесшабашный, чем его «супруга» Каролина, врезался в меня, прижал к забору, завилял хвостом.

— Я тоже рада тебя видеть, Лео, — усмехнулась я. — Дай мне пожалуйста пройти... Ай!..

Пес снова толкнул меня, и я почти упала, но успела ухватиться за столб уличного фонаря, установленного лично дядей Сигизмундом.

Каролина с сердитым лаем отогнала от меня своего слегка глуповатого «мужа». Я погладила её по голове. Собака облизала мои руки, и погнала мужа обратно к будкам. Тот сопротивлялся, заигрывал, вилял хвостом и припадал к земле. Леопольду хотелось поиграть, но Каролина отлично знала, что вечер и ночь не время для игр. И умела растолковать это своему «супругу».

Я вошла в дом. Свет я не включала. Стараясь ступать бесшумно, я поднялась на третий этаж. С замиранием сердца я уже подходила к своей комнате, как вдруг за моей спиной раздался звук открываемой двери. Я застыла на месте, воровато, испуганно оглянулась. На пороге своего кабинета стоял дядя Сигизмунд. В камуфляжных брюках и в чёрной толстовке со скандинавскими рунами на груди.

— Ну наконец-то, — дядя сложил на груди напоминающие стволы небольших деревьев мускулистые руки.

Я виновато и трусливо улыбнулась дядюшке.

— Улыбочка у тебя, конечно, премилая, — пробурчал дядя Сигизмунд, хмурия седеющие брови. — Но избежать наказания тебе это не поможет.

Я опустила виноватый взгляд.

— Простите...

— Нет! — жестко и холодно ответил дядя. — Сперва наказание, а потом уже прощение. Возможно...

Я смиренно, молча кивнула. Смотреть на дядю я опасалась, поэтому вперила взор в пол и ждала, что будет дальше.

— Сейчас иди спать, — велел дядя Сигизмунд. — Но если голодна, на кухне есть пицца и тосты с ветчиной.

— Спасибо, — робко пробормотала я.

Если на этом сегодня всё закончится, мне остаётся только поблагодарить судьбу!

— И ещё, ягодка, — голос дядя Сигизмунда приобрел угрожающие и мрачные ноты. — Если подобное повторится, я тебя на домашний арест посажу. Учиться будешь дома, в перерывах пахать в мастерской наравне со всеми. Поняла?!

— П-п-поняла... — дрожащим голосом пролепетала я, испуганно вжав голову в плечи. — Н-но... но ведь...

— Что?! — рявкнул дядя Сигизмунд.

От его голоса, казалось, содрогнулся весь дом, а может ещё и соседние.

Я испуганно попятилась от дяди Сигизмунда, смотря на него с растерянным удивлением.

— Что ты хотела сказать?! — прорычал дядя.

Я нервно сглотнула, глядя ему в глаза. Его беспощадный взгляд источал ледяной гнев. Ноздри дяди шумно раздувались.

— Н-ничего... — я сочла за лучшее не нарываться. — Я... ничего... не хотела сказать... Можно я пойду в с-свою комнату?..

Последний вопрос я произнесла едва ли не молящим голосом. Дядя Сигизмунд несколько мгновений пристально глядел на меня уничтожающим тяжелым взглядом. А затем глухо рыкнул:

— Иди... ягодка.

— Спасибо...

— И Миرونу своему передай, — добавил зловеще дядя Сигизмунд. — Если ещё хотя бы раз!.. Я ему ногу прострелю... Или руку. Поняла?!

Я вновь нервно сглотнула, быстро кивнула.

— Я передам.

Ага, как же. Скажу я ему!.. Чтобы он от меня сбежал без оглядки?.. Хотя, если из-за меня он получит свинцовую дробь в ногу... А он вполне реально может её получить,

учитывая нрав и методы моего дяди. Может, и вправду ему лучше со мной не общаться?..

Одолеваемая тяжкими раздумьями, напуганная реакцией дяди, я зашла в свою комнату. Приняв душ и наскоро поужинав парой кусочков разогретой пиццы, я посмотрела полторы серии «Готэма» и улеглась спать.

Однако поспать мне не удалось. Едва я сомкнула глаза, как в мое сознание ворвались воспоминания сегодняшней роженицы. Перед глазами стремительно вращались смазанные отрывки её жизни. Меня бросало из одного эпизода в другой.

Я увидела, как Валентина Любинская идёт в школу. Я в её воспоминании стояла рядом с ней, когда в классе девятом или десятом с трудом решала у доски уравнение по алгебре. Я увидела, как её избивали три каких-то девушки, затем её свидание с мужчиной, что был намного старше самой Валентины. Я увидела её школьный бал, красивые декорации, сверкающие огни и нарядных выпускников. Однако все это великолепие почти сразу сменилось видом пустых ночных улиц, по которым, громко цокая каблуками, в слезах порывисто шагала Валентина. Её красивое мятного цвета платье с лентой выпускницы было залито чем-то темным. Сотрясаясь от рыданий Валентина шагала по безлюдным улицам ночного города. Я шла за ней следом, когда внезапно рядом с ней остановился выдавший вида старый Форд. Водитель что-то спросил у девушки, но Валентина проигнорировала его. Очевидно сидевших внутри парней это разозлило. Потому что они немедленно выбрались из машины и ринулись к ней. Валентина побежала, сдавленно позвала на помощь. Но её быстро догнали, закрыли рот и заволокли в машину. Прежде, чем воспоминание Валентины вновь сменилось, я увидела в окне одного из ближайших домов чье-то бледное, едва различимое лицо, что с пугливым любопытством наблюдало за происходящим.

А потом начался крошечный ужас. Валентину привезли в какой-то старый дом или даже амбар... Здесь её привязали к двум деревянным балкам, сорвали одежду, несколько раз ударили, а потом насильовали. Долго. Жестоко. С каким-то необъяснимым мстительным остервенением. Все пятеро парней как будто специально старались сделать девушке как можно больнее. А её плач и мольбы о пощаде только раззадоривали и, похоже, возбуждали насильников.

Я не могла на это смотреть, я закрывала глаза, но я всё слышала. Я содрогалась от происходящего кошмара и пробирающего меня неукротимого омерзения. Я не понимала... Честно, не понимала. Зачем?! Зачем это делать?! Для чего?! Неужели нормальные отношения не удовлетворяют этих скотов?! Ну откуда в них столько злобы, грязи и мерзости?! Святые небеса... Видимо, некоторые из людей и правда в своем развитии недалеко ушли от животных.

А потом я увидела мучительные роды Валентины Любинской. Рожала она одна тайком от родителей в какой-то грязной конуре, которую с трудом можно было назвать квартирой. Затем воспоминание вновь сменилось

Теперь я стояла в ночи под дождем перед металлическими воротами, за которыми на фоне вспыхивающего от молний неба темнел зловещий силуэт длинного здания с двумя башнями. Ночное небо сотряс угрожающий грохот грома, и дождь словно усилился. Шлепая по лужам по мощеной дороге к воротам подошла согбенная фигура в грязной, потёртой куртке с зашитым капюшоном.

Валентина, а это была именно она, присела у ворот, положила на землю какой-то пухлый свёрток из одеял. Затем несколько раз нажала кнопку звонка на кирпичной стене возле металлических ворот и убежала, не оглядываясь.

Я оглянулась ей вслед, затем с сожалением посмотрела на оставленный ею свёрток у ворот. Под плотно завернутыми одеялами зазвучал крик младенца. Звук плача беспомощного ребенка царапал душу, разрывал и кромсал мое сердце.

Мальшу было страшно. Он хотел обратно к своей маме. Он совсем не понимал, что случилось, и почему он вдруг оказался один. Я покачала головой, прижала ладони ко рту. За что она так с ним... с ней... Со стороны здания к воротам приближались человеческие фигуры. Исходящие от их рук желтые лучи света рассекали темноту. В очередной раз блеснула молния, и на мокрой бронзовой табличке ворот я успела прочитать: «Зелёная колыбель». Та самая, куда мне предстоит отвезти подарок умершей при родах несчастной Валентины Любинской.

Эпизод четвёртый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 14 января

Сочный и яркий запах кофе смешивался с влажным зимним холодом.

Генерал-майор Савельев Антон Спиридонович, облокотившись на перила широкого моста, неспешно отпил из кофейного стакана. За спиной у них со Стасом прошла шумная, хохочущая компания. Стас ждал, пока Аспирин заговорит. Но генерал не спешил, смакуя Американо из Старбакса.

Стас, ощущая подкатывающее раздражение, потёр ладони. Перчатки он оставил в машине, поскольку не знал, что разговор с генералом затянется.

— Значит, — вдруг произнес Антон Спиридонович, — ты хочешь сказать, что если Гольшанский не так на тебя посмотрел, он не убийца?

— Очень даже может быть, что убийца, — кивнул Стас. — Даже, скорее всего, так и есть.

— Но, — со вздохом вставил генерал.

— Но не Портной, — упрямо, с легким нажимом проговорил Стас.

— Допустим, — прокашлявшись, ответил генерал. — Можешь мне объяснить, чего именно ты ожидал от встречи с пойманным убийцей?

— Охотно, — с готовностью согласился Корнилов.

Он посмотрел вдаль. С моста над Москвой-рекой, на котором они стояли, открывался завораживающий вид на живописную засыпанную снегом столицу.

— Серийный убийца, с которым мы имели дело четыре года назад, — снова потирая руки, продолжил Корнилов, — пребывал в восторге и даже в безумной эйфории от того, что мы не могли его поймать. И он...

— Не «мы», а ты, — качнув головой, заметил генерал.

Стас осекся, взглянул на Аспирина. Тот посмотрел в глаза подполковника.

— За раскрытие дела отвечал прежде всего ты, Стас, — с едва заметным обвинением в голосе уточнил Антон Спиридонович.

— Да, — кивнул Корнилов. — И убийца отлично об этом знал.

— Скорее всего, — небрежно согласился генерал.

— Нет, — категорично ответил Стас. — Он знал обо мне. Знал, что нашей оперативно-следственной группой руковожу я. И отлично знал, что именно от меня требуют его поимки.

Генерал искоса, вопросительно взглянул на Стаса.

— Намекаешь на то, что для Портного это стало своеобразным соревнованием между ним и тобой?

— Судя по тому, как он осмелел в последних убийствах, и как нагло похищал девчонок буквально среди белого дня, при свидетелях... — Стас прокашлялся. — Да. Ему очень хотелось поиздеваться, показать свое превосходство и полную неспособность полиции.

Корнилов ещё раз прокашлялся и, стараясь скрыть негодование, добавил:

— Ему хотелось унижить лично меня. Показать, что я вовсе не такой крутой сыщик, каким меня тогда, непонятно зачем, выставляла пресса.

— Допустим... Портной действительно был подвержен азарту и хотел продемонстрировать свое... превосходство.

Последнее слово генерал выговорил с явным отвращением.

— Но с чего ты взял, что именно ты имел для него такое важное значение.

Стас отвел взгляд.

— Вы помните последних жертв Портного?

— Не особенно, — неприязненно проворчал генерал.

— Их звали Дарья Прокопова, Алла Горбенко и Полина Горшкова, — перечислил Стас, глядя на серо-стальные воды реки внизу. — Перед ними были Анна Устинова и Евгения Лопухова.

Генерал со смесью удивления и обеспокоенности, чуть скривившись, посмотрел на Стаса.

— Ты их помнишь?.. Всех?..

Стас поднял взгляд от реки, взглянул в льдисто-голубые глаза генерала.

— Всех, — чуть севшим голосом ответил Корнилов.

— Зачем?.. Зачем ты запоминаешь это?..

— Чтобы помнить свои ошибки, — невесело усмехнулся Стас, — которые стоили жизни этим девочкам. Но не только благодаря этому. Мало, кто уделил внимание дате рождения Дарьи и Аллы. А стоило бы.

— А что такого в этих датах?

— В том, что они одинаковы.

Генерал Савельев подавился кофе и закашлялся. Стас похлопал стареющего начальника по спине.

— Эти девочки, — продолжил Корнилов, — родились девятого июня.

— М-м... — промычал генерал. — Надо же... Прямо в день рождения твоей дочери...

И тут генерал осекся, замолчал. Его ошарашенный взгляд метнулся к Стасу.

— Нет... — проговорил он с изменившимся лицом. — не может быть... Стас... Но...

Стас пожал плечами.

— Изначально он выбирал жертв беспорядочно или по какому-то другому признаку, но затем... Через одну, через две жертвы обязательно попадалась та, чей день рождения совпадал с именинами моей дочери. И после восьми подобных эпизодов, товарищ генерал, я не могу верить, что это может быть совпадением.

— Так... — генерал вылил остатки кофе в реку. — Хорошо... Понятно... Он хмыкнул, качнул головой.

— Теперь понятно, зачем ты своих отправил подальше из Москвы...

— Отсиживались у тётки Риты в Ижевске, — пожал плечами Стас.

— Почему ты мне ничего не сказал?! — рассердился Аспирин.

— Боялся, — коротко ответил Стас.

— Что у нас в УГРО кто-то может... — начал возмущаться Антон Спиридонович.

— Товарищ генерал, — голос Стас похолодел. — Когда речь заходит о безопасности дорогих мне людей, я предпочитаю исключать все, даже самые минимальные риски.

— Ладно, не кипятись, — отступил Савельев, глядя вперед на возвышающиеся впереди высоты. — Я понял... И да, если так, то... Гольшанский должен был отреагировать по-другому на твое появление... А он?

— А он даже не оглянулся на меня, — задумчиво ответил Корнилов. — Потому что он

меня не знает, товарищ генерал.

— Прекрасно, — вздохнул Савельев. — Значит, хочешь сказать, посадили не того?

— Разве только у Сильвестра Гольшанского просто потрясающее самообладание.

Генерал в ответ лишь устало вздохнул. Стас понимал его раздражение и нежелание признавать разумность озвученных доводов. Всем, без исключения всем, очень хотелось думать, что Гольшанский — действительно Портной. Что убийца, отнявший жизнь у двух с лишним десятков маленьких девочек, наконец, за решеткой.

У Савельева заиграл телефон. Звучала песня из очень старого советского фильма. Генерал поднял трубку.

— Да, это я, — нетерпеливо проговорил он, прижимая к уху смартфон. — Что-то срочное?.. Что?!

Голос и выражение лица генерала Савельева изменились.

— Ясно, — проговорил он, недовольно скривив губы. — Спасибо, что предупредил. Давай...

Генерал прервал связь, спрятал телефон в карман своего пальто и посмотрел на Стаса.

— Дайте угадаю, товарищ генерал, — сказал Стас нарочито будничным и спокойным голосом. — Нашли тело девушки, по описанию похожей на Людмилу Елизарову.

Генерал хмыкнул в ответ.

— Да... нашли... Как ты догадался?

— Предположил, — дернул плечами Стас. — Потому что Гольшанский невиновен, но кто-то очень хочет, чтобы он сидел.

— «Тонко» намекаешь, что его подставляют? — спросил Аспирин.

Стас сдержанно кивнул.

— На хрена он тогда на суде при всех признался во всем содеянном? — пожал плечами Антон Спиридонович.

Стас неопределенно чуть качнул головой, шевельнул бровями.

— Понятия не имею. Все, что у меня есть, только догадки и выводы из анализа профиля предполагаемого убийцы.

— Поехали, — сказал генерал. — Глянем на тело.

— Насколько я знаю, дело об исчезновении Людмилы Елизаровой ведет Следственный комитет, — сказал Стас. — Вряд ли они обрадуются, что МУР сует нос в их дела.

— Кто их спрашивать будет, — проворчал генерал. — Пошли.

Разумеется, когда Стас и генерал Савельев прибыли в главное здание Следственного комитета, их не захотели пускать не то что в распоряжение судебно-медицинских исследований, но и даже за ворота. Судя по упрямому и откровенно наглому поведению охранников на воротах, их известили о том, что Стас и Аспирин могут явиться в здание СКР. Однако несколько звонков генерала Савельева разрешили проблему. Их пропустили.

Внутри здания в просторном и прохладном холле их встретил некто капитан Карабанов.

— Для меня огромная честь познакомиться с вами, товарищ подполковник, — Карабанов пожал руку Стасу и генералу. — Я наслышан о ваших достижениях и успехах. Вас почитают, как легенду. Знаете об этом?

— Слышал, — сдержанно ответил Корнилов. — Мы бы хотели взглянуть на тело девушки, которую вы нашли.

— Могу ли я узнать причину вашего любопытства? — сложив руки на спиной,

деликатно спросил Карабанов.

Корнилов внимательно посмотрел на него. Показательная вежливость Карабанова его не обманула. Несмотря на свою любезность капитан Карабанов обладал изрядной долей заносчивого высокомерия и довольно враждебного пренебрежения ко всем, кто не обладал серьезным влиянием. И в особенности к тем, кто по его мнению без надобности лезет в дела Комитета. Корнилов чуть усмехнулся, глядя в серо-зеленые с золотистой каймой глаза капитана. Выразительные, но аккуратные темные брови Карабанова чуть выгнулись вверх.

— Возникли кое-какие подозрения, — степенно произнес Стас.

— Неужели? — голос Карабанова дрогнул от насмешки. — Какого рода подозрения вас мучают, подполковник?

— Подозрения касательно Сильвестра Гольшанского, — прорычал менее сдержанный Аспирин.

— Сильвестр Гольшанский признал свою вину, — процедил капитан.

Корнилов немедленно отметил то, как резко изменились голос и выражение лица Карабанова. Его глаза сверкнули угрожающим блеском. Выразительные брови сдвинулись на тонкой переносице прямого носа с широкими ноздрями. А на коже высокого лба пролегли едва заметные гневные морщины. По мнению Стаса отношение Карабанова к Гольшанскому было как минимум не беспристрастное. Впрочем, учитывая, что в результате неудачного побега Гольшанского погибли двое подчиненных Карабанова, его отношение к Сильвестру вполне объяснимо.

— Скажите, — произнес Стас, чуть склонив голову, — вам достаточно услышать слова признания, чтобы быть уверенным в том, что за решетку сел настоящий виновник, или же вы предпочитаете лично в этом убедиться?

Карабанов хмыкнул, криво усмехнулся. Однако Стас заметил искру сомнения в его глазах.

— Я вас не понимаю...

— Просто дайте нам взглянуть на тело, и мы уйдем, — вмешался генерал Савельев, явно не желая что-то объяснять какому-то капитану.

Карабанов лишь поджал губы, но не пропустить их он уже не мог.

Стаса и Аспирина проводили в лаборатории СМЭ при Следственном комитете. В зале с белыми керамическими стенами и ярким светом сияло множество компьютерных мониторов, за которыми работало десятка два специалистов. А за плотным клеенчатым занавесом с застежками были расположены четыре прозекторских стола со всем надлежащим оборудованием. На одном из них сейчас лежало тело рыжеволосой девушки.

Стас, генерал Савельев и капитан Карабанов в сопровождение худощавого и наполовину облысевшего судмедэксперта прошли через расстегнутый вход занавеса.

— Прощу, — судмедэксперт с жеманной улыбкой картинным жестом указал на лежащее тело.

Стас бросил на него мимолетный изучающий взгляд и быстро сделал вывод, что этот человек хоть и профессионал, но слишком любит свою работу. Ему очень нравится работать с... человеческим материалом. Буквально до фанатизма.

Стас оглядел лежащее перед ним бледное тело. Лицо покойницы было изуродовано до неузнаваемости. Глаза были выколоты, вместо кистей рук лишь окровавленные обрубки.

— Вы позволите? — Стас кивнул на упаковку одноразовых нитриловых перчаток.

— Пожалуйста, — со все той же дурацкой и натянутой улыбкой судмедэксперт

протянул Стасу перчатки.

Корнилов надел перчатки, взял со стойки скальпель, склонился над телом девушки. В нос Корнилову повеяло масляным приторно-гнилостным запахом. Отчетливо чувствовались продукты разложения человеческого тела — сероводород, двуокись серы, аммиак и другие. Корнилов не отшатнулся и не поморщился. Этот запах был ему отлично знаком. И хотя Стаса по-прежнему мутило от него, он давно уже не блевал от запаха мертвого тела.

— Что вы делаете? — удивленно спросил капитан Карабанов.

Стас молча, бесцеремонно с помощью скальпеля открыл рот на изуродованном лице. Все, что было вокруг рта и носа, щеки, скулы, лоб и прочее, было жестоко, с остервенением искромсано.

— Дайте фонарик, — сказал Корнилов, заглядывая в рот девушки.

Он не замечал, что генерал и капитан, оба подались назад, закрыв рты ладонями. Только судмедэксперт взирал на манипуляции Корнилова с нескрываемым интересом.

— Держите, — сотрудник СМЭ протянул Стасу похожий на ручку светодиодный медицинский фонарик.

Корнилов взял фонарик, направил луч света в темную полость рта мертвой девушки. Чуть нахмурившись, он несколько минут сосредоточенно смотрел внутрь рта трупа.

— Ну и как? — шутливым тоном спросил судмедэксперт. — Нашли что-нибудь?

— Да, — со спокойным безразличием ответил Стас и обернулся к Карабанову. — Вам что-то известно о последних днях или неделях жизни Елизаровой? В частности, о её болезни?

— О болезни?.. — скривился капитан Карабанов. — Какой ещё болезни?

— А вы сами взгляните, — предложил Стас, и чуть посторонился.

Карабанов окинул Стаса скептическим взглядом, приблизился к столу и склонился над телом. Он чуть прищурился, глядя в рот мертвой девушки. Через секунду лицо капитана преобразилось. На нем отразилось испуганное изумление. Он несколько раз моргнул, словно не веря тому, что увидел. А когда выпрямился, посмотрел на судмедэксперта.

— Антип, — проговорил Карабанов угрожающим голосом. — А ты в рот то ей заглядывал?

— Н-не успел ещё... — чуть дрогнувшим голосом, поправляя очки, ответил эксперт.

— Ну так сейчас самое время, — Карабанов кивнул на тело.

Антип послушно тоже склонился над трупом, а затем поднял ошарашенный взор на капитана и тут же перевел взгляд на Корнилова.

— У неё гнойная ангина! — воскликнул он. — Н-но... Но у Елизаровой же...

— У Елизаровой ничего подобного не было, — прорычал капитан Карабанов. — Она тусила, развлекалась, пила мартини и шампанское, и никаких жалоб на здоровье у нее не было, чтоб тебя!

— Н-но... Товарищ к-капитан... Откуда же... — начал оправдываться судмедэксперт.

— Ладно, заткнись! — раздраженно отмахнулся Карабанов и посмотрел на Стаса. — Но вы ведь не просто так начали в рот ей заглядывать, а? Подполковник?

— Товарищ подполковник, — с нажимом добавил стоящий за спиной Карабанов Аспирин.

Тот оглянулся на него, кивнул и повторил.

— Товарищ подполковник... Вы ведь что-то заподозрили, раз начали искать отличия от Елизаровой.

— Ну, если отсутствия лица и рук вас у вас подозрения не вызвало... — начал отвечать Стас.

— Это вполне ожидаемое действие преступника, — перебил его Карабанов. — Изуродовать тело, чтобы затруднить его идентификацию! Ублюдок Гольшанский или его псы из охраны явно ведь не хотели бы, чтобы в случае обнаружения тела Елизаровой, её можно было сразу узнать!

— Ну тогда советую вам обратить внимание на пятки, — со вздохом ответил Стас.

— А что с ними не так? — спросил Карабанов.

Но ответил ему судмедэксперт.

— Кожные покровы на пятках трупа имеют слой омертвевших клеток эпителия...

— Или проще говоря пятки этой девушки покрыты мозолями, — со скромной торжествующей улыбкой, ответил Стас. — Что говорит о ношении неудобной, дешевой или старой обуви. Вы уж сами решайте могла ли Людмила Елизарова носить нечто подобное или настолько не следить за собой...

— Антип... — прорычал Карабанов. — Я... Я на тебя рапорт напишу!

Судмедэксперт остолбенел, кожа на его лице приобрела оттенок сметаны.

— Н-но... — начал лепетать он.

— Ладно, всё, — нахмурившись, качнул головой капитана Карабанов.

Он искоса взглянул на Стаса.

— А я уже начал верить злым слухам, подполковник Корнилов, что вы действительно почти всеми своими успехами обязаны какой-то белобрысой синеглазой девчонке с экстрасенсорными способностями... — капитан хмыкнул. — Я рад, что ошибался.

Стас пристально взглянул на него. Аспирин за спиной капитана предупреждающе выразительно посмотрел на Корнилова.

— Приятно, что вы не разочарованы, товарищ капитан.

— Есть только одна небольшая неувязка, — уперев ладони в поясницу, сказал Карабанов. — Сегодня пришли родители Елизаровой.

— М-м, — усмехнулся Корнилов, — дайте-ка угадаю... Они опознали в трупе свою дочь?

— Даже расстроились вполне по-настоящему, — Кивнул Карабанов с нескрываемой злостью в голосе. — А я поверил...

— Они уже ушли? — коротко спросил Стас.

Карабанов отрицательно мотнул головой.

— Наверху, жалуются начальству... Говорят, что их дочь в день убийства должна была получить месячную выручку, а у трупа никаких денег обнаружено не было...

— Какая досада, — с иронией хмыкнул Стас.

— Сейчас я с ними побеседую, — со злым предвкушением сказал Карабанов.

— Стойте, — остановил его Стас.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Карабанов.

— У вас в вещдоках среди дел найдутся какие-то дорогие украшения?

Карабанов с любопытством взглянул на Стаса.

— Что вы задумали товарищ подполковник?

— Банальную проверку на жадность, — пожал плечами Стас.

Это были совершенно обычные мужчина и женщина. Совершенно типичные

представители не слишком обеспеченного среднего класса. Крашеная, светловолосая женщина с короткой шеей, одетая в малиновую стеганую куртку. И мужчина с плоским лицом, мясистым носом и коротко стриженными темно-русые волосами, одетый в потёртую кожаную куртку. Они о чем-то говорили с офицером, стоя возле голубой Тойоты Королла.

— Здравствуйте, — произнес Стас, подходя к ним.

Офицер СКР и «родители» Людмилы Елизаровой уставились на Корнилова.

— Здрасьте, — пробурчал мужчина с плоским, немного азиатским лицом.

— Вы родители Людмилы Елизаровой? — спросил Стас.

Женщина с крашенными волосами кивнула.

И явно показательно печально вздохнула.

— Мы тут обнаружили кольцо Людмилы, которое ей подарил её любовник... — произнес Стас, внимательно наблюдая за реакцией мужчины и женщины.

Стоявший рядом офицер взирал на Корнилова с молчаливым любопытством. Его задача была задержать людей, которые представились родителями Людмилы, пока Корнилов и Карабанов подыскивали достаточно дорогую приманку для лже-родителей. А в том, что эта парочка лжет, Стас нисколько не сомневался. Он видел фотографию Людмилы Елизаровой. Видел её лицо и хорошо запомнил его.

Правильные, даже изящные черты лица, эффектные зелено-карие глаза, аккуратный нос с вогнутой спинкой и закругленным основанием и широкие губы с немного опущенными уголками. И ни одного из этих признаков в лицах «родителей» Людмилы не было.

Но при слове «кольцо» они оба заметно оживились.

— Какое кольцо? — не забывая сохранять плаксивое и горестное выражение лица, спросила женщина.

— Вот это, — Стас показал им кольцо в пластиковом прозрачном пакете. — Она должна была рассказывать вам о нём...

— Да, да, да, — быстро затараторила женщина. — Точно! Я... Я помню! Да, Толик? Помнишь, Людмила как раз говорила нам, что Сильвестр подарил ей кольцо.

Мужчина кивнул, не отводя алчного взгляда от кольца. Ещё бы! Кольцо было от Harry Winston, платиновое, с сорока девятью бриллиантами, сапфирами и аквамарианами! Тут у самого сдержанного человека дыхание перехватит. А у этой пары, казалось, даже сердца остановились.

— Значит, если я все правильно понял, — проговорил мужчина, — кольцо это... наше?

Он с враждебным подозрением посмотрел на Стаса.

— А как же иначе? — заволновалась женщина. — Ведь... Ведь Людочка то была... нашей... дочерью... Значит то, что ей причиталось... теперь принадлежит нам.

— Значит, это то самое кольцо, которое вы видели на фотографиях вашей дочери, которые она вам присылала? — с дружелюбной улыбкой спросил Стас.

— Да, да... — торопливо закивала головой женщина. — То самое... Точно... Ты же помнишь, Толик?

— Да, — проговорил мужчина. — Припоминаю...

— Вот и отлично, — Стас кивнул офицеру СКР, тот в ответ махнул рукой стоящим поблизости трем мужчинам, и они направились к голубой Тойоте.

— А что происходит? — обеспокоенно спросила женщина, вертя головой из стороны в сторону.

Её более расторопный муж бросился было к машине, открыл дверцу, но стоявший рядом

офицер СКР среагировал молниеносно. И через секунду «отец» Людмилы Елизаровой лежал на снегу, а офицер Следственного комитета надевал ему наручники. «Мать» Елизаровой попятилась назад, но её удержал Стас. Женщина испуганно оглянулась на него.

— Давайте не будем делать глупостей, которые лишь послужат отягчающими обстоятельствами.

— Вера, ничего им не говори! — прорычал её муж, которого подняли со снега и повели к зданию Следственного комитета.

Женщину, которую держал Стас, тоже увели следом за ним. Стас пару секунд смотрел вслед двум лжеродителям. Он бы очень хотел побеседовать с ними, но понимал, что его к ним и близко не подпустят.

— Ловко и просто, — оценил подошедший капитан Карабанов. — Теперь не отвертятся...

— На многое особенно не рассчитывайте, — не оборачиваясь ответил Стас.

— В смысле? Вы о чем?

— Они, — Стас кивнул в сторону лжеродителей Елизаровой, которых заводили в здание Комитета, — вряд ли обладают какой-то ценной информацией. Тот, кто хотел подложить вам ложный труп Людмилы Елизаровой, не стал бы лично общаться с временными исполнителями.

— А вы уверены, что тело нам «подложили»? — с недоверием спросил Карабанов. — Как по мне, так это парочка неудачливых аферистов, решивших подзаработать, изображая безутешных родителей богатенькой девочки...

— Глупости, — отрезал Стас. — Слишком велик риск. Людмила ведь не сирота.

— Нет, — тут же ответил Карабанов и добавил. — Насколько я знаю.

— Ну вот, — дернул плечами Стас и, вздохнув, добавил, глядя в зимнее небо. — Кто-то очень хочет, чтобы все думали, что Сильвестр Гольшанский убил Людмилу Елизарову.

— Даже если он её и не убивал, он признался в убийствах...

— Вот именно, — невесело усмехнулся Стас. — Признался...

Карабанов прокашлялся.

— Товарищ подполковник, я благодарен вам, что помогли прояснить ситуацию и поймать шарлатанов... Но, надеюсь, вы понимаете, что это дело полностью под юрисдикцией Следственного комитета?

Стас медленно обернулся. Пристально посмотрел в настороженные глаза Карабанова. И, чуть улыбнувшись, кивнул.

— Конечно понимаю. Удачи, капитан.

СРОЧНЫЕ НОВОСТИ!

Четверг, 14 января

Буквально несколько часов назад стало известно, что в подмосковных лесах сотрудники Следственного комитета обнаружили тело девушки, по описанию похожей на Людмилу Елизарову. Подробности пока не разглашаются, но уже известно, что родители Людмилы опознали свою дочь. Остается только выразить сочувствие родным и близким Людмилы Елизаровой. Несчастной девушке пришлось стать последней жертвой Сумеречного портного, которого правоохранительные органы сумели поймать, лишь ввиду роковой случайности.

Всё это наталкивает на размышления о качестве работы, как полиции и Уголовного розыска, так и Следственного комитета.

Что будет дальше? Предъявят ли Сильвестру Гольшанскому новое обвинение?

Что на это скажет Елизавета Гольшанская, мать Сильвестра Гольшанского, и его сын Орест Гольшанский?

Газета «Ежедневный обозреватель».

ОРЕСТ ГОЛЬШАНСКИЙ: НЕ ВЕРЮ В ВИНУ ОТЦА!

Четверг, 14 января

Сын недавно арестованного по обвинению в серийных убийствах Сильвестра Гольшанского Орест Гольшанский сделал эмоциональное заявление касательно своего отца: «Я не верю в вину своего отца! Этого не может быть! Да, мой отец далеко не самый миролюбивый человек! Но в большом бизнесе, где на кону стоят многомиллионные контракты, скорее нужен воинственный, непреклонный и даже жестокий характер! Там, где крутятся большие деньги, нет места добродушию и благожелательности! Миролюбивые добряки быстро идут ко дну, на радость своим жестоким и хладнокровным конкурентам! Мир крупных финансовых сделок, контрактов, мир фондовых бирж и рынка облигаций, а также миллиардных инвестиций другим быть не может! И конечно же это не может не сказываться на характере человека! Я сам такой, и благодарен отцу за это воспитание! И я не удивлюсь, если отец действительно иногда воспитывал Людмилу Елизарову, которая явно не ценила того, что у неё было! Вообще, то, как быстро закрутилось это дело, как быстро отца вынудили признать вину, и как на удивление оперативно сработала наша не самая адекватная система правосудия, наталкивает на мысли о том, что здесь задействовано влияние недоброжелателей банка МосИнвест! И я сейчас говорю не просто о каких безликих врагах моей семьи и завистниках нашего успеха! Я говорю о конкретном человеке! Я говорю о Леоне Корфе, который больше известен, как «Аккорд»! Этот преступник возглавляет одну из самых опасных и влиятельных мафиозных группировок! Он давно положил глаз на банк МосИнвест и лишь ждал удобного случая, чтобы нанести свой подлый удар!»

Мы не можем делать выводы из заявления молодого Ореста Гольшанского, поскольку никаких неопровержимых доказательств о фабрикации уголовного дела или причастности к нему крупного предпринимателя Леона Корфа он не привел. Однако не может не бросаться в глаза уверенность Ореста и та страстная пылкость, с которой он обвинял Корфа.

Всё же даже если кто-то действительно приложил руку к аресту Гольшанского и крупно подставил главу МосИнвеста, он явно просчитался. Потому что молодой Орест давно признан настоящим финансовым гением! Именно с приходом Ореста инвестиционный банк МосИнвест расцвел ещё больше! Благодаря бурной деятельности двадцативосьмилетнего Ореста Гольшанского обороты и прибыль МосИнвеста выросли почти втрое!

Нам остается только гадать, что предпримет все ещё могущественная семья Гольшанских, и может ли Сильвестр Гольшанский рассчитывать на амнистию после своего откровенного признания?

Статья из новостного портала «Московский курьер».

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 14 января

На сиденье передо мной упала черная сумка с приколотыми яркими значками. Я вздрогнула и отвлеклась от просмотра новостей на телефоне. Рядом со своей сумкой уселась за столик кафе Лерка. Она без предисловий отпила из чашки с горячим шоколадом, который я заказала, и приветственно кивнула мне.

— Привет. Ну? Чего ради ты сегодня решила прогулять три последних урока?

— Есть причина, — вздохнула я.

— Я не сомневаюсь, — откинувшись на спинку серо-бирюзового дивана, Логинова развела руками. — Рассказывай...

— После того, как мы вчера с Мироном поехали искать хозяев для оставшихся троих щенков...

— А точнее на кого взвалить судьбу трех бездомных псин, — с едкой ухмылкой вставила Лерка.

Я лишь вздохнула с улыбкой покачала головой.

— Можно сказать и так. В общем...

Я сбивчиво, но кратко пересказала ей события вчерашнего вечера.

Когда я закончила Лерка несколько секунд сидела в легкой прострации.

— Так... — проговорила она с кивком. — Давай проговорим всё это ещё раз...

— Давай, — пожала я плечами.

— Этот чел на бумере, который чуть не размазал Мирона по асфальту, вёз в своей тачке какую-то роженицу?

— Да... — попыталась уточнить я.

— Когда вы приехали в больницу, она умерла? — продолжала Лерка.

— Да, и...

— Вам предложили исполнить, так сказать, её последнюю волю и отвезти её дочери в приют подарок?

— Да, но...

— Этот Бронислав забрал последнего щенка и ушил, наплевав на умершую при родах женщину?

— Да, — опечаленно вздохнула я.

— А ты согласилась отвезти подарок её окончательно осиротевшей дочери? — чуть склонив голову к плечу, проговорила Лерка.

— Ну да, — я снова пожала плечами.

— А ночью ты ещё увидела её воспоминания, из которых следует, что эту... Любинскую, когда-то там изнасиловали, после чего она родила дочку, которую в дождливую ночь оставила под воротами приюта? — Лерка не скрывала сердитой иронии в голосе.

— Примерно так, — я опустила взгляд на чашку с шоколадом, что грела мои ладони.

— Роджеровна, — глаза Леры опасно сузились, — знаешь, что тебе нужно было сделать, когда эта медсестра предложила отвезти в приют подарок для дочери умершей женщины?

— Что?.. — опасливо спросила я.

— Встать и уйти, как тот мужик с BMW.

— Ну Лера! — воскликнула я расстроено и разочарованно. — Ведь... Ну... я не могла!

— Да знаю я, что не могла, — закатив глаза, раздраженно ответила Лерка. — Даже было бы странно, если бы ты сделала по-другому! Одеть, накормить, и пристроить бездомных псин. Простить пацана, который на тебя поспорил.

Она фыркнула, дернула головой и добавила:

— Или подружится с единственным изгоем в классе...

Я подняла на неё удивленный, чуть растерянный взгляд. Лерка покачала головой, глядя на меня, затем хмыкнула и добродушно улыбнулась.

Я смущенно улыбнулась в ответ и произнесла:

— Ты не была изгоем...

— Нет, была, — тихо и твёрдо проговорила Логинова. — Мы обе это знаем. Моя жизнь тогда изменилась только с твоим приходом.

— Лер... — жалобно, и отчаянно краснея, произнесла я. — Не надо...

— Так что я нисколько не удивлена, Роджеровна, — усмехнувшись, проговорила Логинова. — Ты не умеешь быть равнодушной...

Она замолчала, вздохнула.

— Это плохо? — с робкой улыбкой спросила я.

— Это неудобно, — пренебрежительно ответила Лерка. — Ты не знала? Люди не хотят быть добрыми не потому, что они все угрюмые злюки, а потому, что быть бессердечным эгоистом куда комфортнее и проще.

— Лер, — хихикнула я, — в тебе пропадает мудрый философ...

Логинова рассеяно кивнула.

— Я завтракаю чаем с сигаретой, пью Chesters Cherry и пишу рок-песни... Разве может быть по-другому?

Тут мы обе громко засмеялись. На нас удивленно оглянулись другие посетители кафе и несколько официантов. Мы тут же притихли.

Допив горячий шоколад, мы вышли из кафе. Лерка, явно красуясь, достала ключи от автомобиля и нажала на кнопку сигнализации.

Стоявший неподалеку чёрный (конечно же чёрный!) Subaru Forester приветливо отозвался. Этот предмет личной гордости Лерки появился у неё чуть больше месяца назад, когда усилиями многочисленных родственников семьи Логиновых и стараниями знакомого дилера дяди Сигизмунда Лерка прямиком из Японии получила относительно новый Субару. Сама модель была выпущена в далеком в две тысячи десятом. Но при этом внедорожник был в отличнейшем состоянии и с минимальным пробегом. Тут ещё удачно совпало, что незадолго до Леркиных именин в Госдуме наконец-то приняли закон о предоставлении прав на вождение лицам от шестнадцати лет* (*Автор в курсе, что подобного закона в реальности не принимали, но автор позволила себе немного пофантазировать на эту тему*). А Лерке пятнадцатого декабря как раз грянуло шестнадцать. В общем, радости моей лучшей (а по сути единственной) подруги в тот день не было предела. Лерка орала от счастья, прыгала вокруг автомобиля, снова орала, визжала от восторга и, не переставая, оглядывала свой подарок. Меня она чуть не задушила в объятиях, хотя единственная моя заслуга заключалась в том, что я упростила дядю Сигизмунда потратить время и задействовать свои связи. Ну правда мне пришлось два месяца в буквальном смысле батрачить в мастерской на всех видах работ, плюс готовка, походы в магазин, стирка и так далее. Словом, я Леркин подарок в

буквальном смысле, простите за выражение, отработала.

Мы забрались в автомобиль. Я пристегнула ремень, а Лерка закинула в рот жвачку, выжала сцепление и завела двигатель.

— Ну что? — кивнула я на рычаг КПП, за который взялась Лерка. — Я ведь была права когда убедила тебя согласиться на механику?

— Да, — усмехнулась Логинова, — признаю. Когда научишься ею пользоваться, реально комфортнее автомата. Да и тачка бабла меньше жрёт.

— И проходимость лучше, чем у седанчиков с автоматом, — со смешком добавила я. — Дороги у нас местами хорошие, а местами только для танков.

— Причем, только для русских, — хмыкнула Лерка.

— Ну другим тут и делать нечего, — резонно заметила я.

— Точно, — согласилась Логинова.

Лерка аккуратно выехала с места парковки и влилась в общее дорожное движение. Водить Лерку, кстати, учила я. Ещё задолго до появления у нее автомобиля и, разумеется, с позволения дяди Сигизмунда. Иначе ей, как и большинству новоявленных водителей, пришлось бы ездить на попсовых «автоматах».

— Не спеши только, — попросила я, слегка вжимаясь в спинку сидения.

— Кто бы говорил! — фыркнула Лерка, — Не вы ли с Федей месяц назад взяли без спросу Nissan Skyline и покатались на нём, пока Сигизмунд Владиславович был в отъезде?

— Это не в счет, — стыдливо ответила я. — Skyline R34-легенда ... Я не удержалась...

— Сама бредишь японцами и меня подсадила, — хихикнула Лерка.

— Ты не пожалеешь, — хмыкнула я с толикой самодовольства.

Из воспоминаний скончавшейся Валентины Любинской я хорошо запомнила дорогу к приюту «Зеленая колыбель». И через пару часов мы с Леркой уже ехали по широкой вымощенной старой брусчаткой дороге. По обе стороны от нас густел заснеженный лес. Приют располагался в месте соприкосновения городских окраин и лесных угодий. Из-за широкого округлого поворота сквозь укрытые снегом переплетающиеся ветви деревьев показался край старинного здания из серого камня.

— Вау, — хмыкнула Лерка, когда далеко впереди над воротами возвысилось во всей красе громоздкое здание приюта. — Ничесе...

Хотя Лерка не всегда умела широко и красочно выразить свое восхищение, в целом, я была с ней согласна. Здание приюта «Зеленая колыбель» было выстроено в мрачноватом неоготическом стиле, сильно напоминающем архитектуру эпохи Тюдор. В центре здания виднелись высокие створки деревянных ворот, по обе стороны от которых не слишком сильно вытягивались узкие башни с зубцами на крышах. Высокие окна в белых рельефных рамах углублялись на всех трёх этажах. Здание растягивалось в обе стороны на сотню метров, охватывая территорию никак не меньше футбольного поля. Скорее, даже больше.

Несмотря на свое величие и архитектурную красоту здание приюта вызывало какое-то зловещее ощущение. В высокомерном и неприступном одиночестве высилось оно посреди заснувшего под снегом зимнего леса. И от взгляда на его стены в сердце проникало гнетущее, тревожное чувство. Я тихо вздохнула, чувствуя, как по коже спины, прямо по позвонкам пробежала холодная щекотка. У меня создалось неприятное впечатление, что приют следит за нами. Бесстрастно наблюдает всеми десятками своих темных окон за одиноким внедорожником, посмевающим приблизиться к его воротам.

Лера остановила автомобиль перед металлическими воротами и посигналила. Я нервно

сглотнула, прижала к себе пакет с подарком для Рады. Меня внезапно наполнило чувство мучительного волнения. Стало дико не по себе.

— Эй, Роджеровна, — Лерка посмотрела на меня с изучающим подозрением. — Всё в порядке?

Я мельком взглянула на нее, и быстро кивнула.

С другой стороны к черным металлическим воротам подбежал охранник в чёрных брюках и горчичного цвета форменной рубашке с шевроном охранной компании. У нас спросили цель визита. Я объяснила ситуацию. Охранник узнал, есть ли в приюте шестилетняя Рада Любинская. А когда выяснилось, что есть, нас пропустили внутрь.

— Только пожалуйста припаркуйте автомобиль не далее вон того пруда, — охранник указал не большой заледевший пруд в нескольких десятках метров от ворот.

— Как скажете, — притворно улыбнулась ему Лерка.

Ворота приюта открылись, мы заехали внутрь. Как и просил охранник, мы остановились неподалеку от пруда, вокруг которого торчали безжизненные голые ветки кустарников. Мы выбрались из автомобиля. Удерживая в руках пакет с подарком, я снова оглядела здание приюта. Отсюда монументальное строение выглядело ещё более угрожающе и зловеще. Хотя всё равно оставалось красивым.

Когда мы подошли к отделанным деревом высоким створкам, нам навстречу вышла женщина в сером пальто. У неё были слегка взлохмаченные светло-русые волосы и очки в странной леопардовой оправе. Очки у неё были в форме CAT-EYE. Женщина была полноватой, но передвигалась с удивительной почти парящей легкостью.

— Добрый день, — неожиданно звонким голосом произнесла она.

— Добрый, — неуверенно ответила я. — Мы приехали к...

— К Раде, — кивнула женщина. — Я знаю. Как вас зовут?

— Вероника, — ляпнула я и тут же подумала, что называть настоящее имя не стоило.

Но Лерка тоже представилась настоящим именем.

— Очень приятно, — с дурацкой американской улыбкой ответила женщина. — Меня зовут Клавдия. Я работаю здесь воспитателем младших групп. Вы знали мать Рады?

— Н-нет... — промямлила я.

Я боялась этого вопроса, потому что за ним обязательно последует вопрос о том, почему именно мы привезли подарок Раде от её матери. Затем нас спросят где сама Валентина Любинская, и почему она не приехала к дочери лично? А мне было крайне неловко и трудно даже представлять, как я отвечаю на эти вопросы и рассказываю печальную правду. И меньше всего мне хотелось рассказывать это маленькой шестилетней девочке. Да и вообще, я бы ни к кому не хотела приходить с такой вестью!

Нас провели по коридорам с высокими потолками. Внутри здания было вполне уютно, хотя и слегка пахло сыростью, а старые акриловые обои с узорами кое-где были порваны или продырявлены. В глаза бросалось изобилие комнатных растений на окнах и на полу. Собственно, больше внутри смотреть было не на что. Кроме изредка попадающихся элементов декора из высушенных цветов и древесных веток причудливой формы, помещенных в рамки под стекло.

Клавдия провела нас с Леркой в комнату с синими стенами и серыми, обитыми замшей старыми диванами. На маленьких столиках здесь стояли горшки с фикусами. У торцевой стены зачем-то стояло старое пианино. А вдоль одной из несущих стен тянулись полки с выставленными на ней фотографиями в рамках, рисунками, кубками и разными

статуэтками. На фотографиях чаще всего были улыбающиеся и смеющиеся дети.

— Подождите здесь, пожалуйста, — попросила Клавдия. — У нас сейчас тихий час, поэтому все спят. Я вам сейчас постараюсь привести Раду.

— Конечно, — ответила я. — Спасибо.

Она ушла. Мы с Лерой переглянулись.

— Ну и как тебе? — спросила Логинова, оглядывая помещение.

Она задержала взгляд на фотографиях в рамках и разнообразных статуэтках.

— Жутковатое местечко, — призналась я.

— Да, впечатление производит не самое радушное, — согласилась Лерка, и кивнула на фотографии. — Кстати, уют-то, походу, только для девочек.

Я тоже обратила внимание на фотографии и заметила, что на снимках действительно видны только девочки. Хотя среди воспитателей и сотрудников детдома мужчин было немало. И почему-то этот факт вызвал у меня странное беспокойство.

Большие часы на стене монотонно тикали, отмеряя секунды. Меня одолевала упорная нервозность. Я вертела головой по сторонам и беспокойно ерзала.

— Хватит нервничать, — проворчала Лерка. — Я слышу, как у тебя сердце барабанит. Че ты переживаешь то?

— Не знаю, Лер... — грустным голосом ответила я. — Сейчас придет ребенок, а я должна буду рассказать ей...

— А ты не говори, — нахмурившись, ответила Лерка. — Соври что-нибудь. Мама занята. Что, не знаешь, как это делается?

— Честно? — невесело усмехнулась я. — Нет...

Логинова в ответ только вздохнула. Не в силах просто сидеть, я встала с дивана и подошла к полкам с фотографиями и статуэтками.

Лениво прошлась вдоль них. Лерка тем временем заглянула в пакет с подарком.

— А ты не распаковывала? Не смотрела, что внутри? — спросила Логинова с ехидным любопытством.

— Нет! — ужаснулась я. — Ты что!.. Это же не мне!..

— Хм... — Лера взвесила в руке прямоугольной формы свёрток в золотисто-фиолетовой обёртке. — Увесистый такой. Спорим внутри говорящая кукла? Ты как? Ничего не видела в её воспоминаниях?

— Нет, — вздохнула я, глядя на групповой снимок восьми девочек. Я подошла ближе к полкам. Я не могла объяснить, что именно пробудило во мне интерес к этой фотографии. На ней были изображены восемь самых обыкновенных девчушек со счастливыми улыбками. Они хвастливо демонстрировали фотографу простенькую вышивку на платках. Странное наитие заставило меня протянуть руку к фотографии. Едва кончики моих пальцев коснулись гладкой, прохладной поверхности снимка, как перед глазами вспыхнул ослепительно белый свет, я услышала крики, смех, топот детских ног и строгий крик какой-то женщины:

— Девочки! Немедленно перестаньте баловаться! Слышите меня! Здесь нельзя бегать!

Затем воспоминания сменились. Девчонки играли в куклы в игровой и оживленно обсуждали, что кукла «Марина» купит в подарок для своих подружек. Девочки и сами явно были подружками. Причем, очень дружными. В следующем воспоминании я увидела, как они втихаря ночью, после отбоя с фонариком раскрашивают фломастерами раскраски с разными пони из мультика «Дружба — это чудо». Потом пришла строгая воспитательница. Почти все девчонки успели запрыгнуть в постель, но одна из них замешкалась, и её поймали

с поличным.

— Кто ещё был с тобой?! — рассерженно спросила воспитательница.

Она безжалостно вытащила маленькую девочку из постели, и та босиком в пижаме стояла перед ней.

— Никто, — пролепетал ребенок.

Воспитательница залепила её пощечину. Я вскрикнула, воспоминание исчезло.

— Роджеровна! — Лера настороженно трогала меня за плечо. — Ты... Ты чего?... Что... Что, опять?.. Да?..

— Да, — кивнула я и нервно сглотнула, глядя на фотографию с улыбающимися восемью подружками.

Логинова перехватила мой взгляд. Посмотрела на фотографию и снова на меня.

— Что с этими девочками? А?

— Не знаю, — тихо ответила я. — Но с ними что-то случилось.

— Слушай, не надо таким потусторонним голосом говорить, — слегка раздраженно попросила Лерка, — мне стрёмно становится!

Я оглянулась на неё, виновато улыбнулась.

— Прости.

Лерка вздохнула, покачала головой, взгляд у неё был впечатленный.

— Я, наверное, никогда не смогу привыкнуть к твоим... — она замешкалась, явно пытаясь подобрать наиболее корректное выражение.

А я почувствовала внезапный и почти болезненный укол совести. Не стоило всё рассказывать Лерке. Не стоило погружать её в свой мир. Она совсем не обязана разделять со мной мои трудности, мои видения... мои кошмары. Видимо, размышления отразились у меня на лице, потому что Лерка взяла меня за руку.

— Всё нормально, Роджеровна, — сказала Логинова. — Слышишь? Не начинай только корить себя... Я по глазам твоим вижу, что ты уже начала себя накручивать. Типа «Зачем я ей все рассказала! Зачем втянула и тэ дэ, и тэ пэ!»

Она вздохнула.

— Мне неприятнее было, что ты слишком долго мне не рассказывала, — пожалала плечами Логинова. — Хотя... На твоём месте я бы вообще не решилась. Я даже не знаю, как начать говорить о таком!

Дверь в комнату с синими стенами открылась, и вошла Клавдия. Воспитательница держала за руку девчущку, одетую в заношенный вязаный голубой свитер, клетчатую юбочку, тоже явно поношенную, колготки и тапочки в виде собачек. Девочка молча шла за воспитательницей. Она с боязливым любопытством робко взирала на нас с Лерой. У малышки были большие, выразительные василькового цвета глазки.

При взгляде в её глаза, на её личико у меня сдавило сердце и горло. Я представила, как отдаю ей подарок, а она спрашивает меня, почему её мама сама не приехала. И я буду врать. Я обязана врать этой крохе. Потому что я просто не в силах (а может и не в праве) поведать ей истину.

Клавдия подвела девчущку к нам. Та явно застеснялась и неуверенно отступила назад. Я попыталась улыбнуться ей, но глаза уже начинало щипать от наворачивающихся слёз.

— Радочка, — обратилась к девочке воспитательница Клавдия. — Эти девушки приехали от твоей мамы.

Девочка удивленно посмотрела на женщину, затем на нас.

— Привет, — произнесла я, изо всех стараясь не расплакаться. — Меня зовут Ника, а это Лера.

Я указала на свою подругу. Логинова помахала малышке рукой.

Девочка слегка пугливо и даже настороженно глядела на нас.

— Рада, — воспитательница чуть наклонилась к девчужке, — что надо сказать?

Та взглянула на женщину, затем на нас и пролепетала смущенно:

— Здравствуйте...

Я как можно более добродушно улыбнулась ребенку.

— Ну, я вас оставлю, — предложила Клавдия и посмотрела на девочку. — Веди себя надлежащим образом Рада, помни о правилах приличия, которым тебя учили.

— Хорошо, Клавдия Романовна, — тонким голоском ответила девочка.

Воспитательница ушла, оставив меня и Леру с Радой.

На несколько секунд возникла неловкая пауза. Мы с Леркой смотрели на Радку, а девочка по очереди глядела на нас.

Я посмотрела на Логинову, та пожала плечами. Я неуверенно подошла к Раде.

— У нас есть для тебя подарок.

— Подарок? — переспросила девочка. — От мамы?

— Да, солнышко, — кивнула я. — От твоей мамы.

Я подошла к ней и протянула пакет с подарком.

— Держи. Это тебе.

— Спасибо, — проговорила Рада, принимая у меня пакет с подарком. — А что там?

— Не знаю... — честно ответила я и нервно улыбнулась ей через силу.

Знал бы кто, как неудобно я себя чувствовала в этот момент. И как тяжело было сдерживаться, чтобы не дать эмоциям вырваться наружу. В голове завертелись навязчивые воспоминания матери Радки. Я снова увидела отрывки кошмарных воспоминаний Валентины из того дня, когда её изнасиловали прямо после школьного выпуска. Я слышала её крики и мольбы, слышала пьяный и злорадный хохот её насильников. Я вспомнила, как Валентина посреди ночи, под дождем принесла новорожденную Радку к воротам «Зеленой колыбели».

— Ника, — произнесла девочка.

Я опомнилась, посмотрела на неё.

— Да, солнышко? — ласково спросила я.

— Почему ты так выглядишь, как будто тебе хочется плакать? — спросила Рада. — Что-то случилось, да? Что-то с мамой?

Я коротко вдохнула, застыла на месте. Болезненная тяжесть повисла в груди. Горло сдавило сильнее, стало так мерзко и противно на душе. Я смотрела в васильковые глаза Радки, робкие и наивные, полные хрупкой надежды. Я видела свое отражение в её глазах, и чувство горечи внутри меня медленно, с ожесточением, расцарапывало душу.

— Я... — мне с трудом удалось издать звук. — Нет... П-просто...

Она смотрела на меня. Молча. Робко. В васильковых детских глазах таилась боязливая надежда. И у меня был выбор: или рушить её, или лгать...

На мое плечо легла ладонь Лерки.

— Рада, — дружелюбно, по-приятельски обратилась Логинова к девочке, — моя подруга немного переволновалась, пока ждала тебя. Всё-таки выполнение поручения твоей мамы очень ответственное задание. Давай мы позволим Нике выйти ненадолго и перевести дух, а я отвечу на все твои вопросы. Идёт?

— Хорошо, — Рада улыбнулась Лерке.

Я взглядом поблагодарила подругу, та молча кивнула и взяла девочку за руку. Они вдвоем сели на один из диванов, а я тихо выбралась в прохладный коридор. Я была очень благодарна Лерке за вмешательство. Едва я вышла за порог комнаты для гостей, как сдерживаемые слёзы хлынули по моим щекам. Стоя у окна, я тихо дрожала от бессильных рыданий. Меня раздирало отчаянное горестное сочувствие к Раде. Невыносимое чувство жалости к оставшейся без матери девочке травило сердце и обжигало душу изнутри. Меня пробиравало гневное, кипучее чувство несправедливости. Ну почему так?! Почему, чёрт возьми, должно происходить всё вот так?! За что этот ребенок обречен жить сиротой?! Кто там наверху всё это всегда за всех решает! Мрачные, тягостные и противоречивые мысли осиным роем вились в голове. И осознание суровой, угнетающей реальности жалило куда-то очень глубоко, в самый сокровенный уголок души. Где обычно таятся самые хрупкие надежды. Я вновь и вновь вспоминала. Я закрывала глаза и видела воспоминания Валентины Любинской. И я не могла перестать думать о том, что было бы, если бы...

Мои досадливые и угрюмые размышления прервал ворвавшийся в тишину длинного коридора пронзительный детский крик. Тонкий, срывающийся на истеричный хрип крик перепуганного ребенка. Я вздрогнула, быстро повернулась в сторону крика. Резким хищным броском в сознание и тело ворвалась шальная тревога. С диким рвением в груди забилось сердце. Его удары пульсирующим эхом отзывались в кончиках пальцев рук. Я тщательно вслушивалась, но теперь стены приюта хранили невозмутимую тишину. Одолеваемая пугающими подозрениями я прошла по длинному коридору и вышла к широкой спиралевидной лестнице с деревянной резной балюстрадой.

Укрытые темно-изумрудным ковром ступени уходили вверх. Я огляделась по сторонам. Коридор в обе стороны пустовал. Все-таки в приюте сейчас тихий час, все дети спят. А воспитатели наверняка коротают время за чашкой чая.

Подгоняемая всё тем же неутомным чувством тревоги я ступила на лестницу, поднялась на второй этаж. Меня не покидало навязчивое и необъяснимое чувство, что за мной следят. И нет, не люди, а само здание, сам приют. «Зеленая колыбель» словно действительно наблюдала за мной безмолвно, с холодным пренебрежением.

Крик ребенка больше не повторялся. Он был коротким и внезапным, как случайный блик солнца среди городских улиц. Второй этаж был почти полной копией первого. Такие же блекло-зеленые стены с простыми узорами, такие же цветы, пальмы, фикусы и декор из высушенных веток и цветов. Постояв здесь, я подняла взгляд выше, на третий этаж. Я ринулась дальше вверх по лестнице. Изнуряющее беспокойство пульсировало во мне в такт скачущему сердцу.

— Что вы здесь делаете?! — чей-то резкий, строгий голос вспорол безмолвие.

Я вздрогнула и остановилась на ступенях лестницы, оглянулась.

Ко мне подошел какой-то мужчина в зеленом пиджаке и черных брюках. У него было лицо с широкими скулами и глубоко посаженными глазами, каштановые жидкие волосы, чуть ниспадавшие на лицо, усы и борода с проседью... Взгляд мужчины был властным, ледяным и колючим. Бледноватая кожа выглядела слегка влажной или потной.

— Я повторяю вопрос, — проговорил он раздраженным баритоном, — что вы здесь забыли?!

— Я... — проговорила я, сбитая с толку его агрессивным напором. — Я просто услышала крик...

— Ну и что?! — он поднялся ко мне на лестницу. — Это дает вам право шляться, где вам вздумается? Здесь живет полторы сотни детей! Иногда они кричат и капризничают! Вы впервые слышите об этом?

— Простите, — ответила я, с трудом выдерживая взгляд его темных глаз, — но мне показалось, что кричавший ребенок не просто капризничал...

— Так, я не знаю, кто вы, но вам лучше уйти отсюда. Возвращайтесь на первый этаж. Если вы приехали кого-то навестить, то все встречи проходят только на первом этаже. Там есть для этого специальные комнаты.

С этими словами он взял меня за руку и повел вниз. Я безвольно, послушно пошла следом, не смея противиться.

Когда мы спустились с пролета между вторым и третьим этажом, я услышала звук похожий на шепот. Я неуклюже обернулась на ходу, и по коже прошел волной легкий жар.

Они стояли там, все восемь. Молча, в ряд, на фоне тусклого зимнего света из окна. Те самые восемь девочек, чьи воспоминания я увидела в комнате для встреч. Их взгляды были устремлены на меня. А на бледных лицах замерло бесстрастное, печальное выражение.

Мужчина в зеленом пиджаке свел меня на первый этаж и нетерпеливо махнул рукой в сторону комнаты для встреч, в которой я оставила Лерку и Раду.

— Идите, — почти приказным тоном велел он. — И вздумаете ещё раз шастать, где вам вздумается, я предупрежу охрану, чтобы вас больше не пускали на территорию приюта!

— Извините, — пробормотала я пристыженно.

Мне ничего не оставалось, как послушно вернуться к комнате для встреч.

Но когда я подошла туда, Лерка уже вышла, а Клавдия уводила за руку Раду. Девочка обернулась на звук моих шагов. Тут она что-то тихо спросила у воспитательницы, та кивнула и отпустила руку Рады. Дочка погибшей Валентины бросилась ко мне.

— Вытяни руки! — прощепетала она с счастливой улыбкой.

— А... ладно, — я неловко вытянула вперед сложенные ковшом ладони.

Рада быстро положила в мои руки две конфетки в ярких обертках.

— Спасибо за подарок! Передайте маме привет! Пока! — Рада помахала мне рукой и весело ускочила к воспитательнице.

Я еще несколько секунд, стоя с протянутыми руками, оторопело глядела ей вслед. «Передайте маме привет!». Эти слова, произнесенные голосом Рады, ещё долго звучали в моей голове.

Мы с Леркой вышли из здания приюта. Я натянула на руки перчатки и уставилась на снег под ногами. В душе стыла печальная досада.

— Как она приняла подарок? — спросила я, когда мы шли к машине Лерки.

— С пискom и восторгом, — усмехнулась Логинова. — Очень позитивная девчушка.

Я на мгновение одобрительно улыбнулась и снова задумалась.

— Кстати, в упаковке оказалась интерактивная игрушка-щенок, — сообщила мне Логинова.

— Интерактивная? — переспросила я.

— Ага, — кивнула Лера. — Тявкает, скулит и писается.

— Лера...

— Ладно, только тявкает и скулит, и ещё виляет хвостиком, — усмехнулась Лерка. — Не очень дешевая игрушка, к слову.

— Да, наверное... — отстраненным голосом согласилась я.

— Да что с тобой такое? — не выдержала Лера. — За что ты опять себя коришь? Ты же выполнила последнюю просьбу той женщины! Ну! Твоя совесть чиста! Что опять не так-то?

— Да... ничего, — нехотя ответила я.

— Роджеровна, ты врать не умеешь, — ехидным голосом заметила Лера. — Давай выкладывай. Что? Опять что-то увидела?

Я молча кивнула.

— Выйдя из комнаты, я услышала детский крик, — рассказала я, взглянув на Леру. — Мне показалось, что кричали где-то с третьего этажа, я хотела подняться и посмотреть, что там происходит. Но между вторым и третьем этажами меня поймал какой-то крайне неприятный субъект с замашками диктатора.

— Не иначе, как местный директор, — хмыкнув, ответила Лерка. — Рада мне про него рассказывала. Они его тут Пожирателем называют.

— П-пожирателем?! — переспросила я ошарашено. — Почему?!

— Рада говорит, эту кликуху ему уже давно приписали. Задолго до того, как она тут появилась. Это старшие девчонки его так между собой называют, ну а эти помладше — повторюхи мелкие...

— Надо полагать, этим прозвищем его наградили не от большой любви, — мрачно заключила я.

— Да уж вряд ли, — со вздохом согласилась Лерка. — Вообще, как я сказала, неприятное место. И девчонкам, которые здесь живут, я не завидую.

— Это не просто так, Лер... — я снова отвела взор и, поджав губы, покачала головой. — Что-то... что-то происходит там... Что-то злое творится за стенами этого приюта...

Я остановилась на месте. Лера встала рядом со мной. Пару секунд я отрешенно глядела на снег.

— Роджеровна, с тобой всё в порядке? — осторожно спросила Лера.

Я медленно покачала головой.

— Тот этаж... Что они там скрывают? Этот... Этот Пожиратель... Он не просто так разозлился на меня. Он явно нервничал, Лер. Он был обеспокоен. А ещё...

Я нервно сглотнула.

— Я видела тех девочек.

Лерка судорожно вздохнула и тихо грязно выругалась.

— Я так и знала...

— Прости... — шепнула я.

— За что? — фыркнула Логинова. — За то, что ты видишь вещи, которые не видят другие, и это нередко спасает чужие жизни? Брось... А ты думаешь с этими девочками здесь... что-то... делают? Что-то... нехорошее?..

Судя по голосу, Лерке не очень хотелось даже предполагать, что именно может происходить с воспитанницами «Зеленой колыбели» за непроницаемыми стенами старого особняка.

Я не ответила. Я, не отводя взор, встревожено и пытливо глядела на стены особняка. Где-то внутри меня крепла мрачная уверенность в том, что этому зданию есть что скрывать от любопытных глаз и ушей. А здание приюта в ответ с безразличием смотрело на меня десятками тускло-серых непроницаемых окон.

Шепот... Шепот в дуновении зимнего ветра. Легкий, как ласковое прикосновение. Шепот с левой стороны. Неразборчивый, манящий и требовательный. Шепот в шуме

холодного ветра...

Я медленно повернула голову, глядя Лерке за плечо. Я почти не удивилась, я не вздрогнула и даже нервно не сглотнула. Только сердце забилося чуть быстрее.

Они все были там. Все восемь. Все те девочки, которых, я почти уверена, давно уже нет в живых. Они стояли у большого кряжистого дерева с чёрной корой. Впившееся в землю извивающимися корнями оно напоминало перевернутого вверх ногами кальмара или даже мифического кракена. А его ветви-щупальца веером тянулись в разные стороны.

Я ринулась к дереву.

— Роджеровна... — проговорила Лерка.

— Пожалуйста, не иди за мной, — попросила я не оборачиваясь.

Не отрывая взора от девочек, я шла к ним, приближалась к дереву.

В голове зазвучали отдаленные голоса.

— Ну! Давай! Ну, Ира! Ну, бросай уже!

— Лови! — засмеялась в ответ другая девочка.

Перед моими глазами прерывистыми вспышками замелькали обрывки видения. В лучах солнца посреди летней зелени играли восемь девочек. Три из них в шортиках и футболках, остальные в легких платьицах. Девчонки стояли кружком и перебрасывали ярко-розовый мячик. При этом они играли в слова. Слово нужно было говорить во время броска. А тот, кто ловит мяч, должен был быстро придумать слово начинающееся с последней буквы предыдущего.

— Огород!

— Дом!

— Метеорит!

Их звонкие детские голоса звучали при каждом броске розового мячика.

— Тапок!

— Ключ!

— Чайник!

Мяч скачет из одних рук в другие. Летний ветер качает стебли трав и густую листву деревьев. Над приютом голубеет чистое небо с сияющим солнцем. Идиллия.

— Картина!

— Азбука!

— Арбуз!

Мяч все быстрее прыгал из рук в руки. Девчонки распались, их переполнял восторг и азарт игры. Все понимали, что сейчас кто-то должен проиграть. Задуматься, сбросить темп или бросить мяч без слова. И все это означало бы проигрыш.

— Зуб!

— Барабан!

Одна из девочек, тёмненькая, в желтом платье поймала мяч и застыла с растерянным лицом. Она не успела придумать слово.

Девчонки радостно завопили, зааплодировали. Их беззаботный громкий смех летал по кругу.

А девочка в желтом платье обиженно насупилась.

— Ну и чего смеетесь? — пробубнила она. — Я просто... задумалась.

— Да ничего страшного, Тань, — произнесла одна из девочек с русыми волосами, одетая в красную футболку с белыми шортиками. — В прошлый раз я проиграла, а в

позапрошлый — Диана... Все по очереди будем

— Да? — Таня оглянулась на одну из девочек, одетую в фиолетовую футболку. — А вот Лиза ещё не была!

Лиза в ответ шутливо показала язык и отбросила назад белокурые волосы.

После очередной вспышки воспоминания я вдруг осознала, что стою в центре круга девочек. А те снова играют в мяч и называют слова.

Охваченная привычным волнением я в смятении глядела на детей.

Во мне крепло и твердело ожидание чего-то страшного и отвратительного. Я чувствовала это. Я знала... И словно в подтверждение моих слов в нескольких шагах от девочек я увидела Вестника. Конь молча, не двигаясь, стоял в траве и глядел на нас. Высокий, породистый, тёмно-мышастой масти и с густой челкой на глазах. Он не вороной, но ненамного лучше него.

Летнее небо потускнело. Словно ослабев, бесшумно утих теплый ветер. Трава и листья больше не качались от его дуновений. Летний день померк, теряя краски. А девочки вдруг остановились, застыли. Розовый мяч упал на траву, неспешно покатился в сторону.

Часто, нервно дыша, я водила взглядом из стороны в сторону. Все девчонки вокруг меня вдруг опустили головы и руки. Все стояли одинаково понуро, молча, покорно.

— Что... — начала я.

И тут сверху к каждой из них, точно щупальца или длинные языки, спустились сотни красных нитей. Я поперхнулась криком ужаса, глядя, как нити опутывают девочек. На моих глазах обвязанные нитями девочки обманчиво легко взмывали вверх одна за другой. Я задрала голову вверх и увидела, что небо над моей головой побагровело, а облака почернели. Я не кричала. Я только задыхалась, одержимая бессильным кошмаром происходящего.

Все восемь девочек безжизненно повисли на красных нитях, которые густо обвили ветви старого, кряжистого дерева с черной корой. Все восемь девочек были облачены в зеленые платья. На их глазах темнели кружки пуговиц, а губы были стянуты грубыми черными стежками.

— Нет... — пролепетала я. — Нет... Нет не может быть... Неужели... Но...

Несколько секунд назад девчушки весело играли в мяч под летним солнцем. И вот они уже висят на красных путях, навсегда затихшие, неживые. Им никогда уже не играть в мяч в летний день, им никогда уже не смеяться и никогда не радоваться своей беззаботной детской жизни... Кто-то за них решил, что жизнь им больше ни к чему.

С дрожащими губами, приоткрыв в страхе рот, я глядела на покачивающиеся тела детей. Парализованная окутывающим меня хладным чувством кошмара, с трудом вдыхая горький воздух, я глядела на сотворенное очередным чудовищем зло. Чёрное, гадкое, непростительное и пугающее зло. Зло, которое нарушает все мыслимые устои человеческой жизни и всего этого мира.

Убийство. Убийство детей. Убийство беспомощных, не успевших пожить детей-сирот. И первое, и второе, и третье — страшнейшее, что способен совершить человек... Человек? А точно человек?..

Дурманящее ужасом воспоминание медленно, словно нехотя выцвело и рассыпалось хрупким пеплом на фоне зимнего ландшафта. Я стояла перед черным деревом и отстраненным, пустым взглядом смотрела перед собой. Вокруг меня вилась слабая метель. Я медленно закрыла глаза. Они были передо мной. Они были у меня в голове. Все восемь девочек. Все они улыбались, смеялись, играли. Они просто хотели жить... Просто улыбаться,

просто смеяться, играть и... жить, как все мы. Я тяжело, с трудом проглотила распирающий горло черствый комок, открыла глаза, подняла взор на черные ветви старого дерева.

— Я сделаю всё, что в моих силах... — прошептала я едва слышно, с тихой, клятвенной яростью.

Я говорила это им, их воспоминаниям, их боли и страданиям, которые они пережили. Я несколько раз моргнула, вновь чувствуя теплые слезы на ресницах.

— Роджеровна?

Я обернулась. Лерка стояла возле меня с встревоженным лицом.

— Роджеровна, что случилось? — голос Логиновой дрогнул.

Я посмотрела на снег под ногами, затем снова на Лерку и проговорила:

— Он не останавливался, Лер...

— Что? — поморщилась Лерка. — Кто?..

— Портной, — обманчиво равнодушным голосом ответила я. — Говорили, что он перестал... Ушел... Исчез... А он... он был здесь... Всё это время...

— Роджеровна, — Лера вплотную подошла ко мне, взяла за плечи. — Что ты видела?

Я посмотрела в её малахитовые глаза и чуть дёрнула плечами.

— Как обычно.

Лерка понимающе кивнула.

— Кровь, убийства и страдания?

— Последствия человеческих поступков, — горько усмехнулась я.

Мы вышли с территории приюта, подошли к Леркиному автомобилю.

Я всё ещё была сама не своя. Логинова украдкой настороженно поглядывала на меня. А я думала о тех девочках. Ужасающее видение не шло у меня из головы. Я не могла избавиться от настырного образа подвешенных на дереве девочек в зеленых платьях.

Лерка открыла дверцу, села за руль. Я с рассеянным видом тоже взялась за ручку дверцы, но так и осталась стоять на месте.

Лерка, сильно наклонившись вбок, открыла мне дверцу.

— Ну чего ты опять застыла?.. Роджеровна?

Я ничего не ответила. Глядя на Леру ошарашенными глазами, я вынула руку из правого кармана куртки и опустила взгляд. У меня вырвался судорожный вздох. Лерка сдавленно выругалась. У меня в руке был спутанный комок красных нитей. Я брезгливо отбросила его. Комок упал в снег, но от него нити тянулись к моему карману. Я лихорадочно начала вытягивать нити из кармана своей куртки. Я тянула всё быстрее. Беспорядочная куча красных нитей у моих ног стремительно увеличивалась. А им все не было конца. Меня охватила паническая истерика. Я стремилась как можно быстрее избавиться от красных нитей, вызывающих у меня ужас и отвращения. От них несло убийством, мучениями и страданиями. Голоса жертв Портного хором шептали в моей голове. Наконец, нити закончились. Я ещё несколько секунд лихорадочно шарила рукой в пустом прохладном кармане куртки.

Захлопнув дверцу ко мне подбежала Лерка.

— Роджеровна! — взволнованно воскликнула она, подбегая ко мне. Логинова остановилась, глядя на грудку красных нитей у моих ног на снегу.

Глубоко и часто вдыхая морозный воздух, я уставилась на неё.

А Лерка вдруг с изменившимся лицом подняла дрожащую руку и указала пальцем вниз. Я обернулась и отскочила назад.

Ворох красных нитей стремительно разматывался. Узкая красная полоска одинокой нити быстро ползла по снежным сугробам в чашу заснеженного леса. Я, ничего не объясняя, ринулась следом. Я откуда-то знала, что мне нужно идти за ней. Идти за красной нитью. Я почему-то была уверена, что она приведет меня к чему-то важному.

— Роджеровна, стой! — крикнула Лерка и бросилась за мной. Не говоря больше ни слова, держась за руки, мы шли следом за протянувшейся вперед красной нитью.

По сугробам мы прошли метров пятьдесят, наверное, или чуть больше. Пока не увидели, что красная нить, перекинувшись через ветви молодого дерева, повисла с каким-то предметом на конце.

— Что это? — спросила Лерка, когда мы с опаской приблизились к дереву.

Я взяла странный предмет, покачивающийся на конце красной нити. Это оказалась самодельная кукла. Она была сшита с заметной кропотливостью и дотошной детальностью. Кукла изображала мужчину в бежевых брюках, белой рубашке с черным галстуком и вишневой жилеткой. У мужчины была русая борода, очки и длинные волосы до плеч.

— Он знает...

Я вздрогнула от прошепестевшего в моей голове детского голоса.

— И что это такое? — испуганно и с отвращением произнесла Лера.

— Не знаю, — я сняла куклу с нитки. — Но для чего-то меня к ней привели.

Он знает...

— Кто? — не понимая спросила Логинова.

Я вздохнула.

— Девочки, которых убил Портной, — бесстрастно ответила я и подняла взгляд вверх.

Он знает... Они снова были здесь. Стояли в нескольких метрах, теряясь в тени, скрываясь дебрях заснеженного леса. Блеклые, неприкаянные воспоминания восьми маленьких девочек. В обличье тех, кому они принадлежали, они теперь обречены вечно скитаться в этом лесу.

Брошенные. Бледные. Ненужные...

СИЛЬВЕСТР ГОЛЬШАНСКИЙ

Четверг, 14 января

В зале царил приглушенный сумрак. В окна через полосы жалюзи смотрел мокрый, пасмурный и сумрачный день в зимних оттенках. Гомонил телевизор, где показывали очередной отечественный сериал с замыленным сюжетом и осточертевшими лицами одних и тех же актёров. Мужчины в зале вполне миролюбиво проводили досуг. Кто-то играл в настольный теннис, некоторые резались в карты, кто-то читал книги в старых потёртых и часто заклеенных скотчем переплетах. Большинство, однако, пялились в телевизор.

Со стороны всё происходящее напоминало послеобеденный отдых в каком-нибудь дешевом провинциальном пансионате. Мало кто мог бы узнать в этих людях, увлеченно читающих классические романы или следящих за событиями сериала, омерзительных и опасных чудовищ:

серийных убийц, кровожадных садистов, каннибалов, насильников-педофилов, террористов и опасных социопатов. Тюрьма особого режима «Чёрный дельфин» собрала в себе отборных подонков и всевозможных выроdkов человеческого рода. Здесь за решетками зловещих тесных камер обитали те, кто заслуживал десяток смертных казней. И здесь же теперь вынужден был доживать остаток лет Сильвестр Гольшанский-Сумеречный Портной. Здесь его презирали, ненавидели и боялись. Надзиратели, обычно считающие своим долгом осложнять жизнь заключенных, опасались задирать Гольшанского. Никто не хотел связываться с человеком, который ещё несколько дней назад мог одной финансовой операцией обанкротить крупнейшие корпорации или купить несколько островов в архипелаге Карибского моря.

Сидевший за столом с Сильвестром мужчина с темными вьющимися волосами сделал ход на шахматной доске.

— Конь на B6, — почесав щетинистый подбородок, проговорил соперник Гольшанского.

Сильвестр, не отвлекаясь от чтения газеты, сидя спиной к столу, сухо ответил:

— Слон на D6.

Стоящий возле кресла Сильвестра мускулистый верзила переставил одну из фигур Гольшанского на названную клетку.

Темноволосый шепотом выругался.

— Чёрт!..

Тут сидевшие перед старым телевизором заключенные оживились, кто-то безумно захохотал, кто-то захлопал в ладоши. Остальные что-то обсуждая, поглядывали в сторону Сильвестра. Гольшанский опустил газету и поверх очков взглянул на телевизор. Там перед микрофонами журналистов говорил его сын Орест.

— Сделайте погромче, — негромко велел Сильвестр.

Кто-то из заключенных немедленно подхватился, схватил лежащий на столе пульт и быстро увеличил громкость.

— ... что здесь задействовано влияние недоброжелателей банка МосИнвест! — запальчиво и эмоционально говорил Орест. — И я сейчас говорю не просто о каких-то безликих врагах моей семьи и завистниках нашего успеха! Я говорю о конкретном человеке!

Я говорю о Леоне Корфе! Который больше известен, как «Аккорд»! Этот преступник возглавляет одну из самых опасных и влиятельных мафиозных группировок! Он давно положил глаз на банк МосИнвест и лишь ждал удобного случая, чтобы нанести свой подлый удар!

Все в зале отдыха слушали, не решаясь даже перешептываться или просто двигаться.

Сильвестр в раздражении отложил газету, снял очки и несколько секунд, свирепо дыша, сверлил взглядом телевизор. Некоторые заключенные боязливо наблюдали за ним. Все заметили, что Сильвестр пришел в ярость. Молчаливую, сдержанную, холодную ярость.

И в этот миг дверь в зал распахнулась. Заглянул один из офицеров охраны тюрьмы.

— Гольшанский, — небрежно позвал он. — К начальнику! Давай!..

Когда его привели на последний этаж в кабинет к начальнику тюрьмы, тот стоял лицом к окну, спрятав руки в карманы брюк.

— Оставьте нас, офицер, — бросил начальник, не оборачиваясь.

Охранник послушно вышел, а начальник тюрьмы повернулся к Сильвестру.

Он был ровесником Сильвестра, но волосы ещё не начали седеть. Хотя, возможно, он просто подкрашивал их в темный, тускло поблескивающий каштановый цвет.

— Знаешь, когда мне сказали, что у меня в застенках будет сидеть сам Сильвестр Гольшанский, я не сразу поверил, — качнул головой начальник тюрьмы. — Но, когда это оказалось правдой, я сразу понял, что с твоим приходом кое-что поменяется в рутинной жизни всего учреждения.

Он подошел к Сильвестру. Гольшанский молча, пренебрежительно взирал на него. Он не скрывал своего отношения ко всем окружающим. Они были для него не лучше клопов или тараканов.

— И, к несчастью, мои опасения полностью оправдались, Гольшанский.

Начальник тюрьмы обернулся в сторону приоткрытой двери второй комнаты и проговорил:

— У вас не больше двадцати минут.

Затем он окинул уничтожающим гневным взглядом Сильвестра и вышел прочь.

Приоткрытая дверь, скрипнув, широко открылась и в кабинет неспешной поступью вошел мужчина в расстёгнутом пиджаке цвета синей стали. На нём были светлые брюки и тонкий желтый вязаный свитер под пиджаком. На бронзовом ремне брюк блестела золотая пряжка в виде розетки гитары с шестью струнами. Серые волосы уложены в красивую стильную причёску с бакенбардами. На шее мужчины висели громоздкие чёрно-желтые наушники.

— Здравствуй, Сильвестр, — импозантный гость вальяжно прислонился к дверному косяку, скрестив ноги и усмехнулся. — Как твоя новая жизнь?

Гольшанский несколько секунд недобрым тяжелым взглядом смотрел на обладателя золотой пряжки со струнами.

— Тебе то здесь какого чёрта нужно?

— Разве нужен особый повод, чтобы проведать старого приятеля, — пожал плечами гость.

— Только если ты не пытался несколько лет к ряду уничтожить банк своего старого приятеля, — с недобрым прищуром едко произнес Сильвестр.

— Сильвестр, ты утрируешь, — покачал головой мужчина в сине-стальном пиджаке. — Я никогда не пытался уничтожить твой бизнес, я просто убеждал тебя поделиться.

— Мы это уже обсуждали не один раз, Аккорд, — с нескрываемой неприязнью процедил Сильвестр. — Ты уже двенадцать лет не даешь мне покоя, пытаешься оторвать кусок от того, что я создал. От моего дела, от моего банка!

Последнее слово Гольшанский ядовито, со злостью процедил.

Аккорд, он же Леон Корф, неопределенно шевельнул седыми бровями.

— Да, Сильвестр, ты настоящий гений и умелый бизнесмен, — Аккорд ответил издевательский полупоклон. — Ты действительно с нуля сам создал свой банк, сам потом и кровью... кровью особенно... заработал свой первый капитал.

Корф остановился возле стола начальника тюрьмы и раскрыл лежащую у края стола папку. В таких обычно держат дела заключенных.

— И, хочешь верь, хочешь нет, я тебя уважаю, — глядя в документы папки серьезно произнес Аккорд. — Но не твоего сына, Сильвестр.

Голос Леона похолодел, а когда он поднял взгляд на Гольшанского, его глаза смотрели со сдержанной каменной суровостью.

— Ты смотрел новости, Сильвестр?

Гольшанский чуть поджал губы. Он подозревал, что заявление его сына заденет Аккорда. Именно поэтому поступок Ореста так разгневал его. Леона Корфа, по прозвищу Аккорд, можно было обвинить во многих грехах. В убийствах, шантаже, финансовых спекуляциях, контрабанде и прочих преступных действиях. Но чего за главой одной из крупнейших мафиозных группировок не водилось никогда, так это подлости и низости. Леону Корфу совсем не чужды были законы чести и совести. Конечно, и на то, и на другое у него были очень своеобразные взгляды, но уж точно Аккорд никогда бы не стал опускаться до того, чтобы подставить и обвинить в преступлении неугодного человека. Леон Корф расправляется с соперниками собственными силами, а не спускает на них продажных полицейских, судей или прокуроров. Кто угодно, только не Леон Корф.

— Я видел выступление Ореста, если ты о нём, — проговорил Сильвестр вынужденно. — И готов принести тебе извинения. Прости. Он ещё мальчишка. Сам понимаешь, молодость, горячность, ярость.

— Да, всё так, — кивнул Аккорд. — И потому я предлагаю тебе сделку. Ты уступаешь часть акций твоего банка, я не трогаю ни твоего сына, ни твою семью.

Гольшанский двумя широкими шагами подошел к столу начальника. Аккорд замер, вскинул брови. Сильвестр, прожигая его взглядом, чуть наклонился вперед и тихо прорычал:

— Нет.

— Я в тебе не сомневался, — покачал головой Аккорд. — Но и ты во мне не сомневайся.

Последние слова прозвучали с выразительным намеком.

— Кстати, мне просто любопытно, — Аккорд кивнул на раскрытую папку. — Это правда сделал ты? А?

— Не твоё дело, — прорычал в ответ Сильвестр. — Ты всё сказал? Есть ещё предложения?

— Боюсь, что нет, — холодно и спокойно ответил Аккорд. — Боюсь, наша встреча себя исчерпала.

— Согласен, — процедил Сильвестр.

ЕЛИЗАВЕТА ГОЛЬШАНСКАЯ

Четверг, 14 января

Отливающая тусклыми бликами дверь резко открылась, и в конференц-зал вошли четверо мужчин почти в одинаковых деловых костюмах. Даже внешне они были похожи. Темноволосые, с южно-европейской внешностью и чуть смугловатой кожей.

— Добрый вечер, — одарив мужчин скупой улыбкой, произнесла Елизавета Гольшанская.

Постаревшая, но не утратившая аристократичную статью и грацию женщина взглядом указала на пустующие за длинным столом стулья.

— Прошу, господа.

— Добрый вечер, госпожа Гольшанская, — поздоровался один из мужчин.

Он выглядел самым уверенным из них. И часы на его левой руке также были дороже, чем у остальных. Наверняка и ездит он на более дорогой машине. Поэтому Елизавета Гольшанская сосредоточила свой взгляд на нём.

— Спасибо, что согласились прийти, — произнесла она грудным голосом. — Мне было тяжело найти адвокатов, которые согласятся работать на благо Сильвестра.

— Понимаю, — ответил всё тот же мужчина с часами от Картье на левой руке, — и дело вовсе не в морально этической стороне, как вы, наверное, догадываетесь госпожа Гольшанская.

Женщина плавно, изящно изогнула тонкие брови в сдержанном удивлении.

— Неужели? — с холодком произнесла она. — Мне кажется, я предлагала достаточно серьёзную сумму.

— В обычных обстоятельствах, более чем, — согласился «главарь» адвокатов.

Остальные трое пока что помалкивали, деликатно внимая беседе Елизаветы и их главного.

— Но вот это, — адвокат с дорогими часами положил на стол вскрытый конверт, — кардинально меняет всю ситуацию, госпожа Гольшанская.

Елизавета сжала губы, втянула носом воздух и расправила плечи.

— Судя по вашему виду, — улыбнулся главный из адвокатов, — вы отлично осведомлены о содержании письма, госпожа Гольшанская.

— Лучшем, чем вы думаете, — холодно ответила женщина, глядя на конверт на столе. — Такие письма с угрозами получили все, к кому я пробовала обратиться за помощью. Даже мне самой пришлось подобное.

— Но вы не испугались, — ухмыльнулся главный адвокат.

Елизавета подняла на него ледяной взгляд серо-зелёных глаз.

— Речь идёт о моем сыне... Неужели вы могли подумать, что какие-то исчерченные каракулями бумажки в состоянии заставить меня испугаться?

Сидевшие перед ней адвокаты обменялись неуверенными взглядами. Только их главный выглядел вполне удовлетворенным. Он поправил ворот своей рубашки на округлой толстой шее и широко улыбнулся Елизавете.

— Я так и подумал, госпожа Гольшанская. Но для нас нужна более... материальная мотивация, чтобы мы рискнули своими жизнями. Понимаете?

— Я удвою ваш гонорар, — проговорила Елизавета Гольшанская, — но ни копейкой больше, господа.

— Нас устраивает такое предложение, — кивнул главный.

— Рада, что мы достигли соглашения, — произнесла Елизавета.

— Почти любое соглашение в наше время — лишь вопрос цены, — пожал плечами главный адвокат, открывая свой кейс. — Но вынужден напомнить, госпожа Гольшанская, мы не даем никаких гарантий успеха.

— Знаю, — усмехнулась Елизавета, — но в случае успеха, я утрою ваше вознаграждение. Имейте это в виду.

Юристы за столом оживленно переглянулись. Им было страшно, это было очевидно. Но не каждый день у них есть перспектива получить за одно выигранное дело сумму достаточную для покупки элитного спорткара.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 15 января

Мяч прилетел неожиданно. Я перестала завязывать шнурки на спортивных кедах, испуганно вскрикнула и пугливо отпрянула.

Сидевшая рядом со мной Логинова схватила мяч и с силой швырнула его в открытое окно.

— Логинова, ты чё творишь?! — вскричал один из наших одноклассников.

— А надо следить за мячом, — огрызнулась моя подруга, поправляя шорты на поясице.

— Ты дура, мы нечаянно! — произнес один из парней с чёрными, зачесанными вперёд волосами.

— Да ты что, Голубев! — с издевательским сарказмом всплеснула руками Лерка. — Четвёртый раз уже! Нечаянно?

— Девочки, может мы так заигрываем? — улыбнулся полноватый парень с вечно взъерошенными рыжими волосами.

— Если ты так будешь заигрывать с девушками, Локтев, — ответила Лерка, — то так и будешь до старости сам себя радовать.

Парень в ответ покраснел. Его приятели злорадно захихикали.

— Ле-ер... — протянула я смущенно. — Причем тут вообще это...

— Притом, — хмыкнула Лерка. — Это же пацаны! Озабоченные на всю голову жертвы спермотоксикоза! Для них это страшнейший кошмар... Уверена, они уже забились, кто быстрее станет «мужиком». Порно-фанаты хреновы...

— Ника, Лера! Ну вы идете, или как? — спросила нас Оля Сливко.

Она и Наташка Пряникова стояли возле волейбольной сетки и ждали нас.

У нас сейчас физкультура. И она всегда проходит по два урока. Так было решено на одном из родительских собраний, когда все решили, что чем ставить физру шестыми уроками в Понедельник и Четверг, лучше уж поставить их первыми двумя подряд в Пятницу. И разумеется половина наших одноклассников этот урок динамила, как могла. Весь класс был только на следующих двух уроках. А те, кто приходил заниматься, переодевались в нашу сине-белую униформу, которая могла состоять из любых спортивных вещей этих цветов, и выполняли упражнения под присмотром учителя. А второй урок каждый занимался чем хотел.

Парни делились на три группы: баскетболисты, качки, задроты. Первые гоняли мяч,

вторые, их было меньше, с усердием таскали гантели и подтягивались, ну а третьи, сгорбившись, вчетвером увлеченно таращились в свои смартфоны. Мы с Леркой, Олей и Наташкой чаще всего играли в волейбол. Иногда в настольный теннис, с которым я не очень дружила. А шумная компания Верки Кудрявцевой, нашей королевы красоты и моды, показательно растягивались и делали разного рода гимнастику с откровенно вызывающими упражнениями. При этом Кудрявцева непременно чем-то хвасталась, а все одиннадцать её прихлебательниц подобострастно внимали. Противное зрелище. Особенно то, как девчонки из окружения Кудрявцевой наперебой пытаются заслужить её похвалу, разливая лесть и униженно заискивая перед ней. Совсем у них гордости нет что ли...

Мы с Леркой встали напротив Наташи и Оли. Сливко подала мяч. Лерка отбила, Наташа тоже. Настал мой черед, я легко отбила удар двумя руками.

— Так что? — негромко, только чтобы я слышала, спросила Лерка. — Ты все ещё не знаешь, зачем нужна эта кукла?

Логинова отбила ещё один бросок мяча.

— Нет, — качнула я головой. — Понятия не имею.

— Мне вот интересно... — Лерка кинулась вперёд, парировала ещё один мяч, тот перелетел через сетку и ударился об пол рядом с Наташкой.

— Один-ноль! — радостно воскликнула Логинова.

— Блин, Наташа! — с досадой воскликнула Сливка.

— Ну а что? — с унылым голосом развела руками Пряникова. — Я не успела.

— Мне интересно, — быстро и тихо проговорила Логинова, пока Оля отчитывала Наташу, — почему воспоминания, которые ты видишь, не могут просто показать, кто их убил?

— Нашла, что спрашивать, — невесело улыбнулась я.

— А ты пробовала как-то контролировать это всё? — допытывалась Лерка.

— Много раз, — вздохнула я. — Получается, и то не всегда, только не поддаваться видениям. И всё.

— Досадно, — цокнула языком Логинова.

Оля снова подала. Я ринулась вперёд и со звонким ударом отбила мяч. Тот перелетел сетку, его встретила Оля и послала обратно к нам. На этот раз мяч отбила Лерка. Наташка испугано парировала его Оле, а Сливка отбила в моем направлении.

Я ринулась влево, едва не упала, но мяч отбила. Правда не в ту сторону.

Он отлетел за пределы очерченной площадки и врезался в стоящую на скамейке бутылку с пепси. Та с грохотом упала на пол, прямо рядом с компанией Верки Кудрявцевой. Бутылка проворно завертелась на полу. Из неё вырвалась тугая мощная струя пенящейся колы и обдала всю компанию Кудрявцевой. Девчонки с визгом отпрянули в стороны. Их спортивную одежду покрыли мокрые пятна от колы. Но больше всех досталось самой Верке. Кола из бутылки облила её всю с ног до головы, намочила волосы и забрызгала лицо.

Когда фонтан из бутылки стих, в просторном спортивном зале воцарилась абсолютная тишина. Все смотрели на Веру. Кудрявцева молча поднялась. Её мокрые темные волосы свисали на лицо, поэтому она сильно напоминала девочку-чудовище из одного старого ужастика. Кудрявцева двумя руками раздвинула волосы в стороны. Из уст большинства девочек вырвался вздох. У Верки на лице черными кляксами растекалась тушь возле глаз, смазалась помада и часть тональника, отчего она выглядела ещё страшнее.

Кудрявцева шумно сплюнула воду и подняла на нас с Лерой свирепый взгляд.

— Кто... — выдохнула она, — из вас... кобыл... это... сделал?!

Логинова развела руками.

— Банальная случайность, Кудрявцева. Не переживай, тебе так даже идёт...

— Ах ты... — начала было Верка, но тут в зал вошел наш физрук, Семён Харитонович, которого между собой мы все звали просто «Харитоныч».

— Так, что у вас тут происходит? — уперев руки в бока, спросил Харитоныч. — Что за шум? Кудрявцева, ты зачем эту дрянь тут разлила?! Давай-ка бегом за шваброй, за собой нужно убирать!

— Семён Харитонович, это не я!.. — воскликнула Кудрявцева, едва не рыча от злости.

— Так, лужа вот эта грязная возле кого? — тыча пальцем ей под ноги, строго спросил преподаватель. — А? Возле меня? Нет? Возле Лазовской? Возле Логиновой? Или, может вон возле Синицына? Давай... пошла, егоза ядреная.

Остальную часть урока мы с девочками продолжили играть в волейбол, а Верка все это время орудовала шваброй.

Я была так шокирована случившимся, что играла без резких движений и боялась лишний раз ударить по мячу. Отчего мы с Лерой продули Наташке с Олей в пух и прах.

Минут за десять до конца урока мы отправились в душ. Возможность принимать душ после уроков физкультуры появилась в нашей школе относительно недавно. Этому полезному удобству мы все обязаны одному частному спонсору, что активно взаимодействует с министерством образования. Что это за компания, никому точно не известно, но ходят слухи, что ряд школ в Москве решило профинансировать одно из дочерних предприятий банка «МосИнвест». Правда это или нет, всем было до свечки.

Все просто пользовались неожиданно свалившейся на нашу школу благодатью.

И я, стоя сейчас под струями теплой воды, вновь мысленно поблагодарила спонсора нашей школы за такой щедрый и необходимый подарок. После случившегося из-за моей неосторожности казуса с Веркой Кудрявцевой меня терзали тревожные опасения. Проще говоря, я боялась её мести. Это склочная, злопамятная и очень злобная рептилия превратит мою жизнь в кошмар, если узнает, что та гребаная бутылка упала и забрызгала её колой из-за меня. А тут ещё Харитоныч заставил Верку при всем классе шваброй орудовать. Для нее худшего унижения, наверное, и нет. Господи... Я устало прижалась лбом к прохладной кафельной стене душа. Ну почему иногда так сложно жить, а?

Вода обволакивала утешающим теплом. Сбегающие по моей коже струи гладили спину, плечи, бедра и руки. Я усиленно старалась убедить себя, что мне ничего не грозит. В конце концов, разве Верка Кудрявцева когда-то относилась ко мне хорошо? Или хотя бы нейтрально? Черта с два! И меня, и Лерку она на дух не переносит и, вообще, дико ненавидит. М-да... Но теперь я собственноручно дала ей повод напасть на меня или вообще начать полномасштабную травлю. Опять. М-да. На то, что Кудрявцева забудет случившееся сегодня, можно даже не рассчитывать.

За закрытой дверью своей кабинки я слышала, как остальные девочки уже выходят из душа. В мою кабинку постучали. Я вздрогнула, испуганно обернулась. Воображение немедленно нарисовало Кудрявцеву, которая со своими подружками решила отколотить меня за неудачно посланный мяч.

— Роджеровна, — услышала я голос Лерки, — я пойду, ладно? Мне нужно успеть к училке по зарубежной, нужно поболтать с ней. А то она грозитя влупить мне сразу несколько двоек за все несданные работы.

Ну конечно. Кое-кто прогуливал зарубежку половину прошлой четверти с феноменальным аргументом «зачем эта хрень вообще нужна», а теперь вот вынуждена будет носиться за Кариной Федоровной и вымалывать тройку.

— Конечно, — отозвалась я. — Беги. Только на физику не опаздывай, а то Егор Кириллович в прошлый раз обещал нам обеим оценки снизить, если ты будешь продолжать в том же духе.

— Я не виновата, что в этой четверти его уроки неудобно стоят в расписании! — проворчала из-за двери Логинова.

Я только вздохнула. Это оправдание на требовательного физика вряд ли подействует.

Вскоре все уже ушли. А все ещё продолжала нежиться под водой. Сейчас большая перемена, так что я могу себе позволить постоять немного дольше.

Мои мысли вернулись к вчерашним событиям. К тому ужасающему видению с подвешенными на нитях девочками и к той странной жутковатой кукле. Я должна понять, что там происходит. Я должна, я, просто, обязана разобраться, потому что больше, как это ни пафосно звучит, действительно некому. Никто же кроме меня не в состоянии увидеть воспоминания тех девчонок... А между тем, все они жили в «Зеленой колыбели» и все стали жертвами Портного. И самое кошмарное, что этих девочек нет среди официальных жертв убийцы. Я вчера дома специально проверяла. Потратила кучу времени, лазая по интернету. Ничего. Ни слова о них. И их фотографий тоже нет. А значит, одно из двух. Или Портной убил куда больше, чем все думают, или... не хочу об этом думать, но что, если страшный серийный убийца действительно никуда не исчезал? Что, если он просто всего лишь сменил выбор жертв? Что, если Портной просто стал убивать детей, до которых нет никому дела? И тут меня поразило ещё одно пугающее подозрение. А что, если руководство приюта потворствовало этому? А может, Портным является кто-то из воспитателей приюта? Меня обуял страх, и даже под теплой водой стало как-то зябко, а в теле поселилось мучительное нервозное чувство. Ошеломляющее подозрение в такт пульсации крови стучало в голове. Если я права... Нужно найти что-то, что может связывать приют с Портным, или свидетелей, которые могут что-то знать о смерти тех девочек. Может быть, какие-то доказательства... А потом — бегом к Стасу.

Из душа я, конечно, вышла последней. Обмотавшись полотенцем, я направилась к шкафчикам с одеждой. Однако открыв свой шкафчик, я так и застыла растерянности. Несколько секунд, удивленно хлопая глазами я таращилась в пустой шкафчик. Где моя одежда?! Что за приколы?! Я в непонимании оглядела раздевалку женской душевой. Заглянула в другие открытые ящики, но моих вещей нигде не было. Ни рюкзачка, ни сумки в которой я носила спортивную форму. Ну понятно. Я закрыла глаза, и вздохнула. «Привет» от Кудрявцевой, что называется. Значит, всё-таки узнала... Отлично! Поправив полотенце на груди, я прошла к двери душевой и подёргала её. Конечно же она оказалась закрыта. Прочно и крепко закрыта на ключ. На все три оборота.

Я шепотом выругалась. Вот же зараза! Что б тебя!.. Запереть меня голой в душевой Глупо, откровенно по-идиотски и вообще подло! Ну всё в жанре Кудрявцевой!

Из-за двери донеслись голоса.

— Бли-ин... У меня до сих плечо болит!

— Падать научись нормально!

— Да ты ёлопень, нахрена было так меня швырять?

— Чувак, это айкидо. Если хочешь, чтобы все проходило мирно и безболезненно, лучше

иди в балет.

Послышались смешки, которые быстро переросли дружный хохот большой мужской компании.

Судя по разговору, это парни из секции по айкидо, которая располагается в части второго этажа нашей школы. Туда ходят заниматься, как ученики нашей школы, так и из соседних.

Так, стоп! А почему они сюда идут? Я настороженно попятилась от двери. Нет... нет, только не сюда. Господи... Святые небеса... Нет! Это же женская душевая! Зачем они сюда прут?..

— Пацаны, а ниче что мы в женской душевой собрались мыться?

— Ну так Харитоныч же сказал, что в мужской что-то с сантехникой... Наверное, эти кретины из девятого А сломали... — раздраженно ответил третий голос.

Я нервно сглотнула. Шаги парней приближались. Я нервно и пугливо всхлипывая, глядела на ручку двери. А в следующую секунду заметалась по душевой, как ошпаренная. Через несколько секунд сюда вломится компания парней из бойцовской секции! Человек пять или семь, судя по количеству голосов! А тут я в одном полотенечке!.. Класс! Просто офигенно! Чёрт, а! Куда спрятаться! Куда бежать...

Нет, я не то чтобы была уверена, что эти бойцы айкидо могут сделать со мной что-то плохое... Но-о... Откуда я знаю, что будет на уме у нескольких парней, когда они застукают в душе одинокую, закутанную в полотенце голую девчонку? А?! А проверять их нравственно-моральный уровень на собственной персоне я как-то совсем не хочу! Может они мне ничего и не сделают! А может, очень даже сделают! Парни, вообще, существа озабоченные, и у них, как говорит Лерка, все разговоры только о сексе и девушках! И что им собственно помешает претворить со мной в жизнь свои пошлые фантазии?.. И мне потом уже будет до свечки, что их накажут, что их посадят... И, кстати, ещё не факт, что посадят. Скажут, что я сама виновата, торчала в душе в неположенное время. Чёрт возьми! Я в панике металась по помещению душа, пытаюсь понять, как и куда мне спрятаться. Но словно назло, никакого такого укромного места не было. Тут я услышала, как в двери открывается замок!

Я не успела придумать ничего лучше, кроме, как запрыгнуть в одну из кабинок и быстро закрыться. Я услышала, как открылась дверь душевой.

— О-о... — простонал один из мужских голосов, — какой запах, пацаны... а-а... Пахнет голыми, красивыми девчонками...

— Дурак, это гель для душа, кремы и ещё какая-то хрень...

— А-а... — блаженно протянул всё тот же озабоченный мечтатель, — Как представляю, что несколько минут назад тут до нас голые красотки наносили на тело свой гель...

— Колян, заткнись, а, — попросил кто-то. — И так все мысли о девках, а ещё ты тут...

— Хорошенькие, голенькие девочки с намыленными... Ай!

Раздался приглушенный удар.

— Ты debil?! Нахрена ботинком то?!

— Я же тебе нормально сказал! Смени тему! Задрал уже...

— Слушай, я же не виноват, что тебя твоя Ирка продинамила...

— Это тут вообще не при чём.

— Ага... Как же...

Замерев всем телом, чувствуя, как рвется наружу истово стучащее сердце, я напряженно прислушивалась.

Парни, судя по звукам, разделись. Я услышала шум воды. Однако вода не заглушала их голосов полностью, поэтому я, стоя в своей кабинке, отлично слышала, как они сначала обсуждали тренировку, затем новый фильм, какие-то компьютерные игрушки, а потом вернулись к теме девушек. Тут уж я понаслушалась такого, чего даже повторять не хочу. Не буду перечислять все те извращения и мерзости, которыми они сыпали, но в одном я убедилась точно: все, или почти все парни— какие-то озабоченные маньяки. Я и не предполагала, что всё так серьёзно и так запущено.

— Кстати! — услышала одного из парней. — Знаете вот эту беленькую, синеглазую девчонку из девятого А? Ну, которая фигуристочка...

— А, да-а! — отозвался другой голос. — Классная штучка! Ох я бы с ней...

— Мечтай, Гриня! Где ты, и где она!

— А что? Я бы эту принцессу на раз уложил!

— Ох, ну ты и свисту-ун...

— Хочешь, давай поспорим?

— Парни, вы про Веронику Лазовскую? Я слышал, она жуткая стесняшка. Так что можете не спорить. Ничего у вас не выйдет.

— Ой, конечно. Тебя, Коль, послушать, так ни с кем можно даже не пытаться!

— С Лазовской сто процентов можешь не пытаться. Хотя... Если через её подругу зайти...

Я закрыла глаза, прижалась затылком к стене. Ну почему... Ну почему мне так «везёт»? А?! Ну вот за что?! Мало того, что я тут стою голая, не считая полотенца, в душе с десятком голых парней (вот уж Лерка обхохочется), так ещё оказалось, что я для них представляю заметный интерес. Просто отлично! Представляю, как они обрадуются, если найдут меня...

В этот миг кто-то дернул ручку двери кабинки, в которой я пряталась. Я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. И поспешно отпрянула прочь, вжалась в угол душевой кабинки.

Сердце чуть не выпрыгнуло через горло. Бешено стучал пульс. Тело сжимала нервная дрожь.

— Пацаны, а че тут закрыто? Че это за кабинка? — прокричал один из парней, продолжая дергать ручку двери моей кабинки.

— Ну и че ты пристал? Зайди в другую кабинку! — крикнули ему.

— Ну, просто интересно... — пробормотал парень.

Но он все же ушел. Я закрыла глаза, несколько раз вздохнула, спрятала лицо в ладонях. Судорожное дыхание срывалось с моих губ, я то и дело нервно сглатывала.

Так... Нужно, что-то предпринимать. Я конечно могу просидеть тут до тех пор, пока Лерка не догадается прийти меня искать, но эта перспектива меня что-то совсем не радует. А значит, нужно как-то известить её о своей проблеме. А как это сделать? Телефон то был в моем рюкзаке, который Верка и её компания у меня... хм... экспроприировали. Хорошо, так... Ладно. Значит, нужно раздобыть другой мобильник. И самое лучшее, пожалуй, это ненадолго одолжить телефон у кого-то из этой шумной компании, пока они моются.

Мне стоило серьёзных усилий, чтобы решиться выйти из кабинки.

Шумела вода, по помещению расплывались клубы теплого пара, сильно пахло потом и мылом. Я, стараясь быть тихой и быстрой, пробралась в раздевалку, к шкафчикам. Мне пришлось в буквальном смысле перебороть себя и перешагнуть через свои принципы, чтобы решится открыть чужую сумку, стоящую на одной из лавок. Ругая себя последними словами,

я все-таки это сделала и достала спрятанный во внутреннем кармане чьей-то спортивной сумки ключ с пластиковым пронумерованным брелоком. Я открыла шкафчик с нужным номером, и обрадовавшись, схватила мобильник. Быстро написала Лерке SMS.

«Лерка я в душе. У меня украли одежду и вещи. (((Помоги!!! Ника.»

Логинова ответила через пару секунд: «***ть! Это Кудрявцева??? Вот же тварь! Ты знаешь, где твои вещи?!»

Я быстро написала ответ: «Понятия не имею»

Лерка написала: «Кудрявцева вряд ли отдаст. И не признается. Будет лучше, если я сгоняю домой. У меня там остались некоторые из твоих вещей.»

Я вздохнула. М-да. Ну, другого выхода походу и нет. Не будет же Лерка бегать по школе и разыскивать мои вещи. Глупо.

«Хорошо. Давай. Буду ждать».

«У тебя всё в порядке? Кстати, чей это номер?»

Я усмехнулась.

«Позаимствовала у парней, которые сейчас моются в нашей душевой»

Логинова ответила не сразу: «?????!!!!!!!»

Я написала ответ: «Всё норм. Они меня не нашли. Всё, Лер. Я очень жду. Поспешите пожалуйста!»

«Держись. Я скоро».

Я спрятала телефон обратно, закрыла шкафчик, бросила ключ обратно в сумку и ринулась обратно. Но тут одна из кабинок (ну, конечно же!!!) открылась, и из неё вышел голый парень с полотенцем на бёдрах. Я едва успела юркнуть за угол. А парень, лениво шлепая вьетнамками прошел к своим шкафчикам. Когда он проходил мимо меня, я с усилием вжалась в стенку. Парень подошел к одному из шкафчиков, начал открывать его. Он стоял ко мне спиной, и потому я поспешила ретироваться. Я тихо (шум воды скрывал звуки шагов) добежала до своей кабинки и закрылась там. Перевела дух. Сердце металось в грудной клетке, звуки пульса звучали в ушах. Я содрогалась от переполняющего кровь и тело лихорадочного адреналина.

Фа-ак... Ещё бы чуть-чуть... Вот чуть-чуть...

— Пацаны! — раздался чей-то раздраженный вопль. — А кто это копался в моей сумке?! Чё вообще за дела?!

Я затаила дыхание, прислушиваясь к их разговору.

— Успокойся, Колян, — протянул кто-то. — С чего ты решил, что у тебя там кто-то лазил, а?

— А че у меня ключи лежат не в кармане, а просто валяются на дне? — с вызовом спросил «Колян».

— А ты уверен, что ты их вообще в карман то положил, а? — спросил кто-то. — Может, так спешил в душ забежать, что так бросил. А, Колька?

— Точно, точно, — засмеялись остальные. — Наслушался про девок, а потом бегом в душ...

— Да идите вы! — обиделся «Колян». — Делать мне больше нечего...

— Да ла-адно, тут все свои, Колька.

Они ещё долго потешались над ним. А затем вся компания, наконец-то, покинула душевую.

Я с облегчением вздохнула.

После этих парней в душ ещё приходили какие-то девчонки, судя по голосам из младших классов, а потом заходила уборщица. А ещё минут через пятнадцать в кабинку быстро постучали.

— Роджеровна, ты здесь? — спросила Лерка.

Я мысленно возблагодарила небеса и открыла дверь. Обрадованная я упала в объятия лучшей подруги.

— Ну, как ты тут?.. — сочувственно произнесла Логинова, поглаживая меня по голове.

Я лишь тяжело вздохнула. Затем, пока переодевалась в принесенную Леркой одежду, пересказала вкратце все, что мне пришлось пережить.

Лерка только шокировано качала головой, и крыла Кудрявцеву отборными ругательствами.

Я осмотрела вещи, которые пришлось на себя надеть, и впала в легкий ступор. На мне был слегка помятый свитер с помпонами, который я носила год назад и застиранные тоже старые мешковатые спортивные штаны-джоггеры с темным пятном чая в области левого колена.

— Л-лера... — пролепетала я обескураженно.

— Ну извини, — развела руками Логинова, — из теплого было только это. Ну Роджеровна на улице минус одиннадцать! Что я тебе шортики с принтом принесу? Или твои футболки и топы? Это все, что ты оставила у меня из не летнего, если честно. Моё же тебе не подойдет, сама знаешь...

— Знаю, знаю, — кивнула я.

Конечно при Леркиных ста семидесяти трёх, когда она на одиннадцать сантиметров меня выше, я мало в чем могу ходить из её гардероба, да ещё учитывая специфический вкус Логиновой...

— Спасибо, Лер, — я вздохнула. — Это во всяком случае уж точно лучше, чем быть голой в одном полотенце.

— Да уж, — ухмыльнулся Логинова. — Думаю, сегодняшний день ты запомнишь надолго.

— Вот ни капельки ни смешно, между прочим. — проговорила я, завязывая волосы в хвост.

В итоге мы едва успели на последний сегодня, четвёртый урок. В конце пятничного учебного дня у нас стояла геометрия со старой Глафирой Игнатьевной во главе.

Едва я вошла в класс, как вся компания Верки Кудрявцевой громко расхохоталась.

— О-о, вы только посмотрите! Во что вырядилась!..

— Лазовская, ты с какой помойки прибарахлилась?!

— Ты что, одежду у детей из приюта стырила?

— Где ты взяла этот свитер, Лазовская? Одолжила у местных бездомных? — А что со штанами, Лазовская?! — кричала громче всех хохочущая Кудрявцева. — Что это у нас за пятнышко такое темное? А?!

К девчонкам присоединились и большинство парней. Уже через несколько секунд надо мной смеялся весь класс. Сгорая от стыда и мучимая чувством унижения, я вместе с Лерой прошла к своему месту. Села за парту, спрятала лицо в ладонях. Хотелось разрыдаться. Горькое, угнетающее чувство жгло меня изнутри. Смех моих одноклассников надолго останется со мной. Не смеялись надо мной только Лера, Сеницын, Сливка и Наташа Пряникова.

Раздался звонок, и в ту же секунду открылась дверь в класс. Все притихли.

— Добрый день, — в класс порывистой нервной походкой вошел мужчина в белой рубашке и в красной жилетке. На нём были бежевые брюки, на лице поблескивали массивные круглые очки. У него были русые волосы до плеч, и такого же цвета редкая борода вокруг рта.

Мужчина в красной жилетке поставил свою сумку на учительский стол и встал по центру доски.

— Меня з-зовут Исидор Игоревич...

Некоторые из наших парней немедленно противно захихикали. Видимо, имя длинноволосого мужчины показалось им смешным.

Исидор Игоревич среагировал резко и раздраженно. Он широким шагом подошел к одному из учеников, поднял его за локоть и молча потащил к доске.

— Фамилия? — спросил он требовательно нашего Толика Голубева.

— Голубев, — пробубнил тот, явно не ожидавший такой реакции педагога.

— Сегодня, Голубев, ты будешь стоять возле доски, и любой из класса имеет право задать тебе вопрос по геометрии. Не ответишь — два.

Голубев побледнел. Отвечать на вопросы по геометрии не входило в список его талантов.

— Меня з-зовут, — повернувшись к классу произнес преподаватель, — Исидор Игоревич Капитонов. Я ближайšie две четверти буду преподавать у вас геометрию, вместо вашей учительницы Глафиры Игнатьевны. Вопросы?

Капитонов, держа руки за спиной, покачиваясь на носках туфель, обвел класс пристальным взглядом и удовлетворенно кивнул. Он подошел к столу, расстегнул сумку, начал доставать вещи. В классе все сидели притихшие и пугливо переглядывались. Норов нового учителя произвел впечатление даже на самых смелых.

Мы с Леркой тоже ошарашенно переглянулись. У Логиновой было такое же слегка перекошенное лицо, как у меня. Потому что Исидор Игоревич Капитонов был точной копией связанной куклы, которую мы нашли возле приюта. Куклы, которая как-то связана с убийствами девочек.

— Открываем тетради, пишем дату, — строгим холодным тоном произнес Капитонов. — Живо!

Все послушно раскрыли тетрадки. Написав дату, я украдкой, опасливо взглянула на преподавателя. Глядя на его лицо, я пыталась представить его на месте убийцы. Пыталась понять, может ли он быть тем страшным беспощадным чудовищем-детоубийцей?

Тут Капитонов внезапно поднял взгляд и посмотрел прямо мне в глаза. Замешкавшись, я опустила глаза в тетрадь.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 15 января

Музыка была кошмарной. Да, группа мальчишек с саксофоном, контрабасом и банджо очень старались, и вроде бы даже у них местами неплохо получалось. Но на вкус Стаса, джаз у них получался откровенно ущербный и отвратительный. Поэтому Корнилов не утруждал себя вниманием к их творчеству, предпочитая втихаря играть на телефоне в покер. Рита периодически толкала его локтем и с возмущением выразительно поглядывала на него

своими красивыми изумрудными глазами. А Стас искренне не понимал, зачем ему изображать восторг и радость от столь ужасного выступления чужих детей. Лично он пришел на школьный концерт исключительно ради Алины и её выступления со скрипкой. На остальных ему было начхать.

Когда, на радость Стасу, мальчишки на сцене актового зала наконец-то перестали пародировать джаз, в зале на пару секунд воцарилась неловкая тишина. Только кое-где раздались жидкие хлопки. Но тут в первом ряду поднялась одна из завучей и усиленно, показательно зааплодировала. Нехотя ей начал вторить весь зал. Рита, хлопая ладонями, снова ткнула Стаса локтем. Корнилов вздохнул и лениво похлопал.

На сцену вышел какой-то парень в фиолетовом фраке с блестками. — А сейчас, дамы и господа, разрешите представить вашему вниманию Алину Корнилову-блестящую скрипачку и гордость триста сорок восьмой школы!

— Ты слышал? Слышал?! — радостно зашептала Рита. — «Гордость школы»! Корнилов! Твоя дочь-гордость школы!

— Слышал, — негромко ответил Стас.

Он был рад похвале дочери, но мальчишек, которые только что отыграли уродливую пародию на джаз великого Луи Армстронга, тоже называли «юными гениями джаза и начинающими звёздами».

На сцену вышла Алина. Стас со своего места видел, что дочь волнуется. Тут он сам начал аплодировать. Его немедленно поддержала Рита, а затем все вокруг сидящие. Звук аплодисментов стремительно расползся по зрительским трибунам.

Алина встала перед стойкой с микрофоном, поудобнее взяла скрипку.

Рита взволновано сомкнула ладони, поднесла к губам и лихорадочно зашептала:

— Только не волнуйся, только не волнуйся...

— Иоганн Бах, Страсти по Матфею, — чуть дрожащим голосом объявила Алина.

Тишина. Все притихли. И вот понеслись первые переливчатые ноты знаменитой композиции. Корнилов неожиданно для себя вдруг понял, что восхищенно улыбается. А по телу от плеч до пяток растекается приятное вибрирующее блаженство. Блаженство счастья и теплеющей на сердце гордости. Его Алина, его олененок, его маленькая принцесса с первых секунд своей игры заморозила весь зал. И это было отнюдь не преувеличение. Стас видел, как замерли на своих сиденьях зрители, как взоры всех сидящих вокруг людей прочно впились в одинокую фигурку Алины, стоящую под светом сценических софитов.

Однако долго наслаждаться выступлением дочери Стасу не пришлось. В кармане Корнилова настойчиво завибрировал телефон. Стараясь не отводить восхищенного взгляда от Алины, Стас достал телефон и украдкой взглянул на звонившего. Звонил капитан Домбровский. Стас не стал отвечать, спрятал телефон обратно в карман.

А со сцены лилась и завивалась возносящаяся ввысь чарующая мелодия скрипки. Стас снова позволил себе размякнуть и с улыбкой млеть от наслаждения и радости за свою дочь.

Но телефон в кармане зазвонил снова. Корнилов раздраженно снова достал мобильник, бросил взгляд на дисплей, на этот раз звонил Ящер. А когда Стас дал отбой, мобильник почти сразу же завибрировал от третьего звонка. И теперь на дисплее светилось жирное и четкое название абонента, которого Стас игнорировать не мог — «Аспирин».

Стас недовольно скривил губы и решил просто не брать. Пусть звонит. Всё равно телефон на беззвучном. Корнилов поднял взгляд на сцену. Алина перешла к заключительной части. Кульминационная мелодия скрипки звучала сильнее, ярче, выразительнее и увлекала

за собой всех слушателей до единого.

Мобильник вздрогнул в очередной раз. Корнилов опустил взгляд. На широком дисплее красовалось сообщение Домбровского в мессенджере. Стас коротко, негодуяюще вздохнул и открыл сообщение.

«Стас, у нас четыре трупа. Все обезглавлены, а конечности изуродованы. Знаю, что у твоей Алины сегодня концерт, но эти четыре человека, похоже, были адвокатами, которые согласились на пересмотр дела Сильвестра Гольшанского».

Корнилов мысленно выругался. Теперь он не мог проигнорировать это дело. Стас дождался, пока Алина закончит играть, а после, не обращая внимания на осуждающий взгляд Риты, вышел из актового зала.

Остановившись в школьном коридоре перед доской, на которой висели конкурсные аппликации, Стас набрал Домбровского.

— Стас... — начал было Коля.

— Как вы узнали, что эти адвокаты хотели взять дело Гольшанского? — перебил его Стас.

Домбровский на миг замолчал, но тут же ответил:

— Документы лежали на столе, перед ними.

Стас на пару секунд задумался. Коля ждал, в трубке были слышны голоса и шаги рядом с Домбровским.

— Все трупы в одном месте? — спросил Стас после короткого раздумья.

— Так точно.

Стас посмотрел на аппликацию с бумажным солнышком, львенком и пальмами.

— Документы по делу лежали кое-как, на полу или аккуратно на самом видном месте?

— Аккуратно в центре стола... — слегка рассеянно ответил Коля.

Корнилов мысленно выругался. Краски стремительно сгущались, а ситуация ухудшалась. Сначала подставное тело несчастной девушки, которую хотели выдать за Людмилу Елизарову, а теперь вот это. Сомневаться не приходилось. Кто-то о-очень хотел, чтобы Гольшанский сгнил в тюрьме. И этот кто-то явно был не одинок.

— Расскажи про тела, Коль.

— Ну, они все сидят в креслах, залиты кровью от плеч до пояса... — описал картину случившегося Домбровский. — Выглядят жутковато... Знаешь так непринужденно, будто они... не совсем умерли... И продолжают заниматься своими делами...

— Головы срезаны ровно?

— Просто идеально, — хмыкнув, ответил Коля. — Только Яша сказал, что их не срезали, а отрубили.

Стас перевел взгляд на аппликацию с цветочками и бабочками.

— Голов поблизости, конечно, нет? — спросил Корнилов.

— Категорически, — ответил Домбровский.

— Понятно. Яша не сказал, чем рубили головы? — спросил Стас.

— Широким, длинным, скорее всего изогнутым клинком, — помешкав, ответил Коля. — Сабля какая-то что ли...

— Ясно. А что с их конечностями? — спросил Стас. Ты говорил, что они изуродованы...

В этот миг открылась дверь в актовый зал, в коридор выглянула Рита и проговорила гневно:

— Корнилов, ты совсем обнаглел?! Мы же договаривались, что тебя не будет отвлекать ни твоя работа, ни твои преступники, ни даже генерал Савельев! Ну что это такое! Почему все родители, все отцы сидят на месте, как нормальные люди, а ты шарисься тут по коридорам с телефоном!

— Я сейчас приду, любимая, — миролюбиво ответил Стас. — Не злись. Это правда важно.

— Да у тебя по-другому не бывает! — закатив глаза, раздраженно ответила Рита и скрылась за дверью.

Стас вздохнул.

— Прости, Коль. Так что с конечностями трупов?

— У них обожжены руки, Стас, — в голосе Домбровского слышалось брезгливое отвращение. — Я бы даже сказал... сожжены. Причем исключительно запястья... Есть идеи?

— Да... — Стас снова на пару мгновений задумался. — Это похоже на наказание.

— Наказание? — переспросил Коля, — Ты так решил из-за отрубленных голов?

— Всё вместе, Коль, — качнул головой Стас. — Документы по делу Гольшанского — улики и предмет их вины. Обожженные руки-пытки с целью признания вины...

— Обезглавливание — это приговор. — ошарашенно закончил Коля. — Чёрт возьми... Да, похоже на то. Ты приедешь?

Стас бросил быстрый взгляд на двери актового зала.

— Думаю, да.

Он знал, как взбесится Рита, если узнает, что он уехал. Но Корнилов не мог проигнорировать это убийство. Тем более, что оно напрямую связано с Гольшанским, а значит, как верил Стас, связано с ним — с Сумеречным портным. С тем, кого Стас не смог поймать. С тем, кто сумел его обыграть. Корнилов почти не отрицал, что для него это почти личное, хотя вряд ли кому бы то ни было признался бы в этом. Разве что... Разве что Нике. Но от Синеглазой все равно бессмысленно что-то скрывать.

Спускаясь по школьной лестнице, Стас быстро написал сообщение Алине, поздравил с шикарным выступлением. Затем написал Рите, попросил прощения и объяснил, почему вынужден уехать. Хотя отлично знал, что Рите будет все равно. Садясь за руль автомобиля, Корнилов уже был погружен в раздумья об убийстве адвокатов Гольшанского и о Портном. Мысль о том, что он всё ещё может поймать его, беспокойными жалящими и пульсирующими электронами вертелась в его голове.

Коля не соврал. В обезглавленных, застывших в офисных креслах телах и правда чувствовалась странная, неуловимая и пугающая непринужденность. Безголовые, в пропитанной и густо залитой темной кровью одежде, четверо мужчин смотрелись так, словно умерли буквально за работой. Словно они бы продолжили заниматься своими делами, если бы не досадное отсутствие голов и обугленные руки. Хотя всё, что было до середины лучевых костей, больше напоминало какие-то пересохшие и слипшиеся черные ветки, нежели человеческие руки.

Стас не двигаясь стоял на пороге большой комнаты, и внимательно рассматривал сцену преступления. Он старался не обращать внимания на желтые таблички, возле потенциальных улик. Корнилов пытался понять, как действовал убийца, как двигался, как говорил и как начал убивать. Лучше всего с этим справилась бы Ника, но Корнилов меньше всего хотел втягивать Лазовскую в очередное кровавое болото. По крайней мере, пока он

вполне может обойтись без её помощи. А она пусть поживет нормальной жизнью, без воспоминаний о чужих страданиях, боли и без ужасающих видений. Во всяком случае, пока.

Корнилов сделал пару шагов, и снова остановился. Обвел комнату внимательным взглядом. Цепкие серебряные глаза начальника особой оперативно-следственной группы пристально вглядывались в каждую деталь *сцены*.

За столом сидят четыре трупа, но в пепельнице только два окурка, а рядом стоит только один бокал с недопитым коньяком. На середине стола папка с документами и фотографиями. Кровь из разрубленных шей рваными багровыми плащами покрывала одежду убитых и созвездиями темных брызг застыла на стенах с дорогими обоями и оригинальным декором. На светло-кремовом ковре едва заметны, но все же различимы темные влажные и грязные следы. Такие же следы были и за спинкой кресла, в котором сидел один из трупов. Ковёр под этим креслом был немного смят.

Взгляд Стаса скользнул дальше, задержался на большой флипчарт доске, что почти полностью закрывала собой одну из стен. Корнилов приблизился к ней. Часть её поверхности была покрыта сильно смазанными и почти стертymi следами от маркерных рисунков. Остальная площадь доски оставалась почти идеально чистой. Корнилов подошел к телам. Чуть поморщившись, наклонился вниз и придирчиво осмотрел кровавую мякоть внутри обрубков шей. Стас протянул к ближайшему трупу руку в нитриловой перчатке и аккуратно, едва касаясь, провел безымянным пальцем по краю разрубленной шеи убитого. Тоже самое он сделала с другими телами.

— Ну надо же... — ворчливо проговорила Стас. — Какая точность... чёрт бы тебя побрал.

Стас присел на корточки осмотрел ноги и туловища убитых. Затем Корнилов уделил внимание обугленным пальцам и кистям. У всех четверых они были покрыты толстым слоем гари и сожженной, потрескавшейся плоти. От них всё ещё исходил ужасающий тошнотворный запах. Хотя Стасу это было до свечки. Он успел навидаться вещей и похуже. А вот что его не порадовало, так это то, что руки у убитых явно были сожжены до обезглавливания. *Пытка перед казнью*. *Пытка ради признания вины*. Как всё символично. Кто-то искренне убежден, что вот так уродливо и кошмарно выглядит торжество справедливости и неудовлетворенная месть.

— Коля, Яша! — позвал он.

В комнату вошли Домбровский и Щербаков. Николай по своему обыкновению был облачен в один из своих бесконечных идеальных костюмов бразилинового цвета. А Ящер с всклокоченными волосами был в растянутом полосатом свитере и потёртых чёрных джинсах.

— Успел сделать какие-то новые выводы, Стас? — спросил Щербаков.

— Да, — глядя на мертвецов, ответил Стас. — Убийца прошёл по комнате, оставляя влажные следы на ковре. Конечно же, разуваться он не стал.

Корнилов положил руки на спинку кресла, в котором сидело одно из мёртвых тел.

— Вот с этим они были знакомы. Более того, бедолага доверял убийце настолько... — Стас опустил взгляд себе под ноги, — что, не задумываясь, позволил ему встать у себя за спиной.

— А остальные трое в это время мирно наблюдали за происходящим? — непонимающе спросил Коля.

— Остальных здесь в тот момент не было, Коль, — ответил Стас и указал на стол. —

Один бокал с коньяком, пепельница с двумя окурками. Плюс ко всему, у троих других сзади слегка выправлены рубашки, а брючины снизу в мелкой пыли и ворсе с ковра. Их сюда притащили волоком по очереди.

— Чтобы затем по одному казнить? — брови Коли выразительно выгнулись.

Стас молча кивнул и показал рукой на флипчарт доску.

— Он так же снял все распечатки, которые висели там на магнитах, и стер все записанные размышления убитых адвокатов.

— Думаешь, он взял их с собой? — задумчиво спросил Домбровский.

— Они ему ни к чему, — покачал головой Стас. — Полагаю, мы найдем их пепел в трубах ванны или раковины.

Ящер подошел к телам и кивнул на влажные от крови разрубленные шеи.

— А точность и чистоту удара ты оценил, Стас? Мне интересно, что ты по этому поводу думаешь?

— Думаю, ты прав... это хорошо отточенный, широкий изогнутый клинок, — вздохнул Стас. — Убийца нанес по одному удару каждому.

— Не всякий человек на такое способен, — с довольной улыбкой произнес Ящер.

Он любил необычные случаи, как бы жутко и противно это ни звучало. И со Стасом во многом он работал как раз ради этого. Яша был тот ещё ценитель.

— Как минимум, рубил человек физически достаточно сильный, тренированный и умелый, — резюмировал Стас. — Но самое паршивое для нас кроется в их руках...

— Тебе тоже интересно, почему он просто не отрубил им руки?

— Нет, думаю, всё достаточно просто, — недовольно проговорил Корнилов. — Рубить — это быстро, а ему хотелось, чтобы они страдали и орали от боли... и чтобы каждый из них, заливаясь слезами боли и ужаса полностью признал свою вину...

— За то, что взяли дело Гольшанского, — мрачно проговорил Коля.

— Верно, — кивнул Стас. — Затем последовала запланированная казнь.

Домбровский несколько мгновений разглядывал обезглавленные тела адвокатов, затем поднял взгляд на Стаса.

— Тут кроется ненависть к ним или всё-таки к Гольшанскому?

— И то, и другое, — Корнилов обошел стол с мертвецами. — Не в силах отомстить Гольшанскому, он отыгрался на тех, кто хотел освободить его...

— Какой-то личный враг Сильвестра Гольшанского? — предположил Коля.

— Вне всякого сомнения, — Стас ещё раз обвел глазами сцену убийства.

— Неужели кто-то из конкурентов? — спросил Ящер.

Корнилов поморщился.

— Нет. Эти бы не проявили столько фанатичной ненависти и символизма... Они бизнесмены и чрезвычайно прагматичны. Столько грязи им не нужно.

Стас выразительно посмотрел на забрызганные кровью стены, одежду трупов, ковёр и пол.

— Какой тогда ещё мотив может быть? — спросил Коля. — Что ещё может толкнуть человека на проявление такой бессмысленной жестокости?

Стас обернулся на Колю.

— То же самое, что толкает человека на бессмысленные глупости, полагаю.

Коля изменился в лице.

— Любовь, Коля, — усмехнулся Стас.

Тот в ответ фыркнул.

— Которую Гольшанский с ним не разделит что ли?..

— Да нет... — вздохнул Стас, вновь оглядывая комнату с трупами. — Видимо, которую он отнял.

Настроение у Стаса стремительно портилось по нескольким причинам.

Во-первых, Рита написала ему огромное количество гневных сообщений, переполненных злой язвительностью. Во-вторых, по пути к дому Гольшанских его машину, как и все другие, что въезжали на территорию элитных коттеджей, забросала яйцами группа неадекватных манифестантов. Они наполовину перекрыли дорогу, истово требуя прекращения застройки какого-то района и пытались прорваться к домам богачей через полицейский кордон. В-третьих, Стас уже больше трёх минут стоял перед воротами огромного дома Гольшанских, точнее нескольких домов, и ждал, когда ему, наконец, откроют.

Но вместо ворот открылась калитка справа. Из-за металлической двери появился мужчина в расстегнутой черной парке. Стас заметил мелькнувшие на рубашке ремни пистолетной кобуры.

— Кто вы такой? — спросил охранник. — Что вам нужно?

Он был черноволос, с выразительными, чуть вытаращенными глазами и колючим, пристальным взглядом. А лицо было скуластым, худым, с выступающими надбровными дугами. Этот охранник внушал тревожное и даже пугающее чувство. Особенно тем, кто в отличие от Стаса не распознавал в нем профессионального военного.

Корнилов показал удостоверение.

— УГРО, подполковник Корнилов. Мне нужно переговорить с Елизаветой Гольшанской.

— По какому делу?

Стас сдержал раздражение, потому что об этом он уже два раза сообщил двум разным охранникам.

— По делу об убийстве адвокатов, которых наняла госпожа Гольшанская, чтобы оправдать своего сына Сильвестра.

— С чего вы решили, что Елизавета Марковна кого-то нанимала? — с невозмутимым каменным лицом спросил охранник. — Вам лучше уехать, господин подполковник.

— Мне лучше поговорить с Елизаветой Марковной, — сдержанно, но настойчиво проговорил Стас, — пока не стало слишком поздно для неё или для её сына.

— Елизавета Марковна в совершенной безопасности, — с неизменным выражением лица ответил упрямый охранник. — А Сильвестр Гольшанский...

— Отбывает срок в «Чёрном дельфине», — перебил его Стас. — где может произойти всё, что угодно, учитывая какой контингент преступников там содержат.

Охранника явно не впечатлили слова Стаса, и он вряд ли бы его впустил, но тут из-за двери торопливо вышла женщина в вязаном свитере и хлопковых брюках.

— Вы подполковник Корнилов?! — громко, взволнованно, едва ли не крича, спросила она.

— Да, это я, — степенно ответил Стас, пытаясь понять поведение женщины.

— И вы взяли дело моего сына?

— Не совсем, госпожа Гольшанская, — поправил Стас. — Я...

— Заезжайте! — потребовала она. — Олег, пропусти его!

— Конечно, — с неизменным каменным равнодушием ответил охранник.

Стас припарковался в гараже Гольшанских прямо между Порше 911 с оригинальным тюнингом и раритетным Maserati семидесятых.

Елизавета Гольшанская ждала его в одном двух жилых особняков с синей кровельной крышей. Когда Стас прошел внутрь через застекленные французские двери, у него создалось ощущение, что он оказался в помещении без стен. Вместо них его окружала сияющая чистая белизна.

— Проходите, — любезно предложила ему Елизавета.

— Благодарю, — произнес Корнилов, оглядывая интерьер дома Гольшанских.

Здесь повсюду превалировали белые и светло-серые оттенки с вкраплениями синего или зеленого. Другой отличительной чертой этого дома была непривычная свобода пространства. Дом был огромен, свеж и невероятно просторен и в тоже время достаточно уютен, чтобы не чувствовать себя неловко среди этого снежно-серебристого великолепия.

Елизавета провела Стаса к двум огромным диванам с синими подушками. Между диванами стоял белый столик на коротких ножках, а на нём несколько необычной формы цветочных горшков с комнатными растениями.

— Рассказывайте, — потребовала Елизавета, когда они сели на диван.

Стас видел, что она крайне взбудоражена, хотя и пытается себя контролировать. Её выдавал бегающий взгляд и то, как она с тревогой мяла пальцы рук. Стас понимал, что Елизавета уже явно в курсе случившегося с адвокатами. Он рассказал ей то, что считал необходимым. Елизавета слушала, прижимая ладони к губам.

— Зачем? — дрогнувшим голосом спросила она, когда Стас закончил рассказывать. — Зачем он отрубил им головы? Если он хотел их просто убить, то зачем было нужно...

Мать Сильвестра со страхом и непониманием во взгляде, растерянно покачала головой.

Корнилов заметил, что несмотря на приличный возраст, Елизавета Гольшанская сохранила аристократичную грацию в движениях и величие в осанке. К тому же в молодости она явно была по-настоящему красива.

— Он хотел не просто их убить, — ответил Корнилов. — Он хотел напугать.

— Меня? — чуть нахмурившись спросила Елизавета.

— Вас, вашего сына, вашу семью, — перечислил Стас, — и особенно тех, кто тоже согласится помогать вам.

— Этот убийца ненавидит Сильвестра, да? — помолчав спросила Елизавета.

Стас лишь кивнул.

В этот миг с лестницы донесся визг и детские крики.

— Не догонишь! Не догонишь! У меня магические туфельки!

По ступеням сбегала девочка в кремовом свитере и белых джинсах. Ей было не больше семи лет. Светло-русая, с вьющимися локонами до середины спины. Следом за ней выбежала другая девчушка, которая выглядела почти так же, как первая, но её вьющиеся волосы были завязаны в хвостик.

— А у меня платье, которое позволяет повелевать силой ветра! — радостно вскричала вторая девочка. — Поэтому я нашла на тебя ураган, и он унесёт тебя в страну троллей! А принц Роберт женится на мне!

У обеих девочек в руках были нарядные куклы в пышных платьях с волшебными палочками в руках и крыльями фей сзади.

— Агнесса! Ева! — строго воскликнула Елизавета. — У нас гости! И вы мешаете. Пожалуйста поиграйте в другом месте и не шумите!

Близняшки с любопытством оглянулись на Стаса и хором ответили:

— Хорошо, бабушка.

Елизавету передёрнуло. Стас украдкой улыбнулся. Пожилой женщине явно не нравилось, когда внучки называли её бабушкой при незнакомых мужчинах. Мать Сильвестра опустила взор и спросила, не глядя на Стаса.

— У вас есть какие-то подозрения?

В её голосе проскользнула пугливая надежда. Корнилов неопределенно дернул плечами.

— Судя по тому, как были убиты адвокаты вашего сына, человек, который это сделал, за что-то крайне зол на Сильвестра.

— Есть какие-то догадки? — осторожно спросила Елизавета.

— Дело может быть в женщине, — помешкав, проговорил Стас.

Он знал, что Елизавете это не понравится. История с Людмилой Елизаровой до сих пор у всех на устах. Девушка была известной во многих кругах золотой молодёжи Москвы.

Предположение Стаса подтвердилось. Услышав о том, что причиной ненависти убийцы к её сыну может быть женщина, Елизавета Марковна сжала губы в тонкую линию, согласно, нехотя кивнула.

— Я знала, что связь с этой рыжей потаскухой ещё долго будет аукаться Сильвестру, — проговорила она, глядя куда-то в пустоту.

— Вы верите, что он не убивал её? — спросил Стас, наблюдая за лицом женщины.

Елизавета в ответ едко, неприятно улыбнулась. Откинула голову назад, встряхнув седеющими волосами и ответила:

— Как по мне, так лучше бы он её убил — проблем бы меньше было!

Мать Сильвестра взглянула в глаза Стасу.

— Осуждаете меня? Считаете, что я излишне жестока к «бедной девочке»?.. Вы просто не видели, что она вытворяла с ним!..

Елизавета презрительно фыркнула, со злой, бессильной печалью усмехнулась.

— О, как перед ней распинаялся Сильвестр... Давно я его таким не видела, — Елизавета покачала головой. — Впервые с того дня, как погибла его первая жена, он по-настоящему радовался и смеялся! И дарил этой вертихвостке кольца, серьги, колье... Машину вон купил! В Монако и Ниццу с ней летал регулярно! На яхте они ходили к Каймановым островам!.. У неё было всё, что она хотела!

Стас безмолвно внимал словам Елизаветы. Он видел, как её жжет и режет чувство злой обиды и бессильной ненависти. Всё это копилось в ней уже давно. Видимо ещё с того дня, как Людмила Елизарова поселилась в доме Гольшанских. С того дня, как Сильвестр жил исключительно для Людмилы, а Елизавете оставалось лишь радоваться за него, всё чаще оставаясь в стороне.

Разумеется, она терпела её. Это было слишком очевидно. Елизавета терпела любовницу и гражданскую жену сына, ради любви к нему.

И сейчас её переполняло яростное негодование. Она чувствовала себя обманутой.

— А теперь, — продолжила Елизавета, — вы заявляетесь сюда и говорите, что кто-то так одержим этой подстилкой, что готов убивать всякого, кто попытается помочь Сильвестру? Меня он тоже может убить? А моего внука? Или моих правнучек?

В её глазах блеснули дрожащие блики слёз. А голос срывался на хриловатый шепот.

— Я думаю, — ответил Стас, — если бы он мог, то давно уже сделал бы это.

Елизавета в ответ понимающе, криво усмехнулась.

— Мне нужно знать, — продолжил Стас, — не было ли у Людмилы... любовников?

Елизавета в ответ нервно хохотнула и всплеснула руками.

— Да конечно были! Я вас прошу! Не удивлюсь, если эта потаскуха групповыми оргиями увлекалась!

— Вы не против, если я осмотрю комнату, где жила Людмила? — спросил Стас.

Елизавета развела руками.

— Если это хоть как-то поможет Сильвестру...

Корнилов кивнул.

— Благодарю.

Спальня Людмилы Елизаровой полностью соответствовала стилю всего интерьера. Такая же просторная, светлая и уютная.

Стас неторопливо прошелся по бежевому напольному покрытию. Взгляд его скользил по футуристическим черно-белым фотокартинам и полкам с декоративными шкатулками. Корнилов оглядел широкую кровать с мягкой спинкой и пухлыми миниатюрными подушками бело-голубого цвета. Затем взглянул на синий письменный стол, белый монитор макинтоша, книжные полки рядом и огромный шкаф для одежды с модным декором на дверцах. Ничего необычного. Тихая, добрая и располагающая обстановка.

Стас сам ещё не знал, что ищет. Это должно быть что-то, что подтверждает или опровергает его версию. Что-то, что могло бы связывать Людмилу с любовником, если он у неё был. У неё обязательно должно быть что-то от человека, который готов убивать из любви к ней. Обязательно... Подарок, украшение, фотография или... Тут взгляд Стаса зацепился за лежавший рядом с книгами пустой конверт без марок.

«Письмо, — подумал Корнилов. — Точно... Такая форма выражения чувств как нельзя лучше подходила для мужчины, одержимого недоступной ему женщиной».

А то, что Елизарова не отвечала своему страстному поклоннику взаимностью, было очевидно. Именно безответная любовь добавляла злости, ярости и сокрушительной ненависти неизвестному убийце, когда он сжигал руки своих жертв и наслаждался их болью. К сожалению такие уж свойства у этого светлого и теплого чувства. Либо оно порождает в ответ взаимность, либо, в лучшем случае, безразличие.

Стас пару секунд размышлял, что бы делала такая девушка, как Людмила, с письмами от настырного поклонника. Выбросила бы? Вероятнее всего. А что, если письма продолжают приходить снова и снова. Девушке становится страшно, ей начинает казаться, что неизвестный поклонник следит за ней, преследует её. Он может быть, где угодно! Он может оказаться любым прохожим, любым встречным человеком, ведь она вряд ли знает, кто он. Знала бы, давно бы положила этому конец. Но нет. Настойчивый поклонник неизвестен. Постепенно девушка впадает в состояние перманентного страха, её одолевают приступы паники. Угнетение, растущая нервозность и усиливающаяся паранойя не дают ей покоя. И ей просто необходимо рассказать кому-то о письмах назойливого маньяка. А что это значит? Значит, Людмила захочет с кем-то разделить свои страхи. И ей нужно кому-то показать эти письма... Значит, перед этим их нужно спрятать. И так, чтобы Сильвестр ни в коем случае не нашел.

Стас почти не сомневался в правильности своих размышлений. А на вопрос, почему Людмила не жаловалась на письма от одержимого ею поклонника своему мужу, можно

ответить, что она наверняка его побаивалась. И, судя по последним событиям, не без оснований.

Корнилов в поисках писем не шарил руками по комнате. Он просто смотрел, прикидывал, перебирал варианты и представлял. Куда... Куда Людмила спрятала бы письма, которые пугают её, которые лишают спокойного сна, и заставляют опасливо оглядываться на улице. Его взгляд плавно, не спеша ощупывал комнату Людмилы. Стол, кровать, макинтош, книги, картины, шкапулки и шкафу. Где она могла их прятать? Взгляд Стаса на мгновение метнулся к фотографиям на полках, затем к шкафу для одежды. Корнилов решительно подошел к шкафу, открыл его, присел на колени и достал несколько коробок из-под обуви, пока не добрался до самых дальних, которые стоят дальше всех, и в которые точно никто, по мнению Людмилы, не залезет. Стас просмотрел четыре коробки, прежде чем нашел ту, в которой сверху лежали старые блокноты с мимимишными картинками, тетрадки, закладки и прочий старый хлам, а под ними обнаружились две плотные пачки писем.

Тут Стас услышал несколько ленивых хлопков. Корнилов обернулся.

В дверях, облокотившись на косяк, стояла женщина с длинными, медными волосами. У неё были темные глаза, а выразительные и соблазнительные губы чуть кривились в одобрительной полуулыбке. Глядя на Стаса, она пальцами правой руки мяла манжет своего горчичного цвета платья.

— А вы молодец, — проговорила она.

Неожиданно голос у нее оказался звонким, высоким, как у молоденькой девчонки, почти как у ребенка.

— Спасибо, — кивнул Стас. — Я не имею чести знать вас...

Рыжеволосая улыбнулась шире, чуть наклонила голову ниже. Её рыжие волосы соскользнули с плеч и упали на грудь.

— Я Клара, — представилась женщина. — И я была уверена, что вы ничего не найдёте.

Стас едва заметно качнул головой.

— А вы знали, что здесь есть что-то, что стоит найти? — спросил он. — Вы знали о письмах?

— Возможно, — лукаво улыбаясь, пропела Клара. — А вы меня уже подозреваете, офицер?

Казалось, её забавляла мысль об этом.

— Клара! — вдруг позвал чей-то мужской голос. — С кем ты говоришь?

— С гостем твоей бабушки, — не отрывая от Стаса взгляд темно-карих глаз, крикнула Клара.

Стас услышал приближающиеся шаги. И через пару секунд в дверном проеме рядом с рыжей обольстительницей показался мужчина в чёрном свитере поверх рубашки и светлых брюках. У него было непропорционально широкое лицо с выдающимся вперед, загнутым книзу носом, живые, как у Елизаветы, выразительные серо-зеленые глаза, подвижные брови и немного неопрятные, зачесанные назад темные волосы.

— Добрый день, — мужчина расплылся в широкой улыбке, которая слегка походила на оскал.

Возможно, из-за того, что была совершенное неискренней. Стас заметил, что глаза мужчины вовсе не улыбались.

— Я Орест Гольшанский, сын Сильвестра Гольшанского, — он подошел к Стасу и протянул ему свою руку.

Стас пожал её и про себя отметил, что у Ореста довольно крепкое рукопожатие.

— Подполковник Корнилов, — представился Стас, — я занимаюсь делом об убийстве адвокатов вашего отца.

— О, — удивленно вскинув брови, кивнул Орест. — А что с ними произошло?

— Их обезглавили, — осторожно и деликатно ответил Стас.

— Какой ужас, — почти без эмоций ответил Орест. — Смотрю, вы что-то нашли в комнате Людмилы?

— Эти письма, — Стас поднял в руках коробку из-под тувель, — возможно были написаны тем, кто убил адвокатов вашего отца.

— Даже так, — хмыкнув, ответил Орест. — Людмила явно не слишком хорошо разбиралась в людях.

— Возможно, именно поэтому её чуть не убили, — согласился Стас.

Орест уставился на него. Стас отвечал ему изучающим взглядом с нерушимым спокойствием.

— Лично я не осуждаю отца, — голос сына Гольшанского выдал сдерживаемое раздражение.

— Да, понимаю, — кивнул Стас.

Они всё ещё смотрели друг другу в глаза. Но тут снизу раздался пронзительный, долгий, срывающийся женский крик.

Орест порывисто обернулся и бросился вниз по лестнице.

— Елизавета! — закричал он. — Бабушка, что случилось!

Клара ещё раз с любопытством взглянула на Стаса. Чуть кивнула и поспешила вслед за Орестом. Корнилов опустил взгляд на письма в коробке, затем закрыл коробку крышкой и тоже не спеша спустился вниз.

В холле на первом этаже Елизавета сидела на одном из диванов, где они до этого общались со Стасом, и плакала в объятиях Ореста. На полу перед ними стояла большая картонная коробка. Рядом, сложив руки на груди, стоял тот самый черноволосый охранник, что не желал пропускать Стаса. Клара же, придерживая волосы, осторожно заглядывала в объемистую картонную коробку. Она обернулась на Стаса. Корнилов заметил, как изменилось её лицо.

— Подполковник Корнилов! — яростно, со слезами на щеках, воскликнула Елизавета в объятиях внука. — Я вас заклинаю: найдите этого... подонка!..

— Тише, Елизавета, — Орест с любовью погладил бабушку по сидящим волосам и коснулась губами её головы.

Стас присел возле коробки, открыл. Несколько секунд он равнодушно смотрел на содержимое. Затем встал, вынул телефон и набрал номер.

— Как дела, Коль? — спросил Корнилов в телефон, не отводя взгляда от коробки. — Понятно. Головы адвокатов можешь не искать. Да-а, они только что нашлись.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 15 января

Люди с монотонным постоянством заходили или выходили из супермаркета. С такой же

монотонной периодичностью сверкали гирлянды на окнах. За высокими окнами супермаркета были видны кассы и людские очереди.

Лерка рядом со мной допила уже вторую чашку латте, который бегала покупать в стоящем неподалеку кофейном автомате. Логинова откинулась на спинку сиденья и раздраженно вздохнула.

— Ну чего он там застрял! — простонала она, запрокинув голову назад. — Что там так долго можно выбирать?!

— Ну, может, у него длинный список продуктов, — предположила я, покусывая подушечку большого пальца.

Мы уже больше часа сидели в Леркином Субару на парковке и ждали, когда Капитонов Исидор Игоревич, наконец, выйдет на улицу. Четкого плана, как и понимания наших дальнейших действий, у нас не было. Но одно мы знали точно — воспоминания убитых девочек хотели, чтобы мы нашли его.

По иронии судьбы человек, который может что-то знать об убийствах в «Зелёной колыбели», теперь преподаёт у нас у геометрию. Вот счастье-то.

— Слушай, а что мы ему скажем? — задумчиво проговорила Лерка. — Проследить, где он живёт-то, мы проследим... а дальше что?

Она посмотрела на меня. Я не отводила взгляда от входа магазина.

Ответа на вопрос Лерки у меня не было. Я лишь знала, что мы должны поговорить с Капитоновым. Но как, я пока не знала.

— Мы же не можем просто подойти к этому волосатому очконавту и сказать: «Здрасьте! А что вы знаете об убийствах детей в «Зелёной колыбели»? А то призраки убитых детей указали на вас и...»

— Это не призраки, — поправила я. — Это были их воспоминания... скопления мыслей, эмоций и чувств с обличем своих владельцев.

— И в чем разница? — резонно возразила Лерка.

— Призраки страшнее.

— Неужели? — с иронией проворчала Логинова.

— Мне так кажется.

— Ты не ответила на вопрос. Что конкретно мы ему скажем? А?

— Лер, — вздохнула я, — я пока не знаю...

— Я знаю! — вдруг воскликнул чей-то голос с заднего сиденья.

Я и Лера дружно испуганно закричали. Логинова подпрыгнула на своем сиденье и яростно выпалила несколько ругательств. Я, вздрогнув, вжалась в свое сиденье, чувствуя, как из груди рвется сердце, а по коже сползает жар.

— Простите, девочки, — проговорили с заднего сиденья. — Я не хотел вас пугать.

Нервно, часто втягивая ртом воздух, я подняла взгляд на зеркало заднего вида и увидела сидящего позади Лёву Синицына.

Он поправил свои очки и улыбнулся мне.

— Лёва... — протянула я. — Господи... Нельзя же было... вот так...

Логинова порывисто обернулась назад. Лицо у нее было свирепым.

— Лёва, с**а, — прорычала она, — какого х**а ты залез в мою машину, барсук очкастый! Как ты, бл**ь, вообще, тут оказался?! Ты вообще охе**л что ли?!

Лева откашлялся и ответил в свойственной ему торжественной и немного заносчивой манере:

— Отвечаю по порядку. Я забрался в твою машину, потому что услышал, как вы на уроке обсуждали Капитонова. Твою машину вскрыть оказалось совсем не сложно, у тебя устаревшая сигнализация и ничтожная противоугонная система. И... нет, нисколько. Хотя ты не первая, кто задаёт мне этот вопрос.

Мы с Лерой переглянулись. По взгляду Леры я поняла, что она думает о том же: что успел услышать и узнать Лёва.

— Левочка, а давно ты тут? — поинтересовалась я.

Синицын в зеркале пожал плечами, снова поправил очки и свою безупречную причёску.

— С того момента, как вы сели в машину.

Мы с Лерой снова обменялись опасливыми взглядами. Но если у нас ещё оставались какие-то надежды или сомнения, то следующим вопросом Лева их окончательно развеял.

— Только я так и не понял, Ника. Ты можешь каким-то образом видеть воспоминания людей или призраков? Или и то, и другое. Я закрыла глаза, отвернулась, сползла по сиденью и со страдальческим лицом закрылась ладонями. Лера рванула молнию на своей сумке и неожиданно выхватила внушительного вида пистолет.

— Слушай внимательно, огрызок ушастый, — начала она угрожающе, — если я узнаю, что ты трепался где ни попадя о том, что услышал...

— То ты застрелишь меня из зажигалки, — со снисходительной насмешкой проговорил Лёва. — Я понял. Обещаю, трепаться не буду... Если расскажете, чем вы занимаетесь.

— Я не поняла, — вкрадчиво спросила Лера, — ты че нас шантажировать собрался?

— Только слегка, — хмыкнув, ответил Лева.

— Ах ты охамевший очкозавр... — зловеще прошипела Логинова.

— Лера, вот он! — взволнованно вскричала я, тыча пальцем вперёд.

Из супермаркета как раз неторопливой походкой вышел Капитонов. Выглядел он довольно забавно в своей узорчатой шапке, из-под которой выглядывали его длинные русые волосы. Ещё больше комичности добавляли его большие очки. Он был похож не то на какое-то очеловеченное насекомое, типа стрекозы, не то на пучеглазую рыбу.

Капитонов поправил зелено-оранжевый шарф и направился прочь от супермаркета.

— Синицын, выходи из машины, — Лерка завела мотор.

— В таком случае, боюсь, мне будет тяжело... не трепаться, — раскинувшись на заднем сиденье, ответил Лева.

Логинова обернулась, желая высказать Лева все, что она думает, но я остановила её прикосновением руки.

— Пусть едет.

— Роджеровна, но...

— Он всё равно всё знает, — устало ответила я. — А Капитонов сейчас уйдет.

Лерка чертыхнулась себе под нос, проворчала ещё одно пошлое ругательство и вырулила со стоянки. Мы ехали тихо вдоль дороги, сохраняя необходимую дистанцию. Капитонов двигался неторопливо. То и дело его скрывали случайные прохожие. Через несколько минут он свернул в неприметную арку и двинулся во внутренний двор.

— Блин, — прошипела Лерка. — И че теперь?

— Давай за ним, — шепнула я.

— Только осторожно, — напомнил сзади Лева.

— Заткнись.

— Прости, я...

— Заткнись, я сказала!

— Лева, Лера, хватит, ну пожалуйста, — взмолилась я.

Лерка осторожно заехала на своем субару в арку и, сбавив скорость до минимума, двинулась следом за Капитоновым. Заснеженный зимний двор был необычно пустым и даже безлюдным. Хотя темнеть начало совсем недавно.

Он шел впереди в сотне шагов от нас. С неба бесшумно повалил снег. Белые точки снежинок посыпались на темный асфальт. Они оседали на стоящих рядом автомобилях, липли к окнам домов и собирались на узловатых голых ветках деревьев.

— Пусть зайдет в подъезд, — сказала я, — а я забегу следом и...

— Мы забежим следом, — поправила меня Лерка. — Я тебя одну никуда не пущу, Роджеровна.

— Хорошо, Лер, — улыбнулась я. — Как скажешь.

Тут мое внимание привлекла группа парней, что выступила из густой тени маленького продуктового магазинчика. Они все были в капюшонах на головах и двигались явно с недобрыми намерениями. Парни окружили Капитонова. Я увидела, как один из них, явно чувствуя свое превосходство, начал наступать на Капитонова. Его приятели поддерживали его одобрительными криками. А парень вдруг толкнул Капитонова. Наш новый учитель пошатнулся, упал на стену и вдруг схватился за голову. Он согнулся, припал боком к стене. Толкнувший его парень что-то крикнул и ударом ноги подсек Капитонову ноги. Исидор Игоревич немедленно повалился в снег. Мы слышали радостный вопль парней.

— Лера, быстро дай свой пистолет! — сказала я и сама схватила зажигалку.

— Роджеровна... — неуверенно проговорила Логинова.

Но я уже выскочила из машины. Морозный воздух обжег лоб и щеки, слегка пощекотал шею.

— Ну что, козлина! — нарочито низким голосом агрессивно кричал тот самый парень, что толкнул Капитонова. — Че, уже не такой крутой?! Его голос показался мне странно знакомым. Чувствуя шквальную нервозность и хорошо знакомое нарастающее чувство опасности, я широко шагала вперёд. Я старалась придать себе уверенности. Но когда я подняла Леркин «пистолет-зажигалку» и закричала, вместо грозного голоса с моих уст сорвался тонкий писк:

— Прекратите!.. Не трогайте его!..

Но я сама слышала, насколько неуверенно прозвучал мой голос.

Парни оглянулись в мою в сторону. Несколько секунд они молча глядели на меня. Ощущая скачущий во всем теле взбешенный пульс, я так же молча смотрела на парней. Капитонов, тихо постанывая, корчился в снегу, зажимая голову руками.

— Слышь... Лазовская... Иди отсюда... — пробасил тот парень, что толкал Капитонова.

У меня отвисла челюсть. Я узнала его голос, хотя лицо и было скрыто под капюшоном.

— Ты... — выдохнула я.

Тут сзади подошла Лерка, бесцеремонно вырвала у меня пистолет.

Молча подняла его вверх. Грянул мощный раскатистый хлопок.

Парни шарахнулись в сторону.

— А ну пошли на х** отсюда, а то положу всех к е**ням! — свирепо и агрессивно, срывающимся на хрип голосом дико проорала Лерка.

Парней не нужно было спрашивать дважды. Спотыкаясь, поскользываясь и сталкиваясь,

они бросились наутек.

— Откуда у неё пушка?! — услышала я.

— Да по***, она больная!.. — раздалось в ответ.

Я ошарашенно смотрела на Лерку. А моя подруга между тем явно разошлась.

— Ещё раз, с**а, тут появись, гениталии отстрелю, мать вашу! — проорала вслед перепуганным парням Лерка.

Затем она обернулась. Лерка улыбалась во всё лицо, глаза горели неподдельным восторгом.

— Видела, как они рванули а?! Боже, какое, мать его, крутое чувство! У-у-у! — воскликнула она счастливо и потрясла пистолетом. Надо будет купить настоящий... потом как-нибудь.

Я лишь шокировано покачала головой и подошла к лежащему в снегу Капитонову.

— Исидор Игоревич, — учтиво и вежливо проговорила я, присев рядом, — как вы?

Мужчина в ответ скривился, продолжая зажимать голову ладонями.

— У меня ничего нет... — простонал он. — Моя голова...

— Что с вами? — участливо спросила я.

— У меня... у меня...

— Че его так колбасит?

— Тише, Лер, — не оборачиваясь бросила я. — Исидор Игоревич, у вас болит голова?

Это приступ мигрени?

Но Капитонов в ответ отрицательно промычал.

— У меня... Д... ДП...

— ДП? — опять влезла Лерка.

— Тише... — вновь попросила я и спросила Капитонова. — У вас ДППГ?

Пароксизмальное головокружение?

Капитонов, морщась, активно закивал, точнее поерзал головой в снегу. Я цокнула языком.

— Лер, помоги мне.

— Лева, а ну иди сюда и помоги нам! — крикнула Логинова, обернувшись назад. — А ты отойди, Роджеровна, а то ещё надорвёшься...

Я послушно посторонилась. Лерка и Лева помогли стонущему Капитонову подняться.

— Уложите его на скамейку! — крикнула я, счистив ладонями снег со скамейки.

Логинова и Синицын помогли кряхтящему учителю прилечь.

— Ох, мать его... — простонал тот. — Как же кружится... а-а...

— Сейчас все будет хорошо, — пообещала я.

— Роджеровна, а что с ним? — настороженно спросила Логинова. — Че его так корчит-то?

— Это называется доброкачественное позиционное пароксизмальное головокружение, — пояснила я.

— Угу, — кивнула Логинова, наблюдая за муками Исидора Игоревича. — А по-русски?

— Представь, что у тебя внезапно начинается сильнейшее головокружение и тошнота. Ты почти не можешь двигаться, тебе ужасно плохо даже от движения зрачков, и такие приступы происходят регулярно, — пояснила я. — Это происходит из-за патологии внутреннего уха.

— Жесть, — покачала головой Лерка. — А лекарства от этой дряни есть?

Я покачала головой.

— Нет, но есть такая штука, как манёвры, Элли, — проговорила я.

— Что это такое?

— Сейчас увидите, — пообещала я. — Положите его так, чтобы голова свисала со скамейки.

— Так, Исидор Игоревич, вы слышали, — проворчала Лерка. — Давайте-ка...

Они помогли стонущему мужчине лечь, как я сказала.

Я встала возле его головы.

— Расслабьтесь и, пожалуйста, доверьтесь мне, — попросила я Капитонова.

Тот лишь простонал в ответ что-то неразборчивое. Но я расценила это, как согласие.

Я выудила из памяти упражнения, что помогают избавить человека от симптомов ДППГ, и приступила. Взяв голову стонущего Исидора Игоревича, я плавно наклонила её назад, затем повернула вправо, приподняла и снова опустила. Пока я проделывала странные и даже дикие на вид манипуляции с головой Капитонова, Лерка и Лёва с нескрываемым немым изумлением наблюдали за моими действиями. А Капитонов уже через несколько секунд перестал стонать и морщиться. Маневры Элли начинали действовать.

Я пыталась сосредоточиться на упражнениях, но такой тесный контакт с человеком почти всегда провоцировал приступы видений. Вот и сейчас в мою головы стремительно полезли обрывки из воспоминаний Исидора.

Похожие на вспышки фото-осветителя всполохи света мелькали перед глазами.

...Такая же зима, как сейчас. Группка мальчишек веселится во дворе. С восторженными громкими криками они носятся по детской площадке, гоняются друг за другом, и «стреляют» друг в друга из игрушечных пистолетов. И только одинокий мальчик в очках робко стоит в стороне и боязливо наблюдает за игрой детей издалека. Он кусает губы, сжимая в руках свой пистолетик, на его лице отражается явственное желание присоединиться к шумной компании мальчиков. Но он боится. Боится, что его не возьмут играть. Его никогда никуда не брали. Никто никогда не хотел дружить с ним. Всюду его сторонились, не замечали, не слышали. Сейчас, потом и всю оставшуюся жизнь тоже.

Воспоминание сменилось. Теперь Исидор Капитонов, уже подросток, сидит за партой в классе. Перемена, все вокруг болтают, общаются, обмениваются новостями или что-то обсуждают. И только одинокий мальчик на пятой парте в углу возле шкафа с книгами, старательно заткнув уши, читал учебник. То и дело он бросал злые взгляды на своих слишком громких одноклассников.

Вспышка света, исказились и сменились все звуки, картинки, образы.

Я увидела толпу мальчишек в классе. Плотно столпившись, они кого-то с ожесточением избивали.

— Че, думаешь, ты умнее?! Думаешь, ты лучше?!

— Очкодрыщ! Не мог дать списать нормальным пацанам! — верещал какой-то мальчишка, усердно пинающий ногами кого-то на полу.

— Мочи его, пацаны! Дава-ай!

— На! На, очкодрыщ!

— Вонючий и прыщавый очкодрыщ!

Я стояла позади них и в ужасе оторопело наблюдала за тем, что они делали. В который раз я поражалась той необузданной и непонятной мне людской злобе, которая выплескивается с такой свирепой беспощадностью. Неужели в людях с самого детства живет

потаенная страсть к проявлению бессмысленной жестокости? Откуда она берется?! Откуда происходит эта жажда причинения боли и страданий любому, кто не согласен, отличается, или совершил проступок? Откуда...

Я не кричала, я только смотрела и мысленно умоляла этих детей перестать.

«Пожалуйста, — думала я. — Хватит! Перестаньте! Перестаньте!»

Они продолжали с ожесточенным увлечением избивать лежащего на полу Исидора. Я не выдержала, я закричала.

— Хватит!!! Перестаньте! Перестаньте!

Мир вокруг пружинисто сжался, исказился, и вот я стою в переполненной аудитории какого-то университета. Десятки людей за столами на ступенчатых рядах глядят вниз на худощавого парня в очках. Он уже отрастил свои волосы до плеч, и сам заметно подрос. Он стоял возле доски, исчерченной математическими формулами, геометрическими фигурами и числовыми значениями.

— ...Таким образом у нас появляется возможность лучше понимать и осознавать полугеодезическую систему координат и применять её гораздо шире, лучше и эффективнее!

Молодой Исидор Капитонов говорил с вдохновенной запальчивостью. Я не сильна в высшей геометрии, про которую сейчас рассказывал Исидор, но я видела то искреннее желание Исидора донести до слушателей весь масштаб и последствия своего открытия.

Очередная вспышка света. Преображение мира, звуков и запахов. Я стою в той же университетской аудитории. Только теперь ряды стульев пустуют. А внизу у доски стоят двое — молодой Капитонов и мужчина среднего возраста. Исидор взбудоражен и взволнован.

— Вы не можете так поступить, Роман Александрович! Это нечестно! Я лучший на своем курсе! Вы же видели мое выступление! Вы же знаете о моем открытии! Вы читали мои работы!.. А теперь заявляете, что «на всех не хватает красных дипломов»! Это... Да я больше, чем кто бы то ни было, достоин диплома с отличием! Вы не можете меня этого лишиться! Не можете! Не можете! Исидор в отчаянии топал ногой, а голос его ломался и скрипел фальцетом. А стоящий перед ним профессор лишь с показным и довольно фальшивым сочувствием развел руками.

— Что я могу поделать, Исидор. Ты талантливейший студент в нашем университете, но увы... я ведь не ректор.

— Ректор нашего университета-продажная скотина! — разъяренно воскликнул Капитонов.

— Следите за речью, юноша, — одернул Исидора преподаватель. — Вы можете сколько угодно верить всяким слухам, однако, смею напомнить, что никаких доказательств тому до сих пор не найдено! А сейчас извините, мне пора.

С этими словами он забрал со стола свою шляпу, обошел застывшего на месте и впавшего в прострацию Исидора, а затем покинул аудиторию.

Я обернулась вслед ушедшему профессору и посмотрела на Исидора. Капитонов с досадой пнул учительский стол ногой и выкрикнул ругательство. Его яростный крик разорвался в пустой аудитории, ударился о стены, поднялся под потолок и вылетел через приоткрытую дверь в коридор.

После очередной вспышки света я с удивлением обнаружила, что стою на крыше дома. А надо мной сияют россыпи звезд летней ночи. Вдалеке шумел листвой деревьев ночной ветер, доносились звуки автомобилей. Город внизу горел и светился так ярко, что желал

затмить своим светом звёзды над собой. Ничего не понимая, я стояла у края крыши и смотрела перед собой. Затем раздался шорох шагов и тихий плач. Я обернулась. На крыше соседнего дома я увидела Исидора. Крыша освещалась не очень ярко, но я увидела его взъерошенные волосы, мятую и почему-то грязную рубашку и разбитые очки. А ещё он плакал. Тихо и горько рыдал, глядя на ночной город внизу.

Чувствуя проскальзывающее в душу опасение, я встревоженно смотрела на Исидора. Что он задумал? Зачем пришел сюда?! Не мог же он... Не мог... Из-за чего?! Неужели...

— Ненавижу вас всех! — вдруг яростно и громко воскликнул в ночь заплаканный юноша. — Ненавижу! Будь вы все прокляты! Мерзкие, безмозглые и алчные твари! Ненавижу! Ненавижу!..

Он уперся в металлический бортик крыши, сокрушенно склонил голову и потряс ею. Взобравшийся на крышу прохладный ветер взъерошил его волосы и одернул рубашку.

— Сколько я ни пытался приблизиться к вам, — продолжал Исидор, — сколько ни пытался стать таким же... Показать, что я не хуже! Что достоин вашего признания! Всё тщетно! Всех вас интересуют только бабки, жратва и... похоть! Все вы примитивные, безмозглые и алчные твари!

Его слова были бессвязны и непонятны, но наполнены искренней злостью, испепеляющей обидой и слёзной яростью.

Я с сожалением смотрела на него. Молодой Исидор Капитонов выглядел разбитым и поникшим. Одиноким, брошенный всеми и непризнанный никем. А ему так хотелось... Так хотелось, чтобы им восхищались, чтобы восторгались его интеллектом, чтобы признавали в нем равного. Он просто хотел быть одним из тех людей, кому завидовал все эти годы.

Я смотрела на него с сочувствием и понимала, что спустя все эти годы, уже взрослый Исидор Капитонов — всё тот же мальчик на детской площадке, который лишь робко стоит в стороне от общей жизни. И сегодня, именно в этот день из его жизни, он, видимо, получил удар, который не смог пережить. Диплом долгое время был смыслом его жизни и заветным символом того, что «он не хуже». Но у него забрали и это.

— Да пошли вы все!.. — вдруг прошептал со слезами Исидор и взобрался на бортик крыши.

Я замерла, потеряв дар речи. Я остолбенела, потрясенная неожиданным действием Капитонова. А он, раскинув руки в стороны, стоял у самого края, и ветер играл его волосами. Он был похож на призрака в ночи в своей белой рубашке.

Но он не может прыгнуть, не может. Ведь... тут Исидору лет двадцать с лишним. И это его воспоминание. Это его прошлое. Но... Почему он не слезает с крыши?

Сердцебиение звучало в моей голове. Забыв дышать, в шоковом оцепенении я глядела на Исидора. Я видела его слезы и презрительный оскал на лице. И я поняла: он прыгнет! Господи, он действительно сейчас прыгнет! Но это...

Он шелохнулся.

— Стой! Не надо! Не надо! — истошно и отчаянно закричала я.

Он вздрогнул, обернулся, и наши взгляды встретились.

— Вы... вы кто? — проговорил он ошарашенно. Я замерла. Он что... говорит со мной? Он меня видит?!!

Исидор слез с бортика крыши и подошел к краю с другой стороны, поближе к крыше соседнего дома, на которой стояла я.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

Я молча попятилась назад, растерянно оглянулась.

— Подождите! — крикнул Исидор. — Не уходите... Кто вы?! Подождите!..

И в следующий миг воспоминание прервалось.

В лицо мне веял прохладный воздух. Я услышала голоса Лера и Лёвы.

— Роджеровна! Ты слышишь меня! Блин!.. Скорую может вызвать?! Чё делать, а?

— Ну, по крайней мере, она дышит, — спокойно возразил Лёва. — И дыхание вроде ровное, хоть и частое.

— Ой, тоже мне доктор! — нервно и агрессивно бросила Логинова. — Нафиг! Она уже больше получаса в отрубе! Нужно скорую выз...

Я открыла глаза. Увидела два расплывающихся силуэта перед собой. Точнее... Над собой. Потому что я поняла, что лежу.

— Роджеровна! — обрадованно, и чуть не плача, завопила Лерка. — Блин! Ты как?! Как себя чувствуешь?! Как ты меня напугала! Я думала, тебе совсем хреново! А ты лежишь и шепчешь че-то там...

— Всё... нормально... Всё хорошо, Лер, — я осторожно, медленно села и огляделась. Мы находились на детской площадке, и я, похоже, лежала на той самой скамейке, где до этого лежал Капитонов.

— А где Исидор Игоревич?

Лерка пренебрежительно фыркнула.

— Да ушел уже.

— Но предварительно он выразил удивление относительно твоих умений, — с шутливой снисходительностью заметил Синицын. — Где ты научилась маневрам Элли? И зачем?

— Да так... Неважно. — отмахнулась я и встала со скамейки.

Голова привычно кружилась. Объекты перед моими глазами заметно расплывались, а окружающие звуки резали слух.

— Вы видели, куда он пошел? — я оглядела двор.

— Ну вон в тот дом, — Лерка кивнула на одну из близстоящих высоток. — Но мы же не знаем, на каком он этаже живет и, тем более, в какой квартире.

— Я знаю, — ответила я. — Но идти к нему сейчас бессмысленно.

Это действительно было так. Момент был упущен, и сейчас приходить к Капитонову и пытаться завести разговор о его связи с приютом «Зелёная колыбель» просто бесполезно. Он закроется, и дальше мы вообще от него ничего не узнаем. А посему я полностью поддержала предложение Лерки ехать по домам.

Синицына Лерка несмотря на все его протесты и попытки договориться высадила возле станции метро. А мы заехали в одну из наших любимых кафешек неподалеку от школы. То самое, где в начале летних каникул к нам с Леркой подсаживался один фотограф с неприличным предложением.

— Ну, рассказывай, — нетерпеливо произнесла Логинова, когда мы взяли по чашке латте и уселись на малиновых комфортных диванчиках.

— Подожди, — улыбнулась я. — Сначала расскажи, как ты... Ну-у... Как пистолет-зажигалка смог выстрелить?

— А-а, — заулыбалась Лерка. — Вот так.

Она достала телефон, коснулась экрана. Грянул мощный звук выстрела.

Стоявший неподалеку официант вздрогнул и едва не уронил поднос с тарелками, а сидящие рядом люди за столами испуганно обернулись на нас.

— Извините! — торопливо извинилась я с виноватой улыбкой. — Извините, пожалуйста.

Лерка с довольным видом отпила из чашки.

— Рассказывай давай, — нетерпеливо сказала она.

Я пересказала ей всё увиденное в воспоминаниях Капитонова.

— Ни хрена себе... — поморщилась Лера. — И что, он в реале хотел сигануть с крыши из-за диплома?..

Я сделала глоток кофе и качнула головой.

— Для него это не просто диплом, а скорее... символ.

— Символ? — переспросила Лерка. — Символ чего?

Я вздохнула.

— Значимости, достижения... равенства...

— Равенства с кем?

— С другими людьми, я полагаю, — задумчиво ответила я.

— В смысле? — снова непонимающе скривилась Лерка. — А что он... считал себя неравным остальным людям?

Я покачала головой.

— Капитонов рос боязливым, робким и застенчивым мальчиком. В школе его били, в универе тоже не сильно любили... Всю жизнь общество им пренебрегало и отбрасывало прочь.

Лера закатила глаза.

— Из таких потом маньяки всякие вырастают!

— Да, вполне возможно... — кивнула я, отстраненно размышляя о Романтике, у которого была отчасти схожая ситуация.

Но Капитонов всё же не был сиротой, не рос в приюте и не проявлял склонности к жестокости или кровожадности. А Демид Хазин... рос озлобленным ребенком едва ли не с самого детства.

— Сомневаюсь, что Исидор Игоревич может быть маньяком, — проговорила я. — Но... как он связан с приютом? Что он там делал?

Лерка помешала ложкой в чашке с кофе.

— Ты уверена, что он не... не Портной?

Я категорически качнула головой.

— Это не он. Но... он может что-то знать, Лер. И самое удивительное, что сам об этом может не догадываться.

— Это как это? — хмыкнув, неуверенно ухмыльнулась Лерка. — У него что, провалы в памяти?

— Нет, но он мог не придавать значения каким-то вещам или событиям, свидетелем которых был в приюте.

— Тяжеловато тогда будет его о чем-то расспрашивать, — прокомментировала Лерка. — Слушай, Роджеровна, может, пора уже все рассказать твоему этому... Корнилову? А?

Я пожала плечами.

— Само собой, что я ему расскажу, но сначала нужно выяснить, что к чему. И получить хоть какую-то инфу от Капитонова. И потом... Стас и все вокруг ведь наверняка думают, что Портной это этот... как его...

— Сильвестр Гольшанский, — напомнила Лерка.

— Вот-вот, — кивнула я. — Нужны... нужны хоть какие-то факты даже для предположений...

— А то, что ты видела повешенных девочек на дереве, не доказательство? Как минимум, мы знаем, что все эти четыре года убийца продолжал убивать, но... — тут Лерка замолчала, потому что, видимо, до нее дошел весь ужас коварства Портного.

— Он перестал похищать девочек, у которых есть родители и родственники, — с грустной улыбкой, кивнула я. — И, судя по всему, взялся за тех... чье исчезновение общественность не заметит.

— Начал убивать сирот, — прорычала помрачневшая Лерка. — Вот же с**а!

Я вообще не люблю маты, но в данном случае полностью согласна с Леркиным определением.

— Ещё какая, — вздохнула я.

— Тем более надо идти к Корнилову! — чуть нагнувшись вперед, громко выпалила Лерка.

Некоторые посетители кафе с удивлением обернулись на нас.

— Тише, — попросила я, оглядываясь. — И что я ему скажу? Лер, то, что я видела воспоминания и гибель тех девочек, совсем не означает, что Гольшанский не Портной. И потом, их убивали не в приюте!

— А где тогда? — задала глупый вопрос Логинова.

— Вот это и нужно выяснить, — посмотрев в окно на заснеженный город, ответила я. — И кто их забирал из приюта.

Эпизод шестой

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 16 января

Голова несчастного манекена отлетела от туловища и грохнулась об пол. Безликая пластиковая голова медленно откатилась к ножке стола и застыла там.

— Вот примерно таким ударом были обезглавлены все четверо юристов, — объявил жизнерадостно улыбающийся Яша Щербаков.

— Все четверо? — уточнил Стас, глядя на отрубленную голову манекена.

— Ага, — кивнул Ящер.

— Что тебя так радует? — Стас присел возле головы манекена, поднял её и повернул шей кверху.

— Честно? Мастерство, с каким были нанесены удары, — Яша с восхищением покачал в руке саблю с длинным, плавно изгибающимся клинком.

— Ты неисправимый циник, Яша, — вздохнул Стас и провел пальцами по срезу шеи головы манекена.

— При чем тут цинизм? — пожал плечами Ящер. — Эти удары были просто образцовыми! Ведь как чётко и чисто! Р-раз!..

Сабля в руке Яши коротко рассекла воздух. Стоявший неподалеку седовласый мужчина в костюме с бордовой бутоньеркой раздраженно вздохнул и подошел к Щербакову.

— Простите, если вы закончили, я могу забрать саблю назад? Всё-таки это музейный экспонат, а не реквизит циркового номера!

С этими словами он протянул руки, и Яша неохотно вернул ему клинок.

— Подождите, — попросил Стас сотрудника музея и взглянул на Яшу, — головы адвокатов были срублены именно такой саблей? Ты уверен?

— Так точно, господин подполковник! — изображая, как ему казалось, повадки офицера девятнадцатого века, ответил Яша. — Головы несчастных юристов были филигранно отделены от тел именно при помощи сабли начала девятнадцатого века, какой пользовались гусары Наполеоновской армии.

— Не только Наполеоновской, — язвительно вставил работник музея, — подобное оружие состояло на вооружении и в некоторых войсках сателлитов тогдашней Франции...

— Ты пробовал другие клинки? — спросил Корнилов.

— Да-с, милостивый государь! — воскликнул Яша, который похоже вошел во вкус. — Но смею вас заверить, ни один из иных опробованных мною образцов вроде польских сабель и казачьих шашек или персидских шамширов подобные следы и срезы на шеях манекенов не оставляли. Идентичными со смертельными ударами на телах адвокатов являются только удары французской кавалерийской сабли...

— Понятно, — поспешил перебить Яшу Корнилов и кивнул работнику музея. — Мы благодарны вам за помощь следствию.

Сотрудник музея в ответ поклонился и вышел из помещения.

Стас положил пластиковую голову на стол рядом с обезглавленным ради эксперимента манекеном.

— Ты выяснил, что было в крови убитых юристов?

— Да ничего особенного, — в миг поскучев, ответил Яша. — Ты опять оказался прав.

— Приятно слышать, — с усмешкой ответил Стас. — Значит обычное снотворное?

— Да, что-то из производных барбитуровой кислоты, — ответил Ящер. — Ребятки проглотили его вместе с коньяком. Хватило для того, чтобы юристы напились и отрубались на время.

— Понятно, — кивнул Стас. — На руках, конечно, нет никаких следов от ремней или бечевки?

— Стас, — насмешливо ответил Яша. — Там у них и рук то по сути нет... какие уж тут следы.

— Досадно, — бросил Корнилов. — Но, в целом, картина и так ясна. Нужно искать человека, близкого к расследованию уголовных дел и как-то связанного с юстицией, в добавок, с отличными навыками фехтовальщика.

— Выходит, что так, — пожал плечами Яша.

В отделение МУРа Стас возвращался в глубоком раздумье. Он вспоминал место убийства, прокручивал в голове все детали, которые сохранил в своей памяти, и рассуждал.

Это человек, который явно влюблен в Людмилу, влюблен до фанатизма. И он уверен, что его любовь убил Гольшанский. Именно поэтому он пришел в такую ярость, когда узнал, что кто-то хочет его освободить.

А также этот молодец отлично управляет с саблей, значит увлекается холодным оружием и, вероятно, состоит в каком-нибудь фехтовальном клубе.

Когда Корнилов подошел кабинету особой оперативно-следственной группы, он остановился на мгновение. Прислушался. Из кабинета не доносилось ни звука. Во всем здании, на этаже, в коридоре вокруг ходили люди, звучали голоса, звонки мобильных телефонов, скрип обуви, стук дверей, щелканье кнопок компьютерной клавиатуры. А из кабинета оперативно-следственной группы не доносилось ни единого звука. Стас коснулся было рукояти своего Кольта «Питон» в кобуре на поясе, но затем передумал и открыл дверь.

Все находившиеся внутри посмотрели на него. А Стасу потребовалась пара секунд, чтобы справиться с изумлением.

В просторном кабинете находились четверо, вернее, сразу пятеро.

Коля Домбровский и Сеня Арцеулов. Оба были вооружены, и оба целились в парня лет двадцати трёх-двадцати четырёх.

Он был одет в джинсы и джинсовую куртку с овчиной на вороте. Под расстегнутой курткой белел простой джемпер с черной надписью. У него было довольно смазливое лицо с правильными чертами, модная прическа и уверенный взгляд золотисто-карих глаз. Стас подумал, что этому парню впору сниматься в каких-нибудь сериалах для тинейджеров. Он бы очень быстро стал кумиром многих молоденьких девушек. К тому же он выглядит бравым и воинственным, целясь из пистолета в Сеню.

Также в кабинете находился щуплого вида седой мужчина с растрепанными волосами и в довольно помятом костюме цвета пепельного хаки. У мужчины было окровавленное лицо и откровенно перепуганный вид. У ног юноши в куртке почему-то сидел рыжий щенок и приветливо помахивал хвостиком.

— И какого чёрта здесь происходит? — оглядев помещение, спросил Стас.

Первым рассказывал Сеня.

— Я захожу в наш кабинет, а тут такая хрень!.. — Арцеулов выразительно развел своими мускулистыми руками. — Щенок визжит, а вот этот сопляк мутузит этого пассажира. Я ему говорю: «Ты кто такой? Покажи свои руки!» А он мне: «Спокойно, типа, я свой!». Ага, свой! Как же! Я его впервые в жизни вижу, вообще! И говорю ему: «Документы покажи!» А он мне: «Сначала ты». Нет, ну не наглость, Стас?! Конечно, я ох**ел просто!..

— И наставил на него, — Стас кивнул на юношу, — свой дробовик?

— Ну-у... да, — пробасил бородач. — Ну а че он быкует! А! Будет меня ещё какой-то прыщ тут строить! Вообще, берега попутал!

Возмущению Сени не было предела. Кажется, норовистое поведение неизвестного юноши серьёзно разозлило капитана Арцеулова.

— Теперь ты, Коля, — сказал Стас.

— Со мной все просто, — пожал плечами Домбровский. — Я пришел, увидел, что эти двое целятся друг в друга, и, конечно, я поддержал Сеню. Этот тип-то, — Коля пренебрежительно кивнул в сторону улыбающегося юноши с щенком, — нам так и не представился. Упёрся и всё. Только твердит, что мы теперь вместе работать будем...

— Да х*р там! — агрессивно воскликнул Арсений. — Я с этим наглым прыщом служить не буду...

— Видимо, придется, Сень, — усмехнувшись, ответил Стас.

Он подошел к юноше, затем развернулся к своим операм и картинным жестом указал на юношу.

— Господа, — с саркастической шутливостью объявил Стас, — позвольте представить вам старшего лейтенанта Долматова-Коршунова Бронислава. Он теперь будет работать с нами.

Коля и Сеня оба изменились в лице. И, судя по взглядам, очень надеялись, что Стас пошутил.

— Кстати, можно просто Брон, — произнес Долматов-Коршунов.

— А, да, — словно что-то вспомнив, произнес Корнилов. — Спешу вам также сообщить, что старший лейтенант Долматов-Коршунов является женихом небезызвестной вам Ольги Датской.

Домбровский и Арцеулов уставились на Корнилова, затем перевели мрачные, угрожающие взгляды на Долматова-Коршунова. А тот в свою очередь изучающе, с удивлением посмотрел на Стаса.

Стас пожал плечами, глядя на юношу.

— Ну ты же не думал, что я не проверю того, кто будет работать в моей группе?

Он похлопал парня по плечу.

— Вливайся, парень.

Стас не скрывал своей язвительности, потому что, когда сам узнал, что у него в группе будет служить будущий муж Ольги Датской и зять Максима Датского, он пребывал в ярости.

Казалось, вездесущность и подлость семейства Датских просто не знает границ! Мало того, что они пытались засадить за решетку его, мало того, что они посмели тронуть Нику, теперь эти ушлепки ещё и умудрились подсунуть ему своего выкормыша. Корнилов не собирался терпеть Долматова-Коршунова в своей группе. Но и выдворить не мог. А посему решил поступить просто — сделать так, чтобы парнишка сам свалил.

Корнилов сел за свой стол. Коля и Сеня ещё стояли.

— Ты, рассказывай, — сказал Стас Брону и кивнул на избитого мужчину в костюме цвета хаки. — Кто этот человек? Зачем ты его приволок сюда? И что здесь делает собака?

— Собаку оставить не с кем было, — вздохнул Бронислав и кивнул на побитого мужчину. — А задержанный может рассказать вам кое-что интересное.

— Например? — с иронией спросил Стас.

Коля и Сеня, оба сложив руки на груди, молча неприязненно глядели на старшего лейтенанта.

— Например, — Довлатов кивнул на задержанного, — он знает, что во время последних эпизодов с убийствами Портного Сильвестр Гольшанский был в другой стране.

Стас впился испытующим взглядом в Бронислава, затем медленно перевел сияющий взор серебряных глаз на мужчину с разбитым лицом.

— Это правда? — спросил он.

Тот нервно сглотнул и обреченным голосом произнес:

— Да... Но я пытался объяснить вашему... коллеге, что не могу дать официальных показаний.

— Почему же? — мягко спросил Стас.

Задержанный в ответ лишь фыркнул.

— Да вы представляете, кто такой Сильвестр Гольшанский? Вы знаете, что он со мной сделает, если я начну болтать?

— Тебе бы сейчас стоило больше беспокоиться, что мы можем с тобой сделать, — с мрачным намеком, чуть наклонившись к мужчине в костюме, произнес Бронислав.

— Довлатов! — голос Стаса громыхнул тихим выстрелом.

Парень посмотрел на него.

— Мы здесь не используем шантаж и угрозы, чтобы выбивать показания.

Коля и Сеня переглянулись.

— Кроме уникальных случаев, — добавил Стас. — И это не он.

— Понял, — пожал плечами Бронислав. — Виноват, товарищ подполковник.

— А вы, — сказал Стас мужчине с разбитым лицом, — представьтесь и рассказывайте.

Тот в ответ лишь страдальчески вздохнул и с поникшими плечами начал рассказывать. Он представился Лаврентием Титовым и назвал себя старым партнёром Гольшанского.

— ...Ну, правда, партнёрами мы были ровно до тех пор, пока я был ему нужен, — невесело усмехнулся Титов.

— В какой области вы сотрудничали? — спросил Стас.

Титов опустил голову, сокрушенно покачал ею.

— Четыре года назад я был исполнительным директором одной из крупнейших консалтинговых компаний в Аргентине.

— В Аргентине? — удивился Стас. — Далековато вы забрались от родины.

Лаврентий в ответ пожал плечами.

— Там были более чем благоприятные условия для работы... Да и сейчас во многом почва для стартапа куда комфортнее, нежели в России.

— Начинается, — проворчал за спиной Лаврентия Сеня, который всегда отличался ревностным патриотизмом.

Арцеулов терпеть не мог, когда кто-то начинал негативно или пренебрежительно отзываться о его родине.

— Понятно, — кивнул Стас. — Дальше.

— Дальше, — продолжил Титов, — к нам обратилась одна из дочерних компаний МосИнвест банка — «Argstrong». Они собирались начать стройку возле Росарио в районе Санта-Фе... Но когда всё уже было оговорено и подписаны многочисленные контракты с поставщиками, получены все государственные разрешения, выяснилось, что на территорию Санта-Фе претендует другая компания — производитель консервированных овощей «Елизар».

— Елизар? — переспросил Стас и обменялся взглядами с Колей и Сеней.

Те тоже задумались о любопытном названии овощной компании.

— Да, — кивнул Титов.

— Кто был владельцем этой компании?

— Елизар?

— Да.

— Георгий Елизаров, — пожал плечами Лаврентий. — Кстати, если вам это чем-то поможет, то... Людмила Елизарова, ну эта девушка... которую Сильвестр убил... Она дочь Георгия Елизарова.

Домбровский и Арцеулов переглянулись и снова уставились на Стаса. У обоих на лицах было обеспокоенное удивление.

— Становится интереснее, — прокашлялся Стас.

Бронислав, поглаживая рыжего щенка сеттера, молча, с внимательным взглядом слушал Титова.

— В общем, тогда разгорелся нешуточный скандал из-за земли в Санта-Фе, — продолжил Лаврентий Титов, посыпались иски с обеих сторон, почти год длился весь это процесс, пока, наконец, «Argstrong» не выиграла, полностью разорив компанию «Елизар». Производитель овощных консервов был вынужден выплатить многомиллионные компенсации государству, «Argstrong» и нескольким поставщикам строительной компании. Из-за этого «Елизар» не сумела расплатиться с долгами по кредитам, и через полтора месяца руководство «Елизара» вынуждено было объявить о банкротстве и о прекращении деятельности компании... Сегодня, насколько я знаю, Георгий Елизаров владеет парой супермаркетов в своем родном городе и является региональным бизнесменом... среднего уровня...

Последние слова Титов произнес с насмешливым пренебрежением. Хотя сам, судя по его виду, вряд ли ведет какое-то прибыльное дело.

В кабинете особой оперативно-следственной группы несколько мгновений стояла почти идеальная тишина. Домбровский и Арцеулов смотрели то на Стаса, то на Титова. Стас обдумывал услышанную информацию, а Брон играл со своим щенком.

— Когда это всё это происходило? — спросил Стас.

— Чуть более четырёх лет назад, — пожал плечами Титов.

Корнилов кивнул.

— Если так, — подал голос Арцеулов, — Сильвестр никак не мог убивать детей в это время?

Сеня неуверенно оглянулся на Колю, затем посмотрел на Стаса.

— Так ведь?

— Блестящее умозаключение, — со смешком заметил Бронислав.

Сеня было ринулся к нему, но Домбровский удержал его за плечо.

— Остынь, — шепнул он. — Нашел с кем связываться.

— Титов, а почему Гольшанский не желает, чтобы вы распространялись о конфликте между этими двумя компаниями?

Тут Лаврентий опустил взгляд, затем снова боязливо взглянул на Стаса.

— Понимаете... Так вышло, что... В общем, наша компания до этого оказывала консалтинговые услуги «Елизару». Это мы предложили им территорию Санта-Фе и заверили, что приобретение этой земли выгодно скажется на их бизнесе...

Он вздохнул, пожал плечами.

— Но они слишком долго думали, в итоге появился «Argstrong» и Гольшанский в отличие от Елизарова проявил куда большую решительность. А когда начались судебные разбирательства между двумя компаниями, Гольшанский... Он...

Титов замешкался. Было видно, что он не желает говорить об этом.

— В общем Гольшанский надавил на нас... и мы выдали несколько документов с конфиденциальной информацией о «Елизаре». Собственно, именно это помогло строительной «дочке» МосИнвеста выиграть разбирательство и обанкротить «Елизара» и... в общем, потом местные журналюги раскопали про это, а «Argstrong» открестились от нас. Гольшанский заявил, что ничего об этом не знает...

Титов со скорбью вздохнул.

— Нас просто сожрали... Никто не хотел иметь дела с нашей компанией... Мы разорились... А Сильвестр пригрозил лично мне и ещё нескольким учредителям, чтобы мы держали рот на замке... Ну, в общем, вот так.

— Знаете, — подал голос во вновь наступившей тишине Сеня, — Даже если Сильвестр Гольшанский не Портной, он все равно редкой породы говнюк.

— Ещё какой! — фыркнув, пробормотал Титов.

— Всё более любопытная картина вырисовывается, — вздохнул Стас.

Титов оглянулся, настороженно посмотрел на всех присутствующих.

— Я могу идти?

Бронислав взглянул на Стаса. Корнилов кивнул.

— Вы свободны.

Долматов-Коршунов удивленно приподнял брови, но ничего не сказал.

Когда Титов вышел за дверь, Стас произнес:

— Коля, поищи информацию о компаниях «Елизар» и «Argstrong», мне нужны документированные доказательства судебного разбирательства между ними. И крайне желательно найти свидетелей того, что Гольшанский четыре года назад, около года пребывал в Аргентине. Сеня, ты установи наблюдение за передвижениями Титова и поставь прослушку на его телефоны. Мне нужно знать, с кем он контактит, эти люди также могут что-то знать. А ты... — Стас взглянул на Бронислава. — А ты сейчас едешь со мной.

Корнилов опустил взгляд на щенка на руках у Долматова-Коршунова.

— Вы оба, — буркнул он.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 17 января

Даже если не знать, что это за здание и кто здесь обитает, при взгляде на него будет возникать навязчивое и давящее чувство пугающей тревоги.

Огороженное по периметру высокой кирпичной стеной с возвышающимися восьмью

сторожевыми башнями здание тюрьмы одним своим мрачным видом вызывало нервное волнение и усиливающееся чувство опасности. И чем ближе становились стены тюрьмы «Чёрный дельфин», тем сильнее и явственнее ощущались изматывающие, навязчивые ощущения тревоги и опасности.

Стас за время своей службы в УГРО бывал здесь двенадцать раз. И всё равно каждый раз, как впервые, ощущал неуловимое и необъяснимое тревожное чувство. Он украдкой посматривал в сторону Бронислава.

Старший лейтенант Коршунов (Брон попросил называть его только одной фамилией) внешне выглядел спокойным и сдержанным. Стас лишь усмехнулся. Парень вел себя так же, как и он сам, когда впервые приехал сюда. Внешне стремился показать хладнокровное безразличие, а внутри пытался сдержать тревожные метания.

Таково было влияние этого места. И это не удивительно: «Чёрный дельфин» — настоящее сосредоточие всевозможных лицетворений истинного зла, беспощадного, часто безумного и кровожадного. Зло жило в душах и сердцах здешних обитателей, зло насквозь пропитало мрачные стены этой тюрьмы, зло меняло каждого, кто оказывался здесь. Поглощало, вбирало в себя и незаметно отравляло.

Охрану здесь подбирали особенную. Честные, добрые и благородные здесь служить не могли. Не выживали. Сходили с ума, уходили, увольнялись со службы... или стрелялись.

Стас и Брон проехали через центральные ворота, миновали все три уровня ограждения, состоящие из двух рядов проволоки под напряжением и кирпичной стены, и остановились возле входа в здание тюрьмы. Их проводили в комнату для свиданий. Здесь было пусто, из-за стен доносились шаги и голоса сотрудников тюремной охраны.

— Зачем вы взяли меня с собой, товарищ подполковник? — вдруг спросил Бронислав. — Мне показалось, что вам не нравится мое появление в вашей группе.

— Ты даже не представляешь, насколько, — проворчал Стас. — Но оставить тебя с Сеней или Колей я не мог. А чтобы ты один занимался самоуправством, я тоже позволить не могу.

— Самоуправством? — переспросил Бронислав, явно задетый такой оценкой Стаса. — Но, товарищ подполковник, Титов же...

— Дал очень важные сведения, — перебил его Стас. — Всё верно, но ты не имел права тащить его силой в отделение и тем более избивать.

— Он оказывал сопротивление, — проворчал Бронислав. — Бежал от полиции!

— Как ты на него вышел? — спросил Стас, глядя в сторону.

— Исследовал дела Гольшанского...

— Какой молодец, — хмыкнул Стас. — Сам справился? Без помощи будущей невесты и её дяди?

Бронислав раздраженно покачал головой.

— Они тут не при чем.

— Неужели? — с холодной иронией спросил Стас.

— Хорошо, — вдруг произнес Брон. — Ладно... Полковник Датский действительно помог мне... немного... Но, товарищ подполковник, вы зря думаете, что я пришел к вам, чтобы следить для Датского...

— Кто сказал, что я так думаю? — слегка язвительно спросил Стас.

— Иначе с чего вам так не понравилось то, что я буду работать с вами?

— Во-первых, — ответил Корнилов, глядя в зарешеченное окно, — не факт, что ты

будешь здесь работать. Поверь мне, если я захочу тебя вышвырнуть, Датские тебе не помогут. Во-вторых, мне не понравилось твое назначение к нам, потому что люди, которые осуществляют над тобой известного рода протекцию, пытались сфабриковать обвинения против меня и... обидели очень дорого и близкого мне человека.

— А-а... — кивнул Бронислав. — Вы про то, что Максим Датский ударил вашу Веронику Лазовскую? Да?

Стас перевел пристальный взгляд на Бронислава.

— За это твой будущий шуринок уже получил.

Брон криво усмехнулся.

— Оля сказала, что вы сломали ему нос.

— Жаль, что только нос, — холодно проговорил Стас, глядя в глаза Бронислава.

В этот момент открылась тяжелая металлическая дверь, и двое охранников в черно-оливковой униформе ввели облаченного в оранжевую робу Сильвестра Гольшанского. Вид у последнего был угрюмый и недовольный. Шел он нехотя, поглядывая на охранников с плохо скрываемым раздражением.

— Спасибо, офицеры, — сказал Стас охранникам, — Дальше мы сами.

— Начальник тюрьмы просил напомнить, что у вас не более сорока минут, — не слишком уверенно произнес один из офицеров охраны.

— Отлично, — кивнул Стас. — Тогда, если нам не хватит этого времени, в качестве причины неполных сведений и некачественного результата беседы с заключенным я укажу ваши строгие правила. Думаю, в МВД и Минюсте в должной мере оценят ваши непреложные ограничения.

Охранники переглянулись. Их лица выражали обеспокоенную растерянность.

Когда они удалились, Сильвестр нехотя присел на стул на своей стороне комнаты. От Стаса и Бронислава его отделяла стена, которая делила комнату для свиданий на две половины, и прочная решетка.

— Только побыстрее и покороче, — сердито произнес Сильвестр.

— Зависит от вашей искренности, — с толикой угрозы в голосе прохладно произнес Корнилов.

Сильвестр не без удивления взглянул на него. Мало кто отваживается говорить с ним подобным тоном. Даже здесь в тюрьме.

— Я вас слушаю, — проговорил Сильвестр.

— Меня зовут подполковник Корнилов, — представился Стас и показал удостоверение.

— Я о вас слышал, — кивнул Сильвестр, поглядев в документ Стаса.

— У меня есть к вам вопросы, — продолжил Стас, игнорируя вопросительный взгляд Бронислава.

Старшему лейтенанту явно не понравилось, что Стас не представил его, но протестовать он не решился.

— Говорите, — пожал плечами Сильвестр.

— Вы — Сумеречный портной? — в лоб спросил Корнилов.

Сильвестр пару секунд смотрел ему в глаза. Стас ждал.

— Думаю, вы, как офицер УГРО, должны быть хорошо информированы об этом.

— Тем не менее я спрашиваю вас, — настоял Стас.

Сильвестр криво усмехнулся.

— Да. Сумеречный портной — это я.

Стас снова выждал несколько мгновений.

— Помните своих последних жертв, Сильвестр?

— Помню, — глядя в глаза Стасу, ответил Гольшанский. — Фамилий не скажу, а вот имена... Даша, Полина и... Кажется, Алла.

— Алла Горбенко, — кивнул Стас. — Да, всё верно.

— Вы что, господин подполковник, проверяете меня? — нехорошо усмехнулся Сильвестр.

— Да, — ничуть не смутившись, ответил Корнилов.

— Не верите, что я убийца? — глаза Сильвестра блеснули.

— Почему же, — проговорил Стас, не отводя взгляд от глаз Гольшанского. — Охотно верю. Убийца, подонок и моральный урод. И ещё какой... Вот только не тот, который мне нужен.

Лицо Сильвестра оставалось каменным и угрюмым. Взгляд серо-зеленых глаз буровил Стаса.

— Вас, товарищ подполковник, наверное, интересует, почему, когда я увидел вас возле здания суда, никак не показал, что узнал вас? — ухмыляясь, с нескрываемой издевкой проговорил Сильвестр.

Сейчас, глядя в насмехающиеся серо-зеленые глаза Сильвестра Гольшанского, Стас неожиданно почувствовал взбирающуюся по телу ледяную оторопь, щекотную дрожь между лопаток.

— Если хотите убедиться в моей... — Сильвестр гадко усмехнулся, — в моей подлинности, то я могу подробно рассказать, как я убивал их. Хотите? Или... — глаза Гольшанского сверкнули лихорадочным азартом.

— Я могу напомнить вам дату дня рождения вашей прелестной дочурки, господин подполковник.

Стас с маской невозмутимого равнодушия на лице, изучающе глядел на Гольшанского. Бронислав разглядывал Гольшанского пристальным свирепым взглядом. Стас незаметно пнул его ногой под столом. Коршунов обратил взор к Стасу. Корнилов заметил, что Брон в бешенстве. Глаза юноши горели праведным гневом.

— Ещё какие-то вопросы у вас будут, господин подполковник? — елейным голосом поинтересовался Гольшанский.

— Да, — кивнул Стас. — Не могли бы вы, господин Гольшанский, рассказать мне о... судебном разбирательстве, которое происходило четыре года назад в Аргентине между вашей дочерней компанией Argstrong и производителем овощных консервов «Елизар»?

Стас заметил, как на лице Гольшанского дрогнули скулы. Корнилову было интересно, какую стратегию защиты выберет Сильвестр.

— Какое это имеет отношение к делу?! — резко спросил он.

— Такое, что вы в то время почти год, — Стас сделал ударение на последнем слове, — находились в Аргентине.

Гольшанский чуть опустил голову, исподлобья недобрым, угрожающим взглядом обжег Стаса.

— Не представляю, откуда у вас эта информация...

— От исполнительного директора консалтинговой компании, услугами которой вы воспользовались перед тем, как решили купить территорию в Санта-Фе возле Росарио, — усмехнувшись, ответил Стас.

Бронислав с изумлением уставился на Корнилова.

— Судебное разбирательство между моей дочерней компанией и «Елизаром» действительно было, — ответил Сильвестр, глядя в глаза Стасу. — Но прошло оно без моего присутствия. Я вполне мог контролировать ход дела, оставаясь здесь в Москве.

— Неужели? — спросил Стас.

— Да, — рыкнул в ответ Сильвестр.

— Тогда, выходит, бывший исполнительный директор компании «Perfecto» Лаврентий Титов врёт?

— Вероятнее всего, — ровным голосом проговорил Сильвестр.

Он почти идеально владел собой. Почти. Его выдавали только глаза, точнее взгляд. Ненавидящий, испепеляющий и раздраженный взгляд.

— Тогда, наверное, правда и то, что консалтинговая компания «Perfecto» развалилась по вашей вине?

— Отчасти, — осклабился Сильвестр.

— В таком случае, — продолжил Стас, — зачем же Титову давать нам сведения, которые могут вызывать сомнения в вашей причастности к убийствам Портного? Ведь его должно полностью устраивать, что вы попали за решетку. Не так ли?

— Вам лучше спросить у него, — процедил Сильвестр. — Я не знаю, чем он руководствовался.

— Ну разумеется, — ответил Стас. — И последний вопрос.

— Да? — чуть склонив голову к плечу, спросил Сильвестр.

— Из какого материала вы шили платья для жертв?

Сильвестр поджал губы, вздохнул.

— Чего вы добиваетесь, подполковник?

— Просто задаю вопрос. Вам сложно ответить? Вы же хотите, чтобы я думал, что Портной — это вы?

Гольшанский фыркнул, снова едко усмехнулся.

— Это был ситец.

Стас качнул головой.

— Надо же...

— На сегодня, думаю, вопросов достаточно, — вставая со стула, мрачно проговорил Сильвестр.

— Как скажете, — пренебрежительно бросил Стас.

— Охрана! — позвал Сильвестр.

Они вышли из здания и направились к центральным воротам. Бронислав шел молча, чуть опустив голову, хмуря брови, он глядел вниз перед собой. Стас окинул взглядом засыпанные снегом огороженные площадки для выгула заключенных.

— Могу я спросить, зачем? — не выдержав, спросил Бронислав. — Зачем вы рассказали Гольшанскому о Титове? Вы же понимаете, что теперь будет?

— И что же будет? — не глядя на него, спросил Стас.

Бронислав посмотрел на Стаса со смесью возмущения и смятения.

— Как... Как «что»! — прошипел он. — Вы же только что фактически подписали приговор Титову!

— Успокойся, — лениво и небрежно отозвался Стас, продолжая разглядывать

внутренний двор «Черного дельфина». — Ничего я ему не подписывал.

— Но ведь его теперь убьют!

— Во-первых, мы за ним следим, и просто так пристрелить его не выйдет, — возразил Стас. — Во-вторых, ради чего его теперь убивать? Единственное, о чем может сейчас жалеть Сильвестр, это о том, что не убил Титова раньше. А сейчас... Смысл? Если с Титовым что-то случится, мы легко свяжем это с тем, что происходило в Аргентине четыре года назад. И донесем это до всех источников СМИ. Гольшанского и МосИнвест так оболбуют грязью, что их инвестиции вообще больше никому не понадобятся.

— Как у вас всё просто, — проворчал Бронислав. — А если Гольшанский решит провести акцию устрашения? Чтобы другие свидетели того дела молчали в тряпочку?

— Брон, сейчас не девяностые, — хмыкнул Стас. — И потом, такой «акцией устрашения» Гольшанские смогут добиться только обратного эффекта. Который, к слову, их конкуренты легко смогут использовать против них. Мы живем во времена непрекращающихся информационных войн, Коршунов. И сегодня войны ведутся с помощью общественного мнения и системы взглядов, на формирование которых усиленно влияют те или иные силы. Понимаешь?

— Интересно, зачем тогда олигархи стреляют друг в друга периодически, — с мрачной иронией ответил Бронислав.

— Стреляют они друг в друга всё меньше и реже, — возразил Стас. — А вот случаи разборок с огнестрельным оружием между обычными людьми, к сожалению, учащаются.

— Значит, вы уверены, что Титову ничего не грозит? — вздохнул Бронислав.

— Скорее всего, — ответил Стас.

— Скорее всего? — переспросил Коршунов.

— Да. Я не могу ничего знать наверняка.

— Вас как будто радует, что его могут убить.

— Если его попытаются убить, значит мы копаем в нужном направлении.

— А если его все же *убьют*? — с нажимом на последнем слове спросил Бронислав.

— Тогда мы, опять-таки, сделаем все, чтобы СМИ связали это убийство с Гольшанскими и банком МосИнвест, Бронислав. И доказательства мы найдем, уверяю тебя. И Сильвестр, и Елизавета, и Орест — все это отлично понимают. Поэтому уймись. Они не станут рисковать миллиардными контрактами из-за трепли Титова. Им дешевле отбрехаться и обвинить его во лжи, в фальсификации и проплаченной клевете.

Они уже подходили к машине, когда Брон вдруг спросил:

— А вы уверены, что Сильвестр все же не Портной?

— Он хорошо играет роль, — пожал плечами Стас. — Но он не Сумеречный портной. Теперь я в этом уверен.

— Почему?

— Потому что платья жертв Портного были из вискозы, а не из ситца, — ответил Стас. — Садись.

Стас забрался в машину. Бронислав ошарашенно качнул головой и сел рядом с Корниловым. Стас вставил ключ в замок зажигания и вдруг замер, несколько раз втянул носом воздух.

— Что случилось? — спросил Бронислав.

Стас обернулся назад. На заднем сиденье его внедорожника сидел рыжий щенок Викинг и виновато махал хвостиком. А рядом с ним на обшитом кожей сиденье красноречиво

поблескивало влажное пятно.

Бронислав тоже оглянулся, заметил «подарочек» щенка, которого ненадолго оставили в машине, и виновато посмотрел на Стаса.

Корнилов глядел на него каменным, осуждающим лицом.

— Я... — Бронислав прокашлялся. — Я оплачу чистку...

— Не сомневаюсь, — проворчал Стас и, отвернувшись, завел двигатель.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 18 января

Письма содержали в себе неудержимую страсть и яростное желание. Читая строки из писем, написанных Людмиле неизвестным поклонником, Стас физически ощущал его маниакальную одержимость этой девушкой. Тот желал её сильнее, чем измученный жаждой человек в жаркой пустыне грезит о глотке воды. Эта девушка была для Поклонника, как желанный, но недоступный наркотик.

Стас читал уже четвёртое письмо и мог сделать выводы. Первое — Тот-кто-слал-письма следил за Людмилой. Воочию. Иным образом нельзя, просто невозможно объяснить описанные им в письмах подробности её повседневной жизни. Стремясь показать Людмиле, насколько близко он находится, Тот-кто-слал-письма выдал себя.

Второе — он действительно готов убивать ради неё. Она и только она имеет для него значение. Она для него — предмет желания, страсти и даже своеобразного поклонения. И именно на этом его можно взять. Понятно теперь, откуда такая фанатичная жестокость, проявленная в убийстве несостоявшихся адвокатов Гольшанского.

И третье — самое неприятное для Людмилы. Тот-кто-слал-письма явно знает Людмилу давно. Он давно наблюдает за ней. Он очень давно рядом... Иначе бы в письмах он не упоминал о том, какой «юной и невинной она была в школьном наряде» или «как старательно и прилежно она училась в отличие от большинства её нерадивых одноклассниц». В письме даже был большой фрагмент, посвященный школьному балу Людмилы и тому, как она танцевала с тем, кто и мизинца её не достоин.

— Похоже, убитые адвокаты не первые жертвы поклонника Елизаровой, — вдруг проговорил Бронислав Коршунов.

Он сидел за своим столом и читал часть писем. Прошло всего полтора часа, как они вернулись в Москву из Соль-Илецка, где располагалась одна из самых страшных тюрем страны.

К удивлению Стаса Бронислав ни словом не обмолвился о том, что ему нужен отдых. Хотя было очень заметно, что читать письма для Коршунова крайне рутинное, скучное и утомительное занятие.

Арцеулов и Домбровский тем временем усердно «копали» в поисках информации о делах Гольшанского в Аргентине. Если они что-то найдут, можно будет смело утверждать, что Сильвестр Гольшанский нарочно оговорил себя в суде и не является истинным убийцей. Во всяком случае, не убийцей малолетних девочек, которых вешал Портной.

— О чем ты? — спросил Стас, глянув на Коршунова поверх письма, которое читал.

— А вот... — Бронислав прокашлялся. — «Тот урод, который вылил сок в твою сумочку, больше тебя не побеспокоит. В ближайшем будущем он будет занят отрачиванием

новых ног. Никто не смеет оскорблять и порочить тебя, любовь моя! Я не позволю никому, кто сделал тебе больно, остаться безнаказанным!...»

Бронислав пожал плечами.

— Ну и дальше в том же духе.

Стас отвел взгляд, задумался. Слова Бронислава укрепили его уверенность, что таинственного и опасного Поклонника Людмилы следует искать в её прошлом. В частности, среди её одноклассников или среди учителей. Но помимо этого Стаса тяготило ещё одно обстоятельство. Если Сильвестр не Портной, а теперь в этом почти нет сомнений настоящий убийца всё ещё на свободе. А это значит, что Рите и Алине нужно будет вновь на время покинуть город, а лучше и страну... Потому что на этот раз Стас был настолько полон решимости поймать Портного, что готов попросить помощи у Ники в случае непреодолимых трудностей в расследовании. Стас вздохнул. Он понимал, что это будет тяжело: фактически вести два расследования одновременно. Утешало только то, что эти дела отчасти связаны.

Его размышления прервал стук в дверь кабинета. Затем внутрь вошел слегка запыхавшийся Николай Домбровский. Он бросил недружелюбный взгляд на Бронислава. Коршунов в свою очередь приветливо улыбнулся, но Коля уже смотрел на Стаса.

— Пока вас не было, — проговорил он, — Титов встречался с двумя приятелями. С обоими он работал в Аргентине. На контакт с ними я пока не выходил. Но оба явно могут обладать какой-то информацией.

— «Какая-то информация» нас не устраивает, — задумчиво глядя перед собой, ответил Стас. — Мы должны быть уверены, что эти двое могут предоставить не менее убедительные улики того, что Сильвестр Гольшанский четыре года назад пребывал в Аргентине.

— Я распорядился установить слежку и прослушку за этими двумя субъектами, — ответил Домбровский. — Но пока никто из них не связывался с другими участниками тех событий.

— Нужно запросить информацию об этих людях в МИДе, — ответил Стас. — Нас в первую очередь интересует, с кем они вели дела в Аргентине. Так мы можем выйти на тех, кто тогда более тесно работал с Гольшанским. Также нужно собрать информацию о менеджерах и директорах «Argstrong», которые тогда работали или продолжают работать в компании, и постараться склонить их к диалогу. Будет хорошо, если кто-то из них уже успел уволиться, и сейчас работает в других компаниях, не подчиненных Гольшанским.

Стас бросил взгляд на Бронислава.

— Это очень большой кусок работы, Коля. Думаю, тебе понадобится помощь.

Домбровский обернулся на Бронислава, затем снова посмотрел на Стаса.

— Мне мог бы помочь и Сеня.

Стас скривился.

— Мы оба знаем, что Сеня не совсем подходит для терпеливого и продолжительного сбора информации. У него другая стихия, к тому же... для него у меня будет задание иного рода. Но пока пусть для него это будет сюрпризом.

— Стас, — нахмурился Коля. — А зачем нам вообще прилагать столько сил и тратить столько времени, чтобы доказать невиновность Сильвестра Гольшанского? Ты ведь не сомневаешься, что он по какой-то причине себя оговорил? А значит мы уже сейчас сами можем продолжать расследование и ловить Портного.

— До тех пор, пока нас не прихватит за задницу СКР или ГУСБ, — хмыкнул Стас. — Ты забыл, что меня и всех вас отстранили от расследования по делу Портного?

— Стас, это было больше четырёх лет назад! — воскликнул Домбровский.

— Да, но с той поры ничего не поменялось, — вздохнул Корнилов— И если кто и будет вести дело Портного вновь, то это Следственный комитет России.

— Опять СКР, — проворчал Коля. — Тогда они бросили это дело.

— Значит, тем более нужно убедить их начать расследование вновь, — проговорил Стас и посмотрел в глаза Домбровскому. — Если мы не можем сами официально вести следствие, мы можем убедить возобновить его тех, кто вправе это сделать.

— Официально? — переспросил Николай, уловив чуть заметное ударение в словах Стаса на это слово.

— Ты всё правильно понял, — кивнул Стас. — Мы с одной стороны докажем, что убийца на свободе, и добьемся возобновления расследования, а с другой будем продолжать своё. Так будет даже эффективнее.

— Ага... — хмыкнул Коля. — А ты уверен...

Он обернулся на Бронислава.

— Ты уверен, что среди нас нет никого, кто мог бы настучать?

— Уверен, — Стас тоже перевел взгляд на Бронислава. — За вмешательство в расследование максимум, что грозит тебе и Сене — это устный выговор. Мне, возможно, выговор с занесением в личное дело. А кто-то сможет и вовсе забыть о службе в нашем отделе, да и о службе в других подразделениях тоже, включая СКР. Стукачей презирают повсюду, даже в налоговой службе, как это ни странно.

Слова Стаса содержали предостерегающую и чуть насмешливую иронию с прозрачным намеком.

Бронислав в ответ лишь кивнул и пожал плечами.

— Думаете, я побегу стучать своей невесте? Или её дяде?

— Да, — хмыкнул Домбровский. — А разве нет?

— Вы с первых минут решили, что я сюда пришел, чтобы следить за вами, — фыркнув, ответил Бронислав.

— Это вполне ожидаемо, учитывая многие факторы, — проговорил Стас, испытующе глядя на Бронислава.

— Согласен, — глядя в глаза Корнилову, ответил Коршунов. — Но я здесь по другим причинам.

— Да ну? усмехнулся Домбровский. — Не поделишься?

— Вас это не касается и ничем вам не угрожает, — ершисто ответил Коршунов. — В конце концов, вы уже и так наговорили достаточно. Будь я стукачом, мне бы уже было, что рассказать.

— Вот и посмотрим, — пожал плечами Стас, — узнает ли полковник Родион Датский или его племянники что-то, что им знать совсем ни к чему.

Эпизод седьмой

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 18 января

Я шагала быстро, нервно, совершенно не обращая внимания на жуткий гололёд. Температура на улице приблизилась к отметке минус пятнадцать, но у меня по телу распространялось пульсирующее и подрагивающее в венах тепло. Оно было вызвано бушующим во мне волнением. Я целенаправленно и быстро шагала в школу, я стремилась как можно скорее оказаться в классе и увидеть своих одноклассников. Мне позарез нужно было поговорить с Толиком Голубевым и Гришей Локтевым. Потому что я узнала голоса тех парней, что напали на Капитонова возле его дома. И я могла будущей олимпийской медалью поклясться, что Голубев и Локтев были среди тех парней.

— Идиоты, — торопясь к школе, беззлобно, встревоженно приговаривала я. — Совсем рехнулись!.. На учителя напасть! Какими же нужно быть болванами! А если Капитонов узнает, поймет и... что тогда будет?!

Оставив верхнюю одежду в своем шкафчике, я рванула вверх по лестнице. Забежав в класс, я поставила свой рюкзак с чайками на стул у окошка и оглянулась на парней из нашего класса.

Толик, Гриша, Ярослав и Асгат — четверо дружков, стояли возле парты Толика с Гришей. Они о чем-то обеспокоенно перешептывались.

«Понятно, — подумала я ворчливо и нервно, — сначала натворили дел, а теперь боязно стало».

Первым уроком у нас была литература, а потом как раз геометрия.

Я решила подойти к парням сейчас. Заметив мое приближение, они перестали перешептываться. Асгат и Ярослав вернулись на свои места. Локтев и Голубев вместе (потрясающие актеры!) синхронно открыли учебники по литературе и якобы углубились в чтение. Но меня это нелепое притворство, конечно, не обмануло.

— Привет, — я слегка оперлась руками на край парты Локтева и Голубева.

Парни подняли взгляды. Локтев недвусмысленно оглядел меня с ног до головы. Этот кадр не считал нужным скрывать ни мысли, ни желания.

— Привет, Ника, — осторожно проговорил Толик Голубев.

— Давно не виделись, Толь. — мягко, вежливо, но с издевательским намеком ответила я.

Парни переглянулись.

— Вы совсем свихнулись? — тихо поинтересовалась я. — В колонию захотелось? Я посмотрела на Локтева, затем перевела взгляд на Голубева.

— Что? Тебя замучила задетая гордость?

— Лазовская, — опустив взгляд, проговорил Локтев, — мы совсем не понимаем, о чем ты вообще говоришь...

— О том, что вы совершили нападение на учителя по геометрии.

Толик Голубев вздрогнул, поднял на меня взгляд, затем посмотрел на друга и тут же уткнулся в книжку.

— Ника, — явно стараясь совладать с собственным волнением, произнес Гриша Локтев. — Мы даже не знаем, где он живет...

— Гриша, — я наклонилась к нему чуть ниже. — Я узнала твой голос и его тоже.

Я кивнула на Толика. Парни снова переглянулись.

— Что вы вообще там с Логиновой забыли?! — вдруг проворчал Толик Голубев.

— И откуда у твоей подруги пушка? — не выдержал Локтев. — Мы в тот раз чуть не обделались...

— Кстати, да.

— Это всё не имеет значения, — качнула я головой. — Важно, что вы совершили покушение на...

— Да тихо ты! — шикнул на меня Локтев и испуганно глянул за мою спину. — Ни на кого мы не покушались! Поняла? Мы просто это... припугнуть хотели... Ну чтобы он это...

— Не борзел, — обиженно проворчал Толик Голубев. Я с осуждением и печальным сочувствием смотрела на них.

— Ой, Лазовская, давай только без вот этого твоего знаменитого укоряющего взгляда! — развел руками Локтев. — Мы же ничего ему не сделали!

Я хотела было ответить, что они просто ничего не успели сделать, потому что наше с Лерой и Лёвой появление им помешало. Но тут в класс вошла запыхавшаяся Лидия Владиславовна.

Я оглянулась на неё и поспешила к своему месту. Не нужно давать учительнице по литературе шанс лишний раз сорваться на мне. Шилова Лидия Владиславовна (у нас классе, да и во всей школе её звали по бандитской кличке, связанной с её фамилией) относилась к тому числу преподавателей, с которыми у меня были натянутые отношения. Мало того, что Лидия Владиславовна плотно дружила с Кобякиным Павлом Валентиновичем, так она до сих пор не может мне простить неуважительного отношения к русским писателям-классикам. А всё из-за того, что я пару раз негативно высказалась об «Анне Карениной» и «Тихом доне». Я всего лишь высказала свое мнение о романах. Откуда же мне было знать, что это мнение просто обязано было быть исключительно позитивным. А я имела неосторожность крайне нелестно отозваться и об этих книгах, и о других произведениях русской литературы. Плюс ко всему, что вообще сыграло роль масла в огне, я сравнила русскую и французскую классику. Сравнение вышло не в пользу первой.

И что тут начало-ось... За оставшиеся десять минут урока меня заклеямили «польской интервенткой», «русофобкой» и даже припомнили мне поляков в рядах вермахта. Я ещё на свою беду на последнее обвинение ответила упоминанием генерала Власова и печально известных РОНА.

В итоге мне вlepили две двойки (две двойки за один урок, Карл!) в дневник, и жирнющую такую двойку (учительница её несколько раз с остервенением обвела) в журнал.

— Всем добрый день, — привычным властным голосом произнесла Лидия Владиславовна, поставив свою сумку на стол.

— Добрый день, — ленивым и нестройным хором поздоровался наш класс.

Я скосила глаза на пустующее место возле себя.

— «Лера, — мысленно с досадой простонала я. — У нас же сегодня контрольная!...»

Я почти не сомневалась, что моя лучшая подруга об этом забыла и решила сегодня утречком выспаться за счет парочки первых уроков. Отлично. А отдуваться мне придется за нас двоих. Потому что большинство учителей почему-то искренне считают, что я могу

повлиять на Лерку, но просто не хочу. А если не могу, то, по их мнению, нечего и дружить с «троечницей, прогульщицей и совершенно неуправляемой дикаркой».

После звонка Лидия Владиславовна подняла весь класс и заставила всех отвечать на вопросы относительно «Бедной Лизы». Шилова обожала устраивать такие вот летучки, задавая вопросы наугад разным ученикам. В этот раз пятеро учеников нашего класса схлопотали двойки в дневники.

Когда все сели, Лидия Владиславовна с издевательской торжественностью объявила:

— А теперь нас порадует своими широкими познаниями в литературе непревзойденный специалист и опытный литературный критик...

Я закрыла глаза и обреченно опустила голову.

— Лазовская! — со предвкушением произнесла Шилова. — Расскажи-ка нам всем с характере Эраста и его любви к Лизе...

В общем урок литературы прошел не слишком спокойно, но довольно успешно. Хотя могло быть и лучше. Контрольную я написала хорошо, но уверена, что Шило, как обычно, снизит мне оценку. За Леру, в частности. А также за Льва Толстого, за Чехова, за Шолохова и многих других, «попранных» мною писателей.

Следующим уроком у нас была геометрия. И перемена оказалась слишком короткой, чтобы я успела еще раз переговорить с парнями. И убедить больше не делать таких опасных глупостей. Но я не успела.

Порывистой походкой, глядя вперед исподлобья, в класс буквально ворвался Исидор Игоревич. Как только он вошел, я ощутила, как мгновенно усилилась тлеющая в сердце тревога, как чувство опасности медленно, но жестко затянуло узлы на горле, животе и груди. Раскрыв тетрадь по геометрии, я украдкой наблюдала за учителем. Исидор Игоревич сегодня был в черном пиджаке поверх свитера и горчичного цвета брюках, из-под которых чернели зимние ботинки.

Выглядел Капитонов рассеянным и сбитым с толку.

— Добрый день, — гаркнул он. — Зап-писываем п-пожалуйста... В-векторы и координаты.

Капитонов шумно сглотнул. Я с опаской наблюдала за ним. Что с ним? Почему он так заикается? Позади меня раздался шепот и тихое хихиканье. Я обеспокоенно оглянулась. И у меня враз сдавило сердце.

Лаптев и Голубев глядели на учителя с откровенной насмешкой и пренебрежением.

— «Господи, — подумала я, — ну не надо... Пожалуйста, мальчики, я вас очень прошу...»

Я сама не понимала, почему и чего так боюсь. Просто твердо знала, что сегодня и сейчас никому, в особенности Голубеву, который достал Капитонова в прошлый раз, злить учителя не стоит. Я попыталась привлечь их внимание, чтобы попросить уняться. Но эти два дурака теперь подначивали и своих друзей. Ярослава Громыко и Асгата Фахрутдинова. Я встревоженно вздохнула. И заметила, что злорадные, тихие смешки уже звучат по всему классу.

Капитонов тем временем начал рассказывать новый материал. Я слышала, как дрожал его голос, и как часто он стал заикаться.

Хихиканье в классе усиливалось. Многие уже в открытую улыбались. Я чувствовала, что сердце мое забилось чаще. Меня стремительно захлестывала необъяснимая паника. Внутри меня зрело непреодолимое желание сорваться и убежать как можно дальше отсюда. Время

словно замедлилось вокруг меня, звуки исказились. А перед глазами замелькали обрывки чужих воспоминаний. Я помотала головой, пытаюсь отогнать внезапно нахлынувшие видения. Но они ещё больше, ярче, чаще представляли у меня перед глазами. Они сменялись друг за другом, как кадры кинофильма или беспорядочное слайдшоу. Голоса в моей голове смеялись, кричали, ругались, спорили, говорили, пели и рычали. Звуки и обрывки изображений смазывались, сливались воедино.

И вдруг резкий выкрик Капитонова:

— Что смешного я сказал?! Что вы скалитесь, как дебилы! Вам весело?! Весело?

Малолетние неблагодарные куски дерьма! —

Несколько раз моргнув, я ошарашенно взглянула на Капитонова.

Учитель стоял спиной к доске перед всем классом. Из-под съехавших очков таращился безумный взгляд его выпученных глаз. Он тяжело и свирепо дышал через сомкнутые зубы.

— Какого черта вам так весело, детишки! — прорычал Капитонова. — Вы что думаете, я клоун? Думаете, я прихожу сюда каждый, мать его, гребаный день, чтобы вас повеселить?! Да?! Да?! Вы так думаете?!

Никто в классе ему не ответил. Все с ошеломлением молча таращились на разъяренного и явно неадекватного учителя. Тяжело глотая пересохший воздух, я пыталась справиться с охватившим меня шоковым состоянием. Меня слегка лихорадило, я чувствовала испарину у себя на лице. Станный жар теплел в горле и пульсировал в теле, под кожей.

— Нет!!! — вдруг вскричал Капитонов так, что все подскочили. — Нет, мать вашу! Я прихожу сюда, чтобы вложить в бестолковые пустые черепные коробки хоть каплю, хоть крупицу гребаных знаний! Знаний, чёрт возьми! Вы понимаете?! Понимаете?! Нет?!

Капитонов оглядел класс свирепым, лишенным рассудка взглядом и затем метнулся к своей сумке.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — быстро заговорил он. — Сейчас я вам покажу... Сейчас вы всё поймёте... Твари! Бестолковые, ленивые и безмозглые твари!

С этими словами Капитонов выхватил из сумки пистолет и выставил его перед собой.

— Ну?! — рявкнул он. — Кто ещё хочет посмеяться?! Смешно вам?! Смешно, малолетние убудки!.. Да что вы вообще в этой жизни видели! Что вы вообще понимаете! Сидите на шеях у своих родителей, черт-те как учитесь и в школу ходите, как будто всем учителям одолжение делаете!..

Капитонов шумно выдохнул через плотно стиснутые в оскале зубы.

Пистолет подрагивал в его руке. Все в классе, замерев на месте, настороженно глядели на учителя. На побледневших лицах учеников застыли смятение и страх. Кто-то закрывал лицо руками, кто-то отводил взгляд. Я же неотрывно глядела в лицо Капитонова.

Тут он наставил пистолет на Толика Голубева.

— Ты! — прорычал он. — К доске живо!

Голубев поднялся. Бедолагу сотрясала заметная нервная дрожь. Я с сожалением взглянула на него. У Толика буквально подгибались колени, пока он шёл.

— Живее, мать твою! — вскричал Капитонов.

Голубев нервно сглотнул, заторопился вперёд, запнулся обо что-то и едва не упал. Он вышел к доске, не смея взглянуть на учителя. А Капитонов протянул ему кусочек мела и проговорил:

— Сейчас ты будешь решать задачку по геометрии, мальчик.

Исидор Игоревич направил пистолет прямо в лицо Толику.

— И смотри не ошибись.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 18 января

Стас не мог ждать, чтобы проверить свою догадку. Отправив Бронислава и Николая с поставленными им задачами, сам он немедленно направился в дом Гольшанских.

Сегодня его приняли куда холоднее, чем в прошлый раз. Даже Елизавета была с ним крайне холодна и даже раздражительна.

— Зачем вы ездили к Сильвестру? — спросила она, когда Стас вновь вошел в гостиную их дома. — Зачем?! Я думала, вы расследуете убийство его адвокатов и ищете маньяка, который его ненавидит!

— Конечно, — ничуть не смутившись, глядя в требовательные глаза Елизаветы, ответил Стас. — и учитывая, что убийство нанятых вами адвокатов напрямую связано с Людмилой Елизаровой, а Сильвестр, в свою очередь, имеет отношение к ней, вполне логично, что у меня были к нему вопросы.

— Вполне логично, — сухо ответила Елизавета.

Её взгляд не изменился. Стас видел в её глазах беспокойство и недоверие. Елизавета одновременно злилась и боялась.

— Зачем вы здесь сегодня? — спросила она.

— Мне нужно ещё раз обыскать комнату Людмилы, — ответил Корнилов.

— Зачем? — покачала головой Елизавета.

— Мне кажется, что за Людмилой следили.

— Следили? — переспросила Елизавета Гольшанская. — Господин подполковник, у нас отличная система охраны, да и наши люди все профессионалы...

— И всё же у меня есть основания полагать, чтобы за Людмилой была установлена слежка, — вежливо, но твёрдо ответил Стас.

Смерив Корнилова изучающим и явно взволнованным взглядом, Елизавета пожала плечами.

— Пожалуйста, смотрите...

— Благодарю, — сдержанно улыбнулся Корнилов.

Он видел, что Елизавета, как она ни старалась это скрыть, сильно взбудоражена. А это укрепляло подозрения Стаса относительно того, зачем или ради кого Сильвестр себя оговорил. Однако он не имеет права проводить какие-то расследования по делу Портного. Тем более что на данный момент дело официально закрыто. Но в то же время ему ничего не мешает скрытно, втихаря продолжать копать. И Гольшанские это отлично понимают.

Поэтому перед тем, как ехать в Соль-Илецк, Стас убедил Риту взять Алину и на время улететь в словацкую Братиславу, где теперь живёт двоюродная сестра Риты, вышедшая недавно замуж. Возможно, Гольшанские ничего и не предпримут (его-то они точно пока не посмеют трогать), но Стасу спокойнее, когда его семья вне зоны досягаемости его потенциальных врагов.

Корнилов очень надеялся, что нервничающие Гольшанские начнут совершать ошибки. Особенно он возлагал надежды на Елизавету. Бедная женщина сейчас наверняка разрывается в душевных метаниях. С одной стороны, она жаждет вызволить невинного в убийствах

Портного сына, а с другой — категорически не желает, чтобы Стас или кто-то другой искали истинного убийцу. Во всяком случае, в кругу её семьи.

Оказавшись вновь в комнате Людмилы Елизаровой, Стас внимательно оглядел комнату. Прикинул, где и как можно было бы установить слежку. Он посмотрел на огромный шкаф для одежды. Затем с подозрением взглянул на углы комнаты под потолком.

Неизвестный фанатичный поклонник Людмилы наверняка хотел бы видеть, как Людмила переодевается. А чаще всего девушка делала бы это стоя рядом со шкафом. Значит, если в комнате есть камера или камеры, они должны быть направлены именно в сторону шкафа.

Определив приблизительный сектор обзора, Стас начал ощупывать и придирчиво осматривать комнату Людмилы. Почти сорок минут он потратил на бесполезный обыск комнаты, пока, наконец, не заметил одну из мягких игрушек на столе рядом с макинтошем. Это был игрушечный плюшевый щенок хаски. На доброй улыбочивой мордашке песика поблескивали два глаза. И один из них, правый, был ненастоящим.

Взяв игрушку, Стас внимательно осмотрел её глаза. Убедился в собственных подозрениях и без зазрения совести выковырял собаке глаз.

От «глаза» собаки, который оказался миниатюрной камерой с широкоугольным объективом, тянулся тонкий чёрный проводок.

Игрушка оказалась фаршированной проводами, аккумулятором и антенной, использующей для трансляции сеть wi-fi, с которой в доме Гольшанских был полный порядок.

Корнилов тихо выругался. Ему было непонятно, как такая игрушка попала в дом Людмилы. Ведь, если она хранила её прямо на столе, значит, её ей подарил достаточно близкий и дорогой ей человек. Тогда получается, он и есть тайный Поклонник? Тот-кто-шлет-письма?..

— Как же ты это провернул? — тихо и задумчиво проговорил Стас, ощупывая покалеченную игрушку.

— Зачем ты сломал игрушку Люды? — спросил вдруг кто-то чуть писклявым голоском.

Стас оглянулся. Из-за приоткрытой двери на него с интересом смотрела одна из девочек-близняшек, которых он видел в прошлый раз.

Девочка была одета в белую блузочку и стильную клетчатую юбочку, из-под которой выглядывали ножки в темных колготках.

— А-а... — протянул Стас, слегка растерявшись. — Я не ломал, красавица.

Он неуверенно улыбнулся девочке.

— Просто... я нашел неисправность в этой собачке, — проговорил он.

Девочка с наивным любопытством смотрела на него.

— А что за... не-ис-прав-ность? — дочка Ореста Гольшанского сдвинула бровки.

— А-а... эм... Ну-у, видишь ли, тут проблемы... с глазом, — Стас сам не мог понять, почему ему вдруг стало так неловко перед ребенком.

Корнилов почувствовал себя вором и преступником в больших серо-зеленых детских глазах.

— И ты сможешь его починить? — с некоторым подозрением спросила девчушка.

— Да, — кивнул Стас. — Смогу...

Тут Корнилов обратил внимание на куклу в левой руке близняшки, и его пробрал тревожный озноб.

— А можно посмотреть твою куклолку? — вдруг спросил Стас. — Пожалуйста... я верну, обещаю.

Девочка опустила взгляд на куклу, которую прижимала к себе, а затем пожала плечиками.

— Ладно...

Стас присел возле девочки и осторожно принял из её рук куклу.

Кукла была очень милой, с симпатичным личиком и чистыми глазками. У неё были блестящие каштановые волосы, и она была облачена в платье. В зеленое платье с белым горошком. Из вискозы...

— Господи... — выдохнул Стас.

— Её зовут Карина, — сказала девочка, поглядев на Стаса.

Корнилов взглянул на девчущку.

— Красивое имя, — кивнул.

Малышка просияла и довольно улыбнулась.

— Скажи, милая, а такое платье у Карины было всегда?

— Нет, — покачала головой малышка. — Это платье для Карины мне принес дедушкин друг.

— Какой... дедушкин друг? — осторожно спросил Стас.

— Который катал его на машине.

У Стас подпрыгнуло сердце.

— Этого друга звали Нифонт?

— Да, — кивнула девочка. — У него ещё фамилия такая смешная.

Она захихикала.

— Да, — глядя на неё, проговорил Стас. — Действительно смешная.

Откуда-то внезапно донесся тяжелый, басовитый гул. Стас резко выпрямился. Станный звук нарастал, усиливался и приближался.

Корнилов по службе в армии отлично знал этот звук. Так шумит мотор вертолѐта. Стас подошел к окну, отодвинул занавески и посмотрел на улицу.

К домам Гольшанских стремительно приближались два вертолѐта.

Корнилов увидел, как вертолѐты зависли над территорией домов Гольшанских. В следующий миг его взгляд наткнулся на подвешенные снизу к вертолетам стволы тяжелых пулеметов.

— А что это так шумит? — дочка Ореста Гольшанского подошла к Стасу.

Корнилов в одно мгновение развернулся, подхватил девчущку на руки и бросился прочь из комнаты.

В следующий миг снаружи застучали гулкие грохочущие выстрелы. Раздался треск, что-то в доме рухнуло. Зазвенело стекло, послышались крики.

За спиной Стаса лопнуло стекло комнаты, пули изрешетили стены комнаты Людмилы и вспороли кровать.

Девочка на руках Стаса истошно кричала. Её крик тонул в шуме выстрелов. Стас с ребенком на руках сбежал вниз, увидел перепуганную Елизавету.

— У вас есть подвал?!! — заорал он.

— Возле кладовой! — прокричала насмерть перепуганная женщина.

— Быстрее туда! — рывкнул Стас.

Ворвавшиеся в дом пули разбили мебель, вазы, разорвали цветы и выбили щепки из

пола.

Стас и Елизавета подбежали к кладовке. Здесь они увидели перепуганную Клару и Ореста со второй близняшкой на руках.

— Бабушка!.. — вскричал Орест.

— В подвал, немедленно! — вскричала Елизавета.

Стас и все семейство Гольшанских сбежали вниз в подвал дома.

Подвал Гольшанских напоминал помещение супермаркета, только без прилавков и касс.

Елизавета Гольшанская закрыла дверь в подвал. Сверху грохотало. С потолка осыпалась крошка и пыль.

Девочка на руках Ореста тихо плакала. А малышка, которую держал Стас, лишь молча жалась к нему, удерживая в руках куклу в зеленом платье.

Корнилов достал телефон и по горячей линии вызвал подкрепление из росгвардии.

А сверху по-прежнему гремели мощные, гудящие выстрелы. Слышно было, как всё в доме рушится и ломается. Приглушенно звучали голоса людей.

— Ублюдок! — выдохнул Орест, глядя на потолок. — Это всё Аккорд! Сраный ублюдок!

— Орест! — дрожащим голосом воскликнула Клара Гольшанская. — Не при детях!

— Это точно он! — покачал головой Орест, не обращая внимания на замечание жены. — Больше никому!

Стас взглянул на него. Об Аккорде, главе одной из мафиозных группировок, он был отлично наслышан.

— Почему вы думаете, что это Аккорд? Как он может быть связан с вами?

Елизавета с опаской посмотрела на Стаса.

— Он один из самых опасных врагов моего сына, — ответила она холодно и грустно.

— И не удивлюсь, если это он стоит за убийством адвокатов! — воскликнул Орест. — И головы наверняка тоже прислал он! Пас-скуда...

— Орест! — рассерженно вскричала Клара.

Глядя вверх на потолок, Стас поймал себя на том, что успокаивающе ласково поглаживает по голове прижавшуюся к нему девочку.

Стрельба закончилась так же внезапно, как и началась. Просто внезапно всё стихло, и только откуда-то приглушенно звучал слабеющий шум вертолётных двигателей.

Стас и Гольшанские просидели в подвале до тех пор, пока не прибыл отряд спецназа СОБР. Когда Корнилов смог взглянуть на последствия обстрела, открывшаяся картина его заметно впечатлила. Оба жилых дома Гольшанских, как и гараж, были просто изрешечены и беспощадно избиты пулями. Разбиты стекла, крыши домов, стены покрыты глубокими выбоинами и пробоинами. Снег вокруг засыпан отвалившимися кусками стен и мелкой щебенкой бетона. На расчищенных дорожках вокруг дома лежало в лужах крови несколько охранников. Их тела были искромсаны вонзившимися в них пулями.

Присев на снегу, Стас подобрал гильзу от пули калибра 12,7 миллиметров. Покрутив её в руках, он оглянулся на дом, в подвале которого прятался вместе с Гольшанскими.

Орест в это время орал на уцелевших охранников, обвиняя их в случившемся.

— За что я плачу вам деньги?! Где безопасность, которую вы должны обеспечивать?! Я вас спрашиваю!!!

Бойцы СОБРа, удостоверившись, что в них здесь не нуждаются, вскоре уехали.

Корнилов подошел к Елизавете, которая стояла в доме и, прижав руки к груди, с

сожалением рассматривала расстрелянную пулями мебель и засыпанный многочисленными осколками пол.

— Елизавета Марковна, — обратился к ней Стас.

Женщина обернулась на него. Корнилов увидел застывшую в глазах женщины растерянность, а на лице тревогу.

Елизавета явно, как и Стас, была потрясена случившимся. Случившееся сегодня было за гранью её привычного восприятия мира. Потому что такого с ней, наверняка, не случилось даже в лихие девяностые.

— Что вы хотели? — спросила она грудным, подавленным голосом.

— Ваш внук обвинил в случившемся Аккорда, — произнес Стас. — А что вы думаете по этому поводу? Он мог пойти на... такое?

Стас выразительно обвел взглядом изуродованный пулями дом.

Елизавета лишь горько усмехнулась.

— Как видите...

— Значит, вы разделяете мнение внука? Елизавета пожала плечами.

— Мало у кого ещё хватит наглости, так себя вести.

— Вроде бы, Аккорд не был раньше замечен в таких поступках, — ответил Стас. — Да и методы у мафии сейчас другие.

— Аккорд недавно приходил к моему сыну в тюрьму, — отведя взор, сообщила Елизавета. — Сильвестр сказал, что он угрожал ему. Из-за интервью Ореста.

— Я видел это интервью, — кивнул Стас. — По вашему, Аккорда могли так сильно задеть слова Ореста.

— Леон Корф один из самых мстительных людей, которых я знаю, господин подполковник, — тихо фыркнула Елизавета.

Она взглянула в глаза Стаса.

— У меня нет четкой уверенности, что это он... Но просто больше некому! Больше никто из врагов Сильвестра не позволил бы себе вот... такое! Это... Это же совершенно дико! И... Я думала, что такое уже невозможно, особенно в наше время!

Она сорвалась на крик. Голос её задрожал. Пережитый страх давал о себе знать.

Стас вернулся в спальню Людмилы Елизаровой. Выбегая из комнаты с девочкой на руках, он оставил здесь игрушечного щенка с камерой вместо глаза. Забрав его, Стас прошел к своему внедорожнику, стоящему в гараже Гольшанских. К облегчению Стаса, его машина была цела. Чего не скажешь о стоящих рядом спорткарах с эксклюзивным тюнингом.

Бросив игрушку на заднее сиденье, Стас завёл автомобиль и осторожно выехал через открытые ворота.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 18 января

Общее напряжение повисло в застывшем воздухе нашего класса. Большинство моих одноклассников сидели, опустив головы и уткнув взгляды в парты. Многие даже дышали украдкой, боясь привлечь внимание Исидора Игоревича. Страх удушающей хваткой плотно обвил каждого из учеников девятого А. Страх походил на хищного и всегда голодного питона, который беспощадно сдавливал моих одноклассников в своих объятиях, лишая их

даже мысли о сопротивлении. Этот вечно голодный удав, в отличие от всех остальных питонов, умел отравлять своим ядом сердце и рассудок. Он поработал, угнетал и высасывал волю из всех сидящих здесь школьников.

Исключение составляли только я и Лёва Сеницын.

Я, по известным причинам, уже, наверное, просто выработала некий иммунитет против страха и паники в подобных ситуациях. И хотя я тоже отчаянно боялась и нервничала, но мой разум и воля были со мной.

Лёва же, на мой скромный взгляд, был просто слегка социопатом с блестящим интеллектом, но почти полным отсутствием эмоций.

Я не билась в истерике, не давилась тихими слезами, я боялась, сохраняя разум и обдумывая, что можно предпринять. А предпринять что-то было просто необходимо. Я это видела по лицу и поведению Капитонова.

Он убьёт, если ничего не предпринять. И он убьёт тем более, если вмешается полиция. Он начнет с Голубева, затем, наверное, пристрелит Локтева и следом их двух приятелей. Он уже дал понять, что узнал моих одноклассников, которые напали на него в пятницу. И сегодня он пришел мстить. Он пришел убивать.

И самое печальное, что он хочет отомстить не только за нападение в пятницу, он жаждет мести за всё, что ему приходилось терпеть всю его жизнь. За долгое унижение, постоянное одиночество и пренебрежение со стороны окружающего общества. Он слишком долго терпел и копил. И нападение моих одноклассников на него стало последней решающей каплей. Гнев, боль, раздражение и искаженная жажда справедливости вырвались на свободу. Облегчение ему принесет только кровь. Как чужая, так и своя.

Иными словами, Капитонов может перестрелять половину моего класса, а после этого застрелится сам.

Я закрыла глаза, вздохнула.

— Ну! — вдруг снова вскрикнул Капитонов.

Стоящий у доски Голубев вздрогнул, втянул голову в плечи, испуганно обернулся на учителя.

— Ну! — опять рявкнул Капитонов. — Решай задачу, выронок! Давай! Это тебе не на последней парте хихикать! И уж точно...

Тут Капитонов подошел к парню и ткнул ему в лицо пистолетом. Некоторые из девчонок в страхе зажали рты ладонями. Все в классе уставились на Капитонова. А Голубев, содрогаясь от ужаса, смотрел на доску.

— Это куда сложнее, — не обращая внимания на всеобщий ужас, зловеще процедил Капитонов, — чем нападать на меня со своими дружками в полутемном дворе!.. Ну, чего ты замер? Где решение, выронок?! Ты не знаешь, да?! Не знаешь?! Не знаешь?!

Голубев поморщился, отвернулся. Капитонов гадко выругался, вспомнив мать и весь род Голубева. В следующий миг он коротко размахнулся и ударил Толика рукоятью пистолета по голове.

Парень без чувств рухнул на пол. Класс ахнул от ужаса. Кто-то всхлипнул, многие плакали. Всех душил хищный страх.

Капитонов несколько мгновений стоял над бесчувственным телом Голубева. Затем посмотрел на свою руку, в которой был зажат пистолет.

Я отчетливо увидела блеснувшую на рукояти пистолета Капитонова влажную темную кровь. Я опустила взгляд. Мое сердце часто, хлестко билось под грудью. Дыхание застревало

в горле, распирая гортань. Я слышала, как с влажным цоканьем интенсивно бьется кровь на моих висках.

Капитонов вытер пот со лба. Обвел класс безумным взглядом и указал пистолетом на Локтева.

— Теперь ты! Живо к доске! Ну!

Я оглянулась на Гришу. Тот боязливо поднялся и, опустив взор в пол, поплелся к доске. Капитонов целился в него из пистолета. Я посмотрела на часы над доской. До конца урока ещё больше двадцати пяти минут. И пока урок не закончится, никто в школе даже не заподозрит, что у нас тут творится. Лишь, когда другой учитель придет в класс, начнутся вопросы. А до этого времени ни школьная администрация, ни полиция ничего знать не будут. Мы здесь одни. С обозленным и порядком свихнувшимся преподавателем. Почему школьные психологи не работают с учителями при приеме на работу?

Я недовольно вздохнула, перевела взгляд на учительский стол. На нем неряшливой грудой лежали мобильники учеников. Мой тоже был там. Все так боялись Капитонова, что никто даже не посмел соврать, что не взял с собой мобильный. Но это всё равно было бессмысленно. Потому что Исидор забрал у всех сумки и рюкзаки и свалил их в кучу в углу, между доской и столом учителя. А ведь у Сеницына точно не один мобильник. Но если и есть второй, то он точно в его сумке.

Локтев, опустив голову, подошел к преподавателю. Я видела, как вздрагивали плечи парня. Видела, как он боялся.

— Посмотри на меня! — прошипел Капитонов.

Однако Локтев не посмел. Капитонов поднес ствол пистолета к его лицу и, уперев пистолет под подбородок юноши, заставил его поднять голову и взгляд.

— Что? — проговорил с торжествующим злорадством Капитонов. — Страшно тебе, гадёныш малолетний? Думал, тебе и твоему тупице-дружку все с рук сойдёт? Думаешь, можешь делать все, что тебе вздумается, и ничего за это не будет? А?

Локтев не ответил. Только нервно сглотнул. Капитонов пару секунд смотрел ему в глаза. Внезапно он резко выругался, отшатнулся от него, поднял пистолет. Я поднялась из-за стола. Грянул выстрел. Раздались крики.

На глазах у шокированного класса Локтев, крича от боли рухнул на пол. Из его окровавленной ноги на пол хлынула кровь. Капитонов прицелился в него снова.

— Таким бесполезным и безмозглым вырождакам лучше бы вообще не появляться на свет! — проговорил он, влажными глазами глядя на корчащегося от боли паренька.

— Исидор! — обратилась я.

Капитонов и все, кто сидел поблизости, обернулись на меня.

Я стояла возле своей парты, глядя в глаза учителю.

— Сядь, — беззлобно бросил он.

— Они не виноваты, Исидор, — проговорила я.

— Я сказал: сядь! — он навел на меня пистолет. — Не зли меня, девочка!

Я смотрела ему в глаза, не обращая внимания на черный кружок дула пистолета.

— Ты думаешь, тебе станет легче, если убьешь их? — спросила я.

— Заткнись! И сядь! — снова рявкнул Исидор.

— Думаешь, так ты сможешь отомстить за то, что происходило с тобой в детстве, Исидор? — спросила я. — Думаешь, причинив боль нам, ты залечишь свою? Надеешься оправдать таким образом свое бездействие и слабость?

— Ты... Ты... — выдавил Исидор, ошарашенно глядя на меня. — Да что ты можешь обо мне знать, малолетняя идиотка!

Я ответила не сразу.

— Ну хотя бы то... — проговорила я, — как ты всегда существовал в стороне от тех, с кем хотел дружить и общаться.

Лицо Исидора изменилось, дрогнули брови, моргнули глаза.

— Ты стоял в стороне, в тени, издалека наблюдая, как другие дети играют вместе и веселятся, — продолжала я. Ты завидовал им, ненавидел их и злился на себя.

Я говорила это с печальным сочувствием, без обвинительных интонаций. Я старалась, чтобы в моем голосе также осторожно звучало сострадание. Но без проявления жалости. Опасный парадокс состоит в том, что по-настоящему жалкие люди приходят в ярость от проявления жалости к ним.

Ведь они, конечно, не жалкие. Одинокие. Брошенные. Презираемые. Неудачливые... Но только не жалкие.

— Так было всю твою жизнь, Исидор, — продолжала я, по-прежнему глядя в его глаза. — Ты всю жизнь доказывал себе и окружающим, что ты не хуже. Что ты достоин быть среди них... Но каждый раз тебя отвергали.

Я чувствовала, что иду по тонкому льду или по лезвию ножа, образно говоря. Но иногда путь к душе человека и дорога к сердцу проложены по хрупкому льду, под которым бездна. И сегодня, здесь, сейчас это был именно такой случай. И я шла — осторожно, неторопливо, уверенно.

— Тебя нередко избивали, верно? — спросила я и сделала шаг вперед.

Пистолет подрагивал в руке Капитонова.

— Это было отвратительно, — покачала я головой. — Тебя считали слабым, хотя ты таким никогда не был. Ты продолжал бороться... Ты продолжал добиваться признания. Ты всего лишь хотел быть в компании... Чтобы у тебя были друзья, приятели и, конечно, любимая девушка. Как у всех.

Я вздохнула. Капитонов всхлипнул.

— Ты оставался сильным несмотря на то, как часто тебя отталкивали, пинали и отвергали, — продолжала я.

— Откуда... тебе знать-то... — выдохнул Капитонов. — А? От... откуда?

Я пожала плечами, чуть усмехнулась. По-доброму, тепло и сочувственно.

— Только сильный человек мог оставаться таким же упорным и старательным, как ты.

Я подошла ближе. Теперь между нами было всего два-три шага. Я видела подрагивающий блеск в его глазах. Видела скопившиеся в душе Капитонова боль, стыд и страх.

— Единственный раз, — продолжала я, — когда ты чуть не оступился, произошел из-за того, что тебе отказали в выдаче диплома. Ты помнишь? Помнишь этот день?

— Ты... — выдохнул Исидор. — Ты... откуда... к-как... Но...

— В ту ночь ты много думал, — продолжала я, — ты не смог справиться с этим и решил покончить с жизнью. Помнишь ту ночь, Исидор?

Пистолет выпал из руки вздрогнувшего Исидора и с тяжелым металлическим стуком ударился об пол.

— Я... но... к-как... — на растерянном лице Капитонова отразилось шокированное непонимание.

Его рот приоткрылся, а брови выгнулись вверх, губы задрожали. Всё это придало его лицу скорбное, страдальческое выражение.

— Я тебя... помню... — всхлипнул он, глядя на меня.

Я оторопела. Перед глазами промелькнуло то воспоминание, та ночь из жизни Капитонова, когда он чуть было не сделал роковой безвозвратный шаг. Я вспомнила тот миг, когда Капитонов увидел меня и закричал... Но... Но это же было его воспоминание. Я же не могла... быть там.

— Я тебя... помню! — ошарашенно громко прошептал Исидор, потрясенно таращась на меня. — Я тебя помню! Ты... Ты была там! Ты была... там... на крыше... Когда... когда я...

Он нервно сглотнул, пожирая меня глазами. Я, в свою очередь сбита с толку, глядела на него. У меня не укладывалось в голове то, что он мне сказал. Он не мог меня помнить! Не мог... и не мог увидеть. Но увидел... Что всё это значит? Капитонов судорожно втянул воздух, шагнул назад, глядя на меня с нескрываемым ужасом.

Я, подчиняясь какому-то страшному наитию, наоборот подошла к нему. И молча взяла его за руку. Он не сопротивлялся. Мои глаза застлала вспышка света, я начала падать, но чьи-то крепкие руки удержали меня от падения.

... Я стояла посреди дремучего леса. Меня окружали голые, лишенные листвы деревья с корявыми ветками. Вокруг плыли густые облака тумана, а сверху глядела немая ночь.

Я, затаив дыхание, огляделась. Со всех сторон меня окружали сухорукие и криволапые деревья с когтистыми ветками. Слыша свое гулкое сердцебиение, я осторожно прошла вперед. В рассеивающемся густом тумане я увидела темную безжизненную землю без единого зеленого стебелька травы. Я не понимала, где я. Куда мне идти? Что делать? Я в смятении вертела головой по сторонам, пока не услышала тихий, приглушенный, сдавленный плач. Он с трудом просачивался через плотную дымчатую завесу тумана.

Помешкав, я ринулась на звук. Деревья преграждали мне путь и тянули ко мне свои кривые лапы-ветки с длинными «когтями». Они цеплялись за мои волосы, за одежду, норовили впиться в лицо и выцарапать глаза.

От тумана моя одежда промокла, напиталась влагой. Я почувствовала холод и охватывающую тело дрожь. Звук плача крепчал, приближался. Это плакал мужчина. Я слышала это по голосу. Это плакал Исидор.

Туман рассеивался передо мной, пока впереди вдруг не показался Исидор. Он стоял на коленях, комкал руками черствую почву и сотрясался от тихих рыданий.

— Я потерялся... я... я заблудился, — твердил он, качая головой. — Я потерялся... Я... я не знаю, куда мне идти.

Я нервно сглотнула, приблизилась к нему.

— Исидор, — тихо сказала я.

Он вскочил и порывисто обернулся. С взлохмаченными волосами он уставился на меня через очки, которые съехали набок.

Поправив очки, он нервно сглотнул, присмотрелся ко мне.

— Ты... — проговорил он. — Что ты здесь делаешь? Откуда ты взялась? Откуда... Откуда я помню тебя?..

— Не знаю, — соврала я. — Но зато я смогу вывести тебя отсюда.

— А что это? — Исидор обвел взглядом мрачный, окутанный туманом, зланный лес с голыми деревьями. — Где мы?

— Это твои страхи, твоя боль и твое вечное одиночество, — сама того не ожидая, вдруг

ответила я.

Я не могла объяснить, откуда знаю это. Просто внезапно озарение и осознание этого факта вдруг снизошло на меня. Я подошла к Исидору.

— Я могу вывести тебя отсюда, пока ты не наделал страшных вещей, о которых будешь жалеть, — сказала я и протянула ему руку.

И я знала, что смогу его вывести. Просто была уверена в этом. Просто знала. И знала что должна ему помочь.

Исидор снова поправил очки, боязливо коснулся моей руки.

— Ты правда... сможешь мне выбратья?

— Да, — я улыбнулась ему, глядя на него снизу вверх. — Я помогу. Идём...

Я легко потянула его за руку. Он сделал неуверенный шаг. Затем ещё один. И ещё. Я повела его за собой. Мы шли недолго. Может быть, полчаса. Я не могла сказать точно. Течение времени здесь явно ощущалось иначе.

Исидор крепко, отчаянно сжимал мою руку. Я не оглядывалась на него. Я просто шла по тропе, которую выбрала по наитию. Я знала, куда идти. И знала, куда должна вывести заблудившегося Исидора.

Туман вокруг начал рассеиваться. Затем я почувствовала ветер... и запахи. Вкус аромата травы, цветов, деревьев. Через завесу тумана прорвалось пение птиц и рассеянные лучи солнца. Через несколько мгновений в ставших прозрачными клубках тумана уже просматривались силуэты растущих вдалеке деревьев. А через несколько шагов мы обнаружили, что стоим перед широко раскинувшейся зеленой долиной.

Открывшийся нам пейзаж зачаровывал своей живописностью. Заросшие цветами и травой холмы, переливчатая речка, лес, утреннее солнце над горизонтом. Теплый ветер с травянисто-цветочным привкусом и шелест листвы.

— Что это за место? — спросил стоявший рядом Исидор.

Я улыбнулась, глядя на полумистический, невероятно идеальный ландшафт.

— Гармония, умиротворение и твое душевное равновесие — ответила я и оглянулась на него. — То, что ты так долго искал всю свою жизнь, Исидор. То, чего тебе не хватало, чтобы жить и радоваться жизни. То, без чего ты бесконечно долго метался от одного стремления к другому.

— Я хотел... — он подавился, поперхнулся.

— Тепла, любви, дружбы и заботы, — проговорила я мягко. — Я знаю, Исидор. Всё это появится у тебя, когда ты перестанешь доказывать самому себе, что и так знаешь.

— Что?.. — растерянно спросил Исидор.

— Что ты достоин и человеческого тепла, и заботы, и дружбы и даже любви, — ответила я.

Он шумно сглотнул. С надеждой посмотрел на олицетворение его Гармонии.

— И что... я всё это найду здесь?

— Нет, но это позволит тебе обрести всё, что ты так долго искал.

Он взглянул на меня. Взволнованно моргнул и прошептал с надеждой, наивно, по-детски:

— Обещаешь?

— Обещаю, — кивнула я.

Он крепче сжал мою руку, и мы сделали шаг...

— ... Ника, Ника ты меня слышишь? Эй! Очнись уже, пожалуйста! Я тебя прошу!..

— Лёва, — поморщилась я. — Перестань меня трясти.

— Прости, — Синицын помог мне подняться. — Просто я беспокоился о тебе.

Тяжело дыша, я оперлась руками о парту и огляделась.

Класс был пуст. На партах красноречиво лежали оставленные ручки, раскрытые тетради, учебники и линейки.

— А где все? — спросила я Лёву.

— Я их выгнал, — усмехнулся Синицын.

— Выгнал? — переспросила я растерянно. — А-а... А где Капитонов?

Но прежде, чем Лёва успел ответить, за моей спиной раздалось протяжное всхлипывание. Я резко обернулась. Между учительским столом и школьной доской, на полу, поджав колени, среди разбросанных рюкзаков сидел Исидор Игоревич.

Я убрала с лица прядь волос и, подойдя к Капитонову, осторожно присела рядом с ним.

— Исидор Игоревич, — обратилась я чуть боязливо.

Он взглянул на меня. И взгляд его был странно безмятежен и спокоен. Хотя глаза и ресницы ещё подрагивали.

— Как ты могла быть... в моем прошлом? — спросил он. — Ты... Это ведь ты тогда спасла мне жизнь... Ты... если бы не твой крик... Я бы... Но как же... Я не понимаю...

— Не знаю, — честно ответила я и тут же спросила. — Исидор Игоревич, мне нужны вас кое, о чем спросить.

Он лишь пожал плечами. Я расценила это как согласие.

— Что вы знаете о приюте «Зелёная колыбель»?

Он поднял меня взгляд и вдруг печально, бессильно улыбнулся.

— Это не приют...

— Простите? — переспросила я. — Но...

— Это, — хмыкнул Капитонов, — одно из самых мерзких и отвратительных мест, которые я когда-либо видел.

Я нервно сглотнула, подобралась ближе, взволновано глядя в лицо Капитонову.

— Почему?

Он покачал головой.

— Ты не представляешь... что они там делают... с этими детьми!

Он перевёл взгляд на меня.

— Расскажите, — попросила я. — Пожалуйста...

— Зачем? — тихо спросил он.

— Я хочу помочь эти девочкам.

Но Капитонов покачал головой.

— Ты не можешь им помочь.

— Почему?

— Они их собственность.

— Чья собственность?! — встревоженно спросила я. — Вы о чем?! Администрация приюта считает эти детей своей собственностью?

— Нет, — качнул головой Капитонов, — так считают гости этого места...

— Гости? — переспросила я. — Исидор Игоревич? Какие гости? Что они там делают? Что они делают с детьми?

— Я не могу тебе рассказать, — прошептал Капитонов.

— Что?.. — не поняла я. — Почему? Почему не можете?

— Я... Я очень хочу это забыть, — с отчаянием страстно проговорил, глядя мне в глаза Исидор.

СИЛЬВЕСТР ГОЛЬШАНСКИЙ

Вторник, 19 января

Его спокойное чтение прервал поднявшийся в тюрьме гвалт. Заключенные в соседних камерах орали, стучали по решеткам и топали ногами.

— А ну заткнулись все! — рявкнул один из надсмотрщиков. — Захлопнули пасти! Или я заставлю вас жрать собственную обувь!

Заключенные слегка поутихли. Надзиратели «Чёрного дельфина» слыли скорыми на жестокую расправу.

Сильвестр, лёжа на своей койке, снял очки, отложил книжку и прислушался.

Когда заключенные в камерах немного притихли, Гольшанский сумел различить звук шагов. Судя по звукам вдоль камер неторопливо шли по меньшей мере два или три человека. Сильвестр сел на своей койке и взглянул в ожидании на решетку. Шаги приближались. Гольшанский почему-то не сомневался, что люди, которые сейчас двигаются вдоль коридоров, направляются к нему.

С решеткой его камеры поравнялись трое мужчин. Двое из них были в форменных, оливковых рубашках с шевронами и черных брюках. А третий между ними, здоровяк под два метра, был облачен в такую же тюремную оранжевую робу, что и Сильвестр.

— ЗК Кошкин, лицом к стене! — скомандовал один из надзирателей. —

— Принимай соседа, Гольшанский, — с насмешкой добавил второй охранник.

Сильвестр недоуменно приподнял брови. Вроде бы он четко условился с начальником тюрьмы, что сидеть он будет один, но в двухместной камере (с куда большим простором, чем в одиночной).

— Ребята, — нехорошо усмехнулся Сильвестр, — вы уверены, что не ошибаетесь?

— Уверенны, Сильвестр, уверены, — хмыкнул второй охранник. — Начальник велел передать, что условия изменились.

— Ах вот оно что, — глядя в глаза надзирателю проговорил Сильвестр.

Но тот ни капли не смутился и не отвёл взгляд, как бывало раньше. Гольшанский почувствовал нарастающий гнев. Но вынужден был сдерживать эмоции. Всё-таки здесь он заключенный, и хотя начальник тюрьмы опасался его семьи, злоупотреблять своим положением Сильвестру не стоило. И он это отлично понимал.

Решетчатая дверь камеры отворилась

— Пошёл! — скомандовал стоявший за спиной у здоровяка надзиратель. — Давай, горилла, заходи и привыкай!

Сильвестр посмотрел на своего нового соседа. Тот был высок и мускулист. У него была широкая грудь, но при этом из-под робы слегка выпирал живот. У заключенного Кошкина была бритая голова и густая рыжевато-голубого цвета борода. Такого же цвета брови и серо-голубые глаза с пристальным взглядом. На бугристой бычьей шее здоровяка Гольшанский заметил разъяренного вепря с могучими бивнями.

— Ну что, папаша? — громыхнул басом Кошкин. — Будем вместе срок тянуть?

Гольшанский едва не поперхнулся от «папаша». Он ничего не ответил своему новому

соседу. Надев очки обратно, Сильвестр взял книжку и снова улегся на койку, демонстративно не замечая Кошкина.

Но тот не отчаивался.

— Давно тут сидишь? — спросил он. — По какой статье?

— За убийство, — не отрывая взгляда от книжки, проговорил Гольшанский.

— Да ну? — ухмыльнулся Кошкин. — Я тоже.

Сильвестр взглянул на здоровяка. Тот ощерился в довольной улыбке. Вид у этого бородатого переростка, по мнению Сильвестра, был конечно бандитский. Вот только на убийцу он не был похож. Сорт не тот.

— Кого ты убивал? — снова глядя в книгу, спросил Гольшанский.

— Да так... — ухмыльнулся Сеня. — Наказал нескольких двуличных с** и вместе с их кобелями.

Сильвестр снова оценивающе взглянул на Кошкина. Тот как раз устраивался на соседней койке возле белой кирпичной стены.

— Резал? — спросил Гольшанский таким голосом, словно речь шла о чем-то повседневном и обыденном.

— Стрелял, — покачал головой Кошкин и посмотрел на Сильвестра. — Мне нравилось отстреливать их из помпового ружья... Ну так, сначала в ногу, затем в руку, потом... там уж по настроению, или в голову, или в грудак...

— Крови будет много, — заметил Сильвестр равнодушным голосом.

— Да-а... — ухмыльнулся Кошкин. — Ещё как.

Сильвестр искоса, украдкой снова посмотрел на своего нового соседа. С одной стороны, тот ему не нравился и вызывал подозрения. С другой... Про свои дела он рассказал с нескрываемым удовольствием.

«Ну посмотрим» — подумал Сильвестр.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 19 января

Генерал Савельев стряхнул пепел с сигареты в пепельницу. Посмотрел на Стаса поверх очков и, опустив взгляд, проворчал:

— Это опасная затея, Стас. Если Гольшанский раскусит нашего Арцеулова... Тот живым из тюрьмы не выйдет.

— Товарищ генерал, — ответил Стас. — Сеня — опытный офицер и мастер работы под прикрытием. Вспомните его дела.

— Я знаю его дела, — кивнул генерал Савельев. — Иначе бы он в твоей группе не служил.

— Вспомните, сколько картелей ФСКН накрыла при его помощи.

— Пока их не расформировали, — проворчал генерал Савельев, который считал новый ГУКН куда менее эффективным, нежели его предшественника.

— Это не отменяет факт высокого профессионализма Арцеулова, — с полуулыбкой проворчал Стас.

— И за что он у нас сел? — хмыкнув, спросил Аспирин.

— За убийство неверных женщин и их любовников, — откашлявшись, ответил Стас.

— Сильвестра это может и не заинтересовать, — вздохнул Аспирин.

Стас выразительно взглянул на него.

— Ну, а что? — развел руками Антон Спиридонович. — Гольшанский-то у нас сидит за детоубийство... Прости Господи.

— Я предлагал Сене похожую статью, — опустив взгляд проговорил Стас.

— И что он? — спросил Аспирин.

— Сеня сказал, что ему легче с башни Лахта-центра спрыгнуть, чем сесть по такой статье. Пусть и понарошку.

— Ишь какой нежный, — проворчал генерал. — Ладно... Но с чего ты взял, что Сильвестру что-то угрожает в тюрьме? Кто его там тронет?

— Товарищ генерал, у меня есть основания полагать, что человек убивший адвокатов Гольшанского, служит или в структуре МВД, или в Минюсте, может быть, даже в Следственном комитете.

— Ты поаккуратней с такими подозрениями, — прочистив горло, ответил генерал. — А то, сам знаешь, сожрут тебя в два счета...

— Я почти уверен, что прав в своих предположениях, — ответил Стас. — Обезглавленные адвокаты Гольшанского были крайне осторожными людьми. Единственным, от кого бы они не ожидали нападения, мог быть лишь человек из органов. К тому же они вполне могли попытаться навести мосты с кем-то из представителей МВД или Следственного комитета для получения информации... А убийца этим воспользовался.

Стас чуть дёрнул плечами.

— К тому же о грядущей кампании по оправданию Гольшанского, кроме адвокатов, могли знать только члены семьи Гольшанских и...

— Кто-то из органов или Минюста, — кивнул Аспирин.

— Вот именно, — вздохнул Стас. — Мне это неприятно, товарищ генерал, но очень вероятно, что убийца — офицер полиции или СКР, или служащий Минюста. Или ещё кто-то из органов...

— И думаешь, он может рискнуть убить Гольшанского? Зачем?

— Он сейчас наверняка нервничает и внимательно следит за действиями Гольшанских, — пояснил Стас. — Скорее всего, во всяком случае, я сильно это подозреваю, он попытается убить Сильвестра прямо в тюрьме. Чтобы тот уж точно не смог выйти и избежать наказания.

— А Арцеулов должен будет его остановить?

— Задержать, — кивнул Стас. — И вряд ли он сам рискнет напасть на Гольшанского. Я думаю, сговорится с кем-то из заключенных в «Чёрном дельфине». Это не так уж сложно.

Генерал Савельев только вздохнул.

— Рискованная это затея, Стас, — покачал он головой, — очень, мать её, рискованная. Сеня может пострадать...

— Сеня справится, — уверенно ответил Корнилов.

— Очень на это надеюсь, — кивнул генерал. — Теперь поговорим о твоих фокусах, Стас.

— Простите, товарищ генерал? — Корнилов с любопытством взглянул на Аспирина. — Какие ещё фокусы?..

— Те, что ты устроил в тюрьме при разговоре с Сильвестром Гольшанским! — повысил голос генерал.

По интонации Антона Спиридоновича и изменившемуся выражению его лица было понятно, что из-за этой поездки в «Чёрный дельфин» возникли какие-то неприятности.

— Гольшанские уже успели пожаловаться, что ты оказывал давление на Сильвестра, — ворчливо проговорил Аспирин.

Стас фыркнул.

— Кто бы сомневался.

— Стас, я понимаю, что ты не веришь в вину Гольшанского, — проговорил генерал Савельев. — Понимаю, что хочешь докопаться до истины и найти настоящего детоубийцу, но... нужно действовать аккуратнее.

— Следственный комитет устроил истерику? — хмыкнул Стас.

— Даже не представляешь, какую, — вздохнул Аспирин. — Они... кхм... очень убедительно попросили, чтобы ты не лез, куда не просят.

Стас промолчал. Он знал, какую реакцию вызовет его беседа с Сильвестром в СКР. Но не знал, что так быстро и такую резкую.

— Короче, — продолжил генерал Савельев, — пока тебе лучше заняться делом по убийству адвокатов Гольшанского.

— Так я этим и занимаюсь, товарищ генерал, — ухмыльнулся Стас.

— Стас, я серьёзно! — с нажимом проговорил генерал. — Не лезь на рожон. Не забывай о полковнике Датском, которого, кстати, медалькой наградили за поимку Монохромного человека и твое спасение.

Стас пренебрежительно хмыкнул.

— Жаль, что ему генерала не дали.

— Сплюнь ты, а! — выкрикнул Савельев. — Соображаешь, что говоришь?!

Аспирин поправил ворот рубашки и продолжил.

— Я понимаю твои устремления и мотивы, Стас, я тебе не запрещаю дальше работать... но неофициально и без шумихи, — генерал Савельев оценивающе взглянул на Корнилова. — Но сейчас, когда за тобой пристально наблюдают раздраженные СКР и любимое тобой ГУСБ, во главе с близнецами Датскими, занимайся *только* расследованием по делу об убийстве адвокатов Гольшанского. Кстати, что у тебя по нему?

Стас коротко, но с необходимыми подробностями пересказал последние события по делу убитых адвокатов и поиску таинственного поклонника исчезнувшей Людмилы Елизаровой.

— Всё это время, — проговорил генерал Савельев, — вплоть до её исчезновения в ту ночь он следил за ней?

— Полагаю, что так, — ответил Стас.

— Скажи честно, — подумав, сказал генерал, — ты веришь, что она жива?

Корнилов встретился взглядом с льдистыми глазами Савельева.

— Я могу только надеяться, — ответил Стас.

— Понятно, — кивнул генерал, — что намерен делать дальше? По *этому* делу?

Стас чуть улыбнулся, отлично услышав, как выразительно генерал выделил «это» дело. Савельев не сомневался, что Стас всё равно продолжит поиск настоящего убийцы маленьких девочек. Не потому что Аспирин был снисходителен к нему или симпатизировал Стасу. Просто генерал Савельев слишком хорошо знал, как чертовски редко ошибается Станислав Корнилов в своих подозрениях.

— Нужно съездить в Муром, — вздохнул Стас.

— Хочешь поискать там новые ниточки? — усмехнулся генерал.

— Хочу покопаться в прошлом Елизаровой.

— Неблагодарная это работа, копаться в чужом прошлом, — покачал головой генерал.

— Зато эффективная и часто дает плоды, — парировал Стас.

— На какие плоды ты надеешься в этот раз?

— Почитатель Людмилы и главный подозреваемый в убийстве адвокатов из её прошлого, значит, тоже из Мурома. Скорее всего, он учился с ней в одной школе или в одном классе. Может быть, они жили в одном дворе, может быть, ходили в одну музыкальную школу или ещё что-то... мне пока трудно предполагать.

— Ясно, — кивнул генерал. — Когда собираешься ехать? Сегодня?

— Сейчас, — пожал плечами Стас. — Как только выйду отсюда.

— Ага... А не хочешь ли ты взять с собой Коршунова?

— Нет, — чуть скривился Стас. — Он будет мне мешать.

— Они с Домбровским не очень ладят.

— Уверен, Коля найдет с ним общий язык.

— Думаешь?

— Из нас всех нас он самый обходительный, — привел аргумент Стас.

— Не потому ли, что из вас всех у него два высших образования? — усмехнулся Аспирин.

— Или потому, что до УГРО он работал в главном управлении экономической безопасности, — хмыкнув, ответил Стас.

— Как там твои девчонки, кстати? — спросил генерал. — Связывался с ними?

— Всё в порядке, товарищ генерал, — заверил его Стас. — Осваивают природу Словакии.

— Было бы что там осваивать, — засмеялся генерал, — страна размером с один московский район.

Стас лишь неопределенно пожал плечами.

Когда он вышел из кабинета Аспирина и спустился вниз на парковку, возле своей машины он увидел двоих. Мужчину и женщину. Мужчина был в чёрной стеганой куртке с капюшоном, в спортивных штанах и кроссовках. Женщина носила белое двубортное пальто с капюшоном и оловянного цвета шапку крупной вязки, из-под которой торчали рыжеватые локоны.

Они о чем-то беседовали и постоянно оглядывались на внедорожник Стаса.

— Добрый день, — Корнилов подошел к ним, — я могу вам чем-то помочь?

Мужчина и женщина прервали разговор, посмотрели на Стаса.

— Вы подполковник Корнилов? — спросил мужчина.

У него было слегка удлинённое лицо с прямым носом, очень тонкими губами и светлыми глазами. Из-под шапки виднелись седые бакенбарды.

— Да, я, — ответил Корнилов.

— Слава Богу! — воскликнула женщина, прижимая руки к груди.

Только сейчас Стас заметил, что у неё заплаканное, покрасневшее лицо, а во взгляде старательно сдерживаемая горькая боль. Она справлялась с болезненными чувствами куда хуже своего мужа. Но того выдавал голос. Пустой, флегматичный, он звучал как будто через силу.

— Мы родители Кати Ореховой.

При звуки имени дочери женщина отвернулась, снова спрятав лицо в ладонях. Стас увидел, как затряслись её плечи.

— Вера, — муж сочувственно положил руку ей на плечо, — пожалуйста... Мы не для этого здесь ждали...

Он снова посмотрел на Стаса. Тот пытался вспомнить, кто такая Катя Орехова.

— Сожалею, но я не имею чести знать вашу дочь, — осторожно ответил Стас.

— Я знаю, — вздохнул мужчина.

Корнилов услышал проскользнувшую в его словах скорбь.

— Мы... нам позвонили из следственного комитета... сказали приехать на опознание...

Оказалась... наша дочь... — мужчина закрыл глаза, потёр лицо ладонями, быстро смахнул слезы с глаз.

Его жена всё ещё тихо рыдала у него за спиной.

— Вы не представляете, что с ней сделали... Изуродовали лицо... отрезали руки... Я... — лицо мужчины скривилось, он нервно сглотнул. — Это кем же надо быть... Чтобы такое...

— Да ты главное расскажи! — обернувшись к нему, истерично воскликнула его жена.

Стас мельком взглянул на неё прежде, чем она опять отвернулась.

— Да, да... — быстро закивал головой муж Веры. — В следственном комитете нам задавали кучу странных вопросов... И сказали, что нашу дочь, по-видимому, пытались выдать за вот эту... как её...

— Людмилу Елизарову! — снова обернувшись, крикнул его жена.

Стас не сдержал удивления. Перед ним были родители той несчастной девушки, чьё изуродованное тело приняли за труп Людмилы Елизаровой.

— Так вы родители той девушки... — проговорил он, скорее для себя.

— Да, — взволнованно громко произнес отец Кати Ореховой, — нам ничего так и не объяснили больше... Мы пытались узнать хоть что-то... Кто ведёт расследование по убийству нашей дочери, и за... за...

Он снова с трудом сглотнул и выдохнул.

— За что её... да ещё так... так жестоко... За что?.. — его глаза с надеждой глядели на Стаса. — За что?.. Она была... такой... хорошей девочкой...

Он судорожно вздохнул, продолжая глядеть Корнилову в глаза.

Стасу часто приходилось видеть такой взгляд. Когда родители похищенного ребенка отчаянно надеются, что он жив. Когда родственники идут на опознание и надеются не увидеть на холодном столе в морге своего близкого человека. И когда раздавленные горем родители и родные убитого или убитой с надеждой в растерянном взгляде пытаются добиться справедливости.

Корнилов не сразу нашелся, что сказать.

— У меня нет для вас слов утешения, — проговорил он, — да и вряд ли они вам сейчас нужны...

— Мы хотели попросить вас заняться расследованием убийства нашей дочери! — вдруг выпалил отец Кати Ореховой.

Его жена обернулась и, спешно вытерев мокрые от слез глаза, уставилась на Корнилова.

Тот пару секунд переводил взгляд с отца на мать. Ему тяжело было выдержать их преисполненный надежды, пристальный и умоляющий взгляд.

Он вздохнул.

— Этим делом наверняка займется Следственный комитет...

— Мы бы хотели, чтобы это были вы, господин подполковник, — произнес Орехов.

— Мы о вас много слышали! — к Стасу приблизилась мать погибшей девушки. — И знаем, что вы один из лучших, если не самый лучший и честный сыщик в нашей стране!

— Боюсь, вы сильно преувеличиваете, — сдержанно ответил Стас. — И потом, убийство вашей дочери наверняка связано с исчезновением Людмилы Елизаровой...

— Значит, нашу дочь убили из-за неё?! — яростно спросил отец Кати.

— Я не знаю, — честно ответил Корнилов.

— А почему не вы занимаетесь расследованием об исчезновении Елизаровой? — допытывался отец Ореховой.

— Потому что я сейчас расследую другое дело, но... — Стас сделал паузу.

Он не мог решиться, стоит ли давать надежду семье Ореховых. И решил, что стоит.

— Я занимаюсь делом, которое в свою очередь может быть связано с исчезновением Елизаровой...

— Да плевать нам на эту Елизарову! — воскликнул отец Кати. — Вы можете найти убийцу нашей девочки или нет?

— Тише, Петя, пожалуйста... не кричи, — жена Петра Орехова успокаивающе положила руку на его плечо.

Тот яростно и громко сопя продолжал пожирать Стаса требовательным взглядом.

Корнилов был терпелив и невозмутим.

— Я не могу вам раскрывать подробности дела, но очень высока вероятность, что убийца вашей дочери связан с исчезновением Елизаровой и тем делом, которое расследую я, — пояснил он убитым горем и разочарованным родителям. — Я постараюсь по мере своих возможностей, выяснить, кто и зачем убил вашу дочь. Но прежде можете мне ответить на пару вопросов?

— Да, да, да! Конечно! — с готовностью закивал головой Орехов.

Его жена лишь всхлипнула и поджала губы, глядя на Стаса.

— Вы и ваша дочь не из Москвы? — спросил Корнилов.

— Нет, мы из Владимира, — ответил Петр Орехов.

— Ваша дочь работала или училась в Москве? — спросил Стас, достав маленький блокнот и ручку, которые всегда были при нём.

— Работала, — кивнула Вера Орехова, — она работала кредитным консультантом...

— В каком банке? — спросил Стас.

Супруги Ореховы застыли, боязливо переглянулись.

— Кажется... — проговорил Пётр Орехов. — Как-то на белл... заканчивалось... или...

— Нобелл... — пожал плечами Вера Орехова, — то ли Парабелл...

Корнилов внимательно посмотрел на них.

— Может быть, ORBEL? — чуть вкрадчиво спросил Корнилов.

— Да! — выпалил Пётр Орехов. — Точно! Точно! ORBEL!

Глядя на оживившихся супругов Ореховых, Стас ощутил тревожный импульс в своем сознании. Внутренний пружинистый толчок, породивший напряженные размышления и догадки. Этаким электризующий пинок, наполнивший кровь волнительным азартом. Корнилов ощутил, что стал на шаг ближе к прояснению в своем расследовании всего того, что произошло с Елизаровой. На один крайне важный шаг.

ORBEL. Стас, изучая дело Гольшанского, встречал это название. Сеть банковских

отделений принадлежит второй бывшей жене Сильвестра Гольшанского Анжелике Орбеловой. Совпадение или нет, что погибшая девушка, которую явно некто пытался выдать за пропавшую Людмилу Елизарову, работала в банке бывшей жены Гольшанского? Может ли Анжелика Орбелова быть как-то замешана в исчезновении Людмилы Елизаровой? А если может, то как?

Заверив Ореховых, что сделает всё возможное для поимки убийцы их дочери, Стас сел за руль и направился в сторону района Ивановское, откуда можно выехать на трассу М7.

Рассуждая над новой информацией, Стас выехал из города. Он подумывал позвонить Коле и Брониславу, но те сейчас заняты другим. Сеня присматривает за Сильвестром и ждет, когда Поклонник Елизаровой попытается того убить. Стас решил связаться с Колей Домбровским завтра. Нужно срочно проработать возможные версии причастности Орбеловой к исчезновению Елизаровой и убийствам адвокатов.

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 19 января

Горячая вода стекала по моей спине, гладила плечи и омывала лицо.

Я уже минут двадцать стояла в кабинке, нежась под душем. Я стремилась не столько смыть пот после пробежки, сколько ночные кошмары. Я выключила воду, открыла душевую кабинку, сняла висящее рядом с дверцей полотенце, и замоталась в него. Подойдя к раковине я взяла с полочки возле зеркала увлажняющий крем и нанесла на лицо. Распределив чуточку прохладный крем на лице, легонько постучала кончиками пальцев под глазами и так же легко помассировала щеки и лоб.

В голове звенели голоса и крики из воспоминаний Исидора Игоревича.

Он так и не сумел рассказать словами, что происходило в приюте «Зелёная колыбель», и что ему довелось увидеть. Зато потом, уже в пустом классе, не считая стоящего за спиной Лёвы Синицына, я сумела увидеть новые воспоминания Исидора. Увиденное оказалось настолько непревзойденно мерзким и ужасающим, что оставило где-то внутри меня несмываемый грязный отпечаток. Неотмывающийся след прикосновения грязи из смеси отвратительнейших человеческих пороков.

«Зелёная колыбель» и её... гости... Эти богатые ублюдки, считающие себя властелинами мира. Эти жирные боровы, не способные чувствовать себя уверенными и опытными со взрослыми девушками, мучимые страхом своей неполноценности, забитые внутренними комплексами, и ненавидящие за это всё и всех вокруг... Все они приезжали туда. Все они были там. В приюте «Зелёная колыбель».

И Исидор был прав... Это не приют. Под личиной приюта за промерзшими стенами скрывается самый настоящий бордель для богатых извращенцев и садистов. В воспоминаниях Исидора девочек не только насиловали, их избивали и мучили. Нередко до смерти. Их унижали, пускали им кровь, заставляли делать... мерзкие вещи, которые я не хочу вспоминать.

Капитонов... Я видела, что его заставили, вынудили, чтобы молчал, чтобы боялся рассказывать. Его заставили... поучаствовать.

То, что я увидела, снилось мне всю ночь. Крики и плач девочек из приюта, лица «гостей» и отвратные, противоестественные до омерзения сцены утоления похоти богатых вырожденков.

Сегодня ночью я спала ужасно. Я просыпалась раз восемь или девять. Наверное, даже кричала. Точно не помню... Зато помню, как плакала в подушку от того, что увидела. Помню, как содрогалась от увиденного отвратительного кошмара. И сейчас я себя чувствую уставшей и разбитой. Как будто меня высушили, скрутили, смяли и пинком выбросили прочь.

Сегодня, через два часа, мне ещё идти в местное ОВД Строгинского района, для дачи показаний по вчерашнему инциденту. Спасибо Лерке, которая обещала подвезти и пойти со мной.

Я оперлась руками о раковину, вздохнула и взглянула на себя в зеркало. Я посмотрела в

свои заплаканные, порядком опухшие и всё ещё красные глаза с удрученными взглядом. Патчи, которые я прилепила с утра, конечно помогли, но не до конца избавили мою кожу от неприятного эффекта. Отеки под глазами ещё оставались заметными. Надо будет запастись патчами с гиалуроновой кислотой. А сейчас, может, и правда стоит попробовать эту картофельную маску, которую все так усиленно советуют?

Я вышла из ванной и направилась в комнату. Настроение у меня было подавленное и мрачное. Дядя Сигизмунд ещё ничего не знает о случившемся в школе. Ему сейчас не до меня. У него какие-то проблемы с поставкой запчастей для кроссоверов Тойота и Ниссан. Так что он ещё затемно укатил куда-то в неизвестном направлении. Но, учитывая, что реакция моего любимого дяди может быть самой непредсказуемой, даже хорошо, что он пока что ничего не знает. Да и то, что СМИ сейчас увлечены погоней за новостями с пропавшей Людмиле Елизаровой и Сильвестре Гольшанском, тоже мне на руку. В сети ещё не успели раздуть историю из вчерашнего. Так, пара ссылок в новостных порталах появилась. Слава богу, на YOUTUBE ничего не вылезло.

Позавтракав, я оделась и вышла из дому. Лерка в своем субару ждала меня неподалеку. На улице сегодня был снегопад, метель и свирепый ветер. Температура опустилась до минус пятнадцати градусов. И хотя холод я всегда, на удивление, переносила легче всех окружающих, всё же было крайне неудобно.

— Привет, — поздоровалась я с Логиновой.

— Привет, — ответила та и придиричиво меня осмотрела. — Прости за дурацкий вопрос... Но, Роджеровна, с тобой всё в порядке?

— Да, — кивнула я, старательно отводя взгляд.

Лерка чуть наклонила голову, заглядывая мне в глаза.

— Ой, что-то я тебе не верю... — произнесла она, шутливо протянув последнее слово.

Я устало улыбнулась.

— Меня не особо пугает случившееся, Лер, но... ночью...

— Видения? — с сочувствием спросила Лерка.

Я молча кивнула.

— Что-то полезное увидела?

Я в ответ лишь тяжело и шумно сглотнула. Почувствовала, что вот-вот опять заплачу. И что было сил постаралась сдержать слёзы. Перед глазами стремительно всплыли кошмарные фрагменты обрывистых воспоминаний Капитонова и девочек из приюта. Я закрыла глаза, судорожно, с нервной дрожью вздохнула. Какая-то гнетущая, вытягивающая жизненные силы пустота и угрюмая отрешенность поглощали меня изнутри.

— Роджеровна, не молчи, — попросила Лерка. — Что ты там опять увидела? Рассказывай...

Мы ехали по заснеженному, как будто полустёртому, городу с поблекшими, забеленными улицами. Над дорогой нависало тучной массой серое, скучное небо. Пока мы ехали в полицейский участок, я лишенным чувств и эмоций, опустевшим голосом поведала о самых сокровенных воспоминаниях Исидора Капитонова. Как я и ожидала, Логинова пришла в дикую ярость.

— Вот же ***ные твари! — выпалила она свирепо. — Совсем ох**ли! ****дец просто какой-то! Куда только наша полиция смотрит! Что, опять никто ничего не знает и не видел?! Не поверю!..

— Лер... не кричи, пожалуйста... — чуть скривившись от её возмущенного голоса,

ответила я.

— Извини, — проворчал негодующая Лерка. — Нет, но это же!.. У этих паскуд вообще есть какие-то границы? Что, совсем понятие хотя бы о примитивных, чёрт возьми, нормах морали отсутствует?

Я грустно улыбнулась.

— Границы морали, Лера, нередко размываются в угоду собственной выгоде и удовольствию.

Лера в ответ снова прошептала яростное ругательство.

Вскоре мы были перед зданием полицейского участка. Лерка остановила машину неподалеку.

— Может, сходить с тобой? — спросила она.

— Не нужно, — качнула я головой.

— А ты в курсе, что они вообще имеют право допрашивать тебя только при взрослом родственнике? — кивнув на здание ОВД спросила Логинова.

— В курсе, — невесело хмыкнула я, — но из всех взрослых родственников у меня в России только дядя Сигизмунд. Поэтому я пойду с нашей любимой классной руководительницей Жанной Викторовной.

Последнее предложение я произнесла с ворчливой обреченностью.

— О-о, — понимающе протянула Лерка, — в таком случае твоя беседа с ментами обещает быть необычной.

В слово «необычной» Логинова вложила свойственный ей издевательский сарказм.

— Спасибо, Лер, — вздохнула я.

— Крепись, подруга, — Лерка с шутливым состраданием погладила меня по руке, — в конце концов, помни: если сейчас как-то хреновато, впереди обязательно должно быть что-то хорошее.

— Ну тогда пользуясь случаем, я, пожалуй, прогуляю несколько уроков по географии, — усмехнулась я, выходя из машины.

Лерка захохотала и одобрительно поаплодировала.

Натянув на голову капюшон и прикрываясь от разыгравшейся вьюги, я направилась к дверям полицейского участка. Я увидела нескольких полицейских на парковке возле машин. Они что-то оживленно обсуждали.

Я уже подходила к ступеням входа в здание Строгинского ОВД, когда вдруг застыла на месте. У меня перехватило дыхание, и в груди дрогнуло сердце. Мое тело сковало внезапно нахлынувшее напряжение. В голове крепчали голоса, детский смех, визг, а затем резко вместо них слёзы, крики и мольбы.

Я нервно, тяжело сглотнула и посмотрела в сторону.

Они стояли в полусотне шагов от меня. Все восемь девочек. Те самые улыбчивые и жизнерадостные девчонки, чьи воспоминания я видела тогда в приюте. Те самые, кого я увидела подвешенными на красных нитях...

Они стояли и молча взирали на меня со странным выражением лиц. Не то с немым, скорбным укором, не то с молчаливым сожалением. Ни разыгравшаяся метель, ни ветер, ни зимний холод не касались их, не могли, не смели. Потерянные воспоминания убитых Портным девочек были из другого мира, который незаметно, тихо, тайно существует где-то в беспорядочных тенях нашего.

Я развернулась к ним. Я не спешила. Осторожно, не сводя с них взгляда, я

приближалась. Меня захлестывала нарастающая тягостная экзальтация. Я дышала часто и громко, жадно глотая мёрзлый зимний воздух. Когда от девочек меня отделяло не больше десяти шагов, они вдруг лениво, словно нехотя, повернулись ко мне спинами и двинулись прочь.

Секунды растерянно помешкав, я пошла за ними.

Девочки скрылись за углом здания ОВД. Я последовала туда же и оказалась среди засыпанных снегом редких деревьев.

Воспоминания девочек исчезли. Ничего не понимая, я оглядывалась по сторонам. Меня окружали засыпанные снегом деревья, вокруг меня плескалась и извивалась шепчущая метель. Я не понимала, зачем воспоминания погибших девочек привели меня сюда. Чего они хотят? Что я должна сделать? Или... что я должна понять? Или...

Моя мысль оборвалась на полуслове. Я наткнулась взглядом на торчащую из снега красную нить. Она была как тонкая алая царапина на белой поверхности снега. Я подошла к ней, боязливо присела рядом.

— Ника!

Я услышала приближающуюся Лерку.

— Что ты тут?.. — подошедшая Логинова осеклась, увидев, как я достаю из снега красную нить. Рукой в перчатке я разбросала снег, вытянула ещё большую часть нити.

Наматывая её на руку, я поднялась. Нить выбиралась из-под снега. Я шла за ней, продолжая наматывать её на руку. Лера молча следовала за мной. Мы шли за красной нитью Портного. Моя рука уже была полностью опутана мерзкой красной нитью, когда в следующий миг из-под снега вдруг показался какой-то предмет. Я бросилась к нему, торопливо выкопала его и отряхнула от снега. Лера подошла ко мне. Я с немым удивлением рассматривала очередную вязанную куклу в руках. У неё были светлые волосы, черно-желтые очки и серое не то платье, не то пальто.

Мы с Лерой переглянулись. Только что найденная кукла изображала Клавдию — воспитательницу из «Зелёной колыбели».

Я стряхнула с куклы остатки снега. Воспоминания девочек поднесли нам новую «нить» в расследовании.

Спустя час после изнурительного допроса в полиции я сидела на кухне квартиры Логиновых в компании Леры и Лёвы.

Беседа с двумя полицейскими прошла, в целом, нормально, но меня слегка удивило, что некоторые вопросы они задавали по два или три раза. Если бы ещё Жанна Викторовна в конце допроса не разругалась с представителями закона, всё вообще бы прошло прекрасно.

Я отпила из чашки горячий ромашковый чай. Сидящие рядом Синицын и Логинова старательно пытались найти в интернете информацию о воспитательнице Клавдии. Точнее, искал Лёва, а Лерка осуществляла, как ей казалось, чуткий и необходимый контроль.

— А вот не оно? А может вот это? — Логинова то и дело тыкала пальцем в монитор ноутбука Лёвы. — А это? А че ты пролистал? Давай вот тут посмотрим! Блин... Фигня какая-то. Возвращайся...

Попивая чай, я украдкой наблюдала за Леркой и Лёвой. На мой взгляд, они хорошо подходили друг другу. Вспыльчивая и нетерпеливая Логинова и холодный, спокойный, как удав, Лёва с его ангельским терпением.

В этот миг у меня зазвонил телефон в сумке. Пока Лёва и Лера спорили о том, где

смотреть информацию о воспитательнице Клавдии, я достала свою трубку и вышла из кухни.

Звонил Мирон. Я, кстати, потратила немало размышлений над тем, как забить телефон своего парня. Но, поколебавшись между «котиком», «зайчиком» и «Зубастиком» (в честь его фамилии), остановилась на последнем, решив обойтись без всякого зоопарка. Сейчас, глядя на дисплей, я подумала, что мне повезло, что Мирон не видит, как я обозвала его контакт в телефоне.

— Привет, милый, — произнесла я в трубку.

— Здравствуй, принцесса, — в свойственной ему слегка шутливой манере, произнес Мирон.

Я улыбнулась, слушая его голос. Недавно начала себя ловить на том, что готова слушать всё, что он говорит, просто ради того, чтобы слушать его голос.

— Звоню понаблюдать тебе и спросить, не опоздаешь ли ты на сегодняшний матч между несравненными «Алигаторами» и обреченными «Storm's Hawks»?

— Почему обреченными? — усмехнулась я. — Насколько я знаю, американцы хорошо играют в баскетбол.

Мирон на мгновение замолчал.

— Американцы — да, только «Storm's Hawks» из Англии.

— А-а... — протянула я растеряно и с досадой зажмурилась.

Чёрт возьми! Ну конечно из Англии! Он же мне говорил! Не один раз!

— Извини, — скривившись, пролепетала я. — Я забыла...

— Да ничего, — засмеялся Мирон. — Главное, что ты помнишь, что матч сегодня в семь вечера... Ты же помнишь?

— Да, конечно! — поспешно заверила я.

Я действительно помнила. До вчерашнего инцидента с Капитоновым.

— Отлично! — кажется Мирон и правда опасался, что я забуду. — Тогда я заеду за тобой... через полтора часа?

Я бросила взгляд на часы в коридоре.

— Хорошо... Подожди, а в каком смысле заедешь? Мы поедем на мотоцикле твоего брата?

— Нет, принцесса, вашу царственную попку я повезу на автомобиле, где вам будет уютно и комфортно! — со смешком ответил Зубатый.

Я почувствовала, как вспыхнули мои щеки. Меня захлестнуло смущение и растерянность.

— М-мирон... — пролепетала я неуверенно, не зная, что на это ответить.

Я категорически не привыкла с таким грубоватым и пошлым вольностям!

— Ладно, ладно, не смущайся, — ответил Зубатый, — не мог же я проигнорировать одну из лучших частей вашего прекрасного организма...

— Мирон, ну хватит! Пожалуйста... — попросила я, пылая от смущения. — Это не совсем... ну... Не то что...

— Я понял, не утруждайся, — хмыкнув, ответил Мирон, — но через полтора часа будь готова.

— Ладно... — протянула я.

— Солнце, только именно через полтора, — выразительно произнес Зубатый. — А не как обычно...

— Я поняла, буду готова вовремя, — вздохнув, улыбнулась я. — Обещаю.

— Крепко и сладко целую тебя.

— У тебя будет возможность сделать это не на словах, — хихикнув, ответила я.

И мгновенно подумала, как странно это, наверное, сейчас прозвучало. Но Мирону понравилось.

— Звучит многообещающе! — воскликнул Зубатый.

Мы попрощались, я убрала телефон от лица, посмотрела на часы дисплея.

М-да, времени у меня в обрез. Мне же ещё нужно смотаться домой и приготовиться. Не поеду же я вот такая...

Конечно, после всего случившегося я не была уверена, что хочу ехать на матч к Мирону и потом, в случае победы (да и поражения тоже) ещё зависнуть с ним и его компанией на пару-тройку часов. Но с другой стороны, я не могу ему отказать. Да и отвлечься от всей этой истории мне тоже не помешает. Особенно после сегодняшней ночи с её кошмарами. Могу же я хоть иногда порадоваться жизни и пожить, как обычный человек, без отравляющих мою жизнь кошмарных видений?

Вернувшись на кухню, я сообщила Лерке, что мне нужно срочно ехать и собираться на баскетбольный матч.

— Ты любишь баскетбол? — удивленно спросил меня Лёва, оторвавшись от монитора своего ноутбука.

— Ага, — хихикнула Лерка, глядя на меня, — недавно полюбила...

— Пришлось, — вздохнула я с улыбкой.

— Могу тебя подвезти, — предложила Лерка.

— Да нет, не стоит, — качнула я головой. — Я возьму такси.

— Ну тогда мы с нашим гением, — Логинова посмотрела на Синицына, — продолжим оперативный сбор информации.

— Удачи, — улыбнулась я, — сообщишь, если что-то найдете?

— Обязательно, — заверила меня Логинова, — правда, пока что мы даже не узнали её фамилию...

— Узнаем, — пообещал Лёва, — стоит только найти номер её счёта. При заполнение документов на банковскую карту она должна была оставить хоть какие-то данные.

— Но это же вроде конфиденциальная информация, — настороженно заметила я. — Банки держат такие данные под защитой. Разве нет?

Лёва ухмыльнулся.

— Это они так думают, — самодовольно ответил он.

— Ты что, собираешься взломать защитную систему банков? — ужаснулась я.

— Только одного банка, услугами которого пользуется ваша Клавдия, — пожал плечами Лёва.

— Слышь ты, умник, — вмешалась Лерка, — а ко мне потом тут вежливые люди в масках с автоматами не пожалуют?

— Не пожалуют, — качнул головой Лёва, — IP адрес, которым я сейчас пользуюсь, приведёт их в Бельгийский Мехелен.

— То есть, мы сейчас типа в Бельгии? — ухмыльнулась Лерка.

— На улице Шпигельстраат 9, если быть точным, — пожал плечами Лёва.

— Ла-адно, ребят, — неуверенно протянула я. — Не буду вам мешать. Я побежала.

— Пока, — отозвался Лёва.

— Лети, принцесса! — улыбнулась Лерка. — Мирону привет.

— Передам! — крикнула я из коридора.

Воспользовавшись услугами Uber, я добралась до дома минут за десять. Забежав в свою комнату, я принялась суетливо носиться по комнате выбирая, что надеть. Часть одежды вместе с тремпелями я разложила на кровати, остальное повесила на дверцах шкафа. Так, посмотрим. Нужно одеться так, чтобы мне было удобно в ВТБ Арене на трибунах среди болельщиков команд. И в то же время я должна выглядеть лучше, чем просто безупречно. Ведь, кроме Мирона, там ещё будут его друзья по команде.

Пребывая в волнении я поспешно примеряла разные варианты одежды. То ли от того, что я спешила, то ли от того, что нервничала, я никак не могла подобрать нормальный look. В конце концов я остановилась на новом жемчужного цвета свитере от Storets и slim джинсах, купленных пару недель назад. На правой штанине джинсов возле колена обнаружилось маленькое, но, зараза, заметное пятнышко неизвестного происхождения. Поэтому пришлось его срочно застирывать и сушить джинсы феном.

С макияжем я решила кардинально ничего не менять, только слегка подправила, сделав более презентабельным. На большее времени у меня уже не оставалось.

Я взяла другую сумочку, менее вместительную, но зато более стильную и подходящую. Переложив туда самое необходимое, я проверила зарядку телефона, написала сообщение дяде Сигизмунду.

Я заранее договорилась с Леркой, что по легенде мы у неё дома готовимся к контрольной, а потом будем смотреть фильм. Ночевать я тоже останусь у неё.

Дядя Сигизмунд пока ничего на это не ответил. Надеюсь, он не будет сердиться. Если бы я всегда ждала его ответов и разрешений, то сидела бы дома круглые сутки.

В назначенное время приехал Мирон.

— Я на месте, — сказал он мне, когда я взяла телефон.

— Я выхожу, — воскликнула я.

Надев свое новое двубортное пальто в клетку, я поспешно вышла на улицу.

Увидев меня, трудящиеся в мастерской работники отпустили пару комплиментов. Это взволновало меня ещё больше. Я, слегка стесняясь, поблагодарила их и поспешила к воротам.

Испытывая легкий, подстёгивающий мандраж и чувствуя, как внутри меня все буквально скачет, пляшет и кричит, я вышла из ворот и замерла, слегка опешив.

Передо мной стоял улыбающийся Мирон с симпатичным букетиком, а позади него, сверкая лоском, стоял чёрный Lexus rc 300.

— Солнце... ты потрясающе выглядишь! — развел руки Мирон, подходя ко мне.

— Спасибо, — проворковала я и, привстав на носки, поцеловала его.

Зубатый вручил мне букет (хвала небесам, не изроз!) и любезно открыл дверцу автомобиля.

— Откуда, если не секрет, у тебя Лексус? — с улыбкой спросила я, когда Мирон сел рядом.

— Взял у отца, — ответил Зубатый.

Я хотела спросить, знает ли об этом его отец, но сочла за лучшее не спрашивать. Я не была уверена, что хочу это знать.

Мирон, на удивление, вёл Лексус довольно уверенно. Но было заметно, что ему не очень привычно за рулем этой машины. Он несколько раз путал кнопки мультимедиа на руле и вместо подогрева сидений включал кондиционирование. А ещё «зависал» пытаюсь

разобраться, как настроить акустическую систему Лексуса. Я не выдержала и, шепнув «позволь, мне...», сама выбрала на дисплее бортового компьютера нужные настройки.

Обычно я стараюсь не демонстрировать парням, что лучше них разбираюсь в автомобилях. Знаю, что им это крайне неприятно. Но, надеюсь, от моих действий ранимая мужская самооценка в данном случае не пострадала.

ВТБ Арену мы увидели издалека, задолго до того, как подъехали к ней. Она очень ярко выделялась даже на фоне освещенной огнями Москвы. Огромное, озаренное сотнями цветных огней здание спортивного комплекса по своей форме напоминало какой-то футуристический космический корабль, приземлившийся между Московской и Петровско-Разумовской аллеями.

Я увидела толпы людей на территории вокруг спортивного комплекса и сотни припаркованных автомобилей. Вот уж не думала, что на матч между двумя юношескими командами по баскетболу придет столько народу.

— Удивлена количеством людей? — усмехнулся Мирон, заметив моё изумление.

— Да нет... — я поспешно улыбнулась и взглянула на него. — Просто... Я не думала, что у нас так много поклонников баскетбола...

Зубатый усмехнулся, мы заехали на парковку.

— Дело не в баскетболе, — ответил он, заглушив двигатель. — Половина этой публики пришла посмотреть, как мы раздолбим англичан.

— А вы... раздолбите? — спросила я, взглянув на него игриво.

Он посмотрел на меня. Улыбнулся, наклонился ко мне. Наши губы слились в долгом чувственном поцелуе. Я ощутила подскочивший пульс и стремительно разливающееся по телу нежное, жаркое и сладостное тепло.

На несколько мгновений я ощутила нечто похожее на легкое алкогольное опьянение, как от шампанского, которое иногда пробовала на праздники. Только куда более приятное. Как будто внутри тебя всё тает, млеет и цветёт. И те самые гребаные бабочки в животе...

Мы вышли из автомобиля под снег, ветер, огни города и шум толпы.

У входа в СК встретили парней в одинаковых черно-желтых спортивных куртках. Мирон в машине тоже переоделся в такую и вручил мне бомбер в черно-желтых цветах баскетбольного клуба «Аллигаторы».

— Мирон! — воскликнул один из парней с широким добродушным лицом. — Здорово! О, а это и есть твоя принцесса, о которой ты столько рассказывал?

— Да, — Мирон обнял меня и представил, — Знакомьтесь, Вероника!

— Но лучше просто Ника, — поспешно добавила я, стеснительно улыбаясь баскетболистам. — Привет.

Блин, какие же они все высокие! Я-то думала, у меня Мирон — рослый парень, а тут и повыше есть! Ничего себе...

Со мной все поздоровались за руку (Мирон внимательно следил, чтобы никто не держал мою руку слишком долго) и представились. Правда, я запомнила не все имена, хоть и старалась. Потом подошёл какой-то хмурый мужик с проседью в волосах и велел всем заходить внутрь.

Возле раздевалки парней мы встретили девушек — подружек баскетболистов. Их было семь человек, а вместе со мной — восемь. Двое «Аллигаторов», похоже, не обзавелись девушками, или те не смогли прийти. Вновь я услышала череду новых имён. А ещё я заметила, что все девчонки пришли в платьях или в юбках. Я задержала взгляд на девушке в

модном дымчато-сером свитере оверсайз и длинной юбке с леопардовым принтом, из-под которой выглядывали чёрные сапоги. У нее были светло-русые волосы до плеч. Я перевела взгляд на другую «поклонницу баскетбола» в коротком платье с принтом, похожим на зебру. На ногах у неё были черные ботфорты, из-под распущенных шикарных темных волос поблескивали золотом стильные сережки. Остальные девушки тоже были одеты, что называется, для выхода в свет. Я вроде тоже старалась выглядеть хорошо, но сейчас, стоя напротив этих стрекоз в платьях и юбках, чувствовала себя неловко. Во-первых, я одна из них приперлась в джинсах и свитере. А во-вторых, когда парни ушли переодеваться, их девушки дружно уставились на меня. Так мы смотрели друг на друга где-то полминуты. Я хотела начать разговор, но почему-то растерялась и не знала, что сказать.

Тут девушка в леопардовой юбке, которая назвалась Ингой, произнесла:

— Давайте подождем наших героев в кафе внизу.

— Да ну, — заныла Нина, одетая в черно-белое платье, похожее на зебру. — Там сейчас столько народу...

— Да, — поддержали остальные.

— Идёмте, — хитро улыбнувшись, ответила Инга, — я покажу место, где всегда свободно и тихо.

Она прошла вперёд и взяла меня за руку.

— Ты чего такая робкая? — спросила она, улыбаясь. — Расскажешь, как вы познакомились с Мироном?

— А давайте, мы сначала придем в кафе, — произнесла шагающая сзади девушка в кремового цвета платье, — ну всем же интересно. Я на ходу неуверенно оглянулась. Судя по лицам, интересно было действительно всем.

Внизу во всех трёх кафе спортивного комплекса действительно было не протолкнуться от количества людей. Здесь стоял шум и гвалт. Все возбужденно обсуждали предстоящий матч. Но Инга провела нас куда-то в другой закрытый зал, от которого у неё были ключи.

Здесь стояло меньше столиков, но обстановка была куда более приятной и уютной. А главное, никого кроме нас здесь не было.

— Располагайтесь, — усмехнулась Инга, — а я пойду возьму всем по маффину и кофе, о'кей?

Все поддержали её предложение.

— Ника, ты будешь маффин? — спросила меня Инга.

— Да.

— А кофе какой?

— Эм... Латте с корицей, — ответила я. — А сколько это будет стоить?

— Нисколько, — чуть поморщилась Инга, — владелец кафе — муж моей старшей сестры.

Девчонки захихикали.

— О... это здорово, — кивнула я.

— Это удобно, — с хитрой улыбкой поправила меня Инга.

Девушки снова засмеялись.

Когда Инга вернулась, меня все-таки заставили рассказать историю нашего знакомства с Мироном. А когда я рассказала про лося, которого он принес мне под дождем, все дружно умиленно застонали. Потом меня засыпали ещё кучей вопросов.

Съев маффина и выпив кофе, мы, наконец, поспешили к баскетбольному полю. До игры

оставалась всего пара минут. Зрительские трибуны были забиты доверху. Я увидела вспышки фотоаппаратов, многочисленные камеры и британские флажки на трибуне с болельщиками «Storm's Hawks». А наши же развернули два громадных баннера. Один с зеленым агрессивным аллигатором на фоне черно-бело-желтого имперского флага, а другой с несколькими аллигаторами на фоне государственного триколора.

Также я заметила на трибуне болельщиков «аллигаторов» поднятые вверх руки, которые были разрисованы под морды аллигаторов и покрыты чешуёй.

Да, люди подготовились. Я уже накинула на свой свитер черно-желтую куртку с гербом «Аллигаторов». Мы с девочками прошли вниз, для нас, как оказалось, были приготовлены места в первом ряду, сразу за скамейкой, на которой сидели наши любимые «аллигаторы» в майках и шортах.

Их тренер как раз наставлял их.

— Сразу в атаку не лезьте, измотайте их, — говорил он. — Они быстро устанут, можете не сомневаться. Вот тогда начинайте рвать. Зубатый, Комаров, Пархоменко, вы будете на острие. Не давайте им дышать. Накидайте, сколько сможете, и уходите. Потом методично добиваем их на контратаках. Ясно?!

— Да, тренер! — хором отозвались мальчишки.

По голосам было слышно, что им не терпится в бой.

— Отлично, — улыбнулся тренер.

Тут судья в полосатой рубашке махнул рукой — всем приготовиться.

— Кто самый опасный хищник в реках?! — рявкнул тренер.

— Аллигаторы! — громко зарычали наши парни в ответ.

Я аж вздрогнула.

— У кого самая зубастая пасть?

— У Аллигаторов!

— У кого самая крепкая хватка?

— У Аллигаторов!

— Кто пожирает всех подряд?!

— Аллигаторы!!!

— Молодцы, парни, — захолопал в ладоши тренер. — А теперь идите и сожрите к чертям этих пернатых!

Парни поднялись со скамеек, трибуны за моей спиной взорвались торжествующими криками. Я ошарашенно оглянулась назад.

От толпы зрителей исходила мощная, сшибающая с ног волна яростного азарта. Выглядит здорово... но слегка жутковато.

Свисток судьи, и игра началась. Команды рванулись навстречу друг другу. Темно-рыжего цвета мяч бился об пол и метался между игроками. Я следила за Мироном. Мой парень, насколько я могла судить, играл хорошо. Может быть, даже отлично. Я не могла в должной мере оценить. Хотя раньше я никогда баскетболом не увлекалась, сейчас полностью сосредоточилась на игре. И даже периодически восторженно кричала месте со всеми, когда «Аллигаторы» забрасывали мяч в кольцо гостей с Туманного Альбиона.

Аллигаторы, как мне кажется, играли все-таки лучше своих приезжих соперников. Во всяком случае, выглядели они резвее и увереннее. Я улыбнулась, глядя, как Мирон обошёл двоих (ну, прямо, как в кино!), бросил мяч другому игроку, снова принял от него и ловко забросил в кольцо.

Трибуны взорвались восторженными криками и аплодисментами. Я тоже хлопала в ладоши и кричала, разделяя всеобщее ликование.

Игра продолжалась, я теперь смотрела с куда большим переживанием, к тому же я начала отчасти понимать правила игры.

... Перед глазами мелькнул лес и голые ветки деревьев на фоне серо-стального неба. Послышался скрип деревьев и вой ветра. Я моргнула, замотала головой. Шум трибун заглушил шепот, звук детского голоса, шум ветра и всё тот же скрип веток.

Снова передо мной предстало кряжистое дерево с морщинистой темной корой. Дерево было опутано красными нитями. Их концы безвольно качались на ветру.

Видение исчезло. Перед моим взором снова бегали игроки двух баскетбольных команд. Стучал по полу мяч, свистели и орали зрители.

Нервно, учащенно вдыхая воздух, я оглядывалась по сторонам. И снова мое сознание утонуло в видении. Теперь темное дерево с нитями возвышалось надо мной. Глотая воздух и собственный страх, я в ужасе глядела на раскидистые, опутанные красными нитями ветви. Рядом с этим деревом справа высилось другое, тоже сплошь опутанное нитями. А рядом ещё одно и ещё...

Я повернулась на месте. Я стояла в ночном туманном лесу под пасмурным небом, окруженная несколькими деревьями с красными нитями. Нити были повсюду. Они тянулись через ветви, переплетались, пересекались и свисали вниз.

Шепот. Голос, и ещё голоса. Я не сразу разобрала их в шуме парящего меж деревьев ветра. Из блеклого, слипшегося тумана проступили расплывающиеся низкорослые силуэты. У меня вырвался судорожный вздох. Это были девочки. В возрасте от шести до восьми лет. Их было десятка два или три... Они неторопливо, медленно обступали меня. На их бледных лицах замерло отстраненное, равнодушное выражение. Они все смотрели на меня.

Что-то схватило меня за руку. Я вскрикнула, обернулась. Это была одна из девочек. В голубой курточке и малиновых варежках.

— Не смотри на нас, — прошептала она, — смотри на нити. Смотри! Смотри!..

Её голос зазвучал у меня в голове.

— Смотри! — хором зашептали стоящие вокруг воспоминания мертвых девочек. — Смотри! Смотри! Смотри!..

Я, испуганная, в смятении глядела на них. Затем подняла голову. Что они хотят, чтобы я увидела? Я смотрела на нити, я пыталась увидеть, сама не знаю что.

— Не понимаю... — проговорила я, но тут же осеклась.

Я пристально посмотрела на одно из деревьев. Мне кажется, или беспорядочно пересекающиеся нити имеют определенный порядок. Хаотичная паутина нитей на каждом из деревьев на самом деле была вовсе не такой хаотичной. Она словно бы состояла из повторяющихся четырех фигур, в центре которых был ромб и... нечто похожее на руну.

— Не может быть... — прошептала я, глядя на другие деревья.

Я задохнулась от нахлынувшего волнения. Резко выдохнув, я шумно сглотнула...

Видение резко исчезло. Я поморщилась от криков трибун. Не обращая внимания на игру, я глядела перед собой и пыталась осознать увиденное.

Как никто не заметил того, что было, чёрт возьми, на самом видном месте! Это... Это ведь наверняка многое меняет, если я всё правильно увидела и поняла... В хаотичных, на первый взгляд, узорах нитей на деревьях заключены несколько четко выверенных символов. И те, что повторялись, до ужаса напоминали какое-то подобие коловрата. А в центре... если

это не какие-то славянские руны, то я лучше всех в школе знаю географию!

— Ника! — сидящая рядом со мной Инга схватила меня за руку. — Ты чего такая неживая?! Наши же побеждают! Смотри!..

Она указала рукой на цифровое табло со счетом. Там значилось двадцать два и шесть.

— Видела?! А?! — толкнула меня в плечо Инга. — Какие молодцы! Уделали они их! Наши — красавцы!..

— Д-да... — пробормотала я растерянно. — Красавцы... здорово!

Однако моя голова была занята другим. Я не могла отвлечься от раздумий над тем, что увидела. Под общий дикий всплеск счастья я осторожно встала, прошла вдоль скамейки и вышла из баскетбольного зала.

В просторном коридоре веяло лёгкой прохладой. Неподалеку разговаривали о чем-то двое мужчин в спортивной форме. Я достала телефон, нашла, где ловит Wi-Fi, и открыла гугл.

Надеюсь, Мирон не увидит, что я вышла. Просто, я не могла ждать. Я должна проверить свою догадку. Я поспешно забила в поисковик «коловрат, виды». Перешла в картинки. Напряженно и тщательно вглядываясь в результаты картинок, я листала вниз. Наконец, мой взгляд сосредоточился на одной из картинок. На ней изображался как раз такой коловрат, из повторений которого состояли «беспорядочные» паутины красных нитей на деревьях.

— Святые небеса... — прошептала я, сраженная внезапным открытием.

Телефон вдруг завибрировал в моих руках. Я сдавленно вскрикнула от неожиданности. Но это всего лишь звонил дядя Сигизмунд.

Прежде, чем ответить, я нашла более-менее тихое место, чтобы рядом не ходили люди. Это оказалась дамская комната.

— Здравствуйте, дядя Сигизмунд, — проговорила я, — вы получили мое сообщение?

— Получил, ягодка, — недовольно проговорил дядя Сигизмунд, — что-то ты зачастила в последнее время к своей подружке.

— Ну-у... — протянула я. — Дядя Сигизмунд, Лерке одной в квартире скучно, да и неприятно... Плюс, я же вам написала, мы будем к контрольной готовиться.

— А контрольная по чему?

— По алгебре, — тут же ответила я, искренне надеясь, что мой голос звучит правдоподобно.

— Угу, а фильм какой будете смотреть? — продолжал допытываться мой дядя.

— Не знаю, — чувствуя отчаянную неловкость ответила я, — ещё не решили.

Дверь женского туалета резко открылась, и внутрь забежали три громко хихикающих девушки.

Я бросилась прочь из уборной. И заметалась по коридорам в поисках тихого места, но повсюду были люди, шум и разговоры.

— А ещё кто там? — сурово спросил мой дядя. — Кто шумит? Ягодка?

— Я... я в магазин вышла... — в попытке спасти положение соврала я.

Я не нашла ничего лучше, как спуститься вниз и выйти из здания спортивного комплекса. Только тут сейчас было малоллюдно и относительно тихо.

— Да ну? — недоверчиво проговорил в телефоне дядя Сигизмунд. — В магазин?

— Да-а... — неуверенно протянула я.

— И зачем же?

— Хочу взять что-нибудь сладкое к фильму...

— А как же твоя прелестная фигурка? — едко спросил дядя, с издевательским смешком. — А ну как поправишься?

Я закатила глаза и покачала головой. Какие все вокруг умные!

— Не беспокойтесь, дядя, — ответила я со вздохом, — я не так часто ем сладкое, чтобы поправиться. Да и мой образ жизни не позволяет. Так что потолстеть я боюсь меньше всего.

— Знаешь, а может быть и стоило бы... ну-у... чуть-чуть набрать... Как думаешь?

— Зачем? — не поняла я.

— Ну-у... Знаешь... — продолжал дядя, по голосу было слышно, что он подвыпил. — Парням нравится, когда... ну-у... у девочек... всё на месте...

Я закрыла глаза. Краска бросилась мне в лицо. Захотелось прервать разговор с дядей и забыть о его последних словах.

— Так что, может... — продолжал сбивчиво дядя Сигизмунд, — тебе бы не помешало... слегка... ну это... набрать... ну хотя бы немного... А то ты, как тростиночка, ей богу...

— Спасибо, дядя Сигизмунд, — проговорила я, чувствуя кошмарную неловкость. — Я... я... п-подумаю над вашими словами.

— Ага, подумай, — ответил дядя, — И это, ягодка, не напомнишь мне адресок твоей подружки? Я как освобожусь, загляну...

— Зачем?

— Просто так, для убедительности.

— Но... Хорошо.

Я решила, что лучше с ним не спорить. Дороже выйдет. Я продиктовала ему адрес Лерки. Для надежности, не совсем точный. Так, на всякий случай.

Попрощавшись с дядей, я направилась ко входу в спортивный комплекс. Может, ещё успею к концу игры. А то представляю себе лицо Мирона, когда он увидит, что меня нет. Нет, я не могу этого допустить! Я ускорила шаг. Фактически подбежала к дверям, когда они вдруг открылись мне навстречу.

— Извините, — торопливо бросила мне вышедшая из здания девушка, едва не убив меня дверью.

— Н-ничего... — вежливо ответила я и посмотрела ей в лицо.

На мгновение наши взгляды встретились, и я остолбенела. Если моя память на лица меня не подводит, мимо меня только что прошла Людмила Елизарова!

Приоткрыв рот, я несколько раз, глядя в пустоту, быстро моргнула. Затем порывисто обернулась. Только что вышедшая из комплекса девушка скорым шагом шла прочь. Она была уже достаточно далеко. Её роскошные золотисто-рыжие волосы развевались на ходу.

Помешкав, я припустила за ней. Стремление узнать правду подхлестывало меня, гнало вперёд. Одержимая бурей волнительных эмоций я следовала за девушкой. А та, как будто поняла, что я хочу догнать её, ускорила шаг. Мне приходилось едва ли не бежать.

Мы дошли до людного места, она ринулась вдоль ярких витрин бесчисленных магазинчиков. Я старалась не терять её из виду. Но Людмила Елизарова или какая-то очень похожая на неё девушка шла так быстро, что то и дело пропадала за кучей людей. Я едва не потеряла её, когда она резко свернула возле книжной лавки. Я повернула следом. Я почти не сомневалась в своих подозрениях. Девушка, которую все разыскивают, и в убийстве которой обвиняют Сильвестра Гольшанского, сейчас спешно шагает впереди меня в двух-трёх десятках шагов.

Уворачиваясь и старательно обходя встречных прохожих, я настойчиво преследовала

Елизарову. Я должна была убедиться, что это она. Я должна быть уверена. Её пальто цвета милитари мелькало впереди между шумными, многочисленными прохожими. Чёрт, какая она шустрая! Мне пришлось пробежаться. Тут в меня врезался какой-то мужик в красно-белой куртке. Я едва не упала, но сбивший меня человек удержал меня за обе руки.

— Девушка, осторожнее, — ухмыльнувшись, проговорил сбивший меня мужчина с сигаретой в зубах.

— Это вам стоит быть поаккуратней, — пробормотала я.

— Согласен, извините, — он подмигнул мне, улыбнулся и двинулся дальше.

Я поспешила вперёд за Елизаровой. Но Людмилы, если конечно это и вправду была она, нигде не было. Я так и осталась разочарованно стоять возле перекрестка, глядя по сторонам. Сердце ошалело стучало в груди. Меня обуревало рьяное желание найти Елизарову, но, увы, я нигде её не видела.

Я уже готова была в сердцах выругаться, как вдруг рядом со мной резко затормозил черный седан. Я не успела даже ничего сообразить, когда из машины выскочил незнакомый мне мужчина, бросился на меня, схватил, скомкал в медвежьих объятиях и без труда закинул в машину. Тут только я опомнилась и дернулась обратно к дверце автомобиля. Люди на улице остановились, удивленно таращась на происходящее.

Но севший в машину мужчина схватил меня за волосы, дернул назад и вниз.

Я вскрикнула от боли. Автомобиль тронулся с места и резко набрал скорость. Я пыталась вырваться. Схватив руку похитителя, удерживающую меня за волосы, я отчаянно колотила по ней.

— Не дёргайся! — похититель резко встряхнул меня за волосы.

Я закричала, заплакала от жгучей боли на саднящей коже головы.

— Не дёргайся, я ничего тебе не сделаю! — добавил неизвестный похититель, продолжая удерживать меня за волосы.

— Что вам нужно?! — сквозь слёзы со страхом спросила я. — Кто вы такой?!

— Заткнись, — бросил в ответ мужчина.

Я чувствовала, как резво, с огромной скоростью несется вперёд автомобиль.

Меня охватили паника и ужас. Я терялась в пугающих предположениях. Сердце испуганной птицей рвалось наружу, пробивая грудь. Сознание было подчиненно только двум мыслям: кто этот похититель, и что ему нужно?!

Наконец, автомобиль остановился, мой похититель заглушил двигатель и отпустил меня. Я немедленно забилась в угол между сиденьем и дверцей.

Мужчина что-то достал из козырька автомобиля и показал мне.

— Успокойся, — скорее приказал, чем попросил, он.

Я взглянула в документ, который он мне демонстрировал. Это было удостоверение следователя Следственного комитета на имя капитана юстиции Евсея Карабанова.

— Всё? — спросил Евсей Карабанов. — Утихомирилась?

— Я ут-тихом-мирюсь, — ответила я дрожащим голосом, глядя в его серо-зеленые глаза с золотисто-карим ореолом, — когда вы о-о-бьясните... что происходит...

Он сдержанно улыбнулся, но взгляд его оставался оценивающе-холодным. Я нервно, пугливо сглотнула под его взглядом.

— До меня дошли некоторые слухи, — проговорил он и добавил зловеще, — Вероника.

Я опасливо глазела на него, пытаясь собраться с мыслями. Я не была уверена, что передо мной настоящий следователь. Кто его знает? Документ можно и подделать. И потом,

следователи, насколько я знаю, вот так не работают... Хотя, если вспомнить методы близнецов Датских, то происходящее не столь уж невероятно. Похоже, некоторые офицеры правоохранительных органов совсем не чураются откровенно бандитских способов добычи информации.

— Говорят, что подполковник Корнилов, икона всего российского сыска, — скабрёзно усмехнувшись, проговорил Карабанов, — нередко обращается за помощью к тебе.

— За помощью в чем? — стараясь выразить непонимание, спросила я.

Но, как всегда, враньё давалось мне из рук вон плохо.

— Не прикидывайся! — рявкнул Карабанов.

Я поспешно пугливо зажмурилась, шумно вдохнула и произнесла.

— Послушайте, я... я не понимаю...

— Детка, это ты послушай, — ядовито прошипел Карабанов, — мне отлично известно, что ты... не совсем обычная девочка.

Он ухмыльнулся.

— Как минимум... — с этими словами он протянул руку и коснулся моего колена.

Меня пробрала дрожь. Страх с новой силой схватил за горло. Я одна в запертой машине с человеком облеченным юридической властью и явно склонным к жестокости и насилию ради достижения своих целей. Я быстро бросила взгляд в окно.

Мы стояли посреди какого-то пустыря. Справа чернело на фоне ночного неба недостроенное здание, слева тянулись заборы, вдалеке виднелись огни и силуэт работающего строительного крана. То бишь, бежать мне, если я вырвусь из машины, тоже особо некуда. Да и он меня, скорее всего, догонит. Ну или пристрелит.

— Чего вы от меня хотите? — пролепетала я, глядя на его руку на своем колене.

— Помощи, детка, только помощи.

— В чем? — скривившись спросила я.

Карабанов убрал от меня руку (я испытала небольшое облегчение) и вздохнул.

— Я занимаюсь расследованием по делу Людмилы Елизаровой. Слышала о ней?

— Слышала, — глядя в его глаза, ответила я.

Почему-то мне совсем не хотелось рассказывать ему, что я, скорее всего, минут пятнадцать назад видела искомую всеми Елизарову. Я не могла объяснить, почему не хотела об этом рассказывать. Что-то настораживало меня в этом Карабанове. Я ощущала, что с ним что-то не так...

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне найти Людмилу Елизарову, — проговорил Карабанов и добавил, — только, пожалуйста, детка...

Он наклонился ближе ко мне. Я вжалась в дверцу автомобиля.

— ...Не спрашивай «как»? — прошипел он, и его глаза угрожающе сверкнули в тусклом свете стоящего рядом уличного фонаря.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 19 января

Муром встретил Стаса сильным снегопадом. Создавалось впечатление, что в Москве пресловутая русская зима лишь репетировала своё январское наступление, а в этом городке разошлась в полную силу. Снегопад и метель были такими плотными, что несмотря на

дневное время суток все автомобили двигались с включенными фарами. Плюс ко всему, не успев въехать в город, Корнилов попал в длинную и плотную автомобильную пробку, из которой он очень долго не мог выбраться.

Прохожих на улицах, тем не менее, было довольно много. В окно автомобиля Стас мог наблюдать, как жители Мурома, ссутулившись, пряча лица от метели, упрямо и вполне бодро продвигаются наперекор бурной зимней вьюге. Особенно Корнилова восхитила тройка школьников, которые шли и, не обращая внимания на непогоду, о чем-то увлеченно болтали.

Первым местом, которое Стас посетил в Муроме, оказалась школа.

Но, несмотря на то, что сегодня был вторник, школа номер сорок восемь оказалась полупустой.

Охранник в очень солидном возрасте, но в камуфляжной форме и с дубинкой, проводил Стаса в учительскую на первом этаже. Здесь за столами сидели три женщины и какой-то мужчина в явно великоватом ему костюме.

Женщины были слегка полноваты, а мужчина, словно в противовес им, длинный и худой, похожий не то на кузнечика, не то на палочника.

— Добрый день, — проговорил Стас, доставая удостоверение, — подполковник Корнилов, Уголовный розыск. Мне нужны данные о выпускниках вашей школы четырёхлетней давности.

Преподаватели переглянулись.

— А в чём, собственно, дело? — спросил подошедший к Стасу мужчина.

— В чём дело, я изложу директору школы или завучу, — ответил Стас. — Вы директор или завуч?

— Нет, но...

— Тогда, боюсь, вы не можете задавать мне вопросы, — ответил Стас.

Мужчина возмущенно дернул головой.

— Ну знаете ли...

— Где я могу найти директора или завуча? — спросил Стас у женщин. — Или их заместителей?

— Завуч, Наталья Эдуардовна, сейчас преподаёт в двести двадцать четвёртом кабинете, — старательно улыбаясь Стасу, проговорила одна из женщин.

— Благодарю, — ответил Корнилов и вышел из учительской.

Наталья Эдуардовна на удивление оказалась очень молодой для своей должности привлекательной женщиной с тихим, мелодичным голосом и приятной в общении. По оценке Стаса, ей было не больше тридцати двух, если не меньше. Корнилову почему-то всегда казалось, что завучами раньше сорока точно не становятся.

Когда завуч вышла в коридор поговорить с ним, Корнилов спросил её о Людмиле Елизаровой. К его удивлению, завуч недовольно скривила губы и грустно вздохнула.

— Я достаточно хорошо знала Людмилу, — ответила она.

— Вы преподавали в её классе? — спросил Стас.

Завуч кивнула.

— И ещё последние три года до её выпуска я была у них классным руководителем, — ответила Наталья Эдуардовна.

— Людмила была хорошей ученицей? — спросил Стас.

— До восьмого класса, как мне рассказывали, — ответила завуч, посмотрев в окно.

Метель на улице почти что превратилась в настоящий буран.

Из-за летящего снега даже школьный двор внизу просматривался с трудом.

— А что случилось потом? — спросил Стас.

Завуч вздохнула.

— Потом... До сих пор точно ничего не известно, кроме того, что между родителями Людмилы вспыхнула ссора и громкий скандал, — ответила Наталья. — А учитывая, что отец Людмилы тогда был крупным и успешным бизнесменом, об этом говорил весь город.

— Что за скандал? — спросил Стас.

— Георгий Елизаров узнал, что его жена, Аделаида Елизарова, ему изменяла с каким-то студентом из политехнического института.

— Неожиданно, — хмыкнул Стас, — как это отразилось на Людмиле?

— Самым худшим образом, — снова вздохнула Наталья. — Людмила начала прогуливать школу, у нее резко упала успеваемость, а вскоре она почти забросила учёбу... А в десятом классе...

Наталья качнула головой. На её лице промелькнуло нечто похожее на осуждение.

— Она такое выкинула, что у нас всех волосы дыбом встали.

— Любопытно, — проговорил Стас. — И что же она такого сделала?

Завуч посмотрела в глаза Корнилова и, помешкав, ответила.

— Переспала с любовником своей матери. Причем сделала это из мести... Станный и... отвратительный поступок, на мой взгляд.

Стас не сдержал удивления на лице, и завуч с легкой издевкой хмыкнула.

— Удивлены? Вы то, небось, как и все вокруг, наверное, считаете Людмилу светлой, доброй и благочестивой девушкой, что стала жертвой жестокого и властного олигарха?

— Вы как будто ненавидите её, — проговорил Стас, изучающе глядя на завуча.

Та небрежно качнула головой, двинула плечами.

— Никакой ненависти, но... я её не любила.

— Отчего же? — спросил Корнилов.

— Из-за её поведения, — проговорила завуч, чуть склонив голову набок. — Она обращалась со всеми так, словно мы все ей обязаны, а школа вообще принадлежит ей. Для неё не было авторитетов, она никого ни во что не ставила. Пожалуй, она единственная прогульщица, которая окончила школу с золотой медалью. Я никогда не понимала, зачем богатые родители отдают своих детей в обычные школы. Елизаровой Людмиле было бы куда лучше учиться среди таких же, как она, отпрысков провинциальных олигархов, а не отравлять жизнь учителей и учеников в нашей совершенно обыкновенной школе! Завуч заметно разволновалась. Видимо, её ещё до сих пор терзают неприятные воспоминания о Людмиле Елизаровой.

— А что можете сказать об окружении Людмилы? — спросил Стас, переваривая услышанную информацию. — У Людмилы были подруги, может быть, за ней ухаживали какие-то парни?

Завуч пренебрежительно фыркнула.

— Ухаживать то ухаживали, видит Бог, Людмила всегда была красивой девушкой. Вот только она их ни во что не ставила. Бессовестно играла на их чувствах и всячески унижала.

— А что с подругами? — спросил Стас.

— Она дружила только с одной девчонкой, которая каким-то непостижимым образом сумела завоевать её расположение.

— И как зовут эту девушку?

— Диана Злотникова, — не особо напрягая память, ответила завуч.

— Эта Диана ещё живёт здесь в Муроме?

— Да, — усмехнулась завуч, — выступает в нашем местном цирке и, как поговаривают, копит деньги на жизнь в Москве.

— Амбициозный план, — оценил Стас, — а не было ли такого, что... Людмиле угрожали, нападали на неё?.. Били?..

Завуч нервно вздохнула, испытующе посмотрела на Стаса и отвела взор.

— Первое, что вы должны понять, господин подполковник, что Елизарова сама виновата...

— Я спросил не об этом, — перебил её Стас.

— Да, подобные эпизоды случались, — явно нехотя и слегка раздраженно ответила завуч, — Один раз её облили краской, в другой подожгли волосы, пару раз её крепко отлупили. Но вы должны понимать, что она сама довела всех. Кому понравится, чтобы какая-то заносчивая малолетняя соплячка из богатой семьи втапывала всех вокруг в грязь и строила из себя чуть ли не местную царицу?!

Завуч старалась быть невозмутимой, но сейчас у неё это уже плохо получалось.

— Конечно, детям это не нравилось, — продолжала Наталья Эдуардовна, — конечно, на неё злились, и многие, скорее, даже ненавидели...

— Почему же Людмила не уходила из школы? — спросил Стас, — Почему не жаловалась родителям?

— Родителям в это время было совсем не до неё, — со вздохом ответила завуч, — В последний год её обучения у нас её отец, Георгий Елизаров, разорился из-за суда с какой-то компанией в Аргентине и фактически остался ни с чем.

— Вас это радует? — спросил Стас.

— Не то, чтобы, — пожала плечами завуч, — но я считаю, что поделом. Будет больше времени уделять семье.

— Семье? — переспросил Стас. — Разве родители Людмилы не развелись после открывшейся измены Аделаиды Елизаровой?

— Собирались, — ухмыльнулась завуч, — да вот не стали... Я слышала, Людмила из-за этого крепко поругалась с отцом.

— Семейная драма, — проговорил Стас.

— Ещё какая! — вздохнула завуч.

— Наталья, а не было ли таких случаев, когда люди, причинившие вред Людмиле Елизаровой... сами подвергались нападениям?

Завуч переменялась в лице. Нервно сглотнув, она боязливо оглянулась.

— Наш директор запретил кому бы то ни было рассказывать об этом, — ответила завуч.

— Разве школа имеет к этому какое-то отношение? — спросил Стас.

— Нет, но... было несколько случаев нападений на школьников, — едва ли не шепотом ответила Наталья. — Последние два закончились убийствами.

Она прокашлялась.

— Сначала все винули Людмилу и её отца... Ну потому что все пострадавшие ненавидели Елизарову и не раз жестоко мстили ей за её наглость и похабное поведение...

— А потом? — перебил её Стас. — Кого винули потом?

Завуч снова замолчала, опустила взгляд.

— Там очень... запутанная история вышла, господин подполковник, — тихо проговорила себе под нос завуч.

— А подробнее? — допытывался Корнилов.

— Я не знаю подробностей, — закрыв глаза, проговорила женщина. — Только то же, что и все. Что с учениками нашей школы, которые подозревались в нападениях на Елизарову, потом обязательно что-то происходило. Но никаких свидетелей нет и подробностей тоже. Все пострадавшие твердят только, что напавший на них человек был один, лицо скрыто маской и... С каждым он поступал по-разному. Кому-то ломал ноги, кому-то уродовал лицо, а двоих нашли с вырезанными сердцами.

— А что полиция Мурома? Ничего не предпринимала? — не смог сдержать удивления и негодования Стас.

— Полиция, — фыркнула завуч, — отмалчивалась и делала вид, что что-то делает. У них это всегда отлично получалось. А ещё они боялись связываться с Елизаровыми... Сами понимаете...

— Понятно, — кивнула Стас.

— Извините, если вас это задело, — потупив взор, проговорила завуч.

— Ничего, — почти равнодушно ответил Стас, — подскажите мне адрес вашего цирка, где работает... Диана Злотникова?

Информация, которую Стас получил в процессе разговора с завучем школы, серьезно преобразила картину происходящего. В деле Людмилы Елизаровой открылись новые и крайне любопытные ракурсы. Как оказалось, у предполагаемой жертвы кровожадного Сильвестра Гольшанского была репутация богатенькой, эгоистичной и властолюбивой стервы. Она считала школу своим личным королевством, она унижала и гнобила школьников, чьи родители не могли похвастаться высоким достатком или влиянием. И она, что с трудом укладывалось в голове у Стаса, в десятом классе переспала с любовником своей матери. Не иначе, как ради мести собственной матери. В этом Стас почти не сомневался.

Корнилов прогрел двигатель и собрался уже выехать со стоянки возле школы, как его мобильник тревожно зазвонил. Стас коснулся кнопки на руле, принял вызов на громкую связь.

— Привет, — раздался голос Домбровского, — Стас, как ты и просил, я съездил в тюрьму, где держат Алсуфьева... Вернее держали.

— Что значит «держали»? — настороженно спросил Корнилов. — Его что, перевели?

— Нет, Стас, — откашлявшись, ответил Коля, — когда я приехал в «Кресты», мне доложили, что Нифонт Алсуфьев сбежал за два часа до моего приезда.

— Твою мать, — выдохнул Стас.

— Я им то же самое сказал, — хмыкнув, ответил Коля.

— Его ищут? — быстро спросил Стас.

— Да, но-о... без огласки.

— В каком смысле «без огласки»?! — проговорил Стас, чувствуя подступающую злость. — Его не объявили в розыск? — Только раздали ориентировки постам ГИБДД и ППС.

— Чёрт! — выдохнул Стас. — Ты объяснил им, что Алсуфьев может быть гораздо опаснее, чем они думают?

— Объяснил, — вздохнул Коля.

— И что?! —

— «Нифонт Алсуфьев с большой вероятностью будет задержан в ближайшие несколько дней. Если же этого не произойдёт, он будет объявлен во всероссийский розыск, и тогда ему точно не скрыться. Беспокоиться не о чем», — скучным голосом с иронией процитировал в ответ Домбровский кого-то из полицейских.

— Вот же бестолочи, — с досадой покачал головой Корнилов.

— Думаешь, Алсуфьев может быть Портным?

— Нет, — чуть скривился Стас, — но уверен, он что-то знает и... как-то связан с ним.

— В смысле? — не понял Домбровский. — Стас, ты что думаешь, что... что Портной он...

— Да, Коль, — вздохнул Стас, — я всё больше подозреваю, что Портной действовал не один. А ещё... Ещё я думаю, что мы все о нём ещё услышим.

— Никогда не думал, что скажу это, — помешкав ответил Коля, — но очень надеюсь, что в этом ты все-таки ошибаешься.

— Не поверишь, — грустно усмехнулся Стас, посмотрев на себя в зеркало заднего вида, — я тоже.

Эпизод девятый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 19 января

Автомобиль плавно остановился. Неровные горки сугробов тускло поблескивали в лучах фар. Перед капотом автомобиля Карабанова прошла какая-то пожилая женщина с крупным псом на поводке.

Стараясь сдерживать плещущиеся внутри меня тревожные переживания, я смотрела перед собой, не смея взглянуть на Карабанова. Он неожиданно коснулся моих волос, почти с лаской легонько поправил несколько прядей.

Я застыла в напряжении, затем опасно взглянула на него. Капитан Карабанов улыбнулся. Улыбка вышла зловещей и плотоядной.

— Тебе пора, — проговорил он и кивнул на дом, возле которого мы остановились, — твоя подруга ведь живёт здесь, верно?

— Откуда вы знаете, где живёт моя подруга? — спросила я настороженно.

Теперь улыбка Карабанова отражала самодовольное превосходство.

— Я многое о тебе знаю. Неужели ты могла подумать, что появление в России отпрыска одной из самых богатейших семей Европы могло остаться незамеченным?

— Нет, — помолчав, глядя в его глаза, ровным голосом ответила я. — Я так не думаю.

— Умница. Так ты подумаешь над моим предложением, детка?

Я отвела взор, нервно сглотнула.

— Да? — снова спросил Карабанов и опять протянул руку к моим волосам. — Подумаешь? Ведь тебе есть над чем подумать, не так ли? Я ведь не зря сказал, что очень *много* знаю о тебе... Чего не знают большинство...

— Я подумаю, — ответила я, не сумев побороть предательскую дрожь.

— И я очень надеюсь, что ты примешь правильное решение, — добавил Карабанов.

— Я могу идти? — боязливо спросила я, не глядя на него.

Он ответил не сразу. Затем вдруг наклонился ко мне близко. Слишком близко. Я подалась вправо, хотела отодвинуться от него. Но он по-прежнему был слишком близко. Я почувствовала, как он шумно вдыхает воздух возле моих волос. Я чувствовала прикосновение его горячего дыхания к моей коже. Я против воли задрожала всем телом. Карабанов не торопился отстраняться от меня. Он продолжал вдыхать запах моих волос, моей кожи. Он вдыхал с демонстративным, показательным удовольствием.

Я сидела, не смея пошевелиться, икривилась от омерзения и ужаса.

— Иди, — наконец, прошептал Карабанов.

Я услышала характерный щелчок, с которым обычно открывается дверца автомобиля.

— Я буду ждать положительного ответа, детка, — бросил мне напоследок Карабанов.

Я натянула капюшон куртки поглубже. Мне хотелось спрятаться от всех окружающих. В особенности от капитана Следственного комитета Евсея Карабанова. А ещё помыться. Я чувствовала себя... испачканной.

Когда я поднималась в лифте, у меня в который раз зазвонил телефон. Я посмотрела на

дисплей мобильного. Звонил Мирон.

Я вздохнула. Говорить с ним сейчас не хотелось. Вообще ни с кем не хотелось говорить, кроме Леры... или Стаса. Но я приняла вызов.

— Солнце, — прозвучал в трубке взволнованный голос Зубатого, — А ты где?!

Его встревоженный не на шутку голос звучал на фоне веселых криков, смеха и музыки. Кажется, у них там бурное веселье. Неприятное чувство ужалило куда-то под сердце. Я бы сейчас могла быть там с ними. Разделять радость победы «Аллигаторов».

— Прости, — проговорила я в трубку, — мне... мне стало нехорошо... Прости, Мирон. Пожалуйста... Я... извини. П-поздравляю с победой.

Я вымученно улыбнулась.

— Ты и твоя команда — большие молодцы. Правда.

— Спасибо, — помолчав ответил Мирон, — А... как ты? Что с тобой? Хочешь, я приеду?

— Нет-нет, — поспешила ответить я, — не надо.

— Точно? Ты уверена? — судя по всему Мирон явно рассчитывал на другой ответ.

Я кивнула, закрыв глаза.

— Да. Со мной всё нормально... Правда.

Мы замолчали. Я не знала, что говорить. Я ждала, что скажет Мирон. Но он тоже молчал.

— Мирон, ну ты идешь, или как?! Давай сюда! — раздался голос какого-то парня.

— Мирон, ну с кем ты там болтаешь?! — поддержал его другой.

— Мирон, мы только тебя ждём! — игриво крикнула какая-то девушка.

— Да, сейчас... — слабо отозвался Мирон и проговорил в трубку. — Слушай... Ладно... я...

— Иди веселись, — улыбнулась я, стараясь чтобы мой голос звучал одобрительно, без грусти и снедающего меня угрюмого уныния, — ты это заслужил.

— Да... наверное... — скомкано ответил он. — Ну... пока?

— Пока, — произнесла я.

Но он не положил трубку. Я тоже. Я слушала его дыхание.

— Ника... — проговорил он.

У меня дрогнуло сердце. Обычно он не называет меня по имени.

— Послушай... — Мирон, видимо, что-то хотел сказать, но ему было трудно. — Я просто... просто хотел сказать... вернее, попросить... Не делай так больше... пожалуйста.

Вряд ли он хотел, чтобы я услышала обвиняющие нотки в его голосе. Но я тем не менее услышала.

— Хорошо, — сглотнув, ответила я.

В горле застрял хорошо знакомый горький комок. Хотелось расплакаться. Мирон был не при чем... Я понимаю, что ему было крайне неприятно, когда после победы над соперником, в которую он внес весомый вклад, меня не оказалось на месте. Я не обняла и не поцеловала его, как другие девушки баскетболистов. Я хорошо и отчетливо представляла себе, как он в одиночестве стоял среди своих друзей по команде, обнимающих своих девушек, которые были рядом. Которые смотрели игру и болели за них... Я отлично понимала, какое болезненное разочарование он испытал. И понимала, что он сердится, что его это серьёзно уязвило. С его то самолюбием! А я даже не могу рассказать ему правду!

— Прости... — всхлипнула я в трубку.

— Да... — выдавил Мирон. — Ладно, мне пора... Давай...

— Мирон, я... — я не успела договорить, он положил трубку.

Я ещё несколько мгновений стояла в лифте, не двигаясь, держа телефон возле уха.

Лерка в квартире уже была одна. Синицына она давно выставила, потому что за то время, что меня не было, они так и не смогли ничего нового узнать о воспитательнице Клавдии.

Сняв макияж и приняв долгожданный душ, я рассказала Лерке все события последних часов, включая наш с Мироном разговор. Логинова слушала, не перебивая, лишь изредка поднимала глаза от чашки и задумчиво смотрела на меня.

— Не парься из-за Мирона, — посоветовала она.

Я несмело взглянула на нее.

— Мне показалось, он... злится.

— Конечно злится, — пожалала плечами Лерка. — Конечно ему не понравилось, что тебя не оказалось рядом... Парни все эгоцентристы в той или иной степени. И когда их эго ранят, они реагируют болезненно. Но! —

она хитро улыбнулась. — У большинства из них есть ещё одно, крайне полезное свойство.

— Какое? — робко спросила я.

— Они не злопамятны, — ухмыльнулась Лерка. — Ну, то есть, конечно среди них тоже встречаются всякие злопамятные подонки, с тонной комплексов на квадратный сантиметр тела. Эти до старости будут помнить, как ты не пошла с ними в кино или не обратила внимание, что они лайкнули твою фотку в инсте... А твой Мирон совсем не такой. Плюс, он тебя любит.

Я шмыгнула носом, посмотрела на неё.

— Ты так думаешь? — с надеждой спросила я.

— Уверена, — ободряюще улыбнулась Лерка. — Так что вытри слёзки и расправь плечи, и думай о хорошем. Потому что у вас с ним всё будет хорошо, и...

Она не договорила, чуть склонила голову, глядя на меня. Лерка словно думала, стоит ли договаривать.

— Что? — спросила я. — Говори... пожалуйста.

— Ну-у... — протянула Логинова. — Просто...

Она отвела взор, вздохнула.

— Не я должна была, наверное, тебе сказать, но... — она снова вздохнула и проговорила, — Роджеровна, Мирон... первый парень в твоей жизни. Но, уверяю тебя, совсем не последний. Будут другие. Нет, возможно, вы будете долго встречаться, потом поженитесь, у вас будут дети, вы проживёте долгую и счастливую жизнь и умрёте в один день, но...

Лерка скептически скривилась.

— Такое происходит крайне редко, и, вообще, это больше похоже на сказку... Но важно, чтобы ты понимала: после твоего Мирона у тебя будут другие. Возможно, и даже, скорее всего, куда лучше, чем он.

— Думаешь, будут лучше? — грустно улыбнулась я.

— Почти уверена, — слегка рисуясь, ответила Лерка. — Ведь ты этого достойна, Роджеровна. Пожалуй, больше, чем все, кого я знаю.

Она взяла мою руку и крепко, с чувством, стиснула пальцами. Я с благодарностью

сжала её руку в ответ.

— Спасибо, Лер, — прошептала я.

— На здоровье, — подмигнула мне моя подруга, — ты же знаешь... я всегда тебя поддержу.

— Знаю, — шепнула я.

— Обещаешь, что не будешь реветь из-за этого козла?

— Обещаю, — улыбнулась я.

— Вот и отлично! — бодро заявила Логинова. — Потому что это меньшая из проблем, про которые ты рассказала...

Я внимательно посмотрела на неё.

— Про коловрат и славянские руны интересно и... даже страшно, — проговорила Лера, когда я закончила рассказывать. — получается, что... —

она скривила губы и замолчала.

Лерка не решилась произнести вслух то, что я уже поняла.

— Для Сумеречного Портного это не просто убийства, — проговорила я упавшим, глухим голосом. — Это ритуалы.

Логинова вздрогнула.

— Вот теперь совсем страшно, — кивнула она. — Спасибо, Роджеровна.

— Прости...

— Перестань всё время извиняться, — нахмурилась Лерка. — Всё нормально. Слушай, а этот Карабанов... Получается, он знает о твоих способностях?

Я отпила из чашки с чаем и пожала плечами.

— Вряд ли он знает, что я вижу воспоминания, но... он точно знает, что я умею нечто... необычное.

— Это уж точно, — ухмыльнулась Логинова. — И он хочет, чтобы ты помогла ему с поисками Людмилы Елизаровой?

— Да...

— А ты уверена, что видела её сегодня на улице?

— Да, Лер, — тихо, но уверенно ответила я. — Это была Людмила Елизарова.

— А чего ты Карабанову об этом не рассказала? — спросила Лерка. — Пусть бы он от тебя отцепился.

Я чуть наклонилась вперёд, подперла голову ладонями и вздохнула.

— Я... — я ещё раз вздохнула, потому что не знала, как начать. — Я не уверена, Лер, что будет хорошо... если... если он её найдет.

Я подняла взгляд на Логинову. Правая бровь Лерки вопросительно выгнулась вверх.

— Что ты хочешь сказать? Он может причинить ей вред?

— Не знаю, но... — я задумалась. — Я сильно сомневаюсь в его намерениях... какой-то он... странный ... и опасный.

— Ну в последнем-то я не сомневаюсь, — проворчала Лерка. — У тебя вообще талант — попадать в поле зрения опасных и подозрительных личностей.

Я закрыла лицо ладонями.

— Знаю, — простонала я.

— А чем именно тебе угрожает Карабанов? — спросил Лерка. — Я так поняла, что он выяснил какие-то факты о твоей семье?

Я убрала руки от лица и несмело взглянула на Логинову. Та увидела выражение моего

лица и поджала губы.

— Так, Роджеровна, — строго сказала Лерка, — давай-ка рассказывай.

Я помялась немного, но всё же проговорила осторожно:

— Ты же знаешь, что я... что моя семья...

— Сказочно богата и влиятельна, — суховато бросила Лерка, — и многие из твоих родственников чванливые, жестокие снобы.

— Ну не то чтобы так совсем... категорично... — проговорила я уклончиво. — Но, в целом, да...

— И что? — быстро спросил Лерка. — Думаю, это не особо кого-то сильно шокирует. Удивит конечно, но...

— Это не всё, — вздохнула я.

— Ну выкладывай, — пожав плечами, предложила Лерка. — Чего ты мнешься, Роджеровна? А? Ты боишься, что из-за того, что ты мне расскажешь, я поменяю к тебе своё отношение?

— Лер...

— Рассказывай, — с нажимом проговорила Лерка, — я теперь от тебя не отстану.

— Ты знаешь, кто такой Тадеуш Понятовский? — осторожно спросила я, в глубине души надеясь на обратное.

— Ещё бы! — фыркнула Лерка. — Кто же этого говнюка старого не знает? Он же один из главных идеологов Холодной войны, и всё время критикует нашу страну в сенате США... а что?

— Это ещё не всё, — снова спрятав лицо в ладонях, проговорила я, — помнишь... ну, в смысле, ты же знаешь про теракты в 90-е? Ну... когда дома взрывали, и всё прочее...

— Знаю, — осторожно, слегка изменившимся голосом ответила Лерка. — Это что, тоже его рук дело?

— Отчасти, — опасливо ответила я, — он спонсировал террористов, и... и эта идея принадлежала ему.

— Взрывать жилые дома?

— Да... — едва слышно ответила я и убрала ладони от лица.

Я нервно сглотнула и посмотрела в глаза Лерки. Логинова вздохнула и простонала, запрокинув голову назад.

— И что? — спросила она, снова взглянув на меня. — Как ты с ним связана?

— До того, как он женился на Стефании Понятовской и взял её фамилию, — ответила я, — он был... Лазовским. Он — сын моего двоюродного дедушки Казимира...

— Это который старший брат твоего родного деда Владислава? — уточнила Лерка.

— Да...

— Значит Тадеуш Понятовский... — глаза Лерки округлились, — твой двоюродный дядя?!

— Ну... в общем, да, — сконфуженно проговорила я.

— Роджеровна! — шокировано проговорила Лерка. — Ну это конечно...

Она покачала головой, не найдя слов.

— Ты на меня не злишься? — робко виновато спросила я.

— Ты что, дурочка, Роджеровна? — фыркнула Логинова. — Ты-то тут причём?..

Она пожала плечами.

— Но... я честно скажу, не знаю, как к этому отнесется прочая общественность...

Реально...

— Вряд ли с воодушевлением, — проговорила я.

— Да, тут ты права, — мрачновато ответила Логинова, — тем более с учетом того факта, что страна сейчас почти на ножах со всем западным миром... Ладно, а Карабанов тебя этим шантажирует? Думаешь, он может всем рассказать, что ты родственница Понятовского?

— Не знаю, — я опустила голову и обреченно покачала ею.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю... — устало и сокрушенно простонала я.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 19 января

После роскошных апартаментов Гольшанских жилище Елизаровых производило довольно жалкое впечатление. Стас понимал, что думать так — глупый и лицемерный цинизм, но ничего не мог с собой поделать.

Обитель Елизаровых представляла собой относительно небольшой дом в стиле Райта с избытком простых геометрических форм в экстерьере. Дом не был обнесен забором. Но вокруг него раскинулся просторный скверик (или маленький парк) из заснеженных елей и сосен. Корнилов не заметил ни одного охранника, но увидел несколько видеокамер на самом доме. Очевидно, с помощью них просматривается вся территория. После огороженных шикарных дворцов, которые он видел у Гольшанских, дом и территория Елизаровых смотрелись без преувеличения блекло и невзрачно.

Стас припарковался неподалеку, вышел из автомобиля и увидел мужчину, который гулял между елей с двумя питбулями. Псы резвились вокруг него, скакали по сугробам и отбирали друг у друга ярко-желтый мячик.

Когда Корнилов приблизился к мужчине, псы оставили свою игрушку и уставились на Стаса. В темных глазах животных застыла решимость в случае необходимости растерзать незваного гостя.

— Это частная территория! — предостерегающим голосом громко и властно произнес мужчина, с недобрый прищуром разглядывая Стаса.

У хозяина собак было широкое лицо с плоским носом и невыразительными скулами. Светлые брови и глубоко посаженные маленькие белесые глаза. Рот с тонкими губами придавал ему надменный и даже полупрезрительный вид.

Стас показал удостоверение.

— Подполковник Корнилов, — представился он, — Уголовный розыск.

— А-а... — странно протянул мужчина, неожиданно скрипучим голосом. — Тот самый... Корнилов, значит?

— Простите? — слегка удивленно спросил Стас, подходя ближе.

— Я слышал о вас, — нахмутив брови, ответил хозяин питбулей.

— Надеюсь, только положительное, — чуть ухмыльнулся Стас.

— Не то чтобы... — проворчал обладатель надменного лица. — Вас называют хорошим сыщиком, но при этом все говорят, что вы неразборчивы в методах расследований, ни с кем и ни с чем не считаетесь, нагло врываетесь в жизнь людей, вытаскиваете на свет чужое

грязное белье и, вообще, ведете себя нагло.

— Необычная характеристика, — хмыкнув, ответил Стас.

— Чего вам надо? — недружелюбно спросил мужчина

— Вы Георгий Елизаров? — спросил Стас.

— Ну! — пожал плечами Елизаров. — Надо чего?!

— Поговорить, — глядя в недобрые глаза отца Людмилы Елизаровой, ответил Стас.

— О чем? — неприязненно скривился Елизаров.

— О вашей дочери...

— Вот ещё! — фыркнул мужчина. — Я не хочу о ней разговаривать!

— Вы разве не знаете, что с ней случилось? — спросил Корнилов.

— Как же, — пожал плечами Елизаров, — слышал. Спала с этим старым говнюком

Гольшанским, а потом он её, вроде как, прирезал!

— Вам, кажется, не особо её жаль, — прокомментировал Стас ответ Георгия.

Тот снова презрительно фыркнул.

— Ещё чего!.. Поделом! Эта подстилка заслужила именно такую участь! Не хрен было сбегать из дома и стелиться под всяких старых му**ков! Сама виновата, шалава безмозглая!..

Стас был слегка поражен отношением и реакцией Георгия.

— А почему ваша дочь сбежала из дома? — спросил Стас.

— А это не ваше дело! — рыкнул Елизаров.

— Вам придется ответить на мои вопросы, — холодно проговорил Стас, глядя в глаза Георгия.

— Неужели? — прорычал Георгий. — А ну как я собак спущу? Что тогда будешь делать, подполковник? А? Ты знаешь, какая хватка и челюсти у питбуля...

Он едко, насмешливо усмехнулся, глядя на Стаса.

— А вы, — проговорил Стас, не обращая внимания на рычащих псов, — знаете, каковы последствия попадания от патрона 357 magnum?

— Уверен, что успеешь выстрелить, подполковник? — ощерился отец Людмилы.

— Можем проверить, — проговорил Стас.

Его голос изменился. В словах Корнилова послышалось нечто такое, отчего оба питбуля неуверенно попятились назад.

Елизаров умолк. Он понял, что Корнилов не собирается понапрасну его пугать, и действительно пристрелит его собак в случае необходимости. А в том, что подполковник Корнилов умеет быстро и точно стрелять, Георгий Елизаров почему-то не сомневался.

В доме у Елизаровых Георгий провел Стаса на просторную кухню, попутно пнув ногой пылесос Irobot.

— Выпить желаете? — всё тем же резким и язвительным голосом спросил Елизаров.

Стас начал думать, что у отца Людмилы Елизаровой в принципе такая манера общения.

— Нет, благодарю, — сдержанно ответил Стас.

— А я выпью, — поставив на стол бокал для коньяка, ответил Елизаров.

— Как угодно, — кивнул Стас. — Так почему ваша дочь сбежала из дома?

Елизаров наполнил бокал до половины, затем сделал глоток. Посмотрел на Стаса. Допил оставшееся ещё одним глотком и разъяренно выдохнул.

— Мы с Адой, женой моей, развестись хотели... — он пожал плечами. — Я передумал. Людка, идиотка мелкая, пригрозила, что если я не разведусь, она из дому сбежит. Ну и сбежала... Кто ей доктор то?

— А перед этим... — проговорил Стас. — Ваша дочь переспала с любовником вашей жены?

Елизаров поднял на Стаса тяжелый взгляд исподлобья.

— Слышь, подпол, — пробурчал он, — ты мне на рану то сапогом не дави. Ладно?

— Извини, — бросил Стас.

Про себя Корнилов подумал, что Елизаров любит свою жену. По-настоящему, крепко, надолго. Пусть и вперемешку с ненавистью и страстью. Потому и не смог бросить её. Заставил себя простить. И до сих пор, похоже, заставляет...

— Но я вынужден задавать людям неприятные вопросы, пусть даже они и приносят боль, — проговорил Стас с чувством.

Елизаров фыркнул.

— Чего ты ещё хочешь узнать?

— Она поддерживала с ним отношения?

— С кем? С этим сопливым голодранцем? Я тебя прошу... Люда хоть и строптивая идиотка и вообще ещё та подстилка, но... она отлично знает себе цену. И не будет якшаться со всяким отребьем.

Стас вопросительно приподнял брови.

Елизаров раздраженно вздохнул.

— А с этим кобелем она покувыркалась исключительно назло матери. Думала, что так она ей отплатит за...

Елизаров замолчал, отвёл взор. К удивлению Стаса, на его лице промелькнуло что-то похожее на стыд.

— Вас гнетёт мысль о том, что дочь мстила матери за то, что та была неверна вам, — проговорил Стас.

Он не спрашивал.

— Людмила жаждала отомстить матери за то, что та оскорбила и унизила вас, предала ваше доверие...

— Это не повод ***хаться со всяким отребьем, лезть в отношения взрослых людей и потом ещё сбегать из дому...

— Вам совестно, Георгий? — спросил Стас.

Но ответить Елизаров не успел. Потому что за спиной Стаса прозвучал легкий цокот женских каблучков по полу.

Корнилов оглянулся и замер. В дверях кухни стояла женщина в расстегнутом клетчатом пальто с красной сумкой на плече.

— Добрый день... — осторожно произнесла она, растерянно глядя на Стаса, а затем на мужа. — Я не знала, что у тебя гости...

— Это не у меня, — проворчал в ответ Георгий Елизаров, — это у нас.

Женщина с удивлением, вопросительно взглянула на Стаса.

А Корнилов не сразу смог заставить себя говорить. Потому что женщину, стоящую сейчас перед ним, он не так давно уже видел — на фотоснимке в бумажнике Артёма Солонкина. Артём тогда назвал её бывшей женой.

Кажется, Стас знал, кто был любовником Аделаиды Елизаровой, и кто мог писать настойчивые письма сбежавшей из Муррома Людмиле Елизаровой.

Среда, 20 января

— Смотри не на нас! Смотри на нити!

— Смотри не на нас! Смотри на нити! — Смотри! На нити! Смотри! Смотри!

— Смотри!..

— Следи за нитями! Иди за нитями! Иди!

— Иди за нитями!..

— Следи за ними!..

— Следи... следи...

Шепчущие голоса детей сливались в беспорядочный шорох, доносящийся из мглы, среди которой я блуждала в своем сне. Красные линии нитей окружали меня со всех сторон. Они пересекали и расчерчивали тьмудлинными, идеально ровными кровавыми порезами. Они стягивались вокруг меня. Я в смятении и ужасе пятилась от них, потом развернулась и побежала. Шепот мертвых голосов преследовал меня. Красные нити сплетались вокруг меня. Одна из них опутала мою ногу. Я упала. Мои руки до локтей тут же туго обвили красные нити. Они стремительно опутывали мое тело и туго, до боли сжали меня. Нити впивались в мою плоть, врезались в кожу. Я внезапно оказалась абсолютно обнаженной во власти тьмы и кровавых красных нитей.

Шепот голосов девочек в моей голове походил на громкий шорох сухой бумаги.

— Хватит! — взмолилась я слёзно. — Перестаньте! Хватит! Не-ет! Нет!.. Не надо!

Красные нити внезапно подхватили меня и потянули вверх. Я висела вниз головой. Голая, связанная по рукам и ногам. В слезах и ужасе я умоляла отпустить меня. Но голоса стали громче. И теперь я не только слышала жертв Портного, я видела их. Они были рядом. Висели на красных нитях рядом со мной. И говорили со мной. Настаивали. Требовали. Просили...

Я зажмурилась и закричала.

— ... Ты меня слышишь?! Роджеровна! Хватит орать! Успокойся!.. Эй!.. Ну чего ты?!..

Я открыла глаза. Лерка сидела рядом на кровати и трясла меня за плечи.

— Проснулась? Всё? — лицо Логиновой в полумраке комнаты склонилось надо мной. — Всё в порядке, Роджеровна. Ты в безопасности... Я рядом... Ты у меня дома... Всё норм? Поняла?

Логинова включила ночник. Я поморщилась, отвернулась от света.

— Ого, — услышала я голос Лерки, — ты что опять плакала?

Я коснулась своих глаз. Ресницы, веки и щеки были влажными.

— Ну ты чего... Роджеровна... Я плаксиво шмыгнула носом и спрятала лицо в ладонях. Лерка утешающе погладила меня по волосам.

— Я уже начинаю ненавидеть твои эти... воспоминания, — проворчала Логинова.

— Этим воспоминания больше не к кому приходить... — проговорила я, снова всхлипнув.

— Очень жаль, — вздохнула Логинова. — Лучше бы кто-то другой мучился, а не моя лучшая подруга...

Мне хотелось сказать вслух, что я не раз думала о том же. Но я... я почему-то не смогла произнести это. Спать после вновь увиденного, невероятно реалистичного кошмара абсолютно не хотелось. Я умылась в ванной, а Лерка тем временем заварила чай. Себе

зеленый с лаймом, а мне мятный. Затем она достала коробку конфет и распаковала её.

— Лер... — проговорила я смущенно. — Не надо было...

— Да ниче, — отмахнулась та. — Маме в больнице пациенты ещё гору надарят, как всегда. А тебе сейчас нужнее. Только сильно не налегай. Сладкое полезно, как лекарство, только в ограниченных количествах. Хотя, учитывая, что ты носишься каждое утро, как угорелая, иупражняешься на площадках, и скачешь на льду, набор массы тебе не особо грозит.

Я улыбнулась в ответ.

Конфетки были вкусными, с вишнево-ликерной начинкой. Одни из моих любимых. Я бросила взгляд на электронные часы, стоявшие на подоконнике.

Там значилось без десяти шесть. Но за окномещё властвовала ночь. Город ещё спал. Относительно, конечно. Потому что такие мегаполисы, как Москва, в принципе, не спят. Даже здесь в тихом Строгино.

На кухню, шлепая лапками по полу, забежал рыжий щенок.

— О, Леди Свифт проснулась! — усмехнулась Лерка.

Я тоже умиленно улыбнулась, глядя на маленького сеттера.

Виляя хвостиком, Леди Свифт тихонько заскулила.

— Сейчас, сейчас! — Лерка подхватила с табуретки и достала пакетик с сухим кормом.

— Ты ребенка сухарями кормишь? — спросила я с тихим смешком.

— Не слушай тётю Нику, — проворковала Лерка, насыпая корм щенку, — она не знает, что такое сбалансированный и дорогущий сухой корм, купленный в элитной ветеринарной клинике.

Я в ответ лишь умиленно, кротко улыбнулась, глядя, как Лерка кормит своего питомца. Даже как-то необычно было видеть бесшабашную и порой легкомысленную Лерку, ухаживающей за маленьким, беспомощным существом.

Логинова посмотрела на меня.

— Чего ты улыбаешься, Роджеровна, как будто нам каникулы на месяц продлили?

— Ничего... — я с улыбкой покачала головой. — Просто... Я тебя такой никогда не видела...

Лерка зарделась, смущенно опустила взгляд и ворчливо ответила:

— Ну, а что? Оно же малое такое... неразумное, беспомощное... Как же его не любить и не холить!

— И правда, — согласилась я.

Не любить такое милое, рыжее и счастливо чавкающее возле миски создание с блестящими карими глазками просто невозможно!

Лерка ласково, с заметной любовью погладила щенка по спинке и села обратно ко мне за стол.

— Ну?

Мы отпили из своих чашек. Лерка вопросительно смотрела на меня.

Я, пряча взгляд, тихонько, застенчиво царапала чашку с мятным чаем. Бархатистый аромат мяты щекотал обоняние. Я вспоминала сон.

— Роджеровна, не молчи, — потребовала Лерка. — Что тебе там приснилось опять? Снова... те девочки?

Я молча кивнула. Логинова с досадой цокнула языком.

— За что тебе такое счастье с этими гребанными видениями?

Я пожала плечами.

— Какая уже разница?

— Что-то новое и важное было? — подумав, спросила Логинова.

Я качнула головой, отпивая чая. Горячий глоток живительным теплом проник в меня и растекся глубоко в душе.

— Воспоминания девочек очень настойчиво... привлекают мое внимание к этим рунам и... коловратам...

Я печально вздохнула.

— У тебя появились какие-то соображения по этому поводу? — задумчиво спросила Лерка.

Я лишь устало вздохнула и покачала головой. В голове тяжелела апатичная сонливость. Меня поглощало мрачное и тягостное уныние. Мне казалось, я безнадежно вязну в густом болоте, наполненном вместо воды хладным бесконечным мраком. Я почти наяву, только мысленно, ощущала или осознавала, как меня туго, плотно и жестко опутывают переплетенные красные нити.

— Эй, Роджеровна!

Я вздрогнула, когда Лерка начала щёлкать у меня перед глазами.

— Не уходи в себя! — проговорила Логинова и, чуть склонив голову набок, спросила. — Хорошо?

— Да, — кивнула я всё ещё отстраненно.

— Пей чай и ешь конфеты, — посоветовала Логинова. — А потом... Слушай, Роджеровна, может, всё-таки стоит навеститься к Стасу?

Я и сама уже об этом думала. По крайней мере сейчас у меня хоть есть, что рассказать ему. И я знала, что Корнилов мне поверит.

— Да, — кивнула я.

— Да? — мне показалось, что в голосе Лерки скользнули радостные нотки облегчения.

Логинова, наверное, думала, что я буду упираться.

— Да, — решительно повторила я. — Хотя бы расскажу ему, что я видела, и что знаю.

— Про эту, как её... Людмилу Елизарову тоже расскажешь? — спросила Лерка.

— Да, — в третий раз повторила я.

Не знаю, сможет ли Стас что-то сделать с информацией о Людмиле, но уж точно он сможет воспользоваться ею лучше, чем я.

В то утро я уже не уснула. Да и Лерка тоже. Через пару часов, когда Логинова нашла, кому на время, оставить маленькую Леди Свифт, мы направились в здание ГУВД, где располагалось главное управление Уголовного Розыска.

Логинова осталась в машине, а я направилась в здание.

Здесь в Главном управлении меня видели не раз, и многие знали, что я как-то связана с особой оперативно-следственной группой Корнилова. Поэтому меня пропустили без особых вопросов. Но выделили сопровождающего в лице улыбчивого парня с золотыми полосочками на погонах.

Когда мы поднялись на третий этаж, где располагался отдел Уголовного розыска, я постучала в дверь особой группы, но та оказалась заперта.

Странно. И на мои звонки ни Стас, ни Коля, ни Сеня не отвечали.

Я спросила сопровождавшего меня парня, на месте ли генерал Савельев. Антон

Спиридонович, как оказалось, был у себя в кабинете. Хорошо. Тогда расскажу всё, что знаю, ему. Хотя бы так.

Оказавшись перед дверью кабинета генерала Савельева, я неожиданно для себя оробела. Мне вдруг стало жутко неловко и даже боязно просто так вот постучаться и зайти в кабинет к «Аспирину». Ага, только не к «Аспирину», а к Антону Спиридоновичу. А то ещё ляпну внезапно...

Преодолев непонятную нервную стеснительность, я все-таки постучала в дверь и повернула ручку.

— Добрый день, — произнесла я, неуверенно заглядывая в кабинет генерала. — Антон Спиридонович, простите пожалуйста за беспокойство, но у меня есть... важная информация... Можно мне войти?

Я волновалась, открывая дверь в кабинет. Навязчивое беспокойство, подобно какому-то противному склизкому спруту, запустило в мое сознание сотни извивающихся щупалец. От волнения — я отчетливо слышала это — я начала не только заикаться, но и произносить русские слова с ошибками.

Но я ничего не могла с этим поделать.

Савельев взглянул на меня, смерив долгим изучающим взглядом.

— Здравствуй, Ника, — проговорил он слегка удивленным голосом и снял очки. — У тебя что-то произошло? Если ты к Стасу, то его сейчас нет...

— Знаю, — быстро ответила я. — Я, вообще, к нему или к Коле, или... к Сене... Но... Там просто... там... jest zamknięty...

— Чего? — непонимающе поморщился Савельев.

— Закрыто! — громче, чем нужно, воскликнула я. — Их кабинет закрыт. И на звонки они не отвечают...

Хвала небесам, русские слова от переживаний больше не вылетали у меня из головы. Надо с этим что-то делать. Уже всё-таки почти три года живу в России.

— Стас сейчас в Муроме, — кивнул Савельев, — Сеня...

Тут генерал прокашлялся.

— На особом задании. Коля и наш новенький... тоже.

— Новенький? — рассеянно переспросила я.

— Да-а, — нахмурился генерал. — Прислали тут одного... У тебя что?

Он говорил резко. Повелительно. Жестко. Как кнутом бил.

— А-а... — я снова растерялась от чрезмерной напористости Савельева. — Я просто... Я... М-м... Я кое-что видела...

Я понимала, что со стороны, все что я говорю, выглядит каким-то бессвязным бредом. Судя по нахмуренному лицу генерала Савельева, он думал примерно так же.

Я вздохнула, перевела дух, закрыла глаза. И тут некстати снова в голову ордой вломились воспоминания жертв Портного.

— Я кое-что знаю про убийцу! — выпалила я на одном дыхании и уставилась на генерала Савельева.

Взгляд генерала никак не изменился. Он как смотрел на меня с долей непонимания и снисхождения, так и продолжал глядеть. Я нервно шумно сглотнула. Под взглядом Аспирина я как будто стремительно уменьшалась в размерах. Я снова вздохнула.

— Понимаете, я... я отвозила куклу одной девочке в приют, маму которой изнасиловали, а потом она умерла в машине... точнее, нет! Она умерла при неудачных

родах! От разорвавшейся опухоли и... Потом я увидела воспоминания! Там было дерево с красными нитями! А потом нас захватил наш учитель по геометрии, и я увидела, как он хотел прыгнуть с крыши...

Я замолчала, когда увидела, что генерал Савельев сперва вытер пот со лба, а потом достал из ящика какую-то серебристую металлическую флягу.

Он приложился к фляге, сделал большой глоток. Поморщился, помотал головой и спрятал флягу обратно в ящик стола.

— Так, — сказал он решительно и веско. — Садись сюда...

Он указал на один из стульев, стоящих справа от Т-образного стола.

— И рассказывай. С начала. По порядку. Четко. Поняла?

Я осторожно, боязливо кивнула. Мне показалось, или генерал Савельев с трудом сдерживает растущее внутри раздражение?

Зря я к нему пришла! Сейчас ляпну что-то не то, и он меня вышвырнет! Я присела на край стула. Быстрым движением руки убрала несколько прядей волос с щеки. Несмело взглянула на генерала. Тот смотрел на меня с каменной сдержанностью. Я поспешно отвела взор и начала говорить. Я рассказала ему всё, что происходило со мной с того момента, как я села в машину к Брониславу, что вёз Валентину Любинскую, до того, как вчера увидела в воспоминаниях девочек коловраты и руны.

Когда я закончила, генерал Савельев снова открыл ящик стола и извлёк на свет желтую пластиковую папку. Я перестала говорить и с интересом взглянула на папку в руках генерала. А Савельев между тем вынул какую-то фотографию и несколько минут пристально её рассматривал.

Я не издавала ни звука, глядя то на фотографию в руках генерала, то на самого Аспирина.

Антон Спиридонович отвлекся, что-то набрал на клавиатуре и снова посмотрел на фотографию. Затем в монитор компьютера и опять на снимок.

Я поняла, что он, наверное, достал фотографию с места одного из убийств Сумеречного портного и проверяет информацию относительно истинного содержания узора из красных нитей на деревьях с жертвами.

— Вот же дрянь... — тихо, ошеломленно проговорил Савельев и взглянул на меня.

Я нервно сглотнула под его пронзительным льдисто-голубым взглядом.

— Действительно... коловрат и старославянские руны...

Он отвёл взор, завороченно взглянул на фотографию и досадливо качнул головой.

— Неужели ритуальные убийства? — пробормотал он.

— Вот и я о том же подумала! — выпалила я взволновано. — И ещё...

Я замолчала под обращенным на меня тяжёлым взглядом генерала.

— Эти куклы... — генерал прокашлялся, бросил взгляд на закрытую дверь кабинета. — Они сейчас у тебя?

— Да, — тихо ответила я.

— Доставай, — велел Савельев.

Я послушно вынула из своего рюкзака две самодельные вязанные куклы и положила их на стол перед Савельевым. Генерал какое-то время смотрел на них странным, полустрадальческим и мрачным взглядом

— Господи... — проговорил он. — Мне почти шестьдесят...

Он вздохнул, посмотрел на меня. Затем взял куклу, изображавшую Исидора Капитонова.

— Значит вот этот... Как его?

— Капитонов, — быстро напомнила я.

— Капитонов, — кивнул генерал. — Он значит работал раньше в этом приюте?

— Да.

— И в его воспоминаниях ты увидела, что в «Зелёной колыбели» создали бордель для всяких богатых педофилов? Я правильно понял?

— Да, — вздохнула я. — Но это не главное...

Генерал Савельев выразительно взглянул на меня.

— Ну, то есть это тоже... — заторопилась я. — Но к тому же я знаю, что все эти четыре года Портной продолжал убивать!.. Только убивал девчонок, у которых никого нет!

Я снова заволновалась, стремясь донести весь ужас сложившейся ситуации до генерала Савельева. Но тот то ли был не слишком впечатлен, то ли все-таки не верил мне.

— Что у нас получается? — тяжело вздохнул Аспирин. — Ты видела воспоминания убитых Портным девочек и поняла, что убийца продолжал орудовать, когда все думали, что он исчез... Затем ты увидела воспоминания клинического неудачника по жизни, который знал о подпольном борделе для богатых извращенцев...

— Да... — поспешно кивнула я. — Всё так, Антон Спиридонович.

Савельев снова шумно вздохнул.

— Вы мне не верите? — опасно и встревоженно спросила я.

— Я? — переспросил генерал с легкой растерянностью. — Я то верю, Ника. А вот... Понимаешь, для того чтобы нам действовать, нужны... Как тебе объяснить...

— Более веские доказательства? — спросила я.

Он внимательно посмотрел на меня и кивнул.

— Хорошо, что ты сама это понимаешь.

— Антон Спиридонович, но... я... Хорошо! — я попыталась убедить его. — Хорошо, допустим, если с Портным мало, что понятно, и я действительно лишь знаю, что он убивал девчонок из этого приюта... Но ведь бордель...

— Существует только с твоих слов и воспоминаний слетевшего с катушек Исидора Капитонова, — перебил меня Савельев.

Я в ошеломленном изумлении уставилась на него.

— То есть, вы думаете, что он мог всё это... придумать?

Генерал неопределенно шевельнул бровями.

— Ника, я не могу отдавать приказы о задержании или обысках, основываясь на информации от столь... э-э... сомнительного источника... Что, если ты ошибаешься? Что, если и Капитонов, и ты увидели не совсем то, что ты думаешь?

Я не могла поверить, что слышу это из уст Савельева.

— Антон Спиридонович, ведь меня уже не первый год знаете! — проникновенно, с чувством произнесла я. — Вы же знаете, что вещи, которые я обычно вижу, почти всегда... или даже всегда правда!

Последнее слово я, наверное, проговорила громче, чем следовало.

— Знаю, — подтвердил Савельев. — До сих пор не понимаю, как это возможно, но я свыкся с тем, что в этом мире, видимо, есть вещи, которые выше моего понимания.

— Но сейчас ты просишь меня поверить какому-то свихнувшемуся чудаку, который чуть было не перестрелял вас там всех!.. Кстати... Стас то об этом знает? Хотя, если б знал, он бы не уехал...

Генерал кивнул сам себе.

— Так вот, — продолжил он, — Ника, с твоих...

Он прокашлялся, сделав заметную паузу и всё-таки с заметным трудом проговорил:

— Показаний... я не могу отдать приказ о обыске или штурме...

— Но... — начала я.

— Как минимум, — сухо перебил меня генерал, — если даже это правда, и в приюте организовали подпольный бордель для таких подонков, мы должны твёрдо знать, что и где искать... Спроси себя, Ника, что будет, если мы придём, перевернём там всё вверх дном, даже задержим администрацию, а потом выяснится, что в том приюте всё чисто...

— Но там не может быть всё чисто! — в отчаянии воскликнула я. — Как вы не понимаете...

— Я всё отлично понимаю, Ника! — повысил голос Савельев.

Я вздрогнула от его голоса, чуть вжала голову в плечи и опустила взор вниз.

— Я понимаю, что если ты права... — тут он снова сделал выразительную паузу, — но мы ничего не найдём, то... Как ты думаешь, что сделают те, кто организовал бордель? Сказать тебе? Девчонок пустят в расход. Всех до единой. Можешь не сомневаться. А затем они свалят. Безнаказанно. Поняла?

— Поняла, — нервно сглотнув, проворчал я.

— Это при условии, что ты не ошибаешься и не приняла фантазии больного человека за его воспоминания.

— Я обычно не вижу фантазии человека, только его воспоминания, — попыталась оправдаться я.

Но как мне ни хотелось это принимать, логика в словах генерала была.

— Ника, — уже мягче произнёс генерал. — Пойми, пожалуйста, мы не можем по щелчку пальцев вламываться, куда хотим, и арестовывать, кого хотим... У нас всё-таки правовое государство...

— Но ведь... — я осеклась на полуслове, не зная, какие ещё привести аргументы.

Я не знала, как убедить генерала Савельева, что надо действовать, и немедленно!

— Значит, вы... вы ничего не будете делать? — спросила я разочарованно.

Генерал несколько секунд смотрел мне в глаза, а затем вдруг одобрительно улыбнулся.

— Теперь я понимаю, что имел ввиду Стас, когда рассказывал о тебе...

Я растерянно моргнула и непонимающе взглянула на него.

— Ника, я отдам приказ о наблюдении за указанным приютом, — серьёзно проговорил генерал Савельев. — Возможно, а скорее всего, так и будет, мы внедрим туда нашего сотрудника. Но пока это всё, что я могу сделать. Извини.

— Я понимаю... — проговорила я со вздохом.

Да. И в отношении Портного, и по поводу борделя для богатых, свихнувшихся от безнаказанности подонков генерал был прав. Если полицейские придут туда и не смогут ничего найти, им придется уйти с пустыми руками. А девочек наверняка всех убьют. Да и потом, я знаю лишь, что Портной или кто-то из его подельников, если они есть, приезжали в приют за жертвами для этого уroda. Но я понятия не имею, кто именно отдавал обездоленных сирот на растерзание кровожадному извергу. А хотя...

— Антон Спиридонович, — проговорила я. — В этом приюте есть такой человек... Я не знаю его имени, но девочки, которые живут в «Зелёной колыбели», называют его Пожирателем.

— Пожирателем? — переспросил генерал Савельев.

— Да, — кивнула я. — Он там самый главный, и ещё... М-м... Когда я почти поднялась на третий этаж в приюте, он очень разозлился на меня... Мне показалось, он очень нервничал!

Я сделала ударение на последних двух словах.

— Хорошо, Ника, — кивнул Савельев. — Мы это учтем. И думаю, нужно будет побеседовать с этим Капитоновым... Я так понимаю, в вашей школе он больше не работает?

— Нет, — вздохнула я. — Его увезли...

— В СИЗО?

— Да, но оттуда, как я узнала, направили на принудительное медицинское обследование.

— Развелось в наше время психов, — проворчал генерал Савельев.

Я не нашлась, что на это ответить.

Когда я в глубокой задумчивости вышла из здания ГУВД, у меня зазвонил мобильник. Звонил Лёва.

Сердце встрепенулось в груди. Синицын не будет беспокоить из праздного любопытства.

— Привет, Лёв, — проговорила я, приняв вызов.

— Ника, я её нашёл! — почти счастливо воскликнул Синицын. — Фомина Клавдия Антоновна, тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения. Уроженка Мурманска. В Москву перебралась относительно недавно, всего лишь три года и восемь месяцев назад. До «Зелёной колыбели» работала медсестрой, кассиром, нянкой, продавцом в зоомагазине и даже пробовала себя в роли визажиста.

— Необычный у неё рабочий опыт, — признала я.

— Как минимум, — согласился Лёва. — Но это не главное.

— Лёва, не тяни, пожалуйста, — попросила я.

— Да... — «смилоствовался» Синицын. — В общем, я вскрыл её переписку, и сегодня она встречается с каким-то мужиком по имени Пётр Петров.

— Очень похоже на наскоро выдуманный псевдоним, — заметила я, подходя к Форестеру, где за рулем спешно доедала чизбургер Лерка.

— Я тоже так думаю, — согласился Лёва.

Я открыла дверцу субару и села рядом с Леркой. Логинова быстро завернула остатки чизбургера в шуршащую обёртку и беззастенчиво швырнула на заднее сиденье.

— Ваша Клава сегодня в три часа дня встречается с этим субъектом в одном из столичных макдаков. Как я понял из и переписки, Фомина намеревается продать ему какой-то предмет. И похоже, это флешка с несколькими видосами.

— Значит, Клавдия хочет продать неизвестному человеку некие видеоролики? — оживленно спросила я.

У Леры округлились глаза.

— Да, — подтвердил Лёва. — И времени до этого момента не так уж и много...

Я бросила взгляд на дисплей мультимедийной системы Леркиного Форестера. Часы там показывали почти двенадцать.

— Нужно перехватить Клавдию, — сказала я, чувствуя, как быстрее забилося в груди сердце.

— Я подумал о том же, — степенно ответил Синицын, — но предлагаю поступить по-

другому.

— Хорошо, — согласилась я, — давай. Как?

Я отдавала должное жесткой и холодной, рассудительной и расчётливой рациональности Сеницына. Мне вообще иногда казалось, что Лёвочка состоит из проводов, схем, шурупов и микрочипов. Настолько прагматичным было его отношение ко всему окружающему, когда он что-то планировал или обдумывал.

— Мы не знаем, что именно Клавдия собирается продать этому «Петру», — проговорил Лёва, — Это может быть, что угодно. И совсем не то видео, о котором мы с тобой, Ника сейчас подумали.

Да, тут он был прав. Спорить бессмысленно.

— Хорошо, — сказала я, — Тогда что?.. Подождать, пока она отдаст «товар»?..

— Верно, — судя по голосу, Лёва сейчас довольно улыбался.

И я уже догадалась, почему.

— Ты хочешь заснять это на камеру и потом шантажировать её, угрожая показать компромат Пожирателю? Чтобы она рассказала, есть ли в приюте видеокamеры, и если да, то где хранятся записи посещения богатых клиентов?

Лёва ответил не сразу.

— Должен признать, пани Лазовская, — с толикой издёвки проговорил Сеницын, — для блондинки вы излишне проникательны.

— Сочту это за комплимент, — вздохнула я. — И порадую тебя своей проникательностью ещё больше.

— Попробуй...

— Ты сейчас в каком-то кафе, рядом с тем макдаком?

— Молодец, — похвалил Лёва. — Адрес я скинул тебе в WhatsApp.

— Спасибо, мы с Леркой сейчас приедем.

— Жду, — бросил Сеницын.

Я дала отбой, спрятала телефон и посмотрела на Лерку.

Логинова вопросительно мотнула головой.

— Чего там?

— Лёва нашёл Клавдию и узнал кое-что очень интересное, — я вздохнула и посмотрела назад.

Лерка тоже наклонилась вбок и взглянула на заднее сидение Форестера.

Там среди крошек, пары смятых пакетов, грязных кефов и, пардон, рядом с открытой упаковкой ежедневок валялся кусок недоеденного чизбургера в скомканной обертке.

Я тяжело вздохнула, посмотрела на Лерку. Логинова перевела непонимающий взгляд на меня.

— Чё? — спросила она в недоумении.

— Ты знаешь, что машины отчасти похожи на свои хозяев? — мягко, но с намеком спросила я. — И это отнюдь не преувеличение.

Лерка пожала плечами.

— Ну значит всё в порядке, — он усмехнулась и снова посмотрела на бардак, творившийся на заднем сидении, — у меня в душе такой же творческий беспорядок.

Я отстранилась, со вздохом пристегнула ремень и кивнула.

— Поехали, Лер.

— В макдак?

— Да...

— Отлично! Я ещё бургер возьму.

— Если хочешь отрастить жирок, бери конечно, — хмыкнула я.

— Ой, отстань, Роджеровна, — поморщилась Лерка. — Тебя послушать, так вообще ничего кроме здоровой пищи употреблять нельзя...

— Бургер — это не пицца, — убежденно заявила я, — а убийство собственного организма! Сколько живу, не могу взять в толк, зачем люди вообще употребляют эту фастфудовскую дрянь? А потом бегают по врачам с перекошенными лицами...

— Эй, — картинно возмутилась Лерка. — У меня мама врач! Так что нам это на руку...

— Сомневаюсь, что Беатриса Константиновна шла учиться в мединститут с таким холодным расчётом, — вздохнула я.

— Всё может быть... — интригуяюще проговорила Логинова.

— Нет, Лер. Тогда люди, и твоя мама в том числе, мыслили другими категориями, — уверенно заявила я.

— Да, наверное, — легко согласилась Лерка. — Но то время, его ценности и достижения мы по большей части фантастически прое**али...

Я не стала спорить. Логинова завела двигатель, Субару с готовностью заурчал и тронулся с места.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 20 января

Складывающиеся из событий и фактов отдельные фрагменты постепенно соединялись, сплетались и выстраивались в единую мозаику. В ней ещё хватало пробелов и белых пятен, но суть изображения происходящей действительности уже обретала нужные очертания.

Это, как ещё недописанная картина, не собранный до конца конструктор из кубиков ЛЕГО или недостроенная мозаика из набивших оскомину пазлов.

Глядя на незавершенную работу, ты ещё не знаешь до конца, как будет выглядеть результат, но уже имеешь представление о том, что примерно ты увидишь по завершении.

Корнилов постукивал указательным пальцем левой руки по рулю и задумчиво рассматривал покрытый коррозионными рыжими пятнами кузов едущего перед ним пикапа. Стас вспоминал и анализировал сведения, полученные из рассказа Аделаиды Елизаровой.

— Он... Артём Солонкин... Он просто... — мать Людмилы говорила нехотя, с заметным и невыносимым чувством стыда. — Этот юноша просто оказался рядом, когда...

Женщина бросила быстрый пугливый взгляд на мужа. Георгий Елизаров почти всё время, пока длился рассказ Аделаиды, с отстраненной, показательной мрачностью глядел в окно.

— Артём просто оказался рядом, когда мой муж... не мог уделять мне достаточно внимания — проговорила тогда Ада.

Вопреки ожиданиям Стаса, Георгий Елизаров не оборачивался и не смотрел презрительным или изучающим взглядом на свою неверную жену.

— За то время, что вы были с Артёмом, он как-то проявлял интерес к Людмиле? — спрашивал Стас.

— К Люде? — переспросила в ответ Аделаида. — Нет, что вы... Артём он...

Она снова осеклась, стыдливым, опасливым взглядом посмотрела на мужа.

Георгий по-прежнему не оборачивался. Казалось, он не слушал, пребывая в каких-то своих неприятных раздумьях.

— Он был со мной, и... — Аделаида вздохнула. — В то время он... ну... мне так казалось... Он... любил меня и...

Вот тут Георгий Елизаров повернулся и смерил супругу продолжительным взглядом со смесью недоверия и презрения. Стас видел, как женщина вся сжалась под давящим взглядом мужа.

— При каких обстоятельствах Людмила узнала про вашего любовника? — спрашивал Стас.

Но ответил ему Георгий.

— Людмилу выгнали с урока вместе с её подружкой, как её там...

— Диана, — кротко вставила Ада.

— Ага, с Дианой — бросив ещё один уничтожающий взгляд на супругу, проговорил Георгий. — Они то и застукали Аду с этим кобелем!

Стас не смотрел на Георгия. Его внимание было сосредоточено на лице матери Людмилы.

— Что было после? — спросил Стас.

— После эта дура сбежала из дома, а затем нашла Солонкина, чтоб он провалился, и...

Когда Георгий оборвался себя, Стас обернулся, взглянул на лицо Елизарова. Лицо отца Людмилы было перекошено от злости.

— Отдалась этому ничтожеству! — выплюнул Георгий.

Очевидно было, что он в равной степени ненавидит и свою дочь, и Артёма Солонкина.

Стас сделал запись в своем блокноте и задал следующий вопрос.

— После того, как Артём переспал с вашей дочерью, вы виделись с ним?

— Да, но я... Я прогнала его! — проговорила Аделаида. Стасу показалось, что женщина с трудом сдерживает слёзы. Боль, которую ей причинила родная дочь, и стыд за совершенную измену в унисон рвали и прожигали её изнутри. Хотя такая светская львица, как Аделаида, была приучена прятать эмоции за сотнями «фарфоровых» масок различных настроений, её с головой выдавал взгляд. Молящий, беспомощный, потерянный.

После того, как шестнадцатилетняя Людмила соблазнила двадцатитрёхлетнего Артёма Солонкина, тот явился в дом Елизаровых, что называется, с повинной. Но был выставлен охраной Елизаровых. Аделаида сообщила ему, чтобы он больше не появлялся рядом с её домом и не звонил ей.

Артём не оставил попытки получить прощение. Но всё было тщетно.

Отправился ли Солонкин в Москву за Людмилой или же появился там по случайном совпадению, точно не известно. Но пока у Стаса был только один подозреваемый. Пусть и не очень надёжный, потому что Корнилова продолжали мучить сомнения. Кое-что все-таки не сходилось.

Вчерашний разговор с родителями Людмилы многое прояснил, и Стас надеялся, что сегодня он узнает о жизни Людмилы ещё больше. Корнилов хотел переговорить со школьной подругой Людмилы Дианой Злотниковой.

Однако в местном цирке, где Диана, к удивлению Стаса, работала акробатом-эквилибристом и считалась кем-то, вроде местной звезды, её не оказалось. В цирке сегодня был выходной, и когда Стас туда приехал, ему сообщили, что до начала репетиций для

нового сезона выступлений Диана вряд ли появится. То есть, не раньше начала следующей недели. Посему Корнилов немедленно отправился по указанному месту проживания Дианы.

Девушка снимала комнату у одной женщины по имени Амалия Марсова.

Корнилов был на месте спустя двадцать минут. Это по Москве можно было пробираться из Головинского района в Раменки не меньше полутора или двух часов. А здесь расстояния были непривычно короткими.

Стас издали увидел соответствующий описаниям работников цирка двухэтажный дом с серо-зеленой деревянной облицовкой и темно-коричневой черепичной крышей. Возле закрытого гаража стоял потрепанного вида бело-зелёный Ford Bronco из семидесятых годов прошлого века. На окнах дома Стас разглядел занавески. За аккуратным невысоким заборчиком лежали снежные сугробы, из них выглядывали приземистые кустики.

Стас открыл низкую калитку, прошел по запорошенной снегом цементной дорожке и, остановившись перед дверью, позвонил. Довольно быстро ему открыла средних лет женщина в теплом вязаном свитере и джинсах. Её темно-русые волосы с проседью были завязаны в объемный пучок снизу.

— Добрый день, — прозвучал грудной голос женщины. — Чем могу помочь?

Стас показал удостоверение.

— Подполковник Корнилов, Уголовный розыск. Вы Амалия Марсова?

— Да, это я, — с достоинством, вежливо и степенно ответила хозяйка дома и посторонилась. — Проходите.

Стас вошёл в дом, огляделся. Прихожая была не слишком большой, но уютной, с огромным зеркалом и узорчатым половиком. Рядом с крючками для одежды стояли лыжи и лыжные палки.

Из-за приоткрытой деревянной двери выскочил мохнатый чау-чау и подбежал к Стасу.

— Фридрих! — мягким, но повелительным голосом произнесла Амалия. — Назад! Место!

Пёс беспрекословно подчинился и потрусил в другую часть дома.

— Проходите, — повторила Амалия. — Чаю, кофе?

— Нет, спасибо, — отказался Стас. — Я, собственно, пришел поговорить о...

— Диане Злотниковой, — кивнула Амалия, слегка удивив Корнилова.

— Да, — слегка нахмурившись ответил Стас. — А как вы догадались?

— Интуиция, — не то шутя, не то всерьёз ответила Амалия.

Стаса порядком смутила и улыбка, и взгляд зеленых, как весенняя трава, глаз женщины. В её взгляде таилась странная, необъяснимая снисходительность. Хотя Амалия явно демонстрировала любезную и вполне искреннюю расположенность к гостю.

Женщина проводила его в комнату, похожую на нечто вроде кабинета.

Небольшой, со светлыми обоями, довольно уютный кабинет с обеих сторон был обставлен громоздкими книжными шкапами. На полках шкафов стояли ряды довольно старых и потрепанных книг, а также всякое причудливое барахло, вроде макета солнечной системы, нескольких нефритовых камней с нацарапанными непонятными рунами и весов с четырьмя чашами. А одна из полок была сплошь заставлена странными вязанными куклами. Они изображали людей: мужчин, женщин, детей. Куклы были сделаны довольно подробно, учитывая многие мелочи, вроде перевязанной руки, родимых пятен или грязи на одежде.

— Присаживайтесь, — Марсова указала Стасу на одно из обитых зеленым бархатом старых кресел, а сама села на обыкновенный деревянный стул с витиеватой резьбой.

Подвинувшись немного к столу, Марсова убрала с левой щеки прядь темных волос и, чуть склонив голову на левый бок, выжидающе посмотрела на Корнилова.

Стас ощущал странную, необъяснимую неловкость и даже что-то похожее на смятение. До сих пор вызывать подобные кратковременные ощущения у Стаса иногда получалось лишь у Вероники Лазовской. И потому Корнилова насторожил факт, что Амалии удалось то же самое и без особого труда.

Справившись с этим внезапным ощущением, Стас спросил:

— Диана сейчас у себя?

— Нет, — с толикой заигрывающей лукавости улыбнулась Амалия.

Стас поддержал эту «игру» и тоже ухмыльнулся.

— И где же она?

— Могу я сперва спросить, зачем вы разыскиваете Диану? — в свою очередь задала вопрос Марсова.

— Это связано с её подругой, — ответил Стас, глядя в глаза женщины.

— Диана не причастна к исчезновению Людмилы, — проговорила Марсова.

— Исчезновению? — переспросил Корнилов. — Большинство считает, что Людмила Елизарова давно мертва.

— Возможно... — проговорила Марсова.

Корнилов вздохнул.

— Возможно, в скором времени так и будет, — закончила Амалия. — Возможно, в скором времени Людмила действительно будет... мертва.

Стас чуть искоса внимательно взглянул на неё. Губы Амалии вновь сложились в сдержанную, кроткую улыбку.

— Вам что-то известно о Людмиле? — спросил он.

— Возможно, — уклончиво и игриво ответила Амалия.

Стас гадал, зачем Амалия так себя ведёт. Одно из двух. Или она пытается вывести его из себя, или же просто хочет отвлечь. Стас склонялся ко второму варианту.

— Диана ведь сейчас здесь? — спросил он, и что-то в глазах Амалия подсказало ему, что он прав. — Вы солгали мне.

— Вовсе нет, — Амалия величаво качнула головой. — Вы спросили у себя ли она, подразумевая, видимо, что она в своей комнате.

Стас хмыкнул. Женщина выжидающе глядела на него.

— Значит, она прячется где-то в вашем доме, — понял он. — Вы могли бы попросить её прийти сюда?

Амалия неопределенно, чуть заметно качнула головой.

— Я не могу просить Диану рисковать собой, когда до конца не знаю ваших намерений, — любезно, но твёрдо ответила женщина.

— Вот как? — проговорил Стас, которому уже надоело терять время попусту. — А если я выйду отсюда и найду её сам? У вас не такой большой дом, Амалия.

— Сомневаюсь, что вам это удастся, господин подполковник, — с очаровательной хитринкой в голосе проговорила Амалия.

— Проверим? — Корнилов добавил в свои слова чуточку щекотливой угрозы.

— Это ни к чему, — пожал плечами Амалия, — чтобы попытаться найти Диану в моем доме, вы должны были хотя бы войти в него. А я вас ещё не впускала.

Стас непонимающе уставился на Амалию Марсову. Женщина улыбалась с лукавым

торжеством. А Корнилов с внезапным ошеломлением вдруг осознал, что стоит на пороге её дома!! Он стоит перед открытой дверью дома Амалии, его овевает зимняя стужа и метель. А странная хозяйка в своем зеленом свитере и джинсах, облокотившись на дверной косяк и сложив руки на груди, изучающе смотрела на него. На её красивых губах замерла знакомая снисходительная улыбка. А в светло-зеленых, травянистых глазах сияла добродушная насмешка.

Стас ошарашенно огляделся. Ему не казалось. Это было правдой. Это была реальность... Он действительно стоял на улице у двери дома Амалии.

Корнилов в растерянности провел рукой по морозному воздуху. Амалия проказливо хихикнула. Стас с вытянутым от изумления лицом взглянул на неё.

Женщина поднесла правую ладонь к губам и попросила:

— Простите. Но у вас очень смешной вид, подполковник.

Стас молча, пристально и тяжело смотрел ей в глаза.

Амалия внезапно перестала улыбаться и, испытующе глядя в глаза подполковника, чуть склонила голову.

— А вы не так изумлены, как... другие до вас, — проговорила она. — И справились с шоком гораздо быстрее.

Она кивнула и одобрительно усмехнулась.

— Значит вы не так уж и неискушены в лицезрении чего-то необычного, — проговорила она, и голос её посерьёзшел.

— Да... — проговорил Стас, глядя в глаза Амалии, — приходилось видеть... кое-что...

— Вы встречали одну из нас? — вдруг спросила Амалия непривычно звонким и резковатым тоном.

— Одну из... кого? — осторожно, помешкав, спросил Стас.

Амалия несколько секунд рассматривала его лицо, а затем покачала головой, словно отгоняя какие-то лишние мысли.

— Не важно, забудьте. Вы хотели поговорить о Диане? Я вас слушаю. Но имейте ввиду, я узнаю, если попытаетесь скрыть от меня свои истинные намерения. И если захотите обмануть, тоже.

— Я понял, — кивнул Корнилов.

Стас не сомневался, что Амалия способна и на это.

— Мне нужно узнать, что Диана знает о тайном поклоннике Людмилы, который писал ей письма.

Лицо и взгляд Амалии никак не изменились. Зато Стас заметил движение за её спиной. Из-за приоткрытой двери внутри дома в прихожую робко выглянула темноволосая девушка. Она была невысокой с изящным и хрупким телосложением. Стас встретился взглядом с её васильковыми глазами.

Амалия коротко и размеренно вздохнула.

— Видимо, Диана сочла вас безопасным для неё, — проговорила она и посторонилась. — Проходите.

Стас замер, испытующе, настороженно взглянул на Амалию.

Та добродушно засмеялась.

— В этот раз по-настоящему, господин подполковник, — проговорила женщина.

У Корнилова голова разрывалась сотнями вопросов к этой женщине. Как минимум, Стас не сомневался, что Амалия... имеет что-то общее с Никой. И он подумал, что стоит

позже поговорить с ней о синеглазой девочке и её умениях. Возможно, Амалия сможет научить Нику управлять своими способностями. Но... Кто она? Что... что это было? Иллюзия? Видение? Какой-то морок?.. Он не знал. Как и не знал ни одного логичного объяснения умениям Вероники.

Диана Злотникова была щуплой и выглядела робкой, но сразу же предпочла перейти к делу без предисловий.

— Если бы вы не были так известны, господин подполковник, — проговорила Диана, — я бы вам не поверила, и Амалия заставила бы вас уйти. Можете не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь, — качнул головой Стас.

— Отлично! — звонко воскликнула Диана. — Вас интересует Людмила? Что именно?

Стас слегка опешил от такой резвой напористости.

— В первую очередь должен спросить, не знаете ли вы случайно, где сейчас Людмила?

Сидящая рядом Амалия хмыкнула, но ничего не сказала.

— Я не знаю, — отрывисто бросила Диана. — Мы перестали с ней общаться с того момента, как она отдалась этому бугаю, с которым кувыркалась её мамашка.

— Диана, — чуть скривилась Амалия.

— Называю вещи своими именами без прикрас, — холодно отозвалась Злотникова.

Стас видел, что девушка явно раздражена воспоминаниями о Людмиле и очень заметно чего-то боится. Всё время разговора она расхаживает из стороны в сторону и трет друг о друга костяшки нервно сжатых кулачков.

— Артём Солонкин писал письма или пытался преследовать Людмилу? — спросил Стас.

Диана в ответ презрительно фыркнул.

— Эта хлипкая размазня? Щас! Он сначала перед её мамашкой на коленях ползал, потом Людку умолял, чтобы она убедила свою мать простить его...

Злотникова раздраженно и судорожно вздохнула.

— Нет, Солонкин просто сбежал из Мурома. Насколько я знаю, он тоже рванул в Москву.

— С Людой они больше не общались? — спросил Корнилов.

— Да откуда я знаю! — выпалила Диана, и Стас увидел на её глазах слёзы.

Он вопросительно взглянул на Амалию. Та просто встала из своего кресла, подошла к девушке и ласково, почти по-матерински обняла её. Злотникова с готовностью уткнулась ей в плечо. Так они простояли несколько секунд. Амалия поглаживала девушку по голове и что-то шептала ей. Стас ждал и гадал, чего так боится Диана.

— Извините, — отстранившись от Амалии, проговорила Злотникова и промокнула глаза протянутыми Амалией салфетками.

— Всё в порядке... — ответил Стас.

— Нет, господин подполковник, — чуть вкрадчиво возразила Амалия. — Боюсь, что это не так.

Она взглянула на Диану. Но та качнула головой и взглянула на Стаса.

— Я сэкономлю ваше время, господин сыщик, — ответила Диана.

— Правда? — вскинул брови Стас. — Каким образом?

— Я знаю, кто вам нужен.

— Вы...

— Я знаю, — перебила его Диана, — кто писал письма Людмиле.

В комнате, где они находились, пространство заполнила внезапная тишина. Диана смотрела на Стаса, Амалия на Диану, а Стас переводил удивленный взгляд с одной на другую.

— Вы знаете имя поклонника Людмилы, который слал ей письма?

— Я даже знаю его в лицо, — ретиво кивнув, ответила Диана.

Стас прокашлялся, смерил Злотникову скептическим взглядом.

В разговор вмешалась Амалия.

— Господин подполковник, — обратилась она к Стасу, — Диана не врёт. Это она шесть лет назад привела ко мне Людмилу, чтобы я сделала приворот на Артема Солонкина.

Стасу на мгновение показалось, что он ослышался.

— Что, простите? — проговорил он, нахмурившись.

Его сердце нетерпеливо забилося под курткой.

— Приворот, — вздохнув, ответила Амалия. — Вам рассказать, что это?

— Нет, спасибо, — пробурчал Стас.

Ему тяжело было поверить в услышанное. Даже после того, как он увидел, на что способна Амалия, зная, на что способна Ника, он не мог принять на веру слова Амалии. Мозг Стаса бунтовал против принятия самого факта существования всяких приворотов-отворотов и прочей чепухи.

Но... Почти три года назад он вряд ли бы поверил и в то, что кто-то может лицезреть чужие воспоминания, вскрывая самые сокровенные тайны людей и заглядывая в самую глубь их души. А между тем белокурая синеглазая девочка, пришедшая в отчаянии к Стасу почти три года назад, продемонстрировала именно это.

— Продолжайте, — справившись с собой, проговорил Стас.

Он старался не обращать внимания на учатившийся пульс.

— Диана и Люда пришли ко мне шесть лет назад одним свежим и солнечным апрельским утром, — наблюдая за Стасом, произнесла Амалия. — Людмиле нужно было приворожить некоего Артёма Солонкина.

— Видимо, ваш приворот подействовал, — не удержавшись, с сарказмом заметил Стас.

— Как бы не так! — воскликнула Диана. — Люда потом ещё сюда вернулась и устроила сцену Амалии! Видите ли, её приворот не действует! Назвала Амалию шарлатанкой и вообще!..

Диана задыхалась от гнева и возмущения.

— Да уж, — кивнула Марсова, — шумная была девочка.

— Простите, но если приворот не подействовал, — проговорил Стас, — значит Людмила справлялась собственными силами?

— Ага, — хмыкнула Злотникова и усмехнулась кривой, презрительной усмешкой. — Бедной Людочке пришлось шантажировать этого рохлю!

— Шантажировать? Чтобы Солонкин согласился?.. — переспросил Стас. — Людмила вроде бы... м-м... всегда была желанной девушкой...

— Да, конечно! — негодуяще фыркнула Диана. — Так оно и было! Только вот Артёмка наш оказался слишком принципиальным! Люду это выбесило! Помню, как она его матом по матери и по всем родственникам крыла!

Злотникова выдохнула. Стас потрясенно качнул головой.

— Солонкин оказался настолько привязан к Аделаиде Елизаровой?

Амалия взглянула на него. Корнилов увидел, как её зеленые глаза потемнели от печали.

— Вы не понимаете, — сказала она, — Артём Солонкин, двадцатитрёхлетний юноша, недавно закончивший институт, искренне, горячо и трепетно любил и до сих пор любит Аделаиду Елизарову. Именно это он и сказал тогда Людмиле.

— Но если вы... — Стас умолк не в силах произнести эту ересь в слух, — Если вы, как утверждаете, приворожили его, Солонкин вроде как должен был горячо и страстно полюбить Людмилу...

— Если бы эта корова всё сделала правильно, — едко проговорила Диана, — то так бы оно и было! А эта дура отдала сок, куда Амалия капнула отвар, младшему, сводному брату Солонкина... Ждать ей видите-ли было некогда, пока Артём домой придёт. Всучила в спешке и умчалась. А этот кретин, брат Артёма, взял и ...

Диана не договорила, лишь негодуяще встряхнула головой. Но шокирующая истина и без того предстала перед Стасом во всей обнаженной красе.

— Вы хотите сказать, что сводный брат Солонкина и есть...

— Да, это он преследовал Людмилу и калечил всех, кто хоть как-то вредил ей, — подтвердила Диана. — Потом он вообще рехнулся и зарезал парня и девушку, что мстили Людмиле за унижения.

— Страшный был день, — опустив взгляд, с грустью произнесла Амалия.

— И вы можете мне назвать его имя и фамилию? — спросил Стас.

Диана и Амалия переглянулись. Корнилов увидел, что Марсова едва заметно кивнула девушке.

— Не так быстро, — ответила Злотникова.

— Слушаю, — приготовился Стас.

Диана и Амалия снова обменялись взглядами.

— В общем... — смущенно проговорила Диана. — Тут такое дело... Короче, мне нужна ваша защита, подполковник Корнилов.

Стас удивленно вскинул брови. Диана нервным жестом смахнула темные пряди волос с лица.

— Мне... мне угрожают одни люди... Очень опасные люди... И мне нужно бежать из города... Но одна я не могу...

— Вот оно что, — проговорил Корнилов. — Хотите, чтобы я вас вывез из Мурома?

— Да! — выпалила Диана и уставилась на Стаса.

Сейчас Корнилов отчетливо увидел в её глазах трепетную, жадную надежду и страх. Бесконечный, поглощающий девушку изнутри, крошечный страх.

Стас не отводя взора, глядел в ответ на неё. Глядел в её глаза, пока взгляд девушки не стал умоляющим.

— Господин подполковник, — произнесла Амалия

Стас перевел взгляд на неё.

— Пожалуйста, — проговорила Марсова. — Помогите Диане, а она поможет вам. Это честная сделка.

— Сделка, — вздохнул Стас.

— Да назовите, как хотите! — воскликнула Диана. — Только, пожалуйста, увезите меня отсюда! Я прошу вас! Пожалуйста! Я всё вам расскажу! А... а без меня вам этого козла всё равно не найти! Он сменил фамилию и имя! Но я знаю, как его зовут сейчас! Знаю даже, где он работает! Пожалуйста, господин подполковник! Прошу вас... Я всё расскажу!..

По щекам Дианы заструились слезы бессильного отчаяния.

— Прошу вас... — окончательно сломавшись, шепотом произнесла Диана, и робко приблизилась к Стасу.

Корнилову было жаль девчонку. И он решил, что поможет ей, даже если она его обманывает.

— Если вам угрожают, почему вы не пойдете в местную полицию? — спросил он.

— Потому что местная полиция не станет ссориться с Гудзевичем.

— Это ваш местный авторитет?

— Это наш местный бандит, убийца, насильник и грабитель! — проговорила с дрожью Диана. — У него весь Муром в кулаке!

— Ну или, по крайней мере, большая его часть, — вставил Амалия.

— Понятно, — вздохнул Стас.

Складывающаяся картина его не радовала. А решение нужно было принимать быстро.

— Когда вам нужно уехать? — спросил он Диану. — Сегодня?

— Сейчас, — нервно сглотнула Диана. — Они...

Она всхлипнула и проговорила дрогнувшим голосом.

— Они меня уже ищут! Шакалы Гудзевича пасут меня по всему Мурому и его окрестностям! Они...

Она горестно всплакнула.

— Они мою мать до смерти запытали... И... и дядю моего вместе с семьёй в машине... взорвали...

Стас знал, что многие провинции ещё живут в плену мрачных девяностых, да и в Москве ещё не все ОПГ вывели. Но Корнилов не представлял, что есть города, где бандиты могут действовать столь жестоко, нагло и абсолютно безнаказанно.

Диана продолжала плакать. Стас думал. Амалия ждала. Хотя, Стас в этом тоже не сомневался, Марсова уже знала, какое решение примет Корнилов.

— Ты готова прямо сейчас ехать? — спросил Стас.

Диана взглянула на него и быстро закивала.

— Д-да... да, готова!

— Ну, тогда не будем тянуть время, — ответил Стас, — но у меня условие: по приезде в Москву ты не только расскажешь мне о сводном младшем брате Солонкина, но и дашь подробные показания относительно этого твоего Гудзевича.

— Но...

— Это не обсуждается, — холодно и категорично ответил Стас.

— Диана, — проговорила Амалия. — Так будет правильно. Подумай, что ты то сбежишь отсюда, а Гудзевич будет продолжать царствовать в Муроме....

Девушка бросила на Марсову неуверенный взгляд, нехотя кивнула.

— Хорошо, я всё расскажу, — пообещала она.

Она собралась быстро. Стас даже удивился. На его памяти ни одна девушка не была готова к выходу в течение двух с половиной минут.

В прихожей Амалия задержала их.

— Я очень надеюсь на вас, господин подполковник, — проговорила Амалия. — Постарайтесь защитить Диану, прошу вас. Она единственная в городе решилась бросить вызов очень жестоким и опасным людям, над которыми не властен местный закон.

— Конечно, — бросил Стас и открыл входную дверь. — Идём, Диана.

Когда они сели в его внедорожник, Стас посмотрел на Злотникову.

Девушка все время пугливо оглядывалась. Корнилов повернул ключ в замке зажигания. Мотор ожил. Стас быстро отъехал и вдруг обнаружил, что вместо дома Амалии на этом же месте стоит совершенно другое строение. А именно, какой-то магазин по продаже ковров, занавесок и напольного покрытия.

— Какого чёрта... — поморщился Корнилов.

— Амалия спряталась, — ухмыльнулась сидящая рядом Диана и посмотрела на Стаса.

— Кто она такая, твоя Амалия?

— Сами что ли не понимаете? — отвернувшись к окну проворчала Злотникова.

Стас ничего не ответил и вырулил на дорогу. Он надавил на газ. Чёрный Дефендер, ускоряясь, полетел вперёд.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 20 января

От Леркиного бургера исходил жирный, жаркий мясной запах. А так же по всему шумному и переполненному помещению МакДональдса витал слоистый и маслянистый запах картошки-фри. Надо ли говорить, что я с трудом переносила букет подобных «ароматов».

Сидевший напротив меня Сеницын посматривал то в окно, то бросал изучающие взгляды на Лерку. Пока мы тут ждали Клавдию с её таинственным визави, Сеницын пару раз попытался завязать разговор с Логиновой, но Лерка в бескомпромиссной манере пресекала всего его попытки. Поведение Лёвы было слишком очевидным, чтобы не заподозрить истинной причины его появления в нашей маленькой компании. Поэтому я уже два раза выходила «позвонить» и минут двадцать простояла в женском туалете, пока на меня не начали коситься входившие туда женщины.

Но, видимо, Сеницын не сумел использовать предоставленные мной шансы. Лерка держалась агрессивно, предвзято и холодно.

— Лёва, — проговорила я, поглядывая по сторонам, — а ты никак не можешь что-то узнать о внешности оппонента Клавдии?

— Нет, Ника, прости, — качнул головой Сеницын, устремив на меня взор своих серо-голубых глаз со стальным отблеском. — Но этот П.П. даже Клавдии не назвал ни одной своей приметы. Они уговорились, что он сам её найдет.

— На месте Клавдии, — вмешалась в наш диалог Лерка, — я бы как-то подстраховалась... Ну стрёмно это...

— Она это понимает, Лер, — проговорила я. — Просто... Просто, я думаю, что в приюте что-то затевается...

Лера и Лёва одновременно уставились на меня.

— Клавдия не просто так решилась на такой риск, — продолжала я. — Что-то должно было подтолкнуть её к этому... Возможно, ей стало что-то известно о планах Пожирателя... Возможно, она решила успеть как-то заработать и сбежать, заматая следы.

Я покачала головой.

— Вряд ли Клавдия просто так предприняла бы столь опасные шаги... Риск попасться у неё очень велик.

Лёва отвёл задумчивый взгляд.

— Логика в твоих словах есть...

— Ага, — хихикнув ответила Лерка, — Вон и локоны твои платиновые, кажется, чуточку потемнели...

Они с Лёвой тихо засмеялись.

— Кто придумал дурацкий стереотип о зависимости умственных способностей от цвета волос? — качая головой спросила я. — Очень бы хотелось в глаза этому человеку посмотреть.

Лера и Лёва захихикали ещё больше. Ну отлично. Хотя в чем-то эти двое сошлись. Может это Лёвин шанс... Может сфоткать их, выложить в инстаграм и написать: «Так начиналась ироничная история о том, как дурацкие шутки про блондинок соединили судьбы двух людей».

Я взяла стакан с латте, который заказала двадцать минут назад, поднесла к губам и тут увидела шагающую ко входу в Макдак Клавдию. Она была в расстегнутом темном пальто, в черноволосом парике и своих очках cat-eye в леопардовой оправе. Не знаю, зачем она нацепила парик, это никак не помогало её конспирации.

— Клавдия, — сказала я негромко и указала на приближающуюся сотрудницу «Зелёной колыбели».

Лерка отвлеклась от поедания бургера, глядя на Клавдию. Сидевший спиной ко входу Лёва, оборачиваться не стал. Он только спросил:

— Ты уверена, что это она?

— Абсолютно.

— Как она выглядит?

— Темное пальто, черный парик, очки в леопардовой оправе, — ответила я.

— Хорошо, — кивнул Сеницын и что-то достал из своей сумки. Это оказалась маленькая коробочка на замочке.

Лёва вынул оттуда предмет похожий на маленькую пуговицу, только потолще. Затем что-то быстро набрал на своем смартфоне. Мы с Леркой переглянулись. Логинова пожала плечами. А Лёва вдруг поднялся из-за стола и направился прямо наперерез вошедшей в МакДональдс Клавдии.

— Что он задумал? — шепнула мне Логинова.

— Я так понимаю, что хочет подложить Клавдии подслушивающее устройство, — проговорила я, наблюдая за Лёвой.

Он сбавил шаг, подождал пока Клавдия поравняется с ним. Затем ринулся следом.

— Знаешь, — помолчав, произнесла Лерка, наблюдая за Лёвой, — иногда он меня настораживает... Откуда он всё это знает и умеет?

— Ты уже должна была заметить, что Лёва крайне неординарный парень, — чуть улыбнувшись, ответила я.

— Более того, — фыркнула Логинова. — Мне кажется, он уникален в своем роде.

— О-о... — протянула я игриво и томно. — Так ты считаешь его «не таким, как все»?

— Что? — поморщилась Лерка, — Ещё чего!.. Я не в этом смысле!.. Просто...

Она замолчала, не найдя нужного определения. Настала моя очередь довольно похихикать.

— Ой, ну тебя! — отмахнулась Логинова.

Лёва тем временем ускорил шаг и вдруг «случайно» задел плечом идущую впереди Клавдию. Мы с Лерой увидели, как он извинился перед ней, и быстро ушел вперёд. Клавдия посмотрела вслед Лёве. Затем оглянулась в поисках свободного столика. Мы с Лерой опустили головы. Рослая Лерка, даже чуть-чуть сползла со стула. Но Клавдия нас не узнала. Всё-таки не зря мы сели в самом укромном месте с хорошим обзором на всё помещение и окна.

Лёва, сделав солидный круг, вышел через другой выход и через пару минут снова вошёл внутрь Макдака. Сеницын вернулся к нам за стол и так же молча вынул три пары Bluetooth наушников.

— Надевайте, — велел он.

— Ты подсунул ей прослушку, да? — довольно улыбаясь, спросила Лерка.

— Да, — сухо ответил Лёва.

Он был сосредоточен и заметно напряжен. Я надела выданные Лёвой наушники, оставив одно ухо открытым. Лёва и Лерка поступили так же.

— Я ничего не слышу, — чуть нахмурилась Лерка.

— Я включу звук, когда они встретятся, — ответил Лёва. — Нам нет смысла слушать, как она будет есть, пить и дышать.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут к столику, за которым сидела Клавдия, приблизился мужчина в куртке с капюшоном, из-под которого торчал козырек блайзера.

Я жестом показала Леве, что Клавдия уже не одна. Синицын что-то включил на своем телефоне. И я услышала в правом наушнике:

— ...могли бы попробовать. Я готов заплатить ещё больше за информацию, которую вы предоставите дополнительно по согласованной между нами схеме.

— Я не могу ещё раз рисковать! — прозвучал в ответ дрожащий, взвинченный голос Клавдии Фоминой. — Я не могу... Мне нужно уехать и срочно! Меня наверняка будут искать...

— Значит, вы добровольно отказываетесь от большого гонорара? — спросил собеседник Клавдии.

Я напряженно вслушалась в слова оппонента Клавдии. Его голос был мне знаком. И, кажется, я знаю, кто это.

— Да, — ответила Клавдия на вопрос собеседника. — Я туда не вернусь!

— Хорошо, а если я удвою...

— Я же сказала — нет! — повысила голос Клавдия. — Проверяйте видео, и я пошла...

— Одну минуту... О-о... Вот оно...

— Всё работает? — нервно спросила Фомина. — Тогда я пошла.

— Не так быстро, Клавдия, — остановил её таинственный визави. — Я хочу убедиться, что все видео загружены сюда в полном объеме.

— Вы что, издеваетесь?! У меня нет времени сидеть тут рядом с вами и ждать пока вы просмотрите все файлы!..

— Ничего, — с ледяной пренебрежительностью ответил собеседник Клавдии. — Это не так долго... если все в порядке.

— Ладно, только можете побыстрее? — раздраженно ответила Фомина.

— Постараюсь... М-м... А как зовут этого мужчину?

— Уберите, я не хочу на это ещё раз смотреть! — потребовала Фомина.

— Как же вы там работали, если не можете смотреть, как взрослый мужчина избивает ремнем привязанную к кровати девочку?..

Я в шоке прижала ладони ко рту, нервно сглотнула. В моем воображении мгновенно возникла поражающая своей жестокостью кошмарная сцена! Шокированная услышанным, я взглянула на Лерку и Лёву. Синицын сидел с мрачным, застывшим лицом. Отяжелевший взгляд Леры метал молнии. Кажется, Логинова была готова убивать.

— Я не присутствовала при этом! И видео просмотрела лишь, чтобы убедиться в его подлинности.

— Ясно... О-о... — посмеявшись, протянул мужчина. — А вот этот ваш клиент

настоящий фантазёр... Клетку он привозил с собой, или же вы любезно предоставляли ему данный реквизит?

— Понятия не имею, — металлическим голосом отозвалась Клавдия.

Я закрыла глаза. Хотя я не видела ту видеозапись, что сейчас просматривает собеседник Клавдии, я могла довольно четко представлять происходящий там противоестественный ужас. Лера, судя по выражению её лица, тоже. Лучше всех из нас держался, конечно, Лёва.

— Что ж, — произнес покупатель видеороликов Клавдии, — вроде бы всё в порядке. Сейчас я переведу деньги...

— Секунду! Мы договаривались наличными! — протестующе воскликнула Клавдия.

— Хорошо, не волнуйтесь... Как скажете. — ответил собеседник. — Вот, пожалуйста...

Мы услышали бумажный шорох купюр.

— Благодарю, — холодно откликнулась Клавдия.

Я посмотрела на столик, где сидела Фомина с неизвестным. Она сложила деньги в сумку и, встав из-за стола, скорым шагом направилась прочь.

Мужчина в куртке с капюшоном немного посидел за столом, а затем поднялся, и тоже двинулся к выходу. Когда он проходил мимо нас, я посмотрела на него. Внезапно наши взгляды встретились. Я замерла, затаив дыхание. Из-под капюшона куртки на меня смотрел Максим Датский.

Глядя на меня, брат-близнец Ольги Датской врезался в какого-то мужчину тяжелой комплекции. Тот развернулся и толкнул Максима в грудь.

— Ты чё, не видишь, куда прёшь?! — мужчина толкнул Максима в грудь так, что тот пошатнулся и растянулся на полу.

— Нужно уходить, — быстро сказала я, вставая из-за стола.

— Идите на улицу, я сейчас, — Лёва широким шагом направился в глубь помещения МакДональдса.

Мы с Лерой удивленно посмотрели ему вслед, затем ринулись к выходу.

Оказавшись на улице, я поискала глазами Клавдию и узнала её только по быстрой и нервной походке. Она уже была на другой стороне улицы.

— Давай за руль, — бросила я Логиновой, — а я пешком.

— Хорошо, — Лерка поспешила к своей машине.

Я надела капюшон своей парки и скорым шагом двинулась за Клавдией.

Попутно я набрала номер Лерки.

— Да? — спросила Логинова. — Ты её видишь?

— Да, — тихо ответила я, глядя на спину идущей впереди Фоминой. — Подожди Лёву и езжай в сторону бизнес-центра на правой стороне. Видишь? Большое такое здание с желтой...

— Вижу, вижу, — отозвался Лера.

— Поехали! — услышала я голос Лёвы и клацающий звук закрывавшийся автомобильной дверцы.

— Так, не командуй тут! — возмутилась Лера.

— Лера, — простонала я, — сейчас не время! Пожалуйста...

— Да еду я! Просто, чё он тут указывает... — проворчала Логинова.

Я прервала связь и ускорила шаг. Клавдия шла очень быстро. Зимний ветер развеивал черные волосы её парика. Я следовала за ней и старалась не потерять её из виду. Она неожиданно свернула между магазином поддержанной бытовой техники и винной лавкой. Я

сообщила об этом Лерке и поспешила следом за Фоминой. Внутри меня бушевала буря эмоций и переживаний. В сознание проскальзывало опасение, что Фомина меня заметит. А также я боялась упустить её из виду. Меня подгоняла надежда на то, что Фомина поможет мне или подобраться к Портному, или получить доказательства преступной и омерзительной деятельности в стенах приюта.

Я шла за Фоминой, когда вдруг прямо перед ней резко выкатился Леркин чёрный Subaru Forester. Идущие рядом люди шарахнулись в стороны. Только какая-то преклонного возраста женщина сердито замахнулась на машину Лерки своей сумкой.

— Хулиганье буржуйское! — воскликнула грозная бабушка. — Совсем стыд потеряли! Тут люди ходят!..

Я взглянула на застывшую Клавдию. Похоже, у Фоминой был ступор.

Я подошла к ней сзади.

— Клавдия...

Женщина порывисто обернулась и выхватила из кармана перцовый баллончик. Но увидев меня, она недоуменно нахмурилась.

— Вы?..

— Добрый день, Клавдия, — произнесла подходящая сзади Лерка.

— Фомина, — официальный и повелительным тоном сказал Синицын, — уберите пожалуйста баллончик в карман. Он вам не потребуется.

— Что вам нужно? — растеряно спросила Клавдия, глядя то на меня, то на Леру.

— Давайте сядем в машину, и мы вам... — начала Логинова.

— Нет, я с вами никуда не поеду! — замотав головой ответила Клавдия. — И, вообще, отстаньте от меня!..

— Клавдия, — проговорила я, — у нас есть доказательства вашей встречи с человеком, которому вы продали видеозаписи.

Фомина заметно побледнела, рот её удивленно приоткрылся, во взгляде появилось обескураженное потрясение.

— Вам нечего бояться, — я подошла к ней, — правда... Мы лишь хотим задать вопросы. И всё...

— Вопросы? — переспросила Клавдия, нервно и часто дыша. — Какие ещё у вас вопросы?.. Зачем вы вообще ко мне лезете?

— У нас свои причины, — тактично ушла я от ответа. — Вы поедете с нами? Или нам лучше сразу наведаться к Пожирателю?

Я чувствовала себя последней дрянью, пытаюсь запугать эту женщину и шантажируя её! Но в данной ситуации выбор-то невелик!

Клавдия переводила ошарашенный взгляд с меня на Леру.

— Вы что, следите за мной?! — возмущенно воскликнула Фомина. — Детвора, вы вообще куда суете нос?!

— Быть может, вас так же интересует, что человек, с которым вы встречались, на самом деле является офицером ГУСБ МВД, — не обращая внимания на её возмущение, ответила я.

— Что? — переспросила Фомина, и голос её ослабел. — Нет... Нет, это ошибка... Ты врешь! Это вранье!

— Нет, не вру, — ответила я, не глядя на удивленные лица Лёвы и Леры. — Я знаю этого человека, мы...

Я сделала паузу, подыскивая правильное слово.

— Пересекались. Хотите, я могу позвонить ему?

Это было враньё, но это не так уж и важно. Фомина поверила. Это отчетливо было заметно по выражению её лица.

— Зачем вам это всё?! — процедила она не то со злостью, не то с досадой. — Вы хоть понимаете, куда встречаете? Что, у вас своих дел нет? Зачем вы?..

— А мы, видите ли, в крайней степени сознательные граждане, — едко вставила Лерка. — Только на «народных» митингах не топчемся с цветными флажками, а предпочитаем бороться с реальными и насущными проблемами всеми доступными нам способами...

Она переглянулась с Лёвой и добавила:

— В рамках уголовного кодекса, конечно. Кстати, парик вам не идёт. Старше выглядите.

Фомина уставилась на неё в полном изумлении и шоке.

Оказавшись в машине Лерки, Клавдия словно лишилась сил к какому бы то ни было сопротивлению. Она сбивчиво и торопливо рассказала всё. Она расплакалась, когда начала рассказывать о том, что происходит на третьем этаже приюта. Лера слушала её с каменным лицом, поджав губы. Я держалась за голову, вцепившись пальцами в волосы.

То, что поведала нам тихо рыдающая Клавдия, было гораздо хуже того, что я себе представляла и видела в воспоминаниях Капитонова. Я не могла поверить, что есть люди, способные со всем возможным циничным и гадким пренебрежением к человеческой жизни уподоблять беззащитных, одиноких детей бесправным вещам! Вещам, у которых нет чувств и эмоций... Которым не может быть страшно или больно... которые не могут испытывать отвращение и унижение, от того, к чему их там принуждали! Я не могла поверить, что эти люди живут как ни в чем не бывало, спокойно спят, и при этом ещё считаются уважаемыми в обществе.

Многие имена, которые назвала Клавдия, были знакомы мне и Лере.

Политики, бизнесмены, чиновники, высокого ранга офицеры и даже судьи. Среди них нашлись выродки, способные получать удовольствие от насилия над беззащитными маленькими девочками. Что ими всеми движет? Я не понимала. Я не могла осознать... Их так много. Гораздо больше, чем я могла подумать! Как... Как они доходят до такого? Что же должно произойти с человеком и его сознанием, чтобы он начал получать удовольствия от такой мерзости?! Что... Какой необъяснимый дефект поражает их души, что они обращаются в подонков, не лучше серийных убийц? Откуда вообще у человека зарождается желание унижить, причинить невыносимую боль, с лихорадочным торжеством совершить насилие над кем-то беззащитным?.. Что происходит с таким человеком, где, чёрт возьми, совершается противоестественная деформация их личности?! Потому что поверить, что это во всех смыслах нормальные и адекватные люди, я категорически отказываюсь!

От рассказа Клавдии прогорк весь мир вокруг. Мне казалось, что в воздухе вдруг появился запах пепла. Ошеломляющее, угнетающее чувство довлело надо мной. И только пафосная, банальная жажда справедливости пылала в сердце. Жажда — заставить их всех понести наказание. Неудержимое стремление сделать всё, чтобы эти ублюдки сели за решетку! И я сделаю... Я обязательно сделаю все возможное для этого. Да, я всего лишь четырнадцатилетняя девчонка, у которой нет ни больших денег, ни власти.

Но... у меня есть то, чего нет ни у кого другого. У меня есть то, чего никто из этих

подонков никак не могучесть. Знание. Знание самых заветных секретов, ужасов и страхов, которые каждый человек скрывает на дне своего сознания. У меня есть эмоции и чувства, связанные с теми или иными воспоминаниями людей. Я могу узнать, из чего состоит каждый из людей. Знание... Знание всего этого.

Знание, пожалуй, действительно является определяющим фактором для многих возможностей каждого человека. В моем случае — так точно.

— Вот и всё, — закончила свой рассказ Клавдия и громко шмыгнула носом. — Теперь... Я могу быть уверена, что вы... не расскажете?..

Лёва и Лера переглянулись, затем оба, не стовариваясь, взглянули на меня.

Я в свою очередь посмотрела на них. Они ждали. Хотели, чтобы решение приняла я.

— Уходите, Клавдия, — тихо проговорила я.

Женщина посмотрела на меня настороженно и с удивлением. Интересно, чего она ждала? Что я начну читать ей нотации? Обвинять? Говорить, что она сама не лучше, что молчала обо всех этих кошмарах, которые происходили в «Зелёной колыбели»? Может быть, и стоило бы. Да только какой в этом смысл?.. Тем более, что Клавдия рассказала самое главное.

Пожиратель или, как его зовут на самом деле, Нестор Беккендорф, собирается сегодня вечером осуществить продажу всех накопленных за долгий период времени видеозаписей одному заинтересованному лицу.

Клавдия рассказала, что Беккендорф решил внезапно обрубить концы, продать компромат на клиентов, не иначе, как за о-очень достойную сумму, и, по привычке многих подобных ему, свалить подальше из России. Наверное, в более демократичные и толерантные страны. Единственное, чего не сказала Клавдия, это то, что Пожиратель собирается сделать с девочками, которых он отдавал во власть богатых извращенцев. И где они сейчас? Потому что, как я поняла, в приюте их нет. А комнаты, в которых богатые «повелители мира» уединялись со своими малолетними жертвами, разобраны и разрушены под видом масштабного и долгожданного ремонта.

Я успела подумать о словах генерала Савельева. Выходит, опасения Антона Спиридоновича были не напрасны. Если бы Аспирин послал СОБР в «Зелёную колыбель» то они бы нашли всего лишь ремонт на третьем этаже здания и любезно улыбающегося Беккендорфа. Но теперь нужно найти Пожирателя и немедленно сдать его генералу Савельеву! А где искать благодаря Клавдии, которая украла у него несколько видеозаписей, я теперь знаю.

— Ну что? — спросила Лерка, когда вышедшая из машины Клавдия скрылась за поворотом. — Будешь звонить Стасу? Или этому... Аспирину?

— Нет, — качнула я головой. — Сначала нужно убедиться, что Беккендорф действительно будет там вместе со всеми видеозаписями...

— Ох, Роджеровна, — вздохнула Лера, — чего-то мне немного боязно... Мало ли что нас там ждёт.

Я посмотрела на Лёву через зеркало заднего вида. Тот лишь равнодушно пожал плечами. Синицына опасности не пугали. Я всегда знала, что он немного социопат.

— Лер, — проговорила я, взглянув на Логинову, — ты не обязана рисковать, и, может, тебе лучше...

— С ума что ли сошла?! — выразительно и громко спросила Логинова, и уставилась на меня. — Ты что, думаешь, я тебя туда одну пущу?! Чёрта с два... А то, что мне страшно...

Думаю, это нормально.

— Вполне, — вздохнула я. — Мне тоже страшно.

— А вон Лёве похрен, — засмеялась Лерка. — Да, Лёвочка?

— По статистике, даже не влезая ни в какие неприятности и ведя самый мирный образ жизни, шанс попасть под машину или отравиться несвежими продуктами не намного меньше, чем погибнуть от рук бандитов, — менторским будничным тоном просветил нас Лёва. — А в последнем случае даже при самом неблагоприятном развитии событий утешающим фактором служит то, что мы действуем во благо общества.

— Лёва, ты, как никто другой, умеешь мотивировать, — улыбнулась я.

Серо-голубые глаза Сеницына блеснули из-под очков. Он с признательностью, важно и степенно кивнул мне в отражении зеркала.

— Всё, поехали, — решила Лерка и повернула ключ. — А то я реально запаникую и вас тоже никуда не пушу.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 20 марта. Примерно в то же время, что и описанные выше события.

Диана молчала. С той минуты, как они выехали из дома Амалии, девушка отвернулась к окну и почти полностью ушла в себя.

Стас периодически бросал на неё изучающие взгляды, но не тревожил. Сейчас он всё равно ничего вразумительного от неё не добьётся.

Корнилов взглянул на карту навигатора. Стас не без оснований опасался, что на основных маршрутах при выезде из города Диану уже ждут.

Поэтому Корнилов тщательно выбирал путь, по которому они двигались к западной границе Муромы. Стас намеренно выбирал маршрут с худшей дорожной инфраструктурой. Впрочем, в Муроме в большинстве районов дороги были далеки от идеала. Несколько раз Стас и вовсе выезжал на безлюдное бездорожье. Сейчас на скорости выше шестидесяти пяти километров его Дефендер приближался уже к пригородным поселениям. За пределами Муромы неожиданно попались несколько жилых комплексов с новенькими высотками и деревни с аккуратными приземистыми домиками.

Стас снова бросил взгляд на дисплей навигатора и недовольно чуть скривил губы.

Перехватившая его взгляд Диана обеспокоенно спросила:

— Что-то не так?

— Дорога впереди только одна, — ответил Стас.

— А-а... — кивнула Диана и нервным движением руки убрала волосы за ухо.

— Думаешь, что там нас могут ждать люди Гудзевича?

Стас молча кивнул.

— И что теперь? — нервно сглотнув, спросила она. — Мы же не можем ехать прямо им в лапы!

— И не поедем, — пообещал Стас.

Он сбавил скорость и заехал в одну из деревень. Над деревянной аркой въезда красовалась надпись «Заполье». А впереди вдоль дороги выстроились деревянные дома. Большинство из них выглядели довольно старыми.

Корнилов остановил автомобиль. Злотникова чуть сползла на сиденье, и пугливо

взглянула в окно.

— Зачем мы сюда заехали?

— Чтобы узнать, как объехать главную магистраль, — ответил Стас.

— Думаешь, местные знают? — спросила девушка.

— Вероятность высока, — кивнул Стас. — За грибами то они ходят и охотятся тоже.

— И что, мы по лесу поедem? — с удивлением и легким возмущением спросила Диана.

— Придется, — ответил Стас.

— Страшно... — опасливо протянула Диана.

— Зато риск нарваться на кабанов твоего Гудзевича меньше, — ответил Стас и вышел из машины.

«Заполье» встречало безлюдной, унылой и неприветливой тишиной. Большинство домов и их заборы утопали в бугристых заледенелых сугробах. Но дорожки от калиток к ступеням крылечек везде были добросовестно расчищены, как и подходы к амбарам, сараям и хлевам.

Корнилов неспешно прошёлся вдоль домов, надеясь увидеть хоть одного прохожего. Но тщетно. Деревня «Заполье» выглядела так, словно люди то ли все разом куда-то подевались, то ли вообще спят и просыпаются лишь иногда, чтобы расчистить двор от снега или покормить скот.

Корнилов прошел дальше. В этот миг хлопнула дверца автомобиля. Стас оглянулся. Диана быстро шагала к нему. Её темные волосы чуть развевались на зимнем морозном ветру.

— Я одна в машине сидеть не буду! — безапелляционно заявила она ему.

Стас посмотрел в её голубые глаза, кивнул и поставил машину на сигнализацию.

— Ладно, — уронил он. — Пошли.

Они двинулись вдоль окутанных зимой и безмолвием деревенских домов.

— А куда мы идём? — Диане пришлось шагать быстрее, чтобы успевать за широким шагом Стаса.

— Нужно найти кого-то из местных, — ответил Корнилов, заглядывая внутрь деревенских дворов.

— Так может просто постучимся к комунибудь? — предложила девушка, украдкой оглядывая дома. — Вон там, кажется занавеска шевельнулась...

— Тихо, не тычь пальцем, — сказал Стас, — я видел.

— Так почему?..

— Нам никто не откроет, — не оборачиваясь, ответил Корнилов.

— С чего ты взял? — спросила Диана.

— С того, что здесь не любят чужаков и приезжих, — ответил Стас.

— Но они знают, что мы здесь, — ответила Диана.

— Конечно, — не стал спорить Стас. — Они сейчас следят за нами из-за шторок и жалюзи.

— И чего они так напугались? — вглядываясь в окна домов, спросила Диана.

— Полагаю, того же, что и ты, — глядя по сторонам, проговорил Стас. — вашего Гудзевича.

Злотникова в ответ негодуяще фыркнула и пробормотала какое-то ругательство. А Стас не сомневался, что, скорее всего, его предположение верно. Остается только задаться вопросом, куда смотрит Следственный комитет, ГУСБ, МВД и прочие структуры, когда в местной епархии такой разгул организованной преступности, а власть в городе держит

жестокая ОПГ?

Они прошли вдоль пустого, заснеженного загона для лошадей. Впереди виднелись укрытые клеенками телеги и какой-то старый трактор без передних колёс.

— Мы тут, походу, до утра будем... — проговорила Диана.

— Замолчи! — сказал Стас.

Девушка послушно умолкла. Корнилов прислушался. Издалека, разбивая зимнюю тишь поселения, доносился какой-то ритмичный, частый стук. Судя по характерным хлопающим ударам и треску, кто-то вдалеке колот дрова.

Стас ускорил шаг и поманил Диану за собой. Девушка поспешила за ним, спотыкаясь и увязая в сугробах. Корнилову пришлось остановиться и подождать её.

Они двинулись на звук гулких ударов и подошли к большому двухэтажному дому с серо-голубой дощатой облицовкой и темной крышей. Во дворе дома неподалеку от беседки и самодельных качелей мужчина в старой кожаной куртке и шапке-папахе ловко и быстро колот дрова. Он был коренастый, приземистый, с короткой шеей и широкими, короткопалыми ладонями.

Завидев приближающихся Стаса и Диану, мужчина оставил свое занятие. Отложив топор, он снял перчатки, смял их в левом кулаке, а правой рукой набрал снега из сугроба и растёр лицо.

— День добрый, — подойдя к забору, вежливо произнес Стас.

— Добрый, — пожал плечами мужик, с подозрением, испытующе глядя на Корнилова.

— А вы здешние места хорошо знаете?

— Ну допустим, — буркнул мужчина. — А чё?

— Да ничё! — раздраженно вмешалась Диана. — Нам объездной путь нужен, вместе с главной дороги...

Стас молча обнял девушку, с силой прижал к себе.

— Не кричи, — бросил он и взглянул на мужчину.

Тот глядел на Злотникову тяжелым, вопросительным взглядом. Лицо жителя «Заполя» заметно скривилось.

— Вы извините, — ухмыльнулся Стас, — она у меня дерганая немного... Экзамены при поступлении, дурочка, завалила, вот и бросается на всех.

— Бывает, — кивнул в ответ «дровосек».

— Так что, знаете как тут срезать можно?

— Срезать? — переспросил мужчина.

— Ну да, — кивнул Стас, — мне просто в Белозерово нужно, знаете?

Мужчина в ответ нахмурился, но затем кивнул.

— Знаю, деревенька такая есть... километрах в десяти отсюда. А чё вам там?

— Да друг звал на зайцев поохотиться, — ответил Стас.

«Дровосек» оглядел Корнилова недоверчивым взглядом.

— А вы чё, охотник?

Нетерпеливая Диана уже собралась снова ответить ему, но Корнилов резко вздернул молнию на её куртке, отчасти закрыв ей рот. Девушка посмотрела на него с негодованием.

— Есть немного, — кивнул Стас. — Так, балуюсь иногда... Но я больше любитель.

— Оно и видно, — с превосходством усмехнулся мужчина. — Ну если чё...

Он замолчал, взглянул вправо и вытянул правую руку.

— Вон там, видите, здание такое желтое? Это наш гастроном местный. За ним

мельница старая стоит, а от неё там дорога такая неприметная, вот туда сворачиваете и дальше в лес... Там до речки доедете, потом налево и до полей... А там уже и дома Белозёрские.

— Ясно, — кивнул Стас, — Спасибо, выручили.

— Да не за что, — простодушно ответил житель «Заполья».

Стас и Диана направились обратно к внедорожнику. Корнилов издали увидел, что его машину обступила какая-то шумная компания парней. Один из них пинал ногой заднее колесо Land Rover-а. Двое с воинственным видом позировали перед объективом телефона одного из своих друзей.

— У тебя же есть пистолет? — с надеждой спросила вдруг Диана.

— Есть, — проговорил в ответ Корнилов.

Но стрелять по местным мужикам Стасу совсем не хотелось.

— Закругляйтесь, парни, — бросил Стас, когда они с Дианой подошли к внедорожнику.

Пятеро местных крепышей обменялись вопросительными взглядами. По мнению Стаса, они все были не старше двадцати трёх лет. И у всех пятерых почти одно и то же простецкое, невзрачное лицо с характерным отсутствием даже намека хотя бы на средний уровень интеллекта.

— А чё? — сунув руки в карманы не очень чистой куртки, вышел вперед лопухий парень со светло-рыжими патлами, торчащими из-под шапки. — Чё твоя машина, дядя?

— Моя, — ответил Стас, приморозив рыжего взглядом.

— А чё, сколько стоит? — спросил подошедший справа другой парень с такими же светло-рыжими волосами и задиристым взглядом блеклых, глубоко посаженных маленьких глаз.

— Тебе не по карману, — ответил Корнилов, левой рукой отводя Диану за спину.

Этих деревенских увальней Стас не боялся. Для него они не представляли почти никакой опасности.

Парни снова переглянулись. Один из них подошел справа и, вытянув шею, с выпученными глазами громко, искусственным басом спросил:

— А ты чё такой дерзкий, дядя?

— На вежливость времени нет, — ответил Стас, про себя отметив, что этот неприкаянный олух напоминает ему одного отечественного актёра, замеченного в нездоровом влечении к собакам.

Стоящий впереди всех лопухий дернулся к Стасу. Корнилов перехватил его неумелый удар, коротко зарядил под челюсть. Второй деревенский пролетарий прыгнул справа и наткнулся на подставленный Корниловым локоть. Третий и четвёртый напали вместе. Один выхватил нож. Диана в страхе звонко вскрикнула за спиной Стаса.

Если бы Стас в юношеские годы не служил срочную и по контракту в разведроте морской пехоты, нож в руке противника, может быть, и произвел бы на него впечатление. Но после операций на Северном Кавказе и тамошних «мясорубок» ближний бой был одним из последних вещей, способных напугать Стаса Корнилова.

Парень за долю секунды лишился своего ножа, а взамен получил сломанную в двух местах руку. Нападавшего сзади Стас пнул ногой в живот, ударил по колену и вырубил коротким ударом под челюсть. Корнилов порывисто обернулся к пятому. Тот, подняв дрожащие руки, в немом ужасе таращился на Стаса.

— Уходи! — угрожающе рыкнул Стас.

Парень в ответ глупо моргнул. Его и так не слишком высокая сообразительность явно пострадала от страха.

— Пошёл отсюда! — агрессивно рявкнул Стас.

И парень рванул прочь, на удивление грациозно перескакивая сугробы, точно дикая лань или олень...

Стас обернулся на Диану.

— Садись...

Злотникова не заставила просить себя дважды. Едва они уселись в автомобиль, как в деревню заехали сразу три шумных внедорожника-пикапа Toyota Hilux. Диана порывисто оглянулась назад и тут же вскинула взгляд перепуганных глаз на Стаса. Её лицо быстро побледнело.

— Это, похоже, за нами, — бросил Корнилов. — Держись.

Он повернул ключ в замке, дернул селектор передач и надавил на газ.

Defender рванул вперёд, взбивая сугробы и грязь. Диана вжалась в сиденье. Её губы что-то быстро и беззвучно шептали.

Стас бросил взгляд в зеркало заднего вида. Все три Тойоты устремились за ними. Корнилов увидел, как ему машет рукой высунувшийся из первого пикапа мужчина в черной куртке.

Стас переключил скорость. Разбрызгивая грязь, разбрасывая снег, его черный внедорожник, точно огромный стальной зверь, неукротимо мчался вперёд.

Пикапы бандитов не отставали. Высунувшийся в окно мужик что-то кричал и угрожающе размахивал зажатым в руке пистолетом.

Вдруг что-то глухо звякнуло по машине. Диана испуганно пискнула, пригнулась.

— По нам стреляют! — вскричала она.

— Вижу, — равнодушно буркнул Стас, глядя на дорогу. — Не кричи.

— Да они нам сейчас колеса прострелят! — в панике вскричала Диана и обернулась назад.

Стас лишь усмехнулся.

— Не прострелят.

— Откуда ты знаешь?!

— Попасть трудно, — фыркнул Стас.

Диана взглянула на него, как на ненормального. Внедорожник качнуло, девушку бросило вперед, вбок и назад на сиденье. Стас резко крутанул руль. Defender чуть занесло, на стекла брызнул грязный снег. Корнилов переключил скорость, утопил педаль газа. Мотор Дефендера агрессивно, низко взвыл.

— Ты что! — вскричала Диана. — Там же забор! Забор! Забор!!! Не надо!!! НЕ НАДС Стой!..

Стас не слушал. Его Дефендер на полном ходу с треском снёс хлипкий деревянный забор и рванулся напрямую через внутренний двор дома с белой черепичной крышей.

В зеркале заднего вида Стас увидел, как первый пикап, стремясь повторить резкий и внезапный маневр Лэнд Ровера повернул следом за ним, и тут же, не успев затормозить, ему в бок врезался второй. Третий пикап остановился, не имея возможности объехать две столкнувшиеся машины.

Диана резко обернулась назад. Стас аккуратно вырулил в сторону леса. Впереди уже виднелось то самое желтое здание гастронома, про которое говорил «дровосек».

Внедорожник потряхивало и качало. Но черный Лэнд Ровер упрямо летел вперед, продираясь через горы снега. Стас мимоходом успел подумать, что он бы не мог себе позволить так ездить, если бы пару лет назад не раскошелился на улучшенную блокировку дифференциалов и установку большого воздушного фильтра. Корнилов глянул в боковое зеркало, задержал взгляд на разрушенном заборе. Его кольнула совесть. Стас мысленно попросил прощение у хозяев дома за ущерб. Быть может, потом, позже стоит вернуться и возместить невинным людям убытки.

Возле гастронома Стас снова выехал на дорогу, они достигли упомянутой «дровосеком» мельницы и свернули по неприметной дороге в лес.

Заснеженное бездорожье было серьёзным испытанием даже для подготовленного Land Rover Defender. Но внедорожник успешно преодолевал ухабы и ямы. Пару-тройку раз они увязли, но благодаря улучшениям в автомобиле Стаса быстро преодолевали все встреченные ямы. Деньги на тюнинг были потрачены не зря.

Тойоты бандитов Гудзевича показались было в боковых зеркалах Дефендера, далеко позади, но через несколько минут езды по извилистой и ухабистой лесной дороге они быстро отстали и скрылись из виду.

А Стас и Диана спустя часа три дерганой и качающейся езды по лесным колдобинам, наконец, выехали на широкую автомагистраль и помчались по направлению к Москве.

Корнилов бросил взгляд на девушку. Та сидела, прислонившись к стеклу и устремив вперед шокированный взгляд.

— Ты очень сильно рисковал, — заметила она с толикой укора в голосе. — За тем забором могли оказаться какие-нибудь ямы, в которых мы бы застряли! И тогда мы оба были бы покойниками, чёрт возьми!

— А если бы я не рискнул, нас бы догнали и зажали бы с трёх сторон, — не обращая внимания на её недовольство, небрежным, флегматичным тоном высказался Стас. — И, скорее всего, изрешетили бы в клочья.

Диана одарила его выразительным взглядом, но ничего не сказала.

Мимо них промчался грузовик с прицепом. И следом автобус с какими-то туристами. Стас прибавил скорости. Впереди из-за стоянки фургонов для кемпинга показалось длинное двухэтажное здание с яркой вывеской: «Закусочная братьев Боровых».

— Останови там, — пробурчала Диана.

— Нам нельзя терять время, — ответил Стас.

— Останови! — потребовала Диана.

Корнилов вздохнул и приготовился объяснить ситуацию капризной девушке, но та опередила его:

— Останови, я... мне в туалет нужно! — сердито воскликнула она.

— Так бы и сказала... — вздохнул Стас.

— Мог бы и догадаться.

— И правда, — хмыкнул Стас и зарулил на стоянку закуской.

Он припарковал автомобиль рядом с грузовиком, на кузове которого красовался логотип чипсов «Laus», и произнес:

— Только быстро.

Диана не ответила. Молча, с угрюмым видом, вышла и направилась ко входу в закусную. Корнилов взглянул на часы на левой руке. Он засёк время. Когда девушка скрылась внутри заведения, он вышел из автомобиля. Обошел здание закуской, заглянул

на задний двор. Там как раз несколько мужчин в рабочей одежде разгружали небольшой фургончик. Над ними, точно тюремный надсмотрщик, стоял бригадир и подгонял их, используя через слово отборную брань.

Стас оглядел здание закусочной на предмет других выходов. Обойдя его вокруг, он направился к автомобилю. Попутно бросил взгляд на часы и остановился. Выругался себе под нос и скорым шагом поспешил в закусочную. Диана опаздывала, превысив то время, которое он ей отмерил.

Стас буквально ворвался в закусочную. Здесь было шумно, играла музыка. Над столиками витал сочный, пряный запах кофе и чего-то жареного, негромко звучала музыка из радио. Сидевшие у входа люди удивленно и настороженно взглянули на влетевшего внутрь Корнилова.

Тот, не обращая ни на кого внимания, обвел внимательным взглядом помещение и заметил Диану.

Девушка стояла перед кассой, возле стойки и пальцем показывала куда-то за спину продавца. Парень в желто-фиолетовой бейсболке и в фартуке такого же цвета принял у её карту и поднёс к терминалу.

Стас подошёл к Диане и отрывисто спросил:

— Что ты делаешь? Ты же сказала, что хочешь в туалет.

— Ну и что, — пожала плечами Злотникова. — Я есть захотела. Я вообще, когда волнуюсь, сразу хочу сладкого... Чего ты завёлся весь?

Стас взглянул на продавца-кассира.

— Можно побыстрее, молодой человек? — спросил Стас. — Мы торопимся.

Парень поднял взгляд на Стаса, затем взглянул на Диану, и на его лице появилась кривая ухмылочка. Продавец поставил перед Дианой пластмассовый поднос, на него бросил салфетку, поставил стакан с кофе, картошку фри и отвернулся, чтобы приготовить сэндвич.

— Ты не могла поесть, когда мы приедем в Москву? — спросил Стас, снова взглянув на часы.

— Слушай, — вздохнула Диана, — я и так ела последний раз часов четырнадцать назад!

— Могла перекусить у Амалии.

— Ага! — фыркнула Злотникова. — Чёрта с два! Я там, как на иголках, была! Всё ждала, что за мной приедут уроды Гудзевича! Кусок в горло не лез... А ты всё не появлялся...

Злотникова вдруг поняла, что явно сболтнула лишнего. Бросив быстрый осторожный взгляд на Стаса, она сделала вид, что её очень заинтересовало меню прохладительных напитков.

— Не появлялся, — тихо повторил Стас. — А должен был?

— Не знаю... — пожала плечами Диана. — Но... появился же всё-таки...

— Диана.

Она вздохнула.

— Давай потом... я сама многого не знаю и не понимаю. Знаю только, что Амалия... она... как бы это сказать...

Диана замаялась.

— Она не такая, как мы...

Стас хотел было спросить, что Диана имеет в виду, но в этот миг его внимание привлекли две полицейские машины, что заехали на территорию закусочной.

Это обстоятельство заставило Стаса напрячься. Он не был уверен, но сильно подозревал, что криминальный авторитет, который жаждет добраться до Злотниковой, вполне может использовать местных стражей порядка. И вполне возможно, что у него есть влияние не только на Муромских ментов, но и на полицию во всей Владимирской области. Такой вариант исключать было нельзя.

Стас оглянулся на продавца, который, мурлыкая себе под нос какой-то рэп, готовил сэндвич для Дианы.

— Уходим, — быстро сказал он Диане.

— Что? Почему? — не поняла девушка.

Корнилов молча указал на полицейских, которые вышли из машин. Трое из них внимательно осмотрели все машины, стоявшие на стоянке. Четвёртый давал указания и что-то слушал по рации. Диана было дёрнулась бежать, но Стас удержал её.

— Делай всё, что я говорю, — сказал он.

— Хорошо... — кротко и пугливо шепнула девушка.

Её спесь и раздражительность мгновенно исчезли, вновь уступив место всепоглощающему чувству панического страха. Стас не сомневался, что девушка уже триста раз мысленно отругала себя за глупую беспечность. Но Корнилов не зря осмотрел здание закусочной, и сейчас он был готов действовать.

— Мы передумали, заказ не нужен, — бросил Стас продавцу-кассиру и положил деньги на монетницу.

Взяв Диану за руку, он молча направился к двери справа от барной стойки. Попутно Стас снял со стены план эвакуации.

— Эй! — крикнул им кассир. — Туда нельзя! Это...

Стас его не слушал. Вместе с Дианой они вошли на кухню закусочной. Их окутало влажными и горячими парами с запахами фруктов, супов и жареного мяса. На кухне гремела посуда, кипела работа и шумела вода. На Стаса и Диану почти никто не обратил внимания.

— Сюда, — бросил Стас, утягивая Злотникову за собой.

Кто-то все-таки окликнул их. Но они не останавливались. Стас был холоден и решителен. Его разум оставался свободным от чувств и эмоций. Осталось только расчетливое мышление и стремительное рациональное действие.

Такие ситуации, как быстрая партия в шашки, где на каждый ход лишь доля секунды, и игроки не ждут очереди, чтобы походить.

Они прошли вдоль столов и плит. Корнилов бесцеремонно расталкивал поваров. Вместе с Дианой они свернули в коридор со старыми, осыпающимися стенами. Они спешно прошли вдоль коридора. Здесь было несколько темных дверей, одна из которых была приоткрыта. Оттуда доносилась музыка с банальным мотивом и несложным текстом. Корнилов ринулся туда.

— Стой здесь, — бросил он Диане.

В комнате звучала какая-то попса. И пританцовывающая под неё женщина поливала цветы.

— Вышла отсюда! — прикрикнул на неё Стас и достал револьвер.

Женщина вскрикнула, подняла ладони и послушно выбежала из комнаты. Натолкнулась на Диану, испуганно оттолкнула её и, крича, побежала на кухню.

Стас подошел к её компьютеру, поставил тяжелый рок и увеличил громкость до максимума.

— Ты что?! — заткнув уши, скривившись прокричала Злотникова.

Грохочущая музыка и голос солиста группы «InFlame» сотрясали стены заведения.

— Идём, — бросил Стас, снова увлекая её за собой.

Они прошли дальше. Стас сверился с планом эвакуации.

— Сюда, — бросил он и утянул Диану в узкий коридорчик с желтыми кафельными стенами, на которых красовались несколько пошлых постеров.

По одной из стен здесь вверх тянулась красная металлическая лестница. Она упиралась в люк, на его металлической скобе висел увесистый замок.

— Там закрыто! — разочарованно воскликнула Диана.

Стас достал револьвер, вытянул вперед руку. Девушка отшатнулась назад. Грянул мощный выстрел. Крупный калибр «Питона» не оставил замку ни единого шанса.

— Пошла, — коротко бросил Стас. Диана послушно полезла вверх. Стас оглянулся назад. За ними ещё никто не бежал. Ошеломляющая по громкости музыка продолжала орать, разрываясь в тесном помещении закусочной. Стас выбрался наверх вслед за Дианой.

— Что теперь? — крикнула Злотникова, придерживая волосы под порывами холодного ветра.

Они были на крыше закусочной. С неба на них глядело блеклое солнце. Возле черного внедорожника Стаса прохаживался один из полицейских.

Корнилов огляделся, увидел стоящие неподалеку ящики с каким-то хламом. Они были довольно тяжелыми. Двумя такими ящиками Стас прижал дверцу люка на крыше.

— Быстрее, — позвал он Диану.

Они подбежали к противоположному краю крыши. На этот раз Стас спустился первым и бросился к своей машине.

Времени почти не было. Стараясь, чтобы полицейский, что остался возле Дефендера, его не заметил, Стас тихо пробежал вдоль стоящего рядом грузовика. Поднял с земли камень. Притаившись позади кузова, Корнилова бросил камень с другой стороны под днище грузовика. Раздался металлический стук и грохот. Стас выглянул со стороны, где стоял его Land Rover. Полицейский, пригнувшись, смотрел под грузовик.

Корнилов метнулся к нему. Тот успел взглянуть на него, его рука опустилась на рукоять пистолета в кобуре. Корнилов перехватил его руку, правой ладонью ударил по шее и приложил головой об фуру грузовика.

Корнилов затолкал обмякшего полицейского под грузовик. Сам быстро сел за руль и выехал вперед. Злотникова как раз уже почти спустилась вниз по лестнице. Разгрузившие ящики мужчины изумленно смотрели на неё. Корнилов подъехал прямо к лестнице, открыл дверь. Спустившаяся на землю девушка мигом заскочила в автомобиль.

— Поехали! Поехали! — нетерпеливо и встревоженно замахала руками Злотникова. — Быстрее!

Стас сдал назад, круто развернулся. Двери закусочной распахнулись, на улицу стремглав выбежали полицейские. Один из них поспешно выхватил пистолет. Другой что-то истошно и яростно заорал.

Корнилов уже вылетел на дорогу и до упора надавил на газ. Они летели вперед, обгоняя остальные автомобили. Диана вжалась в сиденье. Стас бросил взгляд в зеркало заднего вида. Через несколько секунд там замелькали огни полицейских мигалок. Непонятно откуда появились ещё несколько машин.

— Ну что? Перекусила? — с сердитой издевкой спросил Стас.

Диана ничего не ответила. Держа руль одной рукой, Стас набрал телефон генерала Савельева.

— Да, Стас? — почти сразу раздался бодрый голос Савельева в трубке. — Как дела у тебя? Есть что-то?

— Да, есть, — мгновенно ответил Стас, — я нашел свидетеля, который знает имя убийцы адвокатов Гольшанского.

— Молодец, — похвалил Аспирин.

— Только у меня тут проблема нарисовалась, товарищ генерал, — ответил Стас.

— Что-то серьёзное?

— Ну так себе, — пожал плечами Стас, — моего свидетеля очень хочет убрать один местный криминальный авторитет.

— Ну бывает, — посочувствовал Аспирин.

— Я бы вас не беспокоил, товарищ генерал, но Гудзевич мне на хвост своих продажных ментов посадил.

— Ты сказал, Гудзевич? — переспросил Аспирин.

— Знакомое имя? — Стас внимательно следил за полицейскими машинами, что мчались позади.

— Да, мелькало где-то в сводках, — ответил генерал. — Ладно, я сейчас подниму местное УГРО и тамошнее УВД. Разберемся. Но у тебя, я так понимаю, времени нет?

— Я боюсь, что нас могут не выпустить из Владимирской области, — кивнул Стас. — Да и за её пределами вряд ли станет безопаснее.

— Понял тебя. Видимо, у этой падали длинные руки, судя по тому, что я тут сейчас о нем читаю. Вот что, ты можешь найти место, где можно пересидеть несколько часов? Потому что ментов-то местных мы сейчас быстро прижмём, и они будут сидеть тихо. А вот быки Гудзевича вас точно не отпустят.

— У меня здесь никого нет, — ответил Стас. — Никаких контактов.

— Ясно, — ответил Аспирин. — Значит, слушай и запоминай. У наших во Владимире, как и везде, есть парочка укромных мест, созданных для программы защиты свидетелей. Адрес я тебе сейчас скину, и ты ответь, что получил. Езжай туда и жди моего звонка. О помощи тебе я тоже договорюсь. Понял?

— Так точно, — ответил Корнилов.

— Тогда уда...

Впереди из-за кирпичного двухэтажного здания на скорости вылетели три уже знакомых Стасу пикапа. Корнилов бросил телефон, схватился за руль обеими руками. Пикапы занесло, они преградили магистраль и устремились навстречу Дефендеру Стаса. Едущие впереди чёрного Лэнд Ровера автомобили спешно сворачивали, теряя управление. С грохочущим лязгом столкнулись два седана. Фургон Спринтер вылетел в кювет, несколько раз перевернулся. Следом за ним туда слетели ещё четыре автомобиля.

Стас принял решение за один удар сердца.

— Держись! — рявкнул он Диане.

Корнилов переключил скорость, дал по тормозам, крутанул руль, и внедорожник в один момент с резким визгом покрышек по асфальту развернулся на сто восемьдесят градусов в эффектном полицейском развороте. Диана испуганно выкрикнула ругательство. Стас переключил селектор, надавил на газ. Стрелка спидометра внедорожника дернулась, стремительно поползла вверх по показателям. Едущие теперь навстречу Стасу полицейские

машины замедлили ход.

«Честные» стражи правопорядка явно не ожидали ничего подобного.

Все четыре машины с мигалками пугливо свернули в стороны. Одна из полицейских машин, Нива Шевроле, снесла придорожный забор и врезалась в здание из металлокаркаса. Другой полицейский автомобиль съехал в кювет и неуклюже перевернулся.

Дефендер Стаса на большой скорости, разрывая мёрзлый воздух над дорогой, пролетел мимо остановившихся полицейских машин. Корнилов бросил взгляд в зеркало заднего вида.

Красно-синие мигалки, захлебываясь воющими сиренами, бесполезно сверкали вслед черному Лэнд Роверу. Однако громоздкие тяжелые пикапы Тойота устремились вслед за внедорожником Стаса.

Корнилов знал, малосильным Хайлюксам не угнаться за его тюнингованным Дефендером, но другая проблема с ехидством смотрела с круглого индикатора уровня топлива. Ядовито-желтая стрелка покачивалась намного ниже отметки $\frac{1}{2}$. Стас досадливо чуть скривил губы.

«Ладно» — подумал Корнилов, — «Пока что хватит...»

Сидевшая рядом Злотникова с замершим на лице выражением паники ошарашенно глядела вперёд. Внезапно она качнулась к стеклу двери, взглядела в боковое зеркало и тут же стремительно обернулась назад.

— У них оружие! — вскричала она.

— Тоже мне новость! — буркнул Стас.

— Да ты посмотри, какое!!! — в ужасе вскричала девушка.

Стас бросил взгляд в зеркало заднего вида и тут же вильнул вправо.

С тяжелым звоном прогремела пулеметная очередь. Стас видел, как лопнули стекла едущих впереди встречных автомобилей. Один из них вспыхнул, загорелся и заметался по дороге.

Диана закричала. Объятый пламенем, неуправляемый хэтчбек вылетел прямо им навстречу. Стас ушел от удара. Пылающая машина пролетела мимо, с грохотом ударилась об отбойник, в воздух взметнулась туча мерцающих искр, и горящий хэтчбек столкнулся с желтым седаном.

Снова застучал пулемет. К нему подключился ещё один. Стас резво выкручивал руль из стороны в сторону, лавируя между свинцовыми стаями пулеметных пуль. На утяжеленном, изначально военном внедорожнике резво маневрировать было не так-то легко.

Пулеметы пикапов разбивали едущие впереди машины. Несколько попали по Дефендеру. Ставки в смертельной гонке резко выросли. Диана, закрывая голову руками, сжалась на своем сиденье.

— Какого чёрта происходит?! — прорычал Стас, видя, как переворачиваются едущие впереди автомобили. — Ты что натворила?! Ты что, на бабки кинула этого Гудзевича?!

— Нет!.. — пискнула Диана.

— А что?! — Отвали!

— Отвечай, а не то дам по тормозам! — потребовал Стас. — Что ты ему сделала?!

— Я... Осторожно!!!

Едущий впереди КАМАЗ неуклюже свернул, покачулся и лениво с оглушительным грохотом опрокинулся поперек дороги. Вздогнула земля и стекла Дефендера. Высекая искры из асфальта перевернутый грузовик с длинным прицепом тяжело скользил прямо на них.

Диана истошно завизжала и отвернулась. Стас, ругнувшись, свернул с дороги.

Они чудом не перевернулись. Перескакивая по колдобинам и буграм, разбрасывая снег, Дефендер, раскачиваясь, ехал вдоль трассы.

Стас увидел впереди на шоссе огромное количество автомобилей. Такое плотное движение им сейчас не получится быстропреодолеть, а скорость была важна, как никогда. Корнилов заметил впереди проселочную дорогу перпендикулярную магистральной и направил Дефендер туда. Дорога тянулась в сторону лесополосы, но выбор был небольшим. Их преследователи были настроены более чем серьёзно.

Пикапы, помешкав, устремились следом. Показатель топлива приближался к зловещей букве «Е». Две Тойоты рванулись по обе стороны от Дефендера. Стас увидел, что на бездорожье пикапам удастся сократить расстояние быстрее, чем на шоссе. Третья машина бандитов поджимала сзади.

План преследователей был прост и понятен. Зажать с трёх сторон и изрешетить Дефендер Стаса из всех стволов.

Корнилов успел подумать, что у этих козлов может оказаться и кое-что потяжелее пулеметов. С них станется. Уйти под плотным огнем на бездорожье не представлялось возможным. Значит, нужно убрать или замедлить преследователей. Первое Корнилову было предпочтительней.

Придумывать что-то новое Стас не собирался. Он сбавил ход. Тойоты стремительно начали их догонять. Корнилов видел высунувшихся из окон пикапов мужчин с автоматами Калашникова. Ещё по два человека находились в кузовах, с пулеметами.

— Ты что делаешь?! — вскричала Диана. — Они же нас...

— Замолчи и пригнись, — бросил Стас, извлекая свой револьвер.

Увидев оружие в его руках, Злотникова взглянула в глаза Стаса, увидела там незыблемую решимость, коротко кивнула и сползла вниз на сиденье. Девушка закрыла лицо ладонями.

Тойоты догоняли. Стас позволил им приблизиться и направил машину правее. Нужно было поравняться с пикапами, но не одновременно. Он сделал так, чтобы расстояние между Дефендером и пикапом справа сократилось и увеличилось по отношению к машине слева. Третий Nilux его пока не интересовал.

Дефендер на скорости сблизился с пикапом. Ускоряющиеся удары сердца отмеряли доли секунды. Стас ощущал прожигающий вены адреналин, но оставался безупречно хладнокровен.

Шум автомобильных моторов, завывания морозного ветра и тархтящие автоматные очереди звучали над засыпанной снегом проселочной дорогой.

Пикап приближался. Расстояние сокращалось. Стас увидел лицо водителя пикапа, поднял револьвер, лицо водителя перекошилось от страха, но сделать он уже ничего не успел. Корнилов выстрелил. Переливающийся металлическим отблеском Кольт «Питон» выплюнул мощный, сорокамиллиметровый патрон. Стас увидел, как голова водителя пикапа взорвалась кровавыми брызгами. Машина завалилась на дороге. Следующий быстрый выстрел в переднюю часть кузова. Под капотом пикапа раздалось несколько мощных хлопков, и из-под капота вырвалось пламя.

Мгновение, и переваливающийся внедорожник охватило пламя. Стас услышал крики сидящих внутри бандитов.

— Господи!.. Мамочка!.. — кричала перепуганная до смерти Диана.

Она почти сползла с сиденья на пол.

Стас повернул налево. В этот миг заднее стекло его автомобиля лопнуло с приглушенным звоном. Зимний ветер и гулкие звуки выстрелов ворвались в салон Дефендера. Злотникова закричала в голос. Истошно, надрываясь, в паническом ужасе. Стас перехватил револьвер в левую руку и поравнялся со вторым внедорожником. Та же схема здесь не пройдет — водитель с другой стороны.

Стас вскинул руку и тут же пригнулся. Быстрая автоматная очередь выбила окно в правой передней дверце его автомобиля. Корнилов чертыхнулся, отклонился назад, вжался в сиденье и помянул матерей бандитов. Он бросил взгляд в зеркало, пикап приближался. Выстрелы повторились, Стасу пришлось убрать руки от руля и чуть спуститься вниз. Корнилов, глядя в зеркало, обратил внимание на клиренс пикапа и высокие арки над колесами. Стас отстегнул ремень безопасности, переложил «Питон» обратно в правую руку.левой быстро открыл дверцу. В лицо ударил леденящий порывистый воздух с кусочками снега. Бандиты в пикапе не успели среагировать.

Стас, согнув руку в локте, поднял револьвер на уровень лица и сделал два быстрых выстрела. Тяжелые пули угодили точно в арку правого переднего колеса Тойоты. Пикап вздрогнул, взбрыкнул, автомобиль резко занесло. В следующий миг он качнулся и совершил несколько гремящих кувыркков по снегу, с лязгом, грохотом и звоном.

Третий пикап не отставал. Корнилов выругался. Диана продолжала истошно кричать, срываясь на пронзительный писк. Корнилов закрыл качающуюся справа дверцу. Крутанул руль, вдавливая педаль тормоза. Дефендер, взметнув тучу снега, развернулся на девяносто градусов, Корнилов почти не целясь сделал два быстрых выстрела прямо в кабину мчащемуся на них пикапу и тут же надавил на газ. Дефендер рванулся вперед, «уступая» дорогу ревущему, неуправляемому пикапу с двумя мертвецами в кабине.

Внедорожник, промчавшись мимо, в конце концов завалился, перевернулся и грохоча покатился по ухабам, разбрасывая снег.

Стас снова вырулил на дорогу и поехал вперед, сбавив скорость. Торопиться им теперь было не обязательно. Стас ехал навстречу густой лесополосе. Он бросил взгляд на Диану.

— Всё закончилось, — он протянул руку и коснулся плеча девушки.

Злотникова вздрогнула, недоверчиво, боязливо взглянула на него. Её васильковые глаза, глядящие из-под рассыпанных по лицу темных прядей волос, были переполнены эмоциями испытанного ужаса.

— Всё хорошо, — проговорил Стас, — они нас больше не преследуют.

Девушка осторожно выглянула в окно, увидела валяющиеся вдалеке среди снега три пикапа, один из которых ярко пылал на фоне белой зимы.

— Не хочешь все-таки рассказать, что ты сделала Гудзевичу? — спросил он.

Она настороженно, изучающе взглянула на него.

— Ты обещаешь, что не вышвырнешь меня из машины?

— Обещаю, — вздохнул Стас. — Говори.

Она ответила не сразу. Лишь когда Дефендер въехал под сень небольшого хвойного леса и скрылся в его тени, Диана тихо проговорила:

— Я убила его сына.

Стас чуть скривил губы, невесело усмехнулся, со вздохом кивнул, но ничего не сказал. Лишь через несколько минут спросил:

— Расскажешь, за что?

Диана села на сиденье с ногами, поджав колени, обхватив их руками, и устало прислонила голову к окну.

Стас ждал. А девушка отстраненно проговорила:

— За то, что он хотел убить меня.

АРЕСЕНИЙ АРЦЕУЛОВ

Среда, 20 марта. Примерно в это же время.

Тюремная столовая была заполнена обилием оранжевого цвета, в который в здешней тюрьме одевали заключенных. Под высокий потолок с холодным освещением поднимались испарения с запахами свежесваренной каши, которой сегодня кормили на ужин. Помимо этого Сене на пластмассовый поднос положили какой-то подозрительный салат из подгнивших овощей и совершенно несъедобную на вид, желто-бурую жидкую, бесформенную кучу какого-то омерзительного рагу.

Сеня подумал, что когда операция с его прикрытием закончится, он возьмет отпуск и будет две недели объедаться самыми любимыми вкусностями. И пусть кто-нибудь только попробует его упрекнуть.

Арцеулов окинул взглядом шумное помещение столовой, увидел свободный стол и сел за него. Поковыряв вилкой салат, Сеня занялся кашей. К желто-бурой жиже, которая, pardon, выглядела как продукт человеческой жизнедеятельности, он побрезговала даже прикасаться.

Поедая иные предоставленные блюда, Сеня не забывал придирчиво осматривать территорию столовой.

Публика в оранжевом, отборнейшие подонки и монстры, вели себя почти, как обычные люди. Болтали, смеялись или что-то оживленно обсуждали.

Но тюрьма отличалась от обычной среды обитания не только своим контингентом, но также и скоростью перемены обстановки. Относительно миролюбивое развитие событий всегда может быть резко нарушено внезапным всплеском агрессии. Последнее является неотъемлемой сущностью любого заключенного здесь (кроме, разве что, самого Сени). И эта сущность никогда и никуда не исчезает, она лишь затихает на время.

Доедая кашу, Сеня наблюдал за небольшой компанией через два стола от себя. Там сидели четверо мужчин, одним из которых был Сильвестр Гольшанский. Последний в отличие от трёх своих приятелей, ничего не ел. Лишь неторопливо, несколько величаво пил чай из пластикового стакана.

Помня наставления Стаса, Сеня украдкой постоянно оглядывал помещение столовой на случай, если кто-то решит прикончить Гольшанского прямо во время ужина.

Но все заключенные были или заняты едой, или праздно болтовней.

Прохаживающиеся мимо столов охранники тоже придирчиво оглядывали своих «подопечных», дабы тем не пришлось в голову выкинуть какую-то глупость.

Сеня совершенно случайно наткнулся взглядом на лицо одного из заключенных, который сидел в параллельном ряду столов и почти у самой стены. Это был упитанный мужчина лет тридцати с лишним в маленьких очках и с робким взглядом на болезненно-одутловатом лице.

Сеню привлекло то, что этот толстый очкарик то и дело поглядывал в сторону Гольшанского. А так же тот факт, что лицо очкарика показалось Сене довольно знакомым. Не похожим на кого-то другого, а именно знакомым. Память на лица у Арцеулова была хорошая, иной раз и вовсе фотографическая. И этого парня он видел, причем не так давно, и про него ему рассказывал Стас.

«Солонкин!» — вдруг осенило Сеню. — «Артём Солонкин! Тот взрыватель из IT-компании!» Сения не сомневался, что это он.

«Какого чёрта он тут делает?» — подумал Арцеулов. — «Он же должен сидеть в другой...»

Поток размышлений Сени был прерван, когда Артём вдруг встал из-за стола и с пустым подносом направился к мусорному контейнеру, что стоял в нескольких метрах. Сения ощутил крепнущее чувство настороженности. Что-то было не так. Солонкин не должен был здесь оказаться... Сения перестал есть, внимательно наблюдая за Артёмом.

Тот проходил мимо стола, за которым трапезничала компания Гольшанского, когда из его левой штанины что-то незаметно выпало. Это оказалась пачка сигарет. Артём, помешкав, пнул её точно под стол компании Гольшанского.

Сения не размышлял, он привык доверять инстинктам и подозрениям.

Арцеулов вскочил и бросился к столу, за которым сидел Гольшанский. Но путь ему тут же перекрыл один из охранников.

— А ну сел! Живо! Я кому сказал! — рывкнул он и замахнулся на Арцеулова металлической дубинкой.

Сения без разговоров отбросил его в сторону. К охраннику подоспела подмога, но Арцеулов уже был возле стола Гольшанского.

Грянул выстрел, Арцеулов ощутил, как в спину ударили несколько жалящих колких толчков. Он выругался. Люди Гольшанского рванули было ему навстречу, но замешкались, увидев несущегося на них с перекошенным свирепым лицом огромного, как гризли Сеню.

— Ложи-ись!!! — взревел Арцеулов.

Он подскочил к столу, за которым сидел Гольшанский, одним махом опрокинул его, пинком ноги отбросил прочь пачку сигарет. Удерживая стол одной рукой, второй притянул к себе впавшего в ступор Сильвестра. Сения словно щитом, прикрыл себя и Сильвестра столом.

В следующее мгновение в стенах столовой грянул взрыв. Сения услышал звон металла и разбитой посуды, треск мебели и крики людей. В воздухе стремительно распространялся горький запах гари с ощутимым перченным запахом пороха. Под шальные толчки сердца Сения продолжал удерживать стол, прикрывая им себя и Гольшанского. Когда он опустил его, помещение столовой медленно заволакивали плавно извивающиеся дымные облака. Сене во всей пугающей «красе» открылся результат внезапного взрыва.

В расплывающихся и лениво перетекающих бесформенных облаках порохового дыма Арцеулов увидел перевернутые столы, опрокинутые стулья и лежащие на полу тела.

Некоторые из неподвижных окровавленных тел принадлежали охранникам. Слышались стоны, болезненные и слабые хрипы, кто-то истошно закричал.

Дым рассеивался, и под ним повсюду: на стенах, на полу и на одежде людей темнела кровь.

В здании раздался резкий вой сирены. Сения задрал голову вверх. Затем обернулся на Сильвестра. Гольшанский в ужасе рассматривал сцену после взрыва. Серо-зеленые глаза Сильвестра смотрели со смесью страха, шока и злости.

Под заунывный, истошный вой сирены в столовую, громко топоча ногами, ворвались несколько десятков охранников в защитной амуниции. Размахивая дубинками, они согнали всех оставшихся на ногах заключенных в центр столовой. Их вынудили встать на колени и сложить руки за голову.

Сеня и Сильвестр тоже послушно подчинились. Арцеулов с сожалением и негодованием рассматривал тела убитых. Их было не меньше двух десятков! Не то чтобы ему было жаль погибших заключенных, каждый, кто попал сюда, в действительности заслужил не одну смерть. Но Сеня ругал себя за то, что не успел предотвратить это! А ведь мог!.. Мог же!

Эти болезненные мысли с язвительным укором пульсировали в венах и гремели в голове.

«Солонкин!» — в ярости и удивлении думал Сеня. — «Мать его! Солонкин! Этот рохля-неудачник с неудовлетворенными амбициями и желаниями!..»

Сеня не мог понять, каким образом Артём Солонкин связан с Сильвестром. Зачем он пытался убить его?

В столовую скорым шагом вошёл начальник тюрьмы. Он остановился перед собранными в кучу заключенными, оглядел помещение столовой и проговорил угрожающим голосом:

— Тому, кто это сделал, прежняя жизнь здесь будет казаться раем. Обещаю.

Их подняли и повели к своим камерам, попутно постукивая дубинками. Сеню же вместе с другими заключенными, пострадавшими от взрыва, отправили в местный лазарет. В его спине засела травматическая дробь из помпового ружья одного из охранников. Но из лазарета Сеню тут же провели в кабинет начальника тюрьмы. Здесь им сразу же занялся местный доктор.

Дверь кабинета открылась, внутрь буквально влетел разъяренный начальник тюрьмы. От старшего офицера исходила вибрирующая, сокрушительная волна гнева, вперемешку с жадной мщеница. Начальник тюрьмы не мог легко смириться с убийством своих подчиненных.

— Какого хрена происходит в моей тюрьме?! — громко и властно спросил он Арсения.

Сеня поднял на него обманчиво флегматичный, тяжелый и пристальный взгляд.

— Мы так не договаривались, чёрт возьми! — продолжал злиться начальник, сложив руки на пояс. — Вы ничего не говорили о том, что мою тюрьму буду взрывать, и буду гибнуть *мои* люди! Чёрт возьми!.. Самодельная бомба, начиненная гвоздями, мать её!..

— Товарищ полковник, у вас среди заключенных было пополнение в ближайшее время? — спросил Арцеулов, не реагируя на взвинченную вспыльчивость начальника тюрьмы.

Тот несколько секунд тарачился на Стаса с молчаливой свирепостью на лице. Видимо, ему очень хотелось ответить какой-то нецензурной бранью или грубостью на вопрос зазнавшегося и заигравшегося, по его мнению, капитана из Уголовного Розыска. Но затем в его глазах промелькнула задумчивость.

— Да, — буркнул он, — вчера привезли четверых. Двое из них были переведены из других тюрем.

— Мне нужно взглянуть на них, — поднимаясь с дивана произнес Арсений.

— Я ещё не закончил с вашей раной, — запротестовал доктор.

Но Сеня его не слушал. Арцеулов обладал очень высоким болевым порогом, и потому раны в спине его не слишком беспокоили. Да Сеня и не считал, что травматические пули

способны нанести ему какой-то серьёзный ущерб.

— Как хотите, капитан, — начальник тюрьмы открыл на своем компьютере несколько файлов.

Едва Сеня приблизился к столу с компьютером, как у стоящего в кабинете заместителя начальника тюрьмы заорала рация на плече:

— Внимание! У нас какой-то сбой в системе управления! Камеры с заключенными открываются! Мы не можем на это повлиять! Приём!..

Сеня и полковник синхронно обернулись к заместителю начальника. Тот поднес рацию ко рту и прорычал:

— Так врубайте тревогу, чёрт бы вас побрал!

— Мы не можем! — едва ли не в панике закричал в ответ голос по рации. — Товарищ майор, нас взломали! Система не слушается!.. Го-осподи... Камеры открыты... заключенные... товарищ майор они... на свободе...

Заместитель начальника тюрьмы хотел было открыть рот, чтобы что-то сказать, но в этот миг по зданию прокатились приглушенные, но истошные, яростные крики. Раздались хаотичные выстрелы, кто-то снова закричал.

— Чёрт знает, что творится! — выругался начальник тюрьмы, доставая из шкафа два карабина «Сайга».

Один из них он бросил своему заместителю и один Арцеулову. Сам полковник вооружился АКСУ.

— Покажите мне камеру с Гольшанским! — сказал Сеня.

— Думаешь... — начал полковник.

— Уверен, — отрезал Арсений. — Это всё придумано, чтобы добраться до него.

Арцеулов сложил два и два и теперь и не сомневался, что за взломом системы, неизвестно как, но стоит именно Солонкин. И сейчас он наверняка попытается завершить то, что не удалось в столовой.

Но едва полковник и Сеня приблизились к столу с компьютером, как в кабинете начальника тюрьмы погас свет и монитор компьютера вместе со всеми электрическими приборами. За окном все прожектора и фонари тоже потухли. Одна из самых охраняемых тюрем России погрузилась почти в полный мрак.

— Да что ж творится-то! — воскликнул полковник, выглядывая в окно.

— Товарищ полковник...

— Чего тебе, Конев?

— Телефон...

— Что с ним?

— Телефон не работает... — включив фонарь на смартфоне, зам начальника тюрьмы протянул трубку радиотелефона полковнику.

Тот выхватил у него трубку, приложил к уху и с досадой вздохнул.

— Дерьмо, а! — выкрикнул полковник. — Конев, вели всем действовать по протоколу! Перекрыть все связующие узлы между корпусами! Заблокировать выход из блоков с камерами! Никому не разбредаться, по одиночке не ходить! В случае проявления любой агрессии со стороны заключенных — огонь на поражение!

— Есть, — кивнул в ответ Конев, и быстро передал по рации распоряжения полковника. Начальник тюрьмы вручил Сене фонарь и второй взял себе.

— Фонарь с электрошокером, — предупредил он Арцеулова, — так что аккуратней...

— Учту, — ответил Арцеулов, — мне нужно срочно отыскать Гольшанского!

— Капитан, — хмыкнув, ответил полковник, — ты не врубаешься, что произошло? Сейчас речь не о том, чтобы спасти твоего ненаглядного Портного, сейчас важно не допустить, чтобы эти сволочи выбрались за территорию... Ты знаешь, чем это грозит?! У нас здесь зверинец для самых опасных тварей в облике человека! Не приведи Господь, если они сбегут...

В радиации Конева внезапно раздалось шипение, и чей-то голос истошно, в панике проорал:

— Четвёртый блок! Срочно подкрепление! Срочно! Быстрее!.. Нас тут зажали!

Надрывающийся голос неизвестного офицера звучал на фоне хора криков, ругани и грохочущих выстрелов.

— Срочно! Четвёртый блок! Подкрепление! Нам ну...

Голос кричавшего мужчины резко оборвался. Раздался стук, шорох, прозвучали звуки шумной беготни, ещё несколько быстрых выстрелов, и затем грянул торжествующий хищный рёв десятков голосов. Ни у кого в кабинете начальника тюрьмы не оставалось сомнений, кому принадлежали эти безумные, кровожадные и злобные голоса, совсем уже не похожие на человеческие.

— Выродки, — выдохнул разгневанный Конев.

— Доктор, — проговорил полковник, вы остаётесь здесь. — Я закрою дверь, а вы сидите тихо и не вздумайте никуда выходить. Ясно?

— Ещё бы, — кивнул напуганный доктор.

Полковник включил подствольный фонарь на своем автомате, взглянул на Сеню и своего зама.

— Ну что, готовы?

И не дожидаясь ответа, начальник тюрьмы направился к двери.

Лучи света фонарей резали плотную, слипающуюся массу густой темноты. Мрак властвовал повсюду, и шустрые круги света от подствольных фонарей лишь на мгновения выхватывали фрагменты тюремных стен, окон и дверей.

Сеня, полковник Староградский, являвшийся начальником тюрьмы и его заместитель майор Конев спешно двигались вдоль длинного коридора.

Впереди слышалась стрельба, во тьме раздался чей-то полужвериный, срывающийся на озлобленное рычание, пронзительный крик. Затем мужчины услышали грохот топота десятков ног, что приближался к ним.

Они остановились, приготовились. Из-за поворота впереди в нескольких десятках метров выбежала толпа дико орущих и верещащих заключенных. Многие из них были вооружены.

Арцеулов и двое его спутников не сговариваясь открыли шквальный огонь.

Сеня жал на спусковой крючок почти без сожаления. Он знал, что выбора нет. Договариваться здесь не с кем. А отпустить нельзя никого. Никто из заключенных в здешней тюрьме не должен уйти. Любой ценой. Поэтому Арсений с жестокой решимостью расстреливал бегущих к ним мужчин в оранжевых робах.

Единственное, за что переживал Арцеулов, что среди толпы бегущих на них заключенных может оказаться Гольшанский. Будет просто отлично, если они его пристрелят! И что он скажет Стасу в таком случае?

Гулкие удары выстрелов заглушали крики заключенных. Освободившиеся из камер серийные убийцы, террористы, насильники и прочие подобные на бегу падали под гремящие звуки выстрелов. Через несколько секунд, которые могли показаться часом, коридор перед тремя мужчинами был буквально завален мёртвыми телами. В темноте остывал запах крови и пороховых выхлопов.

— Чтоб вас всех!.. — выдохнул Староградский.

Конев и Сеня ничего не сказали. Случившееся у всех оставило тяжкий груз и гнетущее чувство на душе. Они двинулись дальше, но через несколько метров попали под огонь засевших за баррикадой заключенных.

Сеня вовремя успел оттолкнуть Конева и Староградского и отпрыгнуть сам. Мужчины скрылись за углом, который тут же был обстрелян из автоматов, из которых палили засевшие впереди заключенные.

— Другой путь есть? — спросил полковника Сеня.

— Только в обход по внутреннему двору, — угрюмо проворчал полковник.

— Значит, будем прорываться здесь, — легко согласился Арцеулов.

— Каким образом? — процедил Конев. — Они держат под прицелом весь этот коридор. Мы же даже высунуться не можем!

— Эй, мусора! — крикнул чей-то насмешливый голос. — Выходи по одному! Тогда гуманно получите по пуле в лоб!

— А то, если живыми попадёте, я вас лично медленно резать буду! — добавил второй голос.

Ещё несколько голосов захлёбываясь засмеялись, точно стая гиен.

— Согласен, — кивнул Арцеулов. — Высовываться нельзя. Товарищ полковник, у вас здесь на всех окнах решетки?

— Нет, — сразу же ответил Староградский. — Только на камерах и ближайших к ним помещениях. А что?.. погоди, ты чего задумал, капитан?

— Постараюсь пройти в обход, — усмехнулся Сеня.

— Рехнулся, да? — язвительно поинтересовался у него Староградский. — Ты что, забыл? Я же за твою жизнь отвечаю перед вашим начальством! Я хрен ещё раз соглашусь на участие в ваших гребаных махинациях, но сейчас я не могу тебе позволить...

— Да не бойтесь, товарищ полковник, — отмахнулся Сеня. — Всё будет нормально. Вы, главное, постреливайте, чтобы зеки не скучали и ничего не заподозрили.

Конев и Староградский с вопросом на лицах переглянулись. Арцеулов ринулся обратно по пути их следования. Он зашел в одну из комнат, дверь в которую была распахнута настежь. Судя по обстановке, это было служебное помещение для кого-то из персонала тюрьмы. И два лежащих посреди комнаты тела в униформе охраны подтверждали эту версию.

Арцеулов переступил через них, подошел к окну. Здесь оно не было зарешечено, как в большинстве помещений «Чёрного дельфина». Но оно категорически не открывалось. Поэтому Арцеулов, не долго думая, высадил его одним сильным броском тяжелого стула, подобранного на полу.

Из-за выстрелов Конева и Староградского звон рассыпающихся осколков стекла был заглушен грохотом взаимной пальбы.

Сеня выглянул в окно. Тьма с внутреннего двора дыхнула ему в лицо студеным покусывающим морозом. Сеня опустил взгляд на широкий карниз под окном. По нему

вполне можно было пройти. Если бы он ещё не был покрыт льдом и снегом, вообще было бы отлично.

Но выбора было немного, нужно было торопиться. Сеня думал не о себе, а о том, что Солонкин мог добраться до Гольшанского. Нужно было спешить.

Выключив фонарь, чтобы не привлекать лишнего внимания, Арцеулов выбрался наружу, аккуратно ступил на карниз. Ощущение пустоты внизу завладело его телом и проникло в сознание. Словно обрадовавшись его решению, зимняя ночь обдала его бурными порывами холодящего ветра. Мороз стелился по коже, покалывал её, царапал и скреб.

Сеня чуть поморщился от пробирающего озноба. Цепляясь пальцами за узкие выемки и расщелины в каменной кладке тюрьмы, передвигаясь боком, он двинулся вперёд по карнизу. Зимняя зловещая ночь, властвовавшая над «Чёрным дельфином», ликовала, что Арцеулов отважился на риск. В шуме наполненного мертвенным холодом ночного ветра слышались аплодисменты и восторженный маниакальный шепот. Шепот зимней ночи просил Арсения оступиться, поскользнуться, сдаться и упасть в бездонные объятия притаившейся внизу смерти.

Не слушая ветер, аккуратно переставляя ноги, Сеня двигался дальше.

Внизу раздались крики. Опустив взгляд вниз, Арсений увидел мельтешащие узкие треугольники света от фонарей и смутно различимые человеческие фигуры. Затарахтели автоматные очереди, засверкали вспышки выстрелов. В перерывах между выстрелами ночь разрывали яростные крики отборного мата с обеих сторон. Сеня видел, что охранников во дворе прижали к стене, но помочь им он ничем не мог.

Не обращая внимания на звуки внизу, Сеня двинулся дальше. Передвигаться необходимо было с величайшей осторожностью. Сеня отлично чувствовал, насколько скользким был промерзший, обледенелый карниз под его подошвами. Один неаккуратный шаг — и он рухнет вниз на радость торжествующей ночной тьме.

Вверху над Сеней раздался какой-то грохот, лязгнул металл, прозвучал чей-то визг, хохот и переполненный страхом пронзительный крик. Кричавший поперхнулся. Раздались звуки ударов. И через секунду окно выше этажом выплеснулось в ночь сотнями сверкающих осколков. Вместе с ними, отчаянно барахтаясь и стараясь ухватиться за воздух, вылетел какой-то человек. Его долгий беспомощный крик огласил территорию тюрьмы и оборвался внизу.

Ошарашенный Арцеулов замер в ступоре, глядя вниз. Его левая нога поехала вперёд. Сеня глухо выругался. Страх подхватил его, обволок, сжал и потянул вниз к гибели. Арцеулов чудом удержался, успев схватиться за внешнюю решетку на ближайшем окне. На несколько мгновений он повис на одной руке над бездонным мраком. Страх близкой гибели пробрался в его мозг, заставил тело оцепенеть. Давно Арцеулов не был так близок к смерти, как сейчас. Давно он так явно не ощущал её дыхание на своей коже и её шепот в дуновениях ночного ветра.

Морщась, сжав зубы, Сеня ухватился за решетку второй рукой. Сознание прострелила пугающе ошеломляющая мысль, что решетка может не выдержать его вес. Он заскреб ногами, пытаясь встать на карниз. Это получилось не сразу. Когда он сумел вновь упереть ноги в промерзшую поверхность карниза, то на пару-тройку секунд прижался лицом и грудью к обжигающе холодной решетке окна. Кипящий в венах адреналин не давал его телу замерзнуть. Сению слегка знобило, с его губ срывалось частое, тяжелое, чуть сиплое дыхание. Он заглянул в окно, увидел вспышки выстрелов.

— Ещё чуть-чуть, — Сеня примерно представлял, где относительно него сейчас засели те заключенные, что не давали им пройти.

Он пробрался к следующему окну. Полковник Староградский не солгал, окна служебных помещений все были без решеток.

Сеня добрался до того окна, из которого, наконец, увидел зеков в их оранжевых робах. Вооруженные дубинками, щитами и автоматами они сидели боком к нему за опрокинутым поперек прохода шкафом. Сеня поднес к окну ствол автомата и нажал на спусковой крючок. «Сайга» ткнула прикладом в плечо, выстрел дробовика вышиб окно внутрь кабинета, заключенные запоздало обернулись. Но Арцеулов быстро и методично расстрелял их несколькими быстрыми выстрелами.

Выбив остальные осколки в оконной раме, Сеня с вожделением влез внутрь, спрыгнул на пол, выпрямился и облегченно вздохнул. Перешагнув через тела заключенных, он подошел к порогу помещения, осторожно выглянул в коридор.

— Не стреляйте! Эй! Товарищ полковник!..

— Капитан, ты?

— Я, — вздохнув, крикнул Сеня.

Они выбрались из укрытия, подошли к нему.

— Ты цел?

Сеня молча кивнул.

Пройдя ещё несколько десятков метров, они встретились с большим и хорошо организованным отрядом охраны, который благополучно задержал нескольких заключенных. Их всех закрыли в отдельных помещениях, где были обычные тяжелые металлические двери, без электропривода и возможности удаленного управления.

Теперь рядом с Сеней было двадцать четыре вооруженных охранника, а против неорганизованной толпы вырвавшихся на свободу заключенных это довольно серьёзная сила.

Оставив пятерых человек сторожить вновь задержанных, Сеня и остальные сотрудники тюремной охраны направились дальше. Попавшиеся им на пути маленькие группки заключенных при виде полицейских сами падали на колени и складывали руки за голову. Страх был не чужд даже чудовищам.

Сеня торопился, его гнала вперёд тревога за Гольшанского, если конечно за такого, как Сильвестр Гольшанский, можно было переживать.

На пути следования большого отряда возникла очередная вооруженная группировка заключенных. Они было бросились на охрану, но как только двоих из них пристрелили, остальные немедленно побросали свое оружие.

Здание тюрьмы «Чёрный дельфин» относительно быстро было возвращено под полный контроль охраны. Все-таки местные сотрудники ФСИН не зря ели свой хлеб и отлично знали свое дело.

Минут через двадцать, когда большинство заключенных вернули в камеры, появился свет и возобновилась подача электричества. Но Сеню это не обрадовало, как остальных. Во-первых, не все заключенные оказались на месте, а во-вторых, среди тех, кого загнали обратно в камеры не было и Сильвестра Гольшанского.

По общему каналу связи сообщили, что небольшой группе заключенных удалось прорваться. Полковник Староградский выдал несколько грязных ругательств.

С территории «Чёрного дельфина» немедленно выехала группа полицейских внедорожников. В ночь поднялись два вертолета. Автомобили направились в сторону леса,

грозно грохочущие вертолёты полетели над верхушками деревьев, ощупывая темноту внизу широкими рукавами желто-белого света.

Сеня был в одном из вертолётов. Он переоделся из оранжевого тюремного комбинезона в такую же темную камуфляжную униформу, как и другие офицеры охраны. Арцеулов сидел возле открытой дверцы вертолёта и вглядывался вниз, в бескрайнюю чернильно-черную мглу. Напористый ветер бросался в лицо и чуть подергивал темную униформу на теле Сени.

Лучи прожектора выхватили бегущих по лесу заключенных. Сеня оживленно всматривался в них через бинокль. Но среди них не оказалось ни Сильвестра, ни Артёма Солонкина. Арцеулов с досадой скривил губы, качнул головой. Он почти не сомневался, что Солонкину уже удалось добраться-таки до Гольшанского. И если Сильвестр ещё жив, что маловероятно, то лишь потому, что Артём хочет увести его подальше и лишь потом прикончить. Или же передать лично тому, кто прислал Солонкина.

Обнаруженных в лесу заключенных задержали подъехавшие на бронированных внедорожниках охранники, а вертолет, в котором был Сеня, полетел дальше. Арцеулов с каждой секундой терял надежду отыскать их и предотвратить убийство Гольшанского. На Сильвестра ему было откровенно плевать, но нельзя допустить, чтобы Солонкин после этого скрылся или, что хуже, погиб при задержании. Тогда пребывание Сени в этой чёртовой тюрьме было бессмысленным, и замысел Стаса, который почти удался, абсолютно рушился.

В луче света внизу мелькнуло что-то отличное от лесной среды. Сеня напрягся.

— Эй! — крикнул он пилоту. — Назад! Я что-то видел! Быстрее!

Сердце в груди забилось чаще. Он не знал, что увидел, его глаза распознали что-то, но мозг не успел обработать увиденное. Но Арцеулов знал, что видел что-то, чему в ночном лесу совсем не место. Вертолёт завис над тем местом, где Сеня увидел нечто. Арцеулов, держась за край дверного отверстия корпуса вертолета, чуть подался вперед, поднес бинокль к глазам.

Он увидел две фигуры, что валялись в снегу и отчаянно брыкались. Два человека сплелись в отчаянной, молчаливой борьбе. Сеня убрал бинокль от лица, обернулся назад.

— Винтовку, быстро! — вскричал он.

Ему передали длинную СВД. Сеня немедленно упёр приклад винтовки в плечо направил ствол вниз и взглянул в окуляр.

Целиться было тяжело, но под сеткой прицела он отлично видел, как Артём Солонкин с отстраненным, кошмарно равнодушным лицом пытался вонзить длинный нож в лицо сопротивляющегося Гольшанского. Сильвестр проигрывал борьбу. Ещё немного — и широкое лезвие ножа в руке Артёма вонзится в его лицо. Солонкин не обращал внимания ни на яркий свет прожекторов, ни на шум вертолёта. Он вёл себя так, словно единственное, что имело для него значение, это было убийство Сильвестра Гольшанского.

Сеня выстрелил. Два раза. Сначала увидел, как дернулся Солонкин, а затем услышал его крик

Сильвестр скинул с себя раненого Артёма. Тот, корчась в снегу, дергал простреленными ногами. Сильвестр взглянул вверх. Сеня увидел на его лице желание испытать удачу и попробовать сбежать.

Но тут же прозвучал перекрывающий шум вертолетного мотора голос из динамиков:

— Гольшанский! На колени, руки за голову! В случае неповиновения открываем огонь на поражение!

Сеня был готов стрелять. Собственно, Сильвестр живым был уже не очень и нужен.

Гольшанский, видимо, каким-то образом понял, что его действительно пристрелят, как собаку, и послушно упал на колени в снег рядом с воющим и плачущим от боли Солонкиным.

Эпизод одиннадцатый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 20 января

Над городом в густеющих туманных сумерках безмолвно кружил и осыпался снег. Близились очередная январская ночь. Её приближение ознаменовалось стремительно темнеющими небесами и расплзающимися по улицам гигантского мегаполиса тенями. На затянутом блеклыми облаками небосводе не мерцало ни одной звезды. И распростёртая на многие километры гигантская Москва, как всегда, зажгла свои собственные.

По адресу, который указала Клавдия, возвышался таунхаус с элитарной каменной облицовкой и высокими клетчатыми английскими окнами. Тот, кто возводил это строение, явно пытался заявить некую претензию на вычурную аристократичность. И у него это отлично получилось. Вид портило только просторное деревянное крыльцо с пустыми клумбами, которое выглядело, как неумелая пристройка.

Я, Лера и Лёва сидели в Леркином субару и внимательно наблюдали за домом, в котором вскоре Нестор Беккендорф должен будет встретиться с неизвестным покупателем. Мы молчали. Говорить никому из нас не хотелось. Всех одолевали одни и те же тревожные мысли, и терзало мучительное, беспокойное ожидание.

Слегка покусывая губы от нетерпения, явзволнованно вглядывалась в каждого прохожего и каждый проезжающий мимо автомобиль. Я стискивала пальцами большой бинокль, который одолжила у Лёвы, и отчаянно боролась с искушением позвонить генералу Савельеву прямо сейчас. Но понимала, что, если у меня не будет стопроцентных фактов, Аспирин меня мягко (а может и жестко) пошлёт. И будет прав. Я не могу отвлекать его, не имея неопровержимых доказательств того, что в этом доме с вычурным аристократичным фасадом должна произойти сделка по продаже записей из подпольного борделя в «Зелёной колыбели».

Но, если я опоздаю, если передержу и сообщу слишком поздно, если из-за этого Пожиратель успеет смыться, ответственность за это неминуемо ляжет исключительно на меня. Эти противоречивые и навязчивые мысли раздирали меня изнутри и перетягивали в разные стороны, словно канат!

В конце улицы показался свет фар приближающегося автомобиля.

Я тут же поднесла к глазам бинокль и впиалась взглядом в подъезжающую машину. Это был чёрный Ниссан Патруль. Он сбавил ход возле таунхауса и плавно остановился. Когда двигатель заглушили, на улицу вышли четверо мужчин. Трое были типичнейшие громилы — здоровые, плечистые, с тяжелой походкой и хмурыми, насупленными физиономиями. Один из них нёс объемистую, чёрную спортивную сумку. А четвёртым оказался...

— Это Пожиратель! — громче, чем нужно было, оживленно воскликнула я. — Это он!.. Это точно он!

— Тихе, тихе, Роджеровна, — Лера положила мне руку на плечо. — Не кипишуй. Ладно? Значит, Клавдия не соврала.

— Каков наш план действий? — спросил Лёва.

Мы с Лерой переглянулись, затем посмотрели на него. Синицын вздохнул.

— Я так и думал...

— Я звоню генералу Савельеву, — сказала я и начала набирать номер, но тут же спохватилась. — Нет! Нужно сначала дождаться покупателя!..

— Если, конечно, он не приехал раньше нас и не ждёт Пожирателя внутри, — криво ухмыльнувшись, добавила Лерка.

Я с тревожной задумчивостью искоса взглянула на неё. Об этом я не подумала. Но всё-таки это маловероятно.

— Да ну, Лер, — нахмурившись ответила я. — мы тут часа три сидим... Не мог же он за четыре часа явиться на встречу.

Логинова в ответ лишь многозначительно пожала плечами.

Ну круто! К моим переживаниям добавилось ещё одно! Замечательно! Спасибо Лере! Кто, как не лучшая подруга, подбросит тебе в нужный момент лишний повод для переживаний! Хотя... а вдруг она права? Да нет!.. Ну не может быть!.. Или?.. Этот покупатель должен быть совсем неадекватным, чтобы припереться в какой-то почти нежилой дом и там торчать несколько часов, ожидая встречи с Беккендорфом.

С другой стороны улицы вдруг показался второй автомобиль. Когда он подъехал ближе, я увидела, что это выдавший виды, потрепанный и не очень чистый Ражеро.

Я направила на него бинокль. Но стекла у автомобиля были тонированные, а выбравшегося из внедорожника водителя я видела только со спины. Плюс, он был облачен в чёрную парку с капюшоном. Я разочарованно вздохнула и опустила бинокль.

— Ну всё, покупатель приехал, Пожиратель тоже, — подвела итог Лерка. — Звони генералу, пусть присылает своих крутых парней с автоматами.

— Да, сейчас, — слегка рассеянно кивнула я.

Я набрала номер Аспирина. Поднесла телефон к уху. Но после двух гудков дозвона, генерал меня сбросил. Я попробовала ещё раз, опять тот же результат. А в третий раз я услышала хорошо знакомое «аппарат абонента выключен...».

— Ну нет! Только не это! — расстроено проговорила я.

— Что случилось, Роджеровна? — спросила Лерка.

— Он меня сбросил два раза и отключил телефон! — обиженно и встревоженно ответила я.

— Звони... — Лерка на пару мгновений задумалась. — Кому-то другому...

— Кому? — вздохнула я. — Домбровский тоже телефон не берёт, у него только автоответчик дурацкий или вообще переадресация на номер Стаса. Сеня сейчас на каком-то задании, Стаса нет в городе... Чёрт возьми!

— Может, просто полицию тогда вызовем? — спросила Лерка.

— И что мы им скажем? — скептически покачав головой, спросила я. — Предлагаешь рассказать всю историю с начала до конца?

— Можно просто соврать и сказать, что там кого-то убивают, — предложила Логинова.

— И приедет одна патрульная машина, — устало и уныло проговорила я. — Патрульный полицейский вежливо поговорит с Пожирателем или с покупателем, доложит про ложный вызов и уедет.

— Ну да, — цокнув языком, согласилась Лерка. — Ну а что тогда?

— Видео нужно достать любой ценой, — ответила я. — Потом... потом, даже если Пожиратель и его покупатель скроются, мы покажем видео генералу Савельеву, и он успеет перекрыть город! Тогда ни Беккендорф, ни инкогнито-покупатель никуда не денутся. Во

всяком случае, останутся в пределах родной страны.

Я размышляла быстро и сосредоточенно. Но не была уверена, что правильно. К своему удивлению, помимо снедающего меня изматывающего напряжения, я ощутила нечто похожее на охотничий азарт. Неужели мне это нравится? Хм... Разваливать планы всяких козлов (да простят меня невинные животные за это нелестное сравнение) и восстанавливать пресловутую справедливость? Да, пожалуй, что нравится, как бы банально и пафосно всё это ни звучало и выглядело!

— Роджеровна, — протянула Лерка с легкой настороженностью, — а ты чего задумала, красотка?

Я бросила взгляд на Лерку, оглянулась на Лёву.

— Нужно идти туда и достать видео, — проговорила я.

Как я и ожидала, Лере эта мысль абсолютно не понравилась.

— Ты что, Роджеровна, опять неведомым образом сумела отключить базовый инстинкт самосохранения? Или ты до рождения обменяла-таки мозги на внешность?

— Лер...

— Нет! Нет! И ещё раз категорически вселенское НЕТ! — замотала головой Лера. — Ть туда не пойдешь, я тебя не пущу! Имей ввиду, если попрешься, я на машине этот дом протараню нахрен!

— Лер...

Но она не давала мне и слова вставить. Тем, кто не знал Лерку, наверное, трудно было бы поверить, что Логинова способна искренне переживать за других. Я же могу заверить любого, что Лерка относится к тому исчезающему виду людей, что готовы последнее отдать или последним поделиться, лишь бы только помочь близким и дорогим людям. Да и не близким тоже, если честно.

— Лер, — проговорила я, когда Логинова замолчала, — мы не можем...

Я замолчала, закрыла глаза. Сокрушенно, печально вздохнула.

— Я не могу позволить им просто встретиться, побеседовать и разойтись. Где их потом искать? Как призвать их к ответу?

— Одна из самых больших твоих проблем, Роджеровна, — сердито проворчала Лера, — что ты все время пытаешься восстанавливать свою **аную справедливость и призывать к ответу всяких отъявленных подонков.

— Так уж сложилось, — смиренно ответила я.

— Хрен там! — агрессивно выпалила Лерка. — Это все твоя неестественно добропорядочная, **ка, натура, пораженная вирусом последней стадии долбаного идеализма!

Лера почти кричала. Лёва молчал. Я опять бессильно вздохнула.

— Наверное, ты права, Лер, — грустно усмехнулась я и взглянула на свою подругу. — Но я, правда, по-другому не могу...

Логинова перевела на меня взгляд, и я увидела в её взгляде болезненное переживание.

— Ты не видела того, что видела я, — сказала я мягко, стараясь донести до неё ту истину, которую я давно уже приняла и смирилась.

Извечно видеть грязь и самую отвратную мерзость, связанную с темнейшей сущностью человека — мой неизбывный, вечный рок.

— Ну что ты будешь делать? — сдалась Лерка. — Вломишься туда и отберешь у них видео записи?

— Вряд ли мне такое по силам, — нервно хихикнула я. — Но-о...

Я задумалась и, обернувшись назад, посмотрела на Лёву.

— Если предполагается передать большое... — я осеклась, задумавшись, — огромное количество информации... Как лучше всего это сделать?

— Или на внешнем жестком диске, который можно переносить, или по ссылке через Darknet... — пожал плечами Сеницын.

— И что бы выбрал ты? — быстро спросила я.

— Ссылку на теневом, одноразовом сайте, — не задумываясь ответил Лёва. — Пароль знаю только я, украсть никто не может, потому что даже не знает, где оно лежит, единственное...

Сеницын замолчал, не договорив.

— Лёва, — теряя самоконтроль гневно прошипела Лера. — Говори, чёрт возьми! Ты можешь уже просто сказать? Четко и понятно!

— Данные на одноразовом сайте в Даркнет почти неуязвимы, кроме относительно недолгого периода времени во время их скачивания, — ответил Сеницын.

— Ага... — протянула Лерка. — И чем нам это поможет?

— Ты можешь в это время взломать их? — спросила я.

— Могу попробовать, — пожал плечами сидящий на заднем сиденье Сеницын, — но я бы не рассчитывал. Скорее всего, у них там куча всяких фаерволов.

— Фаерволов? — переспросила я. — Это что-то вроде защиты?

— Да, и мне вряд ли удастся быстро и незаметно пробиться через такой заслон, — кивнул Лёва, доставая из сумки свой ноутбук.

По пути сюда, в этот глухой и заросший дикими сквериками район города, Сеницын попросил отвезти его домой, чтобы он захватил необходимые вещи. Среди всего его личного скарба оказался ноутбук, какие-то неизвестные мне гаджеты, непонятные устройства, квадрокоптер и куча всяких проводов.

— Что тогда делать?

— Bluetooth, — чуть улыбнувшись, ответил Лёва.

Мы с Лерой снова обменялись взглядами. Моя подруга, похоже, как и я, пока не особо что-то понимала.

— Ты... хочешь взломать их через Bluetooth? — неуверенно спросила я.

— Угу, — хмыкнула Лерка, — только перед этим нужно зайти туда в дом и вежливо так попросить Пожирателя включить Bluetooth на своем ноутбуке. Ну хотя бы чтобы просто посмотреть на выражение его лица...

— Зря иронизируешь, — ответил Лёва, — я вряд ли смогу быстро взломать их компьютер, но зато точно могу быстро и незаметно закинуть одну крохотную программку, которая позволит мне дистанционно включить функцию беспроводной передачи.

— Но? — кивнула я.

— Но, — вздохнул Сеницын, — чтобы получить видеофайлы через Bluetooth потребуются, чтобы наш накопитель находился хотя бы в радиусе пяти-шести метров или ближе к ноутбуку, на который они будут скачиваться. Чем ближе, тем лучше сигнал.

— Понятно, — кивнула я, стараясь совладать с захлестывающим меня бурным тревожным чувством.

— Лёва, а давно Bluetooth стал способен передавать огромные гигабайты за короткое время? — подумав, слегка язвительно спросила Логинова. — Лично у меня трубка даже

видосы в двести мегабайт передает далеко не сразу, совсем не быстро и иногда серьезно подтупляет...

— Потому что у тебя версия Bluetooth устаревшая, — пренебрежительно ответил Лёва. — А у меня уже 5.1 стоит, которая у вас появится в лучшем случае через-пару тройку лет.

Мы с Лерой снова переглянулись.

— Это почему это? — слегка запинаясь, чуть обиженно спросила Логинова.

— Потому что эту технологию ещё не продают.

— А у тебя она тогда откуда?

— Я её... позаимствовал, — хитро улыбнулся Лёва.

— С кем мы связались, а! — посетовала Лера. Я в ответ улыбнулась.

— С компьютерным гением и специалистом в области информационных технологий, — ответила я.

Лёва с признательностью кивнул.

— Значит, план такой, — сказала я, — Ждем полной темноты, это недолго. Потом я иду туда... Лера, дай мне пожалуйста закончить. Я знаю, что ты скажешь. Пожалуйста...

Логинова нехотя кивнула.

— Я захожу в дом...

— Я дам тебе свою камеру, на ней отличный режим ночного видения, — быстро вставил Лёва. — И ещё смогу следить за передвижениями внутри дома с помощью квадрокоптера.

— Подожди, — протянула я. — А что, эти твои... теплови... тепловизоры могут видеть через стены?

— Нет, конечно, — ответил Лёва, — но нам повезло, что в этом доме достаточно окон, чтобы я более-менее контролировал ситуацию.

Выражение «более-менее» меня сильно насторожило, но я понимала, что большего требовать от Лёвы все равно не могу.

— Хорошо, — быстро кивнула я, — но тогда ещё нужно какое-то средство связи?

— Да, вот держи, — Лёва протянул мне небольшой беленький наушник. — i7R— беспроводной.

— Мне просто вставить его в ухо?

— Сначала включи,

— Конечно, — пробормотала я, мысленно отругав себя за глупый вопрос.

— Вот камера... и микрофон.

— Эй, а мне наушник и микрофон? — подала голос Лерка.

— Лера... — проговорила я обреченно.

— Что?! — немедленно вскинулась она.

— Я пойду одна, — мягко, но категорично ответила я.

— Черта с два! — отрезала Логинова.

— Лера...

— Нет! — Лер, у нас нет на это времени!

— Да это конченный суицидальный идиотизм — переться туда одной, Роджеровна! — выпалила Логинова. — Ты понимаешь?! Нет?! Ты можешь понять своей блондинистой безмозглой башкой, что это самоубийство! Может, тебе сразу вены вскрыть или с моста прыгнуть?!

Я молчала. Да, конечно, она была права. Это сущее безумие.

— Лера, — терпеливо ответила я, — Я иду одна... Потому что... Лёва, например, нужен здесь...

— А я...

— А ты нужна мне за рулем, потому что очень вероятно, что убежать придется быстро, и потом, возможно, нужно будет кого-то...

— Что? — хмыкнула Лера, — Слегка сбить тачкой?

— Возможно, — пробормотала я, про себя надеясь, что до такого не дойдёт.

— Роджеровна, ты водишь намного лучше, чем я, — заметила Лера.

— А ещё, прости, но это правда, я передвигаюсь быстрее и намного тише, чем ты, — напомнила я.

Лера хотела было возразить, но потом вспомнила, что мое утверждение было не раз доказано практикой. Лерка патологически не умела ходить тихо даже на цыпочках, равно, как и быстро и бесшумно куда-то залезать.

Я тоже далеко не ниндзя и не Лара Крофт, но у меня с этим дела обстоят куда лучше, чем у Лерки. Да и потом, я иногда хожу на скалодром с Федей, который почему-то стесняется ходить туда сам. Так что кое-какие навыки по преодолению препятствий у меня тоже есть, более-менее.

— А если тебя поймают? — спросила Лера. — Что тогда?

— А если нас вдвоем поймают, будет лучше что ли? — резонно возразила я. — Так вы хоть помощь вызовете, если что. А так, они ещё и Лёву тогда могут прихватить.

— Ну это вряд ли, — ухмыльнулся Синицын.

— И тем не менее, это возможно, — вздохнула я.

— Роджеровна... Я... Я не знаю, что мне делать, — обескураженно и расстроено покачала головой Лерка. — Честно... Не пустить я тебя не могу, чтобы я с тобой шла, ты тоже не хочешь... Что мне остается? Тут сидеть и гадать, вернёшься ты или нет?.. А?..

— Лер, всё будет хорошо, — я попыталась успокоить её.

— Угу, — буркнула удрученная Лерка. — У кого?

— У нас, — улыбнувшись, заверила я, — но не у Беккендорфа и его покупателя.

Лерка взглянула на меня долгим, тревожным и почти плачущим взглядом. Затем вдруг наклонилась ко мне и крепко, с душой и горячностью обняла, прижала к себе.

— Ты же знаешь, что я... я не переживу, если с тобой что-то случится, дурочка ты альтруистическая! — слёзно проговорила мне на ухо Лера. Я сама ощутила теплые слезы на глазах и ласково, успокаивающе прошептала:

— Со мной всё будет в порядке. Правда...

Лерка в ответ промычала что-то непонятное. Когда Лерка меня отпустила, Лёва передал мне камеру и показал, как включать ночной режим. Затем он передал мне телефон, который нужно было разместить как можно ближе к ноутбуку Беккендорфа или его покупателя. Мы проверили связь в моем наушнике. Я посмотрела на Лерку, на Синицына.

— Не делайте глупостей, если я перестану выходить на связь, немедленно уезжайте! И звоните генералу Савельеву! Или Стасу! Я вбила номера в твой телефон, Лерка.

— Угу, — промычала в ответ встревоженная и опечаленная Лерка.

Она едва не плакала от страха за меня. А мне было бесконечно жаль её, и я сама с трудом сдерживалась, чтобы не разревется с ещё большей силой. Гнетущее чувство сжимало грудь и выдавливало воздух. Спокойным и почти равнодушным из нас оставался только

Лёва. И я была ему очень благодарна за это. Если бы я увидела хоть каплю страха или слёз (если он способен плакать, конечно) и в его серо-голубых глазах, я бы точно расплакалась от неуправляемого чувства наваливающейся паники.

Я старалась успокоить себя, унять колотящееся сердце в груди и пересилить одолевающий мой разум панический страх. Я пыталась придать себе уверенности, но неумолимое чувство страха, стремительно разрасталось во мне, высасывая последние силы.

Я открыла дверцу автомобиля и вышла на улицу. Мир вокруг разделился на черное и белое. Сверху густела сине-чёрная ночь, а внизу серели молочно-грязные сугробы снега. Подвывающий ветер носился меж оголенных, скрюченных веток деревьев. Молчаливый зыбкий снегопад осыпался на безмолвные, опустевшие в ночи улицы. Вьющиеся точки снежинок в темно-желтых ореолах уличных фонарей напоминали стаи беспокойных мух.

Я шла вперёд, натянув на голову капюшон куртки и украдкой поглядывая на окна дома. Его окна изнутри подсвечивались мистическим тускло-желтым светом. Но снаружи дом казался почти пустым и безжизненным, как весь этот окраинный безлюдный район.

Спрятав руки в карманах куртки, я приближалась к дому. Я ощущала на своей спине переполненный многоликим страхом отчаянный взгляд Лерки. От этого явственного чувства стократно усиливались мучающие меня пугающие сомнения. По мере того, как я приближалась к дому, где проходила встреча Пожирателя и его клиента, скачками возрастало сжирающее меня изнутри въедливое и ядовитое чувство невыносимой тревоги. Внутри меня крепло настырное, почти непреодолимое желание развернуться и бегом броситься прочь отсюда.

— Ника, — услышала я голос Лёвы в наушнике, — на первом этаже на заднем дворе есть окно, через которое ты сможешь пробраться внутрь дома.

— Спасибо, — я подняла взгляд повыше и увидела бесшумно кружащий вокруг дома квадрокоптер.

Он был темного цвета и почти невидимым на фоне ночного неба.

— А твоя машинка не сломается из-за снега? — спросила я.

— Нет, это моя собственная модель, и она почти всепогодная, — не без привычной хвастливости ответил Лёва.

— Что бы мы без тебя делали, — вздохнула я.

— Очевидно, наделали бы много непоправимых глупостей.

— Эй! — услышала я возмущенный возглас Лерки. — Мы до этого как-то не раз справлялись без тебя.

— Не лучшим образом, — парировал Синицын.

— Лёва, — попросила я, — пожалуйста не ругайся с Лерой.

— Хорошо, — равнодушно отозвался Синицын. — Кстати, скорее всего, встреча проходит на третьем этаже в его западном крыле. Только там много света и скопление народу.

— В западном крыле? — переспросила я на ходу.

— Как окажешься внутри, это по левую руку.

— Понятно, спасибо.

Я двинулась в обход дома. Мои ноги от возрастающего нервного напряжения, налились свинцом и стали ватными. Мне требовалось прилагать серьезные усилия, чтобы сохранять самообладание. А ещё мне казалось, что за мной наблюдает не только Лёва, но и... кто-то ещё. И это чувство вселяло дополнительные опасения.

— Стой! — хлестнул голос Лёвы. — Пригнись! Быстро!

Я послушно выполнила всё, что он сказал. Присев на корточки за невысоким забором, часто и громко дыша, я ждала.

— Охранник на втором этаже смотрит в окно... — проговорил Лёва.

— Поняла... — тяжело сглотнув, ответила я.

Поверить не могу, что я на всё это решилась! И вообще, что всё это происходит наяву!

— Всё, — сказал Сеницын, — вставай и иди. Быстрее.

Я поднялась, поспешила вперёд. Перелезла через забор, как сумела.

Со стороны это, наверное, выглядело убого и смешно, потому что перелезть через заборы, даже невысокие, совсем не мой конек. Но Лёва, спасибо ему большое, никак это не прокомментировал.

Когда я оказалась на темном заднем дворе дома, мой пульс участился до скорости движения поршней в цилиндрах гоночного двигателя. Охваченная накачивающим ужасом при мысли, что меня могут поймать, я рванула вдоль задней части дома.

— Лёва, какое окно? — быстро спросила я.

— Впереди, — отозвался Лёва, — слева, видишь?

Я посмотрела, куда сказал Сеницын. Не сразу, но я заметила приоткрытое окно, поблескивающее в тускло-оранжевом свете далекого фонаря.

Я подобралась к окну вплотную, но быстро осознала, что просто так туда не заберусь.

— kurcze! — прошипела я.

— Что-что? — спросил Лёва.

— Я не заберусь сюда, Лёва, — позорно хныча, ответила я.

— Заберешься. Видишь вон там мусорные баки валяются. Подкати один к окну, только тихо, и забирайся.

— Вот чего в моей жизни не было, так это катания мусорных баков, — проворчала я, направляясь к стоящим вдалеке в углу нескольким мусорным бакам.

— В твоей почти пятнадцатилетней жизни ещё много чего не было, дочь моя, — менторским, безразличным тоном отозвался Лёва.

Я предпочла не отвечать. Подкатив пустой мусорный бак к окну, я забралась на карниз и попробовала открыть окно пошире, но не вышло. Пришлось пролазить так.

— Хорошо, что я с ней не пошла, — услышала я приглушенный голос Лерки. — Я бы в такую щель не пролезла... окоровела малость.

— У тебя великолепная фигура, не прибедняйся, — немедленно ответил Лёва.

— Сеницын сделал мне комплимент, — с издевкой ответила Лерка, — то ли рак на горе свистнул, то в лесу что-то сдохло.

Я, оказавшись в доме, фыркнула со смешком и стала двигаться дальше.

— Так, не спеши, — предупредил Лёва. — Достань камеру, включи ночной режим и осмотришь.

— Сейчас.

Я достала камеру, которую мне дал Лёва, и включила на ней ночной режим, как показывал Сеницын.

Я находилась в просторном коридоре с узкими высокими вазами на полу и торчащими из них стеблями неизвестных растений.

— Я каком-то коридоре, — шепотом сказала я Лёве и, тихо ступая, прошла дальше.

— Осторожней... — немедленно отозвался Сеницын.

Я остановилась.

— Что?

— Перед тобой всё чисто, но сразу за поворотом сидят двое мужиков. Похоже, они о чем-то болтают и...

— Бухают они там, похоже, — вставила Логинова.

— Лера, не мешай, — сосредоточенно и строго ответил Лева.

— Ой, да пожалуйста... — услышала я голос Логиновой.

— Лёва, как далеко они от меня? — спросила я.

— Метров сорок с лишним.

— Угу, понятно.

Глядя в дисплей слева на камере, под топочущие удары собственного сердца, я тихо двинулась вперёд. Я ступала очень осторожно. Пол под ногами был деревянный, и я очень надеялась, что он не настолько древний, чтобы скрипеть. В дисплее камеры я видела всё вокруг в многочисленных оттенках зелёного. Я миновала длинный зал с диванами и камином, прошла его насквозь и вышла через открытую дверь. Я старалась даже дышать тихо, а сама, в свою очередь, тщательно вслушивалась в темноту. Я услышала мужские голоса. Кто-то засмеялся. По моим позвонкам от шеи до копчика сошла неприятная колкая дрожь с холодком. Я послушала темноту. Двинулась дальше.

— Стой! — снова раздался голос Лёвы. — Один из тех мужчин поднялся...

Я замерла, нервно, шумно сглотнула.

— Так, прячься! — сказал Лёва. — Быстрее! С трудом сдерживаясь, чтобы не запаниковать, я обернулась, рыская во тьме в поисках укрытия. Не придумав ничего лучше, я подкралась к камину и забралась внутрь.

— Ты спряталась? — спросил Лёва.

— Да, — прошипела я, уже слыша приближающиеся шаги. Меня порядком лихорадило от неотступного чувства страха.

— Куда ты спряталась? — уточнил Синицын.

— В камин, — прошипела я.

— В камин?! — помолчав, выразительно переспросил Синицын.

— Ну да... А что?

— Будем надеяться, что они не станут разводить огонь, — вздохнул Синицын.

Я не стала ему отвечать. Во-первых, это правда было глупо, во-вторых, тяжелые шаги уже звучали совсем рядом. Звук тяжелой поступи неизвестного человека угрожающе приближался.

Я затаила дыхание. Шаги раздалились уже в комнате, где я пряталась.

— Он в комнате, — подтвердил Лёва, наблюдая за мной. — Сиди тихо, всё будет хорошо... Лера, стой!

— А если её сейчас поймут! — услышала я в наушнике истеричный голос Логиновой.

Я бы очень хотела сейчас сказать, Лерке, чтобы она никуда не бежала и сидела с Лёвой в машине, в безопасности. Но я не могла произнести ни звука.

В следующий миг вспыхнул свет. Мое тело вмиг наполнилось пульсирующим жаром. Щурясь от яркого света, я увидела, как мужчина в потертой темной кожаной куртке и джинсах вошел в комнату. Он прошел прямо мимо меня. Я в этот миг буквально вся обмерла, застыла, затаив дыхание, и если бы могла, на всякий случай, остановила бы на время свое сердце. Мужчина тем временем как ни в чем не бывало подошел к высокому шкафу,

похожему на холодильник, открыл дверцу и вынул оттуда бутылку вина. Покрутив бутылку в руках, он вышел из комнаты и погасил свет.

— Он ушёл, — прозвучал в моем наушнике голос Лёвы.

Я выдохнула и осторожно выбралась из камина. От моей одежды теперь заметно пахивало горелым деревом, серой и чем-то ещё. И наверняка я запачкала и свои джинсы от Hiltiger, и свитер из MANGO (куртку я оставила в машине). Ну и фиг с ними. Сейчас это не главное.

— Ника, — услышала я голос Лёвы. — Тебе нужно вернуться назад и поискать вход в подвал. Если он открыт, то стоит спуститься туда.

— Зачем? — рекомендация Лёвы вызвала у меня легкий ступор.

— Там должен находиться электрощит. На нём нужно отключить электричество на первых двух этажах, чтобы уменьшить риск твоего обнаружения.

— Ладно, — вздохнула я.

Всё так же тихонечко передвигаясь, глядя в темноту через дисплей камеры, я прошла обратно и оказалась в огромной гостиной дома. Здесь могло бы поместиться четыре моих комнаты! Четыре, Карл! А я то думала, что у меня довольно большая комната. Ну, во всяком случае, точно побольше той конуры, в которой меня заставляла жить тётя Барбара. Слева от входной двери в прихожей действительно оказалась неприметная дверь в подвал.

На прямоугольном дисплее камеры отображались уходящие вниз темно-зеленые ступени и кирпичные стены. Внизу я действительно нашла распределительный щит. Лёва подсказал мне, какие переключатели нажать.

Когда дело было сделано, я вернулась назад.

— Теперь им будет тяжелее тебя отыскать, — обнадеживающе проговорил Лёва.

— До тех пор, пока они не догадаются спуститься вниз и включить все обратно, — услышала я мрачно-едкий голос Леры.

— Это в любом случае время, которое им придется потратить, — рассудительно произнёс в ответ Лёва.

Я предпочла не отвечать Лере. Тем более, что была согласна с мнением Синицына.

Я вернулась в большой зал с камином, здесь остановилась, прислушалась. Впереди прозвучал чей-то скрипучий, ехидный смех. В ответ кто-то пробурчал несколько грубых ругательств.

— Там по-прежнему двое охранников в комнате, — произнес Лёва.

— Поняла, — вздохнула я.

— Что будешь делать?

— Попробую их чем-то отвлечь.

— Скажи ей, чтобы она не лезла на рожон! — голос Логиновой в наушнике звучал с тревогой и злостью.

— Твоя подруга не идиотка, — вздохнул Синицын.

— Спасибо, Лёв, — улыбнулась я.

— На здоровье, Ника.

Конечно лезть напролом я ни коем случае не собиралась. Нужно было как-то отвлечь этих громил. Я приблизилась к ним уже достаточно, чтобы слышать их разговор.

— ... она мне говорит: «Ты раньше мне каждые выходные деньги давал, а теперь только иногда!», — издевательски копируя голос какой-то женщины проговорил один из мужчин.

Второй басовито загоготал.

— Ну, а ты чего?

Не вникая в суть их беседы, я оглядела помещение. Уронить что-нибудь что ли. Или разбить... Нет. Нужно привлечь их внимание, но не так, чтобы они переполошились и начали рыскать по всему дому. Как-нибудь... аккуратно... Не придумав ничего лучше, я вернулась немного назад, подошла к окну и чуть-чуть приоткрыла его. Внутри дома немедленно ворвалась зимняя стужа. Порывистый ветер озорно швырнул в помещение зыбкую пригоршню снега. Крадучись, я вернулась в зал с камином. Теперь можно что-то и уронить. Что-то действительно могло упасть от сквозняка или дуновения ветра.

— Блин! — услышала я. — А чё так холодом то повеяло? Лёх, ты чувствуешь?

— Да, как-то зябко стало, — с подозрением отозвался другой голос.

— Пойду-ка я гляну.

— Я с тобой...

— Давай.

Я услышала неторопливые шаги. Меня охватил новый приступ паники, я завертелась из стороны в сторону. Что мне делать? Что сбросить? Что уронить?.. Как привлечь сюда этих опасных здоровяков и не попасться самой?

Удерживая камеру двумя дрожащими руками, я торопливо водила ею по сторонам. На зеленом дисплее мелькали фрагменты стен, диванов, полки, вазы с цветами, плазменный телевизор на стене.

Шаги и голоса мужчин приближались, звучали все громче.

— Ника, они идут, — предупредил в наушнике голос Лёвы.

— Я знаю! — едва слышно шепотом простионала я.

Времени у меня уже не было. Поэтому я подскочила к одной из полок, взяла фотографию. На ней были изображены две женщины с ребенком. На мгновение меня охватила внезапная робость, фотография сама выпала из моих дрожащих от страха пальцев. Короткий громкий звон бьющегося стекла, осколки рамы разлетаются по полу.

— Это ещё что?! — раздался взволнованный выкрик одного из охранников.

— Быстрее! — крикнул второй. — Это там!

Я бросилась в укрытие, притаилась у стены за широким креслом.

Мужчины вбежали в зал. Один из них попробовал включить свет. Но у него, конечно, ничего не получилось.

— Хрень какая-то... — непонимающе проворчал тот, что пытался включить. — Мне это не нравится... Нужно сказать боссу.

— Вот сам и говори, — второй охранник достал фонарик и, неспешно ступая, прошел по залу. — Босс весь на иголках, дерганый и бросается постоянно. Я не завидую тому, кто сейчас ему сделку сорвёт.

Мужчина с фонарем провел широким лучом света по комнате.

— Тем более, что ничего такого страшного не случилось...

— Но свет то не работает!

— Ну пойдем в подвал, посмотрим, что там...

— Ну пошли... Стой, а если это кто-то специально выключил?

— Разве что из пацанов кто-то прикалывается, — вздохнул мужчина с фонариком.

Второй хотел что-то ответить, но вместо этого врезался в стол и громко выругался.

Я осторожно, стараясь не издать ни звука, двигалась к дверному проему. Ещё немного, и мне удастся выйти из зала незамеченной. И путь на лестницу будет открыт.

Чувство страха накатывало удушающими волнами и сжимало мои легкие. Едва дыша, быстро и тихо переступая по полу, я добралась до лестницы. Здесь свет был, поскольку я отключила электричество не во всём доме.

Я прошла мимо двух стульев и низенького круглого столика, на котором стояли две бутылки пива и зловонная пепельница с тлеющими окурками.

Меня замутило от сливающихся запахов табака и алкоголя. У лестницы я взглянула вверх.

— Подожди, — услышала я голос Лёвы в наушнике. — Наверху кто-то есть... Сейчас...

Сдерживая свое шумное судорожное дыхание, я послушно ждала, что скажет Лёва. Ожидание становилось невыносимым. Монотонный, частый стук сердца, казалось, отзывался внутри моей головы.

— Да, — наконец, произнес Синицын. — Наверху тоже два... нет... постой... три человека. Они далеко от лестницы, но двигайся тихо.

Я судорожно, но тихо вздохнула и направилась вверх по широким, деревянным ступеням. Они были застланы ковром, и это играло мне на руку. Ковер отлично скрадывал звук моих шагов. На втором этаже я оказалась в ещё одном длинном коридоре, и здесь так же власть держала темнота.

Стутившийся мрак вокруг меня казался жидким и даже вязким. Осторожно шагая вперёд под аккомпанемент торопливых толчков сердца, я как будто пробиралась через чернеющую в доме мглу. Учащенное дыхание с прерывистыми громкими вздохами рвалось с моих уст. Я старалась сдерживать его, упрямо сжимая рот. От невыносимого, изматывающего напряжения у меня сдавливало грудную клетку и горло. Я быстро, но осторожно повела камерой в разные стороны.

— Я забросил в их комп нужную программу и уже могу включить Bluetooth, — известил меня Лёва. — Осталось только поднести телефон, который я тебе дал, на нужное расстояние.

— Хорошо... — отозвалась я.

Передо мной тянулся длинный, сужающийся в конце коридор с несколькими дверями.

— Так, тут будь осторожна, — предупредил Синицын. — В двух комнатах перед тобой могут находиться люди...

— Что значит «могут»? — взволнованно прошептала я. — Ты что, их не видишь?

— Я не могу их просмотреть, — ответил Синицын. — Там нет окон.

— И что ей делать теперь, умник?! — сразу же услышала я раздраженный и напуганный голос Логиновой.

Я вздохнула, на пару мгновений остановилась. Через камеру я отлично видела пять дверей по обе стороны от коридора и торчащие на стенах старомодные светильники, между которыми выделялись рельефные деревянные панели. Я оглянулась назад, но за моей спиной был только тупик с висевшей в конце фото-картиной на торцевой стене.

Замечательно! То есть, если меня застукают, путь мне только вниз, где уже рыскают два бандитского вида здоровяка! Шикарный расклад!

Пересиливая собственный страх, я всё-таки шагнула вперёд. Я очень боялась, что Лёва или, что более вероятно, Лерка сейчас начнут меня успокаивать и подбадривать. Во всех других случаях была бы благодарна за поддержку, но сейчас меня бы это только нервировало. Я прошла две двери. Сердце подпрыгивало до горла при каждом едва слышимом шорохе.

Я прошла мимо ещё двух дверей. Справа послышались звуки шагов, затем кто-то оглушительно чихнул. Я вздрогнула всем телом и едва не выронила камеру из рук.

— Что это было? — быстро спросил Лёва.

— Кто-то чихнул... — боязливо, жалобно и тихо ответила я.

Одна из последних дверей впереди вдруг с тихим скрипом открылась. В коридор упал свет. Я застыла на месте, едва осмеливаясь дышать. У меня судорожно стянуло живот, предательски ослабели колени и задрожали руки.

Из комнаты выглянул человек. Он смотрел в коридор, но не видел меня из-за темноты.

— Эй, у тебя там всё нормально?

Трепеща от подступающего с новой силой чувства безмерного страха, я ждала что будет дальше.

— Нормально, — глухо отозвались из-за двери слева, сзади от меня.

— Ну как знаешь, — выглядывавший из комнаты человек закрыл дверь.

Я закрыла глаза, перевела дух. На коже лба и под одеждой выступила холодная испарина, тело пожирал пульсирующий жар. От угнетающего чувства беспомощности, одиночества и всё того же неотступного страха на глазах выступили слёзы. Я шумно, нервно сглотнула, всхлипнула. Мне хотелось уйти отсюда как можно скорее. Оказаться дома, в своей уютной комнатке на третьем этаже. Чтобы рядом был Мирон, который прижмёт меня к себе, обнимет, погладит по голове. Затем банально шепнет, что всё будет хорошо, и поцелует меня. А потом мы вместе посмотрим какой-нибудь хороший фильм из любимых.

Я выдохнула, упрямо покачала головой и шагнула дальше. О Мироне мне сейчас точно лучше не думать. Последнее свидание с ним закончилось не лучшим образом, и Зубатый явно рассердился на меня. Прогоняя от себя мысли о своём парне, я направилась дальше. Я прошла коридор почти до самого конца.

Впереди звучал мужской голос. Какой-то мужчина говорил по телефону.

Я прошла мимо ещё одного просторного и хорошо обставленного зала. Здесь двое охранников при свете лампы играли в карты, рассевшись в дорогих роскошных креслах. Рядом с ними на столике лежали рации. Дальше передо мной был ещё один короткий коридор, а за ним просторная большая кухня, из которой наверх уходила ещё одна лестница. Я направилась было к ней, но тут же увидела, как сверху спускаются двое мужчин с фонариками.

— Какого чёрта у вас там происходит? — спросил один из них, удерживая в левой руке рацию. — Что значит, свет кто-то отключил? Вы серьёзно?.. Так включите обратно, мать вашу! И быстро проверьте весь дом! Вас что, нужно учить работать?.. Это всех касается! В ответ в динамике рации ему по очереди ответили сразу несколько голосов.

Я попятилась назад, подошла к длинной барной стойке. Мелькнула мысль, перелезть через неё и спрятаться на время там. Но тихо и быстро я это сделать не смогу. Пришлось надеяться на темноту и стоящий рядом стол.

— Кто-то проник в дом, — произнес отдавший распоряжения охранник.

— Полиция? — с опаской спросил второй.

— Вряд ли, — пренебрежительно отозвался тот, что, по-видимому, был за старшего. — Но этот гость, кем бы он ни был, не должен отсюда выбраться...

От шеи до низа спины по коже прошёл волной опаляющий холод. Меня пробрала очередная дрожь, громче застучало сердце, а сознание пленил ужас. Меня поймают! Я обречена! Это конец! Всё... мне не уйти! Мне... Я... Эти мысли настойчиво гремели у меня

В ГОЛОВЕ.

— «Стоп!!! Перестань! Перестань! Хватит!!!» — мысленно велела я сама себе.

Я чуть было не закричала это вслух. К удушающему хищному ужасу добавилось чувство гнева на собственную слабость. Я не могу быть слабой сейчас! Я погибну, если позволю страху заставить меня сгруппироваться и как-то выдать себя! Свет пока ещё не включили. Спасительная для меня темнота ещё властвует почти во всём доме. Я направилась к лестнице, по которой спустились двое мужчин. Меня обуревали неукротимые эмоции страха. Предательская дрожь охватывала всё тело. Я уже подобралась к ступеням лестницы, ведущей наверх, как вдруг в помещении вспыхнул свет.

Меня буквально пронзил, захлестнул и окутал ошеломляющий, бесконечный ужас. Я едва не сорвалась бежать! Всё мое сознание и тело рвались прочь отсюда. Хотелось просто умчаться подальше и не важно, каким способом!

Но я невероятным усилием заставила себя обратить внимание, что оба охранника, хоть и находятся близко, и вокруг горит свет, всё же стоят ко мне спиной.

Перестав терять драгоценные мгновения, я тихо ринулась вверх по лестнице.

— Ника, ты как? — раздался в наушнике голос Лёвы.

Я не ответила.

— Чего она молчит?! — тут же вмешалась обеспокоенная Лерка. — А? — Тише...

— Что «тише»?! Что с ней?! Почему она не отвечает?! Я иду к ней!..

— Стой! Ты с ума сошла! Стой же!

— А ну отпусти меня!.. — закричала чуть ли не в истерике Лерка.

— У меня всё хорошо... — чуть не плача от пережитого ужаса, шепнула я, оказавшись наверху. — Лёва... всё хорошо.

— Я слышу... Лера! Слушай!

Они замолчали.

— Всё нормально, — снова прошептала я.

— Точно?! —

— Точно, — тяжело, с дрожью вздохнув, ответила я.

— Ника, ты приближаешься к цели, — проговорил Лёва. — Ещё немного, и я смогу подключить их ноутбук к телефону... Ты не могла бы поторопиться? Мы все-таки можем не успеть...

— Лёва!.. — выдохнула я. — Ты... совсем... вообще что ли?! —

У меня не было слов. Я чуть было не попала, а он меня ещё и подгоняет.

— Просто говорю, чтобы по возможности поторопилась...

— Не смей её подгонять! — вспыхнула Лерка. — Сам то тут в моей машине ж**у греешь! А Роджеровна там одна против кучи мужиков с оружием! Давай-ка сам попробуй, а!

— Я и не вызывался, — холодно ответил Лёва. — Да и Ника была против...

— Хватит там ругаться! Вы мне мешаете! — пожаловалась я.

Я достала телефон, который дал мне Лёва.

— Лёв, как мне посмотреть список устройств, с которыми можно связаться?

— Как на любом другом телефоне, — ответил Синицын.

Я тяжело вздохнула.

— Ты можешь объяснить?

Пауза. Лёва явно был слегка удивлен.

— Ты не знаешь, как посмотреть устройства...

— Лёва... — чуть не плача, проговорила я устало, — ты можешь просто...

— Да не знает она! — взорвалась сидевшая рядом с Лёвой Лера, — Понимаешь ты, еноч очкастый, не знает и не умеет! Это Роджеровна! Которая разбирается в тачках лучше любого парня и безбожно тупит с телефонами и компьютерами! Ты можешь просто ей помочь?! А?

— Конечно, — как всегда сдержанно отозвался Лёва.

— Спасибо, Лер, — хмыкнув, поблагодарила я. — Но я не так безнадежна с компьютерами, как можно подумать.

— Автомобильная мультимедиа не считается, — бросила Лерка.

Я поджала губы.

— Ну тогда Лера права, Лёва.

— Я так и понял, слушай...

Он коротко объяснил. Я открыла меню телефона, попробовала поискать названную Лёвой модель— Apple MacBook Pro 15. Но, видимо, я ещё была недостаточно близко к цели. Я вздохнула. Знать бы точно ещё, куда идти, чтобы не нарваться на охрану, которая, похоже, начала обыскивать дом.

Я старалась не допускать мыслей о том, что меня могут поймать. Я категорически не хотела об этом думать.

— Ника, сигнал усиливается... — услышала я в наушнике ободряющий голос Лёвы. — Ещё немного...

Я прошла мимо пустых комнат, в которых ярко горел свет. Надеюсь, в доме нет внутреннего видеонаблюдения. Впереди притаились двустворчатые, плотно закрытые двери. Я уже слышала монотонный звук голосов, доносившихся изнутри. Значит, я почти на месте. Я попробовала снова подсоединить телефон к ноуту, но пока не получалось. Я приблизилась...

Взор заволочло подрагивающим изображением зимнего леса. Я стою в тени раскидистого черного дерева. Воюющий ветер с метелью вьётся вокруг его ветвей. На голых, кривых и толстых ветках полощутся десятки красных нитей.

Я мёрзну. Противоестественный, пробирающийся под кожу, до сердца, ошеломляющий холод стискивал меня в своих объятиях. Зазвучали голоса... Детский смех. Свет бледной луны упал на серые сугробы снега.

Кошмарный холод и необъяснимое нарастающее чувство крошечного ужаса берут власть надо мной. Я дрожу и плачу. Я слышу смешки девчонок, которых уже давно нет в живых. Девчонок, чью беззаботную жизнь отнял безжалостный убийца. В свете луны под гигантским деревом на сугробах появляются их тени. Призрачные тени теряющихся воспоминаний. Нити на ветках шевелятся и плавно, почти лениво, сплетаются в те самые символы коловрата, что я видела в предыдущих видениях.

Это совсем не тот коловрат, что изображал солнце у древних славян. Это чудовищный, отвратительный и мерзкий символ чего-то мрачного, чёрного, ненасытного и злобного. Знак какой-то бестелесной, невероятно могущественной и злобной сущности!

Мне становится тяжело дышать. Как будто я нырнула под воду на несколько метров вниз. Холод лижет щеки, спину, грудь, живот и ноги.

Когда нити сплетаются в коловраты и неизвестную руну, на ветках деревьев я вижу их — девочек... Их много, я не могу их сосчитать. Полупрозрачные, нечеткие, размытые силуэты. Они не висят, подвешенными на нитях, а с фантастической легкостью стоят на длинных ветвях похожего на чудовище гигантского дерева. Господи... как их много...

неужели... Все они... Каждая... Это все, кого он... все его жертвы...

Мысли путаются в голове от захлестывающего меня чувства всепоглощающего кошмара. Перед моими глазами одно за другим проносятся новые видения, их становится больше, они мелькают с нарастающей скоростью. Это последние мгновения жизни тех девочек. Я вижу их, чувствую их страх, слышу их плач, вижу их слёзы... Они умоляли его... жалобно просили отпустить их... Они боялись... А он был рядом и наслаждался...

Я очнулась, стоя на четвереньках на полу. Вспотевшая, сотрясаясь в лихорадке ужаса, я таращилась в пол, с хрипотцой втягивая в себя воздух.

— Лера... — выдохнула я. — Лёва... звоните... Звоните Аспирину... Быстрее... Хоть кому-то!.. Он... Он здесь... Покупатель — это... Это Портной... Лера...

За спиной раздались быстрые, тяжелые шаги.

Кто-то подошел сзади, схватил меня за волосы и с силой отдернул назад.

— Ну что, добегалась, дрянь?!

Он дернул ещё раз, наматывая мои волосы на кулак. Я закричала от боли. Из моих зажмуренных глаз брызнули слёзы.

— Пойдем-ка потолкуем...

Я закричала. Неизвестный мужчина поволок меня за собой по полу, удерживая за волосы. Я снова закричала, скребя ногами пол. Я отчаянно звала на помощь. Но я была одна...

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 20 января

— Пусти меня! — сама не знаю зачем, истерично закричала я.

Конечно, он меня не отпустил.

— Надо было думать, прежде чем совать свой нос, куда не следует, — со злостью ответил грубый мужской голос. — Эй, парни! Смотрите-ка, какую пташку я тут поймал!.. Кажется, вечер перестает быть скучным... Эй! Да где вы все?!

Я попыталась стукнуть его по руке. Но он развернулся и с ожесточением встряхнул меня за волосы. Я завывала от жгущей кожу на голове беспощадной боли.

— А ну заткнись! — рявкнул голос над моей головой. — Сама виновата! Чего ты тут вынюхивала? А? На кого ты работаешь, маленькая ш**ха?! А?! Небось, на журналюг?! Да?! Хватит реветь, береги силы...

Охранник хохотнул, ещё раз встряхнул меня за волосы. Я снова вскрикнула, кривясь от боли.

— Эй, парни, — я услышала, как охранник щелкает кнопки на рации. — Чего молчим...

Раздались шаги. Мой мучитель обернулся. Я услышала едва слышимый цокающий звук. В следующий миг рядом со мной упало неподвижное тело огромного громилы в брюках и рубашке, на которой темнел ремень пистолетной кобуры. Глаза охранника смотрели в потолок. А прямо по середине лба темнело идеально ровное пулевое отверстие. Кровь стремительно заливала лицо мертвеца. Я сдавленно вскрикнула, отползла подальше, вжалась спиной в какую-то мебель. Ко мне поспешно, но тихо подошел какой-то мужчина. Он был в темных джинсах и оливковом свитере, поверх которого красовался темный бронежилет. В руках у него был массивный пистолет с глушителем.

— Ты как? — мужчина присел возле меня и заботливо тронул за плечо. — Не ранена?..

Я взглянула на него и не сдержала изумления. Это был тот парень из больницы! Тот, который забрал последнего щенка сеттера! Как его... Бронислав! Я мгновенно и безошибочно узнала его.

— Ты что здесь делаешь?! — держась левой рукой за голову, которая сильно саднила, удивленно спросила я.

Он пренебрежительно хмыкнул.

— Это ты что здесь делаешь, малявка безмозглая?

— Знаешь, что! — проговорила я ошарашенно и возмущенно.

Я не привыкла, чтобы незнакомые люди, пусть и те, что спасли мне жизнь, так со мной разговаривали.

— Выбирай, пожалуйста, выра... — обиженно проговорила я.

Но Бронислав бесцеремонно прикрыл мне рот ладонью.

— Тихо, — нахмурившись, проговорил он.

Я во все глаза глядела на него. Хотелось высказать ему всё, что я думаю по поводу его бесцеремонности.

— Так, вот что, девочка, — сказал Бронислав, взглянув на свои часы. — Вали вниз, там тебя встретят наши люди и проводят на улицу. Садись в машину вместе со своими друзьями, и сваливайте на хрен отсюда. Поняла? Давай, пошли.

Он помог мне подняться и подвёл к лестнице.

— Иди, — сказал он, качнув головой в сторону уходящих вниз ступеней.

Не говоря больше ни слова, Бронислав повернулся и ринулся обратно. Я сделала пару шагов на лестницу и замерла в растерянности. Я не понимала, кто он, и что здесь делает? Что вообще происходит? И ещё я не сказала ему, что там внутри Сумеречный Портной. Настоящий Портной, а не тот банкир, которого осудили за его убийства. Я было последовала обратно за Брониславом, но быстро избежавший по ступеням незнакомый мужчина в таком же оливковом свитере и бронежилете, как Бронислав, схватил меня за руку.

— Вероника Лазовская? У нас приказ вывести вас отсюда... Идёмте.

Он потянул меня за собой.

— Подождите, — пискнула я. — Там... Вы не понимаете, там убийца... Портной! Настоящий, а не тот...

— Это вас не касается, — не оборачиваясь, упрямо ответил мужчина.

Внизу я увидела ещё троих точно так же одетых людей. Они складывали в одну кучу тела убитых охранников.

— Не смотрите, — ведший меня за руку мужчина притянул меня к себе, закрывая мне обзор.

Я лишь грустно фыркнула на это, но ничего не сказала. Эти полицейские или военные (или кто они там) ведь совсем не в курсе, что я регулярно вижу вещи куда более страшные, чем несколько застреленных бандитов.

Меня торопливо вывели из дома и подвели к Леркиной машине.

Увидев меня, стоявшая возле автомобиля Логинова выбросила сигарету и бросилась ко мне.

— Роджеровна! — я не успела ничего сказать, как она заключила меня в объятия. — ***ть, как же я перепугалась за тебя!

Она ещё крепче прижала меня к себе.

— Ну почему ты такая дура, Роджеровна! А?!

— Садитесь в машину и уезжайте! — приказным тоном сказал нам приведший меня офицер. — Сейчас же! Если вы не уедете, мне приказано посадить вас на трое суток!

— Мы сейчас так и сделаем, — пообещал за нас троих Лёва.

Лерка, наконец, отпустила меня. Я обернулась, взглянула вслед быстро уходящему офицеру. Затем посмотрела на Леру.

— Это вы их вызвали?

— Нет, — качнула головой Лерка. — Сами примчались... Вон их машина стоит.

Лерка махнула рукой в сторону припаркованного рядом черного Шевроле Тахо.

— Выскочили все, один к нам бросился, — взволнованно продолжала Лерка, — назвался старшим лейтенантом Коршуновым, спросил про тебя...

Логинова оглянулась на Синицына.

— Ну мы рассказали... Не обижайся, Роджеровна, но лично я о-очень рада, что они приехали. Пошли.

Она взяла меня за руку, я безвольно поплелась следом. После того видения и внезапного резкого поворота событий я была сама не своя.

Мы сели в Леркин субару. Логинова сразу же завела двигатель.

— Лёва, а ты успел... что-то сделать? — не особо надеясь на положительный ответ, спросила я.

Но Синицын неожиданно меня обрадовал.

— Да, кое-что я успел перекинуть.

— Правда? — не сдержав восторга, спросила я, быстро обернувшись назад.

— Да, — пожал плечами Лёва. — Правда, только два...

— Эй, а это случайно не наш «покупатель»? — спросила вдруг с подозрением Лерка. — И что это за ребенок с ним?

Я резко обернулась обратно и подалась вперёд. От дома, в котором проходила встреча Беккендорфа и его клиента, спешно отбегал какой-то мужчина в длинной куртке-парке. Его голову скрывал капюшон. Он торопился к своему Рајего и тянул за собой какую-то девочку в малиновой куртке и вязаной шапке.

На мгновение девчушка обернулась, и я коротко, нервно вздохнула.

— Это случайно не... — слегка шурясь проговорила Лерка.

— Это Рада! — громко воскликнула я. — Это Рада Любинская!

— Точно! — кивнула Лерка. — Зачем она покупателю?

Ответ я уже знала.

— Это Портной, — выдавила я, глядя как мужчина в чёрной парке заталкивает девочку в свою машину.

— Что?! — ахнула Лера.

— Этот покупатель — Сумеречный Портной! — ответила я.

В этот миг из дома гулко зазвучали выстрелы. Затем снова и снова. В соседних домах вокруг немедленно зажглись окна.

Митсубиши Пэджеро рванул с места, выдав порцию выхлопов.

— Лера, давай за ним! — закричала я.

Я не отрываясь, смотрела вслед уезжающему внедорожнику.

Логинова замаялась.

— А может сказать этим полицейским, которые...

— Лера, нет времени! — в панике вскричала я. — Пожалуйста, поехали за ними! Оттуда я позвоню! Это же Портной! И он только что увёз Раду, чтобы... Я не смогла договорить, но Лерка и сама всё поняла. Логинова выругалась, повернула ключ в замке зажигания, и мы резво тронулись с места.

Меня качнуло назад. Сидевший сзади Лёва приглушенно охнул.

Лера не стесняясь давила на газ. Скорость нарастала. Мы догоняли грязный чёрный Mitsubishi Pajero. Но его водитель похоже заметил нас. Потому что он внезапно начал отрываться и уходить вперёд.

— Поздравляю, он нас засек, — раздраженно цокнула языком Лерка.

— Езжай за ним, — я поспешно набирала на телефоне номер генерала Савельева. Но ответом мне были только равнодушные длинные гудки.

— Да чтоб тебя!.. — выдохнула я сердито.

Мчавшийся впереди Pajero резко свернул на повороте. Лера вывернула руль, мы устремились следом. Затормозивший рядом автобус возмущенно просигналил в ответ

— Если у меня отберут права и тачку... Роджеровна, ты продашь свою девственность и купишь мне новую, — предупредила Лерка.

— Лера... ты... т-такие вещи говоришь... — я не знала, что на это ответить.

— А что?! — вскрикнула Лерка, пожирая глазами уходящий от нас Pajero.

Мы пролетели перекресток за секунду до красного света. Вслед нам кто-то возмущенно просигналил.

— Новую тачку мне никто не купит, — продолжала Лерка.

— Значит покажешь ту, которая тебе понравится, а я её угоню, — ответила я.

— Договорились! — крикнула довольная Лерка.

Я перехватила в зеркале заинтересованный и слегка осоловелый взгляд Лёвы.

— Лёв, мы шутим, — на всякий случай бросила я.

— Жаль, — отозвался Синицын, пытаясь держаться за сидение. — Я бы хотел на это посмотреть...

Мы с Лерой обменялись выразительными взглядами.

— Я про угон автомобилей, а не про... — поспешил объяснить Синицын.

— Мы так и поняли, — ухмыльнулась Лерка.

Я фыркнула, качнула головой.

— Хватит отвлекаться на всякую еру... Осторожно! ЛЕРА!!!

Впереди из-за поворота буквально перед нами выскочил длинный грузовик. Но Логинова застыла в гипнотическом трансе, беспомощно тараща глаза.

Я быстро наклонилась к ней, схватила за руль, повернула, одновременно переключила скорость, нас занесло, завизжали покрышки. Перед лобовым стеклом мелькнули ограды домов, дорожные знаки, промелькнули фары других автомобилей, и мы стремительно скатились с дороги.

Лера испуганно завизжала, я вторила ей, Лёва молчал. Леркин субару врезался в снежные сугробы и зарылся «мордой» вглубь снежных покровов.

Часто и быстро хватая ртом воздух, я смотрела перед собой на засыпанный снегом капот. Врезавшийся в снег Форестер замер, заметно накренившись вперёд.

Сидевшая слева от меня Лера ошарашенно тарасилась вперёд. Её руки по-прежнему судорожно, с силой стискивали руль.

— С-спасибо... Роджеровна... — выдыхая между словами, с трудом проговорила

Лера. — Я... я не знаю... не знаю, что со мной такое... было...

— Бывает, — покачала я головой, — хорошо, что повезло...

Взглянув на Лёву в зеркало, я увидела, что Сеницын жаждет что-то сказать, но взглядом попросила его промолчать. Лёва послушался.

Мы не без труда выбрались из автомобиля. Рядом с нами остановился старенький универсал опель, зелёный мерседес спринтер, и чуть позже ещё забрызганная грязью хонда пилот. Я была приятно удивлена тем, с каким рвением и с какой готовностью люди бросились нам на помощь.

Все три водителя, которые решили нам помочь, конечно, ворчали на Лерку и советовали пока ездить только в сопровождении опытных водителей.

Моя подруга лишь виновато улыбалась и мило хлопала ресницами. В это трудно поверить, но заигрывать и кокетничать в соответствии с типичнейшим представлением парней о поведении девушек Лерка умеет мастерски.

— Что же вы, девушка, одна, ночью, за рулем... да ещё спешите... — улыбаясь Лерке сетовал светловолосый водитель хонды.

— Ну я же не ожида-ала, — мило улыбаясь и притворно вздыхая, отвечала Логинова.

Лёва стоял неподалеку с кислой, недовольной миной наблюдая за происходящим. Его недоброжелательный взгляд был устремлён на окруживших Лерку мужчин. Перехватив его взгляд, я осторожно потрогала его за руку. Он скосил глаза на меня.

Подумать только! Да он ревнует и при том с яростью! Кто бы мог подумать! Лёва Сеницын способен так пылко ревновать...

— Лёва, — кротко произнесла я.

Мне было жаль Сеницына. Лерка ведь ему, правда, очень нравится. Он ведь ради неё готов вступать в крайне опасные, связанные с криминалом события, которые его никак вообще не касаются. И, конечно, Лёва рассчитывал, что Лерка это оценит. Сеницын не отвлекаясь продолжал изучающе и пристально глядеть на Логинову.

— Не переживай, она же просто... — я подумала, как правильно назвать Леркино поведение, чтобы оно было максимально понятно Сеницыну.

— Я не переживаю, — ровным голосом ответил Лёва. — Она всё равно будет моей.

Я с легкой опаской взглянула на него. С одной стороны, его уверенность была похвальной. Но с другой, решимость, с которой он это произнес, выглядела немного настораживающей.

— Да, если...начала я.

— Никаких «если», — все с той же умиротворенной уверенностью прервал меня Лёва.

Он посмотрел на меня, я взглянула в его глаза.

— Я добьюсь её, хочет она этого или нет.

Я лишь кивнула, не зная, что ещё сказать. Я поднялась по снежному склону и пошла вдоль дороги. Пока Леркин субару вынимали из снежных сугробов, я двинулась вперед вдоль трассы. Налетавший встречный ветер раскидывал мои волосы, трепал ворот куртки и обдувал лицо зимней прохладой. Я смотрела вперёд перед собой.

Туда вперёд куда-то далеко Сумеречный портной увёз маленькую шестилетнюю Радугу Любинскую. Этот подонок собирается убить очередную маленькую девочку, которая живёт лишь надеждой увидеть свою маму. Он собирается совершить очередное безнаказанное убийство невинного, беспомощного ребенка. Он жаждет отнять её жизнь, которую она ещё даже не начала постигать.

Я представляла, какой ужас сейчас испытывает оказавшаяся во власти кровожадного изувера Рада. Душу травило болезненное осознание, что я никак не могу ей помочь, а должна была! Я не могу до конца объяснить это, но я... я словно ощущала какую-то... я не знаю... ответственность? Да, наверное... Не только за Раду, но вообще за всех тех, кому я могу помочь, благодаря своим уникальным способностям. Я ведь умею то, на что не способен больше ни один другой человек.

Ответственность. Да, это именно то чувство, которое и должно возникать у человека, обладающего сверхспособностями. Ответственность за тех, кому ты можешь помочь, кого можешь спасти, кого можешь уберечь... Ответственность и мучительно терзающая сознание вьедливая совесть. Боль, горечь и сожаление порой идут в комплекте.

— Я успею... — прошептала я, сама не зная кому. — Я успею... Я найду тебя... Я остановилась, закрыла глаза. Глубоко вдохнула, плавно выдохнула. Затем размеренно ещё раз... Морозный зимний воздух наполнял легкие. Перемешивающиеся воспоминания бесформенной и бесконечной массой хлынули в мое сознание. Их было много. Сотни, тысячи... тонны, повисших над дорогой людских воспоминаний. Все они были наполнены противоречивыми эмоциями и чувствами. Все они хранили кусочки судеб и уникальные моменты, которые случаются с нами лишь раз в жизни. Я стояла у дороги и словно бы вдыхала их. Вбирала в себя пережитые сотнями тысяч людей воспоминания. Среди этого пёстрого калейдоскопа мне удалось выхватить одно единственное. То самое необходимое мне воспоминание.

Воспоминание Рады, наполненное страхом, надеждой и слабеющей верой...

Я открыла глаза. Передо мной вилась и извивалась белая метель. В её хаотичных образах из парящих снежинок возник образ. Её образ. Образ Рады. Она шла вперёд и оглядывалась на меня.

— Подожди, — с неожиданной хрипотцой выкрикнула я. — Стой...

Я ринулась к ней, вытянув руку. Я почти добежала до неё, я едва коснулась её рукой... и она рассыпалась на тысячи парящих на ветру серебрищихся снежинок. Голову пронзили вспышки воспоминаний. Дорога, шум автомобиля, повороты, перекрестки, улицы...

Я открыла глаза. Сзади подъехал автомобиль, я обернулась. Лерка выскочила из своего Форестера.

— Роджеровна...

— Машина в порядке? — спросила я быстро.

— Да, вроде...

Я посмотрела ей в глаза.

— Я знаю, что о многом прошу, Лер... но я должна...

— Я знаю, — вздохнув, улыбнулась мне Лерка и, кивнув, повторила с уверенностью. — Я знаю, Роджеровна. Ты... ты увидела, куда он увёз её?

Я торопливо закивала.

— Ну, не будем терять времени, — пожала плечами Лера.

— Нет, Лер, туда, прямо... И потом направо... Там должен быть такой магазин спорттоваров с большой оранжевой вывеской...

Массируя ноющие виски, то и дело кривясь от наполняющих голову воспоминаний, я указывала Лерке путь. Логинова не задавала вопросов и послушно рулила туда, куда я указывала.

— Роджеровна, теперь куда? — после очередного поворота возле обувного магазина спросила Лерка. — Роджеровна! Ты слышишь меня?..

— Там... — я скривилась, воспоминания Рады буквально простреливали голову невероятно яркими, пронизывающими мозг вспышками с обрывками изображений. — На... направо...

— Куда направо? — спросила Лерка.

— Арка... Кирпичная арка возле эстакады! — простонала я с болью в голосе.

— Лера, вон она! — подал голос Лёва.

— Вижу, — выдохнула Логинова.

Мы свернули под арку и въехали внутрь короткого тоннеля.

От стремительно сменяющихся воспоминаний Рады моя голова наполнялась чугушной болезненной тяжестью. Я чувствовала крепнущую тупую боль во лбу. Как будто что-то изнутри моего черепа норовило продавить лобную кость. С величайшим трудом мне удалось замедлить поток набрасывающихся на меня воспоминаний. Приступы ослабли. В изнеможении я взглянула в окно. В стекле дверцы автомобиля виднелось мое темное и блеклое отражение. Меня сотрясал лёгкий озноб. Тело ломило, я ощущала крепнущий жар, меня начинало мутить. Я слишком глубоко и резко погружалась в воспоминания Рады. Слишком тесно контактировала с её сознанием. Дело было не в девочке. Трудность для меня создавало иное, темное, чужое и злое сознание. Оно влияло на Раду, подавляло её, норовило сломать и подчинить. Оно мешало мне видеть её воспоминания. Это было сознание Портного. Я в этом не сомневалась.

— Теперь прямо, до длинного фабричного здания, и там поворот на другую трассу, — проговорила я, глядя в окно.

Лера так и сделала. Местность за окном постепенно менялась. Признаки мегаполиса таяли на глазах, уступая место низким промышленным строениям, пустующим заросшим диким кустарником улицам и старым таунхаусам. За окном все меньше становилось огней. Уличные ландшафты стремительно дичали. Мы ехали дальше. Дальше от города, от его многочисленных огней. Дальше... Глубже... Вперед, навстречу всепоглощающей ночи.

— Туда! — вскричала я, когда мы уже ехали по пустой ночной трассе.

Лера послушно свернула возле старой вывески на покосившемся заборе.

Впереди на фоне ночного неба с трудом угадывались силуэты нескольких деревенских домов, амбаров и сараев. Это было что-то вроде фермы по разводу скота. Здесь не горело ни единого огонька, ни единого даже самого крошечного и робкого источника света. Нет... лишь ночная чернота и сероватые покровы промёрзлого снега. В свете фар Леры мелькали бревенчатые заборы конских или коровьих загонов. Показались стены каких-то зданий, старые трактора, кучи хлама, накрытого дырявым брезентом.

— Что это за место? — спросила Лера.

— Отвратительное... — выдохнула я. — Злое и темное... Сейчас... именно сейчас... Лера, тормози...

— Что? Здесь?

— Да, здесь! Выключи фары! Быстрее! — меня охватила дикая тревога.

Внезапно возросшее чувство страха заставляло меня кричать и нервничать. Я чувствовала... я ощущала присутствие и взгляд. Нас почти заметили.

— Несколько секунд мы молча сидели в темном автомобиле посреди пустой, безлюдной темной фермы. Слышно было, как за бортом субару протяжно воет зимний ветер.

— Роджеровна, — чуть боязливо спросила Лерка. — Что дальше?

Я ответила не сразу. Зажмурился глаза, я несколько раз вдохнула, как перед нырком, и погрузилась в воспоминания Рады...

Вот её привозят на чёрном Пэджеро. Вот Портной выволакивает её плачущую и с бессердечным, жестоким пренебрежением тащит за волосы как... как будто она даже не человек, а какое-то животное. Именно так он относился к своим маленьким жертвам. Они не были для него людьми. Никогда. Как и детьми. Животные или вовсе бездушные предметы, не больше. Он не видел никакого смысла в их существовании. Раду поволокли вглубь фермы. Тяжело было слышать её молящие рыдания и жалобный голосок:

— Дядя, отпустите!.. Пожалуйста! Пожалуйста! Пустите...

Она тщетно пыталась освободиться, но Портной держал её крепко.

Он приволок её к раскидистому голому дереву. Оно было похоже на те деревья, на которых прежде находили жертв Портного. Но не это заставило меня содрогнуться от ужаса, не это наполнило мою душу и пленило сознание шокирующим чувством кошмара.

Фигура... Тонкая, изящная фигура, которая стояла на самой высокой ветви черного дерева. Я не сразу увидела, что она обнажена... она... она! Она!!!

Это была женщина! Бледная кожа её обнаженного тела словно тускло светилась во тьме. Она легко, без труда удерживая равновесие, стояла на конце высочайшей ветви и воздымала руки к небу... нет... не к небу.

Она обращалась к Ночи. Я знала это... Я чувствовала... И я видела, как взволнованно шевелились её волосы. Рыжие, почти красные... невероятно, неестественно длинные кроваво-красные волосы сползали по ветвям дерева, как будто живые... её темно-рыжие локоны оплетали ветви дерева...

Портной швырнул Раду на снег перед деревом.

— Вот она, — услышала я его голос.

Наконец-то я услышала его голос. Равнодушный, небрежный, жестокий. Голос Портного. Голос убийцы. Но... Но кто эта женщина... И как она стоит там так высоко и легко?.. И почему она раздета... И что с её волосами? Почему они шевелятся? Почему они такие длинные?

— Переодень её, — прозвучал прохладный, грудной голос женщины с красными волосами. — И действуй.

— Да, госпожа... — раболепно ответил Портной.

С этими словами он вынул из черного рюкзака зеленое платье в белый горошек. Точно такое же платье, как десятки предыдущих.

Я вынырнула из воспоминаний Рады.

— Роджеровна... — Лера во все глаза испуганно глядела на меня.

— Ника, ты как? — с неожиданно заботой в голосе спросил Лёва.

Не говоря им ни слова, я открыла дверцу автомобиля и выскочила в ночь.

Спотыкаясь, поскользываясь и утопая в сугробах, я сломя голову бросилась вперёд в ночь. Я не разбираю дороги, меня гнало вперёд неумолимое желание успеть, помешать, спасти...

— Роджеровна! Стой!.. — закричала мне вслед Лера.

Я быстро обернулась. Логинова и Синицын оба выскочили из внедорожника следом за мной.

— Назад! — крикнула я им. — Оставайтесь в машине!

— Нет! — категорично отозвалась Лера, подбегая ко мне. — Хрен ты у меня куда-то одна теперь пойдешь!

Я взглянула ей в лицо и поняла, что я не сумею её убедить остаться в машине. С печальным и беспомощным видом я взглянула на Лёву. Синицын чуть дернул плечами.

— Ты знаешь ответ, Ника.

Я открыла рот, чтобы объяснить им, что они не должны и, вообще, не имеют никакого права рисковать собой ради моих проблем, но холодную январскую ночь вдруг разорвал истошный крик ребёнка. Я сию же секунду оглянулась на крик. У меня сдавило сердце, на мгновение меня фактически парализовало, я не могла сдвинуться с места. Я оглянулась на Леру с Лёвой. Логинова перепугано и ошеломленно смотрела в ночь вслед прозвучавшему крику ужаса и боли. Лицо Лёвы выражало напряжённую и пытлившую подозрительность. Ничего не объясняя друзьям, я развернулась и бросилась на звук крика в ночь. Да, я была безрассудна. Да, это был ещё более глупый поступок, чем залезть в дом, где Беккендорф встречался с Портным.

У нас нет оружия, мы одни, и мы никого из Уголовного розыска или полиции не предупредили, что идем по следу одного из самых опасных и кровавых убийц нашего времени.

Я бежала в ночь, снег скрипел под подошвами моих ботинок. Следом за мной немедленно припустили и Лёва с Лерой. В тот момент я не думала о том, какой опасности мы себя подвергаем. Я лишь жаждала успеть и помешать им... Портному и... и той женщине! Я была преисполнена пламенным порывом сорвать их ритуал, помешать этим drañ! Пока я бежала, перед глазами снова замелькали воспоминания маленькой Рады. Ночь ветром шелестела в ушах, полоскала мои волосы. Ночь пыталась удержать меня, остановить, сбить с ног. Ночь не желала, чтобы я прерывала зловещее таинство убийц.

Я злилась на себя, что не могу бежать быстрее. Я хотела быстрее, но не могла. Я и так мчалась на пределе. Если бы я могла, я бы уже взлетела, лишь бы поскорее оказаться там. Я даже не слишком думала о том, что буду делать дальше. Все мои мысли были подчинены лишь чаянию успеть спасти Радю. Её воспоминания и голос вели меня. А я вела за собой Леру и Лёву. Мы мчались к тому месту, от которого нужно было бежать со всех ног и как можно дальше. Здания фермы выплывали из ночной тьмы. Вдыхая стылый воздух, я рвалась вперёд. Успеть. Успеть. Успеть... Эти слова в такт учащенному пульсу гремели в моей голове. Я свернула возле длинного здания, похожего на амбар, и почти сразу увидела его. Дерево. Такое же, как в моих видениях. Угольно-черное, словно выжженное на фоне ночного небосвода и заснеженной земли. Это ветвистое дерево словно изначально, умышленно было посажено и выращено для сотворения одного из самых страшных зол — детоубийства. Это дерево словно само было частью Зла. Оно одним своим видом вселяло в душу мрачное, гнетущее ощущение. Дерево напоминало черную трещину в пространстве нашего мироздания.

И лишь затем я обратила внимание на несколько тускло и слабо мерцающих огоньков подле толстых корней устрашающего древа. Там кто-то невысокий стоял на земле среди этих огоньков... Я видела, что этот кто-то странно двигался. Как будто ему кто-то или что-то мешало.

Пару мгновений я, чувствуя, как от интенсивных ударов сердца становится трудно дышать, наблюдала за Портным.

Он стоял на коленях на земле в кругу старинных стеклянных фонарей.

Лера и Лёва остановились возле меня. Я слышала их громкое, сбивчивое дыхание. Прозвучал сдавленный писк, затем я услышала плач Рады и шипение Портного.

— Тс-с-с... Не бойся, моя милая... ты была предначертана... ты и сама это знаешь...

— Роджеровна... — дрожащим голосом позвала меня Лера.

— Включи камеру, — не оборачиваясь шепнула я

— Что?

— Включи камеру на телефоне и снимай! Потом отправь это Стасу... у тебя есть его номер.

— Ладно, а ты...

— Мне нужно туда, — едва слышно пробормотала я и сделала шаг вперёд.

В тот же миг Портной замер, затем резко подхватился и обернулся.

Я не увидела его лица, вместо него под капюшоном у убийцы была лишь темнота. Впрочем, лишь беспросветная мрачная темнота и может быть аллегорическим обликом подобных монстров.

У ног убийцы лежала Рада. Она уже была в тот самом зеленом платье из вискозы. Её уже *приготовили*. Убийца молчал. Чернота из-под его капюшона безмолвно глядела на меня.

Я сделала шаг. Странно, но какая-то нелепая уверенность в правильности своих действий легко подхватила меня и словно подталкивала вперёд. Вместе с наваливающимся многотонным чувством страха и проникающей в тело предательской дрожью я ощущала... силы. Приток какой-то необъяснимой внутренней силы, которая дарила отчасти спокойную уверенность. Странная смесь чувств. Можно ли бояться и быть смелой одновременно? Наверное, иногда можно.

— Скоро здесь будет полиция! — я не придумала ничего лучше. — Ты не успеешь уйти...

Я обвела взглядом обступающую нас темноту и снова взглянула на Портного. Он по-прежнему молчал. За него говорил вьющийся над сугробами промозглый ветер. Ветер что-то выл и шептал с ядовитой злостью.

— Вы не уйдете, — сделав ударение на первом слове, произнесла я, добавив в свои слова угрозы.

Сумеречный Портной словно потерял способность говорить и двигаться. Но он смотрел на меня. Я не видела его лица, но отлично, почти физически ощущала, как он наблюдает за мной.

На снегу возле его ног с завязанным ртом заплакала Рада. Ее личико было обращено ко мне. Я сделала ещё один шаг вперёд. Сердце забило чаще. Если бы оно могло, то вырвалось бы и упорхнуло прочь. Адреналин стучал в крови целым конским табуном. Мое дыхание сбивалось, дрожало, застревало в горле.

— Отпусти Раду, — твёрдо сказала я.

Голос мой прозвучал звонко и уверенно, разлетаясь в ночи на порывах мелкой вьюги.

— Чего ты ждешь?! — вскричал гневный женский голос. — Убей её!! Убей их всех!!! Живо!!!

Её повелительный голос сорвался на требовательный, почти истеричный пронзительный крик. И в тот же миг Портной ринулся на меня. Я не убегала. Я с удивительным для себя спокойствием стояла и смотрела, как он шагает ко мне. Я почти равнодушно взирала на появившийся в его руке пистолет.

Я не убегала и не кричала. Я только стояла и смотрела. Сама не зная, почему. Быть

может, это шок? Ступор? Быть может, это страх и ужас перед неминуемой гибелью лишили меня возможности бежать, кричать и даже пытаться спастись?

Он не спеша приблизился ко мне, затем остановился и поднял вытянутую вперед руку. Я видела тускло поблёскивающий пистолет и чёрные пальцы в перчатке, сжимающие рукоять оружия.

Мгновение... Удар сердца. Я и Он молчим. Я смотрю без страха, но страх присутствует во мне. Страх пытается сломить меня, подчинить себе. Страх намеревается заставить меня содрогаться в панике перед ликом подступившей близко смерти.

— Ты не обязан, — внезапно говорю я с усталой, бессильной грустью.

Он не сразу ответил, и голос его звучал удивительно печально.

— Я должен...

Его указательный палец едва заметно двигается, и шипение ветра заглушает мощный раскатистый гулкий выстрел.

Я вижу вспышку огня. В коротком ярком всплеске света мелькает его лицо и отрешенный взгляд шокированных глаз. Наши взгляды встречаются. Мне хватает короткой доли мига, чтобы увидеть его воспоминания, погрузиться в его сознание, увидеть его изнутри... его настоящего... Последнее, что я помню перед *погружением* в его чувства и эмоции, панический, надрывающийся крик перепуганной Леры.

...Я в окружении дымчатой мглы. Я не знаю, что это, и где нахожусь.

Мгла вращается вокруг меня.

— Что происходит? — услышала я испуганный мальчишеский голос с фальцетом. — Что это такое?! Что?! Где я?! Я слышу, что он в панике. Разделявшая нас темная дымчатая мгла рассеивается и испаряется. Несколько мгновений, и я вижу, что нахожусь в небольшой, но уютной комнате. Я обвела взглядом бледно-зеленые отделанные вагонкой стены комнаты, которые во множестве были заклеены постерами рок-групп, хоккейных команд и плакатами из видеоигр.

Мой взгляд задержался на столе с компьютером. Там рядом с клавиатурой стояла чашка с недопитым чаем, и лежала раскрытая тетрадь. Чуть дальше стояла двуспальная кровать с одеялом, на котором красовалась эмблема ЦСКА. Возле кровати стоял тренажер для пресса, а за ним светлели окна под опущенными жалюзи.

— Что происходит?! — нервно и пугливо спросил стоящий передо мной мальчишка.

Я перевела взгляд на него. Он был в нелепой длинной майке и шортах. Босой, с взъерошенными каштановыми волосами и синяком под глазом. Он бы выглядел милым и даже забавным, если бы не держал в правой худой, костлявой руке громоздкий чёрный пистолет.

— Что происходит? — едва не плача в который раз воскликнул парень.

Он был примерно моего возраста. А может и чуть помладше. Его губы дрожали, юношеское лицо перекашивали эмоции смятения.

— Кто ты? Кто ты такая?! Отвечай! — последнее слово он вскрикнул, и голос его снова прозвучал звонким фальцетом.

— Если ты не знаешь, кто я, — проговорила я мягко и деликатно. — Зачем ты целишься в меня? Ты хочешь убить меня?

Несколько секунд он во все глаза смотрел на меня. Пистолет дрожал в его руке.

— Я... — выдавил он и нервно сглотнул. — Я не знаю! Я... я должен! Я должен!

Он агрессивно оскалился, но я видела, что оскал вышел фальшивым. Он боялся. Он был

растерян и боялся. Я внимательно и пристально рассматривала его лицо.

Удивительно... Неужели один из самых жестоких убийц когда-то был таким вот обычным мальчишкой? Одним из тех обыкновенных мальчишек, которые слушают «Linking Park» и «Bring Me The Horizon»? Играют в видеоигры и с упоением смотрят хоккейные матчи?..

— Почему ты считаешь, что должен? — спросила я и ступила вперед.

— Я... — он замолчал.

Я подошла ближе. Глядящий мне в лицо ствол пистолета дрожал сильнее.

— Почему ты хочешь это сделать? — спросила я.

— Я... я...

— Ты правда хочешь убить меня? — осторожно и проникновенно спросила я. — Ты уверен, что хочешь выстрелить?

Я смотрела в его глаза. Его голубые глаза смотрели с пугливой нерешительностью и гневным непониманием. Он боялся и злился. Он не мог понять происходящего.

— Я не знаю, — выдохнул он.

— Как тебя зовут? — спросила я, подходя к нему.

— Н-нифонт... — снова нервно сглотнув, ответил мальчик. — Я Нифонт... А ты? Кто ты такая? И почему я снова здесь?

— Меня зовут Ника, — я по-доброму улыбнулась ему.

Передо мной был ещё не тот страшный убийца, отбирающий одни жизни и без сожаления ломающий другие. Передо мной был перепуганный, сбитый с толку парнишка с пистолетом в костлявой руке.

— Ника? — переспросил Нифонт дрогнувшим голосом. — И что ты... Что мы здесь делаем?

— Это твой дом, — ответила я. — Тебе лучше знать.

— Да, но... — он обвёл взглядом свою комнату. — Это... я... я жил здесь очень... давно... Давно!

Он повторил это слово удивленно и взволнованно. Словно только сейчас осознал его значение.

— Я давно уже здесь не живу, — грудь мальчика начала вздыматься от участившегося тревожного дыхания.

Его глаза заметались по сторонам.

— Я помню... — проговорил он.

— Хорошо, — кивнула я. — Ты помнишь, кто ты в будущем?

— В будущем? — переспросил он.

— Да, — ответила я.

Нифонт задумался. И вдруг лицо его исказило выражение понимания и ужаса.

— Нет... — шепнул он и беспомощно взглянул на меня. — Нет...

Он опустил руку с пистолетом, прижал сомкнутые кулаки к голове и зажмурился.

— Нет! Нет! Нет! — Нифонт кричал все громче и мотал головой. — Это не правда! Это ложь! Ложь! Ложь!..

— Это правда, Нифонт, — печально, с сожалением произнесла я.

Он поднял на меня слезящиеся глаза. Я почувствовала, как у меня сжимается сердце от сожаления и сочувствия. Мне было жаль этого напуганного мальчика, который здесь сейчас увидел, кем он стал.

Но мне было важно, чтобы эта часть сознания Портного, часть его детских воспоминаний, повлияла на взрослого Нифонта, который стал убийцей. А это было возможно только, если мальчик Нифонт увидит и осознает весь ужас, сотворённый им, взрослым, в дальнейшем будущем. Мне было важно, чтобы Нифонт-мальчик испытал настоящее потрясение и ужас... Но мне было жаль его. По крайней мере эту ещё невинную часть его сознания.

— Мне жаль причинять тебе боль, — продолжала я с грустным сочувствием, — но это правда...

— Я убийца... — ошарашенно выдохнул парнишка. — Я убийца и монстр... — Нифонт...

— Я монстр!!! Монстр!!! — он поднял на меня покрасневшее, искривленное в слезной и безумной ярости лицо. — Я... Я стал настоящим чудовищем!.. Но я... я же не хочу... Я не могу... Я не...

Он всхлипнул, с его губ срывалось нервное, прерывистое дыхание.

— Я ужасное чудовище! — Его крик взорвался в комнате, отскочил от стен и вознесся под потолок.

— Только... — проговорила я осторожно, — только часть тебя...

— Это что-то... меняет? — сотрясаясь и вытирая слёзы, проговорил он.

— Ты сам можешь что-то поменять, — проговорила я утешающе.

Он недоверчиво взглянул на меня.

— Правда? — с надеждой спросил он.

— Правда, — обнадеживающе улыбнулась я. — Ты можешь... изменить поступки... другого себя... Если хочешь?

— Я... я хочу... — пробормотал Нифонт и кивнул.

Но тут же вдруг вскрикнул, сморщил нос и сцепил зубы. Он вёл себя так, словно ему было невыносимо больно. Что-то необъяснимое причиняло мальчику внутреннюю мучительную боль.

— Нифонт... — встревоженно проговорила я, наблюдая за ним.

— Она... требует... требует, чтобы я подчинился! Я... Я должен! Должен!.. Я должен подчиниться! Я обязан...

— А ты сам хочешь?! — спросила я. — Сейчас важно, чего хочешь ты сам!..

Нифонт выронил пистолет, крепко зажмурил глаза, отчаянно замотал головой.

— Отстаньте от меня, отстаньте! Вы все!.. Хватит! Хватит!!!

В следующий миг он вдруг бросился на меня. Я испуганно вскрикнула, отскочила. Парнишка пробежал мимо меня и с диким яростным лицом врезался лбом в стену.

Я закричала в страхе, глядя на внезапный порыв безумства юного Нифонта.

Парнишка рухнул на пол без чувств. Я было бросилась к нему, но его воспоминание внезапно осыпалось серебрящимися мерцающими осколками. А мое тело неожиданно перестало меня слушаться. Руки, ноги, плечи, суставы и мышцы — все вдруг словно налилось тяжелым, вязким свинцом.

В следующем миг я резко провалилась куда-то назад. Я даже не успела закричать или испугаться, как снова очутилась посреди укрытой ночью безлюдной фермы перед кошмарным черным деревом. Портной... Точнее Нифонт, взрослый Нифонт, неподвижно лежал в снегу, и метель небрежно забрасывала его куртку щепотками снега.

Передо мной в нескольких шагах в кругу мерцающих стеклянных фонарей лежала

связанная Рада. Я ринулась к ней. Малышка дрожа от холода и страха, с трепетной надеждой и просьбой в глазах глядела на меня.

— Сейчас, солнышко, сейчас, — я присела возле неё, взялась руками за кроваво-красные нити, что опутывали её тонкое, хрупкое тело.

Но разорвать их голыми руками не вышло. У меня не хватало сил. В бликах дрожащих фонарей я увидела лежащие рядом мотки черных ниток, пуговицы и ножницы. Меня передёрнуло от отвращения и ужаса, едва я вспомнила зашитые этими нитями губы убитых Портным девочек и пришитые на их сомкнутые глаза такие же пуговицы. Но я успела... В этот раз у него не получилось. Я разрешила ножницами опутывающие Радую нити.

— Ника... — тоненько пискнула Рада, когда я сняла повязку с её рта.

— Всё хорошо, — заверила я её, — иди ко мне.

Девочка дрожала от холода, у неё заметно посинели губы, и она едва могла двигаться. Ни секунды не размышляя, я расстегнула молнию своей куртки, сорвала её с себя и завернула в неё малышку.

— Всё хорошо, солнышко, всё хорошо, — приговаривала я, понимая, что ничем хорошим для замерзшего ребенка сегодняшняя ночь закончиться не может.

Сзади послышались шаги.

— Роджеровна... — никогда ещё Леркин голос не звучал так жалобно и слёзно.

Я оглянулась и увидела сотрясающуюся в тихих рыданиях Логинову.

Её утешающе обнимал бледный, как лежащий вокруг снег, но все так же показательно невозмутимый Лёва Синицын.

— Роджеровна... — Лера судорожно всхлипнула. — Я... ты... Когда он... Когда он выстрелил... в тебя... и... вдруг...

Она замолчала, замотала головой. Слёзы блестели на её щеках. Логинова была сражена пережитым чувством страха после выстрела Нифонта. Короткий миг всепоглощающего страха надломил её и ранил глубоко внутри.

Я ощутила бесконечное жалостливое сочувствие к бедной Лерке. И всё из-за меня. Я её в это втянула, я же заставила пережить невероятный, ошеломительный, тяжелый шок. Я и подумать не могла, что Лерка может ТАК испугаться за меня. И сейчас меня жгучей болью жалило чувство вины.

— Прости меня, — попросила её.

Вместо ответа Логинова бросилась ко мне и заключила нас с Радой в чувственные объятия.

— А-а... Лера... — простонала я, — задушишь...

В порыве чувств, как негативных, так и положительных, у моей подруги нередко обнаруживались неожиданные силы.

— Прости, прости... — Логинова громко шмыгнула носом.

— Радую срочно нужно согреть, — поспешила сообщить я и взяла закутанную в мою куртку девочку на руки.

— Конечно, — закивала головой Лерка, одновременно стирая слёзы с щёк.

Едва мы двинулись прочь, как я услышала хруст снега от чьих-то шагов. Я тут же обернулась и увидела её. На мгновение у меня застыло дыхание и пульс. Я услышала судорожный вздох Лерки и всхлипывания Рады. На нас четверых надвигалась неестественно высокая, худощавая женская фигура. Её темные густые волосы плавно и лениво развеивались в воздухе. Извивающиеся локоны поднимались над её головой и тянулись во все стороны.

Через грудь в меня проникло тягостное, давящее на сердце и легкие чувство.

Рада тихо заплакала. Лерка ошарашенно выругалась. Даже Лёва настороженно прошептал: «Что это?..».

А это было одно из обличей самого настоящего зла. Я более чем явственно ощущала сокрушающую душу и удавливающую любую волю мощную силу... или ауру. Не важно. Я чувствовала то уничтожающее влияние, которое оказывала исходящая от этой фигуры сила. Я выступила вперёд. Меня захлёстывал ужас, но я старательно сопротивлялась и глядела в лицо невероятно высокой женщины. Но её лицо скрывала ночь и густые пряди волос. Длинная, худая фигура нависла над нами.

— Лера! Лёва! Уходите! — не оборачиваясь бросила я.

— Роджеровна, ты!..

— Послушай меня! — слезно взмолилась я.

Я каждой частичкой своего тела и сознания остро чувствовала ужасающую опасность, в которой мы все оказались. Опасность, которой почти нельзя избежать. От которой нельзя скрыться. Во всяком случае всем...

— Уходите! — процедила я, не отводя взгляд от того места, где у этой женщины должно быть лицо.

Она не торопилась. Она знала, что нам некуда бежать. Ветер раскинул полы её длинного чёрного пальто. Под ним она была в багровом платье. Когда свет фонарей на снегу коснулся её волос, я увидела, что её волосы тоже не черные, а темно-рыжие. Это была та рыжеволосая женщина из моего видения. Та, что отдавала приказы Нифонту...

— Как ты посмела, мелкая дрянь?! — с ядовитой злостью в голосе громко прошепестела женщина. — Как ты посмела прервать мой ритуал?!!

Я, наверное, хотела что-то сказать, но не смогла ничего ответить. И я не знала, что нам дальше делать.

— Мелкие ничтожества! — прошипела невероятно высокая дама. — Здесь вы и подохнете за свою наглость!

Она вдруг резко, угрожающе дёрнулась вперёд. Протянула в нашу сторону две руки с длинными ногтями. Извивающиеся темно-рыжие локоны щупальцами рванулись в мою сторону.

Звонкий тонкий крик Рады раздался у меня за спиной. Я услышала, как сдавленно ахнула Лера и поперхнулся Синицын. Испытывая сжимающий в объятиях душу бесконечный ужас, я подняла свои дрожащие ладони. Я повиновалась какому-то неизвестному внутреннему наитию. Я откуда-то знала, что нужно делать. Что-то произошло в это мгновение. Со мной. С моими руками. С окружающим нас миром.

Мои ладони неожиданно засияли мягким и лучистым серебристо-белым светом. Ласковое, но яркое сияние стремительно усиливалось.

Худая женщина в черном пальто, словно испугавшись, отпрянула назад. А я немедленно расправила плечи, мои легкие наполнил живительный прохладный воздух. Страх во мне погас, затих, уступая место стойкой смелости. И вместе с тем удивительно невозмутимое умиротворение наполнило мое сознание, я больше не боялась. Страх был не властен надо мной здесь и сейчас, пока мои ладони источали свет... мой свет...

Я чувствовала, как за моей спиной вдруг усилился ветер. Овеяла меня, играя моими волосами ветер устремился на жуткую женщину с темно-рыжими волосами. Метель крепчала, стремительно возрастал напор свирепеющего ветра. Зимняя стихия вдруг

определенно встала на мою сторону и набросилась на безликую жуткую даму. Вихри снега хлестали её и бились вокруг её тела. Я, не отрываясь, глядела на то, как рыжеволосая бессильно и беспорядочно отбивается от метели и ветра.

Женщина в пальто стремительно уменьшилась, теряя рост и силы. Необъяснимая пугающая иллюзия испарилась, обнаружив перед нами почти обычную женщину в расстегнутом черном пальто и багровом платье. Её волосы также укоротились, перестали взлетать и извиваться, словно живые.

Она что-то шептала, но слов из-за ветра было не разобрать.

Январская темная ночь вдруг в один момент озарилась таким же чистым сиянием, какое исходило от моих обращенных к небу светящихся ладоней.

Я подняла удивленный взгляд и не поверила глазам. Небосвод зимней ночи разительно преобразился. И вместо густого покрова угрюмых мрачных туч с неба сейчас дружно светили сотни тысяч звёзд. Их целительный ласковый и добрый свет проливался вниз сюда к нам. Их свет был таким же, как и мой. Или же мой был подобен ему... я не знаю.

Но я видела, с каким ужасом, быстро, хоть и нехотя, отступала назад дама с темно-рыжими волосами. Сгорбившись, закрываясь от метели, вихрей снега и озаряющего ночь звёздного света, она пятилась назад.

— Нет... — услышала я её дрожащий шепот.

Прикрывая лицо руками со скрюченными пальцами, она мотала головой и повторяла:

— Нет... Нет! Нет!!! Не может быть!..

В голосе её звучал одновременно страх и смутение.

— Не может быть!.. — повторяла она, закрываясь от серебристо-лазурных лучей света. — Вы ведь все давно вымерли... Тебя... Тебя не должно было быть!.. Не должно, чёрт бы тебя побрал!!! Откуда ты взялась здесь?! Вы же все передохли... Давным-давно! Ты не можешь существовать... Такие как ты... не должны были остаться!

Она отпрянула от меня и в следующий миг вдруг неуловимо резко развернулась и с невероятной скоростью унеслась прочь, точно привидение.

С колотящимся сердцем я, ничего не понимая, глядела ей вслед. О чем она говорила?! Кто она такая?! Что вообще здесь только что произошло?! Как... Как это возможно?!

Метель и ветер, атаковавшие женщину с темно-рыжими волосами, постепенно стихли. Я растерянно взглянула на свои ладони. Мягкий свет плавно угасал. Свет звёзд тоже ослабел, но они продолжали заливать всю ферму своим чарующим мистическим сиянием. Я огляделась. В свете звёзд снег вокруг казался светло-лазурным и словно подсвеченным изнутри. От этого явления все вокруг нас окрасилось в чарующие лазурные, молочно-белые и серебристые оттенки.

Я обернулась на своих друзей. Прижимая к себе Раду, Лерка во все глаза с выразительным впечатлением в глазах безмолвно глядела на меня. С изумлением смотрел Лёва, а Рада восхищенно улыбалась.

— Роджеровна... — выдохнув, тихо проговорила Лерка. — Что... Что сейчас... происходит? Что?.. Что это т-такое... было? А?..

Голос её истончился, и последний звук она почти нервно пискнула. Я отлично понимала её потрясение. Потому что сама испытывала такой же масштабный внутренний катарсис. Я не могла объяснить ничего из того, что случилось в последние пару минут. Это было далеко за гранью моего понимания.

Но одно я знала точно и наверняка: сегодня, здесь и сейчас мы все столкнулись с чем-то

новым, совершенно неизвестным, опасным, злым и тёмным. Эта жуткая женщина в черном пальто фактически является настоящим убийцей... или же, скорее, той, кому подчиняется Сумеречный портной. Даже не так. Сумеречный портной, я только сейчас поняла этот факт, состоит из двух человек. Страшный и жестокий убийца— это двое людей. Как минимум двое. И дама с темно-рыжими волосами — одна из них. Девочки нужны ей для какого-то тёмного и зловещего ритуала. Я подняла взгляд на дерево, которое было приготовлено для убийства Рады...

Зачем они ей? Зачем эта женщина требует убивать их и вешать на красных нитях? Зачем?..

Я, возможно, могла бы получить ответы на эти вопросы. Во всяком случае, стоило попытаться.

— Уходите, — попросила я Лёву и Леру с Радой. — Пожалуйста... Вы достаточно сегодня натерпелись. Не надо задерживаться здесь...

— А ты что собралась делать? — голос Лерки всё ещё подрагивал.

— Поговорить, — ответила я и подошла к лежащему в снегу Нифонту.

— Ника, — в голосе Лёвы послышались нотки беспокойства. — Может, все-таки не стоит говорить наедине с Сумеречным Портным?

— Он не Портной, — с неким сожалением и даже состраданием глядя на Нифонта, ответила я.

Я помнила парнишку с синяком под глазом, который вдруг увидел пугающие воспоминания взрослой части своего сознания. Уверена, он увидел множество кошмарных вещей и действительно решил, что лично совершил их. Я ведь и сама сперва решила, что он и есть тот самый убийца. Пока не увидела до конца все его воспоминания.

Да. Мне пришлось лгать Нифонту-мальчишке, чтобы он помешал себе-взрослому убить меня, Леру, Лёву и Радю. Мне пришлось убедить его, что он и есть Портной, посеяв ошеломляющее смятение в его душе. Мне пришлось вынудить его возненавидеть себя... И сейчас за этот подлый проступок меня с лихвой остервенело грызла совесть.

Я сделала то, за что сама нередко упрекала других людей. И я не могла успокоить себя банальной идиотской фразой «у меня не было выбора». Выбор есть всегда, просто чаще всего мы выбираем то, что удобнее для нас.

Я вздохнула, присела возле Нифонта. Он не двигался. Я внимательно оглядела его. Полагаю, он был сообщником, помощником и свидетелем. Во всяком случае, я знала это, каждое рукодельное платье из зеленой вискозы, в которое были облачены убитые девочки, было сшито руками Нифонта.

Я достала телефон и набрала номер скорой помощи. Сообщив примерное местоположение и состояние Нифонта, я дала отбой и спрятала трубку обратно. Нифонт оставался неподвижен.

Возможно, стоило разбудить его. Но его воспоминания, очень вероятно, скажут мне гораздо больше, чем он. Если он, вообще, захочет говорить. Следовательно, мне нет смысла будить его. Тем более, что он может быть абсолютно непредсказуемым.

Я, стараясь не делать резких движений, подкралась к лежащему на снегу Нифонту. Помешкав, я робко приблизилась к нему. Наверное, не стоило в который раз за сегодняшний день искушать судьбу. Но я старалась заткнуть неослабевающее чувство опасности доводом, что в дальнейшем мне может и не представится случай, остаться с Нифонтом наедине и увидеть его воспоминания. Помедлив, отчаянно перебарывая чувство боязливой неловкости

и опасения, я легонько коснулась пальцами рукава Нифонта.

Мгновение... Затем мой взор озарила вспышка света. Я провалилась в бездну цветастого вихря из расплывчатых изображений, звуков и всплесков эмоций.

Я увидела его детство. Там промелькнула та самая комната, в которой я уже побывала. Школьные годы, студенчество, первая любовь, лица людей, которые были с ним рядом, и, наконец, время, когда он сошелся с Сильвестром Гольшанским.

Я попыталась детальнее рассмотреть воспоминания Нифонта, связанные с Гольшанскими. Я сосредоточилась на этих воспоминаниях, потому что именно здесь в это время Нифонт своими руками сшил первое из роковых детских платьев. Одно из нескольких. Зелёное. Из вискозы. В тот самый белый горошек.

Мною овладело тревожное чувство предвкушения открытия тайны. Я была близко. Я подкралась к порогу двери, за которой притаились жуткие секреты. Я вот-вот открою эту дверь. Стоит только подобрать ключ... Мне пришлось приложить серьезное усилие, соизмеримое с поднятием чего-то тяжелого, чтобы, образно говоря, зацепиться за эти эпизоды из жизни Нифонта.

Получилось не сразу. Воспоминания дрожали, искажались и туманились. Казалось, мозг Нифонта отчаянно сопротивляется, желая не позволить мне узнать эти фрагменты его жизни. Но я не уступала и погрузилась в видение.

... Его руки дрожали. Но пальцы ловко и умело управлялись с иглой. Стежок за стежком Нифонт сшивал левый рукав маленького зеленого платья.

Он сидел в небольшом помещении. Черно-бурый полумрак густел и сжимался вокруг ореола света настольной лампы. Каменные стены чуть заметно поблескивали от проступающей через кладку влаги. Нифонт закончил с одним рукавом и занялся другим. Я стояла подле него и, боязливо прикрывая рот ладонями, наблюдала, как он усердно, чуть ли не с благоговейным трепетом, накладывает идеально ровные стежки.

Я прошла вперед. Мне хотелось заглянуть в лицо Нифонта. Увидеть его глаза, поймать его взгляд. Мне хотелось увидеть взгляд человека, который осознано согласился оказывать помощь в совершении самых отвратительных, жесточайших убийств!

Его принуждали? Его заставляли силой? Его каким-то образом шантажировали? Был слишком очевидно, что это не так. Тогда что? Не в первый раз я задавалась мучительным для меня вопросом: «Почему?».

Нифонт продолжал шить платье. Очередное платье для очередной жертвы.

От понимания этого меня снедала мрачная тоска и досадливое сожаление.

Откуда-то сверху прозвучали шаги. Затем послышался металлический лязг, скрип. Кто-то наверху явно что-то открывал. Внутрь вдруг ворвался широкий луч света, точно прожектор освещающий темную сцену. По лестнице вниз спустился мужчина. Даже в полутьме, что царила в этом небольшом подземелье, я заметила, что гость одет весьма хорошо и дорого. Я знаю, о чем говорю. Ботинки ручной работы, часы из лимитированной коллекции элитарного бренда и пиджак, сшитый на заказ. Чуть хмурясь, я вгляделась в лицо гостя.

— Ну что? — спросил он, подходя к Нифонту сзади. — Закончил?

Нифонт пугливо, точно нашкодивший мальчишка, оглянулся на вошедшего.

— Почти, — проговорил он, опустив взгляд.

— Поторопись, — процедил мужчина. — Она ждёт... ей необходим новый обряд! А для обряда нужно чёртово платье!

— Я сейчас... сейчас... — пробормотал Нифонт, торопливо орудуя иглой с ниткой.

Гость подошел ближе. Я инстинктивно сделала шаг ему навстречу. Я уже ожидала увидеть его лицо. Но оно оказалось странно размытым, очень нечетким. Как будто я смотрела на него через сильно запотевшее стекло.

Это ещё что такое?! Почему... Почему я не могу увидеть его лицо?

Я подошла к мужчине ещё ближе и попыталась разглядеть его.

Он достал сигарету закурил, выдохнул расплывчатую струю табачного дыма.

Чем пристальнее я всматривалась в лицо неизвестного гостя, тем больше оно расплывалось и туманилось. В конце концов вместо лица у вошедшего человека появилось бесформенное, размытое пятно из серо-бежевых оттенков. Выглядело это крайне жутко!

Но я поняла в чем дело. Я оглянулась на Нифонта. Тот продолжал сшивать края ткани платья. Это всё он. Его сознание не позволяет мне увидеть лицо мужчины с в пиджаке. Он защищается от меня. Не желает пускать меня в свои воспоминания. Он стыдиться и боится их. И страшится мысли, что кто-то может узреть их.

— Нифонт! — докурив сигару, властно произнес мужчина. — Сколько мне ещё ждать?!

— Ещё немного... — торопливо отозвался мужчина.

Сверху, через открытый в крыше подземелья люк внутрь ворвался внезапный истошный крик. Кричала женщина. Кричала долго, пронзительно, с невыносимым тяжким страданием в голосе. Меня пробрал озноб от звука её голоса. Я её узнала. Хотя и её голос сейчас был другим, я её узнала.

Дама в чёрном пальто. Женщина с шевелящейся гривой темно-рыжих волос. Она здесь. Она... Это всё ради неё.

Я с отвращением и негодованием взглянула на маленькое зеленое платье, которое поспешно дошивал Нифонт. Все эти убийства... Это для неё. Но... Зачем? Зачем ей это? И почему ей так больно?! Неужели...

Меня внезапной молнией пронзила сотрясающая внутренний мир и сознание кошмарная мысль!

Эти девочки... Их убийства... Они... Они что...

Женщина снова закричала, срываясь на страдальческий хрип и затем на вой.

— Чёрт возьми! Нифонт! — вскричал, потерявший терпение гость.

— Готово, отец! — Нифонт вскочил со стула и протянул гостю платье.

Безликий мужчина вдруг отвесил Нифонту увесистую пощечину. Голова Нифонта качнулась в сторону, он тут же пугливо опустил голову и отвёл взгляд.

— Не смей называть меня отцом! — прорычал он. — Ты родился от меня, но лишь потому, что двадцать пять лет назад я подвозил твою мать до дома... Так уж случилось, что мы покувыркались разок, и появился ты. Но я тебе не отец! Запомни это!..

— Да... конечно, от... Сильвестр, — ответил Нифонт.

Я, оцепенев от шока, глядела на них. Мой мозг просто не успевал реагировать на шквал новых открытий! Сильвестр?! Сильвестр Гольшанский?! Отец?! Отец Нифонта?! А рыжеволосая... и эти девочки... они... они...

Я уже знала ответ. Он был сокрыт в переполненном мучительной болью голосе кричащей женщины. Боль... Мучение... Страдание...

Меня вдруг с силой утянуло куда-то вверх, затем мотнуло назад и бросило вперед. Я очнулась, полулежа на снегу. С моих дрожащих губ срывалось частое, глубокое дыхание.

— Они утоляют её боль... — прошептала я ошарашено. — Они... снимают её

мучения... откладывают их... прерывают её страдания... Почему?..

Последнее слово я едва слышно прошептала. Меня накрыла чья-то тень.

Не поднимаясь, я взглянула на человека передо мной. Покачиваясь, весь в снегу, с перекошенным от злобы лицом в меня целился из пистолета Нифонт.

— Ты такая же... — процедил он, и глаза его безумно сверкнули. — Такая же, как она... Другая, но... такая же...

Кажется, в голосе слышится удивление.

— Я видел тебя... — продолжал Нифонт. — Ты забралась ко мне в башку!

Я ничего не отвечала. Я не знала, что говорить. Я была напугана, растеряна и сбита с толку. Я ещё не пережила и до конца не осознала то, что узнала пару секунд назад.

— Как ты посмела! — прорычал разъяренный Нифонт. — Лезть в мою голову! Забираться ко мне в мозги... Ты!.. Ты, маленькая, белобрысая тварь!.. Надеюсь, твое тело нескоро обнаружат, и местное зверье успеет тебя обглодать...

Он поднял пистолет. Черный ствол смотрел мне в лицо. Уже второй раз за сегодняшний вечер я под прицелом пистолета. Но в этот раз, я откуда-то знаю это, пули из этого пистолета неминуемо вонзятся в мое тело, выбивая жизнь из моего сердца и дыхание из легких. Я откуда-то знаю, что сейчас мне ничего не поможет, если Нифонт выстрелит. Я неминуемо погибну от половины обоймы, которую он намеревается с яростью выпустить в мое тело. Я знаю это.

Секунды расщепляются на мгновения и вяло сменяют одна другую, вязко перекачиваясь. Я смотрю в глаза Нифонта. Они безумны и озлоблены.

— Ты ведь никого не убивал, — тихо говорю я. — Ты лишь хотел услужить ему.

Нифонт презрительно фыркнул.

— Думаешь, забралась ко мне в башку, порылась у меня в мозгах и уже знаешь меня?

— Нет, — мой голос слегка дрожит. — Но я знаю, чего ты всегда хотел.

— И чего же? — презрительно скривился Нифонт. — Ну! Говори!..

Я молчу. Жду.

— Говори, или я выстрелю, чёрт бы тебя побрал! Что ты узнала?!

— Ты жаждал, чтоб твой отец назвал тебя своим сыном, — с флегматичной печалью в голосе ответила я. — Ты всего-навсего всегда хотел быть таким, как его другой сын. Поэтому ты готов был на всё, ради него... Готов был выполнить любую его волю.

— Я и есть его сын, — процедил Нифонт, упрямо поджав губы. — Он уже давно признал это. Просто...

Он не нашелся, что добавить. Пистолет подрагивал в его руке. Совсем как тогда в его комнате.

— Просто он никогда не называл тебя сыном, — закончила я.

Веки Нифонта дрогнули. Губы скривились в протестующей ухмылке.

— Даже если он не говорил прямо...

— Зачем ты шил эти платья, Нифонт? — спросила я. — Ты же знал, для чего они... Неужели эти маленькие девочки виноваты в том, что твой отец не признавал тебя? Зачем ты помогал ему?

Глаза Нифонта удивленно расширились. Он пару мгновений таращился на меня.

— Зачем я помогал?! Ты серьёзно?! Ты не понимаешь, глупая ты, малолетняя дрянь?! Ты правда не понимаешь своей тупой белобрысой башкой, зачем я это делал?! Да?!!

Последнее словно он прокричал с такой болью и яростью, что оно ещё несколько

коротких мгновений содрогающимся эхом разносилось по ферме.

— Он попросил меня о помощи! — процедил Нифонт. — Ты не понимаешь! Да, я для него ничего не значил! Я был пустым местом! Постыдным плодом одного из его коротких увлечений, которым была моя мать! А когда я согласился помочь... Ты...

Он ухмыльнулся.

— Моя жизнь кардинально изменилась! Он дал мне пост начальника безопасности своего банка! У меня появились деньги, влияние и даже...

— Власть, — подсказала я и осторожно, медленно села. — Всё это стоило...

— Пару десятков повешенных маленьких с***к? — со злобным презрением торжествующе ухмыльнулся Нифонт. — Да конечно стоило, мать твою! Ты дура, если думаешь, что мне хоть на миг было их жаль! Их жизнь все равно ничего не стоит! Какие-то там безымянные щенки, рожденные всяким нищим быдлом! Что значит их жизни?! Кому они нужны?! Чего они стоят?! Что, мир много потеряет, если в нем станет на три-пять десятков меньше будущих шлюх, стерв и с*к? А?! Ответь мне!

— Ты не знаешь, кем могли бы стать эти девочки, — ответила я. — Зато ты смог быстро придумать себе оправдание, что их жизни ничего не стоят.

— Пусть так, — пожал плечами Нифонт. — Но они меня не волнуют.

— Я поняла, — кивнула я. — А ты видел... Хотя бы раз?

— Раз? — ощерился Нифонт, и глаза его наполнились чернотой ночи. — Да я был там *все* разы! *Каждый раз!* Я видел, как они верещали, плакали и просили отпустить их! Жалкое зрелище!..

Он сплюнул себе под ноги.

Я услышала то, что хотела. Нифонт был там. Каждый раз. Значит, он видел.

— Жалкое, говоришь? — переспросила я. — Что же ты каждый раз стоял в стороне, когда все происходило?! Если они такие ничтожества, что же ты сам... никогда... А?! Нифонт?! Ведь их жизни ничего не стоят! Мой голос дрожит. На глаза против воли просятся слёзы. Я помнила лица погибших девчонок. И меня одновременно раздирало горестное, тоскливое чувство и нарастающий гнев. Сколько гадкого лицемерия, показательного пренебрежения и злобы было в голосе Нифонта. И как искренне он ненавидел всех жертв Портного.

— А зачем мне марать руки? — ощерился Нифонт. — Он сам всё делал. Для неё.

Я молчала. Я ждала. Я надеялась. Он сейчас скажет... Назовёт Портного по имени. Ну же... Вот сейчас.

— Мое дело — платя, — пожал плечами Нифонт. — А уж девчонок душил...

Грохот. Затем ещё раз. И ещё два! Раскатистое эхо мощных выстрелов разорвалось в ночи и прокатилось над заснеженными полями вокруг фермы.

Нифонт вздрогнул, поперхнулся. Глаза его безумно вытаращились.

— Нет! — выдохнула я. — Нет, нет, нет! Нифонт выронил пистолет, прижал руки к животу. Глядя на меня диким взглядом, он приоткрыл рот, что-то прохрипел, но вместо слов через приоткрытые губы хлынула кровь. — Нет! — в который раз вскричала я, подхватываясь с места.

Я бросилась к нему. Нифонт упал в снег. Его тело немедленно забилось в конвульсиях.

— Да что ж ты... — плача от бессилия простонала я. — Боже... нет... Нифонт! Нифонт! Смотри на меня! Ты слышишь! Скажи мне... Умоляю, скажи мне имя! Ты же знаешь! Ты же был там, каждый раз! Скажи мне! Скажи, прошу тебя!

Я держу его лицо в ладонях. Нифонт силится сказать мне что-то. Но задыхается от льющейся через его рот темно-багровой крови. Через мгновение он затих, плечи его расслабились, тело перестало содрогаться в агонии.

Не веря своим глазам, я стояла на коленях над телом Нифонта. На его груди быстро расплывались багровые, похожие на цветы, мокрые пятна крови.

Я услышала приближающийся звук шагов. Подняв взгляд, я увидела подходящего ко мне Бронислава в темной, военной униформе. Я увидела пистолет в его левой руке и поднялась.

— Зачем?! — воскликнула я. — Зачем было его убивать?! Зачем?! Ты... Ты не понимаешь, что натворил!

Меня начинала одолевать истерика. Давали о себе знать вконец измотанные нервы.

— Заткнись, — бросил он холодно и присел возле Нифонта.

Деловито потрогав его шею, он лишь кивнул. Поднялся, взглянул на меня.

— Ещё бы немного, и он сказал... — я вовремя замолкаю.

Бронислав чужой. Я его не знаю. И не стоит болтать ему лишнего. Нужно взять себя в руки. А это просто. Пережитые эмоции и чувства бушуют ураганом внутри меня.

Бронислав ничего не сказал. Просто вдруг резко ринулся ко мне. Я даже не успела среагировать. Он схватил меня за ухо. Больно выкрутил, чуть поднял вверх и прорычал:

— Я тебе что сказал делать?! Ты что, идиотка?! Ты хоть понимаешь, что могла здесь и сегодня просто погибнуть! По своей собственной дурости!!

— Пусти! Пусти меня!.. — вскричала я, кривясь от боли. — Ты что! Перестань! Перестань, мне больно!.. Пожалуйста!..

Я заплакала, из глаз по щекам заструились слёзы. Это было больно и унижительно! Как будто я ему служанка какая, или ещё кто похуже!..

— Тебя, видимо, мало за уши таскали, — прорычал рассерженный Бронислав. — И твоя безмозглая задница, очевидно, тоже ремня не пробовала?! А? Может прямо сейчас исправить это упущение?! — Только попробуй, — плача простонала я с обидой.

— И что ты сделаешь, дура?!

Вместо ответа я попыталась стукнуть его ногой, но получилось нелепо и как-то по-дурацки.

— Пошли, — Бронислав и не думал отпускать меня. — Мне нужно показать, что ты жива, и с тобой всё в порядке. На удивление...

Эпизод двенадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 21 января

На электронных часах сменилась минута, ещё семнадцать минут, и будет пять часов вечера. За окном уже давно стемнело, на соседних улицах на силуэтах стареньких девятиэтажек горели десятки желто-оранжевых квадратиков. Откуда-то снизу доносились звуки проезжающих автомобилей.

Диана, чуть поджав ноги, уже два часа как спала. Когда они прибыли на конспиративную квартиру, Диана отыскала в холодильнике колбасную и сырную нарезки. Немедленно сотворила несколько бутербродов. И, не слушая Стаса, который пообещал в течение двадцати минут приготовить нормальную горячую пищу, слопала все три бутерброда. После этого девушке ещё посчастливилось отыскать бутылку неплохого красного вина в одном из ящиков кухонного стола.

Корнилов пить отказался наотрез, а Диане позволил выпить полбокала. Девушка пережила слишком много, и хотя ближайшее будущее кажется не очень ясным, и их испытания точно не закончены, Стас счел нелишним позволить Злотниковой слегка расслабиться. Тем более, что, как девушка ни просила, «ещё один бокальчик» Стас ей выпить категорически не позволил, но этого и не требовалось. Диана, стащив с кресла цветной плед, улеглась прямо в одежде на заправленную кровать и, что называется, «отключилась».

Все то время, пока она спала, Корнилов сидел в кресле, сложив руки за головой, и, рассматривая серо-белый потолок, обдумывал последние события.

Пару минут назад ему позвонил Арцеулов и сообщил, что Артем Солонкин пытался убить Сильвестра Гольшанского. Но, к разочарованию Сени, говорить Артём категорически не хочет и того, кто его послал, выдавать отказывается. Стас приказал Сене забрать Артёма в СИЗО Управления Уголовного розыска. Корнилов волновался, он не без причины опасался, что Поклонник Людмилы Елизаровой постарается ликвидировать Солонкина любым способом.

Пока Диана спала, Стас прикидывал, кем мог оказаться младший брат Артёма Солонкина. Ведь, можно не сомневаться, что именно он заставил своего старшего брата убрать Сильвестра Гольшанского. Но пока у Стаса были только догадки. Да и то очень поверхностные, неточные и неопределенные.

Резкий, противно зудящий дверной звонок, как удар тока, пронзил и разорвал монотонную дремоту властвовавшего в квартире полумрака.

Стас выпрямился, посмотрел в сторону прихожей. На кровати подхватила перепуганная Диана.

— Кто это? — прошептала она встревоженно.

— Оставайся здесь, — ответил Корнилов.

Стас бесшумно выбрался из их комнаты, по пути к двери так же тихо и быстро вынул револьвер.

Звонок повторился, Стас приблизился к двери, прислушался.

— ...точно эта квартира? — прозвучал сомневающийся мужской голос.

— Так точно, товарищ капитан. У нас здесь других нет.

— Тихо, старлей. Не надо тут всех оповещать, что у нас и где есть...

— Кто там? — спросил Стас, стоя под дверью.

— Уголовный розыск города Владимир, — отозвался тот, что был капитаном.

— Удостоверение покажи, — ответил Корнилов.

— Пожалуйста, — не очень довольным голосом ответил капитан за дверью. Стас увидел сначала его открытую корочку, а затем стоящего рядом старшего лейтенанта.

— Фамилия вашего начальника, — ответил Стас.

— Павлов.

— Имя его младшего сына?

— У него нет детей, — хмыкнул капитан.

Стас удовлетворенно кивнул и открыл дверь.

— Входите, — сказал он.

Внутри вошли двое мужчин. Оба были среднего роста. Один покрепче, второй чуть более шуплый.

— Вечер, не сказать, чтоб уж очень добрый, — проговорил старший из них.

У него были жидкие русые волосы, немного выпученные серые глаза, широкое лицо и короткая шея.

— Это точно, — кивнул Стас и протянул руку. — Подполковник Корнилов.

— Капитан Плотников, — представился старший из прибывших полицейских. — А это старший лейтенант Величко.

— Очень приятно, — Величко пожал руку Стаса. — Мы о вас очень наслышаны, товарищ подполковник.

У старшего лейтенанта было заостренное худое лицо, длинный нос и пышные волосы, зачесанные назад. Плюс, бакенбарды, спускавшиеся вдоль ушей, но они явно ему не шли.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — хмыкнув, ответил Стас.

Капитан и старший лейтенант переглянулись. Оба офицера, надо отметить, были в бронежилетах, что темнели из-под расстегнутых курток, и с автоматами на боку — подготовились.

— Какие новости? — спросил Стас, когда они прошли в зал.

Плотников досадливо дёрнул плечами.

— Не особо хорошие.

— Подробнее? — спросил Стас.

— Гудзевич — весьма влиятельная персона, — ответил Величко. — Здесь во Владимире у него почти такие же длинные руки, как и в родном Муроме. Есть и ОПГ и, чего таить, купленные полицейские, чиновники и так далее.

— Паршиво, — вздохнул Стас. — Чем он вообще занимается?

Плотников пожал плечами.

— Да ничего особо оригинального. В основном дурь и оружие, но так же держит несколько подпольных казино. Однако, он один из крупных игроков в этом регионе.

— Если вам всё это хорошо известно, — проговорил Стас, — почему его до сих пор не могут закрыть?

Плотников усмехнулся:

— Всё по той же самой причине, товарищ подполковник: слишком много у него послушных марионеток.

— Наследие девяностых и тогдашнего бардака, — невесело усмехнулся старший лейтенант.

— Понятно, — кивнул Стас. — Что предлагает ваше руководство?

— Первым делом, переместить объект в другое место. У нас нет стопроцентной уверенности, что Гудзевич не знает, где вы.

Корнилов ожидал услышать нечто подобное, но всё же надеялся на лучшее.

— Тогда не будем терять времени, — предложил Стас.

— Как скажете, товарищ подполковник.

— Можно просто Стас, — сказал Корнилов. — Вас, кстати, как зовут?..

— Э-э... Григорий... Гриша, — помешкав, ответил капитан Плотников. — А это Борис... Боря.

— Отлично, — кивнул Стас. — Далеко ехать?

— Километров десять отсюда, — ответил Плотников.

— Могло быть и хуже, — вздохнул Корнилов. — У вас ещё один автомат есть?

— В машине, — одобрительно усмехнувшись, ответил Плотников.

Квартиру покинули спешно, но организованно. Пока они шли к машинам, Диана жалась к Стасу и затравленно оглядывалась по сторонам.

Внизу возле полицейского УАЗа «Патриот» их ожидали ещё двое оперативников. Стас мысленно поблагодарил местное руководство: четверо опытных сотрудников с военной подготовкой и хорошо вооруженные серьёзно повышают шанс доставить Диану в Москву живой. Они расселись по машинам, Плотников сел со Стасом в его Дефендер, а Диана теперь сидела сзади. На девушку нацепили бронежилет и тяжелый шлем и велели не высовываться в окна.

Завелись двигатели, зажглись фары автомобилей. Вокруг угнетающе пустела безлюдная темная улица с редкими уличными фонарями. Корнилов бросил взгляд в зеркало, УАЗ с тремя оперативниками стоял сразу за ним. Корнилов мог разглядеть сидящих внутри троих офицеров Владимирского УГРО, все трое были очень сосредоточены. Они слегка нервничали, но в такой ситуации это нормально. Стас и сам ощущал ворочающееся в груди волнение.

Плотников достал рацию, связался с другими людьми из их подразделения.

— Мы выдвигаемся, — сообщил он. — Что у вас там, Гера?

— Пока всё спокойно, — раздался немного ленивый голос в рации.

— Отлично, готовность номер один.

— Принял.

— Конец связи, — сообщил Плотников и посмотрел на Стаса. — Едем. После перекрестка к нам присоединится ещё одна машина с нашими людьми. Там будут четыре специалиста из нашего СОБРА.

— Очень щедро со стороны вашего руководства, — оценил Стас.

— Ну ещё бы, — усмехнулся Плотников. — В кои-то веки у нас появился шанс прижать Гудзевича и его псов.

— Смотрю, у вас к нему личная «любовь», — криво ухмыльнулся Стас, поворачивая ключ.

— Просто пыльная страсть, чтоб он провалился, гнида, — проворчал Плотников.

Корнилов усмехнулся. Они выехали с улицы, двинулись вперёд по шоссе. Вдоль дороги мелькали огни фонарей и вывесок. В глаза бросался разительный контраст по количеству автомобилей. В Москве даже в самых отдаленных районах вечером движение на дорогах куда более плотное. Зато не было осточертевших всем москвичам пробок и заторов, которые стали серьёзной проблемой стремительно разросшейся Белокаменной.

Ехали на приличной скорости, стрелка спидометра перепрыгнула отметку в семьдесят пять километров. После перекрестка, как и обещал Плотников, к ним присоединилась ещё одна машина со спецназом. Через несколько кварталов они свернули к выезду из города, за окном теперь мелькали глухие спальные районы. Угрюмая и зловещая обстановка местных улиц заглядывала в окна. Темные, низенькие пятиэтажки казались такими же пустующими, как и дворы вокруг.

Вскоре за окнами уже то и дело попадались заросли диких кустарников и невысокие деревца. А ещё через несколько минут вдоль дороги и вовсе вытянулись вверх огромные дубы и сосны с заснеженными ветвями.

Путь до нового места, где предстояло охранять Диану, к удивлению Стаса, оказался довольно быстрым и легким. Их кортеж остановился посреди небольшого поселка. Стоящие вдоль плавно изгибающейся темной дороги аккуратные двух- и трехэтажные коттеджи утопали в темной синеве ночи. В каждом засыпанном снегом дворе горели по два-три фонаря, плюс освещение на крыльце и фонари вдоль дороги. Все вместе давало этому поселку или, скорее, маленькому городку гораздо больше света на такую же площадь, чем в городе. Иными словами, здесь было куда светлее.

Оперативники местного УГРО и четверо СОБРОвцев выбрались из автомобилей. Он проверили территорию, и Плотников сообщил Стасу, что всё чисто.

Следующим местом, где предполагалось оберегать Диану от покушения со стороны людей Гудзевича, оказался двухэтажный достаточно большой дом с сине-серым дощатым сайдингом и темной черепицей на крыше. На крыльце с деревянными ступенями сияли два фонарика, сделанные в антикварном, старинном стиле семнадцатого-восемнадцатого веков.

Стас и Диана вошли в дом следом за оперативниками. Корнилов проводил девушку в выделенную для неё комнату.

— Располагайся, — сказал он, пристально глядя в окно.

Внизу темнел присыпанный снегом асфальт проезжей дороги. Местность вокруг выглядела тихой, спящей и безопасной.

— Ты голодна? — спросил Корнилов.

Диана качнула головой, она уже стянула ботинки и, поджав колени, сидела на кровати. Её отстраненный, опечаленный взгляд был устремлен куда-то вниз. Корнилов увидел отчетливо отразившееся на её лице тягостное и тревожное раздумье. Стас приблизился к её кровати. Диана подняла на него взгляд, и Корнилов увидел блестевшие на её лице слёзы.

— Ты что это? — он осторожно присел на край и коснулся её плеча.

Диана судорожно вздохнула и крепко зажмурила глаза. Лицо её скривилось и она тихо зарыдала. Стас проникся горячим сочувствием к этой одинокой и запуганной девочке.

— Иди сюда, — шепнул он ласково.

Она с готовностью прильнула к нему. Корнилов по-отечески прижал Диану к себе и утешающе погладил по голове.

— Я не хотела... — всхлипнув, прошептала Диана. — Я не хотела его убивать...

— Кого? — спросил Стас.

— Влада... сына Гудзевича... — плача, прошептала в ответ Диана.

— Я не хотела! Не хотела! Правда!.. Он набросился на меня после цирка... за то, что я ему отказала... Он выхватил нож и хотел ударить меня в живот... А я... А у меня с собой был перцовый баллончик... я успела и... я ему брызнула...

— И он умер от перцового баллончика? — тихо, но удивленно спросил Стас.

Девушка качнула головой.

— Нет... он... Это на улице было... Он рванулся прочь... Ничего не видя... И выбежал на дорогу возле цирка... и... его на моих глазах сбила машина... Его так отбросило!.. А я... я стояла там... я не знала! Я же не хотела! Я просто... я просто защищалась!..

Диану душила слезная истерика, девушка не могла остановиться. Стас успокаивающе поглаживал её по голове, она дрожала в его руках, сотрясаясь в непрерывных рыданиях.

Стас вздохнул. Судя по тому, что рассказала Диана, сыночек Гудзевича явно не привык к отказам. И когда ему захотелось хорошенькую девушку-акробата из цирка, он просто решил получить её. Просто захотел взять её, как игрушку, которую увидел на прилавке. Вряд ли люди имели для него большее значение. Неудивительно, что он пришел в ярость, когда Диана отказала ему. Небось, это ещё случилось прилюдно... Влад Гудзевич явно не привык к такому «неуважению» и решил наказать девушку. А та защищалась... Стас ей верил. Он верил в рассказ Дианы, и ему было несказанно жаль её. Девушка банально оказалась заложницей стечения обстоятельств и несчастного случая. Последний, в глазах Стаса, сильно напоминал госпожу карму, которая, как известно, рано или поздно настигает любого. Кто же знал, что в этот раз её орудием станет юная циркачка.

Диана прорыдала на плече у Стаса около получаса. Потом, когда она успокоилась, Стас заварил ей чай. В доме нашлась мята, что было очень кстати.

Когда девушка более-менее успокоилась, Стас дал ей планшет, который нашел в ящике стола, и посоветовал как-то отвлечься. Девушка включила себе какой-то мультфильм из продукции Диснея и засунула в уши наушники.

Корнилов спустился вниз. Там находились Плотников, Величко и двое других оперативников. Когда Стас вошел, они что-то встревоженно обсуждали.

— Подполковник, — обернувшись на Стаса, произнес Плотников. — я уже хотел идти за вами... У нас не очень хорошие новости.

— Говори, — кивнул Стас.

— В квартиру, из которой мы уехали, только что вломились неизвестные. Группа людей в масках с оружием... Обыскали и перевернули вверх дном все, что можно было перевернуть, и свалили...

Плотников вздохнул.

— Новости, и правда, не очень, — согласился Корнилов и оглядел других офицеров. — А где гарантия, что это место им тоже не станет известно?

— Не станет, — заверил один из незнакомых офицеров и подошел к Стасу. — Капитан Феофанов.

Стас пожал ему руку.

— Эту квартиру нам выделили из Федеральной службы безопасности — это их площадь для собственных нужд.

— Я так понимаю, что они также заинтересованы в поимке Гудзевича?

Феофанов метнул задумчивый взгляд на Плотникова.

— Да, как оказалось, он не раз попадал в поле их зрение.

Его ответ показался Стасу каким-то скомканным и неловким.

— И что они просто так согласились нам помочь? Ради борьбы с Гудзевичем?

Феофанов опустил взгляд, откашлялся, снова взглянул на Стаса. Корнилов терпеливо ждал.

— СБшников заинтересовала Диана, — вынужденно признался Феофанов.

Стас увидел, как напрягся Плотников и двое других офицеров.

— Вот оно что, — проговорил Стас, глядя в глаза Феофанову.

Корнилову совсем не хотелось, чтобы ФСБ взяло Диану в оборот и использовало в деле против Гудзевича.

Они используют девушку, выжмут из неё все, что можно, и бросят. Злотникова и так пережила слишком много, а после такого, возможно, и вовсе никогда не сможет вернуться к нормальной жизни. Впрочем, как раньше, она всё равно уже жить не будет. Скорее всего, если Диана переживет нынешние события, оставшуюся жизнь она проживёт, постоянно оглядываясь и подозревая всех вокруг. Никто не сможет гарантировать, что за Гудзевича и его сына ей когда-нибудь не отомстят.

— Надеюсь, вы не станете возражать? — спросил Феофанов.

Стас услышал в его голосе надежду.

— В данный момент в этом нет никакого смысла, — вынужден был ответить Корнилов.

Тем более, что после того, как Диана назовёт Стасу имя младшего брата Артёма Солонкина, Стас продолжит заниматься своим расследованием и поиском истинного Сумеречного портного. Он не сможет серьёзно помочь Диане, и не факт, что сможет обеспечить её безопасность. ФСБ, какими бы хладнокровными прагматиками они ни были, сумеют защитить девушку лучше. Попутно, конечно, надломив её жизнь ещё больше. Но возражать Стас не стал. Для себя он решил, что будет присматривать за Дианой по мере своих возможностей, если ему это позволят, конечно.

— Думаю, — поглядев в лицо Стаса, произнес Феофанов, — девушке об этом пока лучше ничего не знать.

Его фраза была очень осторожной и носила полувопросительный характер.

— Конечно, — согласился Стас.

Корнилов посмотрел в глаза капитана Феофанова, взгляд у того был изучающий, настороженный.

За окном откуда-то со двора вдруг раздались птичьи крики. Их звонкий щебет усиливался и проникал в дом даже через плотно закрытые окна.

— Что это с ними такое? — спросил удивленный Плотников.

Поддавшись странному наитию, Стас бросился к окну, отёрнул занавеску.

За окном тянулась освещенная уличными фонарями дорога, за ней поднималась плотная, тёмная стена густой лесополосы. Ничего примечательного. Стас возможно и не увидел бы ничего, если бы вдруг сидевшие на ветках снегири во множестве не спикировали резко вниз.

На глазах у Стаса птицы буквально набросились на что-то. Корнилов взглянул и тут услышал человеческие крики, громкие ругательства и движение.

— Нас окружают! — крикнул он, отшатнувшись от окна.

Корнилов выхватил револьвер. Его примеру последовали все остальные.

— Занимаем круговую оборону! — приказал Плотников.

Офицеры УГРО и бойцы спецподразделения быстро и профессионально распределились по позициям. В следующий миг раздались выстрелы вокруг дома и внутри него. Зимняя ночь засверкала огненными вспышками.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 21 января. События, происходившие несколько раньше выше описанных.

— Ты понимаешь, что ты чудом осталась жива?!

Голос генерала Савельева грозно гремел в стенах его кабинета.

— Ты, вроде, поумнее своих сверстников, да и некоторых взрослых, я думаю, — продолжал сердиться генерал. — Как же ты, едрить твою налево, додумалась-то до такого?! А?! А если бы Бронислав с парнями не успели?! Что тогда было бы?! Ты понимаешь, что вас всех троих: тебя, эту подружку твою и очкарика прибили бы по-тихому и вышвырнули нахрен где-то в лесах?! Понимаешь?!!

Последнее слово он так громко выкрикнул, что я вздрогнула всем телом и, нервно сглотнув, хмуро посмотрела на генерала.

От обиды щипало глаза, хотелось реветь. Мало того, что он орал на меня тут так агрессивно, так ведь он прав во многом. Мало того, что я сама полезла туда! Я ещё и Леру с Лёвой сильно подставила! Из-за мысли о том, что с ними по моей вине могло что-то произойти, меня с остервенением изнутри грызла беспощадная совесть. От осознания, что все могло случиться именно так, как говорил Антон Спиридонович, становилось ещё страшнее, чем в доме.

Все вместе эти переживания угнетали и давили на меня. Я опустила глаза в пол, чувствуя теплые влажные слёзы.

Но Аспирину было плевать, он или не хотел видеть, что я плачу, или ему было всё равно. А последнее добило меня окончательно.

— Что ты мне тут реवेशь, Ника! — ничуть не сжалившись надо мной, проговорил Аспирин. — Раньше надо было плакать, когда лезла, куда не нужно!.. Ей богу, некому тебя выпороть, как следует!.. Пока задница бы болела, ты бы точно пом...

— Товарищ генерал, — неожиданно вмешался сидевший напротив меня Бронислав.

Как оказалось, он — новый сотрудник особой оперативно-следственной группы, и теперь тоже служит под началом Стаса.

Аспирин перевёл свой свирепый взгляд на Коршунова:

— Что?

— Я думаю, — Бронислав бросил на меня быстрый взгляд, — девушка уже поняла... весь размер безответственности своего поведения.

Я подняла глаза и украдкой взглянула на него:

— «Чего это он за меня заступается? Совесть замучила, что чуть ухо мне не оторвал? Или что?.. Или он таким способом пытается загладить свою вину? Интересно, а он, вообще, чувствует себя виноватым за свой отвратительный и унижительный для меня поступок? Что-то непохоже.»

Воспоминание о пренебрежительном и скотском обращении Бронислава со мной расцарапало жгучее чувство обиды с ещё большей силой. Я расплакалась. Тихо, сдавленно заплакала, опустив голову вниз.

Всё, что я пережила за последние пару часов, тяжкой грудой камней легло на душу. И я больше не могла её нести...

Бронислав и генерал Савельев молчали. Затем кто-то сел возле меня, и я почувствовала широкую ладонь на своём плече. Я подняла заплаканный взгляд на Бронислава. Перед глазами все расплывалось, я не видела его лица, да и вообще ничего вокруг не видела.

— Ладно, Ника, извини, — ворчливым голосом произнес генерал Савельев. — Я сорвался... Но ты тоже хороша!

Я нервно сглотнула. Ладонь Брона чуть крепче сжала мое плечо.

— Я п-просто... я не знала, что делать...

— Мне позвонить!!! Вот что надо было делать!

Антон Спиридонович в сердцах хватанул кулаком по столу. Я аж подскочила на стуле и буквально вжалась в стену, поджав колени. С колотящимся сердцем и зашкаливающим пульсом я заплаканными глазами глядела на генерала.

— Товарищ генерал... — укоризненно проговорил Коршунов по-прежнему придерживая меня за плечо.

— Ты её не защищай давай, — пробурчал Аспирин. — Лучше она от меня получит, чем её пристрелят или прирежут! А предварительно, между прочим, Ника, могут ещё и...

— Товарищ генерал! — уже твёрже и громче произнес Бронислав.

Я вновь удивленно посмотрела на него. В голосе Коршунова я неожиданно услышала сталь. Насколько я знаю, мало кто из подчиненных, кроме Стаса, осмеливается иногда повышать голос на Антона Спиридоновича.

Несколько секунд они глядели друг на друга, затем генерал кивнул.

— Ладно, ты прав. Ника, ты всё поняла?

— Да... — всхлипнув, прошептала я.

— Отлично. Можешь теперь рассказать, что там было?

Я поспешно кивая, старательно вытирала слёзы с щёк.

— Товарищ генерал, у вас там салфетки были... — напомнил Брон.

— Да, сейчас, — пробормотал в ответ генерал Савельев.

Он извлёк из ящика стола пачку салфеток и протянул мне.

— Держи, Ника. Вытри слёзки, и это... извини меня, правда. Просто я испугался за тебя.

Он прокашлялся. И мне показалось, что он таким образом пытается скрыть охватившее его смущение.

— Я понимаю, — я с благодарностью воспользовалась салфетками. — Простите...

— Ладно, рассказывай давай.

Я неуверенно оглянулась на Бронислава. Генерал Савельев верно понял мой взгляд.

— Коршунов, сходи-ка в архив, поищи мне документы по...

Аспирин на пару мгновений задумался.

— По «глухарям» связанным с детоубийствами.

— Товарищ генерал, но...

— Коршунов, — надавил Аспирин, — выполнять! Ты забыл, где ты находишься, старлей?

— Есть, — недовольно пробурчал Бронислав.

Он убрал руку с моего плеча и встал. А я неожиданно для себя ощутила неприятную прохладу на плече, где была его ладонь, как будто на том месте не было одежды. Коршунов

вышел, я бросила несмелый взгляд ему вслед. Меня кольнуло какое-то совестливое чувство, но левое ухо у меня до сих пор пекло и болело. Никто ещё со мной подобным образом не обходился! И я нескоро это забуду! Хотя... сейчас мне было его жаль.

— Ника, — напомнил о своём присутствии Аспирин.

Я растерянно оглянулась на него.

— Рассказывай, — велел генерал.

И я пустилась в рассказ. С того момента, как мы выследили Клавдию Фомину, и до того момента, как мы поехали за Нифонтом Алсуфьевым, приняв его за Портного.

Когда я рассказывала о своих видениях и рыжеволосой даме, по чьей прихоти и убивали девочек, генерал Савельев заметно помрачнел. В его сосредоточенном угрюмом взгляде я увидела нечто похожее на потрясение.

Аспирин рад был бы не верить в мои видения, от которых у непривычных людей кровь стынет в жилах и пульс замирает. Но он слишком хорошо знал — я говорю правду.

Когда я закончила, генерал Савельев почти минуту глядел в стол перед собой, задумчиво поигрывая карандашом.

Я опасливо искоса наблюдала за ним, не осмеливаясь тревожить его.

Я понимала, что для неподготовленного человека, а Аспирин все-таки редко со мной общается, мои видения — это апогей эмоционального потрясения.

— Значит... — вдруг медленно проговорил Аспирин. — Высокая женщина в черном пальто с развевающимися тёмно-рыжими волосами... Значит... обряд? Она так и сказала? Эти убийства — обряды?

Я кивнула.

— Да... Она была невероятно зла, что мы появились там и всё сорвали.

— Она тебе не сказала, зачем ей это всё?

Я замотала головой и опечаленно вздохнула.

— Всё, что она хотела, это убить меня и моих друзей...

— Кстати, а... — Антон Спиридонович взглянул на меня из под седых бровей, и замаялся. — Как ты... Как у тебя... ну... это... Как ты смогла... *остановить* её?

— Я же вам рассказала... — растерянно ответила я. — Я сама не поняла... просто...

Описать то, что там произошло, я не могла никаким образом.

— Я не знаю, — тихо повторила я.

— Да, но... хм... — Аспирину явно было тяжело формировать свою мысль, когда дело заходило о непонятном, о чем-то сверхъестественном и жутком.

— Как это всё случилось? Я имею ввиду... Ты сделала это осознано? Сама?

На последнем слове у генерала Савельева слегка осип и дрогнул голос.

Я снова замотала головой:

— Нет, Антон Спиридонович, я... Я не знаю, как это вышло... Оно... Как-то само...

Я и правда не знала, но нечто похожее со мной уже происходило... Когда я проникла в сознание девушки, чудом выжившей в доме, где печально известный «Монохромный человек» отнял жизни восьми человек.

Тогда таким же неведомым образом у меня появился тот же сияющий свет. Он помог мне справиться с тьмой и кошмарами, которыми Монохромный человек пленил и подчинил сознание той девушки. Но я... я даже представления не имею, что это такое! И признаться, вообще думала, что это было мое воображение, вперемешку с полубредом... Но та девушка после этого очнулась. Очнулась, когда я прогнала Монохромного человека из её сознания.

— «Хорошо, но что тогда было сегодня ночью там на ферме? Что это?! И кто эта женщина?! Я только сейчас, сидя в кабинете у генерала Савельева, задумалась о том, что рыжеволосая, возможно... возможно, так же обладает... какими-то способностями, схожими с моими, и это значит...»

— Ника!

Голос генерала Савельева вырвал меня из прострации глубокой задумчивости, в которую я погрузилась.

— Простите, Антон Спиридонович, — торопливо извинилась я. — Я не знаю, как у меня это получается... Это... Это всё... Так же, как и с моими видениями...

— Ох, — вздохнул Аспирин устало с хмурым видом потирая переносицу. — Знаешь, тебе, возможно, было бы неплохо научиться хоть как-то это контролировать. Ты не думала об этом?

Я лишь вздохнула.

— Конечно думала, Антон Спиридонович, но я не могу. Я пыталась... но у меня не получается!

— Ладно, оставим это пока, — качнул головой генерал Савельев. — Значит, что у нас получается... Что, по сути, Сумеречный Портной — это, как минимум, три человека. Ты так думаешь?

Я несмело кивнула.

— Судя по тому, что я увидела... Да.

Генерал Савельев на несколько секунд задумался. Рот его чуть скривился, придав лицу не то скептическое, не то недовольное выражение.

— Неожиданный поворот, — вздохнул он. — Значит, Стас был прав насчёт Сильвестра Гольшанского... Он не Портной. Ну или, во всяком случае, он лишь один из тех, кто может быть замешан в убийствах. И главная роль, теперь это очевидно, ему не принадлежит.

— Стас редко ошибается, — с необъяснимой гордостью и самодовольством ответила я.

— Да, но пока что вменяемых доказательств, которые мы могли бы предъявить, и которые доказывали бы невиновность Сильвестра, как Портного, у нас нет.

Я хотела было напомнить, что мы с Лерой и Лёвой спасли Раду. И хотя девочка до ужаса напугана и вообще пережила страшнейший кошмар, я могла бы попробовать осторожно поговорить с ней. Но когда я открыла рот, чтобы сказать это, меня буквально утянуло во внезапно нахлынувшее видение...

...Наполненный приятной свежестью ночной воздух овеивает меня, подхватывает и несет. Я лечу и свободно порхаю над снежными шапками верхушек деревьев. Внизу под собой я вижу точки ярких огней. Это светятся пыльные и грязные города больших, двуногих и очень шумных существ. Они не заботят меня. Я слишком высоко. Я в ночи, на ветру. Я свободна и вольна лететь, куда хочу.

Лететь?.. Я не сразу осознаю, что у меня есть крылья и перья! Я лечу! Чёрт возьми!!! Я лечу!!! Я лечу... на крыльях, я... Что происходит? Где я? Кто я?..

Ощущая дикое беспокойство, я плавно и ловко пикирую вниз на одну из припорошенных снегом веток.

Внизу подо мной деревья сплетаются распростёртыми тёмными ветками. Учащённый стук сердца заполняет всё моё тело. Меня одолевает паника и растерянность. Я не могу понять, что происходит, и в чем я видении!

Пока я соображала, что вообще такое творится, вокруг меня воздух наполнился

быстрыми, шумными хлопками и птичьим клёкотом. Я быстро оглянулась. Зрение у меня было очень странное. Вроде бы невероятно зоркое, но от этого крайне непривычное и потому неудобное.

Вокруг меня на ветки ближайших деревьев с криками уселись десятки птиц. Я вглядываюсь в них, в их алые перья на груди. Снегири! Я окружена стаей клокочущих и свиристящих снегирей! Стоп!.. Сердце бьётся быстрее! Так ведь я и сама снегирь! Я — снегирь! Я в теле или, вернее, в сознании маленькой, красногрудой птички. В разуме снегиря!..

Пока я пытаюсь справиться с шоком от осознания внезапного открытия, в окне на втором этаже стоящего вдалеке дома происходит движение. Какой-то мужчина ходит по комнате, а потом смотрит в окно. За его спиной на кровати сидит девушка. Я вглядываюсь в лицо мужчины, и из моего рта, точнее клюва, вырывается звонкий щebet.

Стас! Это был Стас! Он стоял и с хмурым видом глядел в окно. Затем вдруг повернулся и подошел к девушке, что сидела на кровати.

Я чуть было не сорвалась с ветки. Хотелось полететь к нему и скорее всё рассказать. Обо всём, что произошло, пока его не было в Москве. Но я вовремя вспомнила, что кроме птичьего щebetа и клёкота я не могу издавать никаких других звуков.

Стас слушал девушку, я видела, что она что-то рассказывает ему, опечаленно опустив голову. Корнилов выслушал девушку и вышел из комнаты. Я решила попытаться подлететь поближе к дому, чтобы просто взглянуть в окно на Стаса. Чтобы просто увидеть его... Я и не задумывалась, как сильно истосковалась по нему за то время, что мы не виделись! Но внизу подо мной внезапно раздались поскрипывающие звуки шагов. Я опустила голову. И увидела несколько тёмных силуэтов. Они украдкой двигались вперёд, приближаясь к дому, в котором были Стас и та неизвестная мне девушка.

Сердце забилось с новой силой. Электризующая кровь тревога стиснула всё мое тело. Я посмотрела на дом, где был Стас. И снова наприближающихся к нему людей. Хотя я была в птичьем мозгу, это не помешало мне узнать оружие в руках темных силуэтов.

Оружие! У них оружие! Оружие! Это враги! У меня интенсивно пульсировали вены. Тревожное чувство раздирало меня изнутри. Нужно предупредить Стаса! Скорее! Во чтобы то ни стало!.. Но как, чёрт побери, это сделать?!

Люди с оружием тихо во тьме окружали дом, где были Стас и та девушка. Они двигались осторожно и очень тихо подкрадывались ближе к дому. Тихо?! Тихо, значит... Ах тихо?! В тишине?! Ведь им это важно.... Ну хорошо-хорошо...

Я подлетела ближе к дому. Удивительно, но остальная стая снегирей так же вспорхнула вслед за мной, и птицы вновь расселись на ближайших ветках.

И в следующий миг я просто закричала... Я пыталась кричать слова, но из клюва снегиря, в сознании которого я пребывала, вырывался лишь громкий пронзительный щebet. Мне вторили другие снегيري. Через несколько секунд над небольшим посёлком зазвучал переливчатый клокочущий хор тонких свирелей и криков красногрудых птичек.

Люди с оружием внизу непонимающе вертели головами, растерянно оглядывались. Было заметно, что они и так нервничают. А оголтелый, нарастающий и свирепый птичий крик серьёзно мешал им и сбивал с толку.

Я увидела ближайшего человека. Он целился в дом из длинной винтовки.

Не долго думая, я взлетела с ветки и спикировала вниз. Маленький снегирь слушался меня куда лучше, чем та волчица... Я подлетела к мужчине. Он не обращал на меня

внимания. Цепкими птичьими лапками я сорвала с него его шапку.

Он вскрикнул, взглянул вверх. Грянул мощный выстрел. Я закричала птичьим щебетом, уронила его шапку в снег и бросилась в сторону. А за мной, вся стая снегирей, оглашая ночную окрестность яростным щебетом, набросилась на прячущихся между деревьями людей.

Послышались звуки хаотичных выстрелов. Сев на ветку неподалёку я с удивлением и взволнованно стучащим сердцем наблюдала, как снегири с неожиданным яростным стремлением набросились на вооруженных мужчин.

Никогда бы не подумала, что эти красивые зимние птички, любители поклевать ягоды рябины, способны так неистово атаковать людей!

Мужчины в темной камуфляжной униформе неуклюже отмахивались от нападающих на них птиц. Некоторые пробовали отстреливаться. На моих глазах несколько снегирей получили шальные пули в свою алую грудь и тихо рухнули в снег. Никогда бы не подумала, что эта печальная картина вызовет во мне такое же чувство горького сожаления, как если бы на месте птиц были люди!..

Из дома, в котором находился Стас, зазвучали ответные выстрелы. И многие из мужчин, что пытались окружить дом, закричали от полученных пулевых ранений. Я разобрала несколько громких ругательств, в которых слышалась боль и бессильная злость.

Снегири отпрянули прочь, продолжая отчаянно щебетать, стая взмыла вверх.

В окнах стоящих вокруг обычных жилых домов вспыхнул свет. Я увидела человеческие фигуры возле окон. И тут же мне захотелось прокричать им в лицо, чтобы они все немедленно выключили свет и отошли от окон. Как можно проявлять такое легкомысленное любопытство, когда внизу явно гремит яростная перестрелка?!

Ночь буквально грохотала от автоматных и пистолетных выстрелов. Я взглянула на дом, в котором находятся Стас и девушка, о которой он явно заботится. В окне второго этажа я увидела ту девушку, с которой говорил Стас. И она, прижав руки к лицу, пятилась в сторону. Что там происходит? Чего испугалась эта девушка?! Она ведёт себя так, словно кто-то проник в её комнату...

Затем я увидела мужчину, что с хладнокровным лицом целился в девушку из пистолета. Он держал оружие в правой вытянутой руке и что-то, торжествуя ухмыляясь, говорил перепуганной девушке. Я видела, как она кричит. Но из-за шума пальбы её явно никто не слышит. Ни Стас, ни другие полицейские, которые ему помогают. Чёрт! Этот мужчина тоже полицейский! Что же он творит!..

Я заставила снегиря слететь вниз и резко взмыла вверх. Описав резкую дугу, я оказалась на окне второго этажа. Я увидела, как девушка с темными волосами вжалась в стену. На её лице были страх и слёзы. Она что-то умоляюще говорила стоящему перед ней мужчине с неприятным заостренным лицом. Тот щурил глубоко посаженные глаза и, скривив губы в гадкой ухмылке, что-то с издёвкой говорил в ответ.

Не отдавая отчёт своим действиям, в отчаянии пытаюсь спасти эту девушку, я старательно застучала клювом в окно. Я продолжала бить по стеклу, пока мужчина с изумлением на лице не обернулся в мою сторону. Девушка попыталась использовать этот шанс, бросилась бежать. Мужчина с перекошенным, искаженным злобой лицом резво развернулся ей вслед. Сверкнула вспышка выстрела, быстро грянула ещё одна.

Я увидела, как девушка на бегу рухнула вперёд, но её поймал вбежавший в комнату Стас. Одной рукой он держал девушку, а второй целился из револьвера.

Мужчина с заостренным лицом уже неподвижно лежал на полу. На ковре под ним быстро расширялось темное, багровое пятно крови. Потеряв на миг способность дышать, я взглянула на девушку. Та была жива, но ранена. Она что-то прошептала Стасу. Я с участливым беспокойством глядела на неё. Корнилов вдруг поднял взгляд и посмотрел прямо на меня. Одновременно с бурным тревожным чувством я испытала неожиданный прилив странного радостного облегчения. Серебристый взгляд Стаса всегда внушал особое приятное и уютное чувство спокойствия, уверенности и собственной защищённости.

И до этого короткого мига встречи наших взглядов я и не подозревала, как сильно соскучилась по Стасу!..

В следующий миг видение исчезло. И первое, что я увидела, когда мир вокруг меня прояснился и мой взгляд сфокусировался, это было нависающее надо мной лицо генерала Савельева.

— Ника... — прогудел он сдавленным, басовитым голосом и шумно вздохнул. — Чёрт, девочка... Как же ты меня напугала, а!

Я огляделась. Я полулежала в широком кресле самого Антона Спиридоновича.

От этого меня поразила дикая неловкость. Чувствуя, как запылали щёки, я попыталась подняться, но голова была ещё тяжёлой и сильно кружилась. Едва я сделала попытку подняться, как меня качнуло вбок, но стоящий рядом генерал Савельев легко поймал меня и без труда опустил в кресло.

— Ника... — нерешительно обратился ко мне Антон Спиридонович.

— Нужно позвонить Стасу, — тихо проговорила я и подняла взгляд на Аспирина.

Тот замер, слегка нахмурился:

— Что ты сказала?..

— Нужно позвонить Стасу! Прямо сейчас! — почти закричала я, охваченная нервными переживаниями.

— Хорошо, хорошо, — успокаивающе произнес в ответ генерал. — Сейчас я позвоню ему. Не переживай, ладно? Всё будет хорошо...

— Звоните, пожалуйста, звоните ему! — умоляющим голосом просила я.

Меня пожирало паническое чувство. Хотелось услышать голос Стаса. Узнать, что на самом деле там произошло? Насколько правдиво то, что я сейчас увидела?

Аспирин, хмуро и задумчиво глядя на меня, уже набирал номер Стаса.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 21 января

Время текло по-садистски медленно. Если бы взгляд человека обладал физической силой, Корнилов уже протёр бы своим взглядом дыру в стене городской больницы. Больше всего в жизни Стас всегда ненавидел ситуации, на исход событий в которых он никак не может повлиять. И сейчас как раз такое положение дел. Хотя старший лейтенант Величко и промахнулся, и его пуля не убила Диану, она нанесла серьёзную рану. Было задето левое легкое девушки. Стас едва успел довезти её до ближайшей в городе больницы.

И сейчас ожидание становилось невыносимым. Шёл уже третий час с тех пор, как Диану забрали на срочную операцию.

Корнилов отчаянно переживал за Злотникову. Ему было искренне жаль её. Она не

должна была ввязаться во всё это и не должна была поймать пулю!

Но госпожа Судьба, как водится, не особо интересуется нашим мнением относительно нашего же будущего. Конечно, помимо человеческой жалости, Стаса не меньше беспокоило и то, что девушка может умереть, так и не сказав ему имени Поклонника Елизаровой.

Сейчас, сидя в одиночестве в коридоре больницы, он мысленно ругал себя. За всё сразу. За то, что не потребовал от Дианы нужное имя сразу и на месте. За то, что оставил её одну и не учёл, что у такого могущественного криминального авторитета, как Гудзевич, могут быть свои люди даже в УГРО.

Стас не мог себе простить и то, что не смог найти выход из опасного положения дел и найти наиболее безопасный путь для возвращения в Москву с Дианой. В том, что случилось, Корнилов видел исключительно собственную вину. Он закрыл глаза и несколько секунд прокручивал в голове всё случившееся за последние несколько часов.

В коридоре послышались шаги, Стас оглянулся. К нему приблизились двое врачей. Коренастый, седовласый мужчина с блеклыми глазами и второй— темноволосый, моложе и повыше. Корнилов немедленно поднялся им навстречу.

— Нам удалось стабилизировать её состояние, — сходу сказал седой доктор. — Но ей необходим максимальный покой и долговременная госпитализация.

Стас молча кивнул.

— Я знаю, что вы торопитесь в Москву, — продолжил уже темноволосый и более молодой доктор, — но уверяю вас, что Диане сейчас категорически не рекомендуются даже минимальные нагрузки.

— В противном случае, — снова заговорил седой хирург, — есть огромный риск возникновения коматозного состояния, в которое девушка может погрузиться на... неопределенное время, с туманными перспективами выздоровления.

Слова седого доктора и тон, каким они были произнесены, не оставляли сомнений в истинности столь мрачного прогноза.

— Она сейчас в сознании? — спросил Стас.

Доктора переглянулись, темноволосый взглянул на часы.

— Через пару часов должна прийти в себя.

— Я могу... побыть с ней? — спросил Стас.

— Конечно, — мягко ответил седой врач.

Когда он вошёл к ней, девушка неподвижно лежала на больничной койке.

Корнилов осторожно присел в кресло рядом с ней. Поддавшись странному побуждению, он протянул руку и по-отечески накрыл её маленькую ладошку.

Стас смотрел на лицо Злотниковой. Казалось, девушка безмятежно спит, пребывая в сладких сновидениях. Легонько поглаживая её руку большим пальцем, Стас перевёл взгляд в окно. В памяти всплыл момент, когда он увидел в окне того снегиря, ту маленькую красногрудую птичку, которая фактически спасла жизнь Диане. Именно она, эта пичужка, отвлекла предателя Величко в момент выстрела, и тот промахнулся. Если бы он попал в цель, Диана бы умерла на месте. Стас помнил момент, когда одновременно ему на руки упала раненая Диана, когда он поймал её левой рукой, а правой выстрелил в грудь Величко из своего Кольта. В памяти Стаса глубоким оттиском отпечатался тот короткий, но значительный миг, когда он после выстрела взглянул в окно.

Когда он увидел того снегиря. Когда увидел его глаза... Они были искристо-синими... Стас был уверен, что это не шутка природы. И ему не показалось. Не бывает у птиц таких

глаз, да и людей он таких не видел. Разве что только у одного... у одной...

ВНЕЗАПНЫЕ РЕПРЕССИИ!

Пятница, 22 января

Как стало известно, с раннего утра четверга и сегодня в пятницу начались неожиданные аресты бизнесменов, политических деятелей и чиновников разного уровня.

Полиция и другие правоохранительные органы пока воздерживаются от комментариев. Известно только, что открыто одновременно более двадцати уголовных дел!

Что это? Глобальная зачистка? Удаление неугодных власти бизнесменов и чиновников? Банальный передел собственности? Или же все эти люди замешаны в каком-то поистине ужасном антигосударственном преступлении?

Мы продолжим внимательно отслеживать развитие событий и держать вас в курсе.

Новостной портал «Московский курьер».

ЕЛИЗАВЕТА ГОЛЬШАНСКАЯ

Пятница, 22 января. Поздняя ночь.

Отражения огней ночной столицы ползли по стеклу чёрного майбаха.

Сидящая на заднем сиденье автомобиля Елизавета сосредоточенно размышляла о предстоящем разговоре. Беседа явно обещает быть непростой. Именно поэтому совсем неподалёку, прикинувшись обычными прохожими, будут дежурить люди из её охраны.

Роскошный автомобиль проехал через распахнутые металлические ворота. Теперь вместо озаренных тысячами огней городских улиц за окном майбаха мрачнели угрюмые серые здания заводского типа.

Коснувшись сенсорного меню мультимедиа Елизавета произнесла:

— Гриша, останови здесь.

— Елизавета Марковна? — обеспокоенно спросил водитель.

Он, на самом деле, тоже был никакой не водитель, а один из её лучших охранников.

— Всё в порядке, — мягко ответила Елизавета, чуть улыбнувшись.

Ей импонировала щепетильная забота этого красивого парня, пусть и мотивированная лишь финансами. Елизавета иногда позволяла себе представлять и думать, что её охранники, в частности красавчик Григорий, действительно переживают за неё по личностным мотивам. Впрочем, определенная преданность у её службы безопасности однозначно есть, и они это доказывали не раз.

— Странное место для встречи, Елизавета Марковна, — ответил в динамиках салона голос Григория.

Он был насторожен и напряжен.

— Да, но он сам назначил встречу здесь, — пожала плечами Елизавета.

Она не слишком боялась за свою жизнь. Елизавета Гольшанская отлично знала, что никто в здравом уме, особенно когда вся семья знает, куда и к кому она поехала, не посмеет причинить ей вред.

Елизавета сама открыла дверцу автомобиля и выбралась на улицу. Вокруг неё утопали в ночи очертания серых зданий с полуразбитыми окнами. То тут, то там виднелись груды всякого металлолома. Брошенная строительная техника, какие-то ящики, проржавевшая арматура и прочее, тому подобное. Обстановка была более, чем зловещая. И редкие горящие кое-где тускло-желтые фонари только усугубляли это ощущение.

Елизавете стало некомфортно и страшновато. Хотя она знала, что за ней наблюдают и её стерегут, и никто не даст её в обиду, ей было неприятно.

— Елизавета Марковна, — послышался голос начальника её охраны в маленьком наушнике, — к вам приближается какой-то человек. Он один, рост выше среднего, не вооружен.

— Не трогайте его, — ответил Елизавета.

— Как скажете.

Елизавета и сама слышала приближающиеся шаги. Обернувшись, она увидела идущего к ней мужчину. Он, вольготно пошаркивая, неторопливо шёл к ней и курил.

— Ты специально выбираешь такие места, где ночью ни души? — строго и холодно спросила Елизавета, когда мужчина подошел ближе.

— А ты бы предпочла какой-нибудь ресторан в центре? — с насмешкой спросил приблизившийся к Елизавете Аккорд.

— С тобой, Леон, я бы и в самое дешевое кафе не зашла бы, — презрительно скривила губы Елизавета. — Говори, зачем ты меня звал, у меня мало времени.

Корф пожал плечами.

— Вы со своим внуком давите на моих партнёров. Всё больше людей боятся со мной работать.

Он усмехнулся и щелчком пальца отправил сигарету в сторону.

Елизавета взглянула вслед исчезнувшей в темноте яркой искре тлеющей сигареты и посмотрела на Корфа.

— Я теряю деньги, Елизавета, — голос Аккорда утратил шутливую игривость.

— Что ж, значит, наши контрдействия приносят плоды, — победно улыбнулась ему Елизавета.

— Контрдействия? — переспросил Леон и чуть склонил голову набок. — Вы повышаете проценты на кредиты компаниям, которые работают со мной, подговариваете владельцев других банков делать то же самое для моих предприятий и вынуждаете меня поднимать цены на основную продукцию, которой я зарабатываю.

— Забавно слышать слова «зарабатываю» от вора и грабителя, — усмехнулась Елизавета. — А что до твоих предприятий, то наши меры куда гуманнее и эффективнее, чем вертолёты с пулеметами, которые расстреляли бы твой дом, убив огромное количество твоих людей и едва не убив твоих близких!

Елизавета не смогла сдержать ярости, голос её дрогнул.

— Вертолёты? Расстрел людей? — вкрадчиво переспросил Леон. — Елизавета, ты же умная баба, подумай. Ты когда-нибудь слышала, чтобы я действовал подобными методами?

— Всё когда-то случается впервые, — ядовито ответила Гольшанская.

— И всему есть предел, — напомнил Леон. — Если бы я действительно пытался вас запугать, я бы действовал более аккуратно. Например, мне не так трудно надавить на некоторых ваших крупных акционеров, чтобы они начали массово сбрасывать акции на бирже. А ещё я могу повлиять на логистические компании и подрядчиков, которыми

пользуются некоторые строительные компании. Слышал, Мостинвест банк сейчас вкладывает деньги в постройку новых жилых комплексов по стране... Ну и потом, не будем забывать, что твой сынок тянет срок в «Чёрном дельфине». Ты правда думаешь, что я не смог бы, если бы захотел, достать его?

— Чего ты хочешь, Леон? — слегка скривившись, спросил Елизавета.

— Чтобы ты поверила в мою непричастность. Елизавета, я похож на идиота? Ответь честно.

Гольшанская испытующе взглянула на него и вздохнула.

— Ну хорошо... если не ты, Леон, то кто?

Она посмотрела на него, чуть прищурился глаза. Корф в ответ лишь пожал плечами, качнул головой.

— Кто угодно, кому выгодно нас поссорить.

— Поссорить? — обманчиво воркующим голосом переспросила Елизавета. — Мы ведь и не дружили никогда, Аккорд. Помнишь? Помнишь, сколько раз ты угрожал моему сыну? Сколько раз требовал от него денег и солидную часть акций?

— Но, во-первых, я предлагал многое взамен, — подняв указательный палец, усмехнулся Аккорд. — А во-вторых, мы никогда и не воевали в открытую. Помнишь, Елизавета? И уж точно ни тебе, ни мне не пришлось бы голову применять вертолёты и обстреливать из пулемётов дома друг друга! Чёрт возьми, да такого в нашей стране даже в худшую пору девяностых не было! Никто тогда не решился, да и сейчас тоже! Это же не просто прилететь и пострелять!.. За такие вещи любого даже самого влиятельного человека прихватят за задницу!.. Меня уже, между прочим, четыре раза на допрос вызывали, Елизавета. Почти во всех моих офисах провели наглый и беспардонный обыск! На что потвоему я надеялся, когда якобы послал к вам вертолёты? Что меня никто не тронет? Вот если бы я на внедорожнике остановку с людьми протаранил, я бы ещё смог попытаться вывернуться, в нашей стране это иногда возможно... Но чтобы, чёрт возьми, устраивать такое шоу с вертолётами и перестрелками!.. Нет, Елизавета, это самоубийственный идиотизм!

Пока Леон говорил, Елизавета внимательно его слушала.

— То есть ты считаешь, что нас хотят столкнуть лбами? — спросила Гольшанская уже не столь недоверчиво.

— Очень вероятно, — кивнул Аккорд.

— У тебя есть подозреваемые? — помедлив настороженно спросила Елизавета.

Корф ухмыльнулся.

— Посмотрим, кто предложит тебе или мне свою помощь.

Брови Елизаветы изящно выгнулись вверх.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 22 января. Поздняя ночь.

Эхо моих тихих шагов пугливым шепотом разлеталось по коридору больницы. Неудивительно, что здание погружено в такую тишину. На улице глухая поздняя ночь. Не спят только всякие клубы, бары и люди, которым по профессии необходимо дежурить. Например, медсестра, которая далеко не сразу решилась впустить меня в хирургическое

отделение детской больницы, куда доставили бедную Раду. Мне очень хотелось увидеть малышку снова. Я очень переживала за то, как она перенесёт всё, что произошло сегодня.

Наверняка, такие жуткие события оставят неизгладимый след в воспоминаниях Рады. Я шла по коридору к её палате и вспоминала, как сама довольно часто просыпалась по ночам из-за ужасающих воспоминаний, которые терзают меня и во снах.

Я вспоминала, как часто плачу от страха и одиночества, когда понимаю, что мне никто не поможет справиться с этим. Я не смогу избавиться от кошмарных видений и снов, которые имеют прямую связь с реальностью.

Я отлично знаю, что значит просыпаться, содрогаясь в постели, с криком и с испариной на лице. А сколько бессонных ночей я провела с чашкой в руке, просто глядя в окно из своей комнаты! Были моменты, когда я боялась засыпать. Боялась снова увидеть убийства, изнасилования, садистские пытки, суициды, аварии и прочие ужасы, которыми очень щедро наполнено существование людей. И теперь на похожие мучения может быть обречена одна маленькая, абсолютно одинокая шестилетняя девочка.

В пакете, который я несла в правой руке, лежали сладости и упаковка с куклой Алёнкой из «Сказочного патруля». Я подумала, что малышке Раде понадобится какое-то утешение после всего случившегося. Ей очень важно понимать, что она не одна, что на неё не наплевать, что есть кто-то, кто позаботится о ней.

Я дошла до нужной палаты, остановилась перед дверью. Вздохнула и вошла внутрь. В палате было темно, но Рада ещё не спала. К моему удивлению, она с увлечением слушала, как приятный мужской голос под светом лампы читает ей книжку. Я так и замерла на пороге, скованная удивлением. Потому что в кресле рядом с кроватью Рады сидел Бронислав Коршунов собственной персоной!

— Ника! — радостно пропищала Рада и, вскочив с койки, босая бросилась ко мне.

Я улыбнулась, присела и обняла подбежавшую девочку.

— Я думала, ты ко мне больше не придёшь! — прохныкала Рада мне на ухо.

— Ну ты что, солнышко, — проворковала я, чувствуя слёзы на глазах, как я могла не прийти.

Маленькие ручки Рады с чувством стиснули мою шею. Я закрыла глаза и вздохнула, ласково прижимая к её себе. Я очень боялась, что придя в палату к Раде, застаю её перепуганной, спрятавшейся под одеялом от всех и затравленно выглядывающей оттуда. И я была несказанно рада, что мои опасения не оправдались.

— Кстати, — улыбнулась я, когда Рада отпустила меня, — это тебе.

Рада робко заглянула в пакет. Потом подняла на меня взгляд своих небесно-голубых глаз и прошептала:

— Это, правда... для меня?

— Правда, солнышко, — кивнула я.

Этот подарок был меньшее, что я могла для неё сделать. Рада свернула пакетик, прижала к груди и посмотрела на меня.

— Пока тебя не было, ко мне пришёл дядя Бронислав. Он успокоил меня, я перестала плакать и даже бояться. А сейчас я слушаю историю про «фею Алису и волшебника Синелесья».

— О-о... — я бросила взгляд на Бронислава, который глядя на нас, молча пил сок из пластиковой бутылки. — Здорово... Я вижу, тебе нравится.

— Очень! — воскликнула девочка и аж подпрыгнула от восторга.

Я снова взглянула на Бронислава и почувствовала к нему прилив благодарности. Значит то, что Рада в таком хорошем расположении духа, несмотря на то, что случилось, это заслуга Бронислава. Хм, наверное, я поспешила с выводами относительно него. Возможно, он не такой плохой, несмотря на своё обращение со мной.

— Ника, послушай со мной! Тебе понравится! — предложила Рада.

— А-а... — я не была уверена, что это уместно, но отказать Раде не могла. — Хорошо, ладно... Давай.

Рада забралась обратно в постель. А я села во второе кресло, стоявшее ближе к окну. Скинув обувь и забравшись в кресло с ногами, я вместе с Радой начала слушать сказочную историю.

Бронислав, до сих пор не перемолвившийся со мной и словом, откашлялся и продолжил читать:

— Глава восьмая, — проговорил он, — Когда фея Алиса смогла наконец разрушить чары в деревне Говорящих хижин, проклятие невидимости было снято с местных жителей. Радости их не было предела! Благодарные жители деревни смеялись и пели от счастья! Некоторые даже плакали, увидев наконец друг друга! На радостях в той деревне закатили пир, на котором чествовали фею Алису и её волшебство. Но на этом приключения златоволосой феи из Барбарисовой рощи ещё не закончились...

Я, сама того не ожидая, слушала с неожиданным увлечением. Бронислав читал очень выразительно, искусно меняя интонации в разных местах и забавно изображая голос того или иного персонажа. К тому же я заметила, что мне невероятно нравится слушать могучий, сильный и в то же время ласковый и бархатистый бас Бронислава. «У Мирона тоже красивый голос», — вкрадчиво проговорило что-то внутри меня. И я поспешила с этим согласиться.

Рада развернула упаковку с леденцами и угостила меня, а потом Бронислава.

Вкушая фруктовые леденцы, мы с Радой продолжили слушать историю о фее Алисе. Брон пока не мог насладиться конфетами и продолжал усердно, с вдохновением, читать.

Был момент, когда я засмотрелась на идиллическую картинку — Бронислава, который по-отечески сидит возле кровати дочери... ну то есть возле кровати Рады, и читает ей сказку на ночь. Это наблюдение вызвало во мне восторженный трепет и умиление.

Бронислав, видимо, почувствовал мой взгляд и посмотрел на меня. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что он смотрит мне в глаза. И я тут же опустила взгляд, ощущая, как вспыхнули мои щёки. Но Бронислав продолжил читать. Я слушала, как он читает, и изо всех сил старалась не смотреть в его сторону. Меньше всего мне хотелось, чтобы он ещё раз увидел, как я пялюсь на него. Что вообще со мной такое происходит?.. Этот гад так унизительно и грубо со мной обошёлся, а я тут сижу и люблюсь им! Тьфу!

Через некоторое время Рада заснула. Я поправила на ней одеяльце, погладила по волосам и, не удержавшись, ласково коснулась губами её головы. Подняв взгляд на Бронислава, я увидела, что он странно улыбается. Его улыбка мне не очень понравилась.

— Что тебя так обрадовало? — с легким вызовом спросила я.

— Приятно наблюдать за вами обеими, — усмехнулся он и отложил книжку на тумбочку рядом. — Не ожидал, что ты любишь детей.

— А чего ты ожидал? — спросила я неприязненным голосом.

Мне не хотелось ему грубить, но я и не хотела, чтобы он думал, что я забыла, как он со мной обошёлся. Я не злопамятная, но не терплю, когда со мной обращаются так жестоко и

пренебрежительно!

— Ты всё ещё злишься на меня? — спросил он мягко.

И от звука его голоса, глядя на него, я почувствовала, что больше заставляю себя сердиться на него, чем сержусь на самом деле. Сейчас вот на этого Бронислава, который разительно отличается от того, что тянул меня за ухо, я просто не могла уже сердиться.

— Нет, — опустив взгляд, тихо ответила я. — Но ты меня оскорбил таким отношением. Это было не только больно, но и унижительно...

Я погладила спящую Раду по волосам. Улыбнулась, глядя на безмятежное личико девочки. Очень надеюсь, что её сон сейчас самый приятный, какой она только может видеть.

Неожиданно широкая ладонь Бронислава накрыла мою руку. Я застыла, не зная, как реагировать. От его прикосновения по телу прокатилось странное, вселяющее щекотную легкость волнительное ощущение. Я подняла робкий взгляд на Бронислава. Он наклонился ко мне, его губы изгибались в доброй улыбке.

— Прости меня, — попросил он с толикой печали в голосе.

Я несколько секунд замороженно смотрела на него, затем тут же отвела взор и ворчливо ответила:

— Ладно... проехали.

— Я просто очень испугался за тебя, — извиняющимся голосом произнес вдруг Коршунов.

Я снова удивленно уставилась на него.

— Испугался? За меня? — непонимающе нахмурилась я. — Ты... ты же меня совсем не знаешь.

— Да, — легко ответил он, — но мне было бы невероятно жаль, если бы... я очень не хотел, чтобы с тобой приключилось что-то... плохое. Понимаешь?

— С трудом, — ответила я осторожно, — но в принципе... да... наверное.

Наш диалог прервался, наступило неловкое молчание. У меня трепетало сердце, мысли путались в голове. Я хотела что-то сказать, но не знала, что именно. Но Брон сказал сам, причем удивительным образом угадал, что хотела спросить я.

— Ты, наверное, думаешь, зачем я сюда приехал?

Я снова взглянула на него.

— Честно говоря, да. Я думала, тебя послал Антон Спиридонович.

— Нет, — засмеялся Брон. — Просто...

Он взглянул на Раду.

— Я ведь знаю, что у неё никого нет. И подумал, что это будет ужасно, если никто не навестит её. Она пережила такое...

Он покачал головой, не находя слов.

— Она плакала, когда ты пришёл? — спросила я тихо.

Брон молча с печалью на лице кивнул. Я снова сочувственно посмотрела на спящую девочку.

— Забилась в угол, укрылась одеялом и ни с кем не хотела говорить, — шепотом продолжил Брон. — Пришлось долго уговаривать её выглянуть наружу.

— Ты молодец, что пришел к ней, — сказала вдруг я и тут же замолчала.

Как-то это странно прозвучало.

— Спасибо, — поблагодарил Брон.

Он убрал свою руку от моей, и я вновь испытала то неприятное чувство холода и

обнаженности, как в кабинете у Аспирина. Когда сидевший рядом Бронислав вышел из кабинета, убрав от меня руку.

Что это такое вообще? Что происходит? Я что... Я... Я что-то чувствую к нему?.. Серьёзно?! Да ну! Не может быть! Я не должна! Это неправильно и, вообще, это невозможно! У меня всё-таки есть парень! И он мне очень нравится! Мне с ним хорошо! Может быть, я даже по-настоящему влюблена в него!..

Я неуверенно взглянула на Бронислава и нерешительно спросила:

— А откуда ты узнал, где я была? Как ты узнал, что я в том доме?

На самом деле, этот вопрос мучил меня с того самого момента, как мы уехали с той мрачной фермы. Я отчасти догадывалась, каким образом Коршунов мог с такой точностью узнать мое место положение, но мне хотелось услышать это от него.

— Тебе не понравится то, что ты услышишь, — усмехнулся Брон.

— Всё равно, — я покачала головой. — Скажи... пожалуйста.

Он вздохнул, посмотрел на меня и произнёс:

— Мы запеленговали твой мобильный.

Хоть я и испытала легкий шок, я была готова услышать нечто подобное.

— Вы отслеживаете мой телефон? — спросила я, не удержавшись от толики возмущения в голосе.

Но возмущаться мне было не с чего, мне всё-таки спасли жизнь. Мне и Лерке с Лёвой.

— Аспирин был уверен, что ты полезешь на рожон и обязательно окажешься в опасности, — ответил Брон. — Как только мы узнали, что ты вечером оказалась в каком-то левом доме, где тебе совершенно точно нечего делать, мы поехали по адресу. А потом... Ну твоя подруга выдала всё и очень просила, чтобы мы поспешили.

Я опустила взгляд и улыбнулась. Лерка...

— А вы поймали Беккендорфа? — спросила я, вновь взглянув на Коршунова.

Меня, и правда, это очень интересовало, но в данный момент я спросила это, чтобы перестать думать о Брониславе так, как... Как я думаю о нём сейчас!

— Нет, — помрачнев, ответил Бронислав. — Он сумел уйти... Это моя вина. Я серьёзно недооценил его.

Он произнес это с такой болезненной досадой и разочарованием, что я прониклась жалостью к нему. Нужно было сказать что-то утешительное, но, как назло, в голову не шло ничего путного. Положение опять спас сам Бронислав.

— Позволь спросить тебя, — вдруг мягко и деликатно проговорил Бронислав.

Я вопросительно взглянула на него, глядя в солнечное золото его глаз.

— Зачем... — начал он и на миг задумался. — Зачем ты всё это делаешь? Зачем помогаешь Корнилову?.. Рискуешь собственной жизнью, проявляешь столько участия и рвения... Зачем тебе это? Ведь не из любопытства же.

Я пару раз растерянно моргнула, тяжело вздохнула и отвела взгляд.

И как ему объяснить? Соврать? А что? А если он не поверит? Не хочется обманывать его, но и правду говорить нельзя.

— Слушай, — нервно сглотнув, ответила я, — я, возможно, отвечу на этот вопрос... Но не сейчас. Ладно?

Я быстро взглянула на него и снова пугливо отвела взор.

— Я... я не могу сказать тебе правду... А врать... Врать тебе мне не хочется.

«Да я и не особо умею» — добавила я мысленно.

Бронислав хмыкнул, вздохнул.

— Ну ладно, — небрежно ответил он. — Как захочешь, расскажешь.

— Обязательно, — пробормотала я тихо.

Дальше мы разговаривали на всякие отвлеченные темы. Я ожидала, что Бронислав попытается все-таки выведать у меня ответы на интересующие его вопросы. Но мы сперва поговорили про щенков-сеттеров, которых мы с Мироном тогда пристраивали, затем про спорт, Брон спрашивал меня о фигурном катании, потом рассказал, что сам когда-то играл в хоккей.

— Зачем же ты пошел служить в полицию? — хихикнув, спросила тогда я.

— В какой-то момент я, наконец, осознал, что шансов стать хорошим полицейским у меня больше, чем стать знаменитым хоккеистом.

— А ты ещё тщеславен? — удивилась я и тут же отругала себя за дурацкое кокетство.

Он вроде со мной нормально общается, как с равной, и не хочется, чтобы он увидел во мне влюблённую малолетку, которой льстит внимание такого взрослого парня. Кстати, а сколько ему, интересно?

— Мне не столько хотелось славы, — задумчиво проговорил Брон, — сколько добиться тех же успехов, что и другие знаменитые хоккеисты, типа Овечкина или Патрика Кейна.

— Значит, ты у нас карьерист? — резюмировала я со смешком.

— Что ты можешь об этом знать? — засмеялся он. — Ты же ещё учишься!

— Вообще-то я занимаюсь профессиональным спортом, — заметила я. — А там все, кто хочет добиться успеха, тщеславные карьеристы.

Бронислав внимательно посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— А мне ты совсем не кажешься тщеславной карьеристкой, — покачал он головой. — Может, ты и станешь олимпийской чемпионкой, но у тебя на это другие мотивы.

— Не стану отрицать, — вздохнула я. — Может, ты и прав.

Мы просидели за разговорами почти до трёх часов ночи. Потом я хотела уйти, но внезапно проснувшаяся Рада, едва не плача, попросила меня остаться «ещё ненадолго». Ну разве я могла ей отказать?

В итоге Рада снова заснула в больничной кровати, а я уснула в том же кресле, свернувшись калачиком. Брон тоже никуда не ушёл, хотя и собирался отлучиться домой.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 23 января.

Утром я вздрогнула от звонка мобильного телефона. Тихо застонав, я села в кресле, спустила ноги на пол и взяла свой рюкзачок. Достав мобильник, я увидела, что звонит «Зубастик». Я была не готова сейчас говорить с Мироном. Тем более после того, что произошло тогда на матче. Но всё-таки приняла вызов и, с трудом подавив зевоту, проговорила в трубку:

— Привет, Зубастик...

И тут же прикусила язык. Кожу на лице припекло от наполняющего меня чувства стыда и идиотской неловкости. Я чуть не застонала в голос. Ну какого же чёрта!.. Взять и назвать парня кличкой, которую ты дала ему в телефоне!

— Зубастик? — засмеялся в телефоне МIRON. — Я у тебя в телефоне так называюсь?

— Нет... ну, то есть да... — виновато залепетала я. — Но я просто... Это ничего такого не значит...

— А мне нравится, — весело и радостно произнёс в трубке голос Мирона. — У моей девушки должна быть и фантазия, и чувство юмора. Иначе мы не уживёмся, когда ты переедешь ко мне.

У меня в этот миг ошалело забилося сердце, а мозг и вовсе, казалось, чуть не выпрыгнул из черепной коробки, чтобы убежать подальше от услышанного.

— А-а... — только и смогла выдавить из себя я.

— Не переживай, это будет ещё нескоро, у тебя будет время привыкнуть и подготовиться, — продолжал Мирон.

Я была совершенно сражена. То ли он шутит, то ли действительно рассматривает для наших отношений такую перспективу. Я-то вообще об этом ещё не задумывалась.

— Кстати, ты не хочешь сегодня пораньше приехать? Посидим с тобой до матча, — вдруг произнес Зубатый.

Хорошо, что в этот момент я сидела. Потому что от слов Мирона меня прошибло внезапным осознанием того, что сегодня ещё один матч у «Алигаторов».

Ёлки-палки! В свете всего, что на меня свалилось за последние несколько часов, я напрочь об этом забыла. Хорошо, что Мирон мне позвонил!

— Хорошо, — пролепетала я, — я приеду...

— Отлично! Я за тобой сейчас приеду, и посидим где-нибудь. Тут, рядом с вашей школой, есть парочка неплохих заведений...

— Подожди! Стой... А-а... — я замаялась, не зная, что сказать.

Мирон знал, что я пока гощу у Лерки, но не знал, что в данный момент меня там нет, и в ближайший час я вряд ли успею там появиться. А говорить ему, где я сейчас, совсем не хотелось. Потому что я не знаю, как ему всё объяснить!

— М-мирон... я...

— Зубастик, — засмеялся в трубке голос Мирона.

— Что? — растерянно переспросила я.

— Называй меня «Зубастиком», — сказал он. — Из твоих уст меня это просто умиляет... Пожалуйста, принцесса...

— Ладно, — смущенно улыбнулась я. — Зубастик... я сама приеду. Только чуть-чуть попозже. Ладно?

— Ну ладно, я просто хотел, чтобы мы вместе время провели, — голос Мирона ощутимо погрузнел.

— Да, я тоже хочу! — поспешила заверить я.

Я и так чувствовала горечь вины за то, что тогда ушла с его матча, и за то, что не поздравила его, как девушки других игроков. И я очень боялась обидеть его снова.

— Я просто... я... я в больнице, — сдалась я.

— В больнице? — сразу же насторожился Мирон. — Принцесса, что с тобой? Блин, я сейчас приеду!

— Да нет, не нужно, Мир... Зубастик, это... я... это не опасно.

— Точно?

— Точно, — вздохнула я.

— Солнце, — осторожно спросил Мирон.

— Да?

— Ты что, у этого... вашего... ну... женского врача?

Я закрыла глаза, чувствуя невыносимый приступ стыдливости. Ну вот зачем он это спрашивает!

— Да, — выдохнула я, надеясь, что это удержит его от приезда.

— А-а... — протянул Мирон, — Ну ладно... Тогда увидимся! Пока!

— Пока...

— Скажи ещё раз, — вдруг попросил он.

— Пока, Зубастик, — вздохнула я со смешком. Я нажала отбой и спрятала телефон обратно в свой рюкзачок. Как только я его застегнула, то сразу же наткнулась на хмыляющееся лицо только что проснувшегося Бронислава.

— Кто такой Зубастик? — со смешком спросил он.

— Мой парень, — пробубнила я себе под нос.

— Не думал, что у тебя есть парень, — заметил Бронислав.

Я уставилась на него со смесью удивления и обиды.

— А это ещё почему?

— Ну-у... — протянул Брон и отмахнулся. — Неважно.

Я смерила его хмурым взглядом. Взял и с утра испортил настроение! Почему это он не думал, что у меня может быть парень. Что, со мной что-то не так? Или... Или что?

— Мне нужно уехать... ненадолго, — замявшись, произнесла я.

Брон в ответ пожал плечами:

— Лети, только больше не лезь никуда, будь добра. Имей ввиду, Аспирин сказал, что ещё выкинешь подобный фокус, он тебя под домашний арест посадит.

— Я учту, — слегка сконфуженно ответила я.

Воспоминание о том, как вчера на меня орал Аспирин, нагоняло угрюмую тоску и слезное чувство обиды. Я очень тяжело переносила, когда на меня орут. Да ещё так бешено, как вчера.

Я помотала головой, отгоняя воспоминание о кричащем на меня Аспирине.

Возле своей школы я была чуть больше, чем через час. Как только я вошла внутрь школьного здания, сразу обратила внимание на прямо-таки ошеломляющую тишину. Какая-то удивительная и неприятная пустынность распространялась по всему школьному помещению. У охранника, что увлеченно играл во что-то на телефоне, я узнала, что все собрались в нашем новом спортивном зале. Теперь их у нас, по сути, два.

Охранник сообщил, что приехали спонсоры, которые дали приличную сумму на ремонт второго спортивного зала, оснащения классов новыми компьютерами, установку кондиционеров и многое другое. Всё-таки повезло нам с нашим директором. Станислав Владимирович, как говорят русские, «человек старой закалки». Не знаю точно, что это значит, но я ни разу не слышала, чтобы наш директор присвоил себе чьи-то деньги или пытался заработать, сдавая в аренду школьные помещения всяким подозрительным личностям.

Я написала Мирону. И он через пару секунд ответил, что их с командой затащили слушать, как Гольшанский толкает речь. Я замерла на месте и буквально приросла к полу. Ещё раз перечитала фамилию в сообщении от Мирона.

Гольшанский?! Здесь?! У нас в школе?! Я почувствовала, как вкрадчивый холодок, словно краешком когтя, легонько царапает кожу на спине. Я понимала, что это не Сильвестр Гольшанский. Но... я помнила того мужчину с размытым лицом из воспоминания Нифонта.

Я отчетливо помнила, как Сильвестр, именно Сильвестр, пришел за платьем... за очередным платьем, которое сшил Нифонт. А значит, Сильвестр что-то знает об этих страшных убийствах и о Портном! А если в убийствах, пусть и в роли помощника, замешан Сильвестр Гольшанский, почему не может быть замешана вся его семья? Пугающая, но слишком очевидная мрачная тайна семейства Гольшанских, точно пятно гнили на каком-то фрукте, проступала на их блистательном облике. Это они... Это всё они. Они все имеют к этому отношение! Не верю, что кто-то из Гольшанских мог не знать, чем занимаются Нифонт с Сильвестром! Но кто та рыжеволосая женщина, для которой Нифонт хотел принести Радугу в жертву? Я не видела никого похожего среди Гольшанских,

Пока я шла к новому спортзалу, меня раздирало усиливающееся внутреннее беспокойство. Казалось, кто-то с силой сжимает и разжимает мое сердце, и что-то сдавливает легкие. Скользкое предчувствие скорого открытия ужасающей тайны одного из самых страшных убийц современности становилось всё отчетливее.

Ладно... Они ведь не в курсе, что я что-то знаю. Во всяком случае, хочется в это верить. Вспоминая, как вчера Бронислав застрелил Нифонта, я в сотый раз пожалела, что не успела услышать имя из его уст. Хотя я и сердилась на Коршунова, я понимала — он спас мне жизнь. И я была ему за это невероятно признательна.

Я подошла к дверям спортзала, и в этот самый миг оттуда донесся звук бурных аплодисментов. Я замерла на пару секунд, держа руку на ручке двери. И тут услышала знакомый голос нашего директора Станислава Владимировича:

— А сейчас слово нашему спонсору, человеку, который сделал для нашей школы действительно очень много. Именно благодаря щедрости Ореста Сильвестровича Гольшанского мы получили этот великолепный спортивный зал, оборудованный всеми современными удобствами!

Я решила войти и, приоткрыв дверь, вознамерилась проскользнуть внутрь, как можно более незаметно. Впереди передо мной стояло несколько человек из учителей и ещё двое мужчин в пиджаках с серьёзными минами и наушниками на правом ухе. А все остальные, вся школа с учениками и учителями, расселась на трибунах, вытянувшись по обе стороны от спортивного зала с его баскетбольными кольцами и стоящими в стороне футбольными воротами.

Я заметила парней в черно-желтых бомберах с гербом команды «Аллигаторы» и, помешкав, направилась к ним. Конечно, в преддверии матча между баскетбольной командой нашей школы и БК «Аллигатор» мне, наверное, стоило бы сесть со своими, но... Во-первых, я там далеко не всех знаю, а во-вторых, могу себе представить, как это будет выглядеть в глазах Мирона и в глазах его друзей! А я и так жутко некрасиво поступила, когда смылась с предыдущего матча «Аллигаторов», пытаюсь уследить за Елизаровой.

Я, стараясь оставаться незамеченной, подобралась к зрительской трибуне, где сидели Мирон и его команда с их боевитым тренером. Зубатый перехватил мой взгляд и приветливо помахал мне рукой, я тут же помахала в ответ и внезапно поняла, как сильно успела по нему соскучиться.

Но стоило мне сделать, пару шагов, как внезапно над всем спортивным залом прозвучал обрадованный голос Станислава Владимировича:

— Мы решили предметно выразить нашу безграничную признательность Оресту Сильвестровичу и подарить ему вот такой сувенир...

Я с любопытством взглянула на небольшую сцену в другом конце зала, где стоял

директор, завучи и сам Орест Гольшанский. В руках у Станислава Владимировича была не то статуэтка, не то какой-то кубок, отсюда было не разглядеть.

— И мы подумали, что раз речь идёт непосредственно о спортивном зале, о спорте, то будет уместно...

Каким-то неведомым образом предчувствуя нежелательный поворот событий, я заторопилась к зрительской трибуне, очень стараясь, чтобы со сцены, где стояли директор и Гольшанский, меня не заметили.

— ...если олицетворение нашей всеобщей благодарности преподнесёт одна из наших лучших учениц, будущая медалистка и блестящая фигуристка, Вероника Лазовская!

Я так и застыла. Стоявшие рядом люди оглянулись на меня, а директор рьяно зааплодировал. Ему тут же начали вторить стоявшие рядом завучи, а через некоторое время, нехотя, подключились и зрительские трибуны.

Я бросила взгляд на Мирона, тот счастливо улыбался. В его осанке, взгляде и выражении лица я заметила что-то похожее на гордость. Ну что ж, буду надеяться, что ему нравится происходящее.

Ощущая пронизывающее прикосновение десятков взглядов, я направилась к трибуне. Зачем Станислав Владимирович втянул меня в это? Мы ведь ничего такого не обсуждали, я вообще не знала, что сегодня к нам приедет Орест Гольшанский. И почему именно я должна вручать ему презент от школы? У нас полным-полно достойных учеников, которые точно справились бы не хуже. И мне, кстати, обязательно об этом напомнят.

Я вошла на сцену, робко оглядела всех взрослых. Два завуча, директор, ещё три каких-то неизвестных мне мужчины в пиджаках и он, Орест Гольшанский. Я взглянула в его глаза, он приветливо улыбнулся мне и кивнул, я ответила тем же.

Орест был похож на Сильвестра. Глаза, нос, скулы и брови — всё это выдавало в нём черты Сильвестра Гольшанского, и удивительно, что ничего из этого не было в облике Нифонта Алсуфьева.

Ощущая слабость в ногах и волнительную робость, я приняла из рук директора сувенир, который он желал подарить Оресту. Это была какая-то странного вида башня. Она была сделана из алебаstra и щедро украшена эмалью, глазурью и прочими подобными красками для скульптур. Вместо привычных зубцов или конусовидной крыши у башни была корона, покрытая золотистой эмалью, украшенная орнаментом и сдобренная несколькими цветными стекляшками в виде драгоценных камней. Выглядит, конечно, красиво, и тот, кто это сделал, большой молодец, но не знаю, понравится ли эта вещь такому человеку, как Орест Гольшанский. Я подошла к нему, протягивая башню. Он подался мне навстречу и взялся руками за основание и корону башни.

В тот же миг перед моими глазами встала ночная улица. Поздняя ночь, шумный дождь и пустые тротуары. По дорогам проносятся редкие автомобили. Орест и группа парней едут в какой-то не очень новой, чужой машине. Они угнали её буквально полчаса назад и сейчас живо обсуждали это, упиваясь восторгом и пивом.

— О, смотрите какая! — вскричал вдруг сидевший справа от водителя Орест.

Он возбужденно тыкал пальцем в девушку, что торопливо шла по узкому тротуару вдоль темного дома. Её мятного цвета платье выпускницы тускло светилось в темноте.

— Хороша, — плотоядно ощерился водитель.

Они остановились возле неё, и парень за рулем поинтересовался:

— Эй, красивая! Садись, поехали! Расскажешь, что случилось!

Девушка в мятном платье обернулась, и я с судорожным вздохом узнала в ней Валентину Любинскую, мать Рады!

Я видела, как Валентина обернулась, в свете фар старого автомобиля показалось её заплаканное лицо.

— Отвалите от меня, придурки! — резко и зло выкрикнула она.

— Чего?! — протянул водитель и остановил автомобиль.

— Вообще нюх потеряла! — рывкнул разом рассвирепевший Орест.

Вдвоем с водителем они выскочили из автомобиля и бросились к Валентине. Девушка в ужасе попятилась и в следующий миг бросилась бежать. Вместе с Орестом и водителем помчались ещё двое парней.

Конечно, на каблуках, в платье, перепуганная и заплаканная, Валентина не смогла далеко убежать. Они поймали её и кричащую затащили в угнанный фورد.

Дальше я вновь стала очевидцем того, как четверо подонков с непонятным мне ожесточением избивали и насиловали беззащитную девушку. И чем больше она плакала и молила их о пощаде, тем больше они заводились. Им нравились её мольбы и жалостливые просьбы, они наслаждались, видя, как она отчаянно умоляет их. Все четверо получали искреннее удовольствие от её грязного унижения. Эти четверо молодых изуверов упивались своей безграничной властью над обнаженной, избитой и связанной девушкой.

Я не могла и не хотела больше на это смотреть! Я замотала головой, зажмурилась... Я хотела прекратить этот ужас! Но я слышала их жестокий хохот, я слышала плач Валентины и её дрожащий голос:

— Не надо... не надо... пожалуйста!.. Не надо!..

И следом, как удар хлыста, грянул свирепый крик совсем молодого Ореста Гольшанского:

— А ну заткнись, тварь! Ты сегодня предмет общего пользования! Поняла меня?! Поняла?! Ты будешь делать, всё что тебе скажут! Поняла меня! Поняла?! Он начал бить её. Просто молча, с ожесточением избивать несчастную девушку, а его друзья лишь аплодировали ему.

Я больше не могла терпеть... Это было невыносимо! Это было невозможно! Чудовищность происходящего прожигала душу и сердце, вызывало кошмарное потрясение и паническую истерику.

Я не могла...

— Ника! Лазовская!

Я несколько раз удивленно моргнула, я вновь была в реальности. Директор легонько тряс меня за плечо, стоящие рядом завучи смотрели с изумлением и беспокойством. Орест Гольшанский улыбался... И его переполненная фальшивой любезностью и добротой улыбка вызывала у меня отвращение.

— Ника, отпусти кубок, — прогудел мне на ухо директор.

Я опустила взгляд на свои руки, я и Орест — оба держались за кубок.

Я поспешно убрала руки и потупила взор. Стало жутко неудобно и стыдно, я отчетливо представляла, как глупо выгляжу со стороны.

Я украдкой оглянулась, быстро поймала на себе несколько взглядов с зрительских трибун и тут же, отведя взор, встретилась взглядом с Орестом. Противная улыбка не сходила с его губ.

— Благодарю, — произнес он, слегка покачав в руках врученный мною презент. —

Очень приятно принимать такие душевные подарки, да ещё из рук столь очаровательной юной фигуристки.

Я поспешно кивнула, ощущая, как от звука его голоса мне становится не по себе. Я смотрела на него и вспоминала, как он с друзьями измывался над Валентиной, над матерью маленькой Рады. И ни он, ни его друзья так и не понесли за это наказания! Почему?.. Почему так происходит? Почему в нашем мире так часто творится абсолютно безнаказанное зло? Если в мире есть справедливость, светлые и темные силы, если есть добро и зло, почему те, кто творят подобные вещи, совершают такие тяжкие преступления, так часто остаются на свободе, не понеся никакого наказания?

Меня угнетало тягостное чувство чудовищной несправедливости и осознания безнаказанности всякого рода подонков в человеческом обличье!

Когда мне, наконец, разрешили уйти со сцены, я сама не своя от новых сведений поднялась на зрительскую трибуну и села рядом с Мироном.

Зубатый, явно красуясь перед друзьями и (ну конечно же!) перед парнями нашей школы, показательно обнял меня и поцеловал в щеку. Я перевела взгляд на Ореста и тут же отвернулась, потому что Гольшанский опять смотрел на меня. Пока Станислав Владимирович заканчивал свою речь, Орест продолжал пялиться на меня и странно ухмыляться. Он ведёт себя так, как будто что-то такое знает, о чем я даже не догадываюсь.

После праздничной речи трибуну быстро убрали, Гольшанский и его свита уселись вместе с директором на обособленных местах в первых рядах. А на поле вышли судьи и несколько старшеклассников, они быстро приготовили пол к баскетбольному матчу.

Я заметила Лерку и Лёву, которые сидели на другой зрительской трибуне. Лерка что-то быстро говорила Синицыну, а тот с недовольным выражением лица молча кивал. Перехватив мой взгляд, Лерка немедленно и взволнованно замахала мне рукой. Я, вымученно улыбнувшись, все ещё ощущая на себе пристальный взгляд Ореста Гольшанского, помахала ей в ответ. Я старалась не думать о том, как выгляжу в глазах всей школы, сидя на трибуне болельщиков противоположной команды. Я очень искренне надеюсь, что меня за это потом не повесят.

Когда поле было готово, главный судья жестом показал игрокам обеих команд, чтобы они готовились. Мирон и остальные «аллигаторы» поднялись со своих мест, снимая куртки с гербами. Их тренер ободряюще захлопал в ладоши:

— Так, собрались! Никому не расслабляться!

Мирон уже в майке и шортах наклонился ко мне для поцелуя. Я, застеснявшись, сперва подалась назад — мало того, что я села на другую трибуну, так ещё и показательно целуюсь с игроком команды противника.

Но потом я передумала: «Ой, да и ну и что! Пусть думают, что хотят!..»

Я сама подалась вперёд и позволила Зубатому поцеловать меня. Поцелуй вышел долгим, жарким и гораздо более откровенным, чем мне бы хотелось. Ну и пусть.

Мирон счастливо улыбнулся мне и побежал на поле к своим. Я смотрела на него, жизнерадостного и улыбающегося, и его счастье передавалось мне. Я чувствовала на себе десятки возмущенных взглядов с противоположной трибуны, но мои отношения с моим парнем их не касаются. А баскетбол — это спорт, а не война (хорошо бы ещё, чтобы все это знали и понимали).

Через несколько секунд прозвучал свисток судьи, и игра началась.

Матч проходил бурно, с яростными и громкими криками на обеих зрительских

трибунах.

Я опасалась смотреть в сторону Ореста, я боялась вновь поймать на себе его взгляд. Но я не могла его не чувствовать. Казалось, Орест Гольшанский, каким-то непостижимым образом мог *касаться* меня взглядом. И от этих мыслей становилось страшно. Страх вязкой тяжелой массой наваливался на меня, затуманивал сознание и стискивал легкие. Но я показательно радовалась, иногда кричала вместе с другими болельщиками «аллигаторов и старательно аплодировала, когда Мирон забрасывал мяч в кольцо. В кольцо сборной по баскетболу нашей школы. М-да... Чувствую, я за это позже непременно поплачусь.

Аллигаторы выиграли. Нет, не просто выиграли, это был разгром!

Семьдесят два — двенадцать. Полное уничтожение сборной двести восемьдесят второй школы. Если у нас воспримут это слишком болезненно, я, пожалуй, «заболею» на недельку, чтобы ни у кого не возникло соблазна выместить на мне раздражение за проигрыш наших баскетболистов.

Когда игра закончилась, трибуна, на которой я сидела, взорвалась победными криками и аплодисментами. Кто-то даже взорвал над головами несколько хлопушек, засыпав ряды со зрителями разноцветными блестящими конфетти.

Мирон на радостях заключил меня в свои объятия. Обнимая Зубатого, я старалась не обращать внимания на резкий, солёный запах пота, который его окружал. Он был так счастлив и так радовался своей победе, что я не посмела от него отстраниться или, тем более, указать ему на его конфуз.

— Ты видела?! Видела, как я забросил последних два мяча?! А?! — восторженно, с нескрываемой радостью, спросил меня Мирон.

Его глаза горели, светились счастьем. Он весь сиял, как и вся их команда. Команду и болельщиков «аллигаторов» охватила победная эйфория.

После игры я хотела поговорить с Лерой и Лёвой, мне нужно было многое им рассказать. Но мне пришлось остаться с девушками других баскетболистов, пока сами «аллигаторы» отправились в душ.

— А твой сегодня молодец, — с какой-то хитровой улыбкой заметила стоящая рядом со мной Инга.

Сегодня она была одета куда проще, чем на прошлом матче «аллигаторов», в полосатый пуловер и тёмные джинсы.

— Да, видно, у него было вдохновение, — согласилась я.

— Интересно, — лукаво протянула Инга, — что или, может, кто его так вдохновил? А?

Я смущенно улыбнулась и отвела взор.

— Знаешь, — проговорила вдруг Инга, — ты совсем не похожа на прежних девушек Мирона.

Я с интересом взглянула на неё. Я как-то совсем забыла, что эти девушки вполне могут знать Мирона гораздо дольше, чем я. Осознание этого, к моему удивлению, вызывало у меня неловкость и одновременно что-то похожее на ревность. Знаю, глупо, но мне было неприятно, что Инга или другие девушки баскетболистов могли знать о жизни Мирона больше меня.

— Я знаю, что до меня у него было достаточно... отношений.

— Достаточно? — засмеялась вдруг Инга и посмотрела на других девушек.

Те тоже в ответ захихикали. Звук их смеха вызвал у меня растерянность, я не знала, как себя вести, и что означает такой их смех. Почему, чёрт возьми, нельзя просто сказать, вместо

того, чтобы глупо хихикать надо мной?

— Да Мирон менял девчонок, как аватарки в Инстаграме, — в глазах Инги я увидела странное торжество, а её улыбка имела привкус яда.

Другие девушки по-прежнему хихикали за моей спиной.

— Обычно все заканчивалось после первого-второго раза, — чуть поморщившись, ответила Инга, — Зубатый не создан для долгих и серьёзных отношений.

— Первого-второго раза? — переспросила я. — Вы про...

— Ага, про это, — кивнула Инга, — Так что, если хочешь его удержать, оттягивай момент, как можно дольше.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Я хотела что-то ответить, но мне было тяжело сформулировать какие-то мысли. Похабный намёк Инги потряс и выбил меня из колеи. И всё, что я могла, это, пребывая в стыдливом замешательстве, слушать обидные смешки Инги и других девушек.

Я вдруг поняла, что мы с ними вряд ли когда-то, во всяком случае по-настоящему, сблизимся. Я всегда буду для них чужая и не такая, как они все. И сейчас Инга провела довольно заметную грань, отделяющую меня от их компании. Мне довольно прозрачно дали понять, что я в их компании ненадолго. Собственно, до «первого-второго раза», если я правильно поняла скотский намёк Инги.

— Мне нужно позвонить, — проямлила я, чувствуя, как пылают щёки.

Девчонки в ответ рассмеялись пуще прежнего.

Глотая чувство обиды, я отделилась от них и прошла дальше по просторному школьному вестибюлю.

Все вокруг только и делали, что обсуждали только что закончившийся матч.

Я достала телефон и начала для виду листать меню. Никому звонить я не собиралась. Всё, что я хотела, это дождаться Мирона и провести остаток дня с ним.

Сильнейший толчок в спину, заставил меня упасть на колени. Я успела кое-как сгруппироваться, но всё равно достаточно больно ударилась левым коленом и локтем. Раздался чей-то смех, на меня с разным выражением уставились стоящие вокруг лица. Я ошарашенно оглянулась назад, возле меня стояли трое парней. Один из них, темноволосый здоровяк в футболке баскетбольной команды нашей школы, угрожающе нависал надо мной.

Я отлично знала его, как и вся наша школа, это был Лёня Кравец, парень нашей школьной королевы Веры Кудрявцевой.

— Ну что, Лазовская? — с нескрываемой злостью прорычал Кравец, — Давно ты с этими ящерицами облезлыми спуталась, а?! Чё молчишь, курица?!

— К-кравец... — выдохнула я. — Ты что, сдурел?! Что ты делаешь?!

Я поднялась с полу, и он шагнул ко мне. У меня упало сердце, я вся сжалась в тени обозленного парня.

— Я сдурел?! — прорычал он, глядя на меня. — А то что ты, как шалава, чужим продалась, это, по-твоему, нормально?! Я остолбенела, шокировано глядя в перекошенное от гнева лицо Лёни.

— Что... Что ты сказал?.. — проговорила я дрогнувшим голосом.

Пугливая дрожь прокатилась по всему моему телу, усиливающееся чувство опасности взбиралось по животу, выползло на грудь и комком застревало в горле.

— Ты... Т-ты что... — не находя слов, чувствуя выступающие на глазах слёзы, тихонько спросила я.

— Я сказал, что ты, Лазовская, как последняя ш**ра своих предала и под этих, чёрно-желтых, послушно легла!!! — проорал мне в лицо взбешенный Кравец.

Я в страхе отступила от него. Я была уверена, что Леонид сейчас меня ударит. Двое его друзей встали по обе стороны от меня.

— Это что это здесь происходит такое, я не поняла?! — раздался вдруг возмущенный голос Лерки.

Логинова и Синицын протиснулись через кольцо «зрителей», которые стояли вокруг. Лера увидела меня и Леонида, решительно подошла и встала между нами, повернувшись лицом к Кравцу. Лерка была заметно выше, чем я, и могла смотреть в глаза Кравцу с меньшей разницей в росте.

Синицын, не мешкая, встал рядом с Лерой. Они вдвоем закрыли меня от Кравца с его друзьями.

— Какие проблемы, Лёничка? — ядовито и с претензией спросила Лера. — Гормоны разыгрались или силушку удалую показывать больше не на ком? Так у нас, вроде, новые первоклассники скоро придут, тебе будет, где разгуляться! Чтобы тебя боялись и никто сдачи дать не мог...

— Слышь!.. — прорычал взбешенный словами Леры Кравец, — а ну-ка...

— За углом поспишь! — рявкнула на него не менее обозленная Лерка. — Пошёл вон отсюда!

Кравец нехорошо усмехнулся.

— Вот значит как? — ощерился он. — Вы против своих, значит, пошли?

— Чего? — поморщилась Логинова. — Ты где здесь своих нашел, окорок перекачанный?

Вперёд выступила рассерженная Кудрявцева со своей неусыпной свитой прихлебательниц:

— Ты, что о***нела, Логинова?!

Верка готова была глазами сжечь Леру.

— Говорильник залепи, — процедила Логинова.

Моя подруга, как всегда, в любых накаленных ситуациях агрессивно ошетижилась и приготовилась сразу ко всему.

Я заметила, как Лёва, в свою очередь, осторожно достал из кармана темный предмет, до ужаса напоминающий шокер. Но тут через круг зевак прошли ребята из «Аллигаторов» и их болельщики. Рядом со мной встал Мирон и приобнял за плечи. Я с готовностью прильнула к нему, чувствуя себя гораздо более защищенной. Зубатый показательно оставался спокоен и холоден, но я ощущала бушующий внутри него гнев.

Гневные эмоции буквально штормили в душе парня, вокруг него ощутимо и пружинисто пульсировало некое угрожающее и давящее чувство. Мирон был настроен решительно, и я вцепилась в его левую руку. Я догадывалась, что сейчас может произойти, и это было бы худшим развитием событий.

Но Зубатый уверенно высвободился от моих рук, выступил вперёд и поравнялся с Кравцем. Он был повыше него, но тот выглядел более коренастым, плюс я увидела, что Лёня незаметно надел на левую руку кастет.

Меня обступили парни в черно-желтых куртках — игроки и болельщики «Аллигаторов». Один из них по фамилии Комаров, друг Мирона по команде, легко и незаметно оттеснил меня назад.

— Тебе лучше уйти отсюда, — произнёс он.

Его слова только ещё больше взволновали меня. Я чувствовала стремительно собирающуюся в воздухе грозу. Я завертела головой в поисках учителей. Я понимала, что нужно позвать кого-то из преподавателей или завучей, пока не стало слишком поздно. Но тут кто-то схватил меня за руку и потащил подальше от столпившихся в вестибюле парней. Это была Лера. Логинова с сосредоточенным и нахмуренным лицом быстро шагала вперёд.

— Лера... — попыталась было сопротивляться.

— Роджеровна, не упирайся, — не оборачиваясь бросила Лерка, — ты не видишь, что начинается? Сейчас, наверняка, драка будет!

— Лера, нужно кого-то позвать! — я попыталась остановить её, но Лерка физически была сильнее меня, и остановить её или вырваться из её захвата для меня не так-то просто.

— Кого ты собралась звать?! — скривилась Лерка, — Учителя все заняты, умащивают этого богатого козла Гольшанского.

— Но там Мирон... — жалобно проговорила я.

— И он отлично сумеет за себя постоять, не сомневайся, — качнула головой Лерка.

И в этот миг позади раздал чей-то крик. Затем ещё один, кто-кто выкрикнул ругательство. Я порывисто обернулась и увидела плотную толпу парней. В вестибюле первого этажа поднялся хор яростных криков. Видя, как парни отчаянно, с нескрываемой злостью бьют друг друга, я прижала руки ко рту и испуганно попятилась.

Происходящее походило на безумие. Массовое, яростное и беспощадное безумие! Они били друг друга с такой выразительной злостью, как будто перед ними были заклятые враги!

Стоящая за моей спиной Лерка грязно выругалась. Драк она боялась куда меньше, чем я, и была готова на конфликт, только если есть перспектива оттянуть за волосы кого-то вроде Верки Кудрявцевой.

— Лера... — в ужасе проговорила я, — нужно что-то делать... Сама не зная, что я собираюсь предпринимать, я ринулась вперёд. Но Логинова быстро схватила меня за плечи.

— С ума сошла?! — прикрикнула она на меня. — Куда ты лезешь?! Хочешь тоже от кого-то случайно получить?! Прибьют и не заметят! Это же пацаны...

— Да они же поубивают друг друга! — едва не плача от отчаяния воскликнула я.

Я попыталась вырваться, но Лерка держала меня крепко.

Через несколько минут вдруг в вестибюле появились все четверо наших учителей физкультуры. Они все — бывшие спортсмены, пусть и немного располневшие. Увидев творящийся в стенах школы всеобщий хаос, физруки решительно ринулись в гущу «баталии». Им помогли ещё несколько парней из старших классов. Ретивых драчунов растащили в разные стороны, а особо беспокойных вразумили увесистыми затрещинами.

И тут над школой раздался отчаянный крик:

— Позовите доктора! Скорую! Быстрее!!!

Я мгновенно узнала голос — Мирон! Я вырвалась из рук Леры и, игнорируя её крик бросилась на голос Зубатого. Через силу расталкивая парней и протискиваясь между ними, я подбежала к Мирону и замерла в ужасе.

Мирон стоял на коленях на полу, держа руками голову своего друга и товарища по команде Комарова. Тот лежал, закрыв глаза и не подавая признаков жизни, на животе у него, поверх черно-желтого бомбера темнело багровое пятно. Я заметила кровь на левой руке Мирона, которой он пытался зажать рану друга. Я торопливо достала телефон и быстро набрала номер скорой помощи.

К школе через некоторое время приехала не одна, а целых восемь машин скорой помощи, плюс ещё четыре машины полиции с небольшим подразделением «ОМОН».

У Инги, которая была девушкой Комарова, случилась самая натуральная истерика, она расплакалась, сотрясаясь в рыданиях, а после и вовсе упала в обморок. Комарова срочно отправили больницу на одной из машин. Мирон решительно напросился ехать с ним, я, слёзно умоляя доктора, выпросила разрешение присоединиться.

Пока мы ехали, я молча держала Мирона за руку. Иногда его пальцы слишком крепко, до боли сжимали в ответ мою ладонь. Я морщилась, но терпела, ощущая страх за друга, который терзал и ужасал моего парня.

Я видела, как врачи отчаянно боролись за жизнь Комарова в машине скорой. Пока мы ехали, у парня дважды останавливалось сердце! Я только диву давалась решительности и профессионализму врачей обычной скорой помощи!

Когда мы приехали в больницу, Комарова немедленно увезли в операционную, а мы с Зубатым остались ждать. Мирон сидел с отстранённым взглядом, вид у него был мрачный и отрешённый. Я по-прежнему держала его за руку, и его пальцы сильно, иногда слишком сильно, стискивали мою ладонь. Я положила голову ему на плечо.

Перед глазами полыхнул свет, и передо мной живо пронеслись несколько эпизодов из жизни Зубатого.

Леонид Комаров был не просто одним из игроков «Аллигаторов», этот парень пришел в команду вместе с Мироном. Мальчики почти сразу сдружились, и во многом благодаря их совместному рвению «Аллигаторы» начали вырываться вперёд в турнирной таблице России, а после и за рубежом. Эти два игрока в баскетбол и одни из лучших студентов колледжа МЧС вместе прошли через огромное количество трудностей и невзгод, поддерживая друг друга. И вот сейчас Мирон со всей тяжестью осознавал, что может лишиться верного товарища и соратника, которого знал со школы.

После увиденных воспоминаний Зубатого, я проникалась к нему ещё большей жалостью. Положив голову ему на плечо, я успокаивающе прошептала:

— С ним всё будет в порядке.

Мирон шумно и протяжно вздохнул.

— Он столько крови потерял!..

— Когда у человека открытая рана, — проговорила я вдруг, — визуально часто кажется, что он теряет гораздо больше крови, чем на самом деле.

Мирон чуть шевельнулся, я быстро убрала голову с его плеча и посмотрела на него. Зубатый смотрел на меня со смесью тревоги и удивления.

— Откуда ты это знаешь?

Я посмотрела в его серо-зеленые глаза. Хотела бы я рассказать ему правду, но я твёрдо знала, что посторонним, не участвующим в расследованиях Стаса и его группы, лучше оставаться в неведении. Ради их же блага.

— Да так... — замямвшись промямлила. — Читала...

Как всегда, враньё давалось мне с трудом.

Мирон внезапно с чувством обнял меня и притянул к себе.

— Спасибо, что поехала со мной, — проговорил он.

Я почувствовала, как он прикасается губами к моим волосам.

— Я не могла по-другому... — проговорила я, чуть вздохнув.

— Знаю, — шепнул он ласково.

Я чувствовала и слышала, как часто и гулко бьется его сердце. Как мне хотелось забрать хотя бы часть его страха за друга. Мне бы очень хотелось, чтобы он поделился со мной все, что сейчас испытывает, чтобы это не терзало только его одного.

По больничному коридору зазвучали быстрые гулкие шаги. Я взглянула в сторону этих звуков и увидела спешно шагающих троих полицейских.

У меня в груди тревожно екнуло сердце, я почувствовала нечто схожее с тем, что мы обычно ощущаем, когда видим внезапные грозовые тучи на горизонте — тревожность и неприятное волнение. Полицейские подошли прямо к нам и остановились. Мирон отпустил меня, и я медленно отстранилась.

Один из полицейских, по виду самый главный, выступил вперед и грубо спросил Мирона:

— Ты Мирон Зубатый?

— Да, — осторожно ответил мой парень. — А что...

— Собирайся, поедешь с нами, — сказал полицейский, у которого на каждом плече было по одной звёздочке.

— А в чём дело? — возмутился Мирон.

Я переводила встревоженный взгляд с Зубатого на стоящего перед ним полицейского. Тот поджал губы.

— Мы получили устные свидетельства, что ты участвовал в массовой драке и попытался зарезать Леонида Комарова.

— Что?! — повысил голос, разозлившийся в миг Мирон. — Вы чё охренели?! Он мой друг!

— Ты голос сбавь, пацан! — рявкнул на него полицейский.

— Извините, пожалуйста, — попыталась встрять я, — но то, что Мирон и Леонид — лучшие друзья, подтвердит, кто угодно.

— Лучшие друзья нередко становятся злейшими врагами, — не глядя на меня, ответил полицейский.

Он приблизился к Мирону, прожигая его глазами.

— Поехали, парень. И давай без глупостей.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что они не могут вот так по чьему-то навету приезжать и забирать людей, но полицейский жестко осадил меня:

— А ты заткнись и не лезь.

— Не смейте с ней так разговаривать, — прорычал Мирон.

— Тогда поехали с нами, и избавишь свою девчонку от моего общества, — произнес полицейский со звездами на плечах.

Зубатый поджал губы и оглянулся на меня.

— Всё в порядке, принцесса.

Я в испуге глядела на него и не могла поверить в происходящее.

Стоя посреди коридора больницы, я обескураженно взирала на то, как трое сотрудников полиции уводят от меня Мирона. И мне казалось, что по мере того, как он уходит всё дальше, свет вокруг меня тускнеет и меркнет. Я должна была что-то сделать, но я понятия не имела, что! Всё, что я могла, это бессильно в ошеломлении смотреть, как его уводят.

Когда Мирон в сопровождении полицейских подошел к дверям в конце коридора, он вдруг обернулся. У меня замерло сердце, когда я перехватила его взгляд. Зубатый

обнадеживающе с показательной самоуверенностью усмехнулся мне и вышел вместе с полицейскими.

Он скрылся за дверями, а его улыбка ещё долго сияла перед глазами. Это как в жаркий солнечный день взглянуть на солнце, а потом закрыть глаза и продолжать видеть слабеющий огонёк света. Но он всё равно неумолимо исчезнет.

За моей спиной кто-то с нескрываемым ехидством прокашлялся.

Я, всхлипнув, обернулась и увидела стоящего у стены Евсея Карабанова. Он, сложив руки на груди, опёрся плечом на стену и насмешливо качая головой, смотрел вслед Мирону.

— Какая досада, — даже не пытаясь скрыть издёвки в своём голосе, с притворным вздохом проговорил Карабанов. — Такой молодой... блестящий ученик в колледже МЧС и почти что восходящая звезда баскетбола... И вот арестован за покушение на убийство собственного друга. Ай-яй-яй...

Я во все глаза ошеломленно, молча глядела на Карабанова. Он перевёл взгляд на меня, на его губах играла издевательская ухмылочка.

— Ты... — выдохнула я, внезапно поняв, кто на самом деле стоит за арестом Мирона. — Но зачем?!

Мой взгляд туманился от слёз и, казалось, на горле болезненно затягивается жесткая петля. Я шагнула вперёд, ощущая дрожь и слабость в ногах.

— Зачем? — почти шепотом повторила я, глядя заплаканными глазами на Карабанова. — За что?.. Зачем ты... Зачем ты это сделал?! Зачем?! Зачем?!!

Последнее слово я прокричала так, что из ближайших кабинетов выглянули врачи и с недоумением поглядели в обе стороны.

Когда доктора позакрывали двери в свои кабинеты, Карабанов чуть наклонился ко мне и прошипел, точно змей:

— Видишь ли, девочка, я быстро понял, что ты относишься к тем, кто переживает за свою судьбу гораздо меньше, чем за судьбу других, дорогих и близких людей.

Карабанов снова показательно вздохнул.

— И это качество всегда очень нравилось мне в людях, — он ухмыльнулся, — он делает таких, как ты, очень удобными.

— Сволочь... — выдохнула я со слезами. — Мерзавец!

— Да брось, — скривился Карабанов, — ты должна быть мне благодарна, что я выбрал твоего парня, а не твоего дядю Сигизмунда, например?

Я тяжело сглотнула, ощущение петли на шее усилилось. Мерзкая слабость и обманчивая легкость распространились по всему телу, отнимая силы и оставляя только смятение.

— Ты... ты отвратителен! — выдохнула я, гневно глядя в глаза Карабанову.

Но тому явно было всё равно, что я о нём думаю.

— Твоему парню светит колония лет на пять-шесть, как минимум. И ты, конечно, можешь смириться с этим, у тебя, я уверен, даже найдутся силы чтобы дождаться его. Но ты ведь должна понимать своей хорошенькой светловолосой головкой, что такие хорошие парни, как твой Мирон, в тюремной среде не выживают, а если и выживают, то меняются до неузнаваемости. И не в лучшую сторону.

Он снова вздохнул с фальшивым сожалением.

— Что поделать... тюрьма.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула.

— Но есть другой вариант, — тут же заговорил Евсей, — ты помогаешь мне в деле

Людмилы Елизаровой, я раскрываю его, а ты получаешь назад своего ненаглядного парнишку. Что скажешь?

Я открыла глаза, посмотрела на него. Он с безразличием глядел на меня в ответ.

— Хорошо, — лишенным жизни, едва слышным голосом слабо проговорила я.

— Хорошая девочка, — ухмыльнулся Евсей. — Пошли, не будем терять времени. У Мирона его не очень много...

Эпизод тринадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 25 января.

Стас с каменным лицом смотрел вниз из окна больничной палаты.

Там на заснеженном дворе показательно формировалась небольшая колонна из пяти автомобилей. ФСБ совместно с УГРО устраивало представление для Гудзевича, и Стас искренне надеялся, что этот подонок клюнет на данный спектакль.

Корнилову было неприятно видеть свой уезжающий вместе с колонной ФСБ-шников Land Rover. И он старался не думать о том, что сейчас кто-то другой сидит за рулём его автомобиля, кто-то другой сжимает руль его внедорожника и мнёт своей задницей водительское сиденье. Корнилов никогда не думал, что способен ревновать собственный автомобиль столь же рьяно, как и свою жену. Хотя он бы в жизни не позволил, чтобы к Рите прикасался кто-то другой, даже ради такой серьёзной операции.

— Стас... — прозвучал слабый голосок за спиной Корнилова.

Подполковник немедленно обернулся и встретился со взглядом голубых глаз Дианы. Девушка выглядела как будто сонной и непонимающе хмурила брови.

— Где я? — спросила она слабым голосом и попыталась сесть.

Стас быстро, но мягко присел рядом с ней и таким же мягким, но уверенным движением руки удержал её.

— Ты в больнице, — объяснил он, — и сейчас тебе не стоит делать резких движений.

Заходившие пару часов назад доктора предупреждали, что Диана должна скоро очнуться. Стас нажал кнопку вызова медперсонала, и через несколько секунд в палату вбежала взволнованная медсестра. Увидев очнувшуюся после комы Диану, она сама всё поняла и выбежала прочь, а ещё через минуту в палату широким, быстрым шагом вошёл курирующий Злотникову доктор.

Стасу пришлось прождать в коридоре не менее двух часов, пока Диану тщательно обследовали. Пока он ходил из стороны в сторону, нетерпеливо поглядывая на часы, к нему робкой походкой неожиданно подошел капитан Плотников. Увидев его, Стас остановился. Несколько секунд мужчины молча смотрели друг другу в глаза.

— Я не собираюсь извиняться, — произнес Корнилов, — я сделал то, что должен был.

— Да я и не ждал извинений, — пожал плечами Плотников, — я бы собственноручно Величко застрелил, если бы раньше узнал, что он...

Капитан не договорил, ему не хватило сил.

— Что он позорно продался бандитам? — Стас не хотел и не собирался смягчать действительность.

В том, что Диана едва не погибла от руки предателя, затесавшегося в ряды местной полиции, он винил и Плотникова, и его руководство, и себя. Себя, наверное, даже ещё больше. Расслабился... Доверился...

И бедная девочка едва не поплатилась за это жизнью. Стас вряд ли смог бы когда-то себя простить, если бы опоздал. Если бы... Корнилов вспомнил того снегиря на подоконнике и его глаза. Это были её глаза, Вероники. Маленькие, птичьи, но её. Такие же

синие бездонные, глядящие с неподдельной искренней тревогой. Это она отвлекла Величко и дала шанс на спасение Диане.

— Колонна уже ушла? — кажется, капитану Плотникову хотелось убедиться, что Стас не держит зла ни на него, ни на ведомство местного УГРО, и он старался придать разговору как можно более миролюбивый непринужденный характер.

— Да, — сухо ответил Стас.

Общаться с Плотниковым ему не хотелось, и свое отношение он скрывать не собирался.

— Как Диана?

Почему-то этот совсем невинный, на первый взгляд, вежливый вопрос внезапно вызвал у Корнилова раздражение. Ему захотелось сорваться, выплеснуть наружу накопившийся внутри гнев и высказать Плотникову всё, что он думает по поводу качества работы ведомства Уголовного розыска Владимира. Но он сдержался. Стас в большинстве случаев всегда старался сдерживаться и сейчас также погасил готовую вырваться наружу ярость.

— Нормально, — рыкнул он, не глядя на Плотникова.

Тот, кажется, понял, что Стас не настроен на мирную и дружелюбную беседу.

— Я вообще зашел пожелать вам удачи... — проговорил капитан.

— Спасибо, — холодно ответил Стас, всё также не глядя на Плотникова.

Корнилов опасался, что тот сейчас протянет ему руку для рукопожатия, но капитан, видимо, и сам отлично понимал, что сейчас для этого не лучший момент, мягко говоря. Ничего более не сказав, он развернулся и молча ушёл. Корнилов вздохнул, кипящее внутри недовольство стихло с уходом Плотникова. Теперь Стасу ничего не могло помешать продумывать дальнейшее развитие событий и одновременно мысленно ругать себя за беспечность, которая едва не стала роковой.

Через несколько минут к нему подошел лечащий доктор Дианы и, стараясь скрыть ворчливое недовольство, проговорил:

— Мы проверили девушку, рана заживает хорошо, каких-то патологий после выхода из комы не выявлено, но я по-прежнему заявляю, что ей нужен полный покой.

— Если так, — Стас посмотрел на врача, — то я тем более вынужден её забрать отсюда.

— Господин подполковник...

— Доктор, Злотникову хотят убрать, — перебил Корнилов врача. — И судя по тому, что я видел, личности, которые этого жаждут, ни перед чем не остановятся.

Стас сделал выразительно ударение на слове «ни перед чем». Доктор откашлялся и кивнул.

— Как скажете, — проговорил он.

Через полчаса переодетый в белый халат Стас под видом доктора «уехал» на машине скорой помощи, якобы сопровождая тяжело больного «пациента» в иное медицинское учреждение. Под видом пациента мужского пола была, конечно, Диана. Девчонка оказалась крайне упрямой и позволила только наклеить себе усы и загримировать должным образом, но наотрез отказалась стричь волосы. Она прямо заявила Стасу, что если он сделает это силой, она ни за что и никогда ничего не скажет ему про «поклонника» Людмилы Елизаровой. Скрипя зубами, Корнилов вынужден был согласиться на её условия. Они выехали на автомобиле с включенными сиренами и спешно помчались прочь от больницы. Всю дорогу Стас то и дело поглядывал в окна, но вроде бы никакого «хвоста» не заметил. Корнилов в душе не слишком верил, что псы Гудзевича попадутся на устроенной ФСБ представлении, но видимо он переоценил умственные способности бандитов.

Примерно через полчаса езды они остановились на неприметной загородной территории. Это был довольно зловещего вида пустырь, рядом с которым находилось два каких-то полуразрушенных здания. В небе послышался стучащий гулкий звук. Подняв взгляд, Стас увидел приближающийся к ним транспортный вертолёт.

— Надо же, как подсуетились, — проворчал Корнилов, глядя на подлетающий к ним «Ансат».

Из машины скорой помощи Диану столь же осторожно, как и прежде, переместили в кузов вертолёта. Девушка заметно перепугалась, и едва Стас оказался рядом, она схватила его за руку. Стас не удержался от улыбки, глядя на перепуганное лицо девушки и то, с какой надеждой она вцепилась в него.

— Ты никогда раньше не летала на вертолётах? — спросил Стас и только потом понял, что такой опыт вообще отсутствует у подавляющего большинства людей.

Судя по тому, как ретиво закивала Диана, она не то что не летала, девушка даже не представляла, что когда-то может полететь на борту винтокрылой машины.

Они взлетели без происшествий. Кроме Стаса, Дианы и пилота, в вертолёте так же находились и двое бойцов спецназа при полной амуниции.

Стас вздохнул с облегчением, лишь когда они долетели до столицы и приземлились в назначенной точке.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 25 января.

Снег засыпал город с самого утра. Зимней стихии словно было недостаточно, что столица и так уже утопала в сугробах, и потому она решила во чтобы то ни стало превратить её улицы в абсолютное снежное царство. Однако работающие по всему городу снегоуборочные машины сводили все её усилия на нет.

Я, натянув на голову капюшон, понуро плелась к автобусной остановке. Мысли были заняты переживаниями за судьбу Мирона. Я сама от себя этого не ожидала, но я просто сходила с ума от отсутствия возможности банально позвонить Мирону. Я полночи плакала от невыносимого страха за Зубатого. Подумать только! Его, Мирона, в тюрьму! Да ещё с обвинением в попытке убить своего лучшего друга! Капитан Карабанов настоящий моральный садист! От бессильного сострадания к моему Мирону я все выходные то плакала, то впадала в отстраненную прострацию, пытаюсь понять, что мне вообще делать. Но, как я ни старалась, ничего дельного в голову не шло. Поэтому сегодня утром, не обращая внимания на угрожающие предупреждения и рьяные отговоры Лерки, я собралась и пошла к месту, где Карабанов назначил мне встречу. Это была обычная автобусная остановка. Когда я подошла сюда, погруженная в тягостные раздумья, здесь стояло всего четыре человека. Все они нетерпеливо поглядывали в сторону, откуда должен появиться их транспорт. Я встала под крышей остановки, перевела взгляд на тлеющий в снегу окурок. Кто-то явно очень спешил, пытаюсь попасть в стоящую совсем рядом урну.

Я вздохнула, посмотрела на снег, снегопад неумолимо и неизменно насыпал все новые и новые горки сугробов. Я безучастным взглядом следила за кружащими на ветру белыми мушками. Переживания и страх за Мирона сменились удручающей и опустошительной апатией. И эта ледяная отстраненность напугала меня ещё больше, я быстро замотала

головой, возвращая себя в реальность. Я снова в который раз быстро прокрутила в голове возможные варианты решения сложившейся ситуации.

Но их было не так много, собственно, все они сводились к тому, чтобы попросить помощи у генерала Савельева. Но меня все время останавливал тот факт, что Карабанов служит в другом ведомстве, и вряд ли генерал Савельев сумеет решить проблему так, чтобы при этом не пострадал Мирон. Теоретически, конечно, у него получится заставить руководство Следственного комитета приструнить и наказать своего офицера, но стопроцентной гарантии, что при этом не пострадает Мирон, нет.

Другое дело, что я не знаю, что сделает капитан Карабанов, когда я помогу ему выйти на след Людмилы Елизаровой. Я отлично понимала, что такой жестокий и беспринципный человек, если пожелает, с легкостью убьёт меня, тихо и без свидетелей, чтобы я никому ничего не рассказала. А затем и с Мироном случится какой-нибудь «несчастный случай». Опасений добавлял ещё тот факт, что Карабанов поставил условие: я должна быть одна, никому не говорить, куда и с кем я отправилась (что я уже нарушила, сказав правду Лерке), оставить мобильный телефон дома, и «не дай бог», если он обнаружит на мне какую-то прослушку или следящее устройство.

Пока я раздумывала, передо мной вдруг остановился неприметного серого цвета УАЗ «Патриот». Стекло дверцы, вместе с моим отражением, съехало вниз, и я увидела сидящего за рулем Карабанова.

— Прыгай, — едко усмехнувшись, произнес он. — Чем быстрее начнем, тем быстрее увидишь своего парнишку.

Я сглотнула комок в горле и подошла к автомобилю.

Мы ехали в молчании. Тишину нарушал лишь размеренный и монотонный гул мотора. За окнами УАЗа в обратную сторону «текли» заснеженные улицы.

Я подчёркнуто смотрела только вперёд и старательно пыталась унять овладевающую мною дрожь. Мне было страшно! Я совершенно не представляла, что меня ждёт после того, как я помогу этому подонку в его гребаном расследовании. И чего он так вцепился в это дело? Неужели у него какие-то личные мотивы в расследовании об исчезновении Елизаровой? И если да, то какие? А может, он просто хочет получить повышение за раскрытие этого дела? Может, всё дело в фанатичной жажде карьерного роста? Чёрт его знает...

Я вспомнила, как видела Людмилу или кого-то очень на неё похожего в городе, когда я сбежала с баскетбольного матча. И до сих пор я ни слова не сказала об этом Карабанову. Я не могла объяснить, но какое-то внутреннее чувство предостерегало меня от этого. И это же необъяснимое чувство говорило, что Карабанов не должен раскрыть это дело. Но если он его не раскроет с моей помощью, расплачиваться за это будет Мирон. А потом и я. Или наоборот. Я не знаю, что делать...

Я увидела, что Карабанов вдруг сбавил скорость и свернул с главной дороги. Я оторопела и затаила дыхание, когда увидела, что мы не спеша, плавно заезжаем на заставленную гаражами территорию. Здесь вовсю властвовало холодное, снежное безмолвие. Засыпанные снегом гаражи, казалось, таяли в туманно-белой пелене снегопада. И вокруг — ни души, ни одного прохожего, даже бездомной кошки и собаки, никого. словно мы вдруг оказались в каком-то жутком параллельном мире, где нет ничего живого, нет звуков, и даже отсутствует время. Мир, которому чуждо всё живое, мир в котором давно умерли все чувства

и эмоции.

Я обеспокоенно, со страхом, окинула взглядом дорогу вдоль гаражей. Я надеялась увидеть хоть кого-то, но мы были здесь одни. Я была одна наедине с опасным и непредсказуемым человеком.

Карабанов остановил машину и заглушил двигатель. Я увидела, что он смотрит на меня, и боязливо взглянула на него в ответ. И без того частые удары моего сердца превратились в беспорядочные бешеные фанфары.

— Вылезай, — велел Карабанов.

Я замешкалась, и он нетерпеливо рявкнул:

— Живо!

Я вздрогнула, сердце подскочило и едва не застряло в горле, пронизывающая вены и артерии дрожь прокатилась по телу. Двумя руками с дрожащими пальцами я открыла дверцу и выбралась наружу. Повеяло холодом, ветер швырнул в меня горсть снега.

— За мной, — велел Карабанов, оглядев округу. — Быстро!

Я не посмела спорить с ним, хотя была уверена, что мне нужно бежать. Я с трудом удерживалась, чтобы не рвануть от него со всех ног. Но, во-первых, он меня, скорее всего, догонит, а во-вторых, даже если мне удастся убежать, страшно и подумать, что ждёт Мирона.

Он открыл один из гаражей, заставил меня зайти внутрь и сам зашёл следом. Я оглядела помещение. Ящики, коробки, инструменты на стенах и всякое прочее барахло.

Карабанов закрыл за собой двери и повернулся ко мне. Пару секунд он странным изучающим взглядом осматривал меня, а затем шагнул, заставив меня в страхе попятиться, и процедил:

— Раздевайся. Быстро!

Меня сковал и парализовал ужас! Кровь интенсивно застучала в висках, я всхлипнула, испуганно глядя на приближающегося Карабанова.

Так он привёз меня сюда, чтобы... Я не могла в это поверить. Я не хотела верить, что всё может вот так произойти. Что я по глупости попала в лапы этому ублюдку! От невыносимого ужаса неминуемой участи я расплакалась.

— Чего ты реवेशь?! — прорычал подступающий ко мне Карабанов. — Давай уже раздевайся. Быстрее начнём, быстрее закончим. Не тяни время, дура!

— П-пожалуйста... — пролепетала я в ужасе со слезами на щеках. — Вы... вы н-не говорили, что... что вы...

Я не находила слов, от страха у меня всё затуманилось в голове, я ничего не соображала. У меня исчезли все мысли, и осталось только одно заветное желание — оказаться как можно дальше от Карабанова.

— П-пожалуйста... — отчаянно молящим голосом пропищала я в панике. — Не... не надо... вы...

Тут он потерял терпение, рванул ко мне и замахнулся кулаком. Я вскрикнула, вжалась в стену и отчаянно, беспомощно инстинктивно закрылась руками. Он взял меня за волосы, с ожесточением быстро намотал их на кулак, я закричала от боли.

— А ну-ка, — прорычал он мне в ухо, — живо скидывай одёжки, пока я сам с тебя их не сорвал! Считаю до трёх...

С этими словами он достал пистолет.

Я во все глаза в ужасе глядела на него и на оружие в его правой руке. Я поняла, что если не подчинюсь, он и правда может пристрелить

меня. А так... так, возможно, он оставит меня в живых. По крайней мере, мне очень хочется в это верить. Дрожащими руками, стараясь не думать о том, что произойдёт дальше, я расстегнула куртку.

Я давилась тихими рыданиями, от слёз всё расплывалось в глазах, руки не слушались, всё тело стало, словно деревянным и неуклюжим.

Не может быть... Не может быть, что со мной это произойдёт. Вот так... по-идиотски... по моей же собственной глупости... Могла ли я хоть на минуту предположить, что Карабанов захочет меня изнасиловать? Я была уверена, что его ничего кроме дела Елизаровой не интересует, что я ему нужна только для этого!.. А оказалось, что он ещё хуже, чем я предполагала...

— Давай быстрее, девочка, — поторопил меня Карабанов.

Бросив на него боязливый слёзный взгляд, я обреченно стянула с себя джинсы.

Не думать... Не думать о том, что будет дальше. Главное — просто выжить... Хотя бы выжить... пережить это... Господи... Я... я не могу, я не смогу! Не смогу!!!

Я сняла свитер и осталась в одном нижнем белье.

— Симпатичные трусики, — оценил Карабанов. — А чё ты трясёшься то? Ты что, решила, что я тебя сюда ***хать привёз?

Он пренебрежительно фыркнул.

— Расслабься, идиотка. Меня не тянет к малолеткам, да ещё к таким худющим плоскодонкам, как ты.

Его слова звучали ядовито, оскорбительно и были пропитаны уничижительным пренебрежением, но главное, что я смогла выделить, это то, что он не собирается насиловать меня. От этого стало немного легче.

— Давай всё остальное тоже на пол, — скомандовал Карабанов, сложив руки на груди. — Мне нужно быть уверенным, что на тебе точно нет ни жучков, ни каких-то прослушек. И давай без ложной скромности, девочка. Уверяю, у тебя под трусиками или под лифчиком нет ничего такого, чего бы я раньше не видел.

Это было слишком. Я не могла на такое решиться, но представив, как этот урод сам будет срывать с меня нижнее бельё, я содрогнулась не только от страха, но и от омерзения. Я сделала это. Пересилив себя, я сделала, как он сказал. Я полностью разделась и аккуратно сложила своё бельё на стопку своей верхней одежды.

Чувствуя, как холод скользит по коже, и стараясь не обращать внимания на похабную ухмылку Карабанова, я отвела взгляд в сторону.

— Руки опусти, — рыкнул он.

Ёжась от холода, я убрала руки от груди, опустив их вдоль тела.

— Отлично... повернись-ка, — сказал Карабанов, подойдя поближе.

Сторая от стыда и жгучего чувства унижения, я, тихо глотая слёзы, послушно обернулась. Мне нужно пережить это. Просто пережить. Пережить и... забыть.

Я почти физически ощущала, как сальный и наглый взгляд Карабанова касается моего обнаженного тела. Мне казалось, он буквально гладил меня своим взглядом и беззастенчиво «лапал» везде, где ему хотелось. Я не сомневалась, что Карабанов получает удовольствие от моего унижения. И хотя я многое готова простить любому человеку и забыть его проступки, собственное столь грязное и извращенное унижение я не смогу простить никому! И если мне удастся выжить, я всё сделаю, чтобы этого козла, как минимум, уволили из Комитета. Хотя я ещё и не представляю, как это сделать, и даже не знаю, позволит ли он мне выжить.

Евсей тем временем бестактно, с дотошностью осматривал мою одежду. Наконец он, убедившись, что на мне нет никаких подслушивающих устройств, небрежно бросил мне мою куртку и всё остальное.

— Всё, хватит тут вертеть своей задницей, — бросил он холодно, — одевайся уже.

Я немедленно бросилась к своей одежде на полу. Ощущая, как у меня пылают щеки, я стремилась, как можно быстрее скрыть своё обнаженное тело от насмешливого взгляда капитана Карабанова. Я дрожала от холода и пережитого кошмарного втапывания в грязь собственного достоинства! Мне хотелось в душ, в горячий тёплый душ, чтобы смыть с себя следы от «прикосновений» липкого взгляда Карабанова.

Когда мы выехали из гаража, снегопад заметно усилился. Движение на дорогах усложнилось, многие включили фары. Я ожидала (и надеялась), что Карабанов передумает в такую непогоду перетянуться, чёрт знает куда, но взгляд офицера Комитета оставался упрямым и тяжёлым.

Через некоторое время мы выехали из города, и за окном вырос зимний лес. А ещё примерно через час с лишним Карабанов заехал вглубь заснеженной чащи леса и заглушил двигатель. Несколько минут мы просто молча сидели в машине с работающими дворниками.

Карабанов тяжело вздохнул, чуть наклонился вперёд, судорожно стискивая руль. Я увидела, как он зажмурился и поморщился, едва ли не касаясь лбом руля. Я не понимала, что происходит. Казалось, у Карабанова внезапно наступил какой-то приступ боли или (вдруг!) резкие муки совести.

— Выходи, — не открывая глаз бросил он мне.

Опасаясь его разозлить, я поспешила выполнить его приказ и выбралась из УАЗа. Над нами возвышались темные ели со снежными шапками на лохматых ветках. Между еловыми ветками гневно завывал январский ветер, а над бугрящимися сугробами парили вихри метели.

Карабанов гулко хлопнул дверцей автомобиля, но звук металлического хлопка поглотил зимний ветер и утащил куда-то вглубь леса.

— Ну, чего встала? — спросил Евсей. — Давай...

Я непонимающе оглянулась на него.

— Что... О чем ты?

— Я не знаю, чёрт возьми! — он раздраженно развёл руками. — Давай делай, что нужно... Что ты обычно делаешь?! Как ты помогаешь Корнилову?!

Он не знал, что именно я умею, и заметно злился. Последнее может плохо кончиться как для меня, так и для Мирона.

Я оглядела запорошенную снежными сугробами небольшую опушку леса и спросила:

— Что это за место? Куда ты меня привёз?

Судя по выражению лица, Карабанова мой вопрос разочаровал.

— Ты прикидываешься?

— Нет, — я растерянно пожала плечами, — если ты хочешь, чтобы я тебе помогла, то объясни...

— Это место, где он убил её! — прорычал Карабанов. — Или, если я прав, попытался убить!

В глазах капитана Следственного комитета появился лихорадочный блеск.

Я отчаянно старалась держать себя в руках, но он невероятно пугал меня! И кругом только холодный и безлюдный зимний лес! Только снег, деревья и лёд! До ближайшего

населенного пункта километров шесть-семь, никак не меньше! То есть, даже, если я рискну попытаться убежать от Карабанова... далеко, тем более по таким сугробам, я точно не убегу.

Словно прочитав мои, Евсей достал свой пистолет и показательно передёрнул затвор. Говорить он ничего не стал, всё было во взгляде его глаз.

Я нервно сглотнула и отвела взор от его глаз. Не зная, что предпринять, я прошла вперёд. Промёрзлый снег хрустел и поскрипывал под ногами. Ледяные касания ветра неприятно гладили лицо, и мне пришлось накинуть капюшон своей парки.

Я слышала, как Карабанов, выждав, неспешно двинулся следом за мной. Его шаги звучали с мрачной вкрадчивостью, они были словно напоминание о том, что я не должна совершать никаких «глупостей».

Я и не собиралась сейчас бежать, я почти тактильно чувствовала целящийся мне между лопаток пистолет в руках Евсея. Всё, что я хотела, это пережить сегодняшний день и снова увидеть Мирона. Я настороженно ступала по заледенелому снегу и уже начинала ощущать, как насыщенный январским холодом воздух заснеженного леса изменяется. Это трудно объяснить, но воздух как будто становится плотнее, как будто наполняется какой-то тяжестью и делается словно более упругим, вязким и тягучим. Таким его делают витающие здесь воспоминания. Воспоминания обитают повсюду, я не всегда их вижу, но почти всегда чувствую и отчасти даже могу осязать.

И это место, эта покрытая холмистыми сугробами опушка была переполнена пережитыми эмоциями и мыслями. И чем дальше я шла, тем более явно чувствовала их.

Сквозь завывания ветра я услышала нарастающий шум автомобильного двигателя. Я замерла на мгновение, глубоко и судорожно вздохнула, а затем обернулась. В глаза мне ударил яркий свет подъезжающей машины. Нервно, часто и сбивчиво дыша, я увидела, как из остановившегося передо мной элитарного внедорожника выходят мужчина и женщина.

Я видела, как из бронзового Рендж Ровера вышел мужчина и достал из багажника автомобиля лопату. Он отошёл на несколько метров от внедорожника и начала быстро копать яму. Затем из автомобиля вышла женщина, точнее девушка, в которой я несмотря на слепящий свет фар машины мгновенно узнала Людмилу Елизарову.

Девушка держала на руках объемистый сверток из зеленого одеяла. Она подошла к яме, которую выкопал Сильвестр Гольшанский. Я услышала его жесткий и холодный голос:

— Сама, или я?

— Я сама, — всхлипнув, со слезами в голосе ответила Людмила.

Елизарова осторожно спустилась вниз в выкопанную яму и бережно опустила на её дно свёрток из одеяла.

Несмотря на завывание ветра я отчетливо расслышала её тихий, преисполненный слёзной печали голос:

— Я всегда буду любить тебя, Мартин. Надеюсь, моя любовь будет греть тебя в твоём собачьем рае.

Затем Сильвестр помог Людмиле выбраться наверх и начал закапывать могилу Мартина, который, по-видимому, был домашним питомцем Елизаровой. Я увидела, как через несколько минут Сильвестр передал Людмиле свой телефон.

Внутри меня стремительно собирался и затвердевал ком пугающего осознания грядущего кошмара. Я знала, что будет дальше! Я уже это видела! Я видела эту ночь, когда Сильвестр попытался убить Людмилу! Я видела это глазами той волчицы...

Воспоминание перед моими глазами резко изменилось, рассыпалось и вновь соткалось

в уже другое видение. Я увидела её... Пошатываясь, то и дело опираясь руками на деревья, Людмила через силу шла вперёд. Она с трудом переступала ногами в глубоких сугробах. Каждый шаг давался ей с тяжким болезненным трудом, и с каждым шагом жизненные силы покидали её. Медленно багровыми каплями её жизнь сочилась через глубокую рану, оставленную ножом Сильвестра. Темно-карминовыми, влажно блестящими «цветками» кровь Людмилы орошала снег и застывала на обледенелой хрусткой поверхности.

— Людмила!!! — вой зимнего ветра разорвал гремящий яростный голос Гольшанского. — Ты подохнешь здесь! В этом лесу! Тебя даже не найдут, грязная шл**а! Дрянная ты подстилка!

Девушка вздрогнула, когда сотрясающий воздух ночного леса яростный крик Сильвестра настиг её. Я видела, как Людмила тяжело опёрлась о дерево и затем услышала, как она слёзно всхлипнула. Меня переполняло сострадание к Елизаровой, к этой раненой и запуганной Гольшанским беззащитной рыжеволосой девушке, которой сейчас было невероятно страшно.

Именно страх, как никогда близкой смерти заставлял её сейчас тихо плакать в пустынном ночном лесу. Именно боязнь погибнуть и страх перед Гольшанским, а не ужасающая рана гнали её вперёд, точно затравленного зверя.

Страх — это хищник, который никогда не устаёт от преследования и вечно голоден. От него нельзя убежать, его можно лишь преодолеть. Но Людмилу оставляли силы. С каждой каплей крови девушка слабела на глазах.

Я видела, как вокруг неё, словно торжествуя, вилась метель. Призрачно-белыми росчерками завывающая пурга кружила вокруг истекающей кровью и запуганной девушки. Зимняя вьюга словно радовалась и предвкушала, как ослабевшая Людмила, потеряв остатки сил, рухнет в сугроб, чтобы уже никогда не подняться. И тогда она станет добычей леса, холода и ночи.

Но Елизарова не упала. На дрожащих ногах, всё так же качаясь и пошатываясь, тщетно зажимая рану рукой, девушка упрямо шла вперёд.

Я ступала за ней. Чем дальше мы с ней шли, тем быстрее и сильнее билось мое сердце. Ещё немного, и мне откроется тайна Елизаровой. Ещё совсем чуть-чуть, и я узнаю, что случилось в ту ночь, и куда пропала Людмила Елизарова. Ещё чуть-чуть...

Она шла долго, упорно противясь своей, казалось, предрешенной участи.

Беспомощно сочувствуя и сопереживая Людмиле, я осторожно двигалась следом.

Она всё-таки упала. Её колени просто подогнулись, и девушка рухнула в сугроб, завалившись на бок. Я видела, как она, кривясь и морщась от боли, поджала колени. Она крепко зажмурилась, свернулась калачиком, удерживая ладони на месте раны. Я прижала руки лицу, видя, как отчаянно и тщетно Елизарова пытается унять боль и остановить кровь. Но ничего не получалось. Кровь и жизнь покидали её тело, разливаясь рядом на снегу, багровой темной лужей. Рана, нанесенная Гольшанским, была смертельной. Собственно, Людмила уже давно должна была умереть.

Но тут я увидела, как ночь впереди лопнула яркой точкой света. Точка быстро выросла до ярко-белого пятна, которое, в свою очередь, разделилось на два размытых круга. А затем сквозь шум ветра донёсся и гул двигателей. Я чуть нахмурилась, напряженно рассматривая приближающуюся машину.

Огромный внедорожник, врезаясь в сугробы и разбрызгивая снег во все стороны, устремился к Людмиле. Елизарова сделала попытку подняться, но тут же рухнула обратно и

охнула от боли. Темного цвета автомобиль в лучах ослепительно-белого света остановился в двух-трёх метрах от девушки. Хлопнули дверцы, и к Людмиле устремились двое.

Я с замиранием сердца ждала — ещё немного, и я увижу их лица, лица людей, которые точно знают, что случилось с Людмилой в ту ночь. Но меня ждало разочарование — лица людей оказались скрыты под капюшонами, к тому же в глаза мне бил яркий свет фар, и разглядеть их было невероятно сложно.

— Мила! — позвал женский голос.

Женщина в тёмной парке с глубоким капюшоном подбежала к Елизаровой и помогла ей подняться.

— Емельян, помоги мне! — приказным тоном воскликнула женщина.

Мужчина в тёмно-бордовой куртке встал с другой стороны от Елизаровой. Люди из внедорожника, вдвоём осторожно подвели стонущую от боли девушку к машине.

— Ей срочно нужно в больницу! — воскликнул мужчина.

— Да ты что! — выразительно и раздраженно воскликнула женщина, помогающая Людмиле забраться в машину. — Садись за руль!

Мужчина без разговоров сел за руль. Женщина, лица которой я так не смогла рассмотреть, села вместе с Людмилой. Внедорожник рыкнул мотором и сдал назад. Автомобиль круто развернулся и ринулся прочь перемалывая мощными колёсами высокие снежные сугробы.

Я застыла, глядя вслед удаляющимся кроваво-красным огням задних фар автомобиля. Несколько мгновений, и они утонули в зимней ночи. В эту же секунду что-то схватило меня за плечо, заставив огласить ночной лес истошным криком ужаса.

Видение исчезло, его обрывки унёс январский ветер, и передо мной возникло лицо Карабанова.

— Хватит орать! — прорычал он, притянув меня к себе за ворот куртки. — Что ты нашла?! Что с тобой, мать твою, только что происходило?!

Он так орал, что брызги его слюны попали мне на щеки. Я брезгливо скривилась и отвернулась.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! — Карабанов пальцами свободной руки сжал мою челюсть и повернул моё лицо к себе. — Что ты узнала?!

С каждым словом его пальцы болезненно сжимались на моих щеках. Я нервно сглотнула, глядя в его глаза.

— Людмилу забрали на машине... — проговорила я дрожащим голосом.

— Что?! — громыхнул басом Карабанов, и глаза его округлились, отчего он стал выглядеть ещё свирепее. — КАКАЯ МАШИНА?!!

Я скривилась от звука его мощного орущего голоса.

— Б-большая... — прохныкала я, испуганно зажмурив глаза, — внедорожник... я не видела номера и марку...

— Кто в нём был?! — прорычал Карабанов.

Он подтянул меня к себе ещё, чуть ли не поднимая над землёй. Я стояла на цыпочках, едва касаясь земли. Мне казалось, ещё немного, и он просто оторвёт мне голову!

— КТО БЫЛ В ТОЙ ТАЧКЕ?! — проорал Евсей, перекрикивая завывающий зимний ветер. — Отвечай!!! Его голос хрипел и срывался, Карабанов был в шаге от истерики. А я была с ним наедине посреди безлюдного зимнего леса, над которым в небе уже собирались сумерки.

— Я не знаю!.. — проговорила я, чувствуя, как меня подчиняет паника.

Карабанов терял контроль над собой, и я ни на секунду не сомневалась, что ему ничего не стоит прикончить меня здесь по-тихому.

В голове промелькнула мысль, что всё-таки стоило предупредить хоть кого-то о том, куда и с кем я еду. Но ей возразила другая мысль: «неизвестно, что сделал бы Карабанов с Мироном, узнай он, что я обратилась за помощью к генералу Савельеву, например!».

Евсей грязно выругался мне в лицо и отшвырнул меня от себя. Я, сдавленно вскрикнув, рухнула в сугроб. Пока я барахталась и пыталась выбраться из снега, он тут же грубо поднял меня и велел:

— Давай, ищи дальше!

С этими словами он ткнул меня в спину. Стараясь не злить его, я закивала и пообещала:

— Хорошо... подождите, пожалуйста.

— Мне некогда ждать! — угрожающе и холодно проговорил Евсей.

Я ничего не ответила ему и ринулась дальше.

Зимнее небо стремительно темнело, а застывший на ветках деревьев и в горках сугробов снег на глазах серел и словно меркнул. Наступала темнота. Причем, время то ещё было немногим позже обеда, но сейчас, фактически, середина зимы и темнеет нереально быстро!

Я шла вперёд почти по следам Елизаровой. Ноги вязли в сугробах, а холодный ветер с мелкими снежинками то и дело норовил отбросить капюшон и забраться мне за шиворот. Хотя я и люблю зиму и даже мороз, отчасти, сейчас касания ледяного январского ветра вызывали дрожь и озноб. А позади меня, вдобавок ко всему, разъяренно пыхтя, шёл Карабанов.

Я опустила взгляд на снег под ногами, мелькнула пугающая мысль, что под слоями снега где-то здесь могли сохраниться замерзшие следы крови Елизаровой.

Мы прошагали, наверное, с сотню метров, прежде чем меня поглотило новое воспоминание Людмилы. Оно было похоже на внезапный и стремительный вихрь, состоящий из страха, боли и обрывочных воспоминаний. Я не сразу поняла, что именно я вижу. Перед глазами мелькал светлый прямоугольник лобового стекла автомобиля. Внедорожник трясло и качало во все стороны, впереди в лучах света фар мелькали фрагменты осыпанных снегом черных древесных стволов. По окнам автомобиля скользили кривые и зловещие тени ветвей деревьев.

— Всё будет хорошо! — проговорил голос рядом со мной.

Я смотрю на неё глазами Людмилы, но перед глазами всё туманится, меня как будто клонит в сон. Сидящая рядом женщина немедленно встряхнула меня.

— Эй, эй! Золотце, не спать! Тебе нельзя вырубаться!.. Давай, милая, потерпи... А этого уroda мы закопаем, обещаю тебе!

Её голос знаком Людмиле, я чувствую это. Я знаю и понимаю, что Елизарова знает эту женщину.

— К-как вы... нашли меня? — проговорила Людмила моими и своими устами одновременно.

— Не тебя, а Сильвестра, — поправила обнимающая Людмилу женщина, и прикрикнула на водителя, — Емельян, ты можешь ехать быстрее, чёрт возьми?!

Водитель промямлил что-то в ответ и надавил на газ. Внедорожник помчался быстрее. Мой правый бок охватила резкая пронзающая боль. Я глухо простонала, у меня на глазах выступили горячие слёзы. Боль была безжалостной, она с ожесточением вгрызалась в моё

тело, разрывала и мяла мою плоть. Это было невыносимо! Невозможно! Я больше не могла её терпеть! Я многое, быть может, даже всё отдала бы, лишь бы только она прекратилась! Лишь бы только боль утихла... ушла... уснула...

Воспоминание на миг оборвалось, я подумала, что меня вновь «выбросило» в настоящее, но кажется Людмила всё-таки, на время, потеряла сознание.

Потому что не прошло и нескольких мгновений, как я увидела, что сцена радикально поменялась.

Теперь, правда, я не видела всё от лица Людмила, я вновь была призраком, наблюдающим со стороны.

Внедорожник остановился у берега заледенелого озера. С оглушительным гулом, вздымая бурные вихри снега, плавно садился вертолёт.

Я увидела, как двое мужчин на носилках переносят Людмилу в вертолёт, а женщина, которая ехала с Елизаровой, возвращается к внедорожнику.

Я увидела, как она что-то говорит своему Емельяну, а потом на моих глазах достаёт пистолет.

Шум вертолётного двигателя заглушает выстрел, но я вижу коротко сверкнувшую в ночи вспышку и дернувшуюся вбок голову водителя.

Затем женщина проделала какие-то манипуляции внутри внедорожника и поспешно отошла от машины. Автомобиль медленно катился к озеру. Женщина, оглядываясь по сторонам, подождала пока машина вместе с мёртвым водителем доедет до края снежного берега и рухнет вниз. Я прижала руки к лицу, застыв на месте от увиденного.

Внедорожник с металлическим грохочущим лязгом и гулким треском пробил лёд озера. Машина стремительно погрузилась под воду. Я снова смотрела вслед тающим в темноте красным огням задних фар. Через несколько мгновений они потухли и, скорее всего, уже навсегда.

А неизвестная мне женщина, у которой я с трудом могла разглядеть лишь нижнюю половину лица, скорой походкой направилась к вертолёту. Как только она забралась внутрь винтокрылой машины, та плавно приподнялась, а затем стремительно взмыла вверх, расшвыривая снег по сторонам.

Вертолёт лениво развернулся на месте, мигая красным и зеленым огоньками, и устремился прочь, одновременно набирая высоту. Через несколько мгновений его мигающие красно-зеленые огни исчезли на горизонте за верхушками почерневших в ночи деревьев. Звук вертолетного мотора ослабел и исчез вместе с мигающими точками габаритных огней.

С моих уст сорвалось короткое дыхание, и вместе с ним видение испарилось.

Я вновь стояла в настоящем времени посреди леса под вечерним небом. Я стояла и смотрела вдаль, сквозь плотные ряды деревьев, словно вертолёт, на котором увезли Людмилу Елизарову улетел вдаль всего несколько мгновений назад.

— Ну и? — раздраженно и нетерпеливо спросил вставший рядом со мной Карабанов.

Я опустила взгляд, посмотрела на тускнеющий снег в сугробах и подняла взгляд на Евсея.

— Идём, — тихо и грустно ответила я, поворачивая назад. — Нужно проехать.

Я безошибочно указывала дорогу Карабанову. Тот молчал, в немом отрешении глядя на заснеженное бездорожье. Мне казалось, что он погружен в какие-то свои, личные раздумья. Что-то угнетало и пугало его, я успела понять это из тех хаотичных обрывков его воспоминаний, которые смогла увидеть.

Не знаю, что за человек Карабанов, но его жизнь всегда была наполнена какой-то лихорадочной и, на первый взгляд, беспорядочной спешкой. Он куда-то мчался, словно убегал от кого-то или от чего-то. А это нечто раз за разом, несмотря на его усилия, оказывалось на пороге его дома. Куда он спешил? От чего пытается спастись? И на кого он так зол?

Я не знала ответы на эти вопросы, но почему-то понимала, что скоро узнаю.

Мы приехали на то самое место, где неизвестная женщина, которая спасла Людмилу, хладнокровно застрелила своего водителя и утопила собственный внедорожник.

Когда Карабанов остановил машину, мы оба одновременно вышли и подошли к берегу озера. Я со смесью странных чувств глядела на обширный водоём. Озеро было большое, я бы, наверное, даже сказала, что огромное. Но меня поражало не это, гораздо больше я была ошеломлена тем обманчивым и застывшим умиротворением, которое оно внушало. Тихое, покрытое толстым панцирем льда и щедро засыпанное снегом, оно в нерушимом безмолвии хранило свою страшную тайну, не так давно погребенную в тёмных водах.

— Ну? — спросил Евсей, оглядев почти идеальную снежную равнину на заледенелом озере. — И что здесь?

— Люди, которые увезли Людмилу... Женщина, которая ими командовала застрелила своего водителя и направила автомобиль вместе с телом в озеро.

— А Людмила? — в голосе Карабанова послышалась странная жадность и страсть. — Что с ней? Она жива?

— Когда её несли в вертолёт, она была жива, — ответила я, глядя на озеро.

— В вертолёт? — переспросил Евсей и посмотрел на меня. — Какой вертолёт? Ты запомнила бортовой номер?

Я покачала головой.

— Там было темно и снег...

— Слушай, девочка, — Карабанов приблизился ко мне, и я в страхе попятилась, — я ведь обязательно узнаю, если ты мне врешь!

— Я не вру... — чуть заикающимся голосом ответила я. — Я сказала про то, что увидела...

— Увидела?! — переспросил Карабанов — Так ты это всё прямо-таки... видишь?

Я отвела взор и кивнула.

— Да...

— Значит из этих... как их... типа экстрасенс? — в голосе Карабанова послышалась пренебрежительная насмешка. — А я раньше думал, что все эти шоу про знахарей и ясновидящих — представление для легкомысленных идиотов.

— Ты недалёк от истины, — я покачала головой.

— Так и знал... А почему ты не ходила ни на какие шоу? — спросил Карабанов чуть пройдясь возле берега озера. — Могла бы столько денег заработать...

От его слов меня буквально накрыл ужас, и пронзила дрожь. Я на мгновение представила себе, как все узнают о моих умениях и жаждут, чтобы я рассказала им что-нибудь «этакого» про какого-нибудь человека. Чтобы открыла его тайны и показала их всем желающим, чтобы я вскрывала самые зловещие и сокровенные секреты людей, вламываясь в их прошлое и безвозвратно калеча их настоящее! Чтобы я опустилась до прилюдного перебирания чужих страданий, страхов и боли. Чтобы согласилась устраивать аморальные и издевательские представления, выставляя на всеобщее обозрение нелицеприятные,

постыдные, позорные или болезненные фрагменты из прошлого разных людей! Меня передёрнуло от отвращения, при мысли о таком! И тут же кошмаром навалилось осознание того, сколько чужих воспоминаний одолевали бы меня днём и ночью! Каждую секунду и долю мгновений!..

— Если бы я могла... — проговорила я едва слышно, — я бы всё сделала, чтобы избавиться от этого...

Карабанов услышал и изумленно обернулся.

— Тебе в руки дана удивительная и уникальная возможность, а ты говоришь, что хочешь от неё избавиться?!

— Возможность?! — горько усмехнулась я и подняла на него увлажнившиеся от сожаления к своей жизни глаза. — Да что ты! Серьёзно?! Возможность?! Это... это... это проклятие! Это болезнь! Это мой рок и бремя, но уж никак не «возможность», в том смысле, в котором ты имел ввиду!..

Евсей, кажется, был удивлен моим неожиданным срывом и криками. Я отвернулась, чувствуя стекающие по щекам слёзы.

— Водитель, которого застрелила та женщина, в машине, а машина в озере! Достанешь её оттуда... и получишь следы, которые приведут тебя к твоей Елизаровой!

— Это мы ещё посмотрим, — кивнул Карабанов. — И ты будешь мне помогать, пока я не найду Людмилу Елизарову или того, кто её похитил.

— Её не похищали, — спешно вытирая слёзы, ответила я, — Людмила знает эту женщину, и она поехала с ней добровольно...

— Вот как? — переспросил капитан Карабанов. — Ла-адно...

В следующий миг он вдруг метнулся ко мне, схватил за шиворот и бросил в снег. Я закричала, Карабанов упал рядом. И в этот миг над головой в сумерках прогремели выстрелы.

— Девочка, слева от тебя толстый пенёк и камни! — тихо и быстро проговорил Карабанов. — Ползи туда и не вздумай подниматься!

Я посмотрела на него, Евсей держал в руках пистолет и внимательно всматривался в черноту потемневшего леса. В сгустившийся темноте мелькнуло несколько ярких вспышек, сумрачную тишь разорвала длинная автоматная очередь. Я закрыла голову руками и зажмурила глаза. Я почувствовала, как взметнувшийся от пуль снег посыпался на мою куртку.

— Ползи в укрытие, чёрт бы тебя побрал! — прорычал Карабанов. — Пристрелят же!

Мне стоило очень серьёзных усилий заставить себя сдвинуться с места. Тело не хотело двигаться, все инстинкты кричали о том, что мне нужно оставаться на месте, но я знала, что это опасный самообман моего организма. Нужно укрыться, иначе меня пристрелят! Пересилив себя, я развернулась и, стараясь как можно плотнее прижиматься к снегу, поползла к указанному Карабановым укрытию.

Выстрелы повторились, я слышала, как пули застучали по автомобилю, и как разбились окна машины.

— Пи****сы! — прошипел за моей спиной разъярённый Карабанов.

Я добралась до пня и прижалась там к снегу, наблюдая за происходящим. Я опасливо вглядывалась в тёмную стену леса. Несколько раз мне показалось, что я увидела движущиеся человеческие силуэты, но всё, что я могла делать, это наблюдать за ними.

Карабанов не отстреливался, только пылливо всматривался с лесную темень. Затем я

увидела, как он достаёт рацию и пытается с кем-то связаться.

Я вздохнула, захлестнувшее меня адреналиновое чувство чуть ослабло. Если Карабанов сумеет сообщить о происходящем своим в СКР, у нас будет шанс пережить эту ночь. Я знала, что Следственный комитет «порвёт» за своих, и не только в фигуральном смысле.

Однако, судя по поведению Евсея, с его рацией было что-то не то. Я увидела, как он выразительно проговорил ругательство, а потом поднял пистолет, прицелился и выстрелил два раза. Я немедленно услышала чей-то сдавленный короткий крик, и в тот же миг зазвучала ответная стрельба.

Я отползла чуть вниз и огляделась. За спиной у меня развернулось просторным «полем» покрытое снегом озеро. Я подумала о том, что пока Карабанов отстреливается от неизвестных личностей, я могла бы потихоньку свалить, но... Но, во-первых, не факт, что я успею и смогу убежать, и меня не пристрелят, а во-вторых, такое поведение показалось мне подлым и отвратительным. Да, Карабанов — козёл и сволочь, но всё же он не заслуживает, чтобы его бросили здесь одного. С другой стороны, чем я могу в этой ситуации помочь? Если я всё-таки остаюсь, я должна попытаться быть полезной ну хоть чем-то. А пока что я могла лишь в страхе лежать за пнём и смотреть, как Карабанов тратит патроны в одиночных выстрелах.

Я посчитала вспышки выстрелов, сверкающие из лесу, и сделала вывод, что нападавших не меньше десятка.

Паника, которую я старалась держать под контролем, взвилась, вырвалась, точно дикая лошадь и понеслась вперёд галопом, разрастаясь во мне с невероятной скоростью. Паника похожая на взбесившееся дикое животное металась и билась внутри меня. Страх туманил и затмевал разум.

Несколько раз я едва не сорвалась бежать, куда глаза глядят. Мне было всё равно, мне хотелось оказаться как можно дальше отсюда, чтобы не слышать выстрелов, чтобы пули не разбрасывали снег рядом со мной и не стучали по пню, за которым я пряталась!

Я увидела, как Карабанов перезаряжает пистолет и снова стреляет. Но желто-рыжих вспышек в лесу, кажется, только прибавилось. Осторожно выглянув из-за пня, я увидела, что в нашу сторону быстро приближаются несколько блеклых силуэтов, едва различимых в тёмных сумерках. Я бы их, наверное, и не заметила если бы они не выделялись на фоне снега.

Я обернулась к Карабанову и крикнула:

— Они слева!

Тут же по камням и пню, за которыми я пряталась, ударили несколько пуль, выбив яркие искры из камней и щепки из пня.

Я испуганно пискнула, отползла назад. Евсей тем временем ловко и быстро прополз по снегу к машине и забрался внутрь. Не зажигая фар, он завёл автомобиль. Внедорожник круто развернулся, взметнув вверх завесу снежных брызг и ринулся прочь, стремительно набирая скорость.

Я во все глаза вытаращилась на быстро уезжающий УАЗ. Что происходит?! Что делает Карабанов?! Я не могла поверить в происходящее, хотя вывод был самый очевидный: кое-кто оказался намного хуже всех моих предположений! УАЗ уезжал. Переваливаясь и качаясь, внедорожник быстро мчался прочь разбрасывая снег вокруг. Вслед ему неслись автоматные очереди, я слышала, как пули стучали по кузову автомобиля, но судя по удаляющемуся звуку мотора ни одна пуля не нанесла серьёзных повреждений УАЗу Карабанова.

Я с беспомощным видом, до конца не веря в происходящее, глядела вслед уехавшей машине. Когда Карабанов сказал мне ползти в укрытие, я позволила себе подумать, что он заботится обо мне хотя бы перед лицом крайней опасности! Но, видимо, капитан Карабанов растерял не только офицерскую честь, но и элементарные остатки человечности.

В который раз я по наивности (или глупости) верю в людей, верю, что даже в самых последних негодях есть хоть капля добродетели, и в который раз жизнь грубо тычет меня лицом в суровую действительность. Какую же непростительную глупость я совершила, согласившись помочь Карабанову! Чёрт возьми, какой же я была дурой! Нужно было всё рассказать генералу Савельеву, он бы придумал, как помочь мне и Мирону! Здорово, что хотя бы сейчас я это понимаю!.. Я была зла на себя и свою глупость! И я прислушивалась к ночи и звучащим со стороны леса голосам.

— Ушел скотина!

— Ничего, он вроде не один был!..

— Да! Я видел! С ним деваха какая-то была!

— Нахрен он её с собой взял-то сюда?

— Хватит болтать! Сообщите второй группе, чтобы Карабанова «встретили», как положено. Он не должен ничего успеть рассказать! И обыщите округу! Девка должна быть где-то здесь. Найдёте, пристрелите! И валим нахрен отсюда! — Шеф, а можно девку, перед тем как замочить, употребить по назначению? — с издевкой спросил кто-то.

Послышался одобрительный гогот.

— Только по-быстрому, придурки, — со смешком ответил тот, кто командовал этими бандитами. — Труп в озеро потом спустите!

Я слушала их слова, оцепенев от накотившего ужаса. Я подавила порыв подорваться и бежать — меня просто пристрелят. Но если я этого не сделаю, меня все равно найдут и пристрелят. А перед этим, похоже, меня ожидает групповое изнасилование...

Я судорожно всхлипнула, осознавая неотвратимость того, что со мной произойдёт! Слушая поскрипывающие на снегу звуки шагов и голоса мужчин, я тихо сползала вниз по пологому склону. Сумерки уже почти превратились в ночь, и, быть может, мне удастся сейчас как-то незаметно скрыться.

Мелькнула дебильная мысль окопаться в снегу и надеяться, что меня не найдут. Наступающий на горло ужас и пленяющий меня страх явно лишали меня рассудка... Но нужно было что-то придумать, пока эти мужики ещё далеко. У меня есть шанс! Я смогу спастись, я справлюсь, я найду решение... Но выхода не было. Время на спасение уменьшалось с каждым звуком их приближающихся шагов. Я увидела рыскающие по снегу шустрые лучи фонарей. Снег поблёскивал под ярко-желтым светом. Я сосредоточенно пыталась понять, что мне делать, времени почти не было... Мой взгляд неожиданно зацепился за темное пятно на поверхности озера. Я чуть приподнялась на снегу и присмотрелась.

В отсвете фонарей на засыпанной снегом ледяной поверхности озера явственно темнел заметный пролом. Он был рядом с берегом и в нём плавали обломки льда. У меня подпрыгнуло сердце. Конечно, это безумие, но альтернативой этому безумию была неминуемая смерть, после изнасилования десятком здоровых мужиков, которое я и так вряд ли переживу! Так что, не долго думая, я начала ползти вниз.

А вооруженные люди приближались, их шуршащие в снегу шаги звучали всё отчетливее, а грубые и прокуренные голоса всё громче! Мне пришлось поспешить, благо, ветер

скрадывал звуки моих движений.

Я спустилась ко льду замерзшего озера, посмотрела на пробоину в ледяном покрытии. Там переливался мерклыми бликами жидкий мрак. Эта заполненная вязкой чернотой пробоина, казалось, вела куда-то за пределы нашего мироздания, где нет ничего, кроме первобытного и пустого мрака.

Я усердно, цепляясь пальцами за промёрзший снег, ползла к дыре во льду. Оттуда, из этой бездонной темноты доносилось хладное и сырое дыхание. Меня пробирала глубокая дрожь отвращения и ужаса от осознания того, что мне сейчас придётся погрузиться в эту наполненную ледяной темнотой яму.

Но за спиной меня ждала участь, куда страшнее временного (я надеюсь) погружения в хладный мрак.

Я добралась до ямы во льду, черная вода дыхнула мне в лицо густым влажным холодом. Я шумно сглотнула, представляя, что со мной будет, если я не смогу выбраться обратно. К тому же я была в одежде да ещё в обуви. Если я просто так нырну в воду, я реально могу «уйти» под лёд, и... это будет конец. Жуткий и кошмарный.

— А он точно один уехал? — донеслось сверху.

— Да, я видел, как девка эта в синей куртке вон туда за камень ползла.

— И где она тогда?

Я поспешно доползла до дыры во льду. Толчки сердца участились, чувство страха подгоняло и сбивало с толку.

Дрожащими руками я торопливо сняла свой шерстяной шарф. В полную длину он был, наверное, под два метра. Как раз то, что нужно. Оказавшись у ямы, я свесилась вниз и окунула шарф в воду. Когда ткань отяжелела, я как можно быстрее, уже не слишком заботясь о скрытности, прокралась обратно и привязала один конец шарфа к толстой ветке растущего у самого края берега голого кустарника. Не знаю, выдержат ли шарф и куст мой вес, но буду надеяться на лучшее...

Голоса и шаги неизвестных мужчин звучали уже совсем рядом. А лучи их фонарей уже добрались до заледенелого озера.

Скорее! Скорее! Скорее! Я мысленно подгоняла сама себя. Мне нельзя медлить и сомневаться. Намотав на левую руку другой конец своего белого шарфа, я наклонилась к яме и увидела на поверхности темной воды своё едва различимое блеклое отражение. На несколько мгновений я оказалась во власти двух схожих пагубных чувств: меня поглощал страх попасться в руки этих людей, и душил ужас при мысли о том, что я могу утонуть, исчезнуть и остаться на веки в этих ледяных чёрных водах. Но всё же верх одержало первое чувство, и я, зажмурив глаза, нырнула в воду.

Исчез воздух, а вместе с ним свет и все звуки, я ощутила, как отяжелела одежда и обувь, как безжалостный хищный холод сдавил и сжал меня. Обитающий в этом озере ледяной мрак стискивал мои легкие и рёбра, он словно норовил выдавить из меня жизнь, вместе с остатками кислорода, которые я начала постепенно выпускать в воду.

Подводная глухота давила на уши, кожу на лице ощутимо и неприятно стягивало. Я чувствовала, как вода и темнота «тянет» меня вниз, на глубину, но упрямо и крепко держалась за конец шарфа, мысленно отсчитывая время. Я понимала, что долго так прятаться я не смогу. Как минимум у меня закончится кислород, но и выныривать не будучи уверенной, что те бандиты ушли, я не могла.

Мое тело тем временем стремительно коченело. Я ощущала, как холод проникал в меня,

просачивался через кожу, вливался внутрь и заполнял меня от пяток до макушки. Я чувствовала, как быстро теряю силы, ещё немного, и мое тело просто перестанет меня слушаться. Я должна была открыть глаза и увидеть, что происходит наверху. Но я с детства не могла себя заставить открыть глаза в воде, даже в такой нежно-тёплой, как на Британских Виргинских островах, где я в детстве частенько отдыхала с папой и мамой... когда у меня ещё была полноценная семья.

Кислород медленно, но неотвратимо истощался в моих легких, и они наливались ощутимой болезненной тяжестью. Я ощущала, как холод озёрной воды обвивается вокруг моего горла и начинает душить меня.

Я открыла глаза, тут же скривилась — резь в глазах была невыносимой. Я почти ничего не видела, все поглощала темнота, и лишь вдалеке мелькали едва различимые, размытые пятна света.

Я решила, что люди с фонарями, если не ушли, то, по крайней мере, удалились, продолжая мои поиски в другом месте. Стараясь не спешить, чтобы не произвести громкий всплеск воды, я вынырнула и втянула в себя воздух. Лицо обожгло холодом, ледяной ветер погладил мои мокрые волосы. Я поспешно и взволнованно огляделась.

Мужчины с оружием и фонарями ушли, я не услышала ни их голосов, ни звука шагов, лишь ветер выл над замёрзшим озером и заснеженным лесом.

Судорожно сжимая пальцами сырой шарф, я вытянула себя из воды и буквально вывалилась на снег.

Мои легкие, словно живые, рвались из тела, будто желая самостоятельно вдохнуть побольше морозного, но живительного воздуха. Никогда не думала, что просто дышать бывает так приятно! Радовалась я, однако, недолго — моё промёрзшее в воде тело в мокрой и холодной одежде было лёгкой добычей для холодного ветра. Не прошло и двух секунд, как я начала стучать и греметь зубами. Меня сотрясала безудержная дрожь, мороз беспощадно жег кожу на лице, а суставы рук и ног болезненно костенели. Я не могла нормально согнуть пальцы рук, жуткие судороги поражали ноги от бедра до кончиков пальцев ног!

Мне стоило серьёзных усилий, чтобы просто подняться, а не замёрзнуть на снегу! На четвереньках, содрогаясь от подчинившего меня холода, я взобралась вверх.

Мужчины с оружием исчезли, но на снегу были заметны десятки следов их ног. Правда, меня они волновали всё меньше и меньше, новая опасность сменила прежнюю: я замерзала. Я была одна посреди тёмного леса! Замёрзшая, в насквозь промокшей одежде и обуви, без мобильного телефона и... шансов на спасение! Я быстро слабела, безжалостный свирепый холод словно вытряхивал из меня остатки тепла. Холод властвовал повсюду, я была в его власти, и мне некуда было от него скрыться!

Я сплела пальцы рук, поднесла ко рту и выдохнула. Дыхание получилось слабым и едва тёплым. Я начала быстро тереть ладони друг о друга. Но мои руки не слушались, пальцы то и дело цеплялись друг за друга. Я начала быстро прыгать с одной ноги на другую. Мне было уже плевать заметит меня кто-то или нет, но всякий случай я отошла как можно дальше от озера и ступила в лес.

Надеюсь, здесь я не встречу никого, опаснее тех типов с оружием или самого Карабанова! При воспоминании о Евсее и о его гадком поступке, меня захлестнуло бурное возмущение. Нет, не злость, не ненависть, а яростное возмущение его поведением. Евсей Карабанов оказался не просто корыстной сволочью, а последним подлецом и дрянью, каких поискать! Я огляделась, посмотрела по сторонам. Мне нельзя здесь оставаться, я просто

замёрзну до смерти. Нужно было выйти на дорогу, на трассу, по которой мы с Карабановым доехали до этого чёртова леса!

Стараясь не поддаваться и не уступать зверскому морозу, я искала глазами следы от машины. По ним я точно могу выйти к трассе. Благо, снег не шел, и их нетрудно было найти даже в почти кромешной темноте. Я ринулась вдоль длинных рытвин в снегу, оставленных колёсами УАЗа Карабанова. Да даже если это следы и не его машины, они всё равно должны привести меня к трассе. Каждый шаг давался мне всё тяжелее, холод брал своё. У меня не оставалось сил сопротивляться ему.

Через несколько шагов я упала, потому что у меня просто начали отказывать ноги! Мышцы ног дрожали не переставая, я чувствовала, как у меня буквально отнимаются пальцы, а затем и ступни. И никакие прыжки на месте или другие упражнения уже не помогали. Я с трудом поднялась из снежного сугроба, лишь для того, чтобы рухнуть снова через несколько шагов. Я посмотрела вперёд, автомобильные следы на снегу терялись где-то в лесной чаще. А через мгновение я увидела, как с неба стали тихо осыпаться россыпи снежинок.

— Нет... — выдохнула я и, подхватившись, вскрикнула в ужасе, — нет!

Снегопад усиливался, становился плотнее и очень быстро засыпал следы от автомобильных колёс.

— Нет, пожалуйста!.. — воскликнула я в панике, сама не зная к кому обращаясь. — Пожалуйста... не надо...

Но снегопад лишь становился гуще и сильнее.

Я поднялась на дрожащих ногах и через силу двинулась вперёд. Но шаг за шагом я чувствовала, как мои ноги коченеют, я с ужасом осознавала, что я теряю чувствительность рук и ног. Страх придал немного сил, но окружающая меня темнота, холод и кажущийся бесконечным зимний лес создавали зловещую безысходность. Властвующие сейчас в этом заснеженном лесу тёмные силы ночи и холода словно давали понять, что мне не спастись, что я принадлежу им, что я их добыча, и они возьмут своё.

В спину мне, словно насмешливо толкая, ударил мощный порыв ветра. Толчок вышел настолько сильным, что я едва устояла на месте на своих окоченевших, теряющих чувствительность ногах.

Снег заметал всю вокруг. Росли горки сугробов, уровень снега поднимался. Если вначале я шла по колено в снегу, то сейчас высота снежного слоя поднялась уже до середины бедра, и двигаться вперёд стало куда тяжелее.

Я выбивалась из сил, холод, подобно самому настоящему вампиру, с жадностью высасывал из меня остатки жизни и воли к спасению. Бежать было некуда. Со всех сторон меня окружал бесконечный и однообразный лес. Стусившаяся темнота поглощала лес и пружинисто пульсировала, притаившись между веток и стволов деревьев. Лес почти утопал в зимней ночи, его деревья становились призрачными, почти не различимыми, и только островки снега серели «на поверхности» всепоглощающего мрака.

Быстро наступившая ночь и бурный снегопад скрыли от меня следы автомобильных колёс, стёрли путь, по которому я надеялась выбраться на трассу. Ночь и снег, словно издеваясь, отобрали у меня последнюю возможность выбраться из плена дремучего леса. Ночь и снег с жестокой насмешкой обрекали меня на смерть от холода.

Я начала плакать от отчаяния. Я вдруг осознала, что именно таким здесь и сейчас может быть мой конец. Что надеяться мне не на что и не на кого, что я сама загнала себя в

эту ловушку, и выбраться из неё у меня уже нет шансов. Никакого гребаного чуда не произойдёт, я просто замёрзну здесь среди заледенелых дубов и елей.

Я уже не знала, куда идти, у меня не осталось ни предположений, ни даже догадок, где и в какой стороне находится дорога. Я постаралась прислушаться к шуму автомобильных двигателей, но, похоже, сегодня все обстоятельства были против меня. Словно нарочно мешая мне прислушиваться, усилился и пуще прежнего завыл ветер.

— Да чтоб тебя... — слабо выдохнула я, ощущая стекающие по щекам теплые слёзы.

Я уже увязла в снегу почти по пояс. Сил не оставалось не только, чтобы идти, а даже просто чтобы дышать. Я больше не могла... Я хотела продолжать, но не могла. Я слабела и вместе со мной слабела моя воля к спасению. Я споткнулась и упала на четвереньки, едва не угодив лицом в снег.

Я бессильно выругалась и тут увидела, как что-то выпало из моего кармана. Дрожащей рукой я подняла упавший в снег предмет, и мои глаза расширились от удивления: у меня в руке была зажигалка. Мне потребовалась секунда, чтобы я осознала значимость и стоимость этой неожиданной находки особенно в моем положении.

Зажигалка! Это зажигалка! Огонь... тепло... Следующим словом в моем ассоциативном ряду было «костёр»! Я могу развести костёр, ну или хотя бы попытаться. Я чиркнула зажигалкой, вспыхнул робкий рыжий огонёк, но тут же потух под злым напором ветра.

Я выжала огонь зажигалки ещё раз и быстро прикрыла его ладонью. Похожий на рыжую капельку огонёк зажигалки пугливо трепетал под мой ладонью. Я чувствовала, как он греет и обжигает кожу на ладони, но не убирала руку. Тепло... это было живительное тепло! Мелькнула мысль, откуда у меня в кармане взялась зажигалка. И тут же я вспомнила, что Лерка, пока я жила у неё частенько выбегала из квартиры в моей куртке, потому что её и так пропахла сигаретным дымом, а Лерка хотела, чтобы её одежда «выветрилась» до приезда родителей. Я всегда порицала эту абсолютно пагубную привычку своей подруги, но сейчас она дала мне шанс на выживание. Шанс не замёрзнуть насмерть в глухом ночном лесу в промокшей насквозь одежде.

Я решила не тратить топливо зажигалки на пустые чирканья. Нужно было развести огонь. Удивительно, но моя находка, кажется, придала мне силы и даже энтузиазма. Я решила бороться до конца. Хотя у меня уже частично окоченело тело, оказалось, что не всё так плохо.

Руки и пальцы плохо слушались, я продолжала дрожать под напором промозглого ветра, но все же отыскала в лесу кусок заледеневшей древесной коры. Ею я с невероятными усилиями, оцарапав при этом руки и сломав четыре ногтя (один обломался аж до кожи под ногтем), насилу выкопала ямку для костра.

Сопrotивляясь холоду, то и дело прыгая и размахивая руками, я бубнила под нос любимые песни и собирала опавшие с деревьев ветки. Этого должно было хватить для разведения костра.

Место под огонь я выбрала между двух деревьев. Они стояли довольно близко друг к другу, так что между ними могли встать максимум два взрослых человека, и то только боком. Толстые кроны этих дубов довольно хорошо прикрывали с обеих сторон. А между ними, по обе стороны от ямки я воткнула и частично прикопала две палки, примерно в метр длиной.

Я все ладони себе ободрала до крови, пока ломала одну из них. Вторая-то и так валялась в снегу, а вот первую пришлось с ожесточением отламывать ногой от упавшего в снег дерева.

Убедившись, что обе палки достаточно жестко закреплены, я, собравшись с духом, сняла с себя куртку, с которой до сих пор ещё капала вода и, перевернув закрепила полы куртки на палках, привязав одну сторону шарфом и другую вытянутым из капюшона куртки шнурком. Лежащие на снегу рукава и капюшон моей парки я прижала найденными на земле камнями, ими же обложила место для костра.

Теперь настал черед самого ответственного момента — разведения костра!

Это я умею делать исключительно благодаря дяде Сигизмунду. Вместе со своими друзьями дядя, особенно весной и летом, частенько ездил в offroad туры. В непроходимых и непролазных лесных чащах дядя и его компания соревновались на своих внедорожниках в искусстве преодоления отечественных рвов, ям, ухабов и болот.

Я с удовольствием ездила вместе с дядей, и иногда он давал мне порулить своей ненаглядной Тойотой, в которой души не чаял и не жалел денег на тюнинг. Помимо прочего, на привалах мы разводили огромный костёр, а иногда и несколько. Там я изрядно наловчилась в этом умении, но, правда, не в таких экстремальных условиях, как сейчас! При помощи зажигалки без сухого спирта и заготовленных дров я ещё ни разу костры не разводила.

Разжечь костерок у меня получилось с двадцатой попытки или около того. Я стояла на коленях в снегу и, наклонившись к шалашику из палок, старательно раздувала пламя. Я заботливо закрывала его ладонями и кривилась от слезоточивого горького дыма.

Ветер то и дело хлопал натянутой на палках курткой и забрасывал под мой импровизированный навес солидные пригоршни снега. Зимний ветер и разбушевавшаяся вьюга, словно, выражали недовольство ночи, холода и зимы, которым не нравилось, что у меня появился шанс на спасение. Я опасалась, что порывы ветра всё-таки сорвут мой навес из мокрой куртки, но надеялась на лучшее.

Спустя долгих двадцать минут усилий огонь наконец-то обрёл силу и разгорелся, быстро пожирая просохшие от тепла прутья хвороста.

Я с облегчением вздохнула и подложила новые ветки. Благо, их я насобираала целую кучу, и до утра должно хватить. А если нет, вокруг их ещё полно. Самое главное — согреться. Я села настолько близко к огню, насколько это возможно. Огонь, хоть и давал мне тепло, не мог полностью спасти меня от свирепствующей зимней стужи. Я по-прежнему была в насквозь мокрой и тяжелой одежде, мокрым было даже нижнее белье. Бюстгальтер я, разумеется, сняла и стащила с себя, не снимая свитера. А вот сам вязанный свитер снимать я не спешила. Я надеялась, что одежда хоть немного подсохнет на мне. Зато я сняла ботинки, стянула свои полосатые носки и выставила голые пятки к огню. Учитывая, что человек первым делом мёрзнет с ног, обратный процесс, по логике, должен обеспечиваться таким же образом.

Стало заметно легче. Тепло костра будто наполняло мое тело жизнью и придавало силы, которые из меня, буквально, вытягивал безжалостный холод. От переполняющего меня блаженства я даже закрыла глаза. И тут же в мое сознание, как всегда бесцеремонно и резко, ворвалось видение. В хаотичных разноцветных всплесках замелькали лица людей, фрагменты изображений, зимний лес, снег, холод, автомобили и вертолёты... Я снова увидела, как неизвестная женщина и мужчина ведут раненную Людмилу к вертолёту.

Только теперь к моим воспоминаниям прибавились дополнительные фрагменты, как новые пазлы в мозаике. На поблескивающей дюралюминиевой поверхности хвоста вертолёт я заметила регистрационный номер вертолета — RA-4408Z. Затем сменяющиеся с

головокружительной скоростью отдельные искаженные фрагменты превратились в едва разборчивый калейдоскоп из воспоминаний.

Когда нахлынувшее видение вышвырнуло меня обратно в холодную реальность, меня ошутимо затошнило. Живот свело несколькими крайне неприятными спазматическими судорогами, но на этом всё закончилось.

Я смотрела в огонь, периодически подбрасывала в костёр заранее собранные ветки хвороста и пыталась обдумать ту ситуацию, в которой я оказалась. Одна ночью в холодном лесу и в мокрой одежде. Чудом спасаясь от тех мужчин с оружием!.. Без телефона и прочих средств связи! Я даже не знаю, как завтра (если доживу до завтра) буду выбираться... Понятно, что нужно выйти на трассу, чтобы попытаться остановить хоть какую-то тачку, но поди сделай это, когда все автомобильные следы наглухо замело снегом!

Я протяжно и опечаленно вздохнула, представляя, как сейчас дома сходит с ума Лерка. Логинова, наверное, уже достучалась до генерала Савельева — я оставила ей все контакты с УГРО, в том числе и Стаса. Я догадываюсь, как сейчас ругается Аспирин, и... очень надеюсь, что он не стал ни о чем извещать моего дядю Сигизмунда. А вот Стасу наверняка скажут.

Я смотрела на костёр и чувствовала, как вместе с его теплом в мое тело просачивается чувство вины — меня всё время пытаются уберечь от неприятностей, а я сама ищу себе приключения! Но с другой стороны... Что я должна была делать?! Ну пошла бы я к генералу, а что если Карабанов сделал бы что-нибудь с Мироном? Ведь ни я, ни даже Аспирин ничего бы и не доказали!..

Я пошевелила голыми ступнями и пальцами. Я просидела перед костром, по ощущениям, около двух часов. Я чувствовала, что уже достаточно поздно, но спать мне совершенно не хотелось. Зато к холоду, присоединился другой неусыпный враг — голод. Но это не так страшно. От голода я до утра точно не умру, а вот если бы у меня в кармане, совершенно случайно, не оказалось Леркиной зажигалки, я не представляю, как бы выживала сейчас!

Ночь я провела в раздумьях, поддерживая огонь и гадая, что случилось дальше с Елизаровой. Кто была та женщина? Зачем она увезла Людмилу? Жива ли Елизарова?.. Эти вопросы с усиливающейся интенсивностью беспокойно кружили в моей голове.

Через какое время я догадалась взять несколько уже нагретых камней и усесться на них. А один взяла в руки. Бугристый и выщербленный камень приятно обжигал ладони теплом, оставляя на коже грязные следы.

Когда камни остывали, я меняла их, кладя возле костра и беря другие. Промокший насквозь свитер, заметно подсох. Из-за растянутой на кольях куртки, нагретый костром воздух частично собирался под моим невысоким импровизированным навесом. И это помогло заметно подсушить одежду прямо на мне, что в свою очередь, позволило быстрее согреться и дожить до рассвета.

Вот никогда бы не подумала, что рассвет в холодном и совершенно обычном лесу может быть таким прекрасным! Сначала небо медленно начало розоветь, а темнота стремительно обратилась в серо-голубые вязкие утренние сумерки. Следом между темными древесными стволами показали первые золотистые лучики солнца, что пронзили лес, изгоняя притаившиеся в тенях сумеречные остатки ночи. А затем зазвучали лесные птицы. Этот звук заставил меня непроизвольно улыбнуться.

Я затушила костёр, сняла с палок свою многострадальную куртку и отправилась на

поиски хоть каких-то следов автомобилей или человека. Чтобы не заблудиться, я сыпала на снег пепел от костра, помечая пройденный путь.

Шла я почти наугад, лишь отчасти ориентируюсь. И радости моей не было предела, когда вдали я, наконец, различила звук автомобильного двигателя.

Я так рьяно рванулась вперёд, что несколько раз споткнулась и упала в сугробы. Но каждый раз я подхватывалась и упорно бежала дальше. Ну, точнее, пыталась бежать, в сугробах выше колена бежать почти невозможно. Да ещё ветки всякие в глаза лезут и за одежду цепляются.

Но к трассе я всё-таки продралась и остановилась, часто дыша. Кутаясь в куртку и обхватив себя за плечи, я бросала взгляды по сторонам. С тревожной надеждой и ожиданием я смотрела то в один, то в другой конец дороги.

Прошло около двадцати минут по моим ощущениям прежде, чем на дороге появился желтый минивэн. Я, стоя на обочине, оживленно замахала рукой.

Но автомобиль, не сбавляя скорости, проехал мимо, оставив меня в одиночестве и разочаровании. Несколько мгновений я обескураженно глядела вслед уехавшей машине. Она ещё какое-то время виднелась вдали, а затем скрылась за поворотом. Я расстроено вздохнула, а потом осмотрела себя.

Вид у меня был, конечно, как у настоящей дикарки: куртка перепачкана, на джинсах пятна от сажи, руки расцарапаны о ветки, которые я вчера собирала. Вдобавок ещё и волосы растрёпаны, как у ведьмы! Ну отлично! В таком виде, возле меня, наверное, вообще никто не остановится! Судя по тому, что следующие четыре автомобиля также не посчитали нужным тормозить, мои опасения была правдивы.

Я не стояла на месте и понемногу двигалась в ту сторону, куда ехали автомобили. Вроде бы, Москва в той же стороне. Но, понятное дело, пешком до столицы, во всяком случае, в ближайшие дни пять-шесть я точно не дойду!

Я была уже близка к отчаянию, когда возле меня вдруг остановился небольшой грузовик с яркой рекламой колы на кузове. Я, удивленно и быстро моргая, несколько секунд с опаской глядела на кабину грузовика. Вдруг открылась покрытая парой царапин дверь, и выглянул мужчина в мятом бордовом свитере с седой неряшливой щетиной на щеках.

— Ну чё? До Москвы? — спросил он, окинув меня пренебрежительным взглядом.

— Д-да... — слегка заикаясь, ответила я.

— Бабки есть?

— Немного...

— Сколько? — Пятьсот семьдесят...

— Годится, — с этими словами водитель грузовика закрыл дверцу кабины. Я удивленно нахмурилась, но всё стало ясно, когда он выбрался из машины и пошёл открывать фуру.

— Давай деньги, и можешь залезать, — произнес водитель грузовика и протянул мне не очень чистую ладонь.

Я сделала шаг вперёд, осторожно заглянула внутрь фуры. Внутри громоздились ящики с напитком, которым помимо отравления собственного организма можно ещё чистить трубы или вовсе травить жуков на огородах (лайфхак от российских фермеров).

— Вы предлагаете мне ехать... в кузове?! — спросила я шокированно.

— Слышь, кроха, — осклабился водитель, — я тебя упрашивать тут не буду. Не хочешь — дело твоё, а я поехал...

— А почему мне нельзя с вами ехать? — спросила я слегка обиженно.

— Потому что, красотиля, я уже промышлял частным извозом во время рейсов. А теперь всё — ж**а! — водитель красноречиво развёл руками. — Руководство распорядилось камеры в кабинах поставить! Так что извини. Ну так ты едешь, или как?!

Он махнул рукой в сторону открытой фуры. Я вздохнула, отдала ему деньги и с помощью водителя забралась внутрь. Разумеется, я не собиралась привередничать и испытывать судьбу, ожидая на трассе автомобиля с более комфортными условиями. Ночевать ещё раз в холодном, зимнем лесу мне категорически не улыбалось!

Эпизод четырнадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 26 января

Полёт прошел успешно, быстро и без происшествий. Стас даже удивился, насколько быстро они с Дианой оказались в Москве. Но состояние девушки внезапно ухудшилось, и сейчас Злотникова вновь угодила в отделение интенсивной терапии. Главврач городской больницы, куда доставили Диану, очень строго, не стесняясь в выражениях отчитала Стаса за проявленную халатность. Стас не стал оправдываться и уж тем более умолчал, что в больнице, из которой он вывез Диану, семнадцать минут назад произошел теракт. В отделение реанимации пустили ядовитый газ, двенадцать человек пострадали, двое из них уже скончались.

Корнилов понимал, что и с приездом в Москву охота Гудзевича и его клана на бедную Диану вряд ли закончится. И Стас искренне надеялся, что ФСБ, под юрисдикцию которых попадёт впоследствии Диана, сумеют её защитить.

Стас ожидал, когда ему сообщат о состоянии Злотниковой, и когда ему удастся с ней, наконец, поговорить.

Корнилов маялся от двух противоречивых чувств: он боялся за жизнь Дианы и в то же время раздражался, что девушка не пожелала сообщить ему имя поклонника Елизаровой в вертолёте, когда они уже подлетали к Москве.

Тогда она ещё была в сознании и могла говорить. А теперь неизвестно, очнётся она или нет. Хотя в столице врачи, вроде бы, должны обладать более высокой квалификацией, в связи с чем Корнилов возлагал на них большие надежды.

За спиной Стаса раздались чьи-то быстрые шаги, Корнилов обернулся и увидел порядком запыхавшегося Николая Домбровского. Стас ухмыльнулся, мысленно отметив легкий, но заметный загар на лице капитана. Чтобы добраться до истины и узнать побольше о деятельности Argstrong, принадлежавшей Сильвестру Гольшанскому, Домбровскому пришлось ненадолго слетать в солнечную Аргентину.

И хотя Николай пробыл там совсем недолго, его лицо успело приобрести нетипичный для большинства россиян южный бронзовый оттенок.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Давай коротко и о главном, — предупредил Стас. — Что выяснил?

— Если коротко, то Сильвестр был в Аргентине во время большинства эпизодов Портного, — ответил Домбровский и посмотрел в окно палаты, где уныло пустовала больничная кровать, со стоящими вокруг неё мониторами медицинской техники.

— Всё хорошо? — осторожно спросил Коля.

— Не очень, — пробурчал Стас, обдумывая услышанную от Домбровского информацию, — в Argstrong пытались скрыть этот факт?

— Ещё как! — ухмыльнувшись, кивнул Коля. — Но не слишком умело. Кто-то их явно предупредил о моем приезде. Однако подготовиться они всё равно не успели.

— Этот кто-то, скорее всего, Елизавета Гольшанская, — кивнул Стас. — Хорошо. Значит, у нас есть доказательства, что Гольшанский был в Аргентине во время хотя бы

последних убийств Портного?

— Теперь есть, — с толикой гордости ответил Коля, — но это ещё не всё...

Стас удивленно взглянул на подчиненного и вскинул брови:

— Да? Что ещё ты узнал? Удиви меня...

— Это про Нику... — Домбровский прокашлялся.

Одного взгляда на лицо Коли хватило, чтобы Стас внезапно для себя ощутил сперва предательскую слабость в ногах, а затем давящую тесноту в груди.

— Что с ней? — спросил он, выдавливая слова.

— Аспирин, вообще, велел тебе не говорить...

— Коля, что с Никой?! — зарычал Стас, чувствуя, что теряет контроль.

Сердце уже боксировало в груди, нарастающее гадкое чувство невесомости распространялось по всему телу. Разум медленно туманился.

Стас боялся услышать страшное...

— Она пропала, Стас, — голос Коли дрогнул. — Аспирин приказал нашим отслеживать её мобильный номер, но... Сейчас её подруга, ну такая темноволосая и высокая...

— Да, знаю. Это Лера, — ответил Стас.

— Она сейчас сидит в нашем кабинете и ревет, на чем свет стоит. А сначала, когда прилетела вся в мыле, такую истерику там устроила...

Коля фыркнул.

— Сержантов на КПП построила, как детей... Пацаны сроду таких слов не слышали...

— Она говорила, куда Ника отправилась?!

— Да, рассказала, но... всё, что я мог тебе рассказать, я рассказал, а...

— Что?! — скривился Корнилов. — Коля, с кем и куда Ника поехала?! Отвечай! — Стас, ты только держи себя в руках... ладно?!

— Коля! — пророкотал Стас.

Домбровский взволнованно продолжил:

— Это Карабанов... но я тебе ничего не говорил.

Стас вспомнил его: тот капитан из Следственного комитета.

— Какого чёрта ему от неё понадобилось?!

— Я не особо что там понял, да и то, что я тебе рассказал, я случайно подслушал...

— Коля!..

— Да серьёзно, Стас! — развёл руками Домбровский. — Я сам за неё боюсь! Но я правда, больше ни черта не знаю! Аспирин и так разозлился, что я услышал слова этой Леры...

Коля фыркнул и негодуя покачал головой.

— Он же понимает, что я всё равно тебе всё расскажу...

— А что Карабанов? С ним связывались?

— Пока нет, в СКР отмалчиваются и говорят, чтобы мы не лезли, куда не следует.

— Вот оно что, — проговорил Стас, и глаза его чуть сузились.

Мысленно он решил, что если из-за Карабанова с Никой что-то случилось, этого капитана ничто не спасёт. Даже тот факт, что СКР отчитывается лично перед президентом и стоит намного выше УГРО.

Двери в отделение открылись, и в коридор со стуком колёс въехала медицинская каталка, на которой лежала Диана. Стас увидел, что девушка жива, но испытал облегчение лишь отчасти — мысли его уже были заняты Никой и Карабановым! Когда Злотникову

завезли в палату, Стас немедленно ринулся следом.

— Подожди меня, — крикнул он Коле, задержавшись на пороге.

Сопровождавшие каталку Дианы врач и две медсестры попытались выставить Корнилова, но тот настоял:

— Мне нужно услышать от неё ответ только на один вопрос! Потом я уйду!

Медицинские сотрудники вынуждены были уступить. Стас попросил их выйти из палаты, а потом подошел к кровати, на которую бережно переложили Диану.

— Ну как ты? — спросил он и ободряюще улыбнулся ей.

— Нормально, — она устало улыбнулась ему.

Лицо у Злотниковой было бледным, под глазами залегли синяки, а глаза слегка заплыли. Вид у девушки был несчастный и измученный.

— Ты выполнил свою часть нашего договора, — произнесла она тихо.

Стас усмехнулся. Диана пыталась быть серьёзной, но сказанное прозвучало слегка по-детски.

— Да, похоже на то, — вздохнул он.

— Дай мне бумагу и ручку, — попросила Диана.

Стас дал ей свой блокнот, куда записывал показания и информацию по разным делам, и ручку.

Девушка быстро написала что-то на листке блокнота, затем щелкнула ручкой, прицепила её на блокнот и протянула всё это Стасу.

— А теперь, если ты не против, я очень хочу поспать... Но я жду тебя с визитом!

— Обещаю, — улыбнулся Стас. — Обязательно навещу тебя, как только всё закончится.

— И про цветы не забудь! — с шутливой претензией в голосе напомнила Диана.

— Непременно, — пообещал Корнилов.

Выйдя из палаты Дианы, он открыл блокнот и буквально застыл на пороге от написанных рукой Злотниковой имени и фамилии.

— Да чтоб тебя! — тихо выдохнул Стас. — Твою же мать!..

Врать Диане смысла не было. И Стас ей верил. А если так, на самом деле всё теперь куда сложнее и опаснее, чем казалось.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 26 января

Я и раньше терпеть не могла этот газированный напиток со странным цветом, от которого почему-то большинство людей сходит с ума! А уж после того, как пара ящиков с этой жидкостью выпали из пластиковой упаковки и едва не пришибли меня, моё отношение к ней стало откровенно враждебными! Ну теперь пусть только кто-то попробует напевать при мне «Праздник к нам приходит!..». Я сразу же настоятельно посоветую тому человеку взглянуть на множество болезней желудочно-кишечного тракта, которые возникают от этого «волшебного» напитка!

Водитель грузовика высадил меня, едва мы только оказались в черте города. То есть буквально за МКАДом. И я ещё потом полчаса шагала до метро Алтуфьево, стуча зубами от холода.

Хорошо ещё, что в метро меня никто не задержал: помогло то, что я затерялась в толпе

граждан, что спешили на работу. Оказавшись в вагоне поезда метро, я едва не застонала от блаженства. Звучит, конечно, странно, но если вы не ночевали в лесу на морозе в мокрой одежде, вам не понять, какое это счастье — просто оказаться в тепле! Даже в таком неудобном, как метро.

Мне было так хорошо, что я даже начала засыпать и упала на плечо сидящего рядом парня. Но я быстро опомнилась и смущенно извинилась.

На метро я добралась до здания УВД Москвы. На контрольно-пропускном пункте, едва узнав меня (многие здешние сотрудники знали меня в лицо) два парня в полицейской форме немедленно доложили обо всём Аспирину.

Я уже представляла себе разъярённого Антона Спиридоновича и то, что он со мной может сделать, но вместо него на первый этаж здания УВД спустился Стас.

Его появление повергло меня в лёгкий шок, но это чувство тут же сменилось мощным приливом радости. Я была счастлива просто видеть его и знать, что он рядом, передо мной! Я испытывала всплеск теплых и позитивных эмоций, внезапно осознавая, что просто могу коснуться Стаса и просто обнять его.

Я сорвалась с места, бегом бросилась к нему. Корнилов ринулся ко мне навстречу, на ходу раскрыл руки.

Мгновение, и он решительно и порывисто движется ко мне. Мгновение, и я упала ему на грудь и тут же почувствовала, как сильные руки Корнилова от души, крепко, с чувством прижимают меня к нему.

И в этот миг я поняла, что ничего не желала так сильно в последние несколько часов, как того, чтобы Стас меня просто обнял. Просто обнял и прижал к себе, как он это умеет. Я почувствовала ладонь Стаса на своем затылке. Его пальцы зарылись в мои волосы.

— Господи... Ника... что ж ты вытворяешь!.. — выразительно прошептал Корнилов.

Его шепчущий голос проворным и ласковым зверьком скользнул в мои волосы, шустро и ласково обвил шею, затем перебрался на другое плечо и там свернулся в тёплый клубок.

По голосу я слышала, что Корнилов был одновременно напуган и в то же время испытывал невероятное облегчение. А я снова почувствовала приступ вины за свой безответственный поступок, из-за которого Стас вынужден был испытывать бессильный страх. Омерзительное чувство, которое делало его слабым и беспомощным в его же глазах. Чувство вины хищными когтями болезненно оцарапало меня где-то глубоко внутри. Я сжала в кулаках лацканы пиджака Стаса.

— Прости, пожалуйста... — прошептала я в его грудь.

— Всё в порядке, — произнес он и попросил, — не извиняйся.

Он погладил меня по волосам, и я сильнее прижалась к его груди.

Спустя примерно минут семь я сидела в кабинете особой оперативно-следственной группы УГРО и в хронологическом порядке пересказывала последние двадцать четыре часа из своей жизни. Разумеется, я не стала рассказывать о том, что Карабанов заставил меня раздеться перед ним.

Во-первых, я не хочу это вспоминать и, тем более не хочу, чтобы об этом знал кто-то ещё. Возможно, я расскажу об этом Стасу и Лере, но не более того.

Во-вторых, я боялась, что Стас или неукротимый Сеня могут потерять контроль над собой и наделать глупостей, которые, с одной стороны, обернутся большими проблемами, а с другой, никак не изменят того, что случилось.

Мне выдали женскую униформу полиции, которая довольно неплохо на мне сидела, хоть и была немного великовата, и шерстяной уютный плед, которым я с благодарностью укрылась. Мои голые ступни находились в тазу с горячей водой, а ладони приятно грела чашка с горячим шоколадом.

В кабинете собралась вся команда: Стас, Коля, Сеня (у которого были свежие ссадины на лице), Бронислав и, конечно, сам Антон Спиридонович.

Мужчины слушали меня с различным выражением на лицах. Стас сдержанно и сосредоточенно. Коля с немым изумлением, Сеня с ужасом, а Бронислав с сочувствием и легкой ухмылкой на лице. Аспирин же выглядел мрачно и угрожающе, и в его сторону я вообще старалась не смотреть.

Когда я закончила, потрясенными выглядели все. Полицейские с неловким видом обменялись взглядами.

— Ника, — вдруг произнёс Бронислав, — а эти люди, которые стреляли в тебя и Карабанова, ты могла бы узнать их?

Я задумалась и чуть погодя ответила:

— Разве только по голосу.

— Уже кое-что, — вмешался Стас. — Товарищ генерал, вы сумели выяснить, где сейчас капитан Карабанов?

— Нет, — ворчливо ответил Аспирин. — СКР отмалчиваются и говорят, что если даже Карабанов в чём-то виноват, то они сами разберутся.

— Понятно, — прокомментировал Стас с мрачной задумчивостью и посмотрел на меня. — Ника, я должен тебе кое-что рассказать, о чем сам узнал недавно, и я вынужден просить твоей помощи.

Он грустно улыбнулся.

— Уже в который раз.

— Я готова, — решительно кивнула я. — Только, пожалуйста, освободите Мирона... Карабанов может с ним что-то сделать, и тогда...

— Не переживай, пацана мы этого вытащим, — отмахнувшись произнес Аспирин. — Главное, чтобы он действительно не был ни в чем замешан.

— Он не замешан! — с взволнованной горячностью воскликнула я.

— Вот и отлично, — кивнул генерал Савельев. — Расскажи ей Стас.

Я перевела взгляд на Корнилова. Тот посмотрел мне в глаза и сказал такое, от чего я вновь ощутила хорошо знакомое мне убийственное чувство холода. Только на этот раз от страха и шока.

— Это правда?! — помедлив ошарашенно спросила я. — Ты узнал это от той девушки, ну которая?..

Я замялась, не зная, как охарактеризовать тот случай, когда на некоторое время оказалась в теле маленького снегиря.

— Да, — Стас отлично понял меня. — Да, от неё. И вряд ли она врёт.

— Во всяком случае, — снова встрял Аспирин, — мы кое-что проверили, и вроде большая часть фактов сходится.

Стас шагнул ко мне, присел рядом и положил руку мне на колено.

— Ника, — произнес он негромко, — тебе нужно отдохнуть после всего, что ты пережила. Но очень недолго. У нас мало времени, и действовать придётся очень быстро. А без тебя я не справлюсь.

Он покачал головой и виновато улыбнулся.

— Я помогу!.. — я порывистой горячностью воскликнула я. — И отдыхать мне не нужно! Только я сначала хочу увидеться с Леркой... Она же там с ума, наверное, сходит!

— Да, — хмыкнув, ответил Аспирин и скривил рот в ухмылке, — твоя подруга здесь такой скандал закатила!

— А где она сейчас?

— Дома, надеюсь, — ответил Антон Спиридонович, — во всяком случае, мы её домой отправили и пообещали, что найдем тебя.

— Тогда мне нужно к ней, — я вынула ноги из таза с горячей водой, надела носки и стала надевать полицейские ботинки, которые мне также одолжили.

К Лерке меня отвёз Коля, так как машина Стаса, по его словам, ещё не добралась из Владимира.

Едва я позвонила в дверной звонок, как дверь квартиры Логиновых распахнулась, и на пороге возникла растрепанная Лерка. У неё было покрасневшее лицо с мокрыми от слёз глазами и несчастный вид. Я не успела и слова сказать, как Лерка бросилась ко мне и заключила в такие тесные объятия, что, по ощущениям, чуть не сломала мне шею.

— Где ты была?! — рыдая, завывала она мне на ухо. — Я чуть не рехнулась тут! Господи, Роджеровна! Я же тут уже такого надумала! Я думала, тот козёл тебя прирезал где-нибудь и... и, вообще, я уже боялась, что тебя больше никогда... не ув-и-ижу!..

Договорить она не смогла и, сжав меня ещё крепче, истошно разрыдалась. У меня по щекам тоже текли слёзы, мне было бесконечно жаль и Стаса, и Лерку, и всех, кто переживал за меня. Я могла только догадываться, какой ужас они пережили!

Однако, времени на совместные переживания и слёзы, действительно, не было. Если то, что сказала Стасу Диана, правда, нужно предпринимать немедленные действия! Дождавшись, когда Лерка хоть немного успокоится, я рассказала ей, что со мной происходило. Услышав про то, что в отчаянной попытке спастись мне пришлось нырнуть в ледяную воду, Логинова уставилась на меня округлившимися глазами.

— Чёрт возьми, Роджеровна! Ты... Как ты вообще выжила!

Я чуть скривила губы в усмешке и, переодеваясь в свою куда более привычную одежду, пробормотала:

— Я бы назвала это чудом, но настоящие чудеса были впереди, когда я выбралась.

Я рассказала ей про её зажигалку и про то, как эта маленькая шутовина в самом прямом смысле спасла мне жизнь! Лерка приняла из моих рук зажигалку и с самодовольным видом щелкнула пальцами:

— Вот! Теперь ты не посмеешь больше делать мне замечания по поводу сигарет!

— Посмею, Лер, посмею, — засмеялась я, — потому что я твоя подруга и переживаю за твоё здоровье, и тем более за твой голос, который ты упрямо пытаешься прокурить до хрипоты.

— Ладно, потом поговорим про это, — отмахнулась Логинова. — Ты есть будешь? Я суп приготовила. Сама, между прочим! Так что давай...

— Лер, Лер, — я подняла ладони, останавливая её, — мне надо ехать...

У Логиновой опустились руки, и взгляд вновь померк.

— Опять? — спросила она погрузневшим голосом.

— Лер, это просто.

— Да знаю, знаю, — недовольно пробурчав, кивнула Логинова, — опять нужна твоя

помощь в расследовании!

— Да, — тихо ответила я. — Нужна.

— А без тебя никак пару дней не обойдутся?! — недовольно ворчала Лерка. — Ты такое пережила!.. Кстати, а что там с Мироном?

— Антон Спиридонович сказал, что они его вытащат, а вот пару дней и даже день без меня не обойдутся, Лер. Прости...

— Чего ты извиняешься? — пожала плечами Лерка. — Это им нужно перед тобой извиняться, что они тебя юзают постоянно...

— Лер... — жалобно проговорила я.

— Ну, а что?! — вспыхнула Логинова. — Что, не так?! Ты посмотри на себя! Ты еле выжила там! А тебя уже тянут из огня да в полымя, чёрт возьми! Ну что это за хрень такая?!

— Лер, я сама вызвалась, — ответила я.

— Конечно! — возмущенно всплеснула руками Лерка. — Естественно, ты сама вызвалась! Тебе жалко их там всех, козлов этих!

— Они не козлы, Лер, они просто выполняют свою работу, — отведя взор, ответила я. — Потому что больше некому.

— А ты...

— И я им помогаю, потому что... потому что больше им обратиться не к кому, — тихо, но твёрдо проговорила я.

Логинова поникла, но выражение её лица продолжало оставаться недовольным.

— Всю жизнь будешь им помогать? — проворчала она.

Я ответила не сразу. Я никогда серьёзно об этом не думала. И вопрос Лерки заставил меня задуматься. А смогу ли я когда-нибудь сказать «нет»? Смогу ли сказать Стасу или кому-то другому, что я хочу хоть немного пожить нормальной жизнью? Хотя бы попытаться побыть обычным человеком и пожить обычную *спокойную* жизнь?

Я знала, что это чепуха. Во всяком случае, до тех пор, пока я не научусь контролировать свои способности. Да даже если и научусь... Я даже представить себе не могу, что откажу Стасу в помощи. Кому-нибудь другому — может быть. А Стасу или Коле, или Сене... Или даже Брониславу... Нет, я не смогу сказать им «нет» и бросить их в каком-нибудь трудном и тяжелом деле. Я вру сама себе, что не знаю, смогла бы я отказаться помогать сыщикам в расследовании. Я знаю, что не смогу. Отлично знаю, меня будут преследовать если не воспоминания, то мысли о том, что я могла, но не стала помогать!

Я вышла из квартиры Логиновых, оставив рассерженную Лерку одну.

Внизу во дворе возле дома меня ждал в машине Коля. Когда я села рядом с ним, Домбровский внимательно посмотрел на меня.

— Всё в порядке?

— Да, — солгала я. — Поехали, пожалуйста.

Я пристегнулась и уставилась в окно.

Что обычно чувствует человек, приближаясь к местам массового захоронения людей? Угнетение, страх, уныние, печаль и некое внутреннее опустошение? Некоторые, правда, не ощущают ничего, но даже эти уникальные люди ощутили бы всё выше перечисленное и даже больше, приближаясь к воротам тюрьмы «Чёрный дельфин».

Я же сильнее всего ощущала ужасающую и поистине гнетущую, мрачную пустоту, когда мы в полицейском Ниссане подъезжали к зданию тюрьмы.

Эта пустота ознаменовала отсутствие всего, из чего состоит положительная сторона нашей жизни.

Я сейчас говорю не о счастье или радости, этих двух вещей в таких местах почти не бывает. Речь прежде всего о том, что даёт нам силы переживать тяготы, лишения и беды — надежды, мечты, фантазии о лучшей жизни, планы, цели и способы их достижения. Всего этого здесь не просто не было, здешняя среда была категорически непригодна для подобных, позитивных «субстанций». Всё хорошее и светлое, чистое и непорочное в здешних местах казалось эфемерным.

И зловещая пустынная округа с редкими кривыми деревьями и высохшим кустарником была под стать тому, что обитало в стенах тюрьмы «Черный дельфин». А там жила тьма. Бездонная, бесконечная, жестокая и ненасытная тьма. Она рождалась в душах живущих за решеткой чудовищ с обманчивым обликом человека и сгущалась под сводами угрюмых коридоров. Она касалась и пачкала каждого, кто переступал порог тюрьмы.

Я, Стас и Сеня, скорее всего, не будем исключением.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 27 января

Когда они подъезжали к стенам тюрьмы, Стас начал то и дело бросать изучающие и пристальные взгляд на Веронику. По дороге сюда Ника рассказал ему обо всех своих видениях, куклах, которые они с её друзьями находили, о том, как они следили за Клавдией Фоминой, и как пробрались в дом, где проходила сделка между Нестором Беккендорфом и Нифонтом Алсуфьевым. И про то, как они спасли Раду, а потом Бронислав застрелил Нифонта.

Корнилов был ошарашен известием о том, что «Портной», на самом деле, никуда не уходил все эти годы. Все эти четыре года он убивал... Стас отчитал Нику за то, что она сразу не пошла к нему, как только увидела воспоминания, касающиеся попытки убийства Людмилы Елизаровой.

Но девушка только постоянно извинялась и твердила, что боялась отвлекать его, не имея достаточного количества информации.

«А потом все так закрутилось, я торопилась узнать как можно больше, но когда узнала и пришла... Аспирин сказал, что тебя нет в городе, и, вообще, ты другим делом занят...» — потупив взор проговорила Ника.

Корнилова ощутимо грызла совесть за то, что он вынудил её ехать с ним сюда, в это отвратительное, насквозь пропитанное кошмаром человеческих преступлений место. Стас знал, как хорошо, ярко и отчетливо Ника будет ощущать обитающее здесь кровожадное зло. Он знал, какой пыткой для неё окажется пребывание в стенах этого проклятого места, знал — и мысленно ненавидел себя за то, что попросил у неё помощи.

Да, Лазовская могла отказаться, но Стас знал, что Ника на это не способна. Её доброта — её проклятие. А ещё Стас понимал, что «расколоть» кое-кого, заставить признаться в своей лжи и раскрыть секреты своей семьи, о которых поведала в своем рассказе Ника, может только эта синеглазая девочка с сияющими светлыми волосами. Только Ника обладает уникальной способностью заглянуть в любую человеческую душу и добраться до самых сокровенных тайн.

Вот только касаясь и узнавая чужие тайны, Ника, особенно в случае таких людей, как Сильвестр Гольшанский, ступает в непроходимые и вязкие «болота» из мрачных и тяжелых для осознания тайн. Ника проживает и чувствует всё то, что видит в прошлом других людей. И это влияет на неё самым пагубным образом.

Именно поэтому Корнилов старается беречь её и до последнего не позволяет ей участвовать в расследованиях, подобных делу о «Сумеречном портном». Он делает всё, чтобы она однажды не «утонула» в одном из таких «болот».

Помимо Сильвестра, Стас также хотел поговорить с Артёмом Солонкиным. Корнилов хотел получить подтверждения сведениям, полученным от Дианы Злотниковой. Хотя он не сомневается в искренности девушки, аргументы всё же лишними не бывают. Но Солонкина Стас оставил на потом, сначала ему было нужно разговорить Сильвестра.

Начальство тюрьмы было покладистым и всячески содействовало. Во-первых, здесь были наслышаны о Стасе и его группе, и среди заключенных «Чёрного дельфина» было немало тех, кто попал сюда стараниями особой оперативно-следственной группы Корнилова. Во-вторых, здесь все восхищались Сеней и его отчаянной храбростью. Многие встреченные в тюрьме охранники пожимали Арцеулову руку и сыпали комплиментами. Сеня, даром что брутальный здоровяк, улыбался и даже краснел от удовольствия.

Наблюдавшая это Ника то и дело украдкой улыбалась, радуясь за Сеню.

Сильвестра привели в комнату для допросов. Перед тем, как зайти к нему, Корнилов посмотрел на Нику. Девушка изучающе рассматривала Гольшанского через зеркало Гезелла.

— Мне может потребоваться твоя помощь именно в разговоре с ним, — тихим голосом напомнил Стас.

Ника одарила его пристальным продолжительным взглядом и проговорила:

— Я знаю.

— Ты...

— Я готова, Стас, — ровным голосом негромко ответила Лазовская.

Стас кивнул и, повернув ручку двери, вошёл к Сильвестру.

Первое, что Корнилов увидел в глазах Гольшанского, это безмятежность и хладнокровное высокомерное безразличие. Стас положил на стол папку с документами, которые привёз из Аргентины Коля Домбровский.

— Я ожидал, что вы заявитесь, господин подполковник, — проговорил Сильвестр.

— Неужели? — Стас сел напротив Сильвестра.

— Я не сомневался, что вам станет интересно, за что меня пытались убить.

В голосе Гольшанского слышалось слегка издевательское и всё такое же высокомерное бахвальство. Ему в какой-то мере льстил тот факт, что покушение на его жизнь вызвало такой резонанс в тюрьме и во всём МВД. Во всяком случае, именно так он сейчас и думал.

— Мне без разницы, кто и за что пытался вас убить, — безжалостно и не без удовольствия «обломал» его Стас. — Меня гораздо больше интересует, как вы объясните вот это...

Корнилов открыл папку и положил перед Гольшанским копии несколько документов. Сильвестр, звякнув наручниками, которыми он был прикован к столу, взял в руки один из листов. Как только его глаза побежали по строкам, Сильвестр изменился в лице. На смену показательному безразличию, пришло крайней степени удивление и даже нечто похожее на страх. Он прочитал документ, затем резко взял другой, поднес к глазам. Стас не без удовлетворения наблюдал за реакцией Сильвестра.

Он видел, что Гольшанский не на шутку разнервничался, и это означало, что Стас попал в цель.

— Не знаю, как вы всё это разноухали, — ответил Сильвестр, отложив все листы обратно, — но я дальше и слова не скажу без своего адвоката.

— Думаете, ваш адвокат сможет объяснить, зачем вы взяли на себя убийства настоящего «Портного»? — спросил Стас.

— Портной — это я! — вскричал во внезапной вспышке бешенства Сильвестр.

Он дёрнулся из-за стола, но наручники прочно удерживали его, не давая подняться.

— Слышишь меня, мусор вонючий! — проорал с ненавистью Сильвестр. — Это я! Я! Я мать твою! Я тот самый портной!!! Я убивал этих девочек!!! Я готов двести раз это повторить!!! Чего тебе ещё надо, говнюк?!! Ну какого х**а ты всё копаешь и копаешь!!! Чёрт бы тебя побрал!

В комнату для допросов вбежали двое охранников в чёрно-оливковой униформе.

— Спокойно! — Стас не оборачиваясь вскинул левую руку.

Охранники нерешительно остановились.

— Всё в порядке, — оглянувшись на них, произнес Стас.

Сотрудники тюрьмы вышли из комнаты, и Стас увидел, что за их спинами стоит Ника. Взгляд её синих глаз был прикован к Сильвестру.

Корнилов подхватился из-за стола и быстро подошел к Нике.

— Ника, подожди пожалуйста за дверью...

— Дай мне с ним поговорить, — Лазовская глядела на Стаса снизу вверх.

— Ника, мы так не договаривались. Ты помнишь, что я тебе говорил?

— Помню.

— И?

— Дай мне с ним поговорить. Пожалуйста.

Корнилов изучающе взглянул на неё.

— Ты хорошо подумала?

— Да.

— Но я буду рядом.

— По-другому я бы и не согласилась, — пожала плечами Ника.

— Ладно, — вздохнул Стас и обернулся на Сильвестра.

Тот с подозрением и непониманием, скривив лицо, наблюдал за Стасом и Никой.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 27 января

Странно и непривычно было видеть лицо Сильвестра Гольшанского после того, как я вынудила ту волчицу наброситься на него.

Сильвестр смотрел на меня со смесью настороженности и пренебрежения.

— А ты ещё кто? — ворчливо спросил он.

— В данный момент, это не так важно, — ответила я, осторожно сев напротив него. Стас встал возле стола между нами. Руки он держал опущенными вдоль тела, чтобы успеть среагировать, если понадобится.

— Гораздо важнее, — проговорила я, глядя в серо-зеленые глаза Сильвестра, — кто, на

самом деле, вы?

— Чего?! — рот Гольшанского скривился. — Ты о чем, малявка?

Он взглянул на Стаса.

— Подполковник, это вообще кто? Ты зачем привел сюда эту соплячку?! А?!

Стас не ответил.

Вместо него говорить продолжила я.

— Сильвестр, я знаю, что вы не Сумеречный портной, — проговорила я.

Гольшанский перевёл на меня тяжелый уничтожающий взгляд.

— Что ты можешь знать, пискля безмозглая? — со злым презрением спросил он.

Я проглотила это оскорбление и проговорила:

— Достаточно много, господин Гольшанский. Например, я знаю, что вы пытались убить Людмилу Елизарову...

— Я её *убил!* — прорычал Сильвестр и чуть наклонился ко мне. Я увидела, как Стас дёрнулся, но я незаметно для Сильвестра остановила его движением руки.

— Нет, — ответила я, глядя на своё отражение на радужках глаз Гольшанского. — Вам помешала волчица, которая напала на вас.

И тут глаза Сильвестра округлились от удивления. Но, надо отдать должное, он сумел быстро взять себя в руки.

— Что ты несёшь?! Какая ещё волчица?!

— Та самая, — чуть улыбнулась я, — которая отобрала у вас ключи от автомобиля и убежала с ними в лес.

Сильвестр начал бледнеть. Но упрямо продолжал сохранять остатки самообладания. Он крепче, чем я думала. Обычно, когда людям говорят в лицо некую правду, о которой, как они думали, никто не знал, это всегда шокирует и сбивает с толку. А уж качество и продолжительность шока зависят от значимости тайны, которую раскрыли перед человеком, что хранил её. Как правило, чем страшнее или невероятнее раскрытый секрет, тем глубже потрясение.

— Ну и фантазия у тебя, девочка, — проговорил Сильвестр.

Но едва-едва подрагивающий голос Гольшанского выдавал его состояние.

— Уверены? — я чуть подалась вперёд.

Сильвестр смотрел мне в глаза, и в этот раз его лицо буквально перекосило.

— Не может быть... — шепнул он едва слышно.

Он тут же отстранился и затряс головой, словно пытаясь отогнать какое-то наваждение.

Стоящий рядом Стас тоже слушал с неослабевающим вниманием, историю про волчицу он уже знал, но без особых подробностей.

— Раненая вами Людмила сбежала от вас в лес, — продолжала я, — вы кричали ей вслед... Я нахмурила брови и потом, вспомнив, проговорила:

— «Ты подохнешь здесь! В этом лесу! Тебя даже не найдут, грязная шл**а! Дрянная ты подстилка!»

Я внимательно следила за лицом Сильвестра. Гольшанский буквально пожирал меня взглядом.

— Что за фокусы? — прорычал он. — Вы что... вы что следили за мной? Как? Каким образом?!

— Это не важно, — вмешался Стас. — Сейчас имеет значение, чтобы вы сказали правду.

— Правду? — скривился Сильвестр. — Какую ещё правду?! Вы и так уже знаете гораздо больше, чем я думал!

— И даже больше, — вздохнув, добавила я.

Гольшанский снова уставился на меня.

— Вы помогали Портному в совершении преступлений, — продолжала я тихим и грустным голосом.

— Что за чушь?!

— Вы даже принудили Нифонта Алсуфьева помогать вам в этом — шить платья для ритуалов, которые проводил убийца.

— Что?! При чем тут ещё Алсуфьев? Он начальник службы безопасности в моем банке...

— И по совместительству ваш внебрачный сын, — вставила я.

Сильвестр буквально подавился воздухом.

— Однако вас всегда раздражал факт его существования, — беспощадно, но с печалью в голосе продолжала я. — Вы заставляли себя смириться с тем, что вы являетесь его отцом.

Я сделала небольшую паузу.

— Однажды Нифонт назвал вас отцом, и вы ударили его и накричали... Вы тогда сказали... «Ты родился от меня, но лишь потому, что двадцать пять лет назад я подвозил твою мать до дома...». Помните?

Судя по выражению лица Сильвестра, он помнил. И сейчас ему, видимо, стало по-настоящему страшно.

— Да кто ты... Кто ты, чёрт побери, такая?!

Я позволила себе кроткую улыбку и ответила:

— Скажу, если признаетесь.

— В чем?! В чём, твою мать, ты хочешь, чтобы я признался?!

— Что вы не «Сумеречный портной», — не реагируя на его злость, мягко ответила я. — Вы помогали ему, и Алсуфьев тоже, но вы — не «Портной». Я уже дала вам понять, что знак это наверняка.

Тут к Сильвестру вернулись самообладание и выдержка.

— Так в чём же дело? Зачем тебе моё признание, девка?

— Потому что настоящий убийца до сих пор на свободе, — ответила я, глядя в глаза Сильвестра, — а вы его покрываете.

— Кроме твоих... фантазий, у вас нет никаких доказательств, — голос Гольшанского был перенасыщен ядом.

— Вы же понимаете, что его всё равно поймают, — проговорила я.

Возможно, я занимаюсь пустым делом, что пытаюсь достучаться до сознательности Сильвестра, но мне очень хотелось, чтобы он понял. Я была бы безмерно рада, если бы люди вроде Сильвестра в какой-то момент смогли осознать и понять весь ужас и кошмар своих деяний! Понять, сколько непростительных проступков они совершили и отказаться от совершения новых злодеяний!

— Он ведь уже не сможет остановиться, — продолжала я. — И вы это знаете, Сильвестр. И если вам наплевать на всех окружающих людей, то подумайте хотя бы о своей внучке!

— Что?! — фыркнул Сильвестр. — С обеими моими внучками всё в порядке!

— Вы уверены, что у вас их две? — проникновенно спросила я.

Я старалась не смотреть в сторону Стаса, который, кажется, опешил не меньше

Сильвестра.

— Ты что городишь, пискля белобрысая? — прорычал Сильвестр.

— Вы знали, что ваш сын причастен к групповому изнасилованию?

— Врёшь! — Удивление и злость Сильвестра были неподдельными.

Надо же, его дорогой сынок ничего ему не говорил про тот вечер, когда изнасиловал мать Рады Любинской?

— Нет, — качнула я головой. — Не вру. И вы уже должны были понять, что я знаю о вас гораздо больше, чем вы могли бы представить.

Конечно, я точно не знала. Я лишь предполагала такой поворот событий, отталкиваясь от такой вероятности. Фактически я импровизировала, но... от мысли, что есть подобная вероятность, что маленькая Рада может оказаться дочерью... одного из насильников её матери, который ещё и окажется страшным убийцей... От этой мысли меня пробрал внезапный озноб!

Я поднялась из-за стола и направилась к двери.

— Эй, ты куда это собралась?! — заорал Сильвестр.

Он попробовал подняться, но его удержали цепи.

— Слышишь?! Эй! Я с тобой говорю! А ну вернись, дрянь белобрысая! Повтори, что ты сейчас сказала?! Какая ещё внучка?! Эй, вернись, я сказал!

Он истошно и яростно кричал мне вслед, громко звеня наручниками.

Я вышла из комнаты допросов и, закрыв глаза, несколько раз глубоко вздохнула. От захлестнувшего меня напряжения и переживаний кровь гулко стучала в висках, и слегка подрагивали пальцы на руках.

Следом за мной вышел Стас. Он подошёл ко мне, я быстро обернулась и увидела на лице Корнилова ошеломление.

— Ника, что это сейчас такое было?! — спросил Стас, пристально глядя на меня. — Кого изнасиловал сын Сильвестра? У него, правда, есть внучка?

— Я... я не знаю, — ответила я. — Орест Гольшанский несколько лет назад изнасиловали некую девушку, Валентину Любинскую. И потом после этого она родила дочь Раду...

Я рассказала Стасу про тот злосчастный день, когда Брон вёз Валентину в больницу, и про то, как она погибла.

Стас закрыл лицо ладонями.

— Тебя категорически нельзя оставлять без присмотра, Ника, — тяжело проговорил он. — Стоит только отвернуться, как ты уже влипнешь в какую-нибудь историю!

— Прости, — виновато пискнула я.

— Ника, есть ещё что-то, о чем я должен знать? — спросил Стас.

— Нет, — вздохнула я, думая о том гараже, в котором меня заставил раздеться Карабанов. — Нет...

— Уверена? — спросил Стас с лёгкой издевкой. — Почему ты мне не рассказала про Алсуфьева? Что он сын Сильвестра?

— Прости, — снова повторила я, чувство вины было подобно следам от пощечины. — Я... я просто... после всего, что происходило... Я...

Я не знала, что сказать в свое оправдание. На глазах у меня появились слёзы, перед глазами все начало стремительно расплываться.

— Прости... — всхлипнула я. — Я забыла тебе сказать... просто столько всего...

— Я понимаю, это ты меня прости, — сочувственно произнес Корнилов, погладив меня по голове.

Он оглянулся на зеркало Гезелла, я тоже посмотрела туда. Там за стеклом Сильвестр Гольшанский беззвучно кричал и неистово стучал кулаками по столу.

— Ты выбила его из колеи своими словами про внучку, — проговорил Стас.

— Это только мое предположение, — напомнила я. — Рада могла родиться от любого из тех насильников...

— Но мы будем придерживаться твоей версии, — проговорил Стас, взглянув на меня. — Она отлично подействовала на Сильвестра.

— Хорошо, — кивнула я.

Он ринулся к двери допросной, но когда я последовала за ним, остановил.

— Нет, — твёрдо сказал Корнилов. — Не нужно... Ты сделала то, что должна была.

Стас улыбнулся мне.

— Дальше я сам.

— Ладно, — я пожала плечами. — Как скажешь...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 27 января

Как только он вернулся в допросную, Сильвестр немедленно вскричал:

— Где она?! Где эта белобрысая дрянь?! Приведи её сюда, подполковник! Пусть немедленно объяснит! Я хочу знать, про какую внучку она говорила! И кого изнасиловал мой сын?!!

— Тогда заткнись, сядь и слушай, — проговорил ему Стас.

Сильвестр ожег Стаса взглядом, но всё же опустился на стул.

Корнилов садится не стал, оставшись стоять над Сильвестром.

— Поговорим о приюте «Зелёная колыбель»? — спросил Стас.

Гольшанский в ответ криво усмехнулся.

— Разнюхали всё-таки...

— Портной продолжал убивать девочек все эти годы, — Стас не спрашивал. — За девочками, обычно, приезжал ты или Нифонт.

Гольшанский посмотрел в глаза Стасу, и Корнилов понял, что они с Никой вышли на верный путь. И более того, вот-вот подберутся к истине.

— Если вы знаете про приют, — ответил Гольшанский, — вы должны знать и о Беккендорфе.

— Мы о нём знаем и ищем его, — кивнул Стас. — Скажи, Сильвестр, а не ты ли подсказал этому подонку устроить в приюте подпольный бордель для богатых педофилов?

— Нет, — скривился Сильвестр, — девочки меня интересовали только ради ритуалов.

Он хмыкнул и покачал головой.

— Я видел новости. Такого количества арестов среди чинуш и олигархов наша Русь давно не видела...

— То ли ещё будет, — протянул Стас.

— Только о новой социалистической революции не мечтайте, подполковник, — ответил Сильвестр. — Вы, вроде, не похожи на идиота.

— Оставим политику, — предложил Стас, — кто эта женщина, ради которой вы и Портной совершали эти убийства?

Сильвестр отвёл взор. Стас подошел к столу:

— Сильвестр! Кто эта женщина?! Зачем ей эти убийства?! Зачем ей смерти девочек?! Отвечай!..

— Я не могу!.. — прорычал Сильвестр и поднял взор на Стаса.

Несмотря на то, что его лицо искажала злость, Корнилов отчётливо разглядел в глазах Гольшанского неподдельный страх. Не тот страх разоблачения, который появился у него от слов Ники, и не тот удивленный взгляд, когда девочка рассказала про то, чего никто знать не мог априори. Нет, сейчас в глазах Сильвестра засел самый настоящий ужас перед чем-то неотвратимым и колоссально кошмарным. Так чего же так может бояться безжалостный и хладнокровный подонок, вроде Сильвестра Гольшанского? Особенно, если учитывать, что Людмила не первая любовница, которую он «наказал» или, вернее, пытался «наказать».

— Вы не понимаете, куда лезете, подполковник! — в глазах Сильвестра подрагивали лихорадочные блики. — Она... она— это нечто гораздо более худшее и опасное, с чем вы когда-нибудь могли бы столкнуться!..

Стас не перебивал его.

— Эти девочки... они...

Он не смог договорить и замотал головой.

— Сильвестр, договаривайте, — приказал Стас.

Но Гольшанский упрямо покачал головой.

Корнилов вдруг ощутил, что его переполняет странное мрачное и угнетающее чувство. Оно, подобно отравленному воздуху, стремительно заполняло комнату для допросов. Нечто невидимое и неосоздаемое, вызывающее гадкое и мерзкое предчувствие приближающейся беды. Оно стремительно крепло, росло и накапливалось.

Стас почувствовал, как внезапно стало тяжело дышать, и как замедляется его сердцебиение. Корнилова пронзил истинный ужас, он вдруг осознал, и эта мысль крепко засела в голове, что он может погибнуть. Прямо здесь, сейчас. Просто взять и умереть. Судя по всему, с Сильвестром происходило что-то похожее.

И в этот миг дверь в комнату отворилась, Стас обернулся и увидел вбегающую Нику. Корнилов что-то крикнул ей, но с удивлением обнаружил, что у него нет сил кричать. Его тело стремительно слабело, лицо покрывалось жаркой испариной, а ноги подкашивались.

Ника бросилась к Стасу, схватила его за руку, и Корнилов словно плотнул свежего чистого воздуха. Странное наваждение исчезло, испарилось, будто его и не было. Корнилов увидел, как Ника, отпустив его, подошла к обмякшему Сильвестру и теперь коснулась его руки.

Как и Корнилов, Гольшанский мгновенно пришел в себя.

— Чёрт возьми!.. — выдохнул он. — Что же вы наделали, мать вашу...

Он нервно сглотнул.

— Теперь она всё знает... — Гольшанский ошарашенно покачал головой. — она знает про вас...

— Сильвестр, — промолвила Ника.

Он посмотрел на неё.

— Вы можете помочь остановить её и прекратить весь этот ужас. Вы же сами страдаете, наверняка страдает и вся ваша семья. Ради себя, вашей матери, вашего сына и вашей внучки,

которой нужна семья... Прошу, помогите нам.

— Не могу... — процедил Сильвестр. — Не могу!..

— Тогда хотя бы скажите, как мы могли бы...

— Беккендорф! — морщась, как от невыносимой боли, процедил Сильвестр. — Найдите Нестора Беккендорфа! У него... у него есть записи...

— С клиентами его борделя? — спросила Ника.

— Чёрт! Не только... У него есть... записи, которые вам нужны...

Стас с потрясением наблюдал за Сильвестром. Гольшанский явно говорил через силу. Словно нечто мешало ему и удерживало его от дальнейших разговоров. Стас вспомнил рассказ Ники о той ферме, где чуть не убили Радугу Любинскую и о той странной рыжеволосой женщине, которая, если верить Нике, буквально излучала некую «уничтожающую и удушающую ауру». Стасу стало по-настоящему жутко.

— Записи, на которых всё видно... — продолжал Сильвестр.

— Что видно? — спросила Ника.

— Всё... всё, что вам нужно... — выдавил Гольшанский.

Затем, вдруг, он странно подавился и, соскользнув со стула повис на наручниках возле стола. Тело его конвульсивно задёргалось, глаза закатились, а через стиснутые зубы проступила пена.

— Врача сюда! — открыв дверь допросной, проорал Стас.

Но, когда в комнату ворвались сразу двое сотрудников медчасти, они увидели Нику, которая сидела возле неподвижного Сильвестра и, держа ладони на его лице, что-то умиротворяюще шептала.

Присмотревшись, Стас с удивлением обнаружил, что Сильвестр спит.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 27 января

— Это всё она, та женщина, Стас, — убежденно проговорила Ника, когда они снова оказались в машине.

— Ты увидела её в воспоминаниях Сильвестра?

— Не четко, но да, — кивнула я.

— Что там такое происходило? — вмешался, молчавший до поры, Сеня. — Что с Сильвестром?

— Эпилептический припадок, — будничным тоном ответила я.

— Он же вроде не эпилептик, — недоуменно сдвинув брови, проговорил Арцеулов.

— Я тоже, — хмыкнул Стас, — но, если бы не Ника... скорее всего, я бы валялся рядом с Сильвестром.

— Это всё она, — снова повторила Ника. — Я не знаю, как это объяснить Стас, но это она... Она во всём виновата, и именно она принуждала Сильвестра и Нифонта помогать ей...

— Значит «Сумеречный Портной» — та рыжеволосая баба, с которой столкнулась Ника на той ферме? — спросил Арцеулов.

— Не совсем, — проговорила я, — я бы сказала, что «Сумеречный Портной» — это сразу несколько людей.

— Угу, — кивнул Сеня, — Сильвестр, Нифонт, эта рыжеволосая ведьма... кто ещё?

Я посмотрела на Стаса, тот пожал плечами.

— Это нам теперь и предстоит выяснить, — он сдал назад и развернул автомобиль, — у кого самые главные роли.

— И поможет нам в этом Беккендорф. — вставила я.

— Его и след простыл, мы нигде не можем его отыскать, — уныло и раздосадовано ответил Арцеулов.

— Да, но вы искали его без меня, — с толикой ехидного самодовольства, ответила я.

Стас понимающе усмехнулся, Сеня тоже довольно заулыбался.

— Стас, а с Солонкиным ты поговорил? — спросил Арцеулов, когда мы отъехали достаточно далеко от тюрьмы.

— Да, — кивнул Стас, — всё подтвердилось. Диана не соврала.

— Как она там, кстати? — спросила я.

— Жить будет, — кивнул Стас. — ФСБ о ней позаботятся.

— Надеюсь, они устроят Гудзевичу хорошенькую взбучку, — мстительно проговорил Сеня. — Нашу страну давно пора очистить от все этой преступной требухи из 90-х...

— О-о, Сеня, — усмехнулся Стас, — это не так просто... Развалить и изгадить страну было делом нескольких дней и пары-тройки лет, а вот навести порядок... Я думаю, ещё следующему поколению с этим «наследием» хватит проблем выше головы.

— Мы вас не подведём, — кротко улыбнувшись, заметила я.

Стас взглянул на меня в зеркало заднего вида.

— Не сомневаюсь, — ответил он.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 28 января

Москва выростала из-за горизонта, куда устремлялось прямое, как стрела, шоссе. Столичные высотки медленно и неторопливо поднимались на фоне зимнего неба, напоминавшего по цвету залитую водой белую бумагу. С унылого беспросветного небосвода привычно сыпался снег. Стас надавил ногой на педаль акселератора, его внедорожник ринулся вперёд, обгоняя едущие впереди автомобили.

Ожил мобильный телефон, Корнилов взял трубку. Бросил взгляд на заднее зеркало, увидел спящую на заднем сиденье Нику. Бедняжка совсем выбилась из сил, она ведь даже не отдохнула после всего пережитого ею.

— Да? — вполголоса произнес Стас в трубку.

— Стас, — голос Аспирина отдавал угрюмой тяжестью, — вы где?

— Подъезжаем к Москве, — настороженно ответил Стас. — А что?

Аспирин вздохнул в трубку.

— Что ты узнал от Сильвестра Гольшанского?

Стас вздохнул. За этот визит в «Чёрный дельфины» он больше узнал от Ники, чем Сильвестра.

— Если я правильно понял Сильвестра и Нику, за убийствами стоит какая-то женщина.

— Случайно не та, которую Ника встретила на той ферме? — с подозрением спросил генерал Савельев.

— Она самая.

— Чёрт... Гольшанский ответил, зачем ей убийства девочек?

— Ритуалы, — коротко ответил Стас. — Ничего нового.

— Ясно... Её имя он не назвал?

— Нет, — Стас задумчиво смотрел на разрастающийся над линией горизонта город. —

И когда он попытался рассказать про неё...

Корнилов вкратце изложил Аспирину всё, что случилось с ним и Гольшанским во время разговора об этой таинственной особе.

— Звучит жутко, — оценил Аспирин. — Есть мысли по этому поводу?

Стас вспомнил Амалию Марсову и то, что рассказывала Ника.

— Боюсь, товарищ генерал, что у этого явления такая же природа, как... как у Ники.

— То есть необъяснимо? — слегка раздраженно спросил генерал.

— Так точно.

— Жаль. У нас новое убийство, Стас...

Стас шумно вздохнул, психологически он был готов услышать нечто подобное в ближайшее время, но не думал, что это случится так скоро. Но это было вопросом времени. Просто потому что, если Ника и её друзья сорвали одно убийство, «Сумеречный портной», сколь бы обличий он ещё ни имел, обязательно попытается убить снова.

— Сколько жертв?

— Двое, — вздохнул Аспирин. — Почерк тот же... Зеленые платья из вискозы, пуговицы на глазах, зашитые рты и...

— Красные нити, — закончил Стас.

— Да, верно, — нехотя и недовольно проговорил Аспирин.

— Какой адрес?

Генерал продиктовал ему адрес, где были найдены тела.

— Мы сейчас будем там, — пообещал Стас.

— Торопись, Стас, — ответил генерал. — Мы не сможем долго держать это в тайне. А как только все узнают, что посадили не того, что один из самых страшных убийц до сих пор на свободе... ты не представляешь, что здесь начнется! Давай...

Аспирин отключился.

— Очень даже представляю, товарищ генерал, — проговорил Стас в телефон и поставил его в держатель.

На месте преступления они были через двадцать с небольшим минут. Портной убил в одном из столичных скверов на окраине города. Стас увидел красно-белые ленты, ограничивающие проход посторонним, и стоящих перед ними полицейских, которые отгоняли жителей этого района. Корнилов припарковал автомобиль в максимально доступной близости. Оглянулся на Нику, Лазовская молча вышла из автомобиля. Следом за ней выбрался Сеня, а за ним Стас.

— Граждане, пожалуйста, сохраняйте спокойствие! — звучал предупреждающий голос одного из полицейских.

Но столпившиеся перед натянутыми, красно-белыми лентами люди успокаиваться категорически не желали.

— Что здесь случилось?! Почему нам ничего не говорят?! — требовательно кричала какая-то женщина средних лет.

— Мы имеем право знать! — вторила ей другая, постарше и с короткой стрижкой.

— Это полицейский беспредел! — заявил парень с длинными волосами и серьгой в ухе. Услышав последнюю фразу, Стас почувствовал нарастающее раздражение.

Этот волосатый «борец за права», видимо, не имеет никакого представления о полицейском беспределе. Вот когда дорожная полиция начнёт высаживать стекла в машинах и выволакивать из них водителей, чтобы надеть на них наручники, попутно избивая дубинками, это будет беспредел.

Когда всякого рода неадекватных демонстрантов, большая часть из которых далеко не всегда понимает против чего они бастуют, будут беспощадно расстреливать из водометов и травматического оружия, это будет беспредел. А пока что российской полиции ещё очень далеко до мер, которые на официальном уровне применяют в правоохранительных органах «цивилизованных» стран. За океаном, вообще, любого, кто осмелился бы вот так орать на полицейского уже двадцать раз положили бы лицом в снег и надели наручники.

Втроем они подошли к ленте, Стас показал удостоверение, и его вместе с Никой и Сеней пропустили на огороженную территорию.

Полиция из местного ОВД уже была здесь. Эксперты-криминалисты в белых комбинезонах сосредоточенно фотографировали стоящее в глубине сквера ветвистое дерево. Яркие синие-белые вспышки их фотоаппаратов мистическими всполохами сверкали из-за ветвей и стволов деревьев скверика. Дерево, вокруг которого работали криминалисты и стояли другие полицейские, отличалось от других. И дело было не только в плотных густых росчерках красных линий, которыми были перечеркнуты его ветви. Дело было в самом виде этого дерева, в цвете его коры. Стасу она казалась куда темнее коры остальных деревьев. Словно совершенное подле него отвратительное жуткое зло впиталось корнями этого дерева и наполнило его изнутри. Даже студёный январский воздух, наполненный зимней свежестью, твердел и уплотнялся, пока Стас, Ника и Сеня шли к дереву с красными нитями. А возле самого дерева даже дышать становилось трудно.

Тёмное, почерневшее дерево росло с каждым шагом, который приближал Стаса. Всё больше оно со зловещим величием возвышалось над округой. Корнилов уже мог отчётливо различить неподвижные силуэты двух девочек, подвешенных на красных нитях. Одна из них была в красном пальтишке, и красные нити на нём были незаметны. Из-за этого казалось, что прямые, натянутые, как струны, красные нити пронзают её хрупкое тонкое тело насквозь.

Стас остановился, не дойдя до дерева с телами девочек каких-то пять-шесть шагов. Арцеулов прошел чуть дальше и тоже остановился, удивленно оглянулся на Стаса.

Корнилов внимательно и с отвращением рассматривал опутанное красными нитями дерево. Кроваво-красные пути, словно впиваясь в древесную кору, перетягивали растопыренные в стороны ветки дерева. И казалось даже, что дерево застыло в немом усилии разорвать их. Оно как будто было живым и, осознавая всё происходящее, в ужасе тщилося избавиться от связывающих его ветви кошмарных красных нитей.

Стас глубоко вдохнул застоялый пустой, как будто омертвевший, холодный воздух. Кошмар четырёхлетней давности официально вернулся. «Сумеречный портной» вернулся и вновь начал убивать. Дерзко. Нагло.

Напоказ.

Мимо Стаса прошла Ника, Стас перевёл взгляд на спину девочки. Лазовская, не подходя слишком близко к дереву, медленно обошла его по кругу.

Корнилов, чуть прищурив глаза, пристальным взглядом следил за ней. Он вспомнил, как кошмарное наваждение, едва не погубившее его и Сильвестра, схлынуло, как только Лазовская вошла в допросную. Он вспомнил все предыдущие дела, в которых Ника помогала ему, и вдруг подумал, что в этой девочке, помимо всех её способностей, есть что-то, что помогает ей стойко противостоять тому кромешному и беспощадному злу, с которым сталкивается их особая группа и другие полицейские. В Нике, Стас только сейчас внезапно понял это, помимо её необъяснимых способностей есть какая-то частица... света. Кусочек неиссякаемого сияющего белым светом добра, который, подобно фонарю в глухую ночь, разгоняет густой беспросветный мрак зла, то и дело возникающий на пути у синеглазой девочки. В ней есть что-то такое, какая-то внутренняя сила, которая помогает ей противостоять самому ужасному человеческому злу, ступать в его глубины и неустанно возвращаться назад. И возможно, конечно, что это лишь восторженная чушь, но Стасу казалось, что именно Ника лучше них всех сможет противостоять подобным противоестественным кошмарам, как тот, что сейчас возвышается перед ними. Она одна может не просто пережить и выдержать его, Лазовская может его преодолеть.

БЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 28 января

Их звали Лена и Таня. Они были подругами и возвращались из музыкальной школы, в которую ходили вместе. У каждой из них были свои мечты, которые они нередко взахлеб обсуждали друг с другом наедине. Каждая из них была окружена заботой и любовью своих родителей, у каждой было бесчисленное количество светлых, добрых и счастливых воспоминаний.

И теперь — это всё, что от них останется в памяти нашего мира. Теперь их нет. Нет их мечтаний, нет любви, в которой они росли. Никто больше не услышит их радостного смеха или, как они музицируют дома, выполняя домашнее задание.

Их матери больше не поцелуют их, провожая утром в школу, больше не порадуются вместе с ними их успехам, больше не смогут с любовью провести рукой по их волосам и просто пожелать спокойной ночи. Больше никогда... Теперь их нет, кто-то отнял их жизни, отнял их у их семей. Кто-то вырвал их, как цветы из клумбы, вместе корнями, бросил на асфальт и с ожесточением растоптал. Кто-то в угоду своей прихоти казнил двух обычных школьниц, которые ещё даже не начали толком жить.

Сейчас их воспоминания беспокойной стаей бабочек кружили в моей голове, вспыхивая то одним, то другим эпизодом из жизни Тани и Лены. Я не заливалась слезами, наблюдая счастливые моменты из жизни девочек, я старалась удержать это в себе. Стерпеть и выдержать всю ту горечь и тяжесть, которые вызывало осознание, что эти девчонки были лишены возможности просто жить. Возможности, которая по справедливости принадлежит каждому от рождения.

Я остановилась рядом с деревом. Не обращая ни на кого внимания, я медленно подняла взгляд и внимательно оглядела его от корней до самых верхних веток.

Всё было точь-в-точь, как и раньше. Он или они ни на йоту не отступали от привычного образа. С того момента, как начались первые убийства, менялось лишь количество жертв, но всё остальное оставалось прежним. Пуговицы на вечно закрытых глазах девочек, защитные

рты, красные нити... и бесконечная убийственная печаль, которую вызывало совершенное преступление.

В какой-то степени я была виновата в гибели этих двух подружек. Таня или Лена погибли, потому что я не дала принести в жертву Раду. И теперь та Рыжеволосая... kurwa потребовала вдвое больше жертв!

Я сосредоточилась на воспоминаниях. Я звала их, трогала, касалась и призывала к себе. Давайте, девочки, прошу вас!.. Покажите, кто это сделал с вами!.. Вы ведь должны были что-то запомнить перед тем... как вас не стало... Пожалуйста! Пожалуйста!.. Умоляю, покажите мне хоть что-то! Дайте нам способ прекратить этот кошмар!!!

Прозвучит цинично и жестоко, но воспоминания на месте свежего преступления могут дать мне куда больше информации, чем давние злодеяния. Воспоминания со временем теряются и иссякают, становятся обрывистыми и, в конце концов, от них остаются лишь несколько самых ярких моментов. Во многом это похоже на воспоминания любого живого человека о том или ином событии из его жизни или на воду, которая с течением времени медленно, но неотвратно испаряется. А здесь и сейчас возле этого дерева воспоминания убитых девочек ещё хранили множество подробностей из их жизни. И особенно из последних минут жизни...

Я собралась с духом и впустила их в себя. Я позволила себе утонуть в них, провалиться в их бездну и увидеть.

Бесцветный серо-белый день. Почти пустой заснеженный скверик и две хихикающие девчушки, что шли из музыкальной школы. Одна из них предложила перед тем, как идти домой, забежать в супермаркет. А он находился с другой стороны, нужно было всего лишь пересечь скверик...

Они знали его и этот район с детства. И полагали, что сквер не представляет для них опасности.

С горечью и безысходностью я наблюдала, как девочки решились срезать путь через скверик. Беспечность — один из худших врагов человека. Часто даже в повседневной жизни она становится причиной многих неудач, бед и иногда даже таких трагедий.

Я увидела, как их позвала какая-то женщина. Я затрепетала от гнева, узнав голос рыжеволосой гадины, с которой я столкнулась на той ферме! С тяжким сожалением я видела, как подружки согласились помочь женщине, которая попросила их помочь ей найти упавшее в снег кольцо. Хорошо и правильно воспитанные девочки, конечно же, с готовностью согласились.

Мужчина в развевающемся широкополом пальто внезапно и быстро оказался рядом с ними. Он замахнулся с чем-то продолговатым и обрушил этот предмет на голову одной из девочек — Лены. Татьяна обернулась, затем бросилась бежать. Но рыжеволосая женщина поймала её на бегу, скрутила руки и рявкнула мужчине:

— Бей!

Ему не требовалось повторять. Он подошёл к Тане и, не обращая внимания на её слезы и мольбы, с ожесточением ударил девочку по голове тем самым предметом, которым секунду назад убил её подругу. Кровь Тани брызнула на снег...

Воспоминание исказилось, словно смялось, скомкалось и вдруг преобразилось. Рыжеволосая, та самая, вновь обнаженная стояла босиком на снегу на одной из ветвей. Она странно шевелила руками, как будто призывала кого-то или что-то. Меня сковала нервная оторопь, я застыла на месте и пристально уставилась на женщину с гривой темно-рыжих

волос. Как и в прошлый раз, они, словно живые, расплывались и извивались на ветру.

Но поразило меня не это, а то, что происходило с телом, с кожей рыжеволосой. Может, мне это и привиделось, может, я не могла детально разглядеть, что именно с ней происходит, но сейчас мне казалось, что её тело меняется. Будучи сутулой, она вдруг распрямилась. Проступающие через неприятно обвисшую кожу кости, скрываются, скрадываются нелицеприятные очертания. Её кожа, которая с к моему удивлению оказалась одряхлевшей, старческой и болезненной, тоже менялась. Изменялся оттенок, кожа рыжеволосой становилась упругой, гладкой и... молодой!

От последней мысли меня бросило в жар! Нет... Нет, я себе всё это выдумала! Не может быть того, что мне привиделось! И мне, похоже, правда это лишь привиделось. Потому что уже через мгновение воспоминание надломилось и резко преобразилось.

Рыжеволосая уже была на земле, стояла босиком в снегу. Её буйные темно-рыжие волосы развевались по ветру. А мужчина в пальто заботливо кутал её в шерстяное одеяло.

— Мне нужно больше... — услышала я едва ли не плачущий голос рыжеволосой. — Слышишь? Этого не достаточно! Мне нужно больше! Понимаешь?! Больше!!

Голос её становился все более истеричным, и она начала кричать. Я осознала, что она боится. Эта жуткая женщина, которая едва не убила меня, Радугу и Леру с Лёвой, по-настоящему, до слёз боится! Но чего? Как может она чего-то бояться?! Она же чудовище, это ей нужны смерти этих несчастных девчонок! Это всё она!.. Что же её пугает?!

И тут рыжеволосая, вцепившись в лацканы пальто мужчины, лихорадочно прошептала:

— Время! У меня больше нет времени! Мне нужно ещё!..

— Я знаю, любимая, — твёрдо ответил мужчина в пальто, целуя руку женщины. — И ты их получишь, я обещаю!

От того, как клятвенно прозвучало подобострастное обещание мужчины в пальто, меня пронзило будоражающим чувством страха. Страх перед осознанием того, что он убивает ради неё и будет с удовольствием убивать дальше. Снова и снова. Как и все прочие, похожие на «Портного», он не остановится. Не сможет, не перестанет. Он вновь и вновь будет убивать для неё... ради неё.

Обрушившаяся на меня истина едва не сбивала с ног шокирующим открытием! Потрясенная, я наблюдала, как мужчина с невероятной любовью и обожанием обнимает и утешает рыжеволосую. Кто бы мог подумать, что один из самых страшных и жестоких убийц способен проявлять такие нежные чувства! Ведь становилось очевидным — Портной одержим ею, этой рыжеволосой стервой.

Я пыталась увидеть лицо мужчины. Я пыталась прорваться через толстую и вязкую пелену смешивающихся воспоминаний, но не могла. Это было равносильно тому, чтобы руками вычерпывать озеро в надежде добраться до дна.

Чем больше я пыталась добраться до лица мужчины в пальто, тем дальше он «погружался» в глубину. Я увидела, как он подводит рыжеволосую к машине, темному внедорожнику, и как открывает для неё дверцу. Я вгляделась в номерной знак автомобиля, но и он безнадежно расплывался, так что различить что-то было невозможно. Зато вместо этого я отчетливо увидела, что перед тем, как сесть за руль, Портной что-то достал из автомобиля и направился с этим предметом куда-то вглубь сквера.

Воспоминание «утянуло» меня следом за ним. Портной остановился возле люка, присел и, приподняв одной рукой крышку, поднёс к отверстию предмет в другой руке. Этот предмет, к счастью, я смогла разглядеть. И в одно мгновение узнала его. Ну ещё бы! Ведь

совсем недавно я на глазах у всей школы вручала его жестокому серийному детоубийце! Это была та самая алебастровая башня с короной, тот самый сувенир от нашей школы.

Когда воспоминание привычно вышвырнуло меня обратно в наш мир, я несколько секунд стояла в прострации, глядя перед собой. Я вспомнила, как он улыбался, как смотрел на меня, когда я уже села рядом с Мироном. Я вспоминала взгляд, каким смотрел на меня Орест Гольшанский. Я полагала, что после его участия в групповом изнасиловании несчастной Валентины Любинской ничто уже не сделает его образ хуже! Как же я фатально заблуждалась...

— Ника.

Я оглянулась. Стас с опаской разглядывал меня.

— Что-то увидела?

Я посмотрела в серо-стальные глаза Корнилова и увидела там жажду. Стас жаждал поймать *его*, изловить это чудовище. Корниловым двигало сразу две веских причины: прекратить кошмарные убийства несчастных детей и поквитаться с Портным за то, что тот так ловко одурачил его, Стаса, и всех остальных, кто занимался тем расследованием. Корнилов ощущал вину за то, что позволил себе успокоиться, за то, что все эти годы не искал его, не пытался найти правду. А просто поверил, что *он* ушёл. Тем больше было чувство досады, что Стас по опыту ведь отлично знал, что такие, как Сумеречный портной, *сами* не уходят и не прекращают свои злодеяния.

— Я его нашла, Стас, — тихим, лишенным эмоций голосом произнесла я.

Лицо Корнилова преобразилось, взгляд заискрился нескрываемым рвением.

Я рассказала Стасу об увиденном, и Корнилов немедленно приказал обыскать люк, на который я указала.

Я стояла рядом, глядя на то, как двое полицейских с фонарями осторожно спустились в люк по металлической лестнице. Когда они скрылись из виду, я инстинктивно подалась к краю люка. На мое плечо немедленно опустилась широкая ладонь Стаса. В моей груди взволнованно подсакивало сердце, где-то в области легких собиралось неуютное, нервирующее чувство. Как будто внутри тела образовался жесткий, быстро раздувающийся комок. Подобное чувство нередко возникало у меня, когда мы со Стасом близко подбирались к раскрытию очередной тайны. Когда были на пороге разгадки очередного опасного, зловещего и даже омерзительного секрета. Когда были в шаге от раскрытия очередного злодеяния.

Мое дыхание учащалось. Я слышала, как полицейские поднимаются вверх. Когда первый из них, весь перепачканный грязью, выбрался наружу, он немедленно протянул Стасу обнаруженный внизу среди труб предмет — сувенирный самодельный кубок в виде башни с короной. Тот самый нелепый презент, который наша школа моими руками вручила Оресту Гольшанскому.

Корнилов взял кубок из рук полицейского, с задумчивым видом оглядел и вопросительно взглянул на меня. Я молча кивнула, не отводя взгляда от кубка с короной. На его навершии темнела запекшаяся кровь. Я протянула руку к кубку, едва кончики мои пальцев соприкоснулись с поверхностью «башни», как мир передо мной разорвался вспышкой белого света. Я вновь увидела, как Сумеречный портной убивает «кубком» Татьяну, воспоминание повторилось почти точь-в-точь, с той только разницей, что теперь я отчетливо видела лицо мужчины в пальто. Я уже не удивилась, узнав в нём Ореста Гольшанского. Воспоминание оборвалось, я с удивлением обнаружила себя дрожащей в

руках Стаса. Корнилов бережно обнимал меня, надежно удерживая в своих руках.

Меня сразила резкая и удивительная слабость, все тело охватил озноб, и показалось, что у меня даже поднялась температура. На мгновение я подумала, что это сказывается моя «сказочная» ночь посреди зимнего холодного леса. Но через пару секунд неприятное чувство исчезло.

— Ты как? — участливо спросил Стас. — Что ты увидела?

— Н-нормально... — мой голос звучал приглушенно и тяжело, мне как будто приходилось делать усилие, чтобы говорить.

Увиденное ещё раз убийство Татьяны глубоко впечатлило меня. Казалось, за то время, что я помогаю Стасу, я уже должна была стать куда менее восприимчивой к деяниям разных подонков, вроде Портного. Но нет... Есть вещи, к которым нельзя привыкнуть.

Корнилов выглядел задумчивым и немного встревоженным.

— Они явно торопились, — сказал он, когда мы отошли к люка.

— Потому что убийство было совершенно этим? — я кивнула на кубок в руках Стаса.

Корнилов качнул головой.

— Потому что они поторопились избавиться от самой важной улики и притом самым дурацким способом.

Он вздохнул, взглянул на меня, и вдруг губы его тронула улыбка.

— Это вполне могло бы быть эффективным решением, если бы они не знали о тебе и твоих скрытых талантах.

Стас был прав. При других обстоятельствах кубок в виде башни был бы найден случайно через несколько недель или месяцев, когда кому-то из рабочих муниципальных служб пришлось бы спуститься в этот канализационный люк. Но всё равно никто бы не узнал, что этим предметом безжалостно убили двух детей, и тем более никто и не подумал бы связать находку и даже кровь на ней с убийствами Сумеречного портного.

— Но я так и не увидела, кто эта рыжеволосая женщина с ним, — нахмурившись, с сердитой досадой проговорила я.

— Ничего страшного, — тихо промолвил Корнилов, окидывая взглядом дерево с красными нитями. — Я знаю, кто она. Ну или, как минимум, догадываюсь.

Я вопросительно уставилась на Стаса.

— Тогда нужно их немедленно арестовывать! Стас, нужно спешить, вдруг...

— Тише, — Стас несильно сжал мое плечо и взглядом указал куда-то мне за спину.

Я обернулась и едва сдержалась, чтобы разочарованно не застонать. К нам, уверенной походкой с мрачным и решительным лицом двигался майор Датский. А, нет. Точнее, полковник Родион Датский.

Я ощутила, как напрягся Стас, как внутри Корнилова начала собираться буря и гроза. Стас терпеть не мог Датского, и тот отвечал ему взаимностью. Плюс ко всему, в последнем деле Датский спас меня и Стаса от верной гибели, но при этом присвоил себе заслугу в поимке преступника, известного больше по кличке «Монохромный человек». И Стас, с одной стороны, злился на него за это, а с другой, чувствовал себя обязанным ему. И последнее сильно унижало Корнилова.

Датский в сопровождении двух офицеров из Следственного комитета подошел к нам, внимательно оглядел меня, Стаса и грубо спросил:

— Ну и какого чёрта вы здесь забыли?! Это не ваше дело! Уголовный розыск этим не занимается! Что вам здесь нужно?!

— Посмотреть приехали, — вызывающе проговорил Стас.

Я искоса взглянула на Корнилова снизу-вверх. Стас не отрывал от лица Датского прожигающего взгляда. На лице полковника Датского застыло аналогичное выражение. Эти двое после дела Монохромного человека стали ещё более непримиримыми врагами.

— Вы не ведёте это дело, подполковник Корнилов, — жестко, продавливая, повторил Родион Датский. — И вам здесь нечего делать, этим убийством теперь занимается СКР. А вы — свободны!

Стас не шевельнулся, по-прежнему глядя в глаза Датскому.

— Как скажете, товарищ полковник, — пророкотал Стас и ринулся прочь к своей машине. Я поспешила следом за Корниловым. Я вложила свою руку в его ладонь, почувствовала, как его пальцы обхватили мою руку, и я отчетливо ощутила, крепнущее раздражение Стаса. Корнилов отлично владел собой, но от меня ему было не скрыть ни свои чувства, ни свои эмоции. Особенно, когда они, как сейчас, плещут через край.

Стас знаком позвал Арцеулова. Подойдя к нам, Сеня хотел было задать вопрос, но Стас качнул головой:

— Давай позже, Сень.

Когда мы подошли к машине, к нам подбежал Бронислав. Я удивленно уставилась на него: откуда он здесь?

— Привет, — бодро бросил Коршунов.

Стас недовольно взглянул на Бронислава.

— А что ты здесь забыл?

Коршунов выглядел удивленным.

— Я узнал про убийство... и приехал, — он посмотрел на меня и Сеню. — А вы что, уже уезжаете? Вы же только...

— Да, — рыкнул Стас. — Мы уезжаем.

— Почему?! — удивленно спросил Бронислав. — Вы же что-то нашли в том люке... я видел! Почему вы?..

— Тебе показалось, — не глядя на него, холодно ответил Стас.

Корнилов каким-то чудом успел спрятать нашу находку под своей курткой, и ни Датский, ни Бронислав, ни даже Сеня этого не заметили.

— Хорошо, тогда тем более непонятно, почему вы решили уехать, товарищ подполковник...

— Слушай, парень, — Стас обжег Бронислава гневным взглядом, — вон там твой родственничек будущий, дядя твоей ненаглядной невесты, вот подойти к нему и спроси у него. Что, как и почему. А мы уезжаем. Выслужись, приезжай.

Бронислав остолбенело замер на месте. А Стас, не сбавляя шага, двигался к своему внедорожнику. Я, спеша за Стасом, оглянулась на ходу и посмотрела на Бронислава. Коршунов досадливо глядел нам вслед. Мне стало жаль его, по-моему, Стас совершенно напрасно сорвался на нём. Однако, конечно, говорить это Корнилову я не собиралась.

— Что мы теперь будем делать? — спросила я, как только мы оказались в машине Стаса.

— Нужно всё обсудить с Колей и генералом Савельевым, — ответил Стас.

Голос его оставался мрачным и негодующим. Я воздержалась от дальнейших расспросов.

Эпизод пятнадцатый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 28 января

Корнилов со стуком поставил кубок на стол. Обтянутый пластиковым пакетом презент от нашей двести восемьдесят второй школы по-прежнему был покрыт засохшей кровью убитых вчера девочек.

— Мы знаем убийц, — не обращая внимания на изумленные и даже ошарашенные лица Сени и Коли, Стас приколот к пробковой доске две фотографии. — Это Орест и, предположительно, его жена Клара Гольшанские.

Стас не стал рассказывать Сене и Коле, зачем Кларе, если это и вправду она, нужны ритуальные убийства девочек. Корнилов сказал мне, что не стоит шокировать парней такими подробностями. Это может выбить их из колеи.

Мне показалось, что он и сам не слишком верит в то, что я сказала. И я его понимала: можно ещё поверить в ритуальные убийства, но крайне тяжело поверить, что они действительно каким-то образом в чем-то помогают убийце! Тем более в... в восстановлении молодости?.. Бред! Бред бредовый! Такого не бывает! Это невозможно! В подобную чушь верила, разве что, чокнутая графина Батори, почему зря убивавшая молодых девушек!

Я бы и сама в такое ни за что не поверила. Это ведь не просто сверхъестественно! Это... Это, чёрт возьми, противоречит большей части законов природы! Это не просто выходит за грани разумного, такое явление невозможно ни с физической, ни с биологической точки зрения.

Я, конечно, согласна, что магия, если она и существует, это далеко ушедшие вперёд технологии, но... не до такой степени. Хотя... А что, если Клара и правда нашла какой-то способ... Да нет! Чушь какая-то! Я во многое готова была поверить, но только не в те вещи, которые ну абсолютно невозможны никоим образом!

А Стас тем временем продолжал.

— У нас есть неопровержимая улика, но арестовать их мы не можем, так как официально дело Портного в ведении Следственного комитета.

— Стас, — вмешался Коля, — но ведь арестовать Гольшанских может следственная группа полковника Датского. Я понимаю, ты его не перевариваешь, но когда дело заходит о задержании таких тварей, как Портной, не стоит ли унять собственную неприязнь ради общего дела?

Я с опаской взглянула на Стаса, но Корнилов отвечал размеренно и спокойно:

— Проблема в том, Коля, что этой улики мало, чтобы арестовать и заключить под стражу Клару и Ореста Гольшанских. И она не даёт никаких оснований, чтобы задерживать их. Тем более, что их армия адвокатов сведёт на нет всю значимость нашей находки. Для обычного гражданина этого бы хватило с головой, но только не для членов семьи, владеющих одним из самых крупных инвестиционных банков России и Европы.

Николай немедленно опустил взгляд и смущенно умолк. А Сеня торжествующе улыбнулся. Он не одобрял манеру Коли иногда сомневаться в действиях их

непосредственного командира.

— Мы действительно могли бы позволить Следственному комитету арестовать Гольшанских... Чтобы они их продержали у себя и дали нам возможность выиграть время.

— Для чего? — спросил Сеня.

— Для того, чтобы найти Беккендорфа. Сильвестр ясно дал понять, что у Нестора, он же «Пожиратель», есть неоспоримая улика против Сумеречного портного. Её хватит даже для Гольшанских.

— Я не уверен, что стоит доверять Сильвестру в этом деле, — снова встрял Домбровский. — Правда, Стас, всё-таки Орест — единственный сын Сильвестра. Стал бы он его нам сдавать...

— Стал бы, — я решила вмешаться в их разговор, — простите, что встречаю. Но из того, что я увидела в воспоминаниях Сильвестра и в его поведении, я могу сделать вывод, что... Сильвестр боится и одновременно ненавидит Клару Гольшанскую.

— Зачем тогда он помогал ей совершать все эти убийства? — выразительно спросил Коля. — Не вяжется что-то.

— Он помогал не ей, а своему сыну, — объяснил Стас, — Сильвестр и правда любит Ореста и ради него готов на всё. Тем более, что Орест сразу же начал подавать надежды, как выдающийся финансист. Корнилов вздохнул.

— Для Сильвестра Орест не просто единственный ребёнок, он ещё и наследник, с которым можно было только мечтать.

— Наследник, который по совместительству стал серийным убийцей, — сухо напомнил Домбровский.

— Потому что, скорее всего, его заставляет совершать убийства именно Клара, — объяснил Корнилов. — Сильвестр и Елизавета об этом знают. Но сделать ничего не могут. Им остается только потакать во всем своему спятившему сыну и его жене

— И ради него они согласны закрывать глаза на убийства детей?! — скривился Коля. — Да они совсем чокнутые! Большая семейка, чёрт бы их побрал!..

— Ох, Коля, — зловеще усмехнулся Стас, — ты удивишься, но обычно такие семьи, как Гольшанские, не видят «людей» в тех, у кого на счетах меньше сотни миллионов долларов. Уверяю тебя, этих девочек им ничуть не жаль.

— Но зато семьи, подобные Гольшанским, крайне трепетно относятся к понятию наследства, преемников и так далее, — снова заговорила я.

Мужчины взглянули в мою сторону.

— Сильвестр сказал про Беккендорфа, когда я рассказала, что, возможно, у него есть ещё одна внучка.

— При этом, — вставил Стас, — не от этой стервы Клары, а от вполне нормальной девушки. Пусть и не из числа людей с большим финансовым состоянием. Главное — девочка рождена не Кларой.

— Эта новость вызвала крайне бурную реакцию Сильвестра, — продолжала я. — За возможность побольше узнать об этой девочке, которая в будущем могла бы стать наследницей после или даже вместо Ореста, Сильвестр готов отдать многое.

— Что? Даже собственного сына? — фыркнул Коля.

— Да, если он понимает, что тот никогда не остановится, потому что Кларе всегда будет мало жертв, и она всё время будет требовать больше и больше, — ответил Стас. — А те две внучки... Они, конечно, прелесть, но обе рождены от Клары, и неизвестно, чего от них

ждать. Теперь понимаешь, Коля? Очень сомнительно, что Сильвестр решится соврать при таких обстоятельствах.

— А где сейчас эта девочка, которая якобы внучка Сильвестра? — спросил Коля.

— Под охраной в надёжном месте, — вздохнув, ответил Стас. — Итак господа, у нас действительно не так много времени, чтобы прижать Гольшанских. К тому же, не будем забывать, нам ещё нужно поймать Поклонника Елизаровой и отыскать саму Людмилу. Со вторым и третьим мы управимся сами, а вот с первым, как я говорил, нам потребуются помощь Следственного комитета.

Стас сделал паузу и добавил:

— Только не полковника Датского и его группы.

— А кого тогда? — удивленно спросил Сеня. — С кем ты хочешь договориться?

— Ни с кем, — многообещающе ответил Стас. — Провернем небольшую аферу... В благих целях, разумеется.

Стас снова вздохнул и посмотрел на меня. Я поняла всё по взгляду Корнилова и ощутила, как меня наполняет нервирующее чувство от предстоящей встречи с тем, с кем я бы предпочла больше вообще не видеться.

ТАЙНА ИСЧЕЗНОВАНИЯ ЛЮДМИЛЫ ЕЛИЗАРОВОЙ!

Пятница, 29 января

Как стало известно вчера из сообщения пресс-центра Следственного комитета России, ответственная за расследование дела Людмилы Елизаровой следственная группа обнаружила на дне Земского озера затопленный автомобиль. Как сообщил нашему корреспонденту глава следственной группы, старший лейтенант Евсей Карабанов, данная находка проливает свет на дело Елизаровой.

Также в затопленном автомобиле следователи обнаружили тело неизвестного мужчины, который был застрелен в голову. Номер автомобиля и личность убитого пока хранятся в тайне.

«То, что мы нашли, и что обнаружат наши эксперты, обязательно позволит выйти на след похитителей Людмилы Елизаровой», — сказал капитан Карабанов, — «Мы подобрались ближе к раскрытию этого дела и, вне всякого сомнения, докопаемся до истины. Преступники, что похитили несчастную девушку, ни за что не уйдут от правосудия. Это я могу вам обещать. Мы не успокоимся, пока не отыщем их и не призовём к ответу за их злодеяния. Также мы не теряем надежды на то, что Людмила Елизарова по-прежнему жива».

Речь бравого офицера Следственного комитета была преисполнена гневного пыла и уверенности, что произвело на нас положительное впечатление. Нам остается лишь искренне порадоваться, что среди сотрудников правоохранительных органов есть столь достойные, самоотверженные и ответственные люди, как капитан Евсей Карабанов.

Вытяжка из новостного портала «Московский Курьер».

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 28 января

Я не без возмущения прочитала новости о «внезапной» и крайне важной находке следственной группы под началом капитана Карабанова. Меня порядком покорили восторженные отзывы наших СМИ о «достойном, самоотверженном и ответственном» капитане Карабанове. Я просмотрела фотографии с того самого озера, возле которого нас с Евсеем атаковали неизвестные люди с автоматами. На фотографиях был тот самый внедорожник, в котором увезли Людмилу Елизарову. Тело водителя было снято только издали, так что различить что-либо было невозможно. Я перевела взгляд с экрана телефона на здание СКР.

Новое здание штаб-квартиры Следственного комитета выглядело покруче, чем здание головного офиса какой-нибудь транснациональной корпорации. Монолитное, высокое, переливающееся сверкающими бликами и огороженное высоким забором с государственным гербом.

Я уже минут десять топталась под этим суперсовременным зданием, которое заносчиво возвышалось над окружающими зданиями района.

По плану Стаса, я должна была донести до Карабанова мысль о том, что Людмила Елизарова на самом деле по-прежнему удерживается в доме Гольшанских, но без ведома Сильвестра. А её побег — лишь жалкая инсценировка.

Мне эта версия казалась очень сильно притянутой за уши, но Стас заверил меня, что Карабанов настолько жаждет найти Людмилу, что поверит в любую версию. Причем, меня он, скорее всего, пошлёт подальше с таким сообщением, но сам всё равно попытается проверить мое сообщение.

Я не была уверена, что Стас всё рассчитал правильно, но привыкла доверять его операциям и расчётливым ходам.

Ради того, чтобы Евсей Карабанов чувствовал себя уверенным и рискнул поверить мне, Стас объяснил мне, что Мирон пока должен оставаться там, где он находится, и за ним, конечно же, присмотрят. Я пыталась протестовать, мне не хотелось, чтобы Зубатый даже лишнюю секунду пребывал в застенках СИЗО! Но я была вынуждена согласиться с доводами Корнилова. Карабанов должен быть уверен, что я по-прежнему готова на всё, чтобы спасти своего парня. А если Мирон выйдет, и Евсей об этом узнает... он уже не будет уверен в моей искренности.

Я достала телефон, проверила время. По информации, которую Стас получил из достоверного источника, Карабанов около полудня должен был выйти из здания и отправиться в городскую прокуратуру по каким-то текущим делам.

Сейчас было без пяти двенадцать. Я спрятала телефон, глубоко и протяжно вздохнула, вздох получился судорожным.

Я нервничала, меня снесало неудержимое волнение. Я уже несколько раз прокрутила в голове диалог с Карабновым, представила себе его реакцию и, вроде бы, ко всему была готова, но... я боялась.

Мое внимание привлекла одинокая человеческая фигура, которая быстро шла от здания СКР к воротам. Я присмотрелась к ней и безошибочно узнала Евсея Карабанова. Он говорил по телефону и торопливо двигался к воротам огороженной территории.

Я немедленно подхватила и бросилась ему навстречу. Евсей почти сразу заметил меня и сбавил ход. Подойдя к нему, я увидела, что он выглядел довольно ошеломленным.

— Ты? — с недоверием спросил он.

— Не ожидал меня увидеть? — с легким вызовом спросила я.

— Честно говоря, да, — признался Евсей. — Как ты уцелела?

— Чудом, — я пожала плечами.

Вдаваться в подробности я не собиралась.

— Я помогла тебе... — сказала я.

— Да, — он оглянулся и снова уставился на меня.

На лице его появилась самодовольная ухмылочка.

— И что?

От меня не укрылась жестокая издёвка в его голосе.

— Отпусти моего парня, — попросила я. — Ты обещал.

— Я обещал, что его отпустят, когда ты поможешь мне *найти* Елизарову, — поправил меня Евсей.

— Но ты же нашёл ту машину, — я возражала только для вида, чтобы показать Евсею, что он по-прежнему хозяин положения, и я завишу от его прихоти.

— Толку то! — фыркнул Карабанов. — Там ни черта непонятно! Мы даже хозяина машины найти не можем. А её водитель оказался гражданином Литвы!

Карабанов был заметно уязвлён такими неудачами.

— Так что, раз уж ты уцелела... тебе стоит поднапрячься и найти для меня верный след Людмилы Елизаровой.

Я опустила взгляд и с обречённым видом кивнула:

— Хорошо... А если... если я уже нашла?

Карабанов порывисто оглянулся, затем снова взглянул на меня. Выражение его лица изменилось, взгляд оживился, зрачки забегали из стороны в сторону.

— Нашла? — шепотом переспросил он. — Где?

— У Гольшанских, — ответила я, заставляя себя смотреть в его глаза.

— Чего?! — недоверчиво скривился Карабанов. — У Гольшанских?! Каким образом она там оказалась? Ты же сказала, что её забрала какая-то баба!

— Да, и вполне возможно, что эта женщина, например, Елизавета Гольшанская, — ответила я, глядя в глаза Евсею, — Я ведь не видела её лица.

Евсей скривил губы, его глаза чуть сузились. Он смерил меня испытующим взглядом. Я по-прежнему смотрела ему в глаза, стараясь не выдавать собственные опасения.

— Что-то не клеится, кроха, — усмехнулся, наконец Карабанов, — по-моему, ты просто выдумываешь всякую околесицу, чтобы спасти своего парнишку. Не рассчитывай, что я куплюсь на это.

Он вновь одарил меня ядовитой усмешкой и, обойдя меня, направился к воротам. Но тут же остановился, оглянулся на меня и проговорил:

— Я сейчас по делам, а потом поговорим. Советую больше не пытаться надурить меня, потому что расплачиваться за твою глупость будет твой ненаглядный. Сказать, что я могу с ним сделать?

— Не надо, — попросила я, мой голос дрогнул, и это была уже не игра. — Пожалуйста...

Я почувствовала слёзы в глазах, слова Карабанова по-настоящему задевали, царапали и резали меня где-то глубоко внутри. Я очень переживала за Мирона, переживала, что Карабанов и правда может сделать с ним что-то ужасное, несмотря на обещания Стаса. Что-то по-настоящему страшное, о чём я даже не хочу думать.

— Не надо, — повторила я. — Я всё сделаю, как ты скажешь...

— Вот и чудно, — улыбнулся мне Карабанов. — Да, и не трепись ни с кем о наших с тобой делах. Особенно со своим Корниловым. Хорошо? Будь умницей, и с твоим мальчиком всё будет в порядке. Найдём Елизарову, и будете опять гулять вместе за ручку и обжиматься, сколько влезет.

Он похабно ухмыльнулся, повернулся ко мне спиной и зашагал по направлению к воротам.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 29 января.

Он увидел, как Ника, понуриив голову, быстро шагает к его машине. Когда она подошла к Дефендеру и забралась внутрь, Стас увидел слёзы на глазах Ники.

Несмотря на то, что Мирону сейчас почти ничего не угрожает, слова Карабанова болезненно задели её, заставили её бояться за жизнь её парня и чувствовать себя бессильной что-либо предпринять.

— Стас, — нервно всхлипнув, проговорила Ника, — ты уверен, что Карабанов ничего ему не сделает?

Корнилов взял её за руку, Ника взглянула на него. В её синих глазах поблескивали слёзы отчаяния и переживаний. Корнилов поборол сиюминутное желание выскочить из машины, догнать Карабанова и переломать ему все кости за всё то, что он сделал. Но Стас приготовил для него другое, куда более весомое наказание за все его проступки.

— Мирона никто пальцем не тронет, — пообещал Стас.

Ника смотрела на него со слёзной надеждой, Корнилов не отводил взгляда от её заплаканных синих глаз. Он бы многое отдал, возможно всё, кроме жизни родных, чтобы только эти синие глаза никогда не знали слёз.

Он притянул её к себе, и Ника с готовностью прильнул к нему, прижала голову к его груди. Левая рука Корнилова легла на её светловолосую голову, а правая утешающе гладила по спине.

— Обещаю тебе, — произнес Стас с чувством, — с ним всё будет в порядке. Я знаю, Ника, что сейчас тебе страшно, ты не можешь справиться со страхом за его жизнь, потому что отлично себе представляешь, что за человек Карабанов. Перестань представлять себе, что он может с ним сделать, перестань пугать себя. Все твои страхи эфемерны, сейчас нет ничего, чего тебе стоило бы бояться. Пройдёт время, и ты только иногда будешь с неприязнью вспоминать эти эпизоды из своей жизни, радуясь, что всё уже давно позади.

Ника мягко отстранилась от него, подняла робкий взгляд. Стас бережным и нежными прикосновениями большого пальца правой руки смахнул слезу сначала с правой, а потом с левой щеки Ники. Лазовская несмело улыбнулась и произнесла:

— Спасибо...

— Обращайся, — добродушно улыбнулся Корнилов.

Ника уселась на своем сиденье, тут же достала из маленького рюкзака с чайками зеркальце и косметику.

— Ника, ты шикарна даже заплаканная, — усмехнулся Стас, глядя, как Лазовская придирчиво рассматривает себя в зеркальце.

Девочка кивнула.

— Спасибо.

Лазовская, всё ещё шмыгая носом, внимательно глядела на своё отражение.

— Мы можем по дороге заехать в супермаркет? — спросила Ника с беспокойством и досадой рассматривая свои уже покрасневшие от слез глаза и немного опухшие веки.

— Можем, — кивнул Стас, — а зачем?

— Мне нужно купить кое-что, чтобы привести себя в порядок... — голос Ники звучал тихо и печально.

— Как скажешь, — согласился Корнилов.

Он завёл автомобиль, и они выехали на шоссе.

Пока они ехали, Лазовская ещё раз пересказала ему события той ночи, когда пропала Людмила Елизарова. Она старалась не упустить ни одной детали, Ника отлично понимала, что именно самые мелкие детали, как правило, самые важные. И она заверила Стаса, что правильно запомнила бортовой номер вертолёт, который забрал Елизарову. Стас проверил распечатанную документацию, которую запросил из федерального агентства воздушного транспорта. Там подтвердили, что вертолёт с бортовым номером RA-4408Z принадлежит прокатной компании «OffLand», которая в свою очередь является дочерним предприятием банка «ORBEL», держателем контрольного пакета акций которого является Анжелика Орбелова, третья жена Сильвестра Гольшанского.

Уже второй раз в деле исчезновения Людмилы всплывают банк ORBEL и имя Анжелики Орбеловой. Ведь именно у неё в её банке работала покойная Катерина Орехова, которую поначалу приняли за погибшую Людмилу Елизарову.

Стас прикинул, могут ли быть у Анжелики счета к Сильвестру. И вспоминая Сильвестра Гольшанского, решил, что очень даже могут. Это могло бы объяснить, зачем ей понадобилось похищать Людмилу и инсценировать её смерть. Это была бы отличная возможность упечь Сильвестра за решетку. Она ведь не знала, что он возьмет на себя вину за убийства Портного и всё равноотправится в застенки «Чёрного дельфина». Но Стас почти не сомневался, что это именно Орбелова натравила СКР на дом Гольшанских, именно она сообщила, что Сильвестр совершил убийство. И получается, что именно с её подачи следователи из Комитета начали обыскивать поместье Гольшанских и наткнулись на погреб с одеждой убитых «Сумеречным портным» девочек. Вот уж ирония судьбы...

Корнилов остановил автомобиль рядом с роскошным коттеджем, в котором жила Анжелика Орбелова. Здесь же стояла машина Коли, в которой он сидел вместе с Сеней. А чуть дальше располагался неприметный фургон с ещё пятью сотрудниками Управления уголовного розыска.

— Ты хорошо подумала? — спросил Стас. — Уверена, что хочешь пойти с нами? Может быть, тебе лучше посидеть в машине. А если мы ничего не найдём...

— Стас, нам дорого время, — перебила я его. — Будет лучше, если я сразу буду с вами. Я сумею найти её.

Стас улыбнулся её решительности.

— Я не сомневаюсь, — произнёс он. — Готова?

Ника решительно кивнула.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 29 января.

Я была готова. Более того, я была настроена найти Людмилу и помочь Стасу и его группе. Я сделаю всё возможное, чтобы помочь пролить свет на тайну исчезновения Елизаровой.

Звучит, конечно, пафосно, но и пусть. Теперь я знала, что Карабанов не должен найти Людмилу, а значит, именно мы должны его опередить. Хотя, не скрою, гораздо больше меня волновали супруги Гольшанские, Орест и Клара.

Больше всего я жаждала (да, жаждала!) чтобы по заслугам получили именно они! Люди регулярно совершают огромное количество мерзких, бесчеловечных и отвратительных поступков, но одним из самых ужасных преступлений всегда было и есть — убийство ребёнка! И кара за такое должна быть самой суровой и самой безжалостной.

Я выбралась из автомобиля. Как по команде из автомобилей вышли Коля с Сеней и ещё несколько человек из УГРО. Все в бронежилетах, при оружии, у всех на руках нейлоновые голубые перчатки. У одного из сотрудников на поводке была собака, которой предварительно дали понюхать одну из вещей, принадлежавших Людмиле.

Стас первым подошел к воротам перед коттеджем. Охрана попыталась противиться проникновению полиции на территорию коттеджа Анжелики Орбеловой, но Корнилов предъявил ордер и посулил серьёзные административные и уголовные взыскания, за препятствие следствию.

Охрана, помешкав, уступила, и мы вошли на территорию дома Анжелики Орбеловой.

Я с удивлением поняла, что помимо отчаянного рвения помочь Стасу раскрыть тайну исчезновения Елизаровой, чувствую также и некую необъяснимую экзальтацию. Как бы глупо и восторженно это сейчас ни прозвучало, но мне было приятно осознавать, что я могу способствовать восстановлению справедливости, что я могу помочь раскрыть преступление.

Может, Карабанов был не так уж и неправ, относительно моих способностей. Трудно, наверное, переоценить их положительную сторону в подобных делах.

Как оказалось, самой Анжелики в доме на данный момент не было. По сообщению дворецкого Орбеловой, Анжелика отлучилась на срочную и важную встречу.

— Тем лучше, — нехорошо улыбнувшись, ответил Стас.

Полицейские не церемонились. Нет, я понимаю, что они пришли с обыском и целью во что бы то ни стало обнаружить доказательства присутствия в этом доме Людмилы Елизаровой. Но сотрудники Уголовного розыска, как и Стас с Сеней и Колей, действовали не просто бесцеремонно, а нарочито грубо. В доме всё буквально переворачивалось вверх дном, потрошились шкафы, снимались картины и зеркала, с полов сдирали ковры, проверялась постель и личная одежда.

Применялось различное трассологическое и микротрассологическое оборудование. Полицейские фотографировали различные предметы и апартаменты дома. Многие вещи подвергались дактилоскопическому исследованию. А уж огромная овчарка по кличке Фош лазила и нюхала везде, где только ей вздумалось, оставляя заметные следы лап. Я согласна, что если Анжелика Орбелова причастна к похищению Людмилы и убийству Катерины Ореховой, о котором рассказал мне Стас, то она заслуживает сурового отношения со стороны правоохранительных органов. Но всё равно такое нарочито грубое поведение полицейских меня порядком впечатлило.

Я не торопилась. В сопровождении Стаса и Сени я прошла по холлу первого этажа,

обошла несколько комнат. Стас, однако, почти сразу предложил подняться на самый верхний этаж, точнее на чердачное помещение.

— Почему именно туда? — спросила я.

— Людмилу не похитили, она согласилась поехать с Анжеликой добровольно, — пояснил Стас, — значит, нет смысла заключать её в подвал или погреб, но тем не менее нужно контролировать её перемещение и минимизировать риск побега, и так чтобы она это не поняла, или поняла, но не сразу. Лучше всего это сделать, поселив её на самом верхнем этаже.

— А... — только и выдала я. — Ну да...

Надо ли говорить, что ещё до того, как мы подошли к двери, ведущей на чердачную комнату, меня «накрыли» воспоминания Людмилы. Это был шквал из быстро и резко сменяющихся эпизодов из жизни Людмилы!

Ничего особенного. Людмила на больничной кровати в окружении мониторов медицинской техники и капельницы, Людмилу навещал нанятый Анжеликой доктор, которому щедро заплатили, чтобы он молчал. Орбелова навещала Анжелику, они часто беседовали о Сильвестре, но большую часть слов я не смогла различить. Зато потом я увидела, как Людмила, едва поправившись силится подняться с постели, но её удерживают охранники Анжелики.

— Ты не понимаешь! — кричит Людмила. — Мои родители будут думать, что я погибла!

— Все должны думать, что ты погибла! — произнесла Орбелова холодным и властным голосом.

По её быстрому командному жесту, стоявший неподалеку доктор, что лечил и наблюдал рану Людмилы, проворно подскочил к девушке и, пока ту удерживали охранники, что-то вколол ей в вену на сгибе локтя. Через полминуты Елизарова обмякла, а ещё через несколько секунд она «отключилась».

Следующее ворвавшееся в мое сознание воспоминание показало, как Людмила бледная и всё ещё слабая тайком выбирается через окно в своей комнате. Все окна были специально сделаны так, что у них открывается для проветривания лишь верхняя секция, до которой не дотянуться, даже если встать на подоконник во весь рост. К тому же эти секции были слишком маленькими, чтобы в них пролез взрослый человек.

Чтобы выбраться из заточения Людмила прибегла к искусству обольщения и соблазнения, которое не растеряла даже в таком патовом состоянии. Умело манипулируя чувствами одного из охранников, девушка уговорила его помочь ей сбежать. Тот, вооружившись инструментами, незаметно для прислуги и остальных охранников разобрал конструкцию одного из окон, чтобы его можно было открыть нараспашку.

Я увидела, как Людмила сбежала в город, и узнала, что она и правда попыталась связаться с родителями. Однако в городе её поймали люди Орбеловой и привезли обратно в этот дом.

Охранника, который ей помог, избили при ней так, что тот уже вряд ли когда-то сможет даже самостоятельно питаться, не говоря уж о том, чтобы ходить.

Людмила, которую Анжелика заставила смотреть на происходящее, умоляла её прекратить этот ужас. Однако Орбелова тогда ответила: «Его мучения на твоей совести». Саму Людмилу из комнаты на чердаке перевели в другое помещение, более подходящее её положению по мнению Анжелики.

Я вывела Стаса и Сеню из дома, за нами последовало ещё двое сотрудников УГРО. На глазах изумленной прислуги дома, мы прошли к небольшому подземному паркингу около коттеджа Орбеловой. Здесь в уюте бережно хранились несколько дорогих автомобилей с оригинальным и очень дорогим тюнингом (по моей прикидке, Орбелова за каждую тачку заплатила не менее полумиллиона долларов). На фоне дорогих стальных красавиц ярко выделялся огромный автодом на базе автобуса «Мерседес».

— Здесь, — шепнула я Стасу.

Корнилов быстро велел Сене позвать понятых. Когда два случайно избранных свидетеля приблизились, Стас и двое сотрудников полиции вошли внутрь передвижного дома. Я тоже заглянула внутрь и была поражена роскошью апартаментов автодома. Надо признать, что со вкусом и чувством прекрасного у Анжелики явно полный порядок. Автомобиль был достоин перевозить главу любого европейского государства!

Через несколько мгновений Сеня на руках вынес из автодома Людмилу Елизарову. Выглядела она ужасно: бледная, с запавшими глазами и синяками под ними. Её кожа приобрела синюшный оттенок, как у утопленницы, а шикарные некогда золотисто-рыжие волосы превратились в косматую, сбившуюся в клоки гриву. Но, к моему облегчению, девушка не была избита, на её теле, при первом взгляде, не были заметны синяки, кровоподтёки или следы мучений.

Однако, цепляясь за шею Сени, Людмила билась в судорогах, дрожала и фанатично шептала:

— Ещё... дайте мне ещё! Пожалуйста!.. Мне так плохо... прошу вас...

Понятые пришли в ужас, увидев состояние девушки. Причина её внешнего вида, цвета лица, судорог и странной мольбы обнаружилась в руках вышедшего следом за Сеней Стаса. Я нервно сглотнула и, непроизвольно, прижала руки к губам — Корнилов вынес на свет несколько использованных шприцов, о назначении которых можно было догадаться по внешнему виду Людмилы.

После того, как понятые зафиксировали обнаружение несчастной девушки и наличие шприцов, Сеня проводил их внутрь. Я тоже зашла в автодом, где Арцеулов как раз показывал пораженным и изумленным понятым кровать Людмилы с ремнями у изголовья и торца кровати.

Я увидела гораздо больше, чем понятые, Стас или Сеня. Перед моими глазами за несколько мгновений пронеслись дни, которые Людмила провела привязанной к кровати. Девушку кормили силой и с отработанной периодичностью вкалывали дозу наркотического вещества. Раз за разом, день за днём люди Анжелики превращали Елизарову, фактически, в рабыню не способную и дня прожить без очередной дозы.

— Ника?

Воспоминания Людмилы померкли и иссякли, рядом со мной стоял Сеня, осторожно касаясь моего плеча. Я подняла на него взгляд.

— Ты что-то увидела? — спросил он участливо.

Я молча кивнула, глядя на смятую и очень несвежую постель, в которой силой удерживали Елизарову. Что же должно было двигать Анжеликой Орбеловой, чтобы она обрекла несчастную Людмилу на существование, зависимое от опасных наркотических веществ! Ради чего она сломала жизнь девушке, которая видела в ней защиту и спасение от тирании Сильвестра Гольшанского?! Ради чего?.. Она не собиралась убивать её, это было понятно, но ей было крайне необходимо, чтобы все думали, что Людмила мертва. А для

этого, конечно, её никто не должен был видеть. Но зачем это Анжелике?! Чего она добивалась?!

Все свои видения я вкратце пересказала Стасу, но о многом Корнилов уже догадался и сам.

— Подозреваю, что Орбелова намеревалась использовать исчезновение Людмилы против Сильвестра, — ответил Стас. — Не знаю, за что именно, но скорее всего Анжелика за что-то очень злится на Сильвестра.

Мы — я, Сеня, Коля и Стас сидели в салоне «Дефендера» и наблюдали, как Людмилу осторожно сажали внутрь микроавтобуса УГРО. Корнилов распорядился, чтобы обнаружение Людмилы пока оставалось в тайне, и чтобы вместо больницы её пока подержали на одной из конспиративных квартир Управления. Это было нужно для успешного завершения задуманной им комбинации.

— Что теперь? — спросил Коля, когда микроавтобус с Людмилой внутри уехал от дома Орбеловой.

— Теперь, — усмехнулся Стас, — ждём выпуски новостей.

Я, Коля и Сеня изумленно уставились на него.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 29 января.

Клочки сигаретного дыма срывались с конца тлеющей сигареты и, уплывая вперёд, таяли в морозном воздухе. Стас посмотрел им вслед и перевёл взгляд на Москву-реку. Эта широкая, рассекающая надвое столицу водная «артерия» сейчас имела такой же блеклый и унылый серо-стальной окрас, как и нависшее над городом небо.

За спиной у Корнилова резко затормозил бронзового цвета Lexus RC.

Стас обернулся, из автомобиля вышел мужчина с красиво уложенными, поседевшими волосами и импозантными бакенбардами. Несмотря на температуру в минус двенадцать мужчина вышел из автомобиля в расстёгнутом сером пиджаке, надетом поверх тёмно-синего свитера. На шее у владельца Лексуса красовались громоздкие чёрно-желтые наушники.

— Подполковник Корнилов? — спросил мужчина, подойдя к Стасу.

Тот выдохнул сигаретный дым и кивнул.

— Добрый день, — поздоровался Стас.

— Вряд ли приватная встреча с офицером полиции знаменует собой добрый день, — качнул головой Леон Корф, становясь рядом со Стасом.

Так же, как и Корнилов, он облокотился на металлическую балюстраду Пушкинского моста.

— По телефону вы сказали, что у вас есть для меня интересное предложение, — произнес Аккорд.

Стас снова кивнул и щелчком пальца отправил окурок в стоящую неподалёку урну.

— Так и есть.

— Почему нельзя было обсудить это по телефону?

— Потому что я хочу быть уверенным, что предмет нашего разговора останется между нами, — ответил Корнилов и, одарив Леона долгим выразительным взглядом, добавил. — Навсегда.

— Становится всё интереснее, — оценил Корф. — Слушаю вас.

Стас пожал плечами.

— Вы уже довольно долго ищете того, кто подставил вас перед Гольшанскими.

Корнилов не спрашивал, а утверждал.

— Допустим, — чуть прищурив глаза, ответил Леон. — А откуда вы знаете, что меня подставили, господин подполковник?

— Аккорд, мне достаточно хорошо известны ваши методы, способы и аргументы, которыми вы пользуетесь для разрешения тех или иных противоречий, — прохладно ответил Корнилов. — Не будем отнимать время друг у друга. Я знаю человека, который вас подставил.

— И кто он? — Аккорд пытался скрыть свою нетерпеливость, но у него это плохо получалось.

— Не так быстро, — осадил его Стас.

Корф усмехнулся.

— Так и думал, что будет какое-то условие.

— Иначе я бы не стал встречаться с криминальным авторитетом, — заметил Стас.

— Логично, — согласился Леон. — И какое у вас условие?

— Я собираюсь поймать убийц, но они слишком влиятельные и довольно опасные люди. Наверняка они попытаются помешать мне и моим коллегам осуществить задуманное.

— А от меня вам что нужно? — седые брови Леона чуть подобрались вверх.

— Чтобы вы прикрыли меня и моих людей, если понадобится, — ответил Стас.

Леон размышлял недолго.

— Знаете, господин подполковник, — задумчиво глядя на реку, проговорил Аккорд, — если бы не ваша слава, как честного и порядочного следователя, я бы не задумываясь послал вас куда подальше.

Леон хмыкнул и продолжил:

— Но в данном случае я готов рискнуть.

Он посмотрел на Стаса.

— Только почему вы вынуждены обратиться ко мне? Неужели у полиции нет сил противостоять каким-то бандам? Или полиция кого-то боится?

Корф улыбнулся белозубой, насмешливой улыбкой. Но от тяжелого взгляда Стаса его улыбка тут же скисла.

— Полиция, — промолвил Корнилов веско и жестко, — никого не боится, уверяю вас, господин Корф. Но мне будет неудобно прибегать к помощи коллег в данном вопросе. Я бы хотел, чтобы меня подстраховали именно вы.

— Почему?

— Потому что вы меньше обременены ограничениями уголовного кодекса, чем я или любой другой полицейский.

— Интересный аргумент, — оценил Корф, — но, пожалуй, правдивый.

Он вздохнул, потянулся и кивнул.

— Ладно... Я согласен. Уверен, вы меня не обманете. А что за «влиятельные люди», которых вы опасаетесь? Я их знаю?

— Думаю, что да, — чуть ухмыльнувшись, ответил Стас. — Именно эта семья обвинила вас в жестоком безрассудном нападении на их дом и покушении на убийство.

Левый уголок рта Корфа дёрнулся вверх.

— Да вы, верно, спятили, господин подполковник...

— Возможно, — перебил его Стас, — вот только я собираюсь доказать причастность всей их семьи к серии преступлений, от которых им не отвертеться. Понимаете, чем это чревато для них?

— Уж не хотите ли вы сказать, что Гольшанские могут всей семьёй отправиться за решетку?

Леон не скрывал насмешки и пренебрежения в своём голосе, однако Стас заметил плотоядный блеск в его глазах. Такая перспектива была более чем желательна для Аккорда, и Стас отлично это знал. Именно на непомерные амбиции Леона Корфа он и рассчитывал, предлагая тому сотрудничество.

Корнилов отлично знал историю противостояния Леона Корфа и Сильвестра Гольшанского. И Стас почти не сомневался, что если у Аккорда появится внезапная возможность окончательно утопить Гольшанских, он ею воспользуется.

— Скорее всего, — Стас не торопился радовать Корфа, хотя и чувствовал, что тот внутренне замер, лелея надежду, — именно так и случится.

Корф несколько мгновений испытующе глядел на Стаса. Корнилов видел, что он сомневается, но ему хотелось верить. Аккорду очень хотелось верить, что Гольшанских можно победить. Да ещё, фактически, наполовину чужими руками. Звёзды совпадают слишком уж хорошо, чтобы не воспользоваться такой возможностью.

— Хорошо, — кивнул он, наконец. — Но имейте ввиду, на открытую войну с Гольшанскими я не пойду.

— Этого и не понадобится, — пообещал Стас, — будет достаточно продемонстрировать готовность к крайним мерам.

— Это я умею лучше всех, — хищно улыбнулся Корф.

«Поэтому-то я и обратился к тебе» — глядя в лицо Аккорда, подумал Стас.

— До встречи, — сказал Стас, — я свяжусь с тобой в ближайшие часы.

— Часы? — недоуменно переспросил Корф. — Да, часы, — подтвердил Стас, — ты не ослышался. До скорого.

— До скорого... — явно удивленно проговорил вслед Стасу Леон Корф.

После встречи с Аккордом Стас съездил в больницу к Диане, а затем созвонился с сотрудниками УГРО, которые отвечали за безопасность Людмилы. Как выяснилось, девушка по-прежнему была в довольно тяжелом состоянии. Врач, который её осматривал сказал, что она выживет, но её организм серьёзно пострадал от воздействия на центральную нервную систему. По анализам содержание в крови девушки эфира бензоилэргонина могло легко вызывать передозировку с почти гарантированным летальным исходом.

Стас мысленно выругался и подумал, что если Анжелике удастся сбежать из страны, он должен сделать всё возможное, чтобы Орбелова предстала перед судом. Люди, способные обращаться так с другими людьми, способные так безжалостно жертвовать чужими жизнями ради собственной мести, ненамного лучше монстров вроде Сумеречного портного.

Через час езды Стас был возле дома Гольшанских. Он наблюдал за ними с безопасного расстояния, используя бинокль со светоотражающим покрытием на линзах. Качество оптики было великолепным, и Стас без труда мог рассмотреть марку сигареты, которую курил один из охранников в доме Гольшанских.

Вот, наконец, открылись главные ворота, и с территории внутреннего двора дома

Гольшанских выехал белый фургон Шевроле. На борту машины красовался логотип компании, которая занимается продажей и установкой систем домашнего климат-контроля, а также предоставляет сервисные услуги. Именно под видом работников такой компании в доме Гольшанских около двух часов трудилась пара сотрудников УГРО. Стас специально вызвал двух опытных оперов из Санкт-Петербурга, так как ему нужны были полицейские со «свежими», не мелькавшими нигде по Москве лицами. То есть такие люди, в которых служба безопасности Гольшанских не узнает сотрудников УГРО. К тому же эти ребята имеют очень длинный послужной список из всевозможных операций под прикрытием. Можно сказать, что это их конёк.

Ожила рация, Стас быстро взял её и поднёс лицу:

— Слушаю.

— Все сделано, — ответил ему бесстрастный мужской голос.

— Отлично. Спасибо, парни.

— Это было не так уж сложно, — усмехнувшись ответил один из питерских оперативников, — обращайтесь.

— Обязательно, — хмыкнул Стас и прервал связь.

Белый фургон свернул на шоссе и на скорости уехал прочь. А Корнилов остался на своем месте. Он продолжал наблюдение. Он, образно говоря, «забросил приманку» и сейчас ждал зверя. Ждал хищника, который, если Стас всё правильно рассчитал, должен появиться сегодня.

Если бы этот «зверь» был умнее, он, конечно же, сначала бы всё детально и досконально проверил, а уж потом только подумал, стоит ли ему что-то предпринимать или нет. Именно так поступил бы полковник Родион Датский, к примеру. Этот действовал бы максимально осторожно и даже демократично. Он бы тратил драгоценное время на проверку всех вариантов и обработку огромного количества малозначащих данных.

Во-многом, Стас именно поэтому и не рассказал о своих подозрениях Датскому. Родион бы лишь спугнул Гольшанских, и те обязательно бы скрылись за границей, откуда им совсем не обязательно возвращаться на родину в ближайшие лет пятнадцать-двадцать.

На дороге вдалеке из-за лесополосы появились сразу три громоздких внедорожника с затемненными стёклами. Корнилов навёл на них бинокль и присмотрелся к номерам. Как только он увидел цифры, его рот расплылся в злорадной ухмылке.

— Ну, наконец-то, — пророкотал он довольным голосом.

ЕЛИЗАВЕТА ГОЛЬШАНСКАЯ

Пятница, 29 января.

Елизавета всегда считала, что она умеет сдерживать эмоции и истинные чувства, не давая им вырваться наружу до тех пор, пока не останется наедине с собой. Но Анжелике Орбеловой, которая сейчас сидела напротив и уже с час тараторила про несчастного Сильвестра и многочисленные беды, свалившиеся на семью Гольшанских, она бы с удовольствием выдрала несколько пучков волос.

— Это просто ужас какой-то! — абсолютно фальшиво сетовала Анжелика. — Сначала этот арест Сильвестра, потом нападение на ваш дом!.. Господи! Хорошо, что никто не погиб!

— Да, действительно, — холодно и сдержанно отозвалась Елизавета.

В голове она перебирала варианты того, как бы поделикатнее выставить Анжелику из дому. Быть с ней грубой Елизавете не хотелось. Не потому что она дорожила чувствами и отношениями с бывшей женой своего сына, а лишь из-за банка, которым владела Анжелика. «ORBEL group» набирали силу, разрастаясь на территории России и в ближайшем зарубежье и ссориться с ними сегодня без основательных причин совсем не стоило.

— Когда я узнала о случившемся, я сразу же решила, что должна помочь вам! — с неизменной искусственной запальчивостью продолжала Анжелика.

«Как же, — подумала про себя Елизавета, — Скорее ты, жаба крашенная, прыгала от радости и жалела, что хоть кого-то из нас не пришили».

А потом Елизавета вспомнила встречу с Аккордом и его слова: «Посмотрим, кто предложит тебе или мне свою помощь».

Теперь она взглянула на Анжелику другим взглядом. Если рассуждения Корфа верны... Уж не пришла ли Анжелика, чтобы предложить помощь? Неужели наглое нападение на дом Гольшанских — дело её кривых и загребущих рук? Неужели ей мало тех денег, что отняла при разводе у Сильвестра, и теперь эта двуличная дрянь хочет погубить всю семью Гольшанских?

При мысли об этом Елизавету захлестнул приступ гнева. Она представила, как берёт одну из чашек с кофе, которые стоят на столике между креслами, и выплескивает оставшееся содержимое в лицо Анжелике. Прямо в наглую и лживую улыбку на её лице с тонной косметики. Елизавета даже улыбнулась, представив себе, как Орбелова верещит от боли и носится по кабинету, зажмурив глаза.

Однако Анжелика восприняла улыбку Елизаветы по-другому.

— Я знаю, что виновата перед Сильвестром и вами лично, — жалобно и грустно проговорила Анжелика. — И мне бы очень хотелось загладить свою вину своей помощью вам.

Лживая участливость Орбеловой была противна и невыносима.

— Ладно, — усмехнулась Елизавета, испытующе глядя на свою собеседницу.

Она взяла чашку с кофе и отпила, кофе был уже подостывший.

«Жаль» — подумала Елизавета.

Тут в кабинет вошёл один из охранников Гольшанских, быстро подошёл к Елизавета и что-то произнёс ей на ухо. Елизавета порывисто обернулась и обожгла мужчину яростным взглядом.

— Так зачем же вы ихпустили?!

— С ними спецназ человек десять, все с автоматами. Мы не могли их не впустить, Елизавета Марковна.

— Чёрт, — Елизавета быстро встала и взглянула на Орбелову. — Договорим позже, милая. А сейчас тебе пора, тебя проводят.

Она кивнула охраннику и поспешила выйти из кабинета.

Внизу на первом этаже дома собралась вся прислуга. Люди выглядели взволнованными и с опаской, настороженно глядели на стоявших перед ними мужчин, одетых в одинаковые тёмно-синие куртки с ярко желтой надписью «Следственный комитет» на спине.

Одного из них Елизавета знала. Это он пришёл тогда в их дом и попытался арестовать Сильвестра. Капитан Карабанов.

— Что здесь происходит?! — властно спросила Елизавета. — Капитан Карабанов, по какому праву вы вламываетесь в наш дом?! У вас появились какие-то особенные

полномочия, позволяющие вести себя, как вам вздумается?! — Во-первых, я теперь майор, — преисполненная гнева речь Елизаветы на Карабанова явно не произвела никакого эффекта. — А во-вторых, у меня есть все основания полагать, что вы в пределах вашего дома силой удерживаете Людмилу Елизарову.

Прислуга в доме Гольшанских мгновенно обменялась перепуганными взглядами. Кто-то из служанок прижал руки к лицу, охранники же смотрели на сотрудников СКР с угрюмым скептицизмом на лицах.

— Что за вздор! — повысила голос Елизавета. — Какие у вас доказательства?

— О, мы их найдём, — зловеще улыбнулся ей Карабанов и протянул какую-то бумагу с печатью. — А вы пока ознакомьтесь с ордером на обыск.

Елизавета взяла у него документ, а Карабанов повернулся к своим людям и энергично замахал рукой.

— Начинайте! — велел он.

Эпизод шестнадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 29 января.

Стас отлично слышал, что происходило в доме Гольшанских. Благодаря прослушке, которую установили офицеры питерского УГРО, он был в курсе того, что творилось в особняках Гольшанских.

Карабанов разошёлся вовсю. Его люди вели себя ещё более дерзко, чем сотрудники Уголовного розыска в доме Орбеловой. Стас слышал, как ругалась на них Елизавета и как пыталась напугать Карабанова разного рода угрозами. Мать Сильвестра предвещала Карабанову вылет со службы и даже тюремный срок за превышение собственных полномочий. Тот отвечал ей, что она вместе со своей семьёй сядет на ближайшие двадцать лет, и что он лично этому поспособствует.

Слушая их перебранку, Стас не сдержал довольную улыбку. Всё шло, как и было задумано. Сейчас или спустя несколько минут люди Карабанова, если они не полные кретины, должны будут обнаружить улики, заботливо оставленные полицейскими, которых подослал Стас.

— Нашёл! — внезапно раздался возглас одного из следователей Комитета.

Стас прислушался.

— Что вы там могли найти в нашей кладовой?! — раздался возмущенный голос Елизаветы Марковны.

Звук шагов, и затем вкрадчивый, преисполненный злого торжества голос майора Карабанова:

— А это, госпожа Гольшанская, пряди волос...

— И что это значит?! — ледяным тоном, гневно поинтересовалась Елизавета.

— Они могут принадлежать Людмиле Елизаровой, — ответил Карабанов.

— Чушь! — воскликнула Елизавета. — С чего вы вообще взяли, что эта глупая девчонка может быть у нас? Зачем она нам?!

— Не стоит называть её глупой, — Стас услышал в голосе Евсея опасные нотки. — Её вина лишь в том, что она выбрала себе в спутники вашего никчемного сына!

— Я бы попросил не оскорблять моего отца!

Стас чуть заметно ухмыльнулся. А вот и Орест пожаловал.

— Твой отец, парень, взял на себя вину за все убийства «Сумеречного портного», — ядовито проговорил с Карабанов. — Так что мои слова почти комплимент.

— Ах вы!.. — разозлился Орест.

Но тут снова воскликнул один из сотрудников СКР:

— Товарищ майор! Ещё! Смотрите...

Снова шаги Карабанова, после которых новоиспеченный майор Следственного комитета не сдержал радостного возгласа:

— Елизавета, а что вы скажете вот на это?

— Что это?! — с нескрываемым отвращением спросила Елизавета Гольшанская.

— А это, — Стас не слышал, но готов был поклясться, что Карабанов усмехается, — это,

Елизавета, ноготь.

— Ноготь? — не поняла женщина.

— Это кусочек ногтя с таким же маникюром, какой был у Людмилы в ночь исчезновения.

— Откуда вы знаете?

— Вот распечатки из видеозаписей с камер вашего дома, города и видеорегистратора автомобиля Людмилы. Ногти точь-в-точь, как у Елизаровой. Елизавета ничего не сказала, но после паузы голос её звенел от негодования:

— Вы думаете, что я не понимаю, что вы делаете, господин майор?

— Ищу пропавшую девушку, — упрямо ответил Карабанов.

— А по-моему, — не скрывая презрения проговорила Елизавета, — вы выполняете чье-то поручение. Что смотрите? Я не права? Кто вас на меня натравил? Аккорд? Это Леон Корф? Или, может быть, Анжелика? Кто вам платит, майор Карабанов?

— Вам нужно успокоиться, Елизавета, — фыркнув, ответил Евсей, — так как вы несёте всякую ерунду!

— Но...

— Елизавета, у меня есть разрешение применить силу, если я сочту, что вы или ваши родные, или ваши люди препятствуете проведению оперативно-следственных мероприятий! — повысив тон, произнёс Карабанов.

— Вы угрожаете мне в моём доме?!

— Да, угрожаю! — огрызнулся Карабанов.

Он хотел ещё что-то добавить, но тут из глубины дома донесся взволнованный голос ещё одного сотрудника СКР.

Кажется, люди Карабанова нашли ещё одну умело подброшенную улику.

Спустя несколько минут Стас любовался картиной, как бойцы специального подразделения, прикомандированного к группе Карабанова, силой выводят из дома Ореста и Клару Гольшанских. Следом за ними выволокли ещё нескольких человек из охраны. И только Елизавета в сопровождении одного солдата спецназа шла сама без наручников, сохраняя достоинство и присущее ей аристократичное величие.

Когда всех Гольшанских вместе с частью их охранников усадили в машины СКР и увезли, Стас написал сообщение Домбровскому:

«Гольшанские у Карабанова. У нас, в лучшем случае, двое суток, чтобы найти Беккендорфа. Как Ника?»

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 29 января

Чашка с мятным чаем подрагивала в моих руках. Мягкий бархатистый запах мяты щекотал обоняние, а её приятный со сладкой свежестью привкус растекался на языке. Но даже любимый мною мятный чай не смог полностью помочь мне справиться с охватившим меня потрясением и ужасом.

Воспоминания уже прекратились, приступ пугающих и отвратительных видений пока что оставил меня в покое. Но я не могла просто так успокоиться и пережить увиденное...

Передо мной на столе лежали вещи, которые принадлежали Нестору Беккендорфу по

кличке «Пожиратель». Человеку, который был директором приюта «Зелёная колыбель». Хотя, учитывая его деяния, назвать Беккендорфа человеком можно разве что условно.

Я отпила ещё немного чаю и закрыла глаза. Тут же вернулись недавно увиденные воспоминания. Я увидела эпизод, где Беккендорф избивает одну из девочек. Она провинилась тем, что не стала выполнять приказы одного из богатых клиентов подпольного борделя. Девятилетняя девочка воспротивилась богатому подонку, и когда тот попытался заставить её силой делать неподобающие вещи, она его укусила. И теперь Пожиратель «наказывал» её. Ребёнок задыхаясь в слёзных мольбах, закрываясь окровавленными руками просил его перестать, девчушка, надрываясь, кричала, что больше так не будет. Но Нестор словно обезумел... Я не смотрела на это, я не могла смотреть. Я даже зажимала уши руками, чтобы не слышать и не видеть этого, а ещё лучше, сразу забыть!

Девочка не пережила этого избиения, она умерла ночью в лазарете при приюте. Но по документам, если верить воспоминаниям Нестора, ребенка якобы отдали в какую-то семью. Во всяком случае, именно такую версию рассказали остальным детям.

Я увидела ещё несколько устрашающих и омерзительных эпизодов из жизни Нестора, которые позволили мне осознать, в каком аду жили обездоленные девочки из приюта. И я убедилась, что Пожиратель легко может поспорить жестокостью с самим Сумеречным портным. Я теперь даже не знаю, кто из них хуже. Ведь этот ублюдок — самый настоящий садист! А ещё ему нравится наблюдать за клиентами, пока те развлекаются с беззащитными детьми. Меня едва не стошнило, когда перед глазами внезапно возникла сцена, где Беккендорф абсолютно голый, задрав голову к потолку и стоя посреди комнаты перед широким экраном плазменного телевизора, восторженно мастурбировал. При этом его глаза были полуприкрыты, а из приоткрытого рта вырывались сдавленные хрипы. Он никогда сам не насиловал девочек, но обожал наблюдать за тем, как это делают его клиенты.

И каждый раз, видя бесчинства Беккендорфа и всех сотрудников «Зелёной колыбели», я с гневом задавалась вопросом: «Почему об этом никто не знал?! Почему об этом ничего не было известно?! Почему ни один журналист не поинтересовался, зачем чиновники, судьи и бизнесмены так часто ездят в эту глушь!»

Меня обуревало неудержимое возмущение. Но тут же пришла очевидная ясность: всё замалчивалось, потому что слишком уж многих круговой порукой объединял приют «Зеленая колыбель». И слишком многие из латентных педофилов-насильников оказались людьми облеченными той или иной формой власти. Как финансовой, так и законодательной.

Я сделала ещё глоток чая и подумала, что хорошо хоть сейчас всех (или почти всех) этих любителей поизмываться над беззащитными детьми арестовали, заключив в СИЗО.

По всей стране немедленно поднялся громогласный вопль различных, «независимых» либеральных СМИ, которые в очередной раз кричали, что «рабовладельческое и тоталитарное» государство снова пытается подавить инакомыслие в лице «просвещенных» граждан!

Ох... Вот бы ткнуть этих «свободных и независимых» (непонятно на какие средства тогда существующих) лицом в неопровержимую истину. Но несмотря на желание УГРО, Следственный комитет приказал не предоставлять общественности вещественные доказательства в виде тех видеозаписей, которые Уголовный розыск изъял во время встречи Беккендорфа и Алсуфьева.

Я сделала последний глоток чая и отставила чашку в сторону. Вновь взглянула на

лежащие передо мной предметы. Перчатки, рубашка, бумажник, запонки, галстук, солнечные очки, расчёска и много другое. Всем этим когда-то пользовался Беккендорф, и всё это хранило сотни тысяч его воспоминаний. Множество мелких эпизодов из жизни Пожирателя, директора приюта «Зелёная колыбель».

«Просмотренные» предметы я складывала слева от себя, а справа, понемногу уменьшаясь, громоздилась куча вещей Пожирателя, которые я ещё не брала в руки.

Я взяла ботинок. Он был марки Loake, занимающейся изготовлением обуви ручной работы. Дорогой бренд с очень качественной продукцией. Кажется, именно они поставляют обувь для Королевского двора Елизаветы Второй. У обычного директора приюта таких не будет никогда, априори.

Ботинок хранил ещё несколько воспоминаний, связанных с омерзительной преступной деятельностью Беккендорфа. Но помимо этого я увидела ещё кое-что важное.

Я оказалась в доме Нестора, в его прихожей. Беккендорф стоял с телефоном в руке и сосредоточенно водил пальцем по дисплею. Мне удалось подобраться поближе, чтобы увидеть, что он зашел на сайт РЖД. Беккендорф явно выбирал билет, но в этом воспоминании я увидела лишь направление: Хельсинки. На этом воспоминание оборвалось.

— Чёрт! — воскликнула я, не сдержав досады.

То, что я увидела, куда намеревается смотаться Пожиратель, это отлично. Но я не успела увидеть ни дату, ни время.

Дверь кабинета, где меня посадили и с вещами Нестора, открылась и заглянул Сеня Арцеулов.

— У тебя всё в порядке?

Я кивнула:

— Нестор, похоже, собирается в Хельсинки...

Сеня мгновенно напрягся и оживился.

— Когда? Дату и время увидела?

Я сокрушенно покачала головой и с уверенностью сказала:

— Я увижу... дайте мне ещё немного времени, пожалуйста.

Сеня кивнул.

— Карабанов арестовал Гольшанских. Стас сказал, что он продержит их около двух суток, потом он вынужден будет их отпустить.

— Поняла, — кивнула я.

Сорок восемь часов. У нас сорок восемь часов, чтобы найти Беккендорфа. Потом, в этом можно не сомневаться, первое, что сделают Гольшанские, сядут в личный джет и улетят нафиг из России. Например, в «благословенную» Англию, откуда никого и никогда не выдают, особенно с такими деньгами, как у Гольшанских.

— Дайте мне ещё немного времени, — снова повторила я.

Сеня молча кивнул и закрыл дверь.

Я взяла следующую вещь Беккендорфа, это был дротик для дартса.

Но он, большей частью, хранил только воспоминание о своем прямом назначении — как Нестор бросал его в мишень. Я отложила его в сторону и взяла коробочку с лекарством. Перевернув его, я прочитала, что это было средство от бессоницы. Стыдно признаться, но в этот момент я откровенно позлорадствовала, что кое-кто явно плохо спит по ночам. В этом, на мой взгляд, просматривалась некая карма.

Коробочка с лекарством, к моему сожалению, тоже не хранила никаких важных

воспоминаний, кроме того, что Беккендорф частенько глотал таблетки по ночам. Неожиданно для себя, мне стало его жаль... Да, наверное, это необъяснимо глупо, сочувствовать такому мерзавцу, как Пожиратель, но я не могла изменить своих чувств, глядя, как он с изможденным от бессонницы лицом трясущимися руками достает эти таблетки.

Я отложила коробку лекарства и взяла статуэтку из слоновой кости. Чуть нахмурившись, я покрутила её в руках. Это был вставший на дыбы конь с развевающимся гривой. Он был выточен очень детально и искусно.

Статуэтка хранила несколько незначительных воспоминаний из жизни Беккендорфа. Однако именно в них я обнаружила следующую важную подсказку.

Воспоминание в очередной раз перебрало меня прямиком в квартиру Беккендорфа. И стоя посреди его гостиной, я видела, как Пожиратель в спешке выбрасывает из небольшого потайного сейфа в полу, огромное количество различных ювелирных ценностей. Здесь были украшения на любой вкус и даже парочка самых настоящих золотых слитков! Со всем этим добром Беккендорф поспешил в подпольные ломбарды столицы.

Воспоминания стали обрывочными и быстротечными. Длительность одного эпизода не превышала пятнадцать секунд. Я увидела, как Пожиратель впопыхах сплавляет накопленное добро всяким подозрительным личностям. Я и не думала, что в Москве так много незаконных заведений, скупающих золото и прочие ценности без проверки документов и даже удостоверения личности! Похоже, чёрный рынок драгоценностей процветает в Белокаменной, как яблоневый сад весной. Впрочем, подобные явления, наверное, неизбежный атрибут любого мегаполиса.

Я увидела дату дня, когда это происходило. Беккендорф побывал у пятерых скупщиков золота и ценностей, где ему поочередно отвалили наличными изрядную сумму денег. Но, самое главное, что в одном таком заведении Пожиратель в споре с одним из скупщиков ценностей так разошелся, что начал орать на него.

— Да не волнуйтесь вы так, — развел руками тот в ответ на бурную реакцию Беккендорфа, — приходите послезавтра, тогда я смогу выдать вам полную сумму. Сейчас у меня просто нет столько наличных.

— Послезавтра меня не будет в городе! — огрызнулся Нестор.

Скупщик лишь ещё раз развёл руками.

— Ничем не могу вам помочь, если вы не согласны на ту цену, которую я предлагаю...

— В задницу себе засунь такую цену! — Беккендорф потряс зажатой в кулаке золотой брошью, — ты знаешь, сколько стоит эта брошь в Европе?! Знаешь?! Это, между прочим, настоящий *Vicelatti*! В Италии и Франции за такую брошь до тридцати тысяч евро дадут! А ты предлагаешь всего двенадцать?!

Скупщик лишь самодовольно усмехнулся и ответил:

— Почему бы вам тогда не обратиться в ломбарды Италии и Франции?

Ни говоря больше ни слова, Нестор вылетел прочь из подпольного ломбарда. На этом воспоминание оборвалось.

Я снова сидела в кабинете в Управлении уголовного розыска и меня била легкая дрожь. Я не стала просматривать другие вещи, нужно срочно сообщить Стасу всё, что я успела узнать. Сейчас каждая минута на вес золота!

Пятница, 29 января

Ника говорила очень быстро и сбивчиво. Так обычно бывает, когда Лазовская пребывает в крайнем волнении.

— Я понял тебя, спасибо, — кивнул Стас, слушая голос Ники по телефону, — ты умница!

— Спасибо... — рассеянно ответила Лазовская. — Ты точно всё запомнил?

Стас не мог не улыбнуться — серьёзность синеглазой девочки всегда немного умиляла его.

— Да, — ответил он, — всё, Ника.

— Хорошо... — не очень уверенно и обеспокоенно проговорила девушка.

Стас услышал, как она вздохнула.

— Тебе нужно передохнуть...

— Передохну, когда мы его поймем! — в звонком голоске Ники внезапно послышались угрожающие льдинки.

Стас хотел бы её переубедить, но знал, что сейчас это невозможно. После разговора с Никой, Корнилов быстро обдумал полученную информацию.

Значит, Беккендорф взял билеты на сегодняшнее число. Ника также сказала, что он сильно страдает от бессонницы.

— Значит, — вслух проговорил Стас, — наверняка он поедет ночным поездом.

Лазовская сообщила, что Пожиратель намеревается свалить в Финляндию, в которой, в этом можно не сомневаться, вряд ли тоже задержится.

Стас сомкнул зубы. Значит, они должны взять его сегодня. Взять во что бы то ни стало. Если они этого не сделают, Пожиратель уйдет, а вместе с ним будет потеряна возможность посадить Гольшанских! Стас не мог этого допустить. И не допустит. Второй раз Портной от него не уйдёт!

Заставив себя рассуждать здраво и холодно, Корнилов подумал, что Пожиратель, скорее всего, купил билеты через интернет, удаленно.

В таком случае можно проверить всех одиноких пассажиров мужчин, которые едут ночным поездом на Хельсинки. А ещё лучше...

Стас усмехнулся. Ему в голову пришла дерзкая, но очень дельная мысль. Он набрал Аспирина.

— Да, Стас? Что-то выяснили? — Так точно, — ответил Стас, глядя на дорогу перед собой, — товарищ генерал, а есть ли у нас какая-то возможность попросить РЖД отменить два поезда на шесть и на девять часов?

— Зачем тебе это?

— Чтобы сократить варианты, для Беккендорфа.

Стас быстро пересказал Антону Спиридоновичу информацию от Ники.

— Наша кроха, — со смешком одобрительно проворчал Аспирин, — что бы мы без неё делали?

— Топтались бы на месте, отрабатывая кучу ложных версий, — Стас хорошо помнил время до знакомства с Никой.

До прихода синеглазой девочки с её необъяснимым даром им всем приходилось тяжело.

— Я посмотрю, что можно сделать, — пообещал Аспирин относительно просьбы Стаса.

— Только нужно сделать так, чтобы на этот единственный поезд оставалось, как можно

больше билетов, — ответил Стас. — Он должен купиться.

— Уверен, что не спугнёшь его?

— Нет, — чуть скривившись, ответил Стас, — он поспешил сбить все, что только можно, чтобы собрать как можно больше денег. Он уже приготовился покинуть страну и сделает это сегодня, и если мы отменим поезда он найдёт другой способ. Но он точно не передумает, скорее будет ещё больше торопиться.

— Ты хочешь прошерстить поезд перед отправкой?

— Нет, — Стас взглянул в зеркало заднего вида, — я поеду в нём. Со мной поедет Сеня. А Коля с патрульным усилением, должен будет задержать Анжелику.

— Хороший план, — одобрил Аспирин, — а Нику ты с собой возьмешь? Без неё ты Беккендорфа можешь упустить, ты ведь это понимаешь?

Корнилов вздохнул.

— Да.

Он понимал, но брать с собой Лазовскую ему не хотелось. Однако, она не отступит, да и с ней они, правда, быстрее найдут Беккендорфа. Ведь он наверняка изменил свою внешность, а может ещё и сядет к какой-нибудь очаровательной и одинокой путнице, чтобы сбить следствие с толку.

— Да, — ответил Стас. — Если она согласится.

— Ты знаешь, что согласится, — ответил Аспирин.

Стас знал, но, как всегда, предпочёл бы, чтобы Ника оставалась в безопасности.

Хотя... какая к чёрту безопасность, когда она помогает ему в самых опасных и запутанных делах?!

Несмотря на позднее время на Киевском вокзале была прорва народу. Стас неспешно прогуливался и глазами искал среди пассажиров людей по антропологическим данным похожих на Беккендорфа.

Нестор Беккендорф, по кличке «Пожиратель», был худощав, немного сутулился, носил бороду и имел несколько большую длину рук, чем у большинства людей. Вообще, если бы теория криминальной антропологии доктора Ломброзо себя оправдала, Нестор Беккендорф подходил бы на роль прирожденного преступника по многим показателям. Однако то ли «Пожиратель» отлично маскировался, то ли, что вряд ли, Нестор не появился на вокзале.

Вместе со Стасом на вокзале дежурили Сеня и Ника. Оба, конечно же, хорошо замаскированные. Ника — в парике, в сером полурасстёгнутом суконном пальто поверх длинного свитера, в чёрных кожаных брюках и черных ботильонах, с сумкой, перекинутой через плечо. Она походила не то на какую-то блоггершу, не то на журналистку из какого-нибудь прогрессивного журнала, который занимается всякими разоблачениями.

А Сеня облачился в короткую стеганую куртку, надел очки в цветной оправе (с бутафорными линзами) и наклеил брови и усы. Во всем этом он был похож на кого угодно, только не на сотрудника УГРО.

Сам Стас тоже немного преобразился и сейчас прохаживался вдоль перрона в униформе сотрудника РЖД с накладной седой бородой и загримированным под пожилого человека лицом. Корнилов с деловым видом расхаживал вдоль вагонов, сжимая в правой руке молоток с длинной рукоятью. Стас не упускал из виду ни одиноких пассажиров мужского пола, ни пары, ни даже отдельные семьи. Потому что он был уверен, что Беккендорф пойдёт на всё, лишь бы только избежать встречи с полицией.

— Внимание! — послышался голос диспетчера над платформами железнодорожных путей. — Готовится к отправке скорый поезд сообщением Москва-Хельсинки. Просьба пассажирам занять свои места, а провожающим — покинуть поезд.

Ника, которая усердно делала вид, что болтает по телефону, проворно заскочила в поезд. Стас увидел, как через два вагона от неё на поезд сел и Сеня. Сам Корнилов забрался в последний вагон и тут же переоделся, скинув униформу железнодорожника, сменив её на форму проводника. А седую бороду и грим — на усы, «большое родимое пятно» и «шрам от ожога».

Что ж, у них есть четырнадцать часов, чтобы поймать Беккендорфа.

То, что Пожиратель на этом поезде, Стас даже не сомневался. Корнилов даже не особенно удивился, что они его не заметили. Наверняка Нестор преобразился до такой степени, что его даже самые близкие люди не узнали бы.

Поезд тронулся, пол под ногами Стаса чуть заметно качнулся. Где-то в вагоне заплакал ребёнок, и у кого-то зазвонил телефон, а кто-то немедленно потребовал, чтобы все перестали шуметь и дали отдохнуть!

Стас, сохраняя бдительность, двинулся вперёд по вагонам. Корнилов сдерживал порывистость, которая гнала вперёд и требовала скорейшим образом поймать, схватить, задержать Беккендорфа. Но Корнилов не стал бы одним из лучших сыщиков современной России, если бы позволял адреналину и эмоциям взять власть над собой. Степенно, но быстро. Не теряя времени, но внимательно. Сохраняя осторожность, но действуя рационально и эффективно. Именно так должно вести себя в подобных ситуациях следователю УГРО.

Стас прошёл вагон насквозь, все купе были открыты, Беккендорфа здесь не было. Корнилов перешел в следующий. Он отправил сообщение оперативной группе быстрого реагирования, собранной из офицеров УГРО. Разделившись по четыре человека, они заняли два купе в поезде до Хельсинки. По настоянию Стаса в группу взяли трёх женщин, потому как четверо угрюмых мужиков, которые в тишине сидят в купе и выходят только по нужде или покурить, вызовут подозрение даже у ребёнка. Но группа должна была вступить в действие лишь в самом крайнем случае, Стас искренне надеялся, что этого не случится. Сам Корнилов всегда был готов к худшему.

Стас прошёл следующий вагон, заглядывая в каждое купе. Одна пара показалась ему подозрительной. Потому что женщина сидела молча, отстраненно глядя в окно и было видно, что совсем недавно она плакала. Мужчина, нахмутив брови, молча читал что-то на планшете. Мужчина подходил под комплекцию Пожирателя, но стоило женщине обратить взор заплаканных глаз в сторону Стаса, как Корнилов мгновенно понял, что здесь виной всему бытовая ссора. Стас заметил синяки на руках женщины, и хотя ему было жаль её, сейчас у него не было времени разбираться в семейных скандалах.

Корнилов прошёл в следующий вагон, где его настиг звонок мобильного телефона.

— Да? — порывисто бросил Стас.

— Стас, вы уже в поезде? — Аспирин был раздражен и разочаровано одновременно.

— Да, только что отправились.

— Стас, Елизавету отпустили.

— Что?! — Корнилов понадеялся, что ослышался. — Кто?!

— Удивлю тебя: твой хороший «друг» постарался, — негодуя ответил Антон Спиридонович.

— Датский?! — рыкнул Стас.

— Он самый, падла усатая, настоящий скандал в СКР устроил. Хорошо, хоть Клару и Ореста ему освободить не дали.

— Какое ему дело?!

— Чёрт его знает, — бросил генерал Савельев, — тебе сейчас нужно о другом беспокоиться. Есть информация, что люди Елизаветы тоже могут быть в этом поезде.

Стас едко и опасно усмехнулся:

— Елизавета хочет убраться Беккендорфа, пока мы до него не добрались?

— Скорее всего, — мрачно ответил Аспирин, — а заодно и вас всех, если получится.

— Черта с два, — угрожающе, воинственно ответил Стас.

— Её люди могут быть в поезде, Стас, — снова предупредил генерал, — будь внимателен.

Стас услышал беспокойство в голосе Антона Спиридоновича, а это означало, что ситуация более, чем серьёзная. Начиная с того, что от него, Сени и Ники зависит, предстанет ли Сумеречный Портной перед судом и заканчивая тем, что они могут погибнуть.

Стас мысленно отругал себя: ведь не хотел же он брать с собой Нику! Ведь понимал, на какой риск они все идут!

— Известно, сколько людей Елизавета отрядила на охоту за Беккендорфом?

— Понятия не имею, — вздохнул Аспирин и вдруг спросил, — Стас, может, остановим поезд и задержим всех? У нас хватит сил, люди есть и...

— Нет! — от волнения Стас произнес это резче, чем хотел, и потому добавил мягче. — Нет, товарищ генерал. Во-первых, Беккендорф обязательно заподозрит неладное и... что-то выкинет. Может быть, даже уничтожит видеозаписи, которые нам нужны, чтобы набить себе цену, как свидетелю и торговаться с нами. А во-вторых, если вы правы, и люди Елизаветы уже в поезде, могут быть жертвы среди гражданских. Я категорически против остановки поезда и общего досмотра!

Аспирин пару секунд молчал, затем явно вынужденно и с неохотой ответил:

— Поступай, как знаешь. Но я всё-таки запрошу подразделения «СОБР» на всякий случай.

— Да, лишним не будет, — кивнул Стас и поспешно добавил. — Мне нужно идти, товарищ генерал.

— Ни пуха, Стас.

— Да, к чёрту, — Стас дал отбой.

Сообщение Аспирина заставило Стаса нервничать. Один бог знает, сколько людей и с каким заданием Елизавета Гольшанская могла отправить в погоню за Беккендорфом.

— Вот же упёртая баба, — проворчал Стас своим мыслям.

Хотя Стас мог её понять. Если бы речь шла о его семье, он бы тоже бился до последнего.

В третьем с конца вагоне было закрытым только одно купе. Благо, у Стаса был ключ, который позволял открывать любое купе на свое усмотрение.

Не особо церемонясь, Корнилов открыл купе... и обнаружил внутри обнажённую пару, предающуюся жаркой любви.

— Какого чёрта?! — воскликнул голый мужчина, сидевший в углу возле окна.

Сидящая на нём девушка закричала и быстро закуталась в простыню, прижимаясь к

любовнику.

— Извините, — буркнул Стас, закрывая дверь.

— Извращенец! — раздался вслед обиженный и плаксивый голос девушки.

— Успеете ещё на****ться, — пробурчал Стас, ступая дальше.

Люди вокруг шумели, из открытых купе доносились разговоры, споры и смех. А Корнилов шёл дальше и ощущал нарастающее, сжимающее легкие, тугое напряжение. Казалось, даже воздух затвердел и уплотнился в преддверии грядущей опасности.

Его мобильный снова отозвался звонком, Корнилов поднёс дисплей к лицу и увидел, что звонит Ника.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 29 января

Воспоминания атаковали меня хаотичным и бурным потоком быстро сменяющихся изображений, звуков и запахов. Пока я прошла от начала вагона до конца, я успела прожить, наверное, лет тридцать и побывать в двух-трёх десятках стран! Когда я переходила в другой вагон, голова кружилась и болела от пережитых воспоминаний! Да ещё эти Леркины ботильоны неудобные, в которых я то и дело спотыкалась, и парик, который не к месту начал сползать с моих волос. Будет просто отлично, если я где-нибудь споткнусь и упаду к ногами Беккендорфа без парика на голове.

В следующем вагоне ехал целый класс детей! Ну или почти целый класс.

Тут стоял непрекращающийся дикий ор, дети носились по коридору, стегали друг друга полотенцами, швырялись мандаринами и конфетами и снимали происходящее на телефон. При этом все, даже девочки, дружно игнорировали порядком охрипшую учительницу.

— А ну, все успокоились! Сколько можно! Здесь поезд, а не цирк! — надрывалась она.

Я поспешила преодолеть этот бедлам и пробраться в следующий вагон. Здесь было куда спокойнее, хотя в этом вагоне не было купе, а вместо них располагались комфортные кресла. Салон вагона напоминал салон самолёта.

Я прошла между правым и центральным рядом сидений, когда внезапно задела чью-то сумку.

— Простите... — я наклонилась, чтобы подвинуть обратно небольшую спортивную сумку, которую беспощадно пнула ногой.

Но едва я коснулась её, как перед глазами вспыхнул свет, и я увидела владельца этой сумки.

Среднего роста, с бесцветными пустыми глазами и ежиком светлых волос. Он не спеша взошёл на поезд и двинулся мимо синих, ещё пустующих кресел. В нём и его походке чувствовалась какая-то странная холодная непринужденность. Этот человек выглядел так, словно смирился с чем-то неприятным, но неизбежным. И именно это в нём настораживало больше всего. А когда он сел на своё место, то быстро оглянулся по сторонам и, чуть-чуть расстегнув молнию на сумке, осторожно заглянул внутрь.

Я видела всё со стороны, и мне удалось заглянуть в его сумку. И вместо привычных вещей, которые люди берут с собой в поездку, внутри сумки этого незнакомца я увидела темное устройство с цветными проводками, металлическими трубками и двумя горящими точками зеленого и красного огоньков.

Воспоминание исчезло, я стояла между сиденьями и гладела в пол перед собой. А какая-то женщина в кремового цвета вязаной кофте дергала меня за рукав и участливо спрашивала: — Девушка? С вами всё в порядке?

С лихорадочно колотящимся сердцем я оглянулась на неё, женщина выглядела встревоженной.

— Д-да... — заикаясь, слабым голосом, ответила я. — Всё хорошо... спасибо...

Да. Конечно. Всё было просто замечательно! Не считая того факта, что прямо здесь и сейчас среди всех этих людей сидит мужчина с бомбой в сумке!

Я попыталась вести себя обычно, чтобы не вызвать подозрения у террориста. В том, что я видела именно взрывное устройство, я не сомневалась. Помогая Стасу, я успела повидать их вживую. И я бы рада ошибиться, но шансы на это были мизерные. Да и решительное, но отстраненное поведение этого мужчины становилось понятным. Он знал, что, скорее всего, погибнет, знал и совершенно не боялся этого! Это была та безысходная неизбежность, которую он принял, и с которой смирился.

Я было подумала, что мне и Стасу дико не везёт: в погоне за Пожирателем сесть в поезд, который вот-вот станет мишенью теракта! Но потом я подумала, что это слишком странно для банального совпадения.

— «Пожиратель, — подумала я, — ему... им нужен Пожиратель!»

Я почему-то не сомневалась, что этот мужчина с отрешенным взглядом здесь не один. Скорее всего, он держит в руках запасной план, на случай если ликвидировать Беккендорфа по-тихому не выйдет. Тогда они просто взорвут поезд и будут надеяться, что Нестор погибнет в этой катастрофе.

Не оглядываясь на владельца злополучной сумки, я прошла вперёд на дрожащих ногах.

Паника внутри меня росла скачкообразным темпом. Беспokoйная дрожь ощущалась во всём моем теле. У меня подрагивали губы, и по коже головы под волосами растекалась мерзкая вкрадчивая щекотка. Я отчаянно пыталась справиться с переизбытком адреналина в крови. Я ощущала удары крови в голове и нарастающее давление в области живота. На коже выступила легкая испарина.

Я поспешила отойти подальше от мужчины с бомбой в спортивной сумке.

Я понимала, что нужно вести себя как можно более непринужденно. Но как, чёрт побери, это сделать, когда рядом террорист с бомбой, готовый погибнуть здесь вместе со всеми?! Я давно не испытывала такого страха. Прозвучит пафосно, но я, наверное, боялась не столько собственной гибели, сколько возможной массовой гибели всех этих людей в поезде.

Дети, взрослые, мужчины, женщины разных возрастов и национальностей. Неужели ради того, чтобы убить Пожирателя, Гольшанские, а это наверняка их люди, готовы погубить десятки и сотни людей?! Десятки и сотни собственных сограждан?! Я понимаю, что семьи, подобные Гольшанским, вряд ли часто задумываются о жизни людей с меньшим достатком и худшим положением. Я сама как раз из подобной семьи и знаю, что Гольшанские равно, как и Лазовские, не считают за полноценных людей тех, у кого на счету меньше полусотни миллионов. Но вот так хладнокровно и безжалостно... взять и убить их всех? Просто по щелчку пальцев отнять жизни ни в чем не повинных граждан? На такое даже моя семья не пойдёт!.. Хотя... Кое-кто из наших дальних родственников уже отметился в схожих делах.

Я замотала головой, отгоняя сравнения со своей династией.

Так. Хорошо. В любом случае, первое, что мне нужно сделать, это предупредить Стаса.

Да, правильно!

Я уселась на одно из свободных мест, быстро достала телефон и набрала Корнилова. Я могла бы отправить ему сообщение, и это, наверное, было бы даже безопаснее, но я боялась, что Стас может не сразу его прочитать. А эту информацию он должен был узнать сию минуту!

— Да?! — голос Корнилова прозвучал резко и агрессивно. — У тебя всё в порядке? Где ты?

Я вздрогнула и тихо проговорила в трубку.

— Я в восьмом вагоне, — чуть громче шепота проговорила я.

— Будь очень осторожна, веди себя как можно более незаметно, — судя по голосу, Стас заметно нервничал. — Похоже, в поезде могут быть люди Елизаветы Гольшанской!

— Да, я уже поняла, — с намёком и нажимом в голосе произнесла я.

Стас понял.

— Сколько? — быстро спросил он.

— Один, — я вздохнула.

— Он вооружен?

— Да, ещё как. Но не тем, чем ты мог бы подумать.

Корнилов задумался.

— Не огнестрельное? — через мгновение спросил он.

— Нет, скорее с большим... эффектом, — невеселым голосом ответила я.

Корнилов соображал быстро.

— Ника, у него бомба?! — Ага, здоровая такая, — я старалась отвечать нейтральными фразами, из которых сидевший где-то сзади от меня террорист ничего не поймёт.

Стас выругался в трубку.

— Так, только ничего не делай... Можешь его описать?

— Нет, — боязливо ответила я.

— Думаешь, может услышать?

— Очень вероятно, — кивнула я, игнорируя заинтересованный взгляд сидящей напротив полноватой женщины.

Стас выждал пару секунд.

— Можешь тогда незаметно его сфотографировать? Только, Ника, очень осторожно! И если видишь, что он может что-то заподозрить, лучше просто уйди.

— Стас, — вздохнула я, — почему ты всё время думаешь, что во мне живет дух нездорового авантюризма?

После паузы Стас с нервным смешком ответил:

— Мне с самого начала перечислить причины, или хватит двух недавних примеров?

Я сделала каменное лицо. Стас был прав.

— Хорошо, я поняла, — ответила я. — Я перезвоню.

— После этого найди Сеню. Ты помнишь, в каком он должен быть вагоне?

— В предпоследнем от головы поезда, — ответила я.

— Отлично...

— Всё, пока, — попрощалась я.

Я чувствовала, что чем больше обдумываю и представляю, как незаметно сфотографировать обладателя спортивной сумки со взрывчаткой, тем сильнее становится моё чувство страха. Я постаралась отбросить все тревожные сомнения.

Люди вокруг вели себя максимально непринужденно и естественно: кто-то читал книги, некоторые слушали музыку или увлеченно болтали, а были такие, кто просто спал. И вот это их обыденное поведение добавляло ужаса той опасной ситуации, в которой сейчас все пребывали. Они ведь даже не представляли, что им угрожает, и что сегодня в этом поезде в самое ближайшее время они все могут погибнуть.

Мы всегда думаем, что все опасности, которыми наполнен наш мир, нас никогда не коснутся. Мы живём в полной уверенности что то, о чем говорят в новостях, происходит и может произойти только с кем-то другим и где-то очень далеко. И во многом именно человеческая беспечность способствует многим трагическим происшествиям.

Чувствуя, как от нервного напряжения ноги как будто отяжелели, я встала со своего сиденья. Ощущая бешенный ритм пульса в крови, я обвела взглядом салон вагона. Некоторые из пассажиров без особого любопытства посмотрели на меня.

Я не знала, что мне делать, но я должна была как-то запечатлеть на телефон этого мужчину с отстраненным пустым взглядом. Мне в голову пришла неожиданная и совершенно дурацкая идея. Я ведь не могу просто так взять и сфоткать этого мужика, да и если встану рядом, типа я селфи хочу сделать, он тоже может что-то заподозрить. А вот если...

— Дамы и господа! — воскликнула я. — Прошу минутку внимания!..

Мой голос дрожал, но я продолжала.

— Компания РЖД проводит социальный опрос среди своих пассажиров. Целью является выяснить, насколько комфортными стали для вас поездки, и как высоко вы можете оценить уровень сервиса!

Говоря это, я достала телефон и начала снимать. Поначалу люди выглядели растерянным и смущенными, но двадцать первый век уже давно начал менять общество.

— В поезде не разносят горячий шоколад и сладости! — с издёвкой воскликнул какой-то рыжеволосый парень в сине-желтом бомбере. Сидящие рядом с ним парни одобрительно рассмеялись.

— В салоне не выдают лишние подушки, если попросить! — пожаловалась пожилая дама в розовом свитере.

— Мало места, ноги не вытянуть, — пробубнил угрюмый мужчина с бежевой рубашке.

— А мне нравится, что проводники перестали хамить! — воскликнула какая-то девушка в очках. — Серия увольнений всё-таки на них подействовала!

В её голосе слышалось злорадное торжество.

— Стало намного комфортнее, — степенно произнёс пожилой мужчина в сером костюме.

— Мне нравится, что теперь билеты можно покупать через приложение на телефоне, — подумав, сказал парень с красными наушниками на шее.

— Спасибо большое! Ролик с вашими ответами обязательно появится на официальном YOUTUBE канале РЖД! — заверила я всех, кто отвечал. Я как раз дошла до места, где сидел террорист со спортивной сумкой.

— А что вы думаете об уровне обслуживания в поездах РЖД? — максимальным угодливым голосом спросила я.

Мужчина со бомбой в сумке демонстративно смотрел в окно. Я сняла его одежду, но мне нужно было и его лицо.

— Простите, мужчина, — я рискнула подойти ближе, — вы не хотите...

В этот миг обладатель пустого взгляда бесцветных глаз резко встал и скорым шагом направился прочь. Я пристально смотрела ему вслед. На одну секунду его лицо успело мелькнуть в кадре. Так что он попался.

Помешкав, я пошла следом за ним. Нельзя было упускать его из виду — он мог спрятать взрывное устройство, где угодно!

Но вдруг передо мной поднялся с сиденья ещё один мужчина, точнее парень, лет двадцати трёх на вид. Он был в серо-красной куртке с рюкзаком за спиной. Не обращая на меня внимания, он ринулся мне навстречу.

Я едва успела увернуться, чтобы он не задел меня своим рюкзаком. Но, как только он поравнялся со мной, мою голову пронзила вспышка воспоминания. И в нём я увидела ещё одно устройство странной формы с короткими металлическими трубками и тонкими закрученными спиралью проводками, возле которых горели таки же зловещие точки красно-зеленых огоньков.

Парень с рюкзаком прошел мимо меня, как ни в чем не бывало. А я пару мгновений ошарашенно глядела перед собой. Я не могла сразу прийти в себя после увиденного воспоминания. Но первая трезвая мысль буквально пронзила голову: ИХ ДВОЕ!

— Двое... — шепнула я. — Два террориста... две бомбы... Господи...

Думать нужно было быстро. Я развернулась и, сохраняя дистанцию, направилась следом за парнем в красно-серой куртке. Попутно дрожащими пальцами я отправила Стасу короткое видео с импровизированным соцопросом.

Этого мужика со странным взглядом Стас теперь знает в лицо и сможет переслать притаившимся в поезде оперативникам. А вот парня с рюкзаком я заснять не успела, и пока что никто, кроме меня, не знает, как он выглядит.

Ритм сердца участился, вместе с ним, казалось, вздрагивало все тело.

Я двигалась за обладателем объемистого рюкзака. Мы прошли два вагона. Я постепенно сокращала расстояние между нами, чтобы сфоткать его.

Парень с рюкзаком шёл впереди, он не оборачивался, но мне казалось, что его шаг ускорялся. Я украдкой сфоткала его и отправила новое сообщение Стасу.

Когда сообщение ушло, я включила блокировку и в отражении потемневшего экрана телефона вдруг заметила следующего за мной мужчину. В нем не было ничего примечательного на первый взгляд. За исключением того, что в его правой руке что-то едва заметно блеснуло.

Чувство опасности, подобно струе холодной воды за шиворотом, скользнуло по спине. Я прибавила шаг. Я даже не сомневалась, что у человека, который почти незаметно следует за мной, в правой руке нож. И намерения этого человека угадывались без труда.

Всё. Меня заметили, что было вполне ожидаемо. Чёрт возьми... Стас далеко, Сеня тоже, а где сидят законспирированные оперуполномоченные УГРО, я вообще не помнила. Поэтому я, не сбавляя хода, вломилась в первое же купе, где дверь оказалась не запертой.

Внутри купе я быстро закрыла за собой дверь и с учащенным дыханием прислушалась. Едва слышная вкрадчивая поступь прозвучала под дверью.

В этот момент за моей спиной раздался странный шорох. Я оглянулась и, вздрогнув, прижалась спиной к двери: передо мной вокруг стола сидели сразу шестеро азиатов. Не то китайцы, не то корейцы. На столе перед ними стояли две свечи, между которыми лежали какие-то амулеты и золотой медальон. А вокруг всей этой красоты был начерчен круг с иероглифами.

Кажется, я прервала какой-то обряд или что-то вроде этого. Но тоже мне... нашли место и время!

— Извините, — пробормотала я смущенно и выбралась из купе.

Я поправила парик на голове и посмотрела в обе стороны коридора вагона. Мужчины с ножом нигде не было.

Простреливающие голову воспоминания помогли мне вновь выйти на след парня с рюкзаком. Было тяжело сосредоточиться только на его воспоминаниях, когда в мой мозг разом потоком вваливались десятки эпизодов из жизни других людей. У меня ломило виски, и в затылке растекалась противная, болезненная тяжесть, но я быстро шла вперёд. Я почти не сомневалась, что парень с рюкзаком и тот, с отрешенным взглядом, могут заложить свои бомбы прямо сейчас, чтобы не рисковать быть пойманными.

Чёрт! Всё моя вина! Идея с этим видео была дурацкой! Но хотя бы я смогла передать Стасу и Сене изображения этих двоих. Надеюсь, парня с рюкзаком они тоже узнают: его-то я сфоткала только сзади.

От понимания того, сколько всего сейчас зависит от наших со Стасом и Сеней действий, становилось невыносимо жутко. Воображение в соавторстве с паническим предчувствием рисовали кошмарные сцены возможного итога событий!

Я нерешительно последовала в том направлении, где скрылся парень с рюкзаком. Сердце сейчас билось ритмичными тяжелыми и гулкими ударами, похожими на звук падающих из протекающего крана капель, усиленный микрофонами. Казалось, звуки сердечных ударов звучат по всему телу и отмеряют секунды до катастрофы, которую мы должны, просто обязаны предотвратить.

Впереди меня из купе вышел какой-то полный мужчина в серых брюках и синем свитере. Пряча правую руку в кармане и прижимая левой телефон к уху, он с кем-то разгоряченно спорил:

— Да не буду я им давать скидку! Да ***** мне, что они у нас уже заказывали оборудование! Ну?.. И что теперь?

Я не без труда обошла этого громкого и крупного субъекта, прошла дальше и почти добралась до двери в тамбур, когда внезапно ощутила странный мороз, растекающийся по коже. Что-то произошло с окружающей реальностью. Мне показалось, что изменился и поблек свет, и звуки вокруг исказились, стали низкими и тягучими. А сама я испытала быстро распространяющийся по телу озноб.

Впереди я увидела несколько блекло-серых низких фигур. На мгновение у меня застыло дыхание и замер пульс. Это были они. Те самые девочки, воспоминания которых я увидела, посетив «Зеленую колыбель». Таня, Диана, Ира, Лиза. Те самые четверо девочек, которых Беккендорф отдал на растерзание Сумеречному Портному. Они были здесь, они стояли передо мной и, молча, с печалью на лице смотрели мне в глаза.

Одна из них вдруг вышла вперёд, на её протянутой ладони краснело что-то похожее на шар. Нервно сглотнув, я узнала на её руке клубок красных нитей. Глядя мне в глаза, девочка перевернула ладонь, клубок нитей упал на пол и покатился ко мне. Я настороженно глядела на него. Он ударился о нос моего правого ботильона, я присела и нерешительно взяла его в руки. К моему ужасу клубок был тёплым и пульсировал в моей руке, как сердце. Или, возможно, мне это только казалось.

Я подняла взгляд, воспоминания убитых Портным девочек исчезли. Я увидела, что от пульсирующего клубка в моих руках, тянется нить. Слегка извиваясь, красная нить тянулась

через весь коридор до дверей тамбура.

Мир вокруг оставался странным, с искаженными звуками и блеклыми цветами. Может, я схожу с ума, но мне даже показалось, что я сейчас пребываю в иной реальности, отличной от той, в которой мы все существуем. Мелькнула пугающая мысль, что я оказалась в мире воспоминаний, в мире, где обитают последние чувства и эмоции, которые когда-то испытывали те, кто навечно покинул нас. Я шла вперёд, чувствуя, как меня трясет, как трудно дышать, и я замечала, что мне больше не встречались люди. То есть, никто. Совсем. Абсолютно. Пока я шла с клубком красных нитей в руках, я не встретила ни одного человека. И самое ужасное, что я даже не слышала их голосов. Теперь звучал лишь перестук колёс поезда.

Я прошла в следующий вагон. Все купе здесь были открыты нараспашку, как и все окна. В вагон залетал ветер, на пол и сиденья сыпался снег. И никого, ни единого человека. Только я. Я и клубок красных нитей.

По мере того, как я шла вперёд, он пульсировал всё сильнее. Я прошла до дверей тамбура и перешла в другой вагон... И внезапно серая, безжизненная и безлюдная реальность исчезла. На меня резким шквалом обрушились звуки человеческих голосов, доносившаяся откуда-то музыка, а рядом со мной в открытом купе что-то взახлеб обсуждала компания из трёх парней и двух девушек.

Я снова была здесь, с людьми в нашей реальности. Но клубок из моих рук исчез, а вместо него на ладони осталась влажная кровь. Она стекала по моей руке мелкими каплями, между пальцами сочилась на пол.

Я завороченно глядела на неё, пытаясь осознать и понять происходящее.

— Ника!

Я вздрогнула от крика и подняла взгляд. Ко мне подбежал взмыленный Сеня.

— Ты в порядке? Я видел сообщения от тебя...

Тут его взгляд упал на мою руку, и лицо Арцеулова побледнело.

— Что с тобой?! Ты ранена?!

— Н-нет... это не моя кровь, — медленно ответила я.

Сеня вытаращенными глазами глядел на меня.

— Что?! А чья?!

Я сжала кулак с кровью и посмотрела на Сеню. Арцеулов, часто дыша, во все глаза глядел на меня. Сеня был сбит с толку и жаждал ответов.

Я перевела взор на закрытые двери купе и тихо, так чтобы слышал только Сеня, сказала:

— Он здесь.

— Кто? — нахмурился Арцеулов.

— Пожиратель, — ответила я.

Сеня оглянулся на купе, затем снова посмотрел на меня.

— Откуда ты это знаешь?

— Мне... показали, — ответила я.

— А...

— Сень, просто поверь, он здесь, — попросила я встревоженным голосом. — Он здесь

и...

Я разжала ладонь и снова взглянула на кровь:

— Прямо сейчас его убивают...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 29 января.

Увидев, что Ника прислала видео, Стас сперва недоуменно нахмурился. Но, едва он просмотрел его, как на лице у него расплылась одобрительная улыбка.

— Ишь, какая находчивая, — похвально проворчал он.

Пусть и всего на секунду, но лицо потенциального террориста все же попало на камеру телефона Ники, и теперь Стас знал его в лицо. И не только он. Стас переслал сообщение двум группам оперуполномоченных, которые ждали команды.

«Действуем очень осторожно, оружие применять только в случае крайней необходимости», — написал Стас.

Он ринулся вперед по вагонам. С момента, как пришло сообщение от Ники, прошло полминуты. Ника была в восьмом вагоне, а он сейчас в четвёртом. Как далеко может убежать этот мужик с бомбой в сумке за это время? У него на выбор четыре вагона, в которых можно спрятаться.

Стас поразмыслил, как бы он действовал на месте террориста, если бы заподозрил, что его засекли? Самым эффективным способом, как это ни печально, было бы использовать взрывное устройство и максимально быстро покинуть поезд.

Стас уже сталкивался с минами и бомбами, но прежде ему ещё не приходилось спасать от теракта поезда. Корнилов старался не думать о возможном количестве жертв, это было заведомо пораженческое мышление. Вместо этого он сосредоточился на том, куда он, на месте террориста, по-быстрому пристроил бы устройство? Если оставить в вагоне, громыхнет конечно знатно, но убьёт преимущественно, только людей в этом самом вагоне. Значит, скорее всего, бомбу для наибольшего эффекта стоит разместить между вагонами в месте их сцепления. Такой взрыв ударит по двум вагонам сразу, и направит ударную волну сразу в обе стороны. Поезд едет на огромной скорости, и поэтому больше всего пострадают вагоны, едущие за точкой взрыва. Значит, террорист будет стремиться заложить мину как можно ближе к электровозу. Значит, нужно его подождать. Стас остановился и сделал вид, что смотрит в окно. Хлопнула дверь тамбура.

Корнилов бросил взгляд в сторону звука, но это была какая-то женщина с пачкой сигарет в правой руке.

Стас смотрел на пролетающие за окном зимние пасторали и мысленно отсчитывал время. Он не смотрел на часы, предпочитая считать время лично.

Прошло двадцать секунд. За окном промелькнули деревенские дома и небольшие уютные коттеджи. Сорок пять секунд. Лес, бесконечный густой лес за окном. Стас подавлял рвущееся наружу нетерпение. Рядом за спиной пробежали двое шумных детей. Стас отвлекся, посмотрел им вслед. Увидел, как на детишек зашикала мать и быстро загнала их в купе.

Стас представил, что эта молодая мать и двое её детей могут погибнуть, могут никогда не вернуться домой, и эти дети никогда не начнут жить...

Корнилов мотнул головой, прогоняя прочь назойливые мрачные мысли. Прочь. Этого не будет! Этого не произойдёт! Они не допустят! Он не допустит...

Открылась дверь из тамбура. Стас бросил взгляд в сторону и тут же вновь уставился в окно. Это был он. Тот самый мужчина с... очень неприятным взглядом. Взглядом человека, который готов на все, и ему всё равно.

Стас ждал, когда он подойдёт ближе. Корнилов с трудом удержался, чтобы не взглянуть на сумку в руке мужчины. Но тот вдруг остановился. Стас почувствовал, как его сердце сделало сальто, и осторожно взглянул на мужчину с сумкой.

Тот мгновение смотрел ему в глаза, а в следующий миг развернулся и бросился прочь. Стас молча рванул за ним. Мелькнула мысль выстрелить в спину мужчины, но Корнилов не знал, какого рода взрыватель на бомбе террориста. Это может быть едва заметный проводок с кнопкой, зажатой большим пальцем террориста, и стоит его пристрелить, как палец разожмется, и это будет конец. Стас уже видел последствия поспешных действий как полиции, так и подразделений сил специальных операций.

Они ворвались в следующий вагон. Корнилов выругался, увидев сколько людей вышли из своих купе.

— Мать вашу!.. — рявкнул Стас.

Люди во все глаза таранились на двух бегущих мужчин.

Внезапно террорист резко остановился и замер, подняв вверх правую руку. Стас тоже остановился на бегу.

— Всем оставаться на месте! — проорал он неожиданно высоким голосом. — Я взорву здесь всё к чертям! Я взорву! Стоять!..

Стас остановился, гневно дыша и глядя на террориста.

— Ни с места, мент! — мерзко ощерившись, произнёс террорист. — Я взорву на хрен этот поезд!

Люди вокруг буквально оцепенели, все в ужасе глядели на происходящее.

— Сам-то тоже сдохнешь, — холодно проговорил Стас с презрительной снисходительностью.

— Да и по**й, — с ядовитым пренебрежением бросил мужчина. — Меня в этом с**ном мире больше ничего не держит!

Стас смотрел ему в глаза и видел, что этого человека бесполезно убеждать в обратном. Он давно решил уйти и только ждал момента, чтобы сделать это как можно заметнее и больнее для всех. Он ненавидел этот мир и ненавидел всех живущих в нём. А это значит, что и звать к его совести и жалости тоже бесполезно.

— А если его нет в этом поезде? — Спросил Стас.

Его вопрос поставил террориста в тупик.

— Чего?

— Если Беккендорфа нет в этом поезде, — произнес Корнилов, — всё, что ты сделаешь, будет напрасно. Разве нет?

— Я знаю, что он в этом поезде, — гадостно ухмыляясь ответил мужчина. — Мы знаем. И он обязательно сдохнет, мент. Можешь не сомневаться.

— Не факт, — пожал плечами Стас. — Если ты взорвешь бомбу здесь, пострадает только этот вагон и немного те, что рядом.

В глазах террориста мелькнула тревога, ему хотелось уйти как можно *громче*. Ему хотелось, чтобы все заметили его уход, чтобы все говорили об этом. А это можно было

сделать только прихватив с собой несколько десятков или даже сотен *спутников*.

Елизавета Гольшанская отлично знала, кого посылать на такое задание.

— Ты даже не знаешь, какая мощь у этой штуки, — с торжеством проговорил террорист.

— Полагаю, у тебя в сумке килограммов шесть тетрила, чего вполне достаточно, чтобы поезд сошел с рельсов и погибло достаточно человек, чтобы об этом поговорили пару-тройку недель.

— Пару-тройку недель?! — воскликнул мужчина, и глаза его едва ли не буквально налились кровью. — Об этом буду говорить годами!

«Бедный парень», — мимоходом подумал Стас, — «Он считает мир дерьмовым местом, а людей в нем искренне презирает. Но, видимо, сам даже и не подозревает, что человечество, в большинстве своем, эгоистично ровно настолько, чтобы быстро забыть о произошедшей под Москвой трагедии. В лучшем случае, пройдет пара месяцев, пока подавляющее большинство людей перестанет обсуждать этот теракт и количество жертв».

Кто из нас сегодня помнит, что именно случилось в Беслане в четвертом? Кто помнит Будённовск, Домодедово или взрыв домов на Каширском шоссе и улице Гурьянова? В лучшем случае, «сознательные» граждане помнят Норд-Ост, да и то только потому, что из этой трагедии на крови погибших раскрутили настоящий инфоповод.

— Не хочу тебя огорчать, — продолжал Стас, — но нет. О том, что здесь случится, вряд ли будут долго говорить. Людей куда больше волнует то, что происходит с ними, то что затрагивает их каждый день. Цены на бензин, выплата ипотеки, какой сериал посмотреть, и что надеть завтра на работу. А уж о тебе и вовсе никто даже не узнает.

— Неужели?! — прорычал мужчина, прожигая Стаса ненавидящим взглядом.

— Да, — без сожаления, легко ответил Стас. — Ты ведь здесь даже не по своей воле, а по поручению... мы оба знаем кого.

Корнилов сделал выразительное ударение на последнем слове. Судя по лицу мужчины с пустым взглядом он поверил в слова Стаса и нашёл их вполне разумными. Корнилов видел, что террорист замешкался. Он готов был погибнуть, готов был пожертвовать собой, лишь бы сделать этому миру и стране как можно больнее перед своим уходом.

Слава... Ему нужна была слава. Ему хотелось быть уверенным, что о нём будут говорить после его ухода, что его поступок будут обсуждать десятилетиями... А сейчас стараниями Стаса этот отчаявшийся, обзлившийся и сбившийся с пути человек засомневался, и в его взгляде появился страх.

Стас видел, что террорист уже, возможно, готов отказаться от задуманного.

Положение было подобно сверхчувствительным весам, готовым сию же секунду качнуться в одну или другую сторону. На одной чаше весов был благополучный исход ситуации, а на другой самый негативный и неприемлемый.

Стас оставался спокойным, молча наблюдая за террористом. Сейчас не нужно было вмешиваться и пытаться убедить его. Если он примет нужное Стасу решение, сам он должен думать, что это решение его и только его.

Сзади в конце вагона вдруг распахнулась дверь. Стас едва успел разглядеть пистолеты в руках ворвавшихся в вагон оперативников.

«Да чтоб вас!..» — мысленно выругался Стас.

Время замерло, а затем секунды потекли вяло, неторопливо, точно стекающий вниз густой вязкий соус. Террорист начал оборачиваться назад.

— Руки за голову! — вскричал бежавший впереди всех оперативник, вытянув пистолет перед собой.

Люди вокруг упали на пол, инстинктивно закрывая головы руками. Все, кроме одного. Кроме мужчины в чёрных джинсах и полосатой рубашке. Стас уже в прыжке к террористу увидел, как человек в чёрных джинсах, стоя за спиной четырёх оперативников, выхватывает пистолет.

«Ну конечно» — искрой мелькнула в голове Стаса быстрая мысль, — «Их должен был кто-то страховать».

Его предупреждающий крик повис в воздухе, но Корнилов видел, что оперативники не успеют среагировать. Стас левой рукой схватил мужчину за кулак, в котором был зажат взрыватель. Террорист обернулся на него, на перекошенном лице застыл настоящий испуг и смятение. Корнилов был безжалостен: зажатый в правой руке ножом он рассек горло мужчины с пустым взглядом. Глаза того расширились от удивления, он втянул в себя воздух и начал оседать. Стас присел вместе с падающим телом.

В этот миг прозвучали четыре быстрых выстрела. Пронзительно закричала какая-то женщина. На глазах Корнилова двое оперативников упали замертво с простреленными головами, третий успел выстрелить, но промазал, а пуля мужчины в чёрных джинсах прострелила его колено. Четвёртый оперативник с расширенными от ужаса глазами пытался трясущимися руками выхватить ствол.

Стас, левой рукой удерживая взрыватель, правой достал свой револьвер, вскинул и, почти не целясь, спустил курок. «Питон» вздрогнул в его руке, и через долю секунды убийца в полосатой рубашке отлетел к стене, сполз на пол и задёргался в конвульсиях. На его груди быстро проступило бесформенное багровое пятно.

Стас спрятал револьвер. В ушах у него учащенно и гулко стучал пульс.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 29 января

— Ника, где?! В каком купе?! — взволнованно кричал Сеня.

— Я не знаю! — едва не плача, отвечала я.

Я чувствовала и знала, что Беккендорфа убивают прямо сейчас за одной из восьми дверей! И я, чёрт побери, понятия не имела, за какой!

— Ника!.. — позвал Сеня.

— Я пытаюсь! — прокричала я в ответ.

Всё моё тело наполнил гремящий сердечный ритм. Паника душила и сдавливала в своих тисках, щекотные капельки испарины медленно скатывались по шейным позвонкам.

«Где же ты!» — скривившись, пытливо думала я. — «Девочки!.. Покажите мне! Пожалуйста! Прошу вас! Пожалуйста!»

Тщетно. Восемь плотно закрытых дверей, отличающихся лишь нумерацией. В одном из них гремит музыка и слышится хохот. Нам точно не туда. Осталось семь. Где же ты? В каком купе?!

Пульс отмерял доли секунд, пропитавшее кровь напряжение каменело и вибрировало в локтях, плечах и коленях. Мой беспомощный взгляд метался от одной двери к другой. Я словно надеялась увидеть сквозь них. Моё желание узнать и успеть спасти Беккендорфа

было так велико, что я как будто пыталась взглядом проникнуть за закрытые двери купе. Гремящая музыка и хохот, доносившиеся из одного купе, сливались с шумом пульса в моей голове. Я закрыла глаза. От захлёстывающего меня волнения и зашкаливающего страха ноги становились ватными, в коленях растекалась мерзкая слабость. И вместе с тем в сознание внезапно вклинились обрывки воспоминаний. Я замерла на несколько мгновений. Я глядела перед собой, чувствуя, как сердце требовательно рвётся из груди.

А в следующий миг я бросилась к купе с номером четыре!

— Здесь! — закричала я Сене. Арцеулов отпихнул меня в сторону, быстро открыл дверь и едва успел увернуться от широкого взмаха ножа. Я вскрикнула, прижав руки к лицу, отскочила назад. Оставивший Беккендорфа смуглый мужчина с темной бородой сверкнул оскалом и навалился на Сеню. В его правой руке зловеще переливался нож с широким массивным лезвием, край которого был выпачкан в крови.

Они с Сеней повалились на пол, начали неистово лупить друг друга. Между ними завязалась молчаливая, яростная схватка. Я неуверенно приблизилась к ним, надеясь помочь Сене. Но Арцеулов заорал мне:

— Не лезь!!!

Я отпрянула. В этот момент из купе, шатаясь, вывалился Беккендорф. Он был взмылен, его включенные волосы торчали во все стороны. Зажимая рукой окровавленную рану на плече, он бросил взгляд на борющихся мужчин, затем на меня. Мы с ним встретились взглядами, я увидела, как изменилось лицо Пожирателя: он узнал меня. Он прорычал ругательство и, спотыкаясь, бросился прочь. Я с ошеломленным видом посмотрела ему вслед, затем обернулась на дерущихся Сеню и чернобородого убийцу и снова растерянно уставилась вслед Беккендорфу.

Сеня сказал не лезть... Надеюсь, он справится. Но мы не можем опять упустить Пожирателя. Потому что, я в этом почти не сомневалась, второго шанса поймать его нам не представится: или он безнадежно и крепко ляжет на дно, или же раньше нас до него доберутся люди Елизаветы.

Да, несмотря на запредельный уровень шокового состояния и вызванное этим смятение, я осознавала уровень опасности. Я понимала, что Пожиратель может запросто убить меня. Но я также понимала, что сейчас он легко может ускользнуть.

Я перешла в следующий вагон, здесь столпилось большое количество любопытных, я слышала, что все обсуждают какие-то выстрелы, раздавшиеся в первой части состава. Я тут же подумала о Стасе и о том террористе с пустым, отстраненным взглядом. Предостерегающее, тревожное чувство закралось внутрь меня и застряло в горле. Отбрасывая пугающие раздумья о Стасе, я едва не бежала вперед. В следующем вагоне я его догнала, точнее увидела спину убегающего Беккендорфа.

— Нестор! — зачем-то закричала я.

И тут же поняла, что это была ошибка. Пожиратель развернулся и вскинул руку с пистолетом. Люди в вагоне с криками, пригнувшись едва ли не к полу, юркнули в свои купе. Большинство из них тут же позакрывали двери к себе.

Беккендорф, в безумном взгляде которого дрожали лихорадочные блики, свирепо и шумно втягивал носом воздух. Его правая рука с пистолетом слегка подрагивала. Я инстинктивно подняла ладони на уровне груди и чуть отступила назад. От плеч по спине до пяток спустилось щекотное, вибрирующее и прохладное чувство — мое тело лучше меня ощущало зашкаливающую опасность и вероятность моей сиюминутной гибели.

— Надо было вас с твоей подружкой ещё тогда по-тихому удавить! — озлобленно прорычал Пожиратель.

— В конечном итоге это всё равно ничего бы не поменяло, Беккендорф, — подрагивающим голосом проговорила я. — О том, что ты делал с этими девочками, рано или поздно всё равно стало бы известно.

— Я с ними ничего не делал, — фыркнул Пожиратель и похабно ухмыльнулся, — я только иногда наблюдал...

— И записывал видео, — выразительно произнесла я.

Ухмылка сползла с лица Беккендорфа.

— Так полиции от меня нужны видео?

— Да, — я не стала скрывать истины, в этом не было смысла.

— Интересно... — протянул Пожиратель. — А что нужно тебе? Ты ведь не полицейский... что тебе надо от меня? А?

Я пару секунд смотрела в его глаза. Там в бликах и отражениях очертаний коридора вагона дрожала накопленная ненависть, злое презрение и тщательно скрываемая трусость. В этот миг для меня стало ясно, что Беккендорф, как и многие другие до него, стал порочным и мерзким человеком, чтобы скрыть собственную слабость, страхи и осознанное чувство неполноценности. Этот человек в глубине души презирал себя, стыдился своей истинной натуры, боялся своих мечтаний. И ещё больше боялся, что кто-то может узнать его настоящего.

— Мне от тебя нужно только одно, чтобы ты перестал бояться себя, — произнесла я печальным и проникновенным голосом.

Беккендорф скривился.

— Бояться? Себя?! Ты головой ударилась что ли? Или дура от рождения?!

— Ты знаешь, что я права, — не обращая внимания на его язвительность, произнесла я и сделала шаг вперёд.

— Чего?.. — лицо Пожирателя перекошило от непонимания. — Что ты несёшь?

— Что это было, Нестор? — вопрошала я. — Что ты пытался скрыть от мира, все эти годы? Что ты пытался защитить своей показательной жестокостью и мерзостью? Ты ведь не психопат, Нестор. Твоё мышление и эмоции такие же, как у большинства людей. Значит твои преступления — лишь тщетная попытка защититься от этого мира и самоутвердиться в нём. Эти девочки... Ты считал себя их хозяином, не так ли? Ты делал это все не только ради денег, тебе нравилось... чувствовать себя всемогущим, распоряжаться их судьбами... Тебе нравилось, когда они молили тебя о пощаде... Умоляли не отдавать их в руки этих богатых извращенцев... Говоря это, я ступала вперёд, постепенно приближаясь к Нестору. На его лице так и застыла перекошенная гримаса.

— Что ты можешь знать обо мне?!

— Гораздо больше, чем ты решишься кому-то рассказать, — размеренно и мягко произнесла я. — Ты... ты рос с двумя старшими сёстрами и тёткой... Тебе было очень несладко, сёстры то и дело подшучивали и даже издевались над тобой... Из-за этого над тобой нередко глумились и в школе... И хотя тебе, наверняка, доставалось от мальчишек твоей школы, больше всего ты ненавидел девушек... Нет! Я быстро мотнула головой, пристально глядя в глаза Беккендорфа, его зрачки начали расширяться.

— Девочки, — с нажимом проговорила я. — Ты их ненавидел. Ненавидел девчонок из своего класса... Да, Нестор? В каждой из этих девчонок, что ты подкладывал богатеям, ты

видел кого-то из своих ненавистных одноклассниц? Так ведь? За что тебя больше всего презирали, Нестор? За что над тобой издевались?.. И за что ты больше всего ненавидел девочек, Нестор?..

Я подступила ещё ближе.

— А-а... — кивнула я, — да... Ты ненавидел девочек, потому что... ты не мог себе позволить то, что могли позволить они. Тебе хотелось другого Нестор... Так ведь?

Я вспоминала те эпизоды из жизни Нестора, которые мне удалось увидеть, когда я перебирала его вещи. Если я права, то многое в поведении Беккендорфа на протяжении всей его жизни теперь становилось понятным. А судя по бледному лицу Нестора и выступившим каплям пота на его щеках, я, как минимум, была близка к истине.

— Тебе ведь всегда нравились не девочки, Нестор... — проговорила я уже тише.

— А ну заткнись! — вскричал взбешенный Нестор. — Захлопни пасть! Слышишь?! Ты ничего обо мне не знаешь! Ни черта! И не смей тут стоять и трындеть с таким умным видом, как будто ты знаешь большего моего!..

Он тяжело сглотнул и продолжил свою тираду:

— Девочек я всегда презирал и ненавидел за их лживую, непостоянную и меркантильную натуру! Посмотрите на себя! Вы же с детства только и делаете, что берёте... В какой-то момент вы решили, что вам всё дозволено, что вы можете играть чувствами парней, что можете требовать от них все, что захотите, стоит вам только ноги раздвинуть... А что вы вообще можете предложить мужчине, кроме своего тела и временной, фальшивой любви? Вы всегда... постоянно ищете только там, где вам выгодно, и вам плевать на чувства парней... Вы никогда не сможете до конца понять мужчин... Зато один мужчина всегда поймёт другого... Нам куда больше свойственна верность и преданность, мы и правда умеем любить и горячо, и долго, мы умеем хранить любовь... а не ищем, где уютнее и потеплее... Так какого хрена стоит на вас тратить время и силы... Единственное, на что вы годитесь, так это исключительно на репродуктивную функцию... Всё! В остальном вы — пустое место! Наглые, лживые, двуличные, жадные и меркантильные с**и!

Выплюнув всю эту болезненную тираду, Беккендорф с яростью сплюнул себе под ноги.

— Будьте вы все прокляты, грязные ш**хи!..

Я почувствовала странный толчок в спину. Как будто плотный сгусток воздуха врезался в мою спину и пронзил легкие, сердце и грудь. А в следующий миг грянул грохот, я увидела вспышку пламени, пол под ногами взбрыкнул, поднялся вверх. Я упала на спину и полетела назад.

Гудящий, мощный, рокочущий звук, скрежет металла и звон лопающихся окон поезда. Всё пространство вокруг меня содрогалось свирепыми толчками. Меня швырнуло влево и назад, я влетела в открытую дверь одного из купе, мощный удар в спину вышиб из меня воздух, в глазах потемнело.

Я услышала чей-то крик, в окне рядом со мной мелькнуло вечернее небо, заснеженные деревья и головокружительная высота.

С тяжелым протяжным стоном вагон перевернулся, я ощутила новый удар, пол подо мной накренился, и я сползла вправо, врезалась плечом и ребрами в сиденье купе! Я не сразу осознала, что лежала рядом с сиденьем... на потолке. Вагон снова качнулся, я сползла в сторону и тут же увидела, как на меня падает чья-то плотно набитая дорожная сумка из открывшегося рундука. Я чудом успела увернуться и юркнула в сторону. В тот же миг я увидела мужчину, безжизненно повисшего на перилах коридора в вагоне. Под ним, в

выбитом стекле зияла ужасающая высота и трепетали свесившиеся вниз порванные тёмно-синие занавески.

В вагон поезда влетал порывистый холодных ветер. Рядом со мной с шипением искрился разбитый светильник, а под столом я увидела ещё одно тело — молодая женщина. На её голове темнела жуткая, залитая кровью, кошмарная рана.

Корчась от боли в ушибленной спине, плечах и чувствуя сползающую по щеке струйку крови, я обвела взглядом купе, затем снова посмотрела вниз на разбитое окно коридора поезда. Послышался скрип, стук, я перевела взор и увидела, как несколько сумок из багажа мёртвых пассажиров сползли вниз. На моих глазах две больших дорожных и одна женская сумочка провалились в разбитое окно. словно в каком-то сюрреалистичном slowmo я увидела, как сумки, медленно вращаясь, летят вниз в глубокую пропасть. Задержав дыхание, я с ужасом наблюдала, как сумки стремительно уменьшались в размерах, пока не взорвались белыми всплесками на поверхности тёмной серой реки, протекавшей внизу. Теперь понятно, откуда доносится этот запах влажного холода.

Внутри вагона вновь что-то обрушилось и прогремело. Я услышала чей-то крик. Вагон в который раз слегка накренился. Меня прижало к стене купе с окном, и через его покрытую трещинами поверхность я увидела ужасающую картину, как сразу несколько человек, беспомощно барахтаясь в воздухе, рухнули вниз, в пропасть. Вагон снова встряхнуло, он перевернулся так, что я едва не рухнула вниз, на стену с дверью купе. Я отчаянно удерживалась, упираясь ногой в верхнее сиденье и разложенный столик.

Меня пробрал леденящий кровь ужас. Я понимала, что вагон вот-вот рухнет вниз, на дно глубокого оврага, над которым, до сегодняшнего дня пролегал мост.

Нужно выбираться отсюда! Эта трезвая мысль ворвалась в мое сознание и словно забила в тревожный колокол. Часто дыша, стараясь унять угнетающее шоковое состояние, я осмотрелась и только сейчас увидела, что стена справа от меня проломлена и вполне можно пробраться в соседнее купе. Потому что из того, в котором я сейчас, выбраться уже не получится, окно, смотрящее вверх, придавило каким-то металлическим обломком. Даже если я его разобью, мне не выбраться.

Я, стараясь не двигаться резко, шипя от тупой и давящей боли в спине и в правом колене, пролезла вперёд. Мне пришлось изловчиться, чтобы проползти мимо торчащего под опасным углом заостренного обломка, на котором уже засыхала чья-то кровь.

Как только я перебралась в соседнее купе, из моих уст вырвался крик ужаса.

Купе было залито кровью, здесь все были мертвы. Погибла целая семья. Мужчина, женщина и двое детей... Я встретила взглядом с застывшими глазами мальчика лет десяти, и с моих уст сорвалось судорожное всхлипывание.

— Господи... — выдохнула я, чувствуя, что задыхаюсь. Я зажмурила глаза и скривилась. Воспоминания погибших людей закружились в моей голове, подобно беспокойной стае бабочек. Последним из них был день, когда родители в этой семье объявили детям, что завтра они едут в Финляндию. Радости детей не было предела. Сколько радостного предвкушения и восторга было в голосах счастливых детей и смеющихся родителей. Они так давно планировали эту поездку, они уже несколько раз откладывали планы посетить эту страну, несколько раз им мешали разные обстоятельства... словно кто-то пытался помешать им отправиться в это путешествие, словно зная, что из этой поездки они не вернуться...

Я истерично замотала головой, отгоняя прочь нахлынувшие не к месту воспоминания только что погибших людей. Я услышала надрывный стон боли и хриловатый крик.

Беккендорф! Он жив!..

Мысль о Пожирателе беспокойным волчком завертелась в моей голове.

Я, сохраняя осторожность, терпя саднящую глубокую боль в спине и содранных в кровь локтях, перебралась к столику и, бросив взгляд вниз, на коридор вагона, увидела Беккендорфа.

— По... моги... — с трудом, выплевывая кровь через разбитые губы, прохрипел Нестор.

До меня не сразу дошел смысл его просьбы, поскольку я не могла отвести шокированного взгляда от огромного треугольного обломка металлической отделки потолка, который вонзился в грудь Беккендорфа.

Темная кровь багровой звездой «разгоралась» на теле Нестора, пропитывая одежду и стекая в разные стороны по поверхности окна и стене коридора.

— Помо... ги... — прохрипел ещё раз раненный Бекендорф.

Я обладала скудными познаниями в медицине по сравнению с любым студентом медвуза, но даже я понимала — ему не выжить. Этот кусок металла почти разрезал его пополам.

Я с трудом оторвала взгляд от ужасающей раны на теле Пожирателя и посмотрела в его глаза. Я всхлипнула, когда увидела в глазах жестокого и гадкого человека настоящие, неподдельные страх и слёзы. Он боялся, как и все другие люди. И он не хотел умирать, как и все другие люди в мире. Он был беспомощен и осознавал это, но ещё не понимал, что уже почти покойник. Нестор Беккендорф, подобно утопающему, отчаянно хватался за жизнь, сопротивляясь скорой гибели.

Его жалостливый беспомощный взгляд заплаканных глаз и понимание, какую боль он сейчас испытывает, вызвали у меня истерическое состояние. Я задрожала всем телом, чувствуя, как теплые, соленые слёзы потекли по моим щекам.

Да, Беккендорф — сволочь и скотина, каких поискать в наше мире. Хуже того, он самый настоящий подонок!.. Но я ни в коем случае не желала ему смерти, тем более вот такой.

— Пож-ж...с-ста... — на губах Беккендорфа лопнул кровавый пузырь.

— Подожди... сейчас... — я поняла, что должна сделать хоть что-то, хотя бы просто попытаться, это гораздо лучше, чем просто наблюдать, как он умирает.

Нельзя стоять и наблюдать чужую боль или чужую смерть, и не попытаться помочь хоть чем-то, хоть как-то. Даже если я уверена, что ему не выжить, я обязана что-то предпринять!

Стараясь не упасть, я с величайшей осторожностью спустилась вниз к Нестору. Я присела на стене с дверью купе, которая теперь лежала горизонтально. Теперь нас разделяло не больше полутора метров. Ещё немного и... И что? Чем я собираюсь ему помочь? Я нервн сглотнула, вдруг осознав, что и правда совершенно не знаю, что собираюсь предпринять. Я могла бы спуститься вниз, но... Но Нестор лежал на треснувшем окне поезда и любое увеличение веса повлекло бы его обрушение. Да и что потом? Я бы всё равно не смогла его оттащить в сторону — сейчас, я уже видела, что осколок потолка не просто пронзил тело Нестора, он ещё и фактически пригвоздил его к окну. И я ничего, вообще ничего не могла сейчас сделать, чтобы хоть как-то помочь ему!

От понимания этого меня охватил новый приступ рыданий.

— Нестор... — всхлипнув, прошептала я. — Я не могу... не могу... я не знаю... ты... я не знаю, что делать! Прости! Прости! Прости!!!

Я замотала головой, истерично зажмурилась.

— Прости! — прошептала я с горьким сожалением. — Прости... я не знаю...

— Я... умираю?.. — прошептал он с трудом и вдруг испытал явное облегчение от того, что сказал это вслух.

— Да, — кивнула я, глядя на него сквозь влажный туман слёз. — Прости...

— То... что... ты... сказала... — прохрипел он. — Откуда?..

— Откуда? — переспросила я, и он на миг закрыл глаза вместо кивка головой.

Я вздохнула, вытерла слёзы с щек и прошептала.

— Я... Нестор, я... я могу видеть... гораздо... гораздо больше, чем другие люди...

Нестор смотрел на меня слегка затуманенным взором.

— Об... сни...

— Объяснить? — слова Нестора звучали едва слышно, и мне приходилось напрягать слух, чтобы услышать, что он говорит. — Я... Ну, это трудно... В общем я вижу... я могу видеть воспоминания... Понимаешь?

Пожиратель медленно закрыл глаза, на мгновение мне показалось, что он их уже не откроет, но тут он вновь взглянул на меня.

— Мжш...

— Что? Могу? Что могу? — беспокойно переспросила я.

— Рказть... — выдавили губы Нестора.

— Что именно? — спросила я, нервно сглотнув.

— Что-то... — он подавился, выплюнул очередной сгусток крови и с усилием вымолвил. — Что-то... хшее...

— Что? Хорошее? — быстро спросила я. — Ты хочешь услышать про что-то хорошее в своей жизни? Да? Что-то, что ты уже не помнишь?..

Нестор закрыл глаза. Ну конечно. Даже таком чудовищу, как Пожиратель хочется узнать, что в его жизни было что-то прекрасное, светлое и доброе. Хоть что-то, пусть даже крупинка. Хотя бы тщедушный, но заметный лучик света, забитый и погасший где-то в глубине зачерстневшей души и охладевшего сердца. Хоть что-то...

— Твоя мама... — проговорила я. — Ты ведь не всегда жил со своей теткой и старшими двоюродными сестрами... Ты какое-то время жил с мамой... Ты не помнишь?

Он едва смог шевельнуть головой.

— Когда у твоей матери не было... не было ночной смены, она всегда читала тебе... Одной из твоих любимых книжек были сказки братьев Grimm. Помнишь? Такая яркая книжка с золотой надписью и Бременскими музыкантами внизу, под надписью...

Я улыбнулась и добавила:

— Собаке и ослу ты закрасил глаза зеленым фломастером, а коту фиолетовым... Помнишь?

Я увидела, как расширились его глаза, и как он взволнованно дёрнулся. Он даже на секунду приподнял голову. И тут же стекло под ним угрожающе затрещало, по его поверхности стремительно расползлись новые трещины.

— Тебе нельзя двигаться... Нельзя!..

— Ты... — выдавил он. — Как... как ты...

— Не знаю, — ответила я то же, что и всем тем людям, кто задавал мне этот вопрос. — Правда, не знаю...

— Ясно... — тут он вдруг поднял правую руку и с видимым трудом засунул её под полу пиджака.

Стекло под ним вновь затрещало.

— Не двигайся ты! — взмолилась я. — Пожалуйста...

Я резко замолчала, увидев, что он вынул из-под пиджака крохотный серебристый предмет. Это был миниатюрный флеш-накопитель.

И что-то мне подсказывало, что именно на этой крохотной вещице хранились те видео, которые так нужны Стасу, чтобы посадить Гольшанских за решетку.

— Ищ... чт-т... — говорить Нестору было уже слишком трудно, он издавал лишь едва различимые звуки.

Но я поняла и робко улыбнулась сквозь слёзы.

— Альфред...

И снова Беккендорф взволнованно дернулся.

— Так звали маленькую мышку-альбиноса, которая жила у вас с мамой, — проговорила я. — Помнишь?

Нестор закрыл глаза и через мгновение вновь уставился на меня. Он ждал. Ждал с надеждой в тускнеющем взгляде. Он жаждал услышать всё, о чем успел давно позабыть.

И я продолжала. Я, тихо плача, пересказывала события из его жизни. Всё самое теплое, светло и нежное, что давно затерялось в глубине его сознания. Он скрыл свои слабости от мира и вместе с ними скрыл от себя самого свое прошлое, прошлое, которое он по-настоящему любил и в котором был счастлив.

— Ты... — прохрипел он надламывающимся голосом, когда я закончила. — Д... джи... возьми...

Он с трудом вымолвил эти слова и поднял правую руку, протягивая её ко мне.

— Возьми-и... — простонал он свистящим голосом. — Это... то... вам... нжно... ты... знаешь...

— Знаю, — кивнула я, — спасибо...

Я протянула руку, но не дотянулась до его дрожащих пальцев, в которых он сжимал флешку с видеозаписями. Мне пришлось свеситься вниз, зацепившись правой ногой за выемку между стеной и сиденьем, а правой рукой за пролом между сиденьями. Но даже так я с трудом дотягивалась до руки Беккендорфа. Я достала пальцами до маленькой серебристой флешки, наши взгляды встретились, я увидела, как окровавленные губы Нестора прошептали: «Спасибо».

А затем стекло под ним с хрустом звонко лопнуло, и я увидела, как Нестор в вихре серебрящихся осколков стекла падает вниз в холод и бездну. Я смотрела в его глаза до тех пор, пока различала его лицо.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 29 января.

— Не отпускайте меня! Не отпускайте, пожалуйста! — девушка отчаянно цеплялась за руку Стаса и продолжала молить его.

Корнилов молча, напрягая мышцы потащил её наверх. Девчонка была насмерть перепугана и то дело опускала голову, глядя на разверзшуюся под ними пропасть с рекой.

— Не смотри вниз! — прорычал Стас, вытягивая девушку наверх.

Она послушно подняла взгляд и уставилась на Стаса перепуганными голубыми глазами.

— Не смотри вниз, — повторил Корнилов уже мягче.

Он все-таки поднял её, и девушка поспешно вскарабкалась на стену коридора вагона, которая сейчас была их полом.

Стас оглядел полуразрушенный вагон. Многие окна были выбиты, кругом валялись помятые обломки, оторванные от купе двери и бесчисленное множество разноцветных предметов одежды. Корнилов задержал взгляд на мертвой женщине, которую явно убило ударом об стену, и на втором теле, принадлежавшем парню лет двадцати, в спине у того торчало несколько обломков.

— Не двигайся, — сказал Стас только что спасенной девушке.

Та дерганным движением головы кивнула.

Стас осторожно свесился вниз и выглянул в разбитое окно коридора вагона.

Его лицо овеяло холодящими порывами поднимавшегося снизу морозного воздуха. Стас по мере возможности оглядел результаты взрыва. Все выглядело весьма паршиво. В результате взрыва были разрушены две опоры моста, из-за чего состав фактически повис между двумя краями моста. Из окон некоторых вагонов вырывалось бушующее пламя.

В этот же миг Корнилов увидел, как из одного вагона выпало сразу несколько человек. Их крик огласил окрестности и тут же затих, когда они улетели вниз, туда, где примерно в трёх-четырёх сотнях метров протекала бурлящая река. Стас тихо ругнулся и отстранился от окна. Он немедленно достал телефон, посмотрел на карте местонахождение поезда и сообщил в МЧС по горячей линии. Спрятав телефон Корнилов встретился взглядом с спасенной им девушкой. Та молча плакала.

— Всё будет нормально, не переживай, — заверил он её.

Он оглядел вагон, прислушался.

— Эй! — закричал Корнилов. — Живые есть? Отзовитесь!

Раздалось сразу несколько голосов.

— Да!

— Мы здесь!

— У меня тут два трупа!

— Мы живые!

Стас попытался посчитать выживших по голосам, выходило всего двадцать два человека вместе с девушкой, которую он спас.

— Хорошо, — отозвался Стас. — Меня зовут подполковник Корнилов, я из Уголовного розыска. Этот поезд стал мишенью для террористического акта. Сейчас нам нужно осторожно и без паники выбраться из поезда.

— Слышь, подполковник? — из четвёртого купе выглянула мужская голова с небольшой бородой. — А может подождем спасателей?

— Нет, нужно выбираться самим, — выразительно глядя на него, ответил Стас. Мужчина оказался понятливым и не стал задавать вопросов. Он понял, что Стас не хочет поднимать панику, говоря о том, что поезд в любую секунду может рухнуть в раскинувшуюся под ними пропасть. Стас мысленно поблагодарил его.

— Так, слушайте... — начал он.

Корнилов велел всем выжившим снять постельное белье и связать между собой. Затем, люди, по его указанию, связали получившиеся веревки из белья, а получившийся канат закрепили в разных концах вагона.

— Отлично, — похвалил их Корнилов. — Выбираться будем через окно третьего купе.

— А почему?.. — раздался женский голос.

— Потому что, там аварийный выход! — прорычал в ответ Корнилов.

Он переполз к третьему купе и увидел здесь троих живых. Два парня и девушка, прижимавшая к груди руку с открытым переломом. Рядом с ней Стас увидел светловолосую девушку с разбитой головой.

— Пульс проверяли? — спросил Корнилов, кивнув на неподвижно лежавшую девушку.

Один из парней, кивнул.

— Пульса нет...

Девушка со сломанной рукой слёзно всхлипнула.

— Сними ремень и перетяни ей руку, — приказал Стас одному из парней.

Тот поспешил выполнить его указание. Затем девушке перевязали руку полотенцами, а из разорванной одежды сделали подобие биндажа.

— Теперь нужно открыть окно, — сказал Стас парням.

— Мы пробовали, — ответил парень, что перевязал девушке руку, — похоже аварийный выход заклинило.

— Понятно... отодвиньтесь от окна, — приказал Стас и вынул револьвер.

Девушка с окровавленной рукой испуганно вскрикнула, Стас направил дуло револьвера на окно и выстрелил. Тяжелая пуля патрона 357 magnum безжалостно высадила окно купе. Стас проворно увернулся от сыплющихся вниз осколков, и снова заглянул в третье купе.

— Выберите осколки и выбирайтесь наверх, — велел он.

Разбитое окно было куда шире, чем если просто открыть его, и выбираться через него будет заметно проще.

— А что потом? — спросил второй парень с кудрявыми рыжими волосами.

— Выбирайтесь наверх! — рявкнул на них Стас.

В этот миг послышался заунывный гул стонущего металла, и вагон качнулся вниз. Раздались испуганные голоса, Стас увидел, как некоторые нетерпеливые люди спешат выбраться из своих купе.

— Напоминаю! — прогремел голос Стаса, — Выбираемся в строго организованном порядке! Никак по-другому! Кто будет лезть вперёд и подвергать опасности жизни остальных — пристрелю! Я не шучу!..

Настала гробовая тишина, выбравшиеся из купе двое мужчин и женщина, замерли на месте, а потом, под взглядом Стаса, забрались обратно в свое купе.

— Начинаем с девятого купе, — сказал Стас, — Вы там сможете самостоятельно выбраться?

— Да-а... — из указанного купе выбрались две девушки.

Одна из них была ранена, и ей помогала вторая. Девчонки, держась за «канат» из связанных простыней, прошли по коридору и забрались в третье купе. Здесь им помогли выбраться те двое парней, что были с девушкой, у которой был перелом.

Под надзором Стаса пассажиры вагона организованно выбрались на боковую поверхность вагона. Стас выбрался последним.

— Господи! — воскликнул кто-то.

— Какой ужас! — всхлипнула какая-то женщина средних лет, прижимая ладони к лицу.

Они все стояли на перевернутом вагоне и отсюда открывалась полномасштабная картина потрясающего своим ужасом крушения поезда. Вокруг внизу темнели присыпанные снегом деревья густого леса, белели скалы и камни на дне пропасти. Порывы холодного

зимнего ветра трепали одежду и волосы пассажиров. Стас выругался, глядя на поезд. Состав, словно гигантская гирлянда или связка сосисок, висел над пропастью и только чудом вагоны не падали вниз. Впрочем, это было видно и понятно, вагоны не падали потому, что в узком пространстве пропасти, фактически оказывали давление друг на друга, что создавало упор и не позволяло составу полностью обрушиться вниз. Но долго эта конструкция, ясно дело, не продержится.

— Нужно МЧС вызывать! — высказался кто-то.

— Я уже вызвал, — хмуро оглядываясь по сторонам, ответил Стас, — они скоро придут... а пока нужно выбирать. И мне понадобится помощь тех, кому небезразличны судьбы других пассажиров.

Таких нашлось аж восьмеро. Впрочем, остальные мужчины и женщины были слишком сильно ранены, чтобы кому-то помогать.

Стас попытался дозвониться до Арцеулова и Ники, но тщетно. Ни у Сени, ни у Ники телефоны не отвечали. Стас сделал над собой усилие, чтобы не допускать мрачных мыслей.

— Эй, подполковник, — его окликнул давешний мужик с бородой.

— Да? — спросил Стас.

— Ты в курсе, что у тебя кусок стекла в спине торчит?

Стас выругался, а он то думал, что просто ободрал спину, и поэтому она так печёт.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 29 августа.

Выжившие выбирались по-одиночке. Кто-то пытался организовать людей, но это было тщетно. Оставшиеся в живых люди в страхе просто пытались выбраться. Я слышала, как кто-то сказал, что нужно открывать окна и выбираться на противоположную поверхность поезда. И я была с ними солидарна. Вот только я в купе была одна, а окно ни черта не открывалось, и судя по крикам пассажиров, у многих была схожая проблема. Я подумала, что стоит попытаться перебраться в следующее купе, быть может, там окно открывается, а то и вовсе есть аварийный выход.

Однако, когда я туда перебралась, я увидела, что и здесь окно вряд ли откроется. Зато в стекле окна была заметная пробоина, размером с кулак. Я подумала, что можно попытаться выбить окно чем-то тяжелым. Вот только чем? Подходящего под рукой ничего не было. Я судорожно вздохнула и в который раз пожалела, что во время крушения поезда у меня выпал телефон, и теперь я не знаю, где он. А так я могла бы позвонить Стасу... Хотя вряд ли он чем-нибудь смог бы мне помочь. Придется мне выбирать самой. Ладно, чёрт с ним. Не в первый раз... Мой взгляд упал на плотно набитую дорожную сумку, что лежала на одном из сидений. Появилась авантюрная мысль, привязать к сумке один конец простыни, а на другом сделать петлю и зацепить ею острый край стекла. Если потом столкнуть сумку вниз... Хм, под её весом стекло в окне может обрушиться, и я смогу выбраться. Нужно попробовать, другого плана у меня всё равно нет.

Осуществить задуманное оказалось куда тяжелее, чем придумать. Я буквально вспотела, пока дотянулась до окна, чтобы зацепить его завязанной на конце простыни петлей. А потом пришлось изловчиться, чтобы столкнуть вниз привязанную к другому концу простыни сумку.

Едва я это сделала, как стекло с сухим коротким треском надломилось и крупными

заостренными осколками рухнуло вниз. Звон бьющихся стекол разлетелся по вагону, большая часть осколков вывалилась в разбитое окно.

Проверив флешку в кармане куртки, я взяла подвернувшийся под руку металлический обломок и, стараясь не смотреть в выбитое окно вагона внизу, где разинула пасть головокружительная высота, выбила оставшиеся в раме окна острые осколки.

Где-то прозвучал крик, кричала женщина, я с содроганием услышала, как следом закричал ребенок. У меня сжалось сердце, и сдавило горло при мысли, что где-то в потерпевшем аварии поезде остался одинокий ребенок без родителей. Я поборола сиюминутный порыв броситься на спасение всех нуждающихся. Прозвучит жестоко и, возможно, даже мерзко, но сейчас мне стоит прежде всего подумать о себе.

Во-первых, я все равно не знаю, как и чем помогать. Во-вторых, поезд может обрушиться вниз в любой момент, и я точно ничем не помогу людям, если погибну вместе с ними. А вот оказавшись наверху, на другой стороне перевёрнутого вагона...

А вот эта мысль заставила меня задержаться. Ругая себя за несусветную глупость, я старалась оправдать её зовом совести. Ну не могу я взять и, наплевав на всех вокруг, просто выбраться и свалиться! Я должна хотя бы попытаться помочь, когда выберусь наверх. И возможность сделать это я видела в том, чтобы помочь людям выбраться на левую сторону вагона.

Собрав то, что осталось от постельного белья, и порывшись в одной из дорожных сумок, я затолкала все, что нашла в содранную с подушки наволочку. Эту ношу я забросила вверх, в окно, а затем, применив все навыки и умения в скалолазании, я всё-таки выбралась из купе на внешнюю поверхность вагона.

Открывшееся мне зрелище пугало своими масштабами и невероятностью!

Мост, по которому пролегал железнодорожный путь, почти перестал существовать. Вместо него с обеих сторон торчали два «огрызка» с загнутыми вниз, свисающими под тяжестью поезда рельсами. Сам поезд дохлой гусеницей провисал в проломе моста над глубокой пропастью. От некоторых вагонов вверх тянулись зыбкие хвосты черного дыма.

Вокруг во все стороны тянулся темный лес с пятнами снега и скалистые, покрытые корками льда горы. А внизу под вьющейся метелью шумели воды реки. Я отвела взор от пугающей гипнотической высоты и посмотрела на другие вагоны.

С облегчением я увидела, что многие люди сумели выбраться, как и я. И не без удовольствия я отметила, что люди не бросают друг друга в беде. Сама я тоже, опомнившись, осторожно прокралась по вагону, заглядывая в окна. Двигаться нужно было крайне осторожно — вагон кренился на одну сторону, и поскользнуться, а затем сверзиться вниз в объятия осязаемой высоты — раз плюнуть.

Я нашла выживших через окно от себя. Это был пожилой мужчина, девочка лет восьми и парень, может, совсем чуть-чуть постарше меня. Они догадались высадить окно, но выбраться без верёвки не могли.

— Подождите, пожалуйста, я сейчас! — крикнула я им.

Я вернулась назад, наскоро связала вещи и постельное белье, затем закрепила один конец на колесной тележке поезда, а другой свесила в купе с людьми.

— Держите! — крикнула я. — Только не спешите! Я не знаю, насколько крепко связала это всё...

— Спасибо тебе, внучка, — выдохнул пожилой мужчина, первым он пустил девочку восьми лет.

Парень, наверняка брат, заботливо поддерживал её. Я подождала, пока она выберется, и быстро протянула ей руку. Мне стоило серьёзных усилий, помочь ей выбраться. Надеюсь пожилой мужчина и парень выберутся сами без моей помощи.

В этот момент с другой стороны поезда раздался крик:

— Ника! Ника, это ты?!

Я подняла взор и увидела Сеню в окружении нескольких людей.

— Выбирайся нахрен, с поезда! — Арцеулов активно замахал руками. — Слышишь?! Я сказал: сваливай!

— Я не могу!.. — прокричала я в ответ. — Здесь люди!..

— Ника, мать!.. — Сеня, явно терял терпение и только чудом успел оборвать готовое сорваться с уст ругательство. — Кто там у тебя?

— Парень и пожилой мужчина! — прокричала я ответ.

Юноша в этот миг, как раз пытался помочь подняться вверх своему деду, но у него ничего не получалось.

Тут раздался пугающий до ужаса металлический скрежет, вагон под нами снова угрожающе покачнулся. Я потеряла равновесие, на миг у меня замерло сердце. Я едва не упала, но удержалась и успела схватить за руку стоявшую рядом девчонку, которая уже ухнулась на четвереньки.

— Держись! — закричала я ей.

Вокруг раздались десятки перепуганных криков. Из окна купе, где все ещё оставались дедушка и парень, раздался крик боли.

— Дедушка! — взвизгнула внучка, которую я держала за руку.

Я с испугом заглянула в окно и увидела, что пожилой мужчина, повис на сиденье, болтая ногами в пустоте.

— Сеня! — в отчаянии закричала я с паникой в голосе.

Я услышала ругательства и удары по металлической поверхности. Обернувшись, я увидела, что Арцеулов, ругаясь себе под нос, спешит и лезет ко мне.

— Сеня, осторожнее! — заволновалась я.

Арцеулов так лихо гарцевал ко мне, что мог свалиться в любую минуту! Наконец, он подбежал ко нам.

— Отойдите обе! — бросил он мне и девочке, которую я держала за руку.

Сеня спустился вниз, и через несколько минут через окно сначала выбрался дедушка, за ним парень, а следом и сам Сеня.

— А теперь быстро и осторожно сваливаем, — приказал Арцеулов.

Вместе со всеми, кто уже успел выбраться из вагонов, мы цепью двинулись вперёд, к ближайшему краю моста. Правда большую часть пути двигаться пришлось на четвереньках, а потом и вовсе взбираться по вертикально висящим вагонам.

Но те люди, которые уже успели оказаться на твёрдой поверхности, соорудили для нас ещё одни подобия канатов из вещей, спустив их вдоль вагонов. Благодаря этому взбираться было легче. Правда, лишь относительно. Я крепко сжимала в руках канат из связанных узлами свитеров, кофт, курток и теплых штанов. С трудом переставляя ноги по перевёрнутому почти вертикально вагону, я взбиралась вверх. Взгляд неумолимо сползал то в одну, то в другую сторону. И каждый раз мое дыхание обрывалось, а душа падала и готова была упорхнуть прочь.

Высота дышала в лицо опасностью и холодом. Вьющаяся вокруг метель то и дело

сыпала снег в лицо, а ветер расшвыривал мои волосы и подкидывал капюшон куртки. Мои ботильоны были совсем непригодны для того, чтобы взбираться по скользкой поверхности вагона. Поэтому, задержавшись, я все-таки сняла сначала один, потом другой. Надеюсь, Лерка переживёт и поймёт. Холод тут же обхватил мои ступни в тонких колготках, но забираться вверх теперь было куда проще.

Самое жуткое случилось, когда я перебралась на следующий вагон.

Я наступила ногой на гладкую поверхность треснувшего окна, и тут мой взгляд наткнулся на прижатое к стеклу лицо с выпученными глазами. Я вздрогнула всем телом, глядя в лицо мертвеца и едва не выпустила канат.

— Ника, быстрее! — прокричал снизу Сеня. — Не останавливайся!

Я кивнула и полезла вперёд. Удары сердца подгоняли меня ускоряющимся ритмом. Внутри все кипело и бурлило от захлестывающего ужаса происходящего!

— Давай руку! — крикнул мне высокий мужчина с рыжей бородой, что стоял наверху у края обломанных рельс.

Я с готовностью протянула ему свою ладонь, и он бережно подтянул меня к себе, помогая выбраться.

Едва я оказалась на твёрдой поверхности (а не на поезде, чёрт возьми, который висел над пропастью, удерживаемый какой-то магией природы) я упала на колени и на руки. Так, стоя на четвереньках и содрогаясь, я пыталась справиться с нахлынувшими потоками выжимающих душу переживаний.

Я на земле... я на твёрдой земле... я выбралась... у меня получилось...

Да, в этот миг я думала только о том, что мне удалось спастись из поезда. Да, в эти краткие мгновения я думала о себе и радовалась за себя. Хотя нет. Радоваться у меня не получалось. Дрожь усиливалась, меня сотрясало от пережитого шока.

Рядом вдруг оказался Сеня.

— Куда ты умчалась? Я когда разобрался с тем козлом, пытался найти тебя!

Я слушала Сеню вполуха. Сейчас его голос доносился до меня, как через глухую стену. Не обращая на него внимания, я сунула руку в карман куртки и медленно извлекла оттуда флешку. Увидев накопитель, Арцеулов оборвался на полуслове. И тут я услышала удивленный и радостный возглас:

— Ника! Сеня?! Вы целы?!

Я подняла взгляд и увидела подбегающего к нам Стаса. Не помня себя, я бросилась к нему и повисла на шее у Корнилова. Стас тут же крепко прижал меня к себе. И я не замедлила сообщить ему на ухо:

— Записи у меня! На флешке...

Стас прижал меня крепче, я почувствовала, как его пальцы мнут мою одежду. Я услышала, как он пробормотал в мои развевающиеся на ветру волосы:

— Господи, Ника... Это был последний раз, когда я взял тебя на операцию!..

— Нет, — вздохнула я и крепче обняла его за шею, — ты знаешь, что нет, Стас.

Я говорила тихо и грустно, но уверенно. Стас замолчал.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 29 января.

Да, она была права. Услышав ответ Ники, Стас хотел возразить, но понял, что она права. Хотя бы даже потому, что если к её помощи не будет прибегать он, это будет делать кто-то другой. И уж он-то будет выжимать из Ники всё до капли.

Но сегодняшней день Корнилов уж точно никогда не забудет, как и то, что в очередной раз подверг опасности жизнь синеглазой девочки. Дилемма заключалась в том, что он не знал, как её обезопасить. Сегодня он уже не знал ответа на этот вопрос. Единственное, что Стас понимал, с чувством обнимая Нику и горячо прижимая к себе, это то, что тогда, почти три года назад, когда она пришла к нему... он должен был прогнать её и больше никогда с ней не видеться. Ради неё. Ради того, чтобы она не переживала теперь то, что переживает... Нет.

Стас тут же мысленно одернул себя. Он вновь думает о себе... Если бы он тогда прогнал её, то таким образом просто переложил бы свою вину на кого-то другого. Кого-то чужого, неизвестного и безразличного к чувствам синеглазой девочки с даром и проклятием. Корнилов испытал чувство гнева и омерзения, представив, как кто-то бессовестно эксплуатирует способности Ники при каждом удобном случае. Однако, сам-то он точно лучше?..

Стас не успел придумать для себя ответ на этот вопрос, потому что Арцеулов тронул его за плечо и произнес:

— Стас... это кто?

Корнилов отпустил Нику и обернулся.

К дымящемуся, подорванному поезду, с двух сторон которого в группки собирались перепуганные люди, стремительно приближались четыре внедорожника. Стас видел, как автомобили с темными стеклами быстро друг за другом спускаются по извилистой горной дороге.

— Это... нацгвардия? Или Собр? — осторожно спросил Сеня.

Стас, не оборачиваясь, покачал головой и рукой заставил Нику отойти себе за спину.

— Это те, кто точно знал, где и когда будет совершен теракт на железной дороге в этом поезде, — ответил Стас, быстро и незаметно вынимая револьвер. — Ты не брал дробовик, Сень?

— Ты же сам сказал, чтобы я его в управлении оставил, — пробурчал Арцеулов.

— Теперь я об этом искренне жалею, — ответил Стас, не отводя взгляда от приближающихся автомобилей.

— Ничего, зато у меня пистолет есть, — пожал могучими плечами Сеня.

— Стас, это люди Гольшанских? — тонким голосом из-за спины Корнилова спросила Ника.

— Очень похоже, — протянул Стас, когда автомобили подъехали к ним.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 29 января.

Я чувствовала, как стоящие передо мной Стас и Сеня напряглись и приготовились. Зыбкий мёрзлый воздух с запахом гари отяжелел от сгущающегося напряжения. Остальные выжившие, явно почувствовав недоброе, попятились назад, оставляя нас одних. Я, Стас и Сеня молча наблюдали за подъезжающими внедорожниками.

Мне казалось у меня на животе и на горле кто-то медленно, но жестко и неумолимо затягивает тугую петлю. Я глядела на лобовые стёкла автомобилей, по которым расплзались отражения заснеженных гор и деревьев, и чувствовала впивающееся в плоть и душу чувство опасности.

Не было никаких сомнений, что в этих четырёх автомобилях сидят люди, которым дано задание устранить нас или, как минимум, отнять у нас добытые с таким трудом видеозаписи.

Когда машины остановились, их двери почти синхронно открылись, и на воздух вышли сразу несколько мужчин. Одного взгляда на их лица было достаточно, чтобы понять их «специальность» и цель визита. Но, словно специально для самых наивных, в руках у четверых из них были автоматы.

— Подполковник Корнилов, полагаю? — нарочито пренебрежительно спросил один из мужчин с угрюмым лицом.

— Да, — в надлежащем тоне ответил Стас, — а вы кто?

— Думаю, вы знаете, — голос мужчины ассоциировался у меня с режущими движениями ножа.

Мне было достаточно просто посмотреть ему в глаза и услышать голос, чтобы понять, передо мной умелый, опытный и бескомпромиссный убийца. Очевидно, кого попало, Гольшанские не нанимают. Только «знатоков» и «специалистов» своего дела.

— Давайте, без глупостей, — предложил мужчина с голосом убийцы. — Садитесь в машину, и поедem, Елизавета Марковна хочет вас видеть.

— Какая жалость, — язвительно ответил Стас, — что наши с ней желания ну никак не совпадают.

— Ты че быкуешь, подполковник? — убийца подступил ближе.

Я увидела, как на руке Стаса, сжимающей переливающийся бликами «Питон», шевельнулись мускулы. На конце револьвера сверкнул зловещий блик. Я нервно сглотнула, по ребрам заскребло чувство страха.

— Ты что, думаешь, горстка этих обосрышей помешает нам тебя вместе с твоим дуболомом и мелкой соплёй прямо здесь положить?! — прошипел этот здоровяк в лицо Корнилову.

— Гляди, как бы ты рядом с нами не лёг, — нехорошо усмехнувшись, ответил Стас.

В голосе Корнилова прозвучало такое угрожающее обещание и решимость, что стоящий перед ним человек отступил аж на два шага. Я заметила, что его лицо слегка побледнело.

И в этот момент со стороны леса показались несколько машин, целый кортеж.

— А это ещё кто? — скривился Сеня.

Стас проследил за его взглядом и самодовольно криво ухмыльнулся:

— Это моя страховка как раз на такой случай.

К нам, разбрасывая снег и агрессивно рыча моторами, подъехали шесть внедорожников на огромных колесах в человеческий рост. Выдыхая дым через шноркели и сверкая

хромированными корпусами, эти монстры полукольцом окружили подъехавшие ранее машины.

Я увидела, как занервничали люди Гольшанских. Такого поворота событий они явно не ожидали. Огромные джипы угрожающе нависали над машинами людей Елизаветы, казалось, они готовы раздавить их своими гигантскими колесами.

Воздух наполнился горячими выхлопными газами вперемешку со вкусом холода и искрящимся чувством опасности с трёх сторон. Дверца вишневого джипа с метеоритами на крыльях открылась, и вниз спустился мужчина в камуфляжной охотничьей куртке.

Я увидела, как он ловко спрыгнул в снег, отряхнул одежду и, переступая сугробы, подошел к нам. Люди Гольшанских тут же направили на него стволы: в руках мужчина держал массивный автоматический дробовик.

— Здрасьте! — мужчина счастливо улыбнулся белозубой улыбкой. Его глаза скрывали темные очки, на шее я увидела громоздкие, старомодные черно-желтые наушники.

— Хороший денек сегодня, не так ли? — жизнерадостно воскликнул мужчина. — Мы тут проезжали неподалеку...

Он замолчал, оглядывая случившуюся катастрофу.

— ...И увидели, что у вас тут зашибенно весело.

Он посмотрел на Стаса, на меня и Сеню, затем оглянулся на людей Гольшанских. Мужчина подошел к тому убийце, который разговаривал со Стасом, встал перед ним и обманчиво мягким голосом сказал:

— Думаю, вам лучше уехать...

— Ты что это, Аккорд, совсем страх потерял? — прошипел «Убийца». — Эти люди нужны Елизавете...

— Возможно, пожал плечами Аккорд, — но вашей старушке придется засунуть свои желания и прихоти поглубже.

— Уверен, Аккорд? — зло и презрительно спросил предводитель людей Гольшанских. — Не боишься, что с тобой потом сделают?

— Тебе бы, — усмехнулся Леон Корф, — сейчас лучше думать о том, что я могу сделать с тобой и со всеми вами здесь и сейчас в краткосрочной, так сказать, перспективе.

Он махнул рукой, и дверцы гигантских внедорожников немедленно распахнулись, из них тут же выглянули стволы дробовиков и автоматов.

— Сегодня явно не ваш день, «Сухой», — довольно ощерился Леон, назвав собеседника по кличке.

Я, затаив дыхание, наблюдала за происходящим и думала. По всему выходило, что Стас... договорился с Аккордом. Я, конечно, не уверена, что это правильно — вести переговоры и заключать союзы с криминальными авторитетами, вроде Леона Корфа, но в данном случае я могла лишь порадоваться находчивости Стаса.

— Аккорд... — усмехнулся в ответ Сухой. — А может... договоримся, а?

Тут Леон рывком снял очки и, не переставая улыбаться, проговорил:

— Не-а... Поздно, Сухой. И хозяйке своей, кобыле седой, передай: время разговоров закончилось. Я слишком долго пытался договориться с её вшивой семейкой. Всё. Я...

Он оглянулся на Корнилова и снова посмотрел на Сухого:

— Заключил куда более выгодное... соглашение.

— Под ментов, значит, лёг, — с ядовитой издевкой протянул Сухой.

Но Аккорд, не смутившись, лишь пожал плечами:

— Времена меняются... По-любому, сейчас не девяностые... Ну было весело, конечно, но сейчас другое время. И на плаву остаются те, кто умеет приспосабливаться к новым обстоятельствам. В конце концов, покутили, и будет. Пора за голову браться. Так что давай... проваливай. И мой тебе совет, бросай эту чокнутую бабу и вали нахрен из страны. А то оглянуться не успеешь, как завтра будешь кукарекать на «хате».

Из внедорожников с гигантскими колесами донесся одобрителный басовитый гогот. А я отвела взор. Господи, ну почему мужчины если шутят, то всегда пошло и до ужаса грязно!

Сухой заметно побледнел, несколько мгновений он сжигал взглядом Аккорда, а затем процедил с ненавистью в голосе:

— Ещё свидимся, Корф.

— А то! — хохотнул Аккорд.

Сухой смерил его ненавидящим взглядом и скомандовал своим:

— По машинам!

Не прошло и двух минут, как от людей Гольшанских остался только разрыхленный колесами их машин снег и оседающий дым выхлопных газов. А ещё через пол минуты их внедорожники скрылись из виду.

Я облегченно вздохнула, ощущая, как птицей в неволе, бьется мое сердце.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 29 января.

К удивлению Стаса, Корф предложил помочь людям из поезда и даже взял, скольких смог, в свои машины. Они развезли людей по ближайшим больницам и взяли курс на Москву.

Корнилов взял у Ники флешку, а Корф одолжил ему планшет. Сидя на заднем сиденье вместе с Никой и Сеней, Корнилов просмотрел видео, которое Ника получила от Беккендорфа.

Стас «промотал» мерзости, которые клиенты подпольного борделя вытворяли под чутким взором скрытых камер. Он старался не думать о том, скольких девочек покалечили эти богатые выродки, и как повезло Нестору, что он не пережил катастрофу поезда. Но глядя на запись, Стас теперь понимал, почему Нестор оставил себе именно эти видео. Это был сборник самых отвратных и омерзительных эпизодов, произошедших под крышей «Зелёной колыбели». Кадры быстро сменялись один за другим, Стас сильно жалел, что нет возможности передвинуть ползунок на таймстроке сразу в нужное место. Потому что он понятия не имел, где именно появятся Орест и Клара Гольшанские.

Видео-эпизод с ними, оказался ближе к концу. Видимо, это был тот день, когда Клара уже не могла больше ждать. Ей нужны были новые жертвы, и так сильно, что она, по всей видимости, уговорила Ореста сделать это буквально рядом с «Зелёной колыбелью».

Рядом шевельнулась Ника, Стас посмотрел на девушку, и та подняла на него вопросительный взгляд.

— Ника, тебе не стоит лишний раз смотреть на это.

Но в глазах Лазовской не было ни страха, ни омерзения, ни презрения. Только смирение и печаль.

— Воспоминания, которые я видела, страшнее и реалистичнее любого видео, Стас, —

вздохнув, тихо прошептала Ника.

Корнилов не стал с ней спорить. Он знал, что Ника говорит правду. С тем, что ей приходится видеть и буквально переживать, никакое видео не сравнится.

В мрачной, тягостной тишине, под шум мотора внедорожника Сеня, Стас и Ника увидели, как происходило убийство, совершаемое «Сумеречным портным».

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 29 января.

Странно, но за происходящим на дисплее планшета ужасом я наблюдала с какой-то равнодушной отстраненностью. Наверное, просто я слишком хорошо знала, что увижу. Я была готова к этому, но одновременно была так сильно истощена всем этим, что у меня уже просто не осталось сил сопереживать, ненавидеть и плакать.

Я видела... Всё от начала до конца. Это было настолько же отвратительно, насколько невыносимо больно от печального осознания, что я узнала этих девочек. Таня. Диана. Ира. Лиза. Те самые четыре девочки, что буквально вели по следу своих убийц. Те самые жизнерадостные девчонки, которые первыми из всех девочек, живущих в «Зелёной колыбели», стали жертвами прихоти Клары и фанатичной страсти Ореста Гольшанских.

Стас выключил страшное видео, когда увидел, что я тихо плачу и непроизвольно шепчу: — Простите... простите меня....

Я не могла объяснить, за что прошу прощения, но... пусть это и глупо, я чувствовала болезненно саднящую и отравляющую душу вину. Вину за то, что им тогда, в тот злополучный день, никто не помог. Никому не было дела до этих четырех девчушек и остальных воспитанниц лже-приюта! Весь мир, все мы, дружно наплевали на жизни этих девчонок, которые никому, никогда, ничего плохого не сделали. Все мы, Стас, я, весь город... вся страна— все мы были увлечены собственными делами и проблемами. Все мы тогда были всецело уверены, что Портной ушёл, исчез, испарился, как чудовище в сказке.

Да... мы всё время забываем, что наш мир совсем не сказочная история. И чудовища в нашем мире никуда никогда не исчезают. Они продолжают убивать, продолжают творить зло и с каждым годом лишь совершенствуются в этом. Они не исчезнут и не испарятся по мановению волшебной палочки, пока их не одолеть. Ценой нашего неведения и равнодушия стали жизни тех девчонок, которых Беккендорф отдавал на растерзание Оресту и Кларе. Им некого было звать на помощь. Им не у кого было попросить защиты, для них не было спасения. Они были одни и обречены. Покинуты. Оставлены. Выброшены куда-то за пределы интересов общества.

Кто-нибудь из нас хотя бы раз в своей жизни задумывался о том, как живётся таким детям в приютах? Кто из нас в перерывах между жалобами на свою жизнь задумывался о том, что у кого-то может не быть и четверти наших благ?.. Кто бы задался вопросом, о чем мечтают брошенные всеми дети, к которым никогда не приедут «далекие и богатые родственники»? У которых нет матери или отца, способных защитить, наставить, подсказать? Которые получают подарки на Новый год, только если о них не забудет власть, или в честь очередной предвыборной кампании в Думу или в президенты?

И большинство из нас даже в ночном кошмаре не может представить, что кто-то может пользоваться беззащитностью этих детей, безжалостно отнимая их жизни, потому что...

потому что всем плевать, потому что никто не заметит, если их вдруг не станет.

Теперь этих девочек нет. Их мечты никогда не сбудутся. У них никогда не будет семьи, любящего мужа и детей, которым они могли бы дарить всю ту любовь, которой были лишены сами. Никогда...

А их воспоминания обречены ещё долгие годы незаметно для нас тлеть где-то на отшибе человеческого восприятия.

Но самое главное сейчас то, что на видео были идеальным образом видны лица подонка Ореста и этой дряни Клары! В тот миг, когда я поняла, что теперь-то им никаким боком ни отвертеться, я испытала мрачное моральное удовлетворение. Больше они никого не убьют.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 30 января.

Метель немного отступила, и её сменил вяло осыпаящийся снег, хотя температура воздуха стала ещё ниже. Стас стоял рядом со своим Дефендером и смотрел на ворота, огораживающие территорию штаб-квартиры Следственного комитета. У него была достоверная информация, что сегодня, буквально сейчас, Гольшанских должны будут отпустить. Так как СКР просто не может предъявить им обвинения.

Да, конечно, наивно было предполагать, что Следственный комитет не заподозрит, что улики в доме Гольшанских были умело подложены, а их арест подстроен. Стас так же догадывался, каким скандалом ему это грозит, когда СКР узнают, кто за этим стоит. Но это всё потом, а сейчас...

Он увидел, как из здания штаб-квартиры вышли сразу несколько человек. Около дюжины. Орест, Елизавета, Клара и несколько офицеров СКР. Почетный эскорт для «несправедливо обвиненных уважаемых и законопослушных граждан». Ну или как там собирается оформить их выход начальство СКР.

Увидев Стаса, Сеню и Колю в окружении ещё нескольких офицеров Уголовного розыска, идущие впереди офицеры СКР замедлили ход и неуверенно обернулись. Вперёд скорым шагом выступил полковник Датский. Не скрывая негодования, он приблизился к Стасу и его подчиненным.

— Корнилов! — рыкнул он. — Какого хрена тебе тут нужно?

— Ровнее дыши, — бросил ему Стас, — от тебя мне ничего не нужно.

Корнилов кивнул за спину Датчанина:

— Мы приехали за ними.

Датский обернулся на Гольшанских. Елизавета буквально сжигала Стаса ненавидящим, убийственным взглядом: как же, кто-то посмел её так нагло обыграть.

— Если ты не в курсе, — Датский с превосходством посмотрел на Стаса, — СКР отозвал все свои обвинения. Все улики, как выяснилось, были умело подброшены... — полковник задержал тяжелый испытующий взгляд на лице Стаса.

— Вот как? — фальшиво удивился Стас.

— Да, вот так, мрачно и ядовито ответил Датский. — Так что ты опоздал...

— В таком случае, — перебил его Стас и вынул из-под куртки документ, — хорошо, что я предусмотрел запасной вариант.

— Это ещё что?

— Это ордер на арест Клары Гольшанской, Ореста Гольшанского и...—

Стас перехватил взгляд бабушки Ореста, — Елизаветы Марковны Гольшанской.

Корнилов не скрывал угрожающей издёвки в своем голосе. Теракт в поезде Стас этой с**е не простит и будет требовать для неё высшей меры наказания. Впрочем, как и для её внучка-психопата.

— Что ты несёшь?! — Датский в гневе вырвал ордер из рук Стаса, — Обвинения с Гольшанских официально сняты! Какой кретин мог подписать тебе ордер?

Стас пожал плечами:

— Руководитель ГУ МВД Москвы, например? Генерал Колосов, знаешь такого?

Судя по лицу Датского, он конечно же знал и начальника Главного управления Министерства внутренних дел Москвы и его фамилию.

— Не может быть... — пробормотал Датский, в ярости и растерянности осматривая печать и подпись на ордере.

Он поднял взгляд на Стаса.

— Надеюсь, ты понимаешь, что СКР своей волей может оспорить любой ордер. Даже, — тут Родион Датский снова нехорошо усмехнулся и глаза его зловеще сверкнули, — подписанный рукой начальника ГУ МВД Москвы. Следственный комитет отчитывается не перед Министерством, а лично перед...

Датский выразительно поднял указательный палец вверх.

— Боюсь, при тех уликах, что есть на руках у Управления Уголовного розыска, — насмешливо проговорил Стас, доставая свой смартфон, — твоих подопечных даже президент не в состоянии будет помиловать. Полюбуйся.

Стас, не скрывая превосходства, поднёс телефон к глазам Датского, и от увиденного у того перекошилось лицо. Он обернулся к Гольшанским и прорычал:

— Елизавета!.. Вы... Вы убеждали меня, что это всё фальсификация, вымысел и происки ваших врагов по бизнесу!..

Елизавета Марковна перевела взгляд со Стаса и презрительно взглянула на Датского:

— Извините, господин полковник. Я солгала.

— Что?! — ахнул Датский, который, похоже, был на грани инсульта. — Да вы... Вы... Чтоб вас вместе с вашей семьёй!

— Думаю, никто не будет удивляться моему желанию спасти от тюрьмы дорогих мне людей, пусть они и виновны.

— Никто не удивится, — холодно ответил Стас и приблизился к Гольшанским. — Клара Гольшанская и Орест Гольшанский, вы арестованы по подозрению в совершении убийств нескольких десятков детей с отягчающими обстоятельствами. Елизавета Гольшанская, вы арестованы по подозрению в пособничестве убийцам, Оресту и Кларе Гольшанским, а также в организации террористического акта на железнодорожном пути следования поезда «Москва-Хельсинки».

Клара восприняла слова Стаса с блаженной улыбкой, Орест самодовольно и гадко ухмылялся, а Елизавета готова была взорваться от переполнявшей её ярости.

— Вы имеет право, давать объяснения и показания по поводу имеющихся в отношении вас подозрений, — продолжал Стас, — либо отказаться от дачи объяснений и показаний. Пользоваться помощью защитника с момента...

Когда Стас закончил зачитывать Гольшанским права, вся троица была задержана и закована в наручники. Гольшанских вывели за ворота территории СКР и усадили в

автомобили, принадлежавшие УГРО. Стас не удержался и перед тем, как сесть в свой внедорожник, обернулся и бросил взгляд на Датского.

Тот молча злился, свирепо глядя вслед Корнилову. Стас понимал, что этого унижения Датский ему уж точно никогда не простит, и их вражда отныне только усугубится. Но Корнилову на это было плевать, он сел за руль и завёл автомобиль. Было ещё одно срочное дело.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 30 января.

Я с умиленной улыбкой провела ладонью по волосам спящей Рады. Она заснула спустя десять минут после того, как мы с ней сели в машину Бронислава. Я её не винила, в сверхкомфортабельной BMW седьмой серии в кузове Long было очень уютно. Плюс, за окном вновь поблекли небеса, и улицы Москвы засыпал бесшумный, монотонный снегопад.

— Спит? — тихо спросил с переднего сиденья Коршунов.

— Да, — прошептала я, — ездай, пожалуйста, потише...

— Ты уверена, что Стас правильно делает? — спросил Бронислав.

Я удивленно взглянула на него.

— Да, Брон... у малышки никого нет, и о ней некому позаботиться... Ты же понимаешь, что это будет невыносимая жестокость, после всего, что она пережила, отдать её в другой приют.

К моему удивлению Брона аж передёрнуло от моих слов.

— Я это и не предлагал, — пробурчал он, — но я...

Он откашлялся и несколько взволнованно добавил:

— Я бы мог и дальше... заботиться о ней.

— Так вот в чём дело, — заулыбалась я, — ты привязался к ней? Да?

Бронислав пожал плечами и вздохнул.

— Да... да, наверное. И я не понимаю, почему...

— Потому что Раде нужна семья. Настоящая и полноценная, — ответила я.

— Отлично, я как раз собираюсь жениться...

— На Ольге Датской, — кивнула я. — Я знаю. Она ненавидит и меня, и Стаса.

— Во-первых, всё не так уж... — Бронислав попытался оправдать свою невесту, но не смог.

А я вдруг почувствовала, что мне почему-то донельзя неприятно и даже досадно, что Бронислав женится на этой корове. Но я прогнала прочь эти мысли и заявила:

— Брон, не обижайся, но Ольга, очень вероятно, может вылить свою злость на Стаса на эту кроху...

Коршунов не стал спорить, настроение у него испортилось ещё больше. А я ощутила болезненный тычок совести куда-то в область солнечного сплетения.

— И потом, ты полицейский...

— А это тут причем?! — осведомился Бронислав.

— Раде нужен мир и покой, отгороженный от всяких рисков и стрессов, — заметила я и опустила взгляд на спящую девочку, — с неё и так хватит.

До самого конца пути мы с Броном не обмолвились ни словом. Он, понятное дело,

сердился, а я не хотела развивать неприятный разговор дальше.

Наконец мы заехали в один из московских дворов, и Брон остановил автомобиль. Я сразу же увидела стоящих возле подъезда мужчину и женщину.

Родители Кати Ореховой выглядели именно так, как их описал Стас. Убитые свалившимся на них горем, но не перестающие надеяться. И меня согрела мысль о том, что, возможно, мы с Броном как раз и привезли им новую надежду. Они и Рада пережили страшнейшие потери, которые я бы не пожелала пережить даже... Оресту и Кларе Гольшанским.

Ореховы потеряли свою дочь, Катерину, чье мертвое тело люди Анжелики Орбеловой пытались выдать за труп Людмилы Елизаровой. А Рада лишилась матери и чуть было не лишилась жизни. Ореховы и Рада Любинская потеряли то, что никто из нас не заслуживает потерять, и я очень надеялась, что и они, и Рада смогут найти друг в друге хотя бы часть того, что у них отняли.

Брон первым вышел из машины и подошел к родителям Кати Ореховой. А я осторожно и ласково разбудила Раду.

— Вставай, — пропела я ласково, — котенок... мы приехали.

Девочка открыла сонные глазки и уставилась на меня.

— Доброе утро... — протянула она.

— Доброе, — хихикнула я и помогла ей сесть.

Достав расческу, я расчесала зевающей девочке волосы, а потом завязала два хвостика — её любимую причёску.

— Рада, видишь этих людей? — я указала на Ореховых.

— Да-а... — протянула девочка, с любопытством разглядывая незнакомых людей. — Это они... Это... это моя семья?

— Да, — у меня что-то дрогнуло в груди от той робкой надежды, которая прозвучала в словах ребенка. — Пойдём?

— Пойдём, — согласилась Рада.

Я была рада, что она не стала капризничать. Ведь, когда девчушка узнала, что ей придется уехать от Брона, она поначалу расплакалась, и мне стоило серьёзных усилий объяснить ей, почему ей будет лучше именно с Ореховыми. Но сейчас, кажется, девочка была настроена очень миролюбиво.

— Ника... — вдруг сказала она, прежде чем вышли из машины.

— Да, котенок? — спросила я тепло.

— Ты будешь ко мне приезжать? — спросила она и посмотрела мне в глаза.

— Конечно, — мгновенно пообещала я, — я буду и звонить, и приезжать. Можешь не сомневаться...

— Но ты говорила, что я буду жить в другом городе, — сказала Рада.

— Ну и что? — усмехнулась я. — Мне ничего не помешает сесть на самолёт и прилететь к тебе в гости в любой день.

— Обещаешь?! — Обещаю! — горячо заверила её.

Рада поспешила обнять меня, я, чувствуя, что вот-вот разрыдаюсь, погладила её по голове.

— А Брон тоже будет прилетать?

— Конечно, — кивнула я, подумав, что Коршунов будет рад этому.

— Даже когда... — Рада посмотрела в окошко и затем на меня. — Даже, когда вы

поженитесь?

— А-а... — меня бросило в жар, и сковала дикая растерянность. — Ну-у... да...

В голове у меня как будто взрывались петарды.

ЧТО?! Что за странный вопрос?! Причем тут... Зачем... С чего она взяла, что мы?.

Почему такое спрашивает?! С чего Рада такое придумала?!

Меня захлестнуло бурное волнение, мгновенно участилось сердцебиение. Я открыла рот, чтобы спросить Раду, откуда она взяла, что мы можем пожениться, и тут дверь открыл Брон.

— Ну вы выходите, или как? — спросил он.

Он подал руку Раде, а затем мне.

Я всё ещё пыталась отойти от вопроса маленькой девочки. В голове у меня кружились вихри, и бушевала буря из противоречивых эмоций и чувств. Что?! Что она такое у меня спросила?! Какое нафиг «поженимся»?! Откуда Рада такое взяла?! Я смогла убедить себя, что это скорее желание маленькой девочки, которая увидела в нас с Броном подобие родителей. И всё. Ничего больше.

Рада сунула мне свою маленькую ладошку, а другую подала Брону. Я старалась не думать, как это выглядит со стороны.

— Рада, — сказала я, когда мы подошли к Ореховым, — познакомься... Это Вера и Пётр Ореховы... Они станут для тебя мамой и папой.

— Привет, Рада, — Вера с готовностью наклонилась к Раде и искренне улыбнулась девочке. — Мы тебя очень сильно ждали... Пойдёшь к нам?

Рада с секунду молчала, испытующе глядя на Веру, а затем спросила:

— А вы будете мне читать?

— Конечно, солнышко, — глаза Веры заблестели от слёз, — всё, что только ты захочешь... А потом я научу читать тебя.

— Правда?! — глаза Рады зажглись от восторга.

— Правда, кроха, Вера — учительница в школе, — усмехнулся Пётр и, подойдя к Раде, присел возле неё.

Мужчина протянул широкую ладонь девочке:

— Очень приятно с тобой познакомиться, Рада.

Мы с Броном чуть отступили назад, предоставив Ореховым общаться с Радой. Я улыбалась, глядя на то, как Вера и Пётр наперебой ворковали со смущенной Радой. Она явно им понравилась, и они, правда, готовы были подарить ей всю ту любовь и заботу, которую дарили Катерине. И нашли в Раде то, что потеряли... И кажется, Рада, тоже сможет найти у них то, чего ей не хватало все эти годы.

— Я пообещала ей, что мы с тобой будем прилетать к ней в гости, — вполголоса сообщила я Брону.

— Знаю, я тоже, — кивнул он и усмехнулся. — Представляешь, она спросила, будем ли мы с тобой прилетать, когда поженимся?

Он улыбнулся.

— Глупышка...

— Да... — пробормотала я, чувствуя, как запылали мои щеки, — глупышка...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 30 января.

Его расстреливали вспышки фотоаппаратов. Неугомонные журналисты толпились перед кафедрой в конференц-зале. Звуки щелчков камер, шорох одежды и скрип ручек по блокнотам сливались в единую волну звуков, эхом растекающуюся под сводами просторного зала в управлении Уголовного розыска.

— Помимо этого, — Корнилов опустил взгляд на лист с речью, который для него написала пресс-секретарь УГРО, — я хочу сделать заявление, что в результате оперативно-следственных мероприятий УГРО удалось найти свидетеля, который наверняка знает имя и фамилию преступника, виновного в смерти четырёх адвокатов, нанятых Елизаветой Гольшанской.

Толпа журналистов, только что с бурной реакцией пережившая новость об аресте Гольшанских, снова оживилась.

— Виновный будет арестован, как только Диана Злотникова сможет говорить.

— Господин подполковник! — поднял руку один из журналистов.

— Да? — спросил Стас, кивнув ему.

— Вячеслав Рыбников, «Московский курьер», — представился мужчина, — скажите, а какова гарантия, что ваш источник назовет имя настоящего убийцы.

— Гарантия в том, что Диана была лучшей подругой Людмилы Елизаровой, когда они ещё учились в школе, — ответил Стас, — и она имеет все шансы знать, кто преследовал её школьную подругу все эти годы.

— Господин подполковник, — руку нетерпеливо подняла блондинка в блейзере винного цвета.

— Да, прошу вас, — кивнул Стас.

— Полина Зубова, «Русский корреспондент». Что вы намерены делать, если, как в случае с Гольшанскими, преследователем Людмилы тоже окажется очень влиятельный и богатый человек.

Стас пожал плечами.

— Как вы уже сумели убедиться, данные обстоятельства не позволяют человеку избежать заслуженного наказания.

Это была тяжелая и изматывающая конференция. Для Стаса все эти встречи с ненасытными журналистами, все эти прес-конференции были изнуряющими. Корнилов ненавидел всю эту болтовню и обмен выпадами между журналистами и полицией.

Он скорым шагом направлялся в свой кабинет, когда к нему присоединился Коля.

— Он пришел на конференцию? — спросил Стас, не глядя на капитана.

— Ещё бы! — усмехнулся Домбровский. — Вылетел из зала, когда ты сказал, что Диана была школьной подругой Людмилы.

— Отлично... — протянул Стас.

— Думаешь, он прямо сейчас захочет убить Злотникову? — спросил Коля.

— Нет, — качнул головой Стас, — он организованный психопат. Им свойственна крайняя расчетливость, но не чужда импульсивность. Другими словами, он не будет действовать наобум, но и выдержки ждать у него нет.

— Надеюсь, что ты прав, — вздохнул Коля.

— Ты наших предупредил?

— Да, — кивнул Домбровский, — они на месте. Ждут.

— Отлично, — Стас ускорил шаг.

С наступлением ночи жизнь в одной из городских больниц столицы постепенно стихла до уровня шепота в коридорах и едва слышно работающего телевизора в сестринской. В палатах погас свет, темнота сгустилась в коридорах. Дежурный врач то и дело поправляя очки и волосы, неторопливо шел по больничному коридору и заглядывал в палаты к спящим пациентам.

Его правая рука оставалась в кармане халата. Доктор заметно нервничал и оглядывался на посторонние шумы.

Он в который раз остановился возле очередной палаты, глубоко вздохнул и посмотрел на закрытое жалюзи темное окно палаты. На его поверхности тускло сияли горящие в коридоре лампы и бледнело отражение самого доктора.

Врач оглянулся и осторожно вынул правую руку из кармана. Его пальцы судорожно сжимали небольшой чёрный пистолет.

— В принципе, — Домбровский наклонился к Стасу, — мы уже можем его брать.

— Нет, — качнул головой Стас, — он должен выстрелить...

— Стас, это риск, — по голосу Коли было слышно, что он волнуется.

— Он ведь не идиот, Коль, — не спуская взгляда с мониторов скрытых камер, ответил Стас. — и он не сунулся бы сюда вот так, сломя голову, если бы не был уверен, что Диана в палате.

— А если он нашу сотрудницу пристрелит? — спросил Домбровский.

— Да нет, — отмахнулся Стас, — там опытная девушка, и она знает своё дело. Тем более она в жилете и начеку.

Стас поднёс рацию ко рту. Выждал, когда человек на экране мониторов крадучись войдет в палату, где должна была находиться Злотникова, и произнес в рацию:

— Готовность один, объект возле приманки. Работаем по моей команде.

— Есть, — почти хором прозвучали в ответ несколько голосов.

Коля взволнованно поёрзал, наблюдая за тем, как их Гость входит в палату.

— Стас, пора... — простонал он, отчаянно нервничая.

— Сначала он должен открыть огонь, — ответил Стас, — иначе СКР его отмажет.

— Твою мать, — выдохнул Коля.

Стас похлопал его плечу. В молчаливом напряжении они наблюдали за темным призрачным силуэтом в белом халате. В камерах с режимом «ночного видения» он выглядел довольно жутко.

Коля судорожно вздохнул, когда Объект встал у кровати, где должна была лежать Диана, и поднял пистолет.

Мгновение. Стас успел почувствовать лишь два быстрых удара сердца, как пистолет в руке Гостя несколько раз беззвучно дёрнулся.

— Начали! — рявкнул Стас в рацию и выбежал из комнаты, где они сидели с Колей.

Он стрелял с мрачным ожесточением, желая расстрелять эту болтливую дрянь, которую УГРО непонятно как отыскали!

«Сама виновата» — со злостью думал Он, нажимая на спусковой крючок пистолета снова и снова.

Третья пуля из его пистолета ещё не достигла цели, как в палате вспыхнул свет, что-то шелохнулось под одеялом в постели, и в тот же миг резкая боль вспорола его левую голень. Раненый в ногу мужчина вскрикнул, выругался, пошатнулся и упал.

Он увидел, как из-за кровати быстро поднимается женщина в темном бронежилете и темных брюках. В её вытянутых руках темнел направленный на него пистолет.

— Уголовный розыск! Брось оружие! — гневно вскричала она.

В тот же миг в палату ворвались ещё пятеро мужчин, они окружили его, один из них ногой выбил пистолет из его руки, а другой повалил на пол и заломил руки. Гость почувствовал, как на его запястьях сомкнулись обжигающе холодные кольца наручников.

А затем в палату вошел Корнилов. Гость, лежа на полу, поднял на него удивленный и свирепый взгляд.

— Ты!.. — выдохнул он. — Подполковник! Это всё ты!!! Это ты подослал эту белобрысую маленькую с**у, чтобы она!.. А я, как debil, арестовал Гольшанских! С**а!!! Чтоб ты сдох!!! Ты же знал!.. С**а!!! Ты все знал!!! Ты специально все подстроил!!! Ублюдок! Чтобы ты сторел!!! Ненавижу тебя!..

— Хватит истерить, Карабанов, — сухо бросил Стас. — Ты сам себя погубил, когда начал преследовать Людмилу.

— Пошёл ты!!! Ты ничего обо мне не знаешь! Мы с ней созданы друг для друга!!! Она моя! Моя!!! МОЯ!!!

— Можешь думать так, сколько тебе угодно, это законом не запрещено, — ответил Стас, с презрением глядя на бьющегося в гневной истерике Евсея Карабанова, — в любом случае, с Людмилой ты вряд ли ещё раз свидишься. Разве что она захочет навестить тебя, чтобы лично плюнуть в лицо.

Карабанов, впав в совершенное безумие, попытался дотянуться до Стаса. С безумным оскалом и выпученными глазами он выглядел не столько страшно, сколько просто... жалко и мерзко.

— Уведите его, — велел Корнилов сотрудникам Уголовного розыска, затем Стас посмотрел на широкоплечую высокую женщину, которая играла роль приманки. — Ты как? Не ранена?

— Всё нормально, — самодовольно усмехнулась та. — Но синяки останутся. С вас причитается, товарищ подполковник.

— Сочтемся, — кивнул Стас с одобрительной улыбкой. — А пока можешь две недели наслаждаться заслуженным отпуском.

— Вау... — выдохнула женщина-полицейский. — Теперь я буду знать, что для отпуска в Уголовного розыске нужно дать себя подстрелить.

Стас и Коля с понимаем рассмеялись.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Воскресенье, 31 января.

— Роджеровна, ты уже опаздываешь...

— Лера, ну не мешай пожалуйста! Я знаю! — я нервно и нетерпеливо замахала руками, стоя перед зеркалом. — Я почти готова!..

— Хватит уже прихоращиваться! — Логинова упёрла руки в бока. — Мать, у тебя

парень из тюрьмы вышел!..

Она хихикнула и продолжила:

— Бедняга срок отмотал! А ты тут заставляешь ждать!..

— Лера!..

— Вали давай на свидание! — Лерка выхватила у меня из рук валик для одежды.

— Ладно... — я повернулась спиной к зеркалу и внимательно осмотрела себя сзади, задержав взгляд на новых джинсах, а затем взглянул на Лерку. — Как я выгляжу? Я встала перед ней и улыбнулась. Логинова вздохнула, окинула меня с ног до головы критичным взглядом и, покачав головой, заявила:

— Как Мать драконов до того, как сожгла Королевскую гавань!..

Я со смешком фыркнула.

— Оригинальный комплимент.

Лерка пожала плечами:

— Кто тебе ещё скажет такой комплимент, кроме лучшей подруги.

— Спасибо, Лерка! — засмеялась я. — Ты точно не против, что я возьму твой Форестер?

— Нет, — ухмыльнулась Логинова, — из нас двоих у меня больше шансов угробить мою машину. Давай уже дуй, принцесса.

Она обняла меня на прощанье, чмокнула в щеку и открыла мне двери:

— Пока! — бросила я ей.

— Пока... — ответила Лерка. — Роджеровна!..

Я замерла на лестнице, обернулась на Логинову:

— Что?..

— Дома в одиннадцать! — пригрозила мне пальцем Лерка.

Я громко захихикала.

— Хорошо, «мамочка»!

— Я серьёзно, Роджеровна! Я сегодня рано отрублюсь! Потому что из-за тебя я последние несколько ночей нормально вообще спать не могла! Всё думала, что с тобой!..

— Всё будет хорошо!

— Счастливо провести время! — пожелала мне Лерка и закрыла дверь.

Сегодняшний вечер выдался особенно прекрасным. Может быть, конечно, дело было в моем радостном и нетерпеливом волнении, но сегодня всё вокруг, люди, осыпанные снегом деревья, падающий с неба снег, машины, фонари, яркие витрины магазинов — всё соответствовало моему внутреннему миру! Как будто огни вечерней Москвы сияли в такт радостным нотам моей души! Как будто весь мир вокруг сопровождал моему окрыленному счастью, что несло меня вперед!

Я на всех парах летела вперед, мои волосы белой гривой развевались на волнах набегающего ветра, ветер трепал полы моей куртки. Не обращая внимания ни на снег, ни на ветер, я спешила вперед и жалела, что не могу буквально взлететь, чтобы облететь прорву людей, заполнивших воскресным вечером парк Горького.

— Извините... Разрешите... Простите... — я старательно и быстро обходила прохожих и влюбленные пары.

Я была одержима пламенным желанием увидеть его, оказаться рядом, увидеть его глаза, ощутить прикосновение его рук и обнять его!

— Извините... Позвольте, пожалуйста... — я старательно обошла шумную компанию парней и девушек.

И тут я увидела его. На миг я замерла, он поднял взгляд, и у меня вздрогнуло сердце. В следующий миг я сорвалась с места и бросилась к нему. Мирон, сжимая в руках букет цветов, рванул мне навстречу. Расстояние между нами сокращалось, мы не замечали ничего вокруг, мы мчались друг к другу, мои глаза смотрели в его. И больше для нас не существовало ничего.

Я почти добежала до него, я почти поймала его руку, но в этот миг с криком поскользнулась. Я бы обязательно упала, если бы пара сильных рук вовремя не поймали меня... и не прижали к себе.

Я с готовностью прильнула к нему, закинула руки на его шею, и мы утонули в долгом, ненасытном, наполненном неутолимыми взаимными чувствами поцелуе. Я чувствовала вкус губ Мирона и позволяла себе тонуть, падать и растворяться в нём. Я блаженно млела и горела, прижимаясь к нему и целуя его настойчивые, требовательные губы.

— Молодёжь, вы бы хоть поднялись на ноги что ли... что вы тут расселись... — проворчал какой-то прохожий.

Я нехотя отстранилась от губ Мирона и огляделась. Оказывается, Мирон стоял на колене, а я повисла у него на руках. Господи, какой конфуз! Ещё все так смотрят...

Мирон помог мне подняться, взял за руку, и мы отошли в сторону.

— Принцесса... — выдохнул он трепетно и тепло, счастливо улыбнулся. — Последние несколько дней я жил только желанием увидеть тебя и...

— Замолчи, пожалуйста, — выдохнула я и снова прильнула к его губам.

Он обнял меня, крепче притянул к себе, и время вокруг снова застыло для нас в мгновении нашего сладостного поцелуя.

И пусть это все выглядит и звучит до ужаса банально и восторженно, всё что я сейчас хочу, это — целовать Мирона, чтобы он обнимал меня, чтобы мы просто были вместе. Всё.

А остальное... Остальное подождёт.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 1 февраля.

Решетка со скрежетом отъехала в сторону, и Стас прошёл по мрачному коридору следственного изолятора. Он остановился перед комнатой для допросов и подождал, пока дежурный офицер откроет ему дверь. Когда Стас вошёл внутрь, он увидел сидящего в комнате мужчину в оранжевой тюремной робе. Тот, опустив голову, глядел на стол и нетерпеливо постукивал пальцами по столешнице. Стас подошел к столу и положил на него папку с документами по делу Гольшанских.

— Привет, Орест. Скучал?

Орест Гольшанский, он же Сумеречный Портной, поднял на Стаса взгляд и ухмыльнулся.

— А как же, подполковник, — ядовито прошипел он. — Ещё больше я жалел, что так и не успел добраться до твоей прелестной дочурки. Куда ты её спрятал, кстати?

Против воли Стаса по его спине скрежетнул мерзкий холодок при одной только мысли, что это чудовище могло оказаться рядом с Алиной.

— А я уж начинал верить, что эти даты, совпадающие с именинами моей дочери, просто случайность.

— О, нет, — с фальшивым сожалением покачал головой Орест. — Конечно, нет... Я собирался убить её. А то, что я выбирал девочек, с таким же днем рождения, как у твоей дочери, должно было хорошенько напугать тебя, измотать, заставить тебя бояться и просыпаться в поту по ночам...

Он мечтательно улыбнулся, глядя на Стаса.

— И вот тогда бы я пришёл за ней... Это случилось бы в один из тех дней, когда ты меньше всего бы этого ждал... Какой-нибудь день, когда вы все были достаточно счастливы, чтобы испытать боль... Я хотел, чтобы это был один из самых счастливых дней для твоей дочери, Корнилов. Мне было бы приятнее убивать её, зная, что для неё сегодняшней день начинался, как самый счастливый...

Он злорадно ухмыльнулся и жадно сглотнул, глядя на Стаса.

— Уверяю тебя, что ты бы пожалел об этом, — холодно ответил Корнилов.

— Да что ты? — язвительно бросил Портной. — Ты бы убил меня? Ха! Как банально! Я не боюсь смерти, Корнилов...

— Знаю, — Стас открыл папку и поднял взгляд на Ореста. — Поэтому я бы отдал твою женушку зекам, например, мигрантам из Юго-Восточной Азии... Как считаешь? Ты бы смог смотреть на то, что они с ней делают?

Ухмылка сползла с лица Ореста.

— Ты этого никогда не сделаешь, подполковник.

— Ты забываешь, что угрожал моей дочери, — каменным голосом проговорил Стас.

И тут Орест побледнел.

— Н-не... не трогай её... не смей... — голос Ореста задрожал. — Хочешь, хоть шкуру с меня сдери, только не трогай Клару!

— Удивительно, — прокомментировал вслух Стас, — первый раз вижу, чтобы такой ублюдок, как ты, любил кого-то больше себя. Зачем ей было это нужно, а? Давай, рассказывай.

Орест вздохнул.

— Ты не поймешь... Ты не видел, что с ней происходило... Она... Она просто леглась и умерла...

— Она... — Стас сделал паузу. — Она старела при этом? Её волосы седели?

— Что?! поморщился Орест. — Нет! Нет, конечно!.. Хотя... Она думала, что стареет и говорила, что ощущает, как её покидают силы... Не знаю, насколько это правда, но её взгляд тускнел, она переставала есть, спать, а через какое-то время и говорить... Она оставалась красивой, совершенной, но... как будто почти мёртвой...

Значит, подумал Стас, Ника тогда видела то, как Клара представляла себя в то время, когда ей становилось плохо, когда ей казалось, что она умирает. Клара, видимо, внушила себе, что она превращается в дряхлую старуху, скорее, это происходило у нее в голове и смешалось с реальностью. Поэтому Ника всё это и увидела тогда.

— Мне было жаль её... Я не знал, чем помочь моей жене! — простонал Орест.

— И тогда ты начал убивать, — проговорил Стас.

— Да, — кивнул Орест, — Клара сказала, как это... как это всё должно быть... я сперва отказывался, правда! Клянусь!.. Я не хотел марать руки в таком дерьме, подполковник! У меня были деньги, карьера и блестящие перспективы!.. Но... я люблю эту женщину больше

жизни, а ей... для того, чтобы она жила... ей были нужны эти девочки... Их жизни... Ты бы видел, какой восторг она испытывала после первого раза...

Стас ощутил, как у него на затылке шевельнулись волосы. То, что описывал Орест, выглядело одновременно до невероятного дико и жестоко! Корнилов весьма живо представлял себе, как Клара радовалась и смеялась, глядя на подвешенные тела мёртвых детей.

Корнилов откашлялся. Он хотел выкинуть это из головы и сосредоточиться на фактах.

— Какие изменения происходили с Кларой после убийств?

— Какие? — шепотом переспросил Орест. — Да она менялась на глазах, подполковник!

Она оживала! Она смеялась, пела, танцевала и... любила меня. Так горячо и рьяно, до безумия. Она становилась той Кларой, которую я полюбил... О, подполковник, после первого же раза, я подумал, что мне неважно скольких мелких с**ек будет убито, лишь бы только Клара была... такой счастливой!

В глазах Ореста заблестели лихорадочные огоньки.

— Эти девочки — чьи-то дочери, — напомнил Стас.

— Плевать, — скривился Орест. — Для меня важна только она.

— Понятно, — кивнул Корнилов. — Продолжим...

Разговор с Орестом выдался коротким, но тяжелым. Он убеждал Стаса приписать всю вину ему, а Клару отпустить, но Стас, понятное дело, отказался.

Для следующего ещё менее приятного разговора Стасу пришлось сесть в автомобиль и проехать несколько километров к другому СИЗО, где содержалась под стражей Клара Гольшанская.

Перед дверью в комнату допросов, где она ждала его, Стас помешкал. Он вспомнил тот день, когда он, вместе с Сеней и Никой побывал в «Чёрном дельфине». Стас вспомнил, что происходило с ним и Сильвестром. Корнилов старался держать себя в руках, но все равно ощутил давящее, тягостное чувство угрозы. Чувство неотвратимой опасности. Корнилов никому бы никогда не признался в этом, но сейчас ему было... страшно.

Нет, он не собирался падать в обморок и биться в истерических припадках. У него не будет дрожать голос, и колени трястись не будут. Ни за что.

Но... скорее, он отдавал себе отчет, что в отличие от мужа, Клара опасна, даже будучи в наручниках и за решеткой.

Отогнав пугающие мысли, Стас всё-таки вошёл к ней в комнату.

— О-о, — хитро улыбаясь, протянула Клара, — Подполковник Корнилов, какой сюрприз! Я уж думала, вы забыли про меня. Мы так давно с вами не виделись.

— Рот закрой, — бросил ей Стас.

Эта баба бесила его, и он боялся, что может не сдержаться.

— Как грубо, — наморщила носик Клара.

— Как ты заслужила, — не меняя тон, ответил Стас и сел напротив неё.

— Главный вопрос, — сказал Корнилов, посмотрев в папку с документами, — Зачем?

Стас поднял на неё взгляд. Клара лишь омерзительно улыбалась.

— Я думала, что Орест вам уже всё объяснил.

Стас не стал спрашивать, откуда ей это известно.

— То есть, ты требовала убивать девчонок, чтобы... чувствовать себя лучше?

— Эти девочки, они... как лекарство для меня, — ухмыльнулась Клара, — они должны

были умереть, чтобы помочь мне...

— А яснее? — потребовал Стас.

— Да всё просто, — усмехнулась Клара, — только вбирая в себя их жизнь, я могу сама жить дальше. В противном случае умру я.

— Ты оказала бы всему миру неоценимую услугу, — мрачно произнес Стас.

— А вы жестоки, подполковник, — притворно вздохнула Клара.

— Слушай, ты же не ждёшь, что я поверю во всю эту чушь, — произнес Корнилов. — Признайся, тебе нравилось это, ведь так? Ты просто получала моральное удовольствие от гибели этих малышей, ведь так? И ты поспешила придумать себе мистическое оправдание этому. Чтобы, образно говоря, договориться со своей совестью. Ведь даже у такой твари она должна быть. Хотя бы немного.

— Какой упрямый скепсис, — снова вздохнула Клара, — вы мне не верите... и это при том, какое милое синеглазое создание часто сопровождает вас...

Стас вздрогнул и понадеялся, что Клара этого не заметила. Ему было страшно, что эта рыжеволосая ведьма знает о Нике.

— При чем здесь она? — хмыкнул Стас. — Речь о тебе, Клара, и о том, что ты творила...

— При том, — сладкоречивым голосом перебила его Клара, — что эта твоя девочка способна на то, что мне даже не снилось, подполковник.

— Что?.. — не понял Стас. — О чём ты говоришь?

— О-о, — улыбнулась Клара. — Подполковник, да ты похоже не представляешь, кого пригред рядом с собой, ведь так! Да... не знаешь... Ты, наверное, думаешь, что твоя синеглазая девочка просто какой-нибудь экстрасенс? Наподобие тех неуклюжих придурков, которых снимают в шоу для миллионов других наивных придурков.

Она улыбнулась шире, с торжеством и превосходством.

— Да, ты не знаешь... Знал бы...

Она вдруг резко наклонилась вперёд, заставив Стаса чуть податься назад, и прошипела яростно:

— Давно бы бежал от неё без оглядки!

— Что ты имеешь ввиду? — ровным голосом спросил Стас, глядя в черные глаза Клары.

— Что тебе нужно держаться подальше от этой беленькой, синеглазой девочки. Её силы... Они будут расти год от года, и малышке станет все труднее контролировать их... Когда-нибудь её сущность вырвется наружу, и тогда тебе и всем, кто будет с ней рядом, придется о-очень горько и тяжело...

— Да что ты несешь! — рыкнул Стас.

Клара откинула голову назад и безумно захохотала. Её залиvistый смех эхом разлетелся по зданию тюрьмы, а по телу Стаса прошла щекотная дрожь.

Он взял папку с документами дела и вышел из комнаты. Пока он двигался к выходу, звонкий сумасшедший смех Клары преследовал его до самого порога.

Генерал Савельев поставил чашку с кофе на стол и круговым движением головы размял шею.

— Мне звонили из СКР, требуют передать им Карабанова.

— Кто бы сомневался, — проворчал Стас.

Аспирин перевёл на Корнилова задумчивый взгляд.

— Ты с ним говорил?

— Нет, он отказывается, — ответил Стас. — Да и незачем. Всё и так ясно. Он был одержим Людмилой. Чтобы получить способ к личным данным, пошел служить в полицию, и стремился в самую сильную правоохранительную структуру, наравне с ФСБ. Потом заставил старшего сводного брата установить камеру в комнате Людмилы и подглядывал за ней, наверняка, при этом агрессивно мастурбируя.

— Совсем свихнулся... — фыркнул генерал.

— Ещё и письма ей слал, — добавил Стас, — хотел, чтобы она знала, что он рядом. Ему нравилось, что девушка чувствует его присутствие.

— Да... Но ты ведь его за это не посадишь?

— Я посажу его за покушение на убийство Дианы Злотниковой, — заверил Стас, пожав плечами. — И деваться ему некуда.

— СКР хотят сами вести это дело.

— Обойдутся, — прорычал Стас. — Пусть обращаются в Министерство внутренних дел.

— Они, вообще-то, отчитываются непосредственно перед президентом.

— Это не поможет им оправдать Карабанова, — ответил Стас. — В противном случае я сделаю так, что дело Карабанова станет достоянием всех наших СМИ.

— Серьёзная угроза, — засмеялся генерал. — Мне кажется, у тебя ещё и личные мотивы к Карабанову.

— Ну что вы, — не глядя в глаза Аспирина, ответил Стас. — Какие ещё личные мотивы, товарищ генерал.

— Какие-какие, — проворчал Антон Спиридонович, — белобрысые и синеглазые, вот какие!

— Она здесь не при чем.

— Сделаю вид, что поверил тебе, — кивнул Аспирин. — Тут ещё проблема с прессой?

Стас мысленно застонала.

— Что им опять нужно.

— Тот поезд, Стас, — вздохнул Аспирин. — Пресса допытывается, что там случилось.

Стас в ответ сжал кулаки.

— Мы успели обезвредить одного из террористов, но упустили второго... Очевидно, он выбросил бомбу на пути следования в заранее оговоренной точке, а затем активировал взрыв.

— У нас четыре десятка погибших, Стас, — покачал головой Аспирин. — Пресса винит УГРО, полицию, СКР и даже ФСБ.

— Стоит попробовать натравить их на Елизавету, ведь это её вина. Жаль только, что деньги Гольшанских нельзя разделить между семьями погибших.

— А знаешь, — подумал Аспирин. — Хорошая идея.

— Товарищ генерал, Елизавета никогда на это не пойдет.

— А как насчет Сильвестра? Думаешь, он откажется дать хотя бы пару-тройку миллионов своей внучке? А Раду мы смогли бы убедить пожертвовать эти деньги семьям, чьи родные погибли в этом поезде. Что думаешь?

— Можно попытаться, — вздохнул Корнилов, — Я могу идти?

— Да, но... Стас, тут ещё жалоба пришла от полковника Датского. Прочитаешь?

— Нет, — чуть скривился Стас, — я бы скорее распечатал её и... употребил по назначению в ближайшем сортире.

— Пожалуй, так и скажу Датскому, если он ещё раз мне пришлет эту хрень, —

усмехнулся генерал. — Поздравляю, Стас. Хорошая работа.

— Я бы один не справился, товарищ генерал, — серьёзно сказал Корнилов.

— Нике тоже передай мою личную благодарность.

— Непременно. Разрешите идти?

— Иди, — разрешил генерал.

АМАЛИЯ МАРСОВА

Среда, 3 февраля.

Летящие с неба снежинки липли к лобовому стеклу автомобиля. Затяжной снегопад как накрыл столицу с понедельника, так и продолжался каждый день с небольшими перерывами.

Амалия остановила автомобиль на парковке перед зданием СИЗО.

Заглушив мотор, Амалия поправила зеркало заднего вида и посмотрела на сидящую сзади девочку лет десяти.

— Кира, — сказала она, — мне нужно будет отлучиться... на полчаса. А когда я вернусь, поедem к папе. Хорошо?

— Хорошо, бабушка, — Кира перевела взгляд на возвышающееся рядом здание изолятора. — А с кем ты здесь встретишься?

Амалия уже взялась за ручку двери и замешкалась.

— Со своей... со своей старой знакомой, — неловко закончила она. — Посиди, пожалуйста. Я быстро. Обещаю.

Амалия вышла из машины и закрыла дверцу. Её сердце беспокойно стучало в груди, пока она приближалась к светло-серому зданию следственного изолятора.

— И что, интересно, ей такого понадобилось, что она попросила о срочной встрече, — ворчливо проговорила вслух Амалия, подходя к воротам территории СИЗО.

Её пропустили внутрь, и вскоре она уже сидела в комнате для свиданий.

Амалия перебирала в голове возможные варианты причин для того, чтобы Клара потребовала встречи. Да ещё таким наглым тоном!

«Да, я ей обязана...» — размышляла Клара — «она тогда почти сорок восемь лет назад спасла моего сына, но я уже расплатилась за тот долг и ничего более ей не должна!»

С едва слышимым шорохом открылась дверь, и в комнату вошла Клара Гольшанская.

— Здравствуй, Амалия, — губы Клары расползлись в омерзительной улыбке.

— Говори, что ты хотела, Клара, — холодно сказала Амалия. — У меня мало времени.

— У меня для тебя новости, Амалия, — усмехнулась Клара, и глаза её нехорошо блеснули.

— Что за новости? — правая бровь Амалия приподнялась вверх.

— Ты ведь знаешь подполковника Корнилова, не так ли?

— Я с ним встречалась.

— Да, я тоже, и вот результат, — засмеялась Клара показав руки в наручниках.

— Клара, ближе к делу, — потребовала Марсова.

— Ладно... — Клара покачала головой. — Я не вполне ещё уверена, но...

— Клара, хватит тянуть! — повысила голос Амалия. — Я тебя знаю и твои выходки терпеть не собираюсь!

— Ладно, тогда, полагаю, ты не захочешь мне верить, что я, кажется, нашла... одну из Первых.

Амалия вздрогнула и тут же замотала головой.

— Что?! Первая? Ты бредишь, Клара, Первые вымерли все до единого! Их не осталось Оба двора погибли!

— Мы обе знаем, что достоверных подтверждений их уничтожения нет.

— Ну и кто это?

— Синеглазая девочка, которая ошивается рядом с Корниловым.

Амалия внимательно смотрела в глаза Кларе.

— Амалия, не надо лезть в мою голову, — засмеялась Клара, — я тебя туда не пущу.

— Тогда, почему я должна тебе верить? спросила Амалия. — С чего ты решила, что она Первая...

— Да потому что, когда она сорвала мой ритуал, я пыталась убить её и... — Клара замолчала, осознав, что внезапно потеряла контроль над собой.

— И что было дальше? — осторожно спросила Амалия.

— Дремавшая в девочке сила, пробудилась и чуть не убила меня! Я никогда ничего подобного ещё не встречала! И... Чёрт, Амалия, ты помнишь один из главных признаков присутствия Первых?

— Да, резкие погодные и климатические изменения, а также...

— Там была глухая ночь с низкой облачностью, и вдруг... на небе выступили звёзды, а она, эта синеглазая выскочка, как будто вбирала в себя их свет и направляла его прямо на меня.

Клара опустила голову, и плечи её затряслись.

— Она чуть не сожгла меня эти светом, Амалия.

Марсова молчала. Она знала Клару давно и могла определить, когда та лжет, когда боится, и когда ей тяжело. И сейчас Клара боялась, она не врала, и ей было чертовски тяжело от мысли, что она едва не погибла.

— Клара, я допускаю, что эта девочка могла быть одной из нас, но...

— Да ты вообще меня слушаешь?! — вскричала Клара. — Она просто смела меня! Ты вообще представляешь, что такое разогнать тучи и призвать свет звёзд... или как там это называлось...

— Гнев Созвездия, — с задумчивым видом ответила Амалия и посмотрела в окно. — Именно так называли это умение Первые...

— Если мне не изменяет память, это умение Белого двора.

— Да.

— Ну, — усмехнулась Клара, — могло быть и хуже...

— Клара, — Амалия закрыла глаза, — если ты права, то хуже уже быть не может. Потому что, где Белый двор, там и... Красный.

Клара грязно выругалась, а Амалия отвела взор к окну. Снегопад снаружи усилился.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigoed.net